

II-9.
M-84.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Федоромъ Кони.

8010 7057

ТОМЪ VI.

11.

НОЯБРЬ — КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 7-го 1852.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

Оглавление шестого тома.

Книжка одиннадцатая, ноябрь.

I. Изящная словесность.

1. Замужняя невеста. Комедия в трех действиях Корженевского (С. 3-40).
2. Простая история. Повесть. (С. 1-24).
3. Тескольское ущелье. Роман в двух частях В. И. Савинова. (С. 1-42).
4. Проказник. Норвежская сказка. (С. 1-16).
5. Три стихотворения Н. Д. Хвощинской. (С. 1-4).

II. История и теория искусства.

Трагедии Шекспира на сцене и в чтении. Статья Чарльза Ламба. (С. 1-12).

III. Театральная летопись.

Русский театр в Петербурге.

1. Черное домино, или Таинственная маска. Комедия в трех действиях, с пением, соч. Скриба. (Дебют девицы Гольц). «Дитя тайны». Фарс-водевиль в одном действии, переделанный с французского Н. А. Сабуровым. Дивертисмент из декламации, пения, танцев и живых картин. (Бенефис г-жи Вальберховой). (С. 1-4).
2. «Современный расчет на счастье». Оригинальная драма в двух картинах, соч. П. И. Калашникова. «Плащ, или сон мужа». Комедия в одном действии, в стихах М. А. Офросимова. «Дядюшка, Федор Иванович Русаков». Оригинальная комедия в одном действии соч. Г. И. К. «Солдат балагур, или Дружба-дружкой, а служба-службой». Оригинальная интермедия-водевиль в одном действии. Соч. П. Григорьева 1. (Бенефис г. Григорьева). (С. 5-6).
3. «Пир у поэта Катула». Сцены из римского быта, в стихах. Соч. гр. Данилевского. «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься». Комедия в двух действиях графа В. Соллогуба. «Туда и сюда, или Курьезный заказ». Водевиль в одном действии. Соч. Нестроя, переделанный с немецкого П. Каратыгиным. «Современная свадьба, или Возвращение с Нижегородской ярмарки». Интермедия в одном действии, с пением и плясками. (Бенефис Каратыгина 2). (С. 7-8).

IV. Провинциальные театры в России.

1. Несколько слов о размножении провинциальных театров. (С. 1-2).
2. Театр в Полтаве. Альфред фон-Юнк. (С. 2-11).
3. Херсонский театр. А. Афанасьев. (С. 11-14).
4. Вышневолоцкий театр. И. Филаретов (С. 14-19).
5. Харьковский театр. Спектакль 1-го сентября. Бенефис г. Алексеева. Н***. (С. 19-22).

V. Смесь.

1. Московские типы. (Посвящается Д. В. Григоровичу). С. К-н. (С. 1-16).
2. Странствование по суше и морям. Листки из записок бывалого человека, собранные В. Савиновым. (С. 17-48).
3. Поездка в Швейцарию летом 1852 года. М. М. Михайлов. (С. 49-71).
4. Летучие листки из записной книжки. Ф. Кони. (С. 71-78).
5. Понтоны. Рассказ Луи Гарнере. (С. 79-126).
6. Мавры в Испании и в Африке. Из современных записок доктора Триплина. Статья девятая. (С. 127-142).
7. Прогулка по России. Письмо из Астрахани. Петр Моряковский. (С. 143-150).

Современное.

1. Литература: Вильгельм Гауф и его сочинения. – Дом Дикенса. (С. 1-9).
2. Музыка, театры и искусства: Отчего Фенелла нема?. – Шнейцгефер. – Зонтаг в Нью-Йорке. – Опера на острове Куба. – Нового рода музыка. – Угольщик-музыкант. – (С. 9-14).
3. Открытия в науках а промышленности: Подводная лодка Пайерна. – (С. 14-15).
4. Мелкие рассказы и новости, анекдоты, замечательные случаи: Дикий мальчик. – Приписка в письме. – Быт богатого скряги. – Писатель и фабрикант. – История одной муфты. – (С. 15-22).

VII. Московский вестник.

1. Одиннадцатое октября. – Освещение бывшей придворной церкви в селе Измайлове. (С. 1-3).
2. Общественная жизнь: зима, собрание и балы, публичные и частные. (С. 3).
3. Театры: новости русской сцены; некоторые замечания; некоторые старые пьесы; некоторые ожидания; новости французской сцены. (С. 4-7).
5. Литература. Новые книги: роман г. Угр-ва. – Статья «Московских ведомостей». – Три книжки «Москвитянина». – Программа «Москвитянина». – О г. Григорьеве. Корреспондент «Пантеона». (С. 7-20).

VIII. Петербургский вестник.

1. Литература. Октябрьская книжка «Современника». – Бедность по отделу словесности. – Бесконечная Энеида. – Рассказ, который может не понравиться читателю. Как «Современник» следит за современностью – Последние книги «Отечественных записок». – «Искушение», повесть В. Крестовского. – Статья о средних ценах. – Неимение места в «Отечественных записках». – Разбор Космоса и Областного словаря. – Новая фантазия графини Растопчиной. – Характер Нины. – Г-жа Лейла и ее новая повесть. – Стихотворения г. Ильи Болтина в «Библиотеке для чтения». – Критика этого журнала, непризнающая критики. –

Похождения одного степного помещика, начавшиеся забавно, кончающиеся драматически, или комедия, превращенная в мелодраму. (С. 1-26).

2. Музыка. Городские слухи. – Гвидо Аретино XIX столетия. – Бальфе. – Мортье де-Фонтен. – Лешетицкий. – Мария Серато. – Тереза Миланолло. – Вильгельмина Клаус. – Приезжие артисты. – Musée musical. – Пестни Малороссии. – Паливода-Карненко. – Музыкальные вести. (С. 27-43).

3. Общественная жизнь. Объявления. – Страсть к дешевизне. – Папиросы с сюрпризами и лотерейными билетами. – Панорама Палермо. – Театр обезьян. – Панорама Миссисипи. – Живописные альбомы. – Бюсты и статуэтки г. Степанова. – Бег с препятствиями. – Костюмы. (С. 44-48).

IV. Реперту ар русской сцены. № 11.

Путешественник и путешественница. Комедия в одном действии, перевод с французского. (С. 1-28).

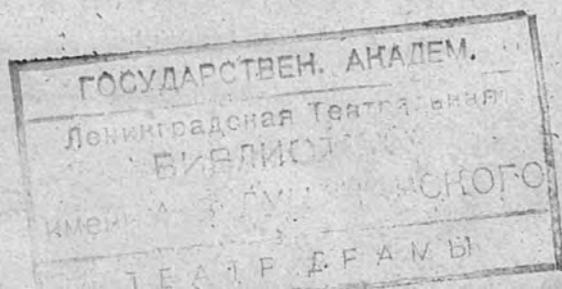
ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА.

КОМЕДИЯ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СОЧ. КОРЖЕНЕВСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

ПОЛКОВНИЦА.

ЛИДІЯ ПАРЛОВНА, ея племяница.

ЮЛІЙ ИВАНУЧЪ ЧУДИНЪ,

МАІОРЪ.

ЯКОВЪ, камердинеръ полковницы.

СОМА, лакей Чудина.

Дѣйствіе въ столицѣ.

0108

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ домѣ полковницы. На лѣвой сторонѣ круглый столъ, заваленный книгами, альбомами и бумагами. Напротивъ большое зеркало. На правой сторонѣ диванъ, передъ нимъ маленькій столикъ, у котораго сидитъ *Полковница* и вышиваетъ по канвѣ. Спустя немного, изъ боковой двери выходитъ *Лидія*.

I.

ПОЛКОВНИЦА и ЛИДІЯ.

ЛИДІЯ. Тетушка! посмотрите.... хороша ли я въ чепчикѣ?

ПОЛКОВНИЦА. Прелесть! Да что и говорить, хорошенькой женщиной чепчикъ всегда къ лицу. (*Смотритъ на нее съ улыбкой*). О, твой мужъ сойдетъ съ ума....

ЛИДІЯ. Вамъ весело шутить! А мнѣ—то каково. Мнѣ ужъ двадцать шестой годъ!

ПОЛКОВНИЦА. Ахъ, какая бѣда! Полно, глупенькая! За мужемъ дѣло не станеть.... А твой нерѣшительный поклонникъ, просто, сойдетъ съ ума, если узнаеть, что ты замужемъ.

ЛИДІЯ. А что, ежели онъ попрежнему останется такой—же рыбой?...

ПОЛКОВНИЦА. Ну ужъ извини! Я знаю навѣрное, что Чудинъ тебя любить безъ ума, безъ памяти.

ЛИДІЯ. Оттого—то вѣрно, онъ все и умничалъ и забылъ на мнѣ посвататься. Ужъ я—ли не старалась ему понравиться.... А онъ.... На себя досадно! Представьте, я ему даже намекнула.

ПОЛКОВНИЦА. Тото и плохо! Вѣрно, онъ твои намеки перетолковалъ по своему. О, теперь мужчины стали такъ разборчивы, что бѣда! Чуть намъ за двадцать за пять, то ужъ имъ кажется, что мы сами ради замужъ, только возьми! Они думаютъ, что тутъ не стоить и ухаживать за нами. Я знаю мужчинъ, какъ свои пять пальцевъ: сердце ихъ точно зажигательная спичка—оно непременно требуетъ чего-нибудь шереховатаго, чтобы вспыхнуть.

ЛИДИЯ. Это правда. Отомщу-же я теперь и за себя и за всѣхъ дѣвиць.... сведу его съ ума.

ПОЛКОВНИЦА. А если онъ не посватается?

ЛИДИЯ. Тогда уѣду въ деревню. Буду жить затворницей. Чепца и пеньюара не сниму, хотя бы вокругъ меня было двадцать баловъ; а если захочу показаться въ свѣтъ, то буду холодна и брюзглива, какъ старуха въ пятьдесятъ лѣтъ.

ПОЛКОВНИЦА. И прекрасно!.... А то сбавлять себѣ лѣта.... вертѣться какъ шестнадцатилѣтняя—смѣшно; а ты знаешь, быть смѣшной опаснѣе, чѣмъ быть пожилой; пока стараешься понравиться не понравишься. Съ мужчинами надо обходиться осторожно: не старайся имъ нравиться—и понравишься; будь къ нимъ равнодушна, и они засуетятся вокругъ тебя со всѣхъ сторонъ—тогда знай себѣ, выбирай любаго.

ЛИДИЯ. Ахъ, тетушка! Я ужасно глупа на этотъ счетъ, а все-таки предпочитаю всеѣмъ этого несноснаго Жюля!

ПОЛКОВНИЦА. Немудрено! Ужъ лучше его мужа тебѣ не найти. Молодецъ собою, прекрасно воспитанъ, богатъ, не вѣтренникъ и не эгоистъ.

ЛИДИЯ. О! тетушка! вы ужъ къ нему слишкомъ пристрастны! За Жюлемъ также водятся грѣшки: во-первыхъ, онъ мямля, нерѣшительный, все разбираетъ, критикуетъ, во всемъ ищетъ недостатковъ; а во-вторыхъ.... вообразите—онъ до того самолюбивъ, что больше вѣрить своему уму, чѣмъ женскому сердцу? Уморительный народъ, эти мужчины! Ихъ умъ!—А что такое ихъ умъ?—Флюгарка съ трещеткой—куда подуетъ—туда и повернется.

ПОЛКОВНИЦА. Гмъ!...

ЛИДИЯ. Ахъ, да! Смотрите-же, тетушка, не забывайте, что я вышла замужъ тому три мѣсяца, мужъ мой богатый помѣщикъ, человекъ чиновный, съ характеромъ, пожалуй, хоть генераль—для бѣльшей важности; а какъ онъ нездоровъ, то я прѣехала сюда хлопотать по его дѣламъ.

ПОЛКОВНИЦА. Чѣмъ-же онъ боленъ? подагрой, что-ли?

ЛИДИЯ. Ой, нѣтъ! Подумають, пожалуй, что я вышла за него по

разсчету. Нѣтъ, ужъ пусть онъ лучше будетъ здоровъ. А я пріѣхала сюда.... ну, просто—повидаться съ вами.

ПОЛКОВНИЦА. Ну, а какъ Чудинъ прежде времени узнаеть, что мужа у тебя вовсе нѣтъ, и что все это выдумка? Неровно, прислуга какъ нибудь проговорится.

ЛИДІЯ. Не беспокойтесь. Мои люди выучены. Они всю дорогу звали меня барыней. А часто у васъ бываетъ Жюль?

ПОЛКОВНИЦА. Почти что каждый день—забѣжитъ. Но всегда такой печальный, о чемъ-то все скучаетъ.

ЛИДІЯ (*съ испугомъ*). Ужъ не влюбленъ-ли?

ПОЛКОВНИЦА. Кто его знаетъ! Еще хорошо, что маіоръ его немножко развлекаетъ.

ЛИДІЯ. Маіоръ! А они все, попрежнему, неразлучны!... Но какая-же я вѣтренница! не спросила васъ про маіора!! Что онъ подѣлываетъ, нашъ добрый старичекъ? все-ли меня такъ любитъ? Здоровъ-ли онъ? Значитъ, я и его сегодня увижу?

ПОЛКОВНИЦА. Увидишь. Онъ еще не знаетъ, что ты пріѣхала.

ЛИДІЯ. Тѣмъ лучше. До свиданья, тетушка!

ПОЛКОВНИЦА. Куда-же ты?

ЛИДІЯ. Сама не знаю. Поѣду—на Невскій, пройдуся, освѣжусь.

ПОЛКОВНИЦА. Смотри, Юлій Ивановичъ скоро будетъ.

ЛИДІЯ. Для того-то я и уѣзжаю. Мнѣ-бы хотѣлось съ нимъ встрѣтиться на улицѣ.... пусть-бы онъ меня увидѣлъ.... я ему кивнула-бы головой.... такъ, слегка, разсѣянно, равнодушно....

ПОЛКОВНИЦА. Ты ужъ слишкомъ надѣешься на свой чепчикъ! Я тебѣ не совѣтую разыгрывать роль кокетки. Помни, что это твой дебютъ.

ЛИДІЯ. О, я знаю мужчинъ! Что они почитаютъ порокомъ въ дѣвицѣ, то, по ихъ мнѣнію, первое достоинство въ замужней женщинѣ. Дѣвица кокетка въ ихъ глазахъ чудовище, отъ котораго они бѣгутъ; замужнюю кокетку они называютъ une femme charmante, délicieuse, и поклоняются ей, какъ идолу....

ПОЛКОВНИЦА. Ну дѣлай, какъ сама знаешь. Только помни, если наша хитрость не удастся, намъ не будетъ прохода отъ насмѣшекъ.

ЛИДІЯ. Я сказала: не удастся, закабалюсь въ деревню, капусту сѣчь, грибы солить....

ПОЛКОВНИЦА. А я? Ты и не подумала.

ЛИДІЯ (*Цѣлуетъ ея руку*). Объ васъ скажутъ только, что вы по добротѣ своей позволили мнѣ играть комедію. Тс.... Мнѣ кажется,

кто-то идетъ. Ахъ, какъ сердце бьется.... Неужели я его такъ сильно люблю.... вѣдь это глупо.... неправда-ли те....

—

II

ТѢЖЕ, ЧУДИНЪ.

ЧУДИНЪ (*увидя Лидію, остановился въ дверяхъ*). Лидія Павловна! Какъ! это вы?

ЛИДІЯ. Я... Неужели я такъ перемѣнилась, что вы не можете меня узнать? Что дѣлать... Время не остановишь... глядишь, прошелъ годъ, другой, третій... только и замѣчаешь ихъ слѣдъ то въ морщинкѣ, то въ непрошенной сѣдинѣ. (*Подходя къ Чудину*). Да и вы какъ перемѣнились! Ну и пора! мы уже не молоды! Миѣ двадцать шесть лѣтъ, шутка-ли! а вамъ сколько?

ЧУДИНЪ. Миѣ? миѣ... гораздо больше. Но я не этому удивляюсь; у крыльца я видѣлъ карету. Спрашиваю, чей экипажъ? отвѣчаютъ г-жи Букецкой, изъ Гродно. Я полагалъ, что встрѣчу здѣсь лицо, совершенно миѣ незнакомое... а между-тѣмъ...

ЛИДІЯ. Вы удивляетесь, что я вышла замужъ? Неужели вы полагали, что это ужъ невозможно?

ЧУДИНЪ (*смѣшавшись*). Простите... но... я...

ПОЛКОВНИЦА (*съ упрекомъ*). Лидія!

ЛИДІЯ. Ахъ! виновата. Adieu! ma tante! а можетъ-быть и покойной ночи. Если я возвращусь поздно изъ театра, то не буду васъ беспокоить. (*Проходя мимо Чудина, стоящаго на томъ же мѣстѣ, у дверей*). До свиданья, мосье Чудинъ! (*Съ улыбкой*). Что-же вы стоите, поздоровайтесь съ хозяйкой. (*Уходитъ*).

—

III.

ПОЛКОВНИЦА и ЧУДИНЪ.

ПОЛКОВНИЦА. Садитесь.

ЧУДИНЪ (*медленно приближается*). Странно... Я такъ пораженъ...

ПОЛКОВНИЦА. Это видно.

ЧУДИНЪ (*сидясь*). Не могу опомниться. Неужели она замужем? давно-ли?

ПОЛКОВНИЦА. Да ужъ мѣсяца три. Мужъ ея, гродненскій помѣщикъ Букецкій. Я сама только вчера узнала. Представьте, какой для меня былъ пріятный сюрпризъ: вдругъ объявляютъ приѣхала г-жа Букецкая; входитъ—кто-же?

ЧУДИНЪ. Кто этотъ Букецкій?

ПОЛКОВНИЦА. Я вамъ уже сказала: гродненскій помѣщикъ, человекъ лѣтъ сорока, богатъ, уменъ, даже генераль.

ЧУДИНЪ (*съ гримасой*). Стало-бы, это un mariage d'inclination.

ПОЛКОВНИЦА. Кажется, потому-что Лидія очень счастлива.

ЧУДИНЪ (*опустя голову*). Счастлива! да... а я...

ПОЛКОВНИЦА. Кто-же виновать?—Сами.

ЧУДИНЪ. Разумѣется, самъ! мой характеръ робкій и...

ПОЛКОВНИЦА. Нерѣшительный. Не стыдитесь — договаривайте. Развѣ Лидія не была къ вамъ расположена?

ЧУДИНЪ (*вставая*). Однакожъ, видите.... Я не ошибся. Расположеніе это такъ легко перешло на другаго.

ПОЛКОВНИЦА. Сами виноваты. Не могла же она вамъ сказать, жени-тесь на мнѣ: я васъ люблю. Ваша нерѣшительность, ваши расчеты и потомъ боязнь за какіе-то недостатки, которые вы въ ней каждый день открывали,—вывели ее наконецъ изъ терпѣнія и заставили позабыть объ васъ.

ЧУДИНЪ. Все это такъ... но...

ПОЛКОВНИЦА. Я знаю, что вы хотите сказать. А жаль, Юлій Ивановичъ, что вы, какъ говоритъ нашъ маіоръ, ужъ слишкомъ критиковали предметъ своей любви.

ЧУДИНЪ. Маіоръ глядитъ по своему. Это все не такъ. Позвольте мнѣ объясниться.

ПОЛКОВНИЦА. Но къ чему это поведетъ? Лидія уже замужемъ.

ЧУДИНЪ. Къ несчастью... но... я желалъ бы оправдаться.

ПОЛКОВНИЦА. Это довольно трудно.

ЧУДИНЪ. Вѣрю... но по крайней-мѣрѣ... Какъ я ее любилъ, вы знаете. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). Несмотря однакожъ на мою страсть, я очень хорошо видѣлъ, въ чемъ можно было ее упрекнуть.

ПОЛКОВНИЦА. Да... вы, кажется, видѣли больше, чѣмъ бы слѣдовало.

ЧУДИНЪ. Я могъ ошибаться .. но...

ПОЛКОВНИЦА (*усаживаясь на своемъ мѣстѣ*). Послушаемъ любопытный реэстръ вашихъ обвиненій.

ЧУДИНЪ. Не безпокойтесь—онъ не слишкомъ длиненъ. Во-первыхъ, Лидія всегда убавляла свои годы; это мнѣ не нравилось—это ложь.

ПОЛКОВНИЦА. Ха... ха... ха! Какъ вы смѣшны! Какая же женщина скажетъ вамъ, сколько ей лѣтъ? Въ этомъ отношеніи мы всё лжемъ сколько можемъ. Впрочемъ, кажется, давеча, она вамъ сказала, что ей двадцать шесть лѣтъ.

ЧУДИНЪ. Да, теперь! Отъ этого мнѣ ничуть не легче. Еслибъ прежде она была откровенна со мною; я непременно сталъ-бы просить ея руки.

ПОЛКОВНИЦА. Такъ только это вамъ помѣшало?

ЧУДИНЪ. Погодите, Марья Петровна, это еще не все.

ПОЛКОВНИЦА. Въ-самъ-дѣлѣ? что же еще, напримѣръ?

ЧУДИНЪ. Лидія не знала цѣны деньгамъ, сорила ими какъ щепками, роскошничала больше, чѣмъ бы слѣдовало.

ПОЛКОВНИЦА. Но если у жены доброе сердце, а мужъ разсудителенъ, то этотъ порокъ уничтожается самъ-собою.

ЧУДИНЪ. Можетъ-быть. Но согласитесь, что содержанье такой жены требовало бы состоянія гораздо больше моего, и характера тверже, чѣмъ мой характеръ.

ПОЛКОВНИЦА. Ну, такъ видно она исправилась. Иначе мужъ не отпустилъ бы ее одну въ Петербургъ—гдѣ такъ много соблазновъ для мотовства.

ЧУДИНЪ (*торопливо*). Что мнѣ теперь изъ этого? Но прежде, согласитесь, я долженъ былъ опасаться или постоянныхъ ссоръ, или большихъ долговъ.

ПОЛКОВНИЦА. Надѣюсь, что вы все высказали?

ЧУДИНЪ. Нѣтъ, еще не все.

ПОЛКОВНИЦА. Вы безжалостны.

ЧУДИНЪ. Лидія красавица; у нея прелестная талія, голубые и выразительные глаза... голосъ ея проникаетъ въ душу. Скажите, къ чему же ей эти дорогіе наряды; къ чему брилліанты, шали, кружева, и всё эти безконечныя косыночки, эшарпы, вуали, шемизетки, кокетки?... Я даже замѣтилъ, что она румянилась, между-тѣмъ, какъ знала, что я люблю блѣдныя лица. Что же это значило? — Не то-ли, что ей хотѣлось нравиться не одному—мнѣ?

ПОЛКОВНИЦА. А! такъ она, по вашему, кокетка?

ЧУДИНЪ. Кокетка!... не скажу; но по-крайней-мѣрѣ, она боялась попасть въ разрядъ старыхъ дѣвъ.

ПОЛКОВНИЦА. А сегодня вы замѣтили что-нибудь?

ЧУДИНЪ. О, теперь, какъ ненужно, въ ней найдутся все достоинства. Она знала мой вкусъ; стало-быть, должна же была хоть сколько-нибудь соображаться съ нимъ. Между-тѣмъ, не тутъ-то было. Если я бывало похваляю ея простенькій и миленькій нарядъ, она тотчасъ разрядится въ пухъ. Это заставило меня опасаться, что наши вкусы и характеры не сойдутся.

ПОЛКОВНИЦА. Вы очень странны. Можно ли упрекать дѣвушку за то, что она не покорялась капризамъ кавалера, который показывалъ видъ, что въ нее влюбленъ? Вѣдь это единственное время нашего владычества. Слушаться и покоряться успѣемъ и замужемъ. И тогда мужчины отплачиваютъ намъ съ большими процентами;—неправда-ли? Но я надѣюсь, теперь вы все сказали?

ЧУДИНЪ. Нѣтъ, еще не все.

ПОЛКОВНИЦА. Да вы, я вижу, бѣдную Лидію хотите ошципать со всѣхъ сторонъ! Что-же еще?

ЧУДИНЪ. Лидія Павловна превосходно изъясняется на родномъ языкѣ, между-тѣмъ, въ обществѣ она всегда говорила по-французски, хотя этого и не требовалось. Скажите, пожалуста, къ чему это? Не для того-ли, чтобъ похвастать своимъ воспитаніемъ? Какъ-будто хорошее воспитаніе не можетъ обойтись безъ французскаго языка. Нынче ужъ все золотошвейки говорятъ по французски.

ПОЛКОВНИЦА. Подите; развѣ можно совершенно уклоняться отъ моды.

ЧУДИНЪ. Не слѣдуетъ отъ нея уклоняться, но и не слѣдуетъ поклоняться ей. Лидія Павловна знала, что это мнѣ не нравится, но своимъ парижскимъ щебетаньемъ хотѣла, вѣроятно, плѣнить какой-нибудь откупной милліонъ. И что же изъ этого вышло? Важные люди любятъ пощебетать, но смѣшное замѣтятъ первые, а насъ простаковъ, заставляютъ только колебаться въ своихъ намѣреніяхъ. Къ тому-жъ еще...

ПОЛКОВНИЦА (прерывая). Какъ! Еще? Помилуйте! да кто-же разбираетъ до такой мелочи недостатки женщины, въ которую влюбленъ!

ЧУДИНЪ. Можно плѣнить мужчину свѣтскимъ обращеніемъ, умомъ, кокетствомъ... но это не надолго. Надо, чтобы мужчина нашелъ въ женщинѣ свое счастье и счастье своихъ дѣтей. Для этого со стороны женщинъ многое и очень многое нужно.

ПОЛКОВНИЦА. А отъ мужчины ничего не требуется, кромѣ объявленія его высокой благосклонности. Стало-быть женщина должна, зажмуря глаза, покориться его волѣ, если онъ удостоилъ обратить на нее вниманіе? Какъ это справедливо! (*Маіоръ откашливается за сценой*). А, да вотъ, кстати!.. Пусть онъ насъ разоудитъ.

ЧУДИНЪ. О, если Маіоръ войдетъ въ разбирательство, то я заранѣе кладу оружіе.

ПОЛКОВНИЦА. Вы проиграете и тогда, когда будете сами своимъ судьей... Сравните только Лидію съ другими женщинами.

ЧУДИНЪ (*со вздохомъ*). О, да, кажется.

—

IV.

ТѢЖЕ и **МАІОРЪ**, въ черномъ фракѣ; у него сѣдые усы, немного хромаетъ на правую ногу; — въ рукахъ трость.

МАІОРЪ (*въ дверяхъ лакею*). Твоя Букецкая ничуть меня не занимаетъ, старая цапля! (*Входя*). Марья Петровна! Честь имѣю кланяться! Какъ ваше здоровье? А, и кунктаторъ здѣсь! (*Подаетъ руку Чудину*). Здравствуй, Фабій!

ПОЛКОВНИЦА. Вы очень кетати пришли; помогите мнѣ побѣдить мсье Чудина.

МАІОРЪ. Его? Фабія? Къ вашимъ услугамъ! Я буду для него Аннибаломъ. Но о чемъ-же у васъ споръ?

ПОЛКОВНИЦА. О Лидіи, маіоръ.

МАІОРЪ. О Лидіи Павловнѣ? И онъ осмѣливается идти противъ Лидіи?

ПОЛКОВНИЦА. Мсье Чудинъ оправдывается.

МАІОРЪ. Въ чемъ же дѣло? Я не понимаю? Стало-быть, онъ ее обвиняетъ. Посмотримъ! Говори! Чтò-жъ скажешь противъ нее, а?

ПОЛКОВНИЦА. О, маіоръ, много, очень много.

МАІОРЪ. Чтò? прахъ... А ай! виноватъ сударыня, глухая привычка.

ПОЛКОВНИЦА. Ничего, ничего, я не взыщу.

МАІОРЪ. Благодарю. Не всегда же я такой грубіянь; но если чтò-нибудь меня задѣнетъ за живое, тогда тысячу бомбъ А—ай... перемѣните пожалуйста разговоръ, а я немножко отдохну. (*Садится*).

ПОЛКОВНИЦА. Впрочемъ, онъ жалѣетъ, что потерялъ Лидію, и особенно раскаялся нынче, когда ее увидѣлъ.

МАІОРЪ (*вскакиваетъ*). Какъ увидѣлъ? Сегодня? Гдѣ же она? Почему же вы молчите? (*Беретъ шляпу*). Вашъ Яковъ настоящая цапля. Жужжалъ мнѣ въ уши про какую-то Букецкую, которая ни чуть меня не занимаетъ, а о Лидіи Павловнѣ ни слова.

ЧУДИНЪ. Потому-что Букецкая и Лидія Павловна — одно и то же.
МАЮРЪ (*изумленный*). Что? что вы?.. Какъ, одно и то же? Значитъ вышла за мужъ.

ЧУДИНЪ (*вздыхая*). Да! вышла!

МАЮРЪ (*передразнивая его*). Да! вышла! — А кто виноватъ? Не говорилъ я тебѣ — смотри, не зѣвай — улетитъ пташка! — Чья вышла правда? Но, ради Бога, скажите, гдѣ она? Дайте мнѣ ее обнять, расцѣловать ея ручки.

ПОЛКОВНИЦА. Она уѣхала со двора, а вечеромъ будетъ въ театрѣ.

МАЮРЪ. И я пойду, хотя что бы тамъ ни давали. (*Смотритъ на часы*). Ахъ, чо... (*Оглядывается на Полковницу*).

ЧУДИНЪ. Пойдемъ вмѣстѣ.

МАЮРЪ. Я тебѣ говорилъ, что не надо разбирать; не всякій же, какъ аптекаръ, взвѣшиваетъ на граны и унціи маленькія причуды женщины, которую любитъ. По моему, милостивый государь, ужъ если кого любить, то любить и всѣ его слабости; потому-что и на моемъ лицѣ есть рубцы. У всякаго свои недостатки. А ты искалъ генія въ человѣческомъ образѣ! А самъ-то ты каковъ? Взгляни-ко на себя. Знаешь, какимъ ты будешь мужемъ? Не скажешь-ли черно — когда жена скажетъ бѣло? Не поставишь-ли кресла съ лѣвой стороны дивана, когда она велитъ поставить съ правой? Улыбаешься — думаешь, что это пустяки! Нѣтъ, не пустяки! Быть вздорнымъ и капризнымъ въ мелочахъ семейной жизни — тоже, что затянуть поводья, или...

ЧУДИНЪ. Знаю, знаю, у тебя всякій будетъ виноватъ, если дѣло коснется до Лидіи Павловны.

МАЮРЪ. Разумѣется всякій. — Положимъ, что въ ней есть маленькіе недостатки, зато они такъ ничтожны въ сравненіи съ ея достоинствами, что и не стоить объ нихъ толковать. Она золото. Она — прахъ побери... Ну! да однимъ словомъ, я ее люблю, и ты ее любишь! Что? Небось, не такъ?

ЧУДИНЪ. Можетъ-быть.

МАЮРЪ (*передразнивая*). Можетъ-быть. Послушай, еслибы я былъ твоимъ отцемъ, то задалъ бы тебѣ такую трепку, что у тебя вся метафизика пошла бы въ прахъ. Ну можно ли выпустить изъ рукъ такую невесту. Однакожъ, я болтаю, а еще не спросилъ, кто такой Букецкій?

ПОЛКОВНИЦА. Помѣщикъ Гродненской губерніи.

МАЮРЪ. Молодъ?

ПОЛКОВНИЦА. Сорока лѣтъ.

МАЮРЪ. Видишь, немногимъ старше тебя.

ПОЛКОВНИЦА. Богатъ.

МАЮРЪ. Слышишь!

ПОЛКОВНИЦА. Умень, генераль.

МАЮРЪ. Вотъ оно!

ПОЛКОВНИЦА. Съ характеромъ.

МАЮРЪ. Слышишь? А ты что? ни рыба, ни мясо. И вѣрно она счастлива?

ПОЛКОВНИЦА. Кажется.

МАЮРЪ (*ходитъ по сценѣ*). Слава Богу, слава Богу! она этого стоить. (*Останавливается противъ смущеннаго Чудина*). Однакожь, хотя Букецкій и прекрасный человекъ, а ты ни то, ни сѣ, а мнѣ все досадно, что она вышла не за тебя...

ЧУДИНЪ. Ахъ!

МАЮРЪ. Теперь ахъ, ахъ! А какъ было время, то ломался, судилъ, рядилъ, выбиралъ. Извини, братъ — спустя лѣто въ лѣсъ по малину не ходять. Въ тебѣ нѣтъ ни крошки храбрости, ты просто трусишка! Лидія — это воскъ, лени изъ него, что хочешь. Она умна, кротка, сговорчива, а умная женщина всегда послушается, если мужъ говоритъ ей дѣло; добрая женщина оцѣнитъ его деликатность и снисходительность, и будетъ избѣгать всего, что только можетъ опечалить мужа. Правду я говорю, или нѣтъ? Сударыня, вы лучше насъ можете судить объ этомъ.

ПОЛКОВНИЦА. Боюсь пристрастія. Лучше пусть мосье Чудинъ самъ скажетъ, была ли къ нему расположена Лидія?

ЧУДИНЪ. Кажется, что она была ко мнѣ благосклонна.

МАЮРЪ. Ему кажется. Слышите, ему кажется. Что жъ ты хотѣлъ, чтобъ она бросилась тебѣ на шею? Съ этими разумниками просто наказанье! Она тебя любила, фофанъ. Я тебѣ это говорю.

ЧУДИНЪ. Теперь для меня все-равно.

МАЮРЪ. Что? Такъ знаешь, что я тебѣ скажу. Со всѣмъ твоимъ дипломатическимъ, философическимъ и философическимъ умомъ ты сдѣлалъ капитальную глупость.

ЧУДИНЪ. Можетъ-быть, но дѣло кончено. По-крайней-мѣрѣ, теперь я буду опытнѣе.

МАЮРЪ. Послѣ ужина горчица! У тебя опытность, а у Букецкаго хорошенькая жена, и послѣднее, кажется, лучше, прахъ побе... (*Ударяетъ себя по губамъ*). Тфу!

V.

ТѢЖЕ и ЯКОВЪ.

ЯКОВЪ. Г-жа Букецкая просить барыню и г-на Маіора въ свою комнату.

ПОЛКОВНИЦА (*поспѣшно вставая*). Такъ скоро вернулась! Здоровали?

МАІОРЪ. Она здѣсь!.. иду... бѣгу.

—

VI.

ТѢЖЕ и ЛИДІЯ.

ЛИДІЯ (*стоитъ въ дверяхъ и протягиваетъ Маіору руку*). Прахъ побери!... Добрый Маіоръ. (*Уходитъ*).

МАІОРЪ. Я просто плачу, какъ дурень. (*Уходитъ за нею*).

ПОЛКОВНИЦА (*протягивая руку Чудину*). Извините, Юлій Ивановичъ, Лидія вѣрно нездорова, она бы вошла сюда.

ЧУДИНЪ (*цѣлуя ея руку*). Не безпокойтесь.... Я.... уйду.... до свиданья. (*Полковница уходитъ*)— Ушла! (*Одинъ, помолчавъ*). Что ни говори, а Маіоръ правъ, я сдѣлалъ колоссальную глупость, непростительную, непоправную глупость. (*Нѣсколько времени смотритъ въ ту сторону, куда скрылись Лидія и прочіе, потомъ, махнувъ въ отчаяніи рукою, уходитъ*).

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Тамъ-же).

—

I.

МАІОРЪ, ЧУДИНЪ, а за ними входитъ Яковъ.

МАІОРЪ (*стряхивая платкомъ пыль съ сапоговъ*). Яшка, ты говоришь, что господь нѣтъ дома?

ЯКОВЪ. Ужь нѣтъ, если я говорю, извольте видѣть.

МАЮРЪ. Все-таки намъ можно подождать и отдохнуть... Потому-что прахъ побери, (*Оглядывается на кресла Полковницы*), я бѣжалъ какъ почтовая лошадь... А куда они уѣхали?

ЯКОВЪ. А вотъ, извольте видѣть, они отправились въ гости къ одной моей знакомой.

МАЮРЪ. Къ твоей знакомой? Чтѣ ты врешь?

ЯКОВЪ. Никакъ нѣтъ-съ. Ужь такъ выходитъ. Но это длинная исторія, извольте видѣть...

МАЮРЪ. Говори, цапля! (*Садится*). Ну какая тамъ у тебя исторія?

ЯКОВЪ. Вотъ, извольте видѣть, батюшка Тихонъ Никитичъ, барыня, т. е. г-жа Букецкая, какъ ее называютъ, когда еще была барышней и жила у насъ, всякую недѣлю, бывало изволила чтѣ-нибудь новинькое....

МАЮРЪ. Какъ? Чтѣ такое новинькое?

ЯКОВЪ. Ужь точно такъ, извольте видѣть: или платьице тамъ какое ни на есть, или бурнусъ новенькій, или шляпку этакую, въ родѣ подсолнечниковъ, или платочекъ этакой, чтѣ-нибудь, да новенькое...

ЧУДИНЪ (*про себя*). Да.... да....

МАЮРЪ (*насупившись*). Ну, такъ чтѣ же?

ЯКОВЪ. А вотъ чтѣ, извольте видѣть. Барышня старыя вещи, ну да какія тамъ старыя, совсѣмъ не старыя, но по ихнему-то старыя, то-есть непригодныя для барышни.... бывало и велятъ продать...

МАЮРЪ. Врешь, дуракъ!

ЯКОВЪ. Ужь нѣтъ, не вру, Тихонъ Никитичъ, спросите хоть у Матвѣвны.

МАЮРЪ. Какая тамъ у тебя еще Матвѣвна?

ЯКОВЪ. Ужь это извѣстно, Матвѣвна! та самая моя знакомая, кума, то есть приходится... Теперь она лоскутница. Ну, такъ она-то и покупала все у барышни.... И къ ней теперь господа и поѣхали въ гости. Вотъ, извольте видѣть, какъ только Матвѣвна распродастъ, бывало, вещи, да принесетъ деньги, то барышня и держитъ въ рукѣ деньги вотъ такъ.... держитъ, да и начнетъ ее разспрашивать.... Какъ, говорить, твои дѣла, Матвѣвна, есть ли чѣмъ жить? Чтѣ мужъ твой? Ребятишки какъ? А та и скажетъ: чтѣ вотъ молъ мужъ захворалъ, пятая сутки ни ѣсть, ни пьетъ, и тамъ мальчишка большенькій ногу повихнулъ, или дровъ не на чтѣ купить, или выгоняетъ лавочникъ съ квартиры, денегъ молъ не платите.... Ужь такая горемычная натура эта Матвѣвна, всегда у нея дома какая-нибудь бѣда приклю-

чится... Такъ барышня, бывало, и отдасть ей назадъ все деньги, еще наговорить ей такой ласки, ижно слезы бьютъ изъ глазъ... и опять что-нибудь найдеть и опять дастъ продать (*Маюръ разчувствовался, Чудинъ слушаетъ со вниманіемъ*). Такъ, вотъ оно, извольте видѣть, батюшка, и выходитъ не лгу, вашей милости.

МАЮРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, ты правду говоришь. Вотъ тебѣ за это. (*Даетъ ему цѣлковый*).

ЧУДИНЪ (*Якову*). А теперь зачѣмъ онѣ туда поѣхали?

ЯКОВЪ. Вотъ, извольте видѣть, какъ оно случилось. Какъ только барышня пріѣхали, такъ я сейчасъ и побѣжалъ дать знать объ этомъ Матвѣвнѣ... Нельзя-же, батюшка, свой человекъ, кума доводится; но тутъ-же у ней такое горе приключилось, что не приведи Господи; мужъ умеръ, ребенокъ тоже скончался и сама не встаетъ съ постели. Объ этомъ я и доложилъ барышнѣ, какъ слѣдуетъ. А онѣ сейчасъ карету, говорятъ, взяли—да съ барыней и поѣхали и повезли разныхъ разностей, этакой узлище. (*Молчаніе*).

ЧУДИНЪ. А гдѣ живетъ твоя Матвѣвна?

ЯКОВЪ. А вотъ, какъ-бы вамъ сказать, вотъ извольте видѣть: какъ вы только проѣдете Измайловскій мостъ, да повернете на-право, а потомъ на-лѣво, да все прямо, да еще на-лѣво; мимо шпиль тамъ что-ли какого, да за канаву-то завернете такъ, тамъ будетъ переулокъ....

ЧУДИНЪ. Расскажешь послѣ. А теперь ступай. (*Даетъ ему денегъ*).

ЯКОВЪ (*уходя*). Вотъ поди ты, пойми ихъ: то обругаютъ нашего брата, ни за что—ни про что, то денегъ надаютъ такъ себѣ ни за что...

II.

МАЮРЪ и **ЧУДИНЪ.** Ходятъ по сценѣ одинъ противъ другаго. Маюръ посвистываетъ.

ЧУДИНЪ (*спустя немного выходитъ изъ задумчивости и останавливается противъ Маюра*). Тихонъ Никитичъ! (*Маюръ молчитъ*). Послушай!... (*Останавливаетъ его за руку*). Тихонъ Никитичъ!

МАЮРЪ. Гм?...

ЧУДИНЪ. Прощай.

МАЮРЪ. Что-же, не хочешь подождать?

ЧУДИНЪ. Не то совсѣмъ... Прощай надолго, можетъ-быть, навсегда...

МАЮРЪ. Ёдешь, что-ли? Куда? Зачѣмъ?

ЧУДИНЪ. Мое положеніе теперь самое жалкое. Чѣмъ больше я на нее смотрю, чѣмъ больше объ ней слышу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что я былъ оселъ самаго крупнаго разбора.

МАЮРЪ. Ты пра ... *(ударяетъ себя рукою по губамъ)*.

ЧУДИНЪ. Что, вѣдь правда: я оселъ?

МАЮРЪ *(цѣлуетъ его)*. Правда, братъ! Виновать! право, я не то хотѣлъ сказать.

ЧУДИНЪ. Я чувствую: если останусь здѣсь, то не утерплю, буду ухаживать за нею, вездѣ ее преслѣдовать, вездѣ буду пялить на нее глаза, сходить съ ума отъ ея словъ. Что-же изъ этого выйдетъ? Влюблюсь, какъ дуракъ, и въ кого-же? — въ чужую жену! Нѣтъ! это не согласно съ моими правилами.

МАЮРЪ. Все это такъ, да не такъ. Зачѣмъ отъ нея бѣжать, надо только держать себя подальше. Вѣдь она такая же, какъ была прежде, ни чуть не перемѣнилась...

ЧУДИНЪ. Напротивъ, мой другъ, очень перемѣнилась! Всѣ ея недостатки исчезли, а тѣ качества, за которыя я ее любилъ, теперь сдѣлались еще очаровательнѣе.

МАЮРЪ. Вотъ что!

ЧУДИНЪ. Ахъ, мой другъ, кто же не увидитъ всѣхъ достоинствъ Лидіи, когда они такъ въ глаза и бросаются. Взгляни на ея нарядъ и сравни его съ прежнимъ. Какой вкусъ! Какая простота. Вчера на вечерѣ у княгини, она всѣхъ обворожила.

МАЮРЪ *(весело улыбаясь)*. Гм... гм...

ЧУДИНЪ. Въ словахъ ея столько ума, остроты, прелести — всѣ отъ нихъ были въ восторгѣ, а мнѣ они прямо падали на сердце.

МАЮРЪ *(тоже)*. Гм... гм...

ЧУДИНЪ. Она говорила о литературѣ съ такимъ знаніемъ и вѣрнымъ взглядомъ, и видно было, что это свое, не вычитанное... Стала играть на фортепяно, зацѣла... очарованіе! Что за чувство, сколько выраженія, какой голосъ! Всѣ мужчины были безъ ума; даже женщины не злословили... А у меня... *(Бросаясь въ кресла)*. Вся душа рвалась на части.

МАЮРЪ *(смѣясь)*. Прахъ побори! Любезный Фабій! Да ты влюбленъ не на шутку!

ЧУДИНЪ. Какъ какой-нибудь молокососъ, какъ сумасшедшій... *(Встаетъ)*. И потому ёду... ёду... ёду...

МАЮРЪ. Куда же ты хочешь ёхать?..

ЧУДИНЪ. Мнѣ все-равно! Куда-нибудь... хоть въ Камчатку... лишь-бы подальше отъ нея. А здѣсь? Дома не могу усидѣть, ея черты такъ и пляшутъ передъ глазами... Чуть на минуту успокоюсь, хватаю шляпу и бѣгу сломя голову, чтобъ только взглянуть на Лидію, которая могла-бы принадлежать мнѣ, и которою теперь владѣетъ какой-то Букашкинъ, Букецкій...

МАЮРЪ. Ого! душа закипѣла. Куда дѣвалось твое хладнокровіе, твоя философія?

ЧУДИНЪ. Убирайся, съ своею философіею! Ты, Марья Петровна, весь ея штатъ, даже этотъ дуралей Яковъ! — всѣ мнѣ колятъ глаза... Нѣтъ! нѣтъ! Я долженъ ѣхать! По-крайней-мѣрѣ, не умру съ голода и отъ бессонницы.

МАЮРЪ. А теперь спать и кушать не можешь? Бѣдняжка, жаль было-бы потерять такого молодца, такого храбраго и рѣшительнаго! Но шутки-всторону... Я съ тобой согласенъ, поѣзжай... Ты когда ѣдешь? сегодня?

ЧУДИНЪ (*смѣшавшись*). Да... сегодня, завтра... Навѣрное еще не знаю. (*Садится къ столу*) Признаюсь, я-бы еще хотѣлъ увидѣть Лидію, тѣмъ болѣе, что я далъ ей слово. Вчера, когда я помогаль ей садиться въ карету... она пожала мнѣ руку и сказала: «до свиданья—до завтра». Я обѣщаль. Нельзя же не явиться — неловко, невѣжливо.

МАЮРЪ. Зачѣмъ было обѣщать?

ЧУДИНЪ. О, еслибы ты видѣлъ ея лицо, когда упалъ на него свѣтъ отъ фонаря... еслибы ты умѣлъ читать въ глазахъ Лидіи и почувствовалъ это пожатіе руки! Я забылся, съ восхищеніемъ поцѣловаль ея руку... и она — молчала.

МАЮРЪ. Прахъ побори! Тебѣ надо ѣхать.

ЧУДИНЪ. Я и не останусь; но долженъ же я сдержать слово. (*Найдя на столѣ листикъ бумаги, всматривается въ него*). Тѣмъ болѣе... тѣмъ болѣе... что... (*Вскакиваетъ*). Что это! посмотри, или меня обманываютъ глаза?

МАЮРЪ. Ба! твой портретъ — и какъ живой. Э, братъ! да ты глубоко засѣлъ у нея въ сердцѣ. Поѣзжай, Юля! поѣзжай — сейчасъ же.

ЧУДИНЪ (*съ восхищеніемъ*). Какъ карандашъ былъ послушенъ этой миленькой, крошечной ручкѣ! Какъ всякая черта вѣрна! Вотъ и объ этомъ талантѣ я не зналъ. Послушай Тихонъ Никитичъ, вчера я еще толковаль себѣ ея взглядъ и пожатіе руки надвое... Но теперь этотъ портретъ все мнѣ объясняетъ. О, мой другъ! Если я узнаю, что она меня любитъ — я не поѣду.

МАЮРЪ. Это что значить? А правила?

ЧУДИНЪ. Правда!

МАЮРЪ. Ты думаешь, что я тебѣ позволю компрометировать замужнюю женщину, о которой ты и не думалъ, когда она была еще дѣвицею? Да она и сама тебя отдѣлаетъ порядкомъ. (*Ударяетъ себя по голову*) А, вотъ богатая мысль! Послушай, что мнѣ пришло въ голову.

ЧУДИНЪ. Вѣрно какой-нибудь вздоръ.

МАЮРЪ. А вотъ я объясню тебѣ этотъ вздоръ. Прежде ты ее провель, а теперь — она тебя надуваетъ.

ЧУДИНЪ. Это съ чего ты взялъ?

МАЮРЪ. О, да... да. Она смѣется надъ тобою, и чѣмъ ты больше будешь на нее пялить глаза и вздыхать, тѣмъ лучше она тебя проучитъ. И по дѣломъ, прахъ побери! Будь я на ея мѣстѣ — я сдѣлалъ-бы тоже самое.

ЧУДИНЪ. Ну, ужъ это вздоръ! Я сумѣю отличить кокетство отъ истиннаго чувства.

МАЮРЪ. Фанфаронъ! фанфаронъ!

ЧУДИНЪ. Я не левъ съ англійской прической и не имѣю, кажется, особенныхъ качествъ этой породы, чтобы быть фанфарономъ; но что Лидія вышла за-мужъ не по любви, въ этомъ я увѣренъ.

III.

ТѢЖЕ, ПОЛКОВНИЦА и ЛИДІЯ.

ПОЛКОВНИЦА. Вотъ это мило, что вы насъ подождали.

ЧУДИНЪ (*перемѣняя голосъ*). Хотя, можетъ-быть невѣжливо, что мы безъ хозяйки...

ПОЛКОВНИЦА. Довно-ли вы стали такъ скромны, Юлій Иванычъ! Напротивъ, я бы разсердилась, еслибы вы ушли.

ЧУДИНЪ (*смотря на Лидію*). А вы?

ЛИДІЯ. А я такъ нѣтъ. Чтобъ васъ наказать, я вамъ прямо скажу, что вашимъ присутствіемъ мы обязаны Маюру, а не вамъ. (*Подаетъ Маюру руку*). Не правда-ли, мой добрый другъ?

МАЮРЪ. Нѣтъ... мы оба желали васъ видѣть.

ЛИДІЯ (*Чудину*). Точео? (*Съ любезностью*). Благодарю.

МАЮРЪ (*всторону*). Прахъ побери, какъ она сладко на него по-сматриваетъ!

ЧУДИНЪ (*всторону*). Какіе глаза, что за улыбка! О, я болванъ!

ПОЛКОВНИЦА. Господа, прошу садиться. (*Садится въ свои кресла; около нея Маюръ. Лидія подальше и возль нея Чудинъ*).

ЧУДИНЪ (*Лиди*). Гдѣ вы были?

ЛИДИЯ. Отгадайте. Вамъ это нетрудно, мосье Чудинъ... Вы такъ основательно пзучили нашъ полъ. Есть только три мѣста, куда женщины ѣзять обыкновенно. Не такъ ли? Отвѣчайте: какое первое?

ЧУДИНЪ. Я полагаю...

ЛИДИЯ. Это одно изъ трехъ, но не первое. Вы скрытны... тѣмъ болѣе, что вы по своему думаете о женщинахъ, а въ особенности обо мнѣ... а второе, маюръ...

МАЮРЪ. Второе... извѣстно... въ собраніе, на балъ.

ЛИДИЯ. А третье, мосье Жюль?

ЧУДИНЪ (*улыбаясь*). Модный магазинъ.

ЛИДИЯ. Еслибы вы были откровенны, то начали бы съ этого. Теперь отгадайте, въ которомъ изъ этихъ трехъ мѣстъ мы были?

ЧУДИНЪ. Ни въ одномъ.

ЛИДИЯ. Ни въ одномъ?

ЧУДИНЪ. Есть еще одно мѣсто, куда ѣзять женщины благородныя и чувствительныя.

ЛИДИЯ (*смѣясь*). Хорошо, что вы прибавили — благородныя. Не то, я подумала бы, что на какое-нибудь rendez-vous.

ЧУДИНЪ. И не ошиблись бы; на rendez-vous съ несчастьемъ.

ЛИДИЯ. А! какъ это мило!

ПОЛКОВНИЦА. Вѣрно Яковъ наболталъ.

МАЮРЪ. Такъ и слѣдуетъ; для чего скрывать прекрасное дѣло?

ЧУДИНЪ (*въ полголоса Лиди*). Яковъ еще больше сказалъ. О, я отыщу эту Матвѣвну, и мы съ ней будемъ говорить про васъ.

ЛИДИЯ. И будьте увѣрены, что ничего отъ нея не узнаете.

ЧУДИНЪ. Узнаю, и еще больше о томъ, о чемъ я, къ моему несчастью, узналъ такъ поздно.

ЛИДИЯ. Вотъ какъ! Однако жъ я не понимаю, на что вамъ пригодится это знакомство. Развѣ въ нравственномъ отношеніи оно принесетъ вамъ пользу, потому только, что вы захотите помочь этой бѣдной женщинѣ!

ЧУДИНЪ. Если вамъ это будетъ пріятно?

ЛИДИЯ (*помолчавъ — громко*). Мосье Жюль! Вы вѣрно сегодня собираетесь въ театръ?

ЧУДИНЪ (*съ удивленіемъ въ полголоса*). Къ чему такой вопросъ? Вы думаете, что мы играемъ комедію?

ЛИДИЯ. Кажется. (*Встаетъ и отходитъ всторону*).

ЧУДИНЪ. А!

ПОЛКОВНИЦА (*Маіору громко*). Вамъ только такъ показалось, маіоръ.

МАІОРЪ. Нѣтъ, прахъ... то есть ко всѣмъ... Тьфу, виновать.

ЛИДІЯ (*подойдя къ Маіору, облакачивается на его плечо*). Ужъ не я ли, маіоръ, немножко испортила вамъ крови? Правда... я... что же? (*Шепчетъ ему на ухо*) Скажите, прахъ побери! вы настоящая кокетка. Но не бойтесь... это шутки... (*Маіоръ встаетъ и подходитъ къ Чудину, Лидія скоро говоритъ Полковницѣ*). Уведите въ другую комнату Маіора. (*Отходитъ къ зеркалу и поправляетъ цепочки*).

МАІОРЪ (*всторону*). Извольте тутъ на нее сердиться, или сказать что-нибудь такое правоучительное.. (*Чудину*). Смотри въ оба!

ПОЛКОВНИЦА. Ахъ да, Маіоръ, посоветуйте, что мнѣ дѣлать съ моимъ управляющимъ? Онъ меня просто разоритъ. Посмотрите, что объ немъ пишутъ.. (*Встаетъ и идетъ къ боковымъ дверямъ*).

МАІОРЪ (*слѣдуя за нею*). Вѣрно сталъ пьянствовать, а малый былъ съ головой — жалко!

ПОЛКОВНИЦА. Пожалуйста, рассмотрите это дѣло, и что можно посоветуйте. (*Уходитъ*).

МАІОРЪ. Съ удовольствіемъ... (*Беретъ шляпу и оглядывается начительно на Чудина, Лидія садится на диванъ и беретъ книгу*).

IV.

ЧУДИНЪ, ЛИДІЯ.

ЧУДИНЪ (*помолчавъ*). Вы хотите читать?

ЛИДІЯ. А вы уйти?

ЧУДИНЪ. Мои желанія теперь очень непостоянны.

ЛИДІЯ. Только теперь?

ЧУДИНЪ. Именно; потому-что бываютъ минуты въ нашей жизни—когда воля перестаетъ покоряться уму, и становится рабыней прелестныхъ устъ и милыхъ глазъ, въ которыхъ мы любимъ читать повелѣнія.

ЛИДІЯ (*кивая головою*). Какая поэзія! Однако жъ, я не думаю, чтобы эти нѣжныя повелѣнія вылетали изъ-подъ сѣдыхъ усовъ Маіора, или чтобы изъ-подъ густыхъ его бровей сверкалъ этотъ пламень... такъ, тажета, вы сказали?

ЧУДИНЪ. Маіоръ мой другъ — небольшое.

ЛИДІЯ. Стало быть, вы очарованы какимъ-нибудь розовенькимъ роикомъ или червыми, блестящими глазками?

ЧУДИНЪ. Вы угадали.

ЛИДИЯ. Отъ души васъ поздравляю.

ЧУДИНЪ. Вы меня поздравляете?

ЛИДИЯ. Почему же нѣтъ? Развѣ это не доказываетъ, что вы любите? А любовь самое сладкое принужденіе; это цѣпи — изъ розъ и незабудокъ. Сколько разъ я это читала въ романахъ. Должно-быть, правда. Въдъ романы пишутъ, по бѣльшей части, мужчины.

ЧУДИНЪ. Если наша воля дѣйствуетъ наперекоръ уму, то это состояніе похоже на пьянство или горячку. А ужъ я не знаю, хорошо ли и пріятно ли бываетъ больному и пьяному.

ЛИДИЯ. Послѣ похмѣлья — да.

ЧУДИНЪ. Напримѣръ, я...

ЛИДИЯ (скороговоркою). О! я увѣрена — вы никогда не выходите изъ трезвости.

ЧУДИНЪ. Ошибаетесь. Разумъ давно велитъ мнѣ выйти изъ настоящаго моего положенія... Онъ велитъ мнѣ уѣхать отсюда... Однакожь, я здѣсь... какъ видите... не ѣду...

ЛИДИЯ. Такъ это вы называете болѣзненнымъ состояніемъ?

ЧУДИНЪ. О! повѣрьте! я никогда не былъ такъ болѣнъ, какъ теперь, и что всего хуже — не надѣюсь найти облегченія.

ЛИДИЯ. Бѣдненькій! я васъ жалѣю... Потрудитесь пожалуйста передать мнѣ со стола бумаги. (Чудинъ исполняетъ. Лидія кладетъ ихъ на колѣни и перелистываетъ). Знаете ли что... мосье Жюль; я вамъ присовѣтую лекарство...

ЧУДИНЪ. Жду вашего совѣта, какъ спасенія.

ЛИДИЯ (не находя, что ищетъ, идетъ къ столу). Женитесь.

ЧУДИНЪ. (рѣшительно). Никогда!

ЛИДИЯ (ищетъ). Развѣ вы предубѣждены противъ супружества?

ЧУДИНЪ. Нѣтъ... нето... но въ любви я очень несчастливъ... всегда послѣдній... Единственный кладъ; который я нашель... не дался мнѣ, какъ блуждающій огонекъ.

ЛИДИЯ (смотря на него). Такъ ли?

ЧУДИНЪ. Спросите у той, которую я оскорбилъ...

ЛИДИЯ. Я ее не знаю...

ЧУДИНЪ. Я долженъ бы теперь покориться своему разуму. Но я этого не сдѣлаю. Однажды я ему позволилъ взять верхъ надъ сердцемъ, и умъ мнѣ измѣнилъ. Съ-тѣхъ-поръ я ему не вѣрю.

ЛИДИЯ. Вы давеча сказали, что поступки, несогласные съ умомъ, ни что-иное, какъ болѣзненное состояніе. (Улыбаясь). А теперь говорите другое. Вы сбиваетесь, мосье Жюль.

ЧУДИНЪ (*беретъ ее за руку*). Клянусь, я не виноватъ.

ЛИДІА. Ужь не я ли виновата?

ЧУДИНЪ (*прижимая ея руку къ сердцу*). Ахъ! Лидія, зачѣмъ вы поспѣшили?

ЛИДІА (*отнимая руку, съ ироніей*). Вѣдь я была старая дѣвица.

ЧУДИНЪ. Только глупцы могутъ считать лѣта такой женщины, какъ вы.

ЛИДІА. Благодарисъ васъ отъ имени всѣхъ престарѣлыхъ дѣвицъ...

(*Чего-то ищетъ*)... Я удивляюсь, куда это могло затѣряться!

ЧУДИНЪ (*показывая портретъ*). Не это ли вы ищете?

ЛИДІА. Откуда вы взяли?

ЧУДИНЪ. Я нашелъ его... на столикѣ...

ЛИДІА. А кто вамъ позволилъ взять?

ЧУДИНЪ (*съ энтузіазмомъ*). О, благодарю! Сто разъ благодарю, прелестная Лидія! Хотя-бы вы разсердились, я этой драгоценности не отдамъ — не отдамъ ни за что на свѣтѣ... Не для облегченія своей участи, я удержу при себѣ этотъ милый залогъ вашего вниманія. Нѣтъ! пусть онъ каждый разъ, какъ взгляну на него, напоминаетъ мнѣ о потерѣ моего счастья... пусть увеличиваетъ мои страданія... Я этого стою. (*Лидія подаетъ ему свою руку, которую онъ цѣлуетъ*). Скажите, Лидія! вы меня любили? (*Она отворачивается и закрываетъ глаза платкомъ*). О! я вижу, вы меня еще не забыли! (*Становится на колѣни*). Лидія! одно слово, одинъ свѣтлый лучъ въ грустную ночь моей жизни...

ЛИДІА (*отнимая руку, съ достоинствомъ*). Что Лидія Букецкая васъ позабудетъ? Вполнѣ надѣйтесь.

ЧУДИНЪ (*отскакиваетъ всторону*). А! (*Немного погодя, беретъ шляпу*). Я забылся — простите, сударыня... Прощайте... быть-можетъ навсегда. Но я буду очень несчастливъ, если эта минута оставить въ васъ непріятное воспоминаніе.

ЛИДІА (*садясь на прежнее мѣсто*). Оставайтесь, прошу васъ. Подождите Маіора. Вы уйдете вмѣстѣ. Садитесь тамъ... Будемъ говорить хладнокровнѣе... Что сегодня играютъ?

ЧУДИНЪ (*съ горькою улыбкою*). Опять прежняя комедія.

ЛИДІА. Нѣтъ, нѣтъ, Юлій Ивановичъ. Я хочу знать въ-самомъ-дѣлѣ.

ЧУДИНЪ. До афишъ-ли мнѣ теперь? Я иду въ театръ только тогда, когда знаю, что вы тамъ будете.

ЛИДІА. А сегодня пойдете?

ЧУДИНЪ. Черезъ два часа я буду за заставой.

ЛИДІА. Это что еще?

ЧУДИНЪ (*подходитъ ближе и стоитъ передъ нею*). И вы спрашиваете?

ЛИДІЯ (*смотря ему въ глаза*). Слишкомъ скорое рѣшеніе иногда можетъ намъ повредить гораздо больше, чѣмъ нерѣшительность...

ЧУДИНЪ. Не приводите меня въ отчаяніе.

ЛИДІЯ. Ложа въ бель-этажѣ, номеръ шестой.

ЧУДИНЪ (*цѣлуя ея руку*). Буду, буду, во что бы-то ни стало.

V,

ТѢЖЕ, МАІОРЪ стѣптъ въ дверяхъ и откашливается.

МАІОРЪ (*всторону*). Э-э! прахъ побери! Я вижу, это не шутки.

ЛИДІЯ. Какъ вы тамъ заговорились... Юлій Иванычъ уже въ четвертый разъ прощается со мною.

МАІОРЪ. Вижу, вижу (*Опомнившись, откашливается*).

ЧУДИНЪ. Пойдемъ, Тихонъ Никитичъ.

МАІОРЪ. Ступай себѣ, если что тебѣ нужно къ снѣху, а я останусь здѣсь.

(*Чудинъ откланивается*).

ЛИДІЯ. Не забудьте, о чемъ я васъ просила...

ЧУДИНЪ. Ваши приказанія будутъ исполнены въ точности.

VI.

МАІОРЪ, ЛИДІЯ сидятъ на прежнемъ мѣстѣ и лукаво посматриваютъ на Маіора, который ходитъ взадъ и впередъ, о чемъ-то беспокоится и откашливается.

МАІОРЪ (*про себя*). Не знаю, съ чего начать.

ЛИДІЯ. Какъ вы вѣжливы и милы... Маіоръ, что остались съ нами...

МАІОРЪ. Вѣжливъ, не вѣжливъ, а остался такъ... потому-что, видите. (*Всторону*). Однакожъ, прахъ возьми, завязка есть.

ЛИДІЯ. О! такъ и вы можете сердиться?

МАІОРЪ. Могу, прахъ побери! то-есть, такъ... да... могу... умѣю иногда—если кого люблю душевно, и если вижу... (*Всторону*). Вотъ тутъ и точка съ занятою—какъ-бы сказать, чтобъ не пересолить?

ЛИДІЯ. Что это значитъ? Вы, кажется, на меня сердитесь?

МАЮРЪ. Если я замѣчаю что-нибудь, чему быть не должно, то ужъ, извините, не могу — лопну, хоть оно и неслишкомъ вѣжливо. Въ чужія дѣла я входить не люблю, но васъ я не считаю чужою. Я бы желалъ лучше, чтобъ другая пуля врѣзалась мнѣ въ плечу, чѣмъ потерять къ вамъ мою дружбу: *(Всторону)*. Уфъ! не много-ли я сказалъ?

ЛИДІЯ. Ахъ, Боже мой! Должно-быть я очень виновата. Скажите-же, скорѣе—мой добрый другъ! Ничего не скрываете. *(Встаетъ и одною рукою опирается на его плечо)*. Отъ васъ я все выслушаю, какъ отъ отца. *(Гладитъ его подбородокъ)*. Ну, душечка, Тихонъ Никитичъ, говорите... Я знаю, вы меня балуете... что жъ, можно иногда и побранить.

МАЮРЪ *(всторону)*. Перервала и перепутала всѣ нити.

ЛИДІЯ. Ну-съ, что-же вы хотѣли сказать?

МАЮРЪ. Вотъ видите, что я хотѣлъ сказать: я хотѣлъ сказать... что женщина должна быть осторожною въ обхожденіи съ мужчиною. Потому-что свѣтъ испорченъ. Расположеніе къ мужчине дѣвицы или вдовы такъ-сказать заемъ, за него отплачиваются кольцомъ, а любезности замужней женщины это, видите-ли, серьезное дѣло, особенно если еще мужъ за какихъ-нибудь этакъ девятсотъ верстъ. *(Всторону)*. Кажется ясно...

ЛИДІЯ. А если дальше?

МАЮРЪ. Тѣмъ хуже... Если мужъ близко, то самъ глядитъ и вправо и влево. Но если онъ отпускаетъ жену за девятсотъ верстъ, значитъ, онъ ей вѣритъ, а довѣренность дѣло важное. *(Лидія опускаетъ глаза и кажется печальною. Маюръ говоритъ ласково)*. Часто мужчины, изъ самолюбія, хвастаютъ тѣмъ, чего и не было. *(Лидія садится и закрываетъ глаза платкомъ)*. Что съ вами? *(Всторону)*. Фу! ты пропасть! Ужъ не пересолилъ-ли? *(Громко и члмъ далье, тлмъ ласково)*. Послушайте, Лидія Павловна... мадамъ Букецкая! Взгляните-жъ на меня. Я вѣдь это единственно изъ привязанности къ вамъ... для одной предосторожности. Вы умны, сами знаете, что дѣлать... да вѣдь чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ... а языкъ у людей, что твой жерновъ: попадись имъ самое чистое зернышко — просто одна пыль останется. Да не принимайте моихъ словъ такъ близко къ сердцу. *(Всторону)*. Ну, пошелъ-же я городить! *(Громко)*. Кто изъ насъ грѣшныхъ не ошибался въ свой вѣкъ. *(Лидія рыдаетъ)*. Фи, Лидія, это ужъ изъ рукъ вонъ. Что же это вы со мной дѣлаете! *(Становится на колѣна)*. Дайте же мнѣ вашу ручку... да сдѣлайте одолженіе... *(Лидія подаетъ ему руку,*

смѣясь). Прахъ возьми! это что значить? Вы смѣетесь? *Хочетъ встать, Лидія положила руку на его плечо придерживаетъ).*

ЛИДІЯ. Не поднимайтесь! Ну, господинъ Маіоръ, еслибы теперь кто-нибудь увидѣлъ насъ въ этомъ положеніи, скажите, чтобы онъ подумалъ?

МАІОРЪ. А то, что вы вѣтренница, а я одурѣлъ на старости лѣтъ.

ЛИДІЯ. И обманулись-бы. Замѣтьте, Маіоръ, что такъ точно обманываетъ злословіе. Теперь встаньте. *(Маіоръ встаетъ).* Теперь садитесь подлѣ меня... здѣсь. . *(Маіоръ садится).* Вотъ такъ.

МАІОРЪ. Помилуйте... Вы играете мною, какъ мячикомъ.

ЛИДІЯ. Такъ должно быть, это въ порядкѣ вещей.

МАІОРЪ. Нечего говорить, прекрасный порядокъ.

ЛИДІЯ. Не перемѣните вамъ его, пока у женщинъ будетъ сила красоты и тонкость лукавства... Но оставимъ это и поговоримъ безъ общихъ мѣстъ. Вы думаете, что это нехорошо, если я нравлюсь Жюлю больше прежняго?

МАІОРЪ. По настоящему, онъ стоить этого наказанія. Но чтобы это... знаете... какъ-бы вамъ сказать... не причинило вамъ... то-есть, не съ вашей стороны... а такъ — не было того...

ЛИДІЯ. Кокетства, что-ли?

МАІОРЪ. Хорошо, еслибъ и этого не было; хотя невинное кокетство въ небольшомъ количествѣ вовсе не мѣшаетъ. Но я не этого опасаясь.

ЛИДІЯ. Чего же, маіоръ?

МАІОРЪ. Чтобы и онъ вамъ теперь не понравился больше, чѣмъ прежде.

ЛИДІЯ. А еслибъ и такъ! Я въ этомъ не нахожу ничего предосудительнаго.

МАІОРЪ. Какъ, прахъ возьми! А мужъ?

ЛИДІЯ. Мой мужъ далеко... на лунѣ...

МАІОРЪ. Что это значить! Развѣ Гродненская губернія на лунѣ....

ЛИДІЯ. Мой мужъ... говорю вамъ...

МАІОРЪ. Что-жъ онъ умеръ?

ЛИДІЯ. Нѣтъ, не умиралъ—а испарился...

МАІОРЪ. Ну, наконецъ вы, другъ мой, чепуху городите. Что-жъ это за мужъ? Не поэтъ-ли?

ЛИДІЯ. О, нѣтъ! мужъ воображаемый, несуществующій... однимъ-словомъ, тѣнь мужа.

МАІОРЪ. Тѣнь, какая тѣнь? Да что же вы наконецъ, дѣвица, что-ли?

ЛИДІЯ. Угадали, именно, дѣвица... старая дѣвица.

МАІОРЪ. Такъ ваше замужство... Букецкій... милліоны, Гродно... все это мстификація? (*Встаетъ*). Славно же вы насъ поддѣли!

ЛИДІЯ (*лукаво*). А развѣ это такъ трудно?

МАІОРЪ. О! знаю, знаю, что это вамъ ни почемъ. Мы все остаемся тѣми-же простофилями. (*Прохаживается*). Гм!.. гм!.. (*Становится передъ нею*). Скажите мнѣ правду... нравится вамъ Чудинъ?

ЛИДІЯ (*встаетъ и дѣлаетъ невинную и миленькую гримасу*). Нравится...

МАІОРЪ. И вы хотите, чтобы онъ былъ вашимъ?..

ЛИДІЯ (*кивая головою*). Мужемъ.

МАІОРЪ. Попади-же мнѣ десять пуль въ икру, если желаніе ваше не исполнится! Теперь, значить, ему можно открыть, что вы не замужемъ; теперь ужъ не сорвется съ крючка...

ЛИДІЯ. Кажется.

МАІОРЪ. Вотъ онѣ! женщины! поди съ ними! Хорошо, что я вышелъ цѣль и невредимъ изъ вашихъ лапокъ. Какъ же ему сказать объ этомъ?

ЛИДІЯ. Какъ хотите. Только пожалуста, чтобъ онъ не подумалъ, что я только для него пріѣхала.

МАІОРЪ. Тутъ-то и точка съ запятою. Какая же причина заставила васъ пріѣхать сюда подъ видомъ замужней.

ЛИДІЯ. Очень простая. Мнѣ нужно было повидаться съ тетушкой, но дѣвушкѣ—одной—въ дорогѣ, согласитесь, какъ-то неловко...

МАІОРЪ. Понимаю...

ЛИДІЯ. А подѣзжая къ Петербургу, мнѣ пришла мысль васъ поимстифировать.

МАІОРЪ. Чтобы одного свести съума... а другаго заставить говорить глупости?

ЛИДІЯ (*хлопая въ ладоши*). А ловко? Не правда-ли, ловко?

МАІОРЪ. Тс...

VII.

ТѢЖЕ, ЯКОВЪ приноситъ письмо.

ЯКОВЪ. Отъ господина Чудина.

МАІОРЪ (*читаетъ*). «Черезъ два часа меня здѣсь не будетъ. Мнѣ хотѣлось-бы повидаться съ тобою! Мое положеніе ужасно, нестерпимо!

(Смотритъ на Лидію, которая улыбается), Я ѣду, куда глаза глядятъ.—Поспѣши къ твоему вѣрному Юлію». Еще бы, (Беретъ шляпу). До свиданья. Подшучу же я надъ нимъ! Теперь, любезный! не отвертись: женись, или стрѣляйся со мною. (Полковницъ, показавшейся въ дверяхъ). Имѣю честь кланяться!

VIII.

ТѢЖЕ, ПОЛКОВНИЦА.

ПОЛКОВНИЦА. Куда вы?.. Отобѣдайте съ нами...

МАЮРЪ (уходя). Куда? до обѣда ли мнѣ теперь... Прощайте! (Уходитъ).

ПОЛКОВНИЦА (уходя). Лидія! кушанье подано.

ЛИДІЯ (за нею). Иду, теттушка... только мнѣ что-то ѣсть не хочется.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната Чулина. Вещи разбросаны по разнымъ угламъ. Онъ самъ укладываетъ въ чемоданъ бумаги, а старикъ Оома суетится около него.

ЧУДИНЪ и ООМА.

ЧУДИНЪ. Собирай поскорѣе; что ты такъ долго копаешься!

ООМА (суетится, едва передвигая ноги). Сейчасъ, баринъ, сейчасъ... Долго ли это прибрать. Я все притовлю въ одну секунду.

ЧУДИНЪ. Я не требую въ секунду. Убери хоть черезъ часъ.

ООМА (держитъ огромный узелъ, наверху котораго фаянсовая посуда). Въ секунду, баринъ. А куда мы поѣдемъ?

ЧУДИНЪ. Тебѣ какое дѣло! Хорошо ли ты осмотрѣлъ коляску?

ОМА. Ужъ не беспокойтеся; все въ исправности... только того... ось маленько лопнувши. (*Посуда падаетъ и разбивается*). Экъ угораздило ее! (*Послѣ небольшой паузы*). Это передъ деньгами, баринъ... Я поспѣваю къ каретному мастеру.

ЧУДИНЪ. Хоть не скачи, только ступай скорѣе.

ОМА (*уходя*). Какое тутъ скорѣе. Все къ сѣху... Тутъ знай вертись, какъ муха въ кипятокъ. (*За дверью*). Дома, дома... а я лечу къ каретному мастеру.

II.

ТЪ-ЖЕ и МАЮРЪ.

МАЮРЪ (*удерживая Оому*). Стой! помилуй братъ; пока полетишь, дай мнѣ трубку, а то послѣ тебя и не поймаешь.

ОМА. Въ одну секунду. (*Уходитъ*).

МАЮРЪ (*Чудину*). Здравствуй, Фабій! Какъ поживаешь?

ЧУДИНЪ. Худо.

МАЮРЪ. Серьезно, ты ѣдешь? А я думалъ, что ты еще немножко такъ себѣ... поворкуешь, понѣжничаетъ.

ЧУДИНЪ. Ты мнѣ надоѣлъ. (*Бросается въ кресло*). О! я погибъ! совсѣмъ погибъ! Я не предвидѣлъ, что зайду такъ далеко... что... что буду... вполне несчастливъ.

МАЮРЪ (*улыбаясь*). Гм!... гм!... Жаль... жаль.

ЧУДИНЪ. Оно и видно... ты смѣешься.

МАЮРЪ. Я, прахъ побереи... не люблю смѣяться... Я хотѣлъ что-то сказать...

ЧУДИНЪ. Только, пожалуйста, безъ всякихъ замѣчаній, а слова прегумудрости спрячь про запасъ для будущихъ внучатъ.

МАЮРЪ. Да я и не хочу тебя учить. (*Всторону*). И не предчувствуетъ, что я ему скажу. (*Омъ, который тащится съ трубкой*). Давай, давай... Вотъ такъ справился... Просто въ полсекунды.

ОМА. Какъ-же батюшка..., у меня все кипитъ въ рукахъ.

МАЮРЪ. Что и говорить! Ну, теперь лети себѣ.

ОМА. Лечу, лечу. (*Уходитъ*).

МАЮРЪ (*садится*). Такъ ты непременно ѣдешь сегодня?

ЧУДИНЪ (*вздохнувъ*). Буду.

МАЮРЪ. А съ нею—ты простился?

ЧУДИНЪ. Нѣтъ. Я надѣялся вечеромъ увидѣть ее въ театрѣ... но раздумалъ... Нѣтъ, не прощусь. Еслибъ я еще разъ взглянулъ на нее... то я незнаю....

МАІОРЪ. Чтò и говорить, На чтò ужъ я старикъ, а и меня смущаетъ.

ЧУДИНЪ. Еслибъ я еще разъ коснулся ея руки....

МАІОРЪ. Этой бѣлой, полненькой ручки! Какъ погладила меня сегодня по лицу; я думалъ, что выскочу изъ кожи.

ЧУДИНЪ. А улыбка?

МАІОРЪ. А миленькія гримасы?

ЧУДИНЪ. А голосъ, этотъ чудный, нѣжный, симпатическій голосъ?

МАІОРЪ. А носикъ?

ЧУДИНЪ. Чтò за талія! какія ножки!

МАІОРЪ. Просто—ядовитыя!

ЧУДИНЪ (*вскочивъ*). Нѣтъ... нѣтъ!... Воздушные замки... Остаться? Зачѣмъ? Чтобы мучиться страстью, чтобы разжечь еще больше огонь, который и безъ того меня жжетъ—и мучить ее.

МАІОРЪ. А! ты увѣренъ, что она тебя любитъ?

ЧУДИНЪ. О, да, почти увѣренъ, и это меня терзаетъ еще больше.

МАІОРЪ. Гм... Теперь понимаю. Лидія затѣмъ вѣрно шепнула теткѣ, чтобы она меня увела съ собою, чтобы вы остались tête a tête.

ЧУДИНЪ. О! блаженная минута!

МАІОРЪ. Должно-быть, вы попали на какую-нибудь чувствительную статью, потому-что, какъ ты ушелъ, она вдругъ стала грустна и задумчива.

ЧУДИНЪ (*закрывая глаза*). Ахъ, замолчи!

МАІОРЪ. Даже скажу тебѣ, что во-время наше горазговора—Лидія плакала. (*Всторону*). Каковы успѣхи въ вралистикѣ!

ЧУДИНЪ (*ходитъ скорыми шагами и ломаетъ себѣ руки*). О, я несчастливѣйшій человѣкъ!

МАІОРЪ. Жаль, что ты не женился. Славная была бы жена.

ЧУДИНЪ. Послушай! Не выводите меня изъ терпѣнія; не то, ей Богу, уѣду за городъ безъ фуражки.

МАІОРЪ. А теперь ты бы женился? Да нѣтъ, теперь она сама за тебя не пошла-бы!

ЧУДИНЪ. Почему?

МАІОРЪ. Еслибы Лидія какими-нибудь судьбами осталась дѣвицей... ты бы опять сталъ разбирать?.,

ЧУДИНЪ. Какой ты нестерпимый человѣкъ, говорю тебѣ... Еслибы

я подумалъ часъ, полчаса, полминуты, то позволилъ-бы... да я не знаю, что бы позволилъ съ собою сдѣлать.

МАІОРЪ. Да къ сожалѣнію, стараго не воротишь.

ЧУДИНЪ (*бросается въ кресла*). Уфъ!

МАІОРЪ. Ну, дѣлать нечего. Свершилось! Нѣтъ ея, вздохнемъ по нашей долѣ. Ничего... уѣдешь—разсѣешься... Позабудешь... Найдешь другую. (*Чудинъ вскакиваетъ съ одного кресла и бросается въ другое*). Сердечная болѣзнь тоже, что ядро въ сраженіи... какъ махнетъ мимо тебя, ты думаешь, только тебя и было, а между-тѣмъ это только контузія.... поболитъ, поболитъ, да и залечать... (*Садится*) Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. (*Чудинъ встаетъ и прохаживается*). Ахъ, да, слышалъ ты про капитана Передкова... славный малый, чудесный артиллеристъ,.. выдумалъ видишь— новаго рода фейерверкъ... да какое вышло презабавное происшествіе...

ЧУДИНЪ. Оставь меня, пожалуйста, съ твоими фейерверками и забавными происшествіями.

МАІОРЪ (*будто не замѣчая*). Представь себѣ.... Какая-то дѣвица.... одна.... пріѣхала въ Петербургъ.... изъ деревни, да и сговори- рилась съ своею бабушкою, или съ кѣмъ тамъ не помню, надѣла чепчикъ и выдала себя за замужнюю... А поклонники ея съ дуру и повѣрили... (*Чудинъ вдругъ передъ нимъ останавливается*). Что ты такъ странно на меня смотришь? Развѣ не вѣришь, что это могло случиться?

ЧУДИНЪ (*въ волненіи*). Послушай, ты.... быть не можетъ.... А какъ зовутъ эту дѣвушку?

МАІОРЪ. Да кажется, Лидіей.

ЧУДИНЪ. Неужели! Такъ она свободна?

МАІОРЪ. Эта свободна.

ЧУДИНЪ (*бросается обнимать Маіора*). Это она! она! Лидія? да?

МАІОРЪ (*освобождаясь*). Она... она... да пусти пожалуйста, не души меня.

ЧУДИНЪ. Какое счастье! Конецъ мученьямъ! Она моя!

МАІОРЪ. Вотъ ужъ за это не ручаюсь. А какъ она не захочетъ.

ЧУДИНЪ. О! Лидія любитъ меня. А то зачѣмъ бы ей сюда пріѣзжать?

МАІОРЪ. Зачѣмъ? Мало-ли какія могутъ-быть причины... а ты ужъ сейчасъ и вообразилъ, что для тебя? Больно самолюбивъ.

ЧУДИНЪ (*всторону*). Онъ меня дурачить... погоди-же, голубчикъ!

(Громко). Я просто, какъ помѣшанъ,.. Кажется, бредить начинаю Ты что-нибудь говорилъ? (Садится и задумывается).

МАІОРЪ (посль паузы, безпокойно). Какъ, говорилъ?... О чемъ ты такъ задумался?

ЧУДИНЪ (хладнокровно). Да есть о чемъ подумать. Но прежде всего я долженъ тебя поблагодарить... ты меня навелъ на разумъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Лидія могла пріѣхать сюда и по другимъ какимъ-нибудь дѣламъ. Но зачѣмъ ей было играть роль замужней женщины?... Это, знаешь-ли, даже немножко неприлично. (Въ-продолженіе этихъ словъ Маіоръ съ удивленіемъ отступаетъ понемногу, а Чудинъ къ нему все по немножку подходитъ).

МАІОРЪ (остановясь, грозно). Что? что ты сказалъ?

ЧУДИНЪ (отступая). Ну, если такъ, то дѣлать нечего. Жаль мнѣ бѣдняжку... но...

МАІОРЪ (наступая). Но... что такое но?

ЧУДИНЪ (отступая). Не скажу, чтобъ это мнѣ дешево обошлось, но какъ-быть, здравый разумъ велитъ мнѣ остановиться. На то и данъ человѣку умъ....

МАІОРЪ Опять за умъ взялся?

ЧУДИНЪ. Самъ разсуди, любезный!...

МАІОРЪ. Да что мнѣ толковать съ тобою. Всѣ вы на одну колодку. Вотъ ваши правила! ваши пламенные чувства! вмѣсто того, чтобы летѣть за счастьемъ, котораго ты не стоишь... вмѣсто того, чтобы упасть къ ногамъ женщины, которая такъ добра, что еще... онъ... (Передразнивая). Но, какъ-быть! Здравый разумъ велитъ... На то и данъ человѣку умъ... Тфу! (Хватаетъ шляпу). Э... да прахъ побери! прощай! (Быстро уходитъ).

ЧУДИНЪ. Куда-же, ты, куда?

МАІОРЪ. Прошу, милостивый государь, не говорить мнѣ ты. Съ людьми такого сорта я не знаюсь. А если вы вздумаете протянуть мнѣ руку гдѣ-нибудь въ публикѣ, то прошу не прогнѣваться, я съумѣю проучить за дерзость .. сто тысячъ милліоновъ бомбъ! (Уходитъ, сильно хлопнувъ дверью).

ЧУДИНЪ. Ха... ха... ха!... безцѣнный малый! (Пауза). Такъ это не сонъ! она свободна. Ахъ, какъ у меня теперь легко на душѣ. Но зачѣмъ было меня такъ долго испытывать? (Помолчавъ, скоро). Поймай же! я отплачу имъ того-же монетою.... Однако безъ маіора нельзя, онъ, пожалуй, все дѣло испортитъ (Кричитъ въ окно). Маіоръ! Тихонъ Никитичъ! Ваше высокоблагородіе.... (Взявъ шляпу, убѣгаетъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната у Полковницы.

—
III.

ПОЛКОВНИЦА вышиваетъ. **ЛИДІЯ** въ бѣломъ платьѣ, безъ чепчика, медленно ходитъ по комнатѣ, съ книгою въ рукахъ, послѣ бросаетъ ее и садится на козетку.

ПОЛКОВНИЦА. Что ты читаешь?

ЛИДІЯ. Послѣдній романъ Дюма.

ПОЛКОВНИЦА. Хорошъ?

ЛИДІЯ. Не знаю... Я смотрѣла въ книгу... видѣла буквы... разсматривала ихъ... но ничего не разобрала.

ПОЛКОВНИЦА. Отчего-же ты такъ разсѣяна? Кажется, вчера въ театрѣ тебѣ было весело?

ЛИДІЯ. Ужасно весело! Еслибы не стыдно, я бы ошикала автора, актеровъ, даже всю публику!

ПОЛКОВНИЦА. За что-же? А Жюль былъ тутъ?

ЛИДІЯ. То-то, что не былъ.

ПОЛКОВНИЦА. А ты его ждала?

ЛИДІЯ (встаетъ). Ждала и не дождалась, вообразите.

ПОЛКОВНИЦА. Это очень непріятно.

ЛИДІЯ. Какъ вспомню, такъ и теперь еще хочется заплакать съ досады. А кажется, я ему очень ясно намекнула, что хочу, чтобы онъ былъ въ театрѣ. Даже не показался. Это просто изъ рукъ вонъ!

ПОЛКОВНИЦА. А по моему, Жюль очень умно сдѣлалъ, что не пришелъ въ твою ложу. Это подало бы поводъ къ толкамъ, сплетнямъ... Онъ не хотѣлъ тебя компрометировать.

ЛИДІЯ (съ иронією). Вы думаете, что мужчины обращаютъ на это вниманіе? Имъ все-равно! Это хвастуны, которыхъ надо держать въ ежевыхъ рукавицахъ... а то они тотчасъ принимаются за роль маленькихъ тирановъ. Да ужъ хоть-бы тиранами-то умѣли быть во-время — а то и на это ихъ не хватаетъ!

—
IV.

ТѢЖЕ и ЯКОВЪ съ письмомъ.

ЯКОВЪ. Отъ Юлія Иваныча.

ЛИДІЯ (съ безпокойствомъ). Я предчувствовала... Что-нибудь да будетъ.

ПОЛКОВНИЦА (*пробѣжавъ письмо, складываетъ его и прячетъ*). Скажи человѣку, что будемъ ждать. (*Яковъ уходитъ*).

ЛИДІЯ. О чемъ онъ пишетъ, тетушка? Вы какъ-будто взволнованы?

ПОЛКОВНИЦА. Нѣтъ, мой другъ! Это дѣло до тебя совсѣмъ не касается.

ЛИДІЯ. Разумѣется... Но такъ, изъ любопытства... хотѣлось-бы прочесть.

ПОЛКОВНИЦА. Но ты знаешь, иногда пустяки могутъ насъ встревожить...

ЛИДІЯ. О, не беспокойтесь... Вы знаете, я обижена... Я такъ зла на него, что все перенесу хладнокровно.

ПОЛКОВНИЦА. Если такъ — то прочти. (*Даетъ ей письмо*). Чудинъ женится на другой.

ЛИДІЯ (*вскрикнувъ*). Ахъ!

ПОЛКОВНИЦА. Фи... Лидія! Будь же благоразумна...

ЛИДІЯ (*беретъ письмо и читаетъ дрожащимъ голосомъ*). «Милостивая государыня! Можетъ-быть непростительно съ моей стороны, что я, пользуясь постояннымъ вашимъ расположеніемъ, не посовѣтовался съ вами въ предпріятіи, важнѣйшемъ въ жизни человѣка. Но я, послѣ объясню причину моего молчанія. Я женюсь. Это для меня необходимо» (*Мнетъ письмо въ руку, немного спустя, опять развертываетъ его и читаетъ*). «На комъ я женюсь, вы узнаете черезъ часъ. Мнѣ хочется сдѣлать невестѣ свадебный подарокъ, и я надѣюсь, что вы можете мнѣ въ выборѣ нѣкоторыхъ вещей; у васъ такой прекрасный вкусъ!» (*Бросаетъ письмо и чуть не плачетъ*). А про меня ни слова! Какъ-будто я не существую. О! это ужасно! (*Бросается въ кресло и рыдаетъ*).

ПОЛКОВНИЦА (*взявъ ее за руку*). Стыдись, Лидія... Ну стоить-ли объ этомъ плакать?

ЛИДІЯ. Повсюду меня преслѣдоваль... Смотрѣлъ какъ на идола... Еще вчера... здѣсь... на этомъ самомъ мѣстѣ... О! притворство! О, мужчины! Всѣ, всѣ вы такіе...

ПОЛКОВНИЦА. Да... онъ съ тобою любезничаль... Но я не удивляюсь, если онъ женится на другой.

ЛИДІЯ. Вы не удивляетесь? Всѣ противъ меня.

ПОЛКОВНИЦА. Онъ думалъ, что ты замужемъ.

ЛИДІЯ. Ахъ, Боже мой, тетушка! Въ томъ-то и дѣло, что онъ знаетъ, что все это выдумка. Я всею призналась маіору, и просила

передать это Жюлю. А Жюль, вмѣсто того, чтобы сойти съ ума отъ радости... женится... на другой! О, это ужасно! *(Плачетъ)*.

V.

ТѢЖЕ, МАІОРЪ, входитъ съ выраженіемъ лица траги-комическимъ и говоритъ глухимъ голосомъ.

МАІОРЪ. Здравствуйте, Марья Петровна; Лидія Павловна — мое почтеніе! *(Полковницъ въ помолоса)*. Вы получили мою записку?

ПОЛКОВНИЦА *(тоже маіору)*. Получила. *(Погрозя)* Ой! вы! мужчины!

МАІОРЪ *(тоже Полковницъ, указывая на Лидію)*. Маленькій урокъ не мѣшаетъ.

ПОЛКОВНИЦА *(громко)*. Вы знаете?

МАІОРЪ. Знаю... знаю... гм... Потому-то я и скрывался какъ. *(Подходя къ Лидіи)*. Э!.. сударыня! стѣбитъ-ли изъ-за пустяковъ печалиться? Видно, такъ судьбѣ угодно. Противъ воды, плыть трудно.

ЛИДІЯ. Покорно васъ благодарю. Мнѣ не нужны ваши совѣты. *(Маіоръ отходитъ всторону и смѣется)*.

ПОЛКОВНИЦА. Ахъ, другъ мой, Тихонъ Никитичъ говоритъ изъ участья.

ЛИДІЯ *(поднимается и смотря на Маіора, топаетъ ногой)*. Я сожалѣній терпѣть не могу. *(Садится)*.

МАІОРЪ *(всторону)*. Брр... люблю такія горячія головы. *(Громко)*. Я не удивляюсь, что это васъ такъ задѣло за живое. Но надо же что-нибудь сказать и въ оправданье Чудина.

ЛИДІЯ. Видите! Я вамъ говорила, что все стануть его оправдывать!

МАІОРЪ. Вы были-бы правы... еслибы онъ зналъ, что рука ваша свободна... но...

ЛИДІЯ. Какъ? развѣ онъ не знаетъ?

МАІОРЪ. Не знаетъ.

ПОЛКОВНИЦА. А, что я говорила?

ЛИДІЯ. Благодарю, г. Маіоръ... Вы мнѣ прекрасно услужили... А, кажется, сами вызвались ему сказать... хотѣли даже драться... на дуэли.

МАІОРЪ. Вы хотите, чтобъ я дрался?

ЛИДІЯ. О, нѣтъ, нѣтъ... вовсе не хочу... *(Дѣлаетъ передъ нимъ съ гримасою книксенъ)*. Покорно васъ благодарю. *(Плачетъ)*.

МАЮРЪ. Простите. Я здѣсь ничуть не виноватъ. Я отправился къ нему съ объясненіемъ... думалъ застать его въ отчаяніи. А онъ, какъ вы думаете! Чѣмъ меня встрѣтилъ? «Поздравь, — говоритъ, — я женись, — ужъ все слажено, я... нашелъ не женщину, а просто и пр.» Что мнѣ было дѣлать? Сказать? А если откажется? Честь ваша пострадаетъ. Нѣтъ, прахъ побери, я рѣшился лучше умолчать; и хлопнувъ дверью, такъ что затряслись всѣ стѣны, — ушелъ.

ПОЛКОВНИЦА. И прекрасно сдѣлали.

ЛИДІЯ (подаетъ ему руку). Простите меня, добрый другъ мой!

ПОЛКОВНИЦА. Ну, Лидія... утри же свои слезы... Чудинъ сейчасъ придетъ.

ЛИДІЯ. Я не хочу его видѣть. Сейчасъ же уѣзжаю въ деревню. (Встаетъ).

МАЮРЪ. Ба! ба! ба! это что? (Полковницѣ). Нѣтъ, ужъ вы не позволяйте... прахъ фу! виноватъ... онъ подумаетъ, что вы въ-самомъ-дѣлѣ влюблены въ него безъ ума, безъ памяти... Надо умѣть иногда показать и свою гордость. Развѣ вы съ вашимъ умомъ не сдумаете владѣть собою?

ЛИДІЯ (вытирая глаза). О, сдумю... будьте спокойны. (Встопрону). Неблагодарный!

ПОЛКОВНИЦА. Увидишь, какъ я его встрѣчу хладнокровно...

VI.

ТѢЖЕ И ЯКОВЪ, ПОТОМЪ И ЧУДИНЪ.

ПОЛКОВНИЦА (входящему Якову). Что? вѣрно Чудинъ? Проси... проси. (Яковъ уходитъ, Лидія беззаботно садится на козетку и беретъ книгу. Маюръ прохаживается надувшись. Чудинъ входитъ, поглядывая несмѣло на Лидію. Яковъ вноситъ картонки и ставитъ ихъ у дверей на стуль.)

ПОЛКОВНИЦА. А! Юлій Ивановичъ! Какъ поживаете? (Чудинъ цѣлуетъ ея руку). Вѣрно хорошо. Поздравляю, поздравляю, и отъ души радуюсь вашему счастью.

ЛИДІЯ (встопрону). Есть чему радоваться. (Читаетъ).

ЧУДИНЪ (приближаясь къ Лидіи). Вы такъ углубились въ чтеніе.

ЛИДІЯ (хладнокровно). А! извините, мосье Жюль, я васъ и не замѣтила.

МАЮРЪ (встопрону). Какова!

ЛИДІЯ. Поздравляю, поздравляю! Наконецъ—то вы превозмогли свою нерѣшительность. Пора! (*Чудинъ кланяется*). Видите, какъ хорошо слушаться друзей. Я, кажется, прописала вамъ этотъ рецептъ... вчера, помните? (*Подаетъ Чудину² руку съ кокетствомъ*). Увидите... онъ будетъ вамъ полезенъ... пріятный мой рецептъ... Вы еще не опоздали. (*Всторону*). Измѣнникъ!

ЧУДИНЪ (*цѣлуетъ руку Лидіи, но она ее тотчасъ освобождаетъ*). О! надѣюсь.

ЛИДІЯ (*Всторону*). Его рука дрожить!

ЧУДИНЪ (*Всторону*). Она плакала! какое счастье! (*Маіоръ мимоходомъ задѣваетъ Чудина и покашливаетъ*). А, здравствуйте, маіоръ!

МАІОРЪ. Слуга покорный, слуга покорный. (*Отворачивается и ходитъ по-прежнему*).

ЛИДІЯ (*иронически*) A quand la pose, monsieur Jules?

ЧУДИНЪ (*улыбаясь*). Думаю сыграть свадьбу, какъ можно скорѣе.

ЛИДІЯ. И умно сдѣлаете. Вы и такъ ужъ много потеряли времени.

ЧУДИНЪ. Зато вы далеко меня опередили.

ЛИДІЯ. О! это неудивительно.. Я, кажется, постарше васъ... Не такъ ли?

ЧУДИНЪ. Вы смѣтаете надо мною... Какъ я радъ, что вы веселы.

ЛИДІЯ. Вотъ забавно! Счастье моихъ друзей никогда меня не огорчаетъ. (*Всторону*). Qu'il est bête! fi!

ПОЛКОВНИЦА. Покажите, Юлій Ивановичъ, ваши покупки... Полюбуемся. (*Чудинъ идетъ къ картонкамъ*).

ЛИДІЯ. А, и подарки? C'est fort galant, en verité!

МАІОРЪ (*проходя мимо Лидіи*). Хорошо, чудесно! Держись крѣпче!

ЛИДІЯ (*маіору*). Чуть, чуть не выскочить сердце.

МАІОРЪ (*Лидіи*). Пшт.. (*Лидія читаетъ*).

ЧУДИНЪ. Только неслишкомъ критикуйте... это не мужское дѣло.

ПОЛКОВНИЦА. Вы скромны... а у васъ прекрасный вкусъ (*Разсматривая брошку*). Какъ хороша! очень... очень мила.

ЧУДИНЪ. Вы находите?

ПОЛКОВНИЦА. Увѣряю васъ..

ЛИДІЯ (*небрежно*). Покажите. (*Чудинъ бѣжитъ къ ней и подаетъ брошку. Лидія беретъ нехотя брошку и тотчасъ же возвращаетъ*). Que c'est jolie. (*Всторону*). Ужъ вѣрно для какого-нибудь цвѣтка фуфырки.

ПОЛКОВНИЦА. Сколько здѣсь чудесныхъ вещей! просто глаза разбѣгаются. Лидочка! Подойди—ка, посмотри.

МАЮРЪ (Лидіи). Да... въ-самомъ-дѣлѣ чудныя вещицы, взгляните.

ЛИДІЯ (почти зѣвая). Тетушка! Je suis si paresseuse!

ПОЛКОВНИЦА. Ты хочешь, чтобъ я къ тебѣ пришла?

ЛИДІЯ (подбѣжавъ). Нѣтъ, нѣтъ, что вы!

ПОЛКОВНИЦА. Что за ожерелье... Какой браслетъ! Пожалуйста, примѣрь ихъ... Они, кстати, подойдутъ къ твоему платью.

МАЮРЪ (шепчетъ на ухо Лидіи). Надѣньте... На зло ему, надѣньте. Пусть увидитъ, какой онъ болванъ.

ЛИДІЯ. Къ чему же... Къ чему?... Впрочемъ, если это вамъ угодно... (Садится. Полковница одѣваетъ ее).

ЧУДИНЪ (маюру). Я сойду съ ума!

МАЮРЪ (вполголоса). Чш... (Громко) Какъ хотите... мнѣ какое дѣло.

ПОЛКОВНИЦА. Вотъ еще ожерелье... Какая вода... прелесть!

ЧУДИНЪ. А на такой алебастровой шейкѣ оно вдвое лучше...

ЛИДІЯ (обидясь). Compliments! Можно поздравить вашу невесту. (Подходитъ важно къ зеркалу).

ЧУДИНЪ (Маюру). Ахъ! какъ она хороша!

МАЮРЪ (дергаетъ его за руку). Ст!.. (Полковница надѣваетъ на руки Лидіи браслетки).

ЛИДІЯ. А propos, mg. Jules! Какой ростъ у вашей невесты? Вѣрно она низенькая, полненькая?... угадала?

ЧУДИНЪ. Напротивъ — она вашего росту.

ЛИДІЯ. Въ-самомъ-дѣлѣ? А позвольте спросить, какъ ея имя? должно быть нѣжное — романическое... Матильда... Адель... Жюли...

ЧУДИНЪ (смотря на Лидію съ восторгомъ). Лидія.

ЛИДІЯ (смѣшавшись). Что?

ЧУДИНЪ (становится на колено). О! да! Лидія, если вы согласны. (Лидія блѣднѣетъ, садится въ кресла, закрывъ глаза рукою. Чудинъ беретъ другую ея руку и цѣлуетъ). Не буду говорить много... Я ищу счастья! Наградите меня за всѣ мученья, которыя я претерпѣлъ... Согласны?

ПОЛКОВНИЦА и МАЮРЪ (тронутые). Согласись! согласись!

ЛИДІЯ (нѣжно смотритъ на Чудина и подаетъ ему другую руку). Скажите: вы знали, что я свободна?

ЧУДИНЪ. Только вчера узналъ.

ЛИДІЯ. И рѣшились меня мучить?

ЧУДИНЪ. Простите, Лидія. (*Улыбаясь*). Больше никогда не буду.

ЛИДІЯ. Васъ бы надо... но что дѣлать?... Такъ и быть — на этотъ разъ — согласна. (*Встаетъ*).

ЧУДИНЪ. О, блаженство!

ЛИДІЯ. Но замѣйте, это только потому, что мнѣ лѣнь снимать ваши подарки!

ПОЛКОВНИЦА (*обнимая Лидію*). Я только этого и желала.

МАЮРЪ. Я тоже что-нибудь да сдѣлалъ полезное... Мнѣ тоже, что-нибудь слѣдуетъ.

ЛИДІЯ. Обнимите меня! Постояннѣе васъ я не знаю мужчины. (*Обнимаются*). Однакожъ и вы были противъ меня!

МАЮРЪ (*прослезившись*). Ну, баста! баста! Только послѣ свадьбы я не совѣтую играть комедію съ мужемъ; изъ этого можетъ выйти мелодрама.

ЛИДІЯ. Увидимъ. Объ этомъ исторія впереди.

ЧУДИНЪ (*держа руку Лидіи*). А я скажу! До исторіи у насъ никогда не дойдетъ!

М. Бобровскій.

II.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ.

I.

На бронзовыхъ часахъ гостиной раздалось девять мелодичныхъ ударовъ, и Алина, въ бальномъ платьѣ, сошла изъ своей комнаты въ нижніе покои. Они были освѣщены, и высокія тропическія растенія бросали трепещущія тѣни на гладкій паркетъ и разноцвѣтные ковры. Темная, благоухающая ночь, вѣяла изъ двери, отворенной въ садъ, — въ яркую пустую залу. Ройяль былъ открытъ. Алина сѣла передъ нимъ, и ея пальчики судорожно пробѣжали по клавишамъ, извлекая изъ нихъ страстно-унылые звуки. Молодая дѣвушка не замѣтила, какъ въ залу вошла маленькая дама, въ великолѣпномъ токъ, изъ-подъ котораго пробивались черныя пушистыя букли. Кружевной платокъ, накинутый на шелковое платье темнаго, неопредѣленнаго цвѣта, не скрывалъ гибкаго, сухощаваго стана, а горбатый носъ, маленькій ротъ, съ ослѣпительно бѣлыми зубами, и черные блестящіе глаза, ясно доказывали, что дама эта обладала нѣкогда замѣчательною красотою. Дама подошла къ ройялю и слегка дотронулась своимъ букетомъ до обнаженнаго плеча Алины.

— А! вы уже готовы, ma tante! сказала дѣвушка.

— Какъ видишь; мнѣ бы хотѣлось поговорить съ тобою.

— Опять совѣты!

— Ты ихъ не любишь, я знаю, но должна меня выслушать.

— Извольте, слушаю.

— Твой женихъ, мой другъ, не молодъ.

— Къ несчастію.

— Онъ долженъ быть ревнивъ.

— Это съ его стороны любезно.

— Положимъ; но ты не знаешь, что ревность жениха очень различна отъ ревности мужа: чему женихъ улыбается, отъ того мужъ хмурится; что сойдетъ съ рукъ теперь, то припомнится послѣ.

— Страшно, ma tante.

— Не забывай, что ты новое лицо въ провинціи... то, что въ иномъ мѣстѣ примутъ за остроуміе и любезность—здѣсь назовутъ скандаломъ. Сегодня твой сговоръ; — глаза всѣхъ будутъ обращены на тебя, какъ на хозяйку, какъ на невѣсту, и какъ на виновницу праздника... будь осторожна, chère amie...

— Ma tante, кто-то пріѣхалъ!

Баронеса Воличъ была права. Алина сдѣлалась предметомъ всеобщаго любопытства, частной зависти и частнаго восхищенія. Молодая дѣвушка чувствовала себя какъ-то неловко, потому ли, что была въ новомъ для нея обществѣ, или по другой причинѣ. Вмѣшавшись въ толпу гостей, она молча жала руки дѣвицамъ, улыбалась комплиентамъ мужчинъ, не слушая ихъ, часто путалась въ фигурахъ кадрили; польки, вальсы, галопа — утомляли ее. Она танцевала съ задумчивой граціей, съ разсѣяннымъ взглядомъ, съ принужденной улыбкой.

Въ дверяхъ залы, не перемѣняя своего мѣста, стоялъ женихъ Алины — высокій старикъ, съ важной осанкою. Онъ стоялъ въ живописной позѣ, съ глубокомысленнымъ видомъ, и только разговаривая съ женщинами, или даже слушая ихъ, — считалъ непремѣннымъ долгомъ улыбаться; вообще онъ былъ очень важенъ. Молоденькая невѣста, изъ приличія, нѣсколько разъ подходила къ нему, и въ концѣ вечера сказала: — Здѣсь, говорятъ, такой обычай, чтобы невѣста непременно танцевала мазурку съ женихомъ, хотите быть моимъ кавалеромъ?

— Сердце мое молодо, — отвѣчалъ онъ съ выразительнымъ жестомъ, — но взгляните на мою сѣдину: позволить ли она мнѣ быть парю такой красавицы, какъ вы.

— Такъ съ кѣмъ же мнѣ танцовать? меня никто не ангажируетъ.

— Никонъ Семенычъ, — сказалъ генераль, обращаясь къ толстому сосѣду съ бѣлокуроыми усами, — у васъ нѣтъ дамы для мазурки?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Такъ вотъ! и онъ жестомъ, полнымъ достоинства, указалъ на Алину.

Сосѣдъ съ неподражаемою ловкостію подскочилъ и съ поклономъ предложилъ свою руку молодой дѣвушкѣ.

Когда они сѣли, онъ началъ разговоръ слѣдующимъ образомъ.

— Я, знаете, въ нѣкоторомъ родѣ счастливецъ: и въ танцахъ, и въ прогулкахъ всѣ женихи поручаютъ мнѣ невѣсть своихъ; право! Всѣ говорятъ: Никонъ Семенычъ безопасенъ для сердца.

— Я совершенно противнаго мнѣнія, — возразила, смѣясь, Алина, — здѣсь вы мнѣ нравитесь больше всѣхъ.

— Гм... д-да-съ... А не изволили примѣтить, что у меня за спиною.

Молодая дѣвушка повернула голову, и взоры ея встрѣтили черные глаза молодаго человѣка — стоявшаго у рояля. Она слегка покраснѣла, и потомъ тихо спросила у своего кавалера: — кто это?

— Гость изъ Петербурга, пріѣхалъ къ намъ по дѣлу, какъ называютъ. А молодецъ собою! Изволили замѣтить?

— Тетуска сегодня съ нимъ долго разговаривала.

— У баронессы есть тяжёлое дѣло, такъ онъ видно знакомъ съ этимъ предметомъ. — Намъ начинать.

И покуда толстякъ, не щадя каблучковъ, исполнялъ мазурку съ должнымъ усердіемъ, — дама его, повинувшись невѣдомой силѣ, подняла глаза и замѣтила, что взоры петербургскаго гостя прикованы къ ней.

— Вамъ выбирать кавалера! раздалось надъ ея ухомъ.

Она оглянулась, неровными шагами подошла къ молодому чезовѣку, съ черными глазами, и въ смущеніи наклонила голову, — протянула ему руку.

Она была прелестна въ эту минуту.

Съ легкимъ поклономъ онъ дотронулся до ея руки, и они понеслись по залѣ.

Гость изъ Петербурга ловко и съ увлеченіемъ танцевалъ мазурку, какъ и слѣдуетъ танцовать этотъ восхитительный танецъ. Его глаза смѣло и неотразимо остановились на глазахъ красавицы; его лицо было

такъ выразительно, какъ—будто онъ представлялъ въ живой картинѣ говорящаго человѣка.

Эта мазурка произвела впечатлѣніе на Алину; не менѣе того произвела на нее впечатлѣніе поспѣшность горничной опустить шторы въ спальнѣ, въ то время, какъ барышня пришла раздѣваться, по той причинѣ, что напротивъ была отведена комната для прїѣзжаго изъ Петербурга.

Кто же былъ этотъ гость изъ Петербурга, этотъ красавецъ, съ черными, блестящими глазами, съ худощавымъ, блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ, съ умѣньемъ танцовать мазурку? Это былъ бѣднякъ, живущій чуть-ли не въ мансардѣ, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Петербурга. — Во всей его жизни былъ одинъ достопамятный день, тотъ день, когда опускали въ землю гробъ его любимой матери; и съ-тѣхъ-поръ, какъ и прежде, онъ постоянно и неутомимо пробивалъ себѣ тропинку на житейскомъ поприщѣ и добился наконецъ до того, что его стали считать порядочнымъ малымъ и человѣкомъ съ головой. — Онъ назывался Николай Петровичъ Чалинскій.

На другой день послѣ бала, гуляя утромъ въ саду, Чалинскій увидѣлъ въ окнѣ кіоска смѣющуюся, сѣдую голову. — Вѣрно она тамъ! подумалъ онъ и не ошибся. — Поворотивъ къ пруду, онъ замѣтилъ въ томъ же окнѣ прелестную головку, склоненную надъ книгой.

Алина была въ черномъ платьѣ, и оно удивительно шло къ ея блѣдному, нѣсколько утомленному личику и къ бѣлокурымъ, выющимся волосамъ. — До слуха молодого человѣка долетѣли слова нѣжнаго романса.

Чалинскій никогда не слышалъ словъ любви, произнесенныхъ женщиною; голосъ мягкій и звучный, которымъ переданы были стихи романса, казалось, удвоивалъ ихъ поэзію. — Въ невыразимомъ волненіи онъ быстро удалился. — За чѣмъ не мнѣ она ихъ говорила? мелькнула въ головѣ его эгоистическая мысль. Впрочемъ, продолжалъ онъ, она должна быть пустая женщина, неспособная къ истинной любви. Почестъ и деньги заставили ее отдать сердце человѣку, котораго она любить не можетъ. Чалинскій не долго думалъ оставаться въ веселомъ помѣстьѣ баронессы Воличъ, находившемся въ двухъ верстахъ отъ города — Но противъ его ожиданія, о дѣлахъ хозяйки не было и помина. — Управляющій былъ въ отлучкѣ, а сама баронесса цѣлое утро имѣла обыкновеніе заниматься туалетомъ; по вечерамъ принимала гостей, а между утромъ и вечеромъ время было такъ утомительно жарко и люди такъ безмятежно лѣнны. Герой мой былъ не прочь наслаждаться мирною, роскошною жизнію, подѣ

одною кровлею съ прелестною дѣвушкой. Ему казалось, что безпрерывный, серебряный хохот Алины — лучшее украшеніе этихъ великолѣпныхъ комнатъ. Маленькое общество въ Веселомъ состояло изъ баронессы, сѣдаго жениха, Алины и Чалинскаго. Молодые люди инстинктивно отдѣлились отъ старшихъ. — Алина любила игры, требующія живости, движенія. Чалинскій былъ ловокъ и превосходно управлялъ палочкою сюрсо и воланомъ. — Однажды, утомившись, Алина упала на скамейку, и глаза ея задумчиво остановились на золотой полоскѣ горизонта.

— Что вы тамъ видите? спросилъ Чалинскій, подходя къ ней.

«Я думаю: тамъ Петербургъ.»

— И сердце васъ къ нему тянетъ?

«О нѣтъ, мнѣ здѣсь лучше, свободнѣе.... я могу гулять въ полѣ, видѣть небо... а тамъ сиди въ четырехъ стѣнахъ! — По моему, наши комнаты въ городскихъ домахъ ни что иное, какъ огромныя коробки, куда прячутъ людей, чтобы сохранить ихъ отъ стужи.»

— Но наша русская зима имѣетъ также свою поэзію.

«Не спорю, — но что-можетъ сравниться съ поэзіей цвѣтовъ, растущихъ на вольномъ воздухѣ! Когда я была ребенкомъ, мнѣ казалось, что цвѣты дышатъ, видятъ и чувствуютъ; что грѣшно и жестоко ихъ рвать, причиняя имъ этимъ боль и смерть.»

— И это убѣжденіе въ васъ сохранилось?

«Не совсѣмъ; но я знаю, что мое призваніе—быть садовницей. — Я готова нѣсколько часовъ сряду восхищаться нѣжнымъ колоритомъ и запахомъ розы, или нарциса. — Мнѣ кажется, что въ цѣломъ мірѣ! только цвѣтокъ можетъ возбудить во мнѣ столько заботъ и любви.»

— Только? спросилъ Чалинскій, пристально смотря на нее.

«Только;—отвѣтила она съ покойнымъ взглядомъ.»

Въ эту минуту лакей доложилъ, что подано кушать.

Алина, по обыкновенію, мало ѣла, а занималась смѣшиваньемъ разныхъ кушаевъ, на своей тарелкѣ; и потомъ кормила этимъ винегретомъ маленькую собачку баронессы. Чалинскій замѣчалъ это; онъ замѣчалъ также, что въ комнатѣ Алины, далеко за полночь, горѣла свѣча; имѣетъ ли она обыкновеніе писать дневникъ, или украдкой читаетъ романы, — только молодой человѣкъ вѣрно заключилъ, что у его сосѣдки безсонница и недостатокъ аппетита. — А между-тѣмъ, она шалить, какъ ребенокъ; женихъ иногда кисло улыбается, но она не обращаетъ на него вниманія. — Она любитъ общество, любитъ, чтобы ей льстили, чтобы ее занимали; она большая насмѣшница, и часто

трунить надъ Чалинскимъ. Однажды онъ отшушился очень ловко и мило, но потомъ замолчалъ, и отойдя въ сторону, сталъ разсматривать гравюры кипсека. Вскорѣ, улучивъ минуту, когда въ гостиной никого не было, Алина спросила его: — Вы на меня сердитесь? — Онъ закрылъ книгу и съ улыбкою взглянулъ на нее. — Я? на васъ? У меня и въ мысли этого не было.

— Правда?—и не стоить!

»Да и нельзя!—И онъ тихо взялъ ея руку. — Эта рука горѣла и дрожала.

— У васъ лихорадка? сказалъ онъ, — вы простудились.

«Не знаю.... можетъ-быть... мнѣ, право, все равно!

Она убѣждала.

Въ саду въ это время былъ слѣдующій разговоръ между женихомъ и баронессою .

— Что у васъ дѣлаетъ этотъ Чай....ковскій.... Чали...нскій.... говорилъ генералъ, хмурия брови; *il m'a l'air d'un homme de mauvaise compagnie* — мнѣ въ немъ что-то не нравится.

«Вѣрно молодость, — подумала баронесса, которая всегда была очень любезна съ Чалинскимъ.

— *Le croyez vous garder encore longtemps?* Заплатите ему, да пусть себѣ убирается.

«*Je ne demande pas mieux!*—было отвѣтомъ,—но прежде всего, мнѣ надо выиграть дѣло.

На другой день Чалинскій просидѣлъ цѣлое утро надъ кипкою бумагъ, заключавшихъ неинтересное изложение дѣла баронессы.—Полдень былъ жаркій, небо безоблачно, окно комнаты полузакрыто шторой. Молодой человекъ улыбнулся, заслышавъ маленькій стукъ; знакомое окно на противоположномъ фасадѣ отворялось. Незамѣченный, онъ могъ видѣть и слышать все, что будетъ происходить въ завѣтной комнатѣ молодой сосѣдки. Было такъ тихо, что, казалось, день замеръ въ томленіи зноя. И вотъ Алипа то показывается, то исчезаетъ; она ходитъ по комнатѣ; вотъ она остановилась у окна, протянула руку къ кусту сирени и сорвала душистую вѣтку, глядѣвшую въ ея комнату и отражавшуюся въ зеркалѣ ея туалета. Ея бѣленькіе зубы стали отрывать цвѣточекъ за цвѣточкомъ; но она это дѣлаетъ безсознательно, потому-что взоры ея разсѣянно бродятъ вдали, и неясная, лукавая улыбка, скользитъ по розовымъ губкамъ. Вѣрно плутовка задумываетъ новую шалость.

Чья-то рука легла на ея плечо. Алина вздрогнула.

— О чемъ ты думала? спросила баронесса.

«Я думала о томъ, ma tante, что буду очень несчастлива въ замужствѣ.

— Еслибы это могло быть, я ни за что не согласилась-бы на предложеніе твоего жениха?

«Но что-же можетъ быть порукою за мое счастье?»

— Пршедшее. Первая жена его была счастливѣйшею женщиной.

«Да, но онъ былъ поручикомъ, когда на ней женился.

— Гораздо пріятнѣе быть генеральшей.

«Почему-же?»

— Станный вопросъ! да хоть потому, что тебя будутъ величать: «ваше превосходительство». По замужству и по родству, ты будешь принадлежать къ высшей аристократіи. Наконецъ, ты — дѣдушка безъ состоянія, а онъ богатъ....

«Это правда... мы будемъ играть только въ свѣтѣ не послѣднюю роль.

— Что у тебя за странныя мысли, Алина? Ты, кажется, прежде разсуждала благоразумнѣе!

«Быть-можетъ; мнѣ прежде было все-равно; а теперь меня непрерывно мучать страхъ и тоска за будущее; я хохочу по привычкѣ.

— Это пройдетъ. Я сама выходила за-мужъ за старика; — женихомъ онъ мнѣ не нравился, а къ мужу—привыкла.

«Я-бы съ радостью отказалась отъ этаго брака.

— Ты съ ума сошла; какъ это можно! — Что скажутъ Сельскія, которыя такъ завидовали тебѣ.

Чалинскій слышалъ весь этотъ разговоръ и—Богъ вѣсть почему—онъ ему понравился. Весь день онъ былъ веселъ, а на другое утро отправился въ городъ, гдѣ интересъ баронессы требовалъ его присутствія. Черезъ два дня, ненастнымъ вечеромъ, онъ воротился, съ радостною вѣстью, что дѣло приняло удовлетворительный оборотъ. Въ Веселомъ были гости, петербургскіе знакомые, и вмѣстѣ съ тѣмъ деревенскіе сосѣди. Въ душистой атмосферѣ гостиной, пропитанной запахомъ цвѣтовъ и гаванскихъ сигаръ, пронеслось нѣсколько серьезныхъ мнѣній, французскихъ комплиментовъ и аккордовъ фортепьяно. Алина съ какимъ-то старичкомъ разговаривала у пылающаго камина. Иззябшій и утомленный Чалинскій сѣлъ невдалекѣ отъ нихъ. Старичекъ отошелъ вскорѣ. Алина осталась.

— Скажите, пожалуйста, заговорила она, тихонько къ нему при-

двигаясь, отчего въ тотъ вечеръ, помните, когда у насъ былъ балъ, вы такъ мало танцовали?

«Вы замѣтили это?»

— Вы не отвѣчаете на мой вопросъ.

«Отчего я тогда мало танцовалъ? Оттого, что былъ новымъ лицомъ, незнакомымъ дѣвицамъ, и боялся замѣнять въ кадрили господъ, вѣроятно болѣе пріятныхъ, болѣе....»

«У васъ ужасное самолюбіе.

— Это не порокъ.

«Не знаю, впрочемъ, не мнѣ объ этомъ судить: у меня у самой много пороковъ.

Чалинскій сказалъ на это приличную фразу.

Алина прервала ее.

— Я не для того откровенна съ вами, чтобы вызывать вашу любезность; мнѣ хочется, чтобы вы были искренны и сами сказали, что во мнѣ много дурнаго. Тетушка вовсе не занималась моимъ воспитаніемъ.... Мнѣ, можетъ-быть, этаго не слѣдовало-бы говорить, но я чувствую къ вамъ особенное довѣріе.

Алина сама испугалась этихъ словъ, невольно сорвавшихся съ ея языка. Чалинскій улыбнулся и взоромъ поблагодарилъ ее.

— Вы не любите вашей тетушки? спросилъ онъ.

«Нѣтъ, я люблю ее, но я-бы ее любила гораздо больше, еслибы между ею и мною вѣчно не становилось воспоминаніе о моей матери. Мать моя и она были родныя сестры, но я не знаю женщинъ болѣе несхожихъ, какъ онѣ. Нетолько по наружности, потому-что мать моя была блондинка, съ голубыми глазами, но и по характеру. Маменька вышла за-мужъ — по любви, за бѣднаго чоловѣка; — тетушка, за старика барона; — маменька любила уединеніе и безвѣстность; цѣль тетушкиной жизни была блистать въ модномъ свѣтѣ; наконецъ, маменька хотѣла изъ меня сдѣлать добрую и умную дѣвушку, а тетушка только дѣвушку тонную, свѣтскую.

— Вы рано лишились вашей матушки?

«Семи лѣтъ. Меня тогда привезли къ тетушкѣ, которой я почти не знала. Ей очень понравилось то, что у меня бѣлокурые локоны и бойкіе, каріе глаза. Она меня показала всѣмъ своимъ знакомымъ. Первое лѣто, которое я провела у нея, нося еще трауръ, мы жили здѣсь, въ Веселомъ, и въ той комнатѣ, гдѣ теперь моя спальня, была

моя дѣтская. Я была самымъ капризнымъ, самымъ несноснымъ ребенкомъ, — наказаніемъ для моей гувернантки и учителей, неимѣвшимъ ни снисхожденія, ни терпѣнія моей покойной матери. Но если платьице на мнѣ хорошо сидѣло, шляпка была къ лицу или кружева красиво болтались надъ сапожками, тогда мнѣ тетушка все прощала.

— Но согласитесь, вы были ея любимымъ, балованнымъ ребенкомъ.

«Конечно! но будь я рябая, кссая или рыжая, меня-бы, можетъ-быть не такъ бы любили. Теперь ко мнѣ привыкла тетушка, и если я болѣе не ея игрушка, то я ея племянница.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора, генераль былъ отозванъ на холостой вечеръ къ вице-губернатору. Алина рѣшилась воспользоваться его отсутствіемъ и какъ можно болѣе повеселиться. Она приказала осѣдлатъ свою англійскую лошадку, и явилась на крыльцѣ въ черной амазонкѣ, въ мужской шляпѣ, съ тоненькимъ хлыстикомъ въ рукѣ.

Чалинскій долженъ былъ ей сопутствовать. Когда-то, несмотря на стѣсненные обстоятельства, онъ взялъ нѣсколько уроковъ верховой ѣзды, полагая, что мужчинѣ, во всѣхъ сословіяхъ и при всякомъ состояніи, необходимо умѣть управлять лошадыю, и ѣздилъ, съ свойственною ему ловкостью и отважностью.

Онъ посадилъ на коня хорошенькую наѣздницу... они галопомъ помчались. Въ ближайшей рощѣ они остановились, и опустивъ поводья, медленно продолжали путь по аллеѣ темныхъ, съ легкимъ шумомъ вздрагивающихъ деревьевъ. Чалинскій любовался граціозными движеніями Алины.

— Боже мой! какъ она хороша! я-бы душу мою за нее отдалъ, подумалъ молодой человекъ, и эти мысли, казалось, горѣли въ его нѣжномъ и грустномъ взглядѣ.

Алина отвортила голову, прислушиваясь къ далекой русской пѣснѣ.

— Какъ хорошъ этотъ вечеръ! сказала она наконецъ, чтобы сказать что-нибудь.

— О да, за такой вечеръ можно отдать много лѣтъ жизни.

— Надѣюсь мы повторимъ его. Вѣдь вы у насъ еще долго пробудете.

— Я уѣзжаю послѣ завтра.

Эти слова какъ-то странно, рѣзко прозвучали и смолкли въ дремотной тишинѣ вечера.

«Такъ скоро! мы васъ не пустимъ... И въ Петербургѣ, надѣюсь, вы будете нашимъ добрымъ знакомымъ.»

— Скажите, что общаго между мною и вашими петербургскими знакомыми? Среди ихъ я буду въ вашей гостиной только ненужная мебель.

«Этою излишнею скромностью вы хотите заранѣе извинить себя за то, что насъ забудете среди столичныхъ удовольствій ..»

— Удовольствія для меня недоступны, потому-что я бѣденъ, — а васъ я не могу забыть потому... потому...

— Ну, почему-же? Выдумайте поскорѣе.

— Потому-что я васъ люблю.

Молодая дѣвушка вздрогнула и быстро на него посмотрѣла.

— Я васъ люблю, продолжалъ онъ звучнымъ и печальнымъ голосомъ; я благодаренъ вамъ за то, что въ моей жизни будетъ хотя одно свѣтлое воспоминаніе; мои слова тѣмъ болѣе искренны и чистосердечны, что мнѣ не придется повторить ихъ болѣе.

«Но за чѣмъ-же вы мнѣ это говорите?»

— Это правда; я забылъ, что неприлично говорить о любви съ благовоспитанными дѣвушками, — но не бойтесь я разстанусь съ вами, какъ другъ, искренно желающій вамъ счастья въ новой вашей жизни.

«Вы это говорите такимъ тономъ, какъ-будто сомнѣваетесь въ моемъ будущемъ счастіи.»

— Сердце всегда не совсѣмъ вѣритъ въ то, чего всего болѣе желаетъ.

«Но если мое счастье только отъ меня зависитъ?»

— Что вы хотите этимъ сказать?»

«Пора домой! и съ этими словами она повернула лошадь и поскакала.»

При лунномъ свѣтѣ они воротились въ усадьбу.

Алина прямо пошла въ свою комнату, отпустила горничную, пришедшую раздѣвать ее, и сбросивъ только шляпу, долго у открытаго окна любовалась лунною ночью. Я любима и люблю! говорила она сама съ собою, и этотъ шопотъ любви, этотъ гимнъ невиннаго молодаго сердца съ дыханіемъ засыпающихъ цвѣтовъ возносился къ небу, смѣси лазури и серебристаго трепещущаго сіянія. Отойдя отъ окна, она зажгла свѣчу, и вынувъ изъ ящика письменнаго стола тетрадь, въ бархатномъ переплатѣ, принялась писать:

«Я помню себя ребенкомъ въ гостиной тетушки, среди свѣтскихъ «красавицъ и модныхъ львовъ. Я помню, какъ хорошенькая Надинька,

«разсѣянно играя моими локонами, съ улыбкой упоенія слушала льсти-
«выя рѣчи П. Помню, какъ въ другой вечеръ, П. повторялъ тоже са-
«мое богатой Пинѣ Бѣловодской. Съ дѣтскимъ легковѣріемъ запоминала
«я ѣдкіе сарказмы на людей, казавшихся мнѣ идеаломъ доброты и бла-
«городства. Меня не остерегались, меня не замѣчали и часто смѣло об-
«наруживали при мнѣ — примодушные — свое притворство, друзья —
«свою ненависть, твердые волей — малодушіе, доброжелатели — зависть и
«клевету. Благодаря моей наблюдательности и понятливости, я избѣгла
«того головокруженія, которому такъ часто подвергается дѣвушка, всту-
«пающая въ балльную залу, прямо изъ дѣтской или классной. А между-
«тѣмъ я любила свѣтъ, любила танцы, блестящіе вечера, музыку бала,
«даже... лесть молодыхъ людей. Но если одинъ изъ нихъ пытался тро-
«нуть мое сердце, мнѣ такъ и хотѣлось ему сказать: перестаньте играть
«комедію, я уже видѣла ея репетицію. Мой наблюдательный, насмѣш-
«ливый умъ отнималъ всю пищу у сердца, и я еще недавно готовилась
«произнести обѣтъ вѣрности... но я люблю теперь... я узнала это чуд-
«ное чувство. Въ немъ все такъ просто благородно, прекрасно! Быть
«можетъ, тамъ я не замѣтила-бы его... а здѣсь лѣтняя жизнь, среди
«цвѣтовъ, при солнечномъ сіяніи... на свободѣ... вѣдь драма много
«выигрываетъ отъ декораций; но все-равно: я люблю его; съ нимъ
«Божій міръ мнѣ кажется прекраснѣе и жизнь полна радости. Что луч-
«ше? быть богатой; или жить въ бѣдности и трудѣ, съ добрымъ, че-
«стнымъ и любимымъ мужемъ? Мой выборъ сдѣланъ.»

Алина положила перо и пошла къ теткѣ. Медленно проходила она по галлерей, ведущей въ будуаръ; шлейфъ ея чернаго платья влачил-ся по полу, на которомъ лунное сіяніе отражало рамы оконъ. Робко отворила она дверь, и потомъ, когда дверь опять притворилась, долго тамъ за дверью раздавались рыданія, мольбы, и упреки на французскомъ діалектѣ. Баронесса, какъ видно, не хотѣла слушать про любовь племянницы къ Чалинскому. Въ слезахъ возвратилась въ спальню молодая дѣвушка, снова принялась писать, но не въ тетради, а на веленовой бумажкѣ съ кончикомъ, украшеннымъ именемъ Aline. Чалинскій на другой день получилъ эту бумажку. Письмо было написано въ одно изъ тѣхъ сердечныхъ вдохновеній, которыя часто случаются у людей, живущихъ однимъ воображеніемъ. Молодой человѣкъ чуть не обезумѣлъ отъ восторга, но потомъ ужаснулся этой страсти, которую, быть-можетъ, самъ такъ необдуманно вызвалъ. Умѣя владѣть собою, онъ старался казаться покойнымъ, хотя замѣчалъ особенную холодность со стороны баронессы. Женихъ Алины, который ни о чемъ еще не зналъ, былъ въ этотъ день особенно ревнивъ и подозрителенъ.

Онъ почти не отходилъ отъ Алины, которая провела съ нимъ длинный мучительный вечеръ, думая, что въ будущемъ заготовлено было для нея много такихъ вечеровъ. Баронесса послала нарочнаго въ городъ узнать, скоро ли выйдетъ изъ починки дорожный экипажъ Николая Петровича. Отвѣтили: завтра. Наступило это завтра.

Брячка явилась поздно вечеромъ. Послѣ чаю, Чалинскій сталъ прощаться. Баронесса благодарила его за услуги и просила бывать у нея въ Петербургѣ. Женихъ съ особеннымъ чувствомъ и удовольствіемъ пожалъ его руку. Алина то краснѣла, то блѣднѣла. Когда молодой человѣкъ подошелъ къ ней, странная улыбка мелькнула на ея губкахъ.

— Вы не измѣнили своего рѣшенія? спросилъ онъ, наклонясь и едва слышно.

— Нѣтъ.

Уснули въ домѣ. Алина въ дорожномъ платьѣ глядѣла въ открытое окно; ночь была черная, серебристое сіяніе луны, прокрадываясь сквозь причудливые узоры древесной зелени, падало на одну сторону дорожнаго экипажа, полузакрытаго во мракѣ. Лошади нетерпѣливо стучали копытами, люди, какъ черныя тѣни, суетливо двигались по двору. Въ эту минуту луна въ полномъ блескѣ выплыла изъ-за черной массы деревъ и озарила дѣвушку. Капшонъ бурнуса былъ накинутъ на голову Алины, и въ этой шелковой рамкѣ лицо ея было блѣдно какъ мраморъ, взоръ недвиженъ и задумчивъ, руки судорожно сжимались у груди, какъ ихъ сжимаютъ въ минуту мольбы или душевнаго волненія. И вотъ увидѣла она, какъ свѣтъ приподнятаго фонаря упалъ на высокую фигуру мужчины, садившагося въ бричку; лошади тронулись, колеса застучали.

— Пора намъ барышня, раздался тихій голосъ.

Алина перекрестилась, оглянулась и вышла изъ комнаты; за нею послѣдовала горничная, съ узломъ въ рукѣ; незамѣченныя спустились онѣ съ лѣстницы, прошли темный садъ, у калитки котораго ожидала ихъ бричка, запряженная лихою тройкой.

Наступало утро въ Веселомъ. Послѣ чаю, который пили безъ Алины (она, по мнѣнію ея тетки, вѣроятно загулялась въ роцѣ); женихъ принялся за газеты, баронесса за рукодѣлье — нескончаемое вязанье шарфа на длинныхъ, предлинныхъ иглахъ. Прошелъ часъ, два, три, въ ненарушимомъ молчаніи. Газеты были прочтены, но, не извѣстно по какой причинѣ, женихъ все еще закрывалъ ими свое лицо; баронесса положила на столъ рукодѣлье и думала. Оба они ду-

мали; тысячи предположений, догадокъ, опасеній, имѣющихъ непремѣнную связь со вчерашнимъ отъѣздомъ Чалинскаго, проходили черезъ ихъ головы. И они стыдились и боялись передать ихъ другъ-другу.

Наконецъ баронесса вышла, и проходя черезъ дворъ, встрѣтила — почти всю дворню, какъ бы невзначай сбѣжавшуюся ей на дорогу.

— Барышня воротилась? спросила она.

Никакъ нѣтъ-съ! отвѣчали все въ одинъ голосъ, и переглянулись между собою, когда барыня стала подниматься на лѣстницу, ведущую въ комнату барышни.

Безпорядокъ этой комнаты, несмятая кровать, выдвинутые ящики коммодовъ и письмо на столѣ, письмо Алины, въ которомъ она благодарила тетку за любовь, и умоляла ее о прощеніи; все было несомнѣннымъ доказательствомъ побѣга.

Вѣсть объ этомъ интересномъ происшествіи быстро разнеслась по селу, достигла до города, и послужила величайшимъ развлеченіемъ его любознательнымъ жителямъ. Точно въ воскресные дни, все принялись дѣлать визиты. «Ай, да петербургская барышня! Ну, вотъ вамъ модное воспитаніе. Мои дочери до такого скандалу не допустятъ себя», и тому подобное слышалось почти въ каждой гостиной. Самые бойкіе поскакали въ Веселое, чтобы набрать болѣе свѣжихъ и подробныхъ свѣдѣній. Слезливыя дамы заклинали баронессу послать въ погоню за несчастной и предупредить послѣдствія неравнаго брака, но баронесса отвѣчала, что знать не хочетъ неблагодарной. Женихъ, съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ, увѣрялъ, что бракъ его съ Алиною былъ только однимъ предположеніемъ.

Въ Веселомъ все были скучны. Между-тѣмъ, въ отдаленной отъ него, слабоосвѣщенной церкви, Алина произносила передъ алтаремъ обѣтъ любви и вѣрности мужу.

II.

Овѣнчавшись, Чалинскіе немедленно поѣхали въ Петербургъ, письменно предупредивъ о своемъ пріѣздѣ служанку Прасковью.

Во-время пути, Алина часто задумывалась; она съ ужасомъ замѣчала въ себѣ охлажденіе энергіи и пробуждавшуюся боязнь, послѣ без-

умнаго порыва. Смутно понимала она, что въ случаѣ несчастія легче винить судьбу и людей, чѣмъ самое себя. Но съ другой стороны, мысль о перемѣнѣ жизни такъ заманчива въ молодости; нѣжный взглядъ любимаго человѣка такъ много предсказываетъ блаженства!... Алина умѣла все поэтизировать, и нѣжно склоняясь къ плечу мужа, она говорила: «Мой милый, я готова пожертвовать жизнію для того, кого люблю; пусть они знаютъ, что у меня есть душа и воля.

Вечеромъ слѣдующаго дня дорожный фургонъ остановился въ Измайловскомъ полку, у воротъ огромнаго дома, съ свѣтлыми окнами. Надобно было пройти грязный дворъ и подняться по узкой, темной лѣстницѣ, въ четвертый этажъ. Алина бодро стала взбѣгать по скользкимъ ступенямъ, она не могла разглядѣть въ темнотѣ печальной улыбки мужа, слѣдовавшаго за нею, не разлышала его тяжелаго вздоха, не могла понять болѣзненной тоски его, при видѣ любимой имъ женщины, изнѣженной и прихотливой, у входа въ его убогое жилище.

— Охъ, какъ высоко! наконецъ сказала она, остановясь перевести духъ. Чалинскій вздрогнулъ, онъ боялся услышать эти слова. Помоги мнѣ, Nicolas, прибавила Алина, опираясь на его руку, и когда она почувствовала тихое пожатіе этой руки, и при свѣтѣ висячей лампы замѣтила нѣжный взглядъ, остановленный на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ, она подумала, что на глубокую любовь добраго человѣка можно промѣнять и модный экипажъ, и нарядное платье, и богатое жилище.

Молодыхъ встрѣтила Прасковья, кухарка, служившая Чалинскимъ десять лѣтъ. Она, по обыкновенію, была одѣта въ сарафанъ, подвязанный подъ груди коленкоровымъ передникомъ, такая-же рубаха прикрывала грудь и пышную буфой изображала рукава. Богъ знаетъ почему, этотъ грубый нарядъ показался Алинѣ неопрятнымъ, когда эта добрая женщина съ такою любовію наклонилась къ ногамъ молодой барыни, чтобы снять съ нихъ теплые, бархатные сапожки. Алина не была зла, но не могла понять, какъ сильно обижала Прасковью, привыкшую въ—продолженіе многихъ лѣтъ къ ласкѣ и довѣрію своихъ небогатыхъ господъ. Вслѣдствіе такого пріема, служанка сухо поздоровалась съ молодымъ бариномъ, и поздравивъ его съ законнымъ бракомъ, отказалась отъ четвертака, который онъ ей сунулъ въ руку. Она неохотно помогала ямщику и дворнику, таскавшимъ вещи изъ брички, и при первомъ удобномъ случаѣ, ушла въ свою маленькую кухонку, гдѣ, при свѣтѣ сальнаго огарка, надвизывала старые носки. Не знаю, что думала она при этой прозаической работѣ, только коленкоровый передникъ, такъ неоправившійся Алинѣ, не резъ утиралъ слезы, катившіяся на морщинистыя щеки.

Николай Петровичъ одинъ занимался уборкою вещей, и когда все было приведено въ порядокъ, холодный потъ выступилъ на лбу его и руки дрожали отъ усталости. Онъ съ улыбкою подошелъ къ женѣ, сидѣвшей за письменнымъ столомъ, повѣсивъ голову.

— Твоя квартира мнѣ не нравится, сказала она.

«Другъ мой, отвѣтилъ мужъ, я буду здѣсь такъ нѣжно любить тебя, такъ неусыпно стараться о твоёмъ счастьи, что надѣюсь примирить тебя съ жизнью въ этой квартирѣ.

Черезъ нѣсколько дней, утромъ, Чалинскій пошелъ въ должность; онъ съ трудомъ объяснилъ женѣ, что этого требуетъ необходимость. Оставшись одна, Алина безъ всякаго занятія сидѣла у окна; передъ нею, за узкимъ дворомъ, возвышалось нѣсколько этажей дома, сквозь темныя окна, виднѣлись бѣлые занавѣсы и спинки стульевъ, такихъ-же старомодныхъ, какъ и въ ея квартирѣ. Еслибы взглядъ ея могъ проникнуть дальше, ей навѣрно бы представились одни прозаическія сцены бѣдной жизни; внизу дома была столярная мастерская, оттуда раздавался непрерывно стукъ. День былъ пасмурный, туманъ разстилался въ воздухѣ, вода капала съ крыши на грязный дворъ. Молодой женщинѣ сдѣлалось невыносимо грустно, а какъ ей долго пришлось еще ждать мужа, то несносныя мысли назойливо просились къ ней въ голову. Ей трудно было отогнать ихъ. Пуще всего она боялась воспоминаній, которыя могли бы доказать ей, что настоящее наше бываетъ иногда злою эпитафиею на прошедшія мечты. Прасковья въ это время, затапливая печь, украдкою бросала взгляды на свою гордую барыню и мысленно рѣшила о ней, что она не работающая и не благоразумная бѣлоручка. Набожно перекрестилась она, увидя, какъ Чалинская сняла картинку со стѣны и стала смотрѣть на нее. Это былъ портретъ старой барыни, матери Николая Петровича. Алина знала уже, что это была чудесная женщина, которой жизнь, исполненная трудовъ и утратъ, вся была однимъ выраженіемъ безпредѣльной любви къ сыну. Ей сдѣлалось какъ то неловко, когда привѣтливое лицо старушки стало глядѣть на нее, изъ-подъ бѣлыхъ фалборъ стариннаго чепца. Кроткіе глаза, какъ будто о чемъ-то спрашивали; странная, неопредѣленная улыбка, могла только выразиться этими насмѣшливыми словами: дитя, не думаешь ли ты ему замѣнить меня? И въ-самомъ-дѣлѣ, подумала молодая женщина, повѣрила ли бы мнѣ она счастье своего сына? Исполнится ли молитва ея о томъ, чтобы у Николая была добрая и вѣрная жена? И что значитъ быть доброю и вѣрною женою? Исполнять прихоти и желанія мужа? А если мужъ ласковъ и не прихотливъ, какъ же тогда можно быть злою женою? Въ такихъ размышленіяхъ засталъ Чалин-

скій жену, онъ ей принесъ канарейку въ клѣткѣ. Онъ въ первый разъ въ жизни занялъ деньги, чтобы купить ей подарокъ, и за эту неприятность былъ вполне вознагражденъ дѣтскимъ восхищеніемъ Алины, при видѣ новой игрушки.

Жизнь ихъ съ того дня шла однообразно. Они никого не принимали; Чалинскій зналъ, что его товарищи не понравятся женѣ, а она увѣряла, что ей достаточно общества мужа.

Всѣ утра, исключая праздничныхъ, Чалинскій постоянно проводилъ за дѣломъ внѣ дома; жена его въ это время занималась рукодѣльемъ, непрерывно отводя глаза то къ окну, то къ часамъ; она вышивала портьеру, которая должна была замѣнить дверь ея небогатой спальни въ другую комнату, именуемую гостиной. Рисунокъ былъ великолѣпенъ и матеріалъ для этой работы дорого стоилъ, но работа шла медленно и неудачно, потому—что Алина не любила такого рода занятій и не привыкла къ нимъ. Въ четыре часа являлся мужъ: тогда зажигали свѣчи и подавали обѣдъ. Вечеръ проходилъ въ чтеніи и въ разговорахъ. Чалинскій былъ очень образованъ и умѣлъ хорошо говорить. Онъ былъ знакомъ съ литературами многихъ народовъ. Алина восхищалась разказами мужа.

— Боже мой, говорила она, какой ты умный, откуда ты все это знаешь?

Когда онъ ей описывалъ свое путешествіе за границей, на казенный счетъ, по выходѣ изъ университета, она вскричала:

— Какъ бы хотѣла я все это видѣть собственными глазами; знаешь Nicolas, поѣдемъ путешествовать?

— Для этого нужны деньги, мой другъ!

— Деньги, задумчиво повторила молодая женщина: все деньги, вездѣ деньги; я прежде не думала, чтобъ жизнь и счастье такъ много зависѣли отъ денегъ.

Поздно вечеромъ, она засыпала на плечѣ мужа, лепеча слова любви; тогда Чалинскій вставалъ тихо, отклонивъ отъ себя ея прекрасную голову, долго смотрѣлъ онъ на нее бывало; сонъ ея тихъ, порой зашевелиятся губки, какъ два лепестка розы, пропускаая слабый вздохъ или невнятный лепетъ. Хороша была Алина въ тѣ минуты; тихо цѣловалъ молодой мужъ ея мягкіе волосы, разсыпанные по подушкѣ, и быстро отрывался отъ постели къ столу, гдѣ его ждала работа. И вотъ онъ трудится, пишетъ, думаетъ, и крѣпко думаетъ, склонивъ голову въ обѣ руки, — а между-тѣмъ свѣча догораетъ, скоро проснется заря, а свѣтлое окно его спальни, на диво ночнымъ гулякамъ, все еще отдѣляется отъ мрака зимней ночи.

Алинѣ захотѣлось ѣхать на балъ; мужъ попросилъ дожидаться перваго числа будущаго мѣсяца, когда онъ получитъ жалованье, и она можетъ заказать прелестный бальный нарядъ въ лучшемъ магазинѣ, купить цвѣты, перчатки, атласные сапожки. Отъ этихъ издержекъ осталось нѣсколько рублей, но надобно было нанять возокъ, купить билеты на балъ въ Благородномъ Собраніи. Оказывалось, что нечѣмъ выкупить новаго платья Чалинскаго, заложеннаго у ростовщика, а какъ же онъ, дурно одѣтый, можетъ ввести въ бальную залу свою красавицу жену? Онъ отказался ѣхать съ ней, подъ этимъ предлогомъ. Алина надула губки, замѣтивъ, что никто не станетъ обращать вниманія на то, какъ мужчина одѣтъ; но, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, легко согласилась ѣхать съ доброй старушкой, матерью одного изъ товарищей Чалинскаго по службѣ.

И вотъ Алина въ Благородномъ Собраніи. Ея узкая ножка, обтянутая бѣлымъ башмачкомъ, скользитъ по паркету бальной залы, тысячи огней обливаютъ своимъ яркимъ свѣтомъ ея прелестную фигуру, въ газовомъ платьѣ, съ разгорѣвшимся румянцемъ на щекахъ, съ полуопущенными рѣсницами, съ букетомъ бѣлыхъ камелій въ дрожащей рукѣ. Вотъ, отъ волнующейся толпы отдѣляется молодой человекъ, въ великолѣпномъ гусарскомъ мундирѣ, онъ ловко наклоняется къ красавицѣ, черные усы его движутся, изъ-подъ нихъ блещутъ бѣлые зубы. Алина не можетъ слышать, но понимаетъ его слова, привлекательный звукъ которыхъ слился съ уопительнымъ говоромъ оркестра; — и вотъ она кружится съ нимъ въ одуряющемъ вихрѣ вальса. Она въ своей сферѣ: эта женщина въ сферѣ блеска, музыки, роскоши и веселья; — отъ свѣта скрытъ ея ужасный порокъ, именуемый бѣдностью. Она, по прежнему, склоняетъ благосклонный слухъ къ говору лести. Она счастлива мыслию, что урвала отъ своей горькой жизни клочекъ восхитительной радости. Она уивается звуками музыки, въ тактъ которой люди веселятся. Но чудный вечеръ промчался, зала пустѣетъ... О тоска!.. опять заключить жизнь въ этихъ темныхъ комнатахъ съ маленькими окнами, съ обветшалою мебелью. О, хоть бы еще часъ одинъ! подумала она, садясь въ возокъ и бросая обворожительную улыбку гусару, проводившему ее къ подъезду. Возокъ тронулся. Мавра Семеновна, спутница Алины, задремала, убаюкиваемая качкой и стукомъ; но страшная буря возставала въ душѣ молодой женщины; безсознательно уставивъ глаза на замороженное окно, въ которомъ дробился свѣтъ фонарей, — Алина мысленно повторяла горькіе и злые упреки тому, кто... кто ее любилъ. Но все равно, она готовилась сдѣлать сцену мужу. Пріѣхали. Съ трудомъ поднялась она дрожащими отъ усталости ногами

по черной лѣстницѣ, позвонила. Николай Петровичъ самъ отперъ дверь и, со свѣчей въ рукѣ, проводилъ жену въ спальню. Тамъ, ни говоря ни слова, она сбросила на стулъ шубу и стала передъ зеркаломъ отдѣлывать отъ локонвоѣ цвѣты.

— Не позвать ли Прасковью? спросилъ мужъ.

— Чудная горничная! нечего сказать съ насмѣшкою прервала Алина: я одна лучше раздѣнусь.

Длилось молчаніе. — Алина первая прервала его.

— Я думала, что ты уже спишь?

— Я тебя дожидался.

При этомъ молодая женщина взглянула на мужа.

— Онъ сидѣлъ въ старыхъ креслахъ, нѣсколько сгорбившись, лицо его было необыкновенно блѣдно, губы дрожали, глаза ярко сверкали въ своихъ темныхъ впадинахъ.

— Что съ тобой! спросила она, дотрогиваясь своими тоненькими пальцами до его горячаго лба. — При этомъ прикосновеніи Чалинскій задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ты боленъ?

— Нѣтъ, кажется.

Ей захотѣлось развеселить его.

Знаешь, Nicolas, я тебѣ привезла бомбошки, видишь, какая я добрая! — Мавра Семеновна нашла тамъ своихъ знакомыхъ, они ее угощали, она и спрятала въ ридикюль нѣсколько пирожковъ, а въ возкѣ подѣлилась ими со мною.

При этомъ, Алина взяла со стола пирожки, завернутые въ бумагу, и подала мужу. Онъ поблагодарилъ и сталъ ихъ съ жадностію ѣсть; онъ цѣлый день ничего не ѣлъ и былъ голоденъ, не замѣчая этаго.

Ей стало жаль его, она обвила руками его шею и прижалась къ нему. Онъ вспомнилъ въ эту минуту, что эта женщина, слабая, нѣжная и прихотливая, отняла у него въ нѣсколько недѣль здоровье, покой, крѣпость духа, но ея теплое дыханіе касается его щеки. Ея ласки разстроили его нервы, ослабленные бессонницей, голодомъ и тоской... Онъ заплакалъ. Когда Алина увидѣла эти слезы, она испугалась. Она стала передъ мужемъ на колѣна и молила его повѣрить ей тоску свою. Ея тихій, ласкающій говоръ утишалъ его страданія, какъ таинственная пѣсня индійца утишаетъ ярость змѣи.

— Алина! сказалъ онъ тихимъ голосомъ, ты ангелъ любви и терпѣнія, я не стою тебя, я тебя сдѣлалъ нищю, намъ нечѣмъ жить.

— Только-то? возразила молодая женщина, вставая. Ну, не плачь же, мой милый, я тебѣ достану денегъ.

Онъ взглянулъ на нее, она стояла передъ нимъ съ безпечною улыбкой, цвѣты и локоны спускаясь съ головы къ плечамъ, бросали на нихъ трепещущія тѣни; она отстегивала бриллиантовыя серьги, освобождала руки отъ браслетовъ, бросая эти драгоценности на колѣна мужу.

— Богъ сжалятся надо мною, прощенталь онъ, я возвращу тебѣ когда-нибудь эти вещи.

Золото и бриллианты Алины превратились въ деньги, которыя доставили на время спокойствіе и довольство молодымъ супругамъ; но молодая женщина не обращала на это большаго вниманія; она была два раза въ театрѣ, разъ въ собраніи, потомъ совсѣмъ отказалась выѣзжать. Ею овладѣвала какая-то апатія, она видимо худѣла. Насталъ май мѣсяцъ. — Алина любила, бывало, весну, — но въ этотъ годъ весна была холодная и пасмурная.

Быль вечеръ, въ гостиной не зажигали свѣчей, крупный дождь неумоимо стучалъ въ окна, въ печкѣ трещали горящія дрова, и на стѣнахъ, при красноватомъ отблескѣ огня, прыгали фантастическія тѣни. Алина, закутанная шалью, лежала на кушеткѣ, глаза ея были закрыты, но она часто приподнимала отяжелѣвшія вѣки, какъ-будто стараясь избавиться отъ непріятнаго сна. Ея рука, нѣжная и бѣлая, какъ лилія, недвижно покоилась на колѣнѣ, придерживая книгу небольшого формата, раскрытую на 232 страницѣ. Это былъ романъ Санда: *Полина*. Алина думала о томъ, что прочла. Характеръ Лорансы, въ своемъ граціозномъ и смѣломъ величіи, увлекательный эскизъ ея тревожной и романической жизни, болѣе возмущалъ душу героини моей, чѣмъ характеръ молоденькой провинціалки Полины. Жизни, — жизни хочу я! взывала сердцемъ молодая женщина.

Дверь въ спальню была отворена, въ спальнѣ было свѣтло. Чалинскій работалъ надъ статьей для какого-то журнала. Боже! какой несносный трудъ, муза скупа на продажныя вдохновенія. Онъ бросилъ перо и пошелъ къ женѣ.

— Какъ ты себя чувствуешь, мой другъ, спросилъ онъ, садясь на кушетку.

— Ничего... я здорова.

— Послушай, Алина, и знаю, что бѣдность убиваетъ тебя; но чувствую, что у меня нѣтъ ни силъ, ни возможности выйти изъ этого тягостнаго положенія; — Алина, я очень страдаю....

— Оттого, что женился на мнѣ?

— Другъ мой, я знаю, что болѣзненная раздражительность заставяетъ тебя такъ говорить. — Я о себѣ не думаю, ты это знаешь; твое здоровье, спокойствіе мнѣ дороже жизни... Алина, напиши къ теткѣ.

— Опять! вскричала молодая женщина, и глаза ея заблестали; — не повторяй мнѣ этого: я лучше съ голода умру, чѣмъ расскажу имъ, что я бѣдна и несчастна.

— Ну, такъ оставимъ это.

— О! — продолжала она, заливаясь слезами, — вотъ награда за всю мою любовь, за мои жертвованія.

— Алина, это жестоко.

Молодая женщина продолжала плакать; — мужъ молчалъ; — тогда ея плачь превратился въ судорожное рыданіе; она дрожала всѣмъ тѣломъ, потомъ встала и хотѣла идти, но пошатнулась и упала. — Мужъ бросился къ ней, поднялъ и уложилъ ее на кушетку, она вскорѣ успокоилась и уснула; онъ опять принялся за работу.

Траги-нервическія явленія повторялись чаще и чаще съ-этихъ-поръ.

Семейная жизнь Чалинскаго становилась невыносима. Того-ли ждалъ онъ, когда увлекался мечтою любви и счастья? Когда-то онъ былъ поэтъ, но его поэзія не выражалась длинными туманными стихотвореніями, ни безмолвнымъ созерцаніемъ солнечнаго заката, ни двухдневнымъ лежаніемъ на кушеткѣ, съ сигарою въ зубахъ и съ «Méditations poétiques» передъ глазами. Поэзія его таилась въ его мирной, съ дѣтства привычной жизни, въ ласкахъ покойной матери, въ неутомимыхъ трудахъ. Когда-то онъ сиживалъ за этимъ-же письменнымъ столомъ, и это-же темное небо, съ миллиардомъ трепещущихъ звѣздъ, смотрѣло въ его одинокое окошко. Шумъ городской стихалъ вдали, и его горячая голова въ томленіи склонялась на мощныя руки; онъ безотчетно и болѣзненно грустилъ....

Mais qui me rendra ces souffrances

D'une âme agitée par sa propre puissance?

Онъ не испытывалъ любви, но ее предчувствовалъ. Вѣря въ возможность женской привязанности, онъ вѣрилъ въ невѣдомое ему счастье. Часто ему чудилось, что гибкая ручка обвиваетъ его шею и нѣжное лицо, изъ-подъ кудрявыхъ локоновъ, сіяетъ ему улыбкой. Пришла пора. И эта женщина, которую онъ полюбилъ безумною страстью, исполненною мучительныхъ терзаній, эта женщина внесла нищету и тревогу въ

его мирное убѣжище. Онъ видитъ ее фуріей, съ растрепанными волосами, съ опухшими отъ слезъ глазами, съ упреками на устахъ, — и это—Алина.

Разъ, въ воскресенье, Алина, возвращаясь изъ церкви, остановилась на лѣстницѣ, перевести духъ. Окно на дворъ было отворено; день былъ солнечный, синева неба казалась ярче и глубже, невидимыя птички весело чиркали, и таявшій снѣгъ звонкими каплями падалъ въ грязную лужу, называемую дворомъ. Стукъ лошадиныхъ копытъ о мокрые камни, говоръ людской и грохотъ проѣзжающихъ экипажей— раздавались громкимъ, невнятнымъ гуломъ, въ свѣжемъ и чистомъ воздухѣ. Заиграла шарманка, Алина хотѣла закрыть уши— такъ мучительно отзывалась въ сердцѣ ея нестройная музыка гдѣ-то, когда-то звучавшаго вальса. Память о минувшей счастливой жизни внезапно пронулась въ душѣ ея. Цѣлый день она ходила, какъ помѣшанная, ничего не ѣла, говоря, что умереть съ голоду;—не глядѣла на мужа, называя его своимъ мучителемъ. Чалинскій прибѣгалъ къ мольбамъ, совѣтамъ, упрекамъ,—жена была непоколебима въ своей ярости и отчаяніи. Онъ вышелъ изъ терпѣнія и выбѣжалъ изъ дому. Долго онъ шелъ, не зная зачѣмъ и куда. Остановился на какомъ-то мосту и осмотрѣлся. Ночь была темная, туманъ окутывалъ близлежащія зданія и огоньки въ фонаряхъ то, казалось, готовы были угаснуть, то отблескъ ихъ сверкалъ и переливался на черномъ зеркалѣ рѣки. Странная мысль блеснула въ головѣ Чалинскаго: въ волнахъ могила многихъ страдальцевъ. Одно мгновеніе, и все кончено. Но Алина ждетъ меня и долго ждать будетъ; какъ ужаснетъ ее вѣсть о смерти моей; она напрасно будетъ искать въ обезображенномъ лицѣ—черты любимаго когда-то человѣка, она будетъ звать мертвеца безумною мольбою и слезами; быть—можетъ, беззащитная, брошенная на произволъ судьбы, она въ отчаяніи проклянетъ память жестокаго, слабаго мужа. Нѣтъ, прочь искушенія! прочь эгоизмъ самоубійства. Алина ждетъ меня. Онъ возвратился домой, его жена спала, и вѣрно недавно уснула, потому—что рѣсницы ея были мокры и слезы едва засохли на горячихъ щекахъ. Онъ тихонько вышелъ, и вскорѣ самъ забылся.

На другой день утромъ Алина проснулась, а мужъ ея еще спалъ. Это странно, подумала она, должно быть очень рано. И она не вставала, дожидаясь боя стѣнныхъ часовъ. Вдругъ Николай Петровичъ открылъ глаза и пристально посмотрѣлъ на жену.

— Пора тебѣ въ должность, замѣтила она.

— Да да,— заговорилъ онъ, скоро и невнятно,— вотъ посмотри,

какая черная вода .. вся блещетъ... не упади, не упади, мой другъ, держись за меня... я все перенесу.

— Что ты говоришь такое?

— Уйдемъ отсюда, уйдемъ, я не могу видѣть ея слезъ, здѣсь душно.

— Господь съ тобой! Nicolas, очнись, пожалуйста; не надобно ли тебѣ чего-нибудь?

Онъ что-то невнятно прошепталъ и отвортилъ голову.

Молодая женщина наскоро одѣлась и отошла къ окну; тайное безпокойство томило ее, она не хотѣла вѣрить тому, что онъ боленъ, и боялась заговорить съ нимъ; часовая стрѣлка указывала на цифру десять; въ это время онъ всегда бываетъ у должности. Алина старалась успокоиться или разсѣяться; разные мысли смутно толпились въ головѣ; подумала она о томъ, что не умѣетъ найтись въ критическихъ обстоятельствахъ жизни, не знаетъ, чѣмъ помочь больному, и о томъ, что многія балныя ощущенія блѣдны и ничтожны, въ сравненіи съ интересами семейной жизни... папрасно мать ея умерла такъ рано; она при ней была бы лучше и добрѣе... она о многомъ забыла просить Бога, за многое забыла благодарить его!... О! какъ жалобно воетъ на дворѣ собака... вой собаки, говорятъ, предвѣщаетъ покойника; велѣтъ прогнать ее... но нѣтъ,.. мучительно повѣрять другимъ свои тайныя опасенія... подвергаться вопросамъ... и Алина съ замираніемъ тоски прислушивалась къ зловѣщему вою.

— Алина, раздался слабый голосъ.

Она подбѣжала къ постели.

— Кто это тутъ стоитъ? спросилъ Чалинскій, указывая на шкафъ.

— Тутъ никого нѣтъ, мой милый.

— Я у него займу двѣ тысячи.

— Успокойся, мой другъ, у насъ есть деньги.

— Такъ, такъ, но продай этотъ домъ и купи себѣ шляпку.

Какъ это предложеніе не было забавно, но сердце бѣдной женщины болѣзненно сжалось. Прасковья, сказала она вошедшей служанкѣ, Николай Петровичъ боленъ, сходи за докторомъ

Мучительно ожидаемый докторъ пришелъ, онъ осмотрѣлъ больного и нахмурился; это движеніе перевелось въ душѣ Алины мыслию: онъ умретъ. Ея любовь къ больному другу, заглушенная на время капризами, суетными желаніями, бесплодными воспоминаніями, вдругъ пробудилась и вспыхнула. Спасите его или я умру, сказала бѣдняжка,

бросаясь къ ногамъ доктора. Онъ посмотрѣлъ на нее. Ея зачесанные назадъ волосы утончали граціозный профиль, тѣло было такъ бѣло и нѣжно, что синія жилки замѣтно вились на лбу и вискахъ, и въ карихъ глазахъ, отягченныхъ слезами, блистала умоляющій взглядъ. Красота внушаетъ состраданіе. Докторъ успокоилъ ее, какъ ребенка, и оставивъ рецептъ, обѣщавъ захватить.

Прасковья надѣла платокъ на голову и съ рецентомъ въ рукѣ ждала денегъ. Ея молоденькая госпожа открыла портмоне — и нашла тамъ четвертакъ, пяти-алтанный и... больше ничего. Тогда она вспомнила, что съ дѣтства собирала свѣтленькіе пяточки и что они у нея еще сохранились. Она отыскала въ коммодѣ хорошенькую коробочку, съ маленькимъ кладомъ, который пошелъ въ дѣло. Но за каждую стеклянку горькой микстуры платились послѣднія деньги, а горячка мужа усиливалась. Тогда, въ отчаяніи, Алина написала теткѣ: «Онъ умираетъ, спасите меня: дайте денегъ.» Доктору она хотѣла подарить перстень, когда-то пожалованный ея прапрадѣду. Этотъ перстень былъ большой цѣнности и хранился, какъ святыня, въ ихъ родѣ. Благородный человѣкъ отказался отъ блестящаго подарка и продолжалъ посѣщать пациента.

Вашъ мужъ выздоровѣетъ, — однажды сказалъ онъ Алино, — любовь спасетъ его. Это я его убила, думала она въ отвѣтъ; я не стою такого счастья; я боюсь, что онъ умретъ, не простивъ меня!

Эта мысль не разставалась съ нею. Каждая ея ласка больному, каждая забота о немъ напоминала прошедшую жестокость. Чѣмъ нѣжнѣй и добрѣй становилась она, тѣмъ громче говорила въ ней совѣсть.

Однажды вечеромъ Алина сидѣла у постели мужа, свѣча догарала, закрытая бумажнымъ колакомъ; молодая женщина судорожно сжимала руки, возводила къ небу взоръ мольбы и страданія. Вблизи ея послышался вздохъ. Больной открылъ глаза, и мутные его взоры остановились на женѣ, онъ узналъ ее, онъ протянулъ ей руки, и она, рыдая, припала къ нимъ.

— Алина, заговорилъ онъ слабымъ и прерывистымъ голосомъ, я не могу работать... Я умираю, это Божья милость... Они простятъ тебя... Ты будешь счастлива и... свободна.

— О милый, милый, не говори этаго, не умирай! я очень люблю тебя! я стану работать... Ты не увидишь слезъ моихъ... О, сколько я молилась!... Прости меня за все!

Онъ не могъ отвѣчать, но въ его угасающемъ взглядѣ теплилась невыразимая нѣжность.

Онъ ожилъ. — Богъ избавилъ Алину отъ ужаснаго горя и мучительнаго раскаянія. Вся жизнь ея была съ тѣхъ поръ полна любви и терпѣнія, она осуществляла видѣніе молодости Чалинскаго: генія мира и доброты. Счастіе имъ улыбнулось: тетка Алины простила ихъ и, умирая, оставила имъ все свое состояніе. У нихъ теперь есть маленькія дѣти, которыхъ нянчитъ старушка Прасковья.

III.

ТЕСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

В. Н. Савинова.

ПРОЛОГЪ.

ТРИ ПОЯСА.

Лѣтъ шестидесять назадъ, въ Одохарскомъ ущельѣ, на площадкѣ скаль, раскидывался хорошо и удобно построенный пріютъ путниковъ. Бѣлыя мазанковыя стѣны его можно было видѣть отъ самаго аула Рыдца. Днемъ узнавали его по высокой, зубчатой стѣнкѣ, обращенной на востокъ, ночью— по пламени смолевой бочки, горѣвшей постоянно надъ правымъ обрывомъ, выдавшимся на тропинку. Всегда и во всякое время пріютъ этотъ былъ полонъ проѣзжими торгашами и купцами. Арбы десятками стояли у воротъ мазанковаго зданія; въ балкѣ, побрякивая бубенчиками, паслись сотни коней; на дворѣ и въ сакляхъ, расположенныхъ около него полукругомъ, вѣчно раздавались веселая пѣсня проѣзжихъ, ихъ говоръ, звонъ серебра

и золота, которое переходило изъ рукъ въ руки между страстными охотниками до игры въ карты и кости. Странствующие разсказчики, фанатики-муллы, туманя правовѣрныхъ, не покидали ни днемъ, ни ночью этаго пріюта; разнообразіе развлеченій увеличивалось еще и пляскою погливана, его неумытыми остротами и фокусами. Но никто изъ всѣхъ этихъ затѣйниковъ ни привлекалъ къ себѣ столько общаго вниманія, какъ словоохотливый Гіе-ю-ко (разсказчикъ), сѣдой старикъ, родомъ лезгинъ. Онъ исходилъ вдоль и поперегъ горы Кавказа, наглядѣлся вдоволь и горя и радостей, подсмотрѣлъ много, извѣдалъ еще больше; запасъ его разсказовъ былъ неисощимъ. Всѣ горскія легенды, сказки, преданія и повѣрья онъ зналъ также хорошо, какъ свои грѣхи и абазы. Извѣстно, что всѣ жители востока большіе охотники до чудныхъ разсказовъ, а потому и неудивительно, что большинство выручки за трудъ и большинство посѣтителей всегда было на сторонѣ Гіе-ю-ко.

Однажды, ненастной ночью, три каравана сдѣлали привалъ въ одахарскомъ духанѣ. Несмотря на усталость и утомленіе, нѣкоторые изъ проѣзжихъ не могли отказать себѣ въ удовольствіи скоротать часъ или два въ главной мазанкѣ. Общество этихъ неутомимыхъ посѣтителей представляло странную смѣсь одеждъ и лицъ. Турецкія чалмы, греческія фустанеллы, синія куртки европейскихъ матросовъ, черныя лица мавровъ, прикрытыя красною фескою, были перемѣшаны здѣсь, какъ на всемірномъ торжищѣ. Одни занялись игрою — въ кости, другіе въ карты, третьи разсказами о путевыхъ встрѣчахъ... Но вотъ раздалась обычное: слушайте! слушайте! и посѣтители сдвинули тѣсный кружокъ около стараго Гіе-ю-ко. Ближе всѣхъ обступили его чалмы и кабардинки — горцевъ. Какой-то рослый матросъ въ синей курткѣ, перетянутый краснымъ кушакомъ, положивъ на колѣни свою клеенчатую шляпу, пріютился у дверей, повидимому, съ непремѣннымъ желаніемъ вздремнуть; на шагъ отъ него два мавра растянулись на диванѣ, медленно потягивая струю табачнаго дыма изъ своихъ щегольскихъ стамбулокъ; старый жидъ, перешептываясь о чемъ-то съ молодымъ грекомъ, при словѣ: «слушайте!» какъ будто-бы окаменѣлый остался недвижимъ у малгана мазанки и вперилъ свои маленькіе глаза въ разсказчика.

Послѣдній, обобравъ въ свою шапку чаури и абазы, внимательнымъ взглядомъ окинулъ толпу присутствующихъ, и довольный общимъ вниманіемъ, началъ:

«Разскажу вамъ, кунаки, — сказалъ онъ, — одно изъ горскихъ преданій. Лѣтъ десять тому назадъ, богатый грузинскій купецъ Даміанъ вздумалъ со всѣми своими сокровищами переселиться изъ Кизляра въ Кафу. Такого богача, какъ Даміанъ не запомнить Кизляръ ни прежде, ни послѣ

его... Говорятъ, погреба ломились отъ золота; а что было шелковъ, шалей, парчей дорогихъ, кавровъ тегеранскихъ—безъ счету! Какъ пройти горы съ такимъ сокровищемъ? Гдѣ набрать цѣлыя сотни вѣрныхъ проводниковъ? Да и какъ нагрузить караваны, чтобы добрые помощники не украли тюкъ шелку, или связку другую дорогой ткани? А жадень былъ Даміанъ, какъ песь некормленный, любилъ денежку, съ судорогой считалъ ее, и во всю жизнь не кинулъ даромъ зерна кукурузы. Задумался старикъ, и хотя, какъ говорили, знался съ шайтаномъ, однако не скоро набрался ума: дней пять не ѣлъ, ночей десять не спалъ, исхудалъ, сгорбился, кровью кашлять сталъ; измучила его тоска, а хочется въ Кафу... Надоѣло старику торговать въ духанахъ; запросило сердце почета и ласки, а гдѣ жъ ихъ было найти, или купить тогда, какъ не въ Кафѣ. Вотъ наконецъ надумался скряга; рѣшилъ вымѣнять свое добро и золото на камни драгоцѣнные у индейцевъ... Вымѣнялъ. Опустѣли его амбары; послѣдній позументъ исчезъ съ черкески, зато въ трехъ поясахъ спрятались сокровища. Темною ночью, со своимъ богатствомъ и вѣрнымъ слугою, мавромъ, Даміанъ въ рваномъ папахѣ и на тощей лошаденкѣ пустился въ горы. Смекнули горные хищники въ чемъ дѣло, а быть-можетъ и шепнулъ имъ кто-нибудь, что поясъ грузина дороже пояса Фатимы. Прыгнули горцы въ сѣдло, гикнули и бросились по слѣдамъ скряги... День прошелъ, два прошло—нѣтъ ни мавра, ни грузина; найдутъ слѣдъ ихъ, держатся имъ до полдня,—къ вечеру пропадетъ онъ. А между-тѣмъ Даміанъ уже давно бросилъ кноя и идетъ такими трущобами, на которыхъ легкій туръ сломить шею. Гдѣ камнемъ запорошить слѣдъ свой старикъ, гдѣ на груди ползетъ съ крутизны; въ иномъ мѣстѣ на гниломъ бревнѣ переправится чрезъ трещину, да его же и въ пропасть... Такъ прошло десять дней. Измучился Даміанъ, терновникъ и горные кремни въ клочья изорвали его одежду и тѣло... Къ тому же уже шесть сутокъ, какъ ни онъ, ни мавръ не видали зерна хлѣбнаго, а кругомъ ни аула, ни сакли, ни деревца... Впереди Эльборусъ со своими пропастями и топями, которыя раскинулись кругомъ его. Позади страшныя тропинки и обвалы. Спустился старикъ со скалъ; голодъ и изнеможеніе одолѣли его; кое-какъ перебрался онъ за Рыкъ, и рухнулъ почти замертво при входѣ въ Тескольское ущелье; рядомъ съ нимъ упалъ и вѣрный спутникъ. Плохо, кунаки, умирать въ сквозной саклѣ, безъ чаури въ карманѣ, безъ чурека въ зубахъ, но еще страшнѣе разставаться съ жизнію на распутьи, далеко отъ людей, въ пустынѣ, гдѣ стону и тоскливому воплю отвѣчаютъ только вѣтеръ ущелья, вскрикъ хищнаго карагута, да звонъ кремня, падающаго въ кручу... И умирать отъ голоду, тогда какъ сокровища глотай хоть пригоршнями! Плохо, кунаки,

*

плохо! Лучше владѣть рваною кабардинкою Гіе-ю-ко, чѣмъ драгоценнымъ поясомъ Даміана... Темная ночь, продолжалъ раскашикъ, раскинулась надъ Элборусомъ, вѣтеръ завылъ въ ущельѣ и надъ горными потоками, громадныя сосны встряхнули своими верхами на скалахъ, и скоро пронзительный вой шакаловъ, промчавшихся испуганной стаей по ущелью, предсказалъ близость опаснаго звѣря. Мавръ Али еще не потерялъ ни разсудка, ни памяти. Со страхомъ и ужасомъ осмотрѣлся онъ кругомъ, и собирая послѣднія силы, приподнялся на ноги. Впереди, на косогорѣ, что то черное медленно движущееся представилось его испуганнымъ глазамъ.

— Это звѣрь! прошепталъ мавръ. Даміанъ, тихо, продолжалъ онъ: Даміанъ — очнись, страшный врагъ идетъ на насъ.

— При послѣднихъ словахъ Али жизнь проснулась въ изнывающей груди стараго грузина.

— Что? Враги! вскричалъ онъ въ какомъ-то помѣшательствѣ... Гдѣ! гдѣ они, Али! Гдѣ наши винтовки?...

— Тс! Даміанъ... Тише! Это не хищники кабардинцы. Этотъ врагъ опаснѣе и сильнѣе...

— Такъ кто же онъ, кто? Проклятый рабъ... ты смѣешься надомною?

— Это медвѣдь, Даміанъ, и медвѣдь больше льва нашихъ степей... Смотри, какъ горятъ глаза его; мнѣ кажется, будто искры брызжутъ изъ нихъ... Слышишь, какъ сильно его дыханіе, какъ втягиваетъ онъ воздухъ...

Долгій и протяжный ревъ звѣря прервалъ слова испуганнаго Мавра. На этотъ ревъ снова откликнулись сотни шакаловъ, и снова съ визгомъ промчались по ущелью.

— А! Теперь-вижу! почти съ восторгомъ отозвался старикъ... Вижу Али... Вѣрна-ли рука твоя; не дрожить-ли она?— бей его изъ винтовки...

— Нѣтъ, не могу, Даміанъ... я промахнусь...

— Ну, такъ ударимъ на него въ кинжалы.

— Что ты! Сохрани насъ Аллахъ... Для чего мы будемъ дразнить звѣря? Лучше уйдемъ на скалы, взберемся на какую-нибудь кручу.

— На кручу! чтобы тамъ, такъ же какъ и здѣсь, пѣдыхать въ мученіяхъ голодной смерти... Врешь ты, недовѣрокъ! Если мы будемъ храбры и смѣлы—жизнь наша спасена... понимаешь?

— Ничего не понимаю, благородный Даміанъ, отозвался Мавръ, во взглядѣ котораго отражался смертельный ужасъ.

— Ну, братъ Али, надо быть большимъ дуракомъ или трусомъ, чтобы при взглядѣ на такой славный кусокъ говядины не чувствовать аппетита... Будь только смѣль, и эта тварь, вмѣсто того, чтобы отнять у насъ жизнь, спасетъ намъ ее... Впередь! впередь Али!... За мною! Выправь твой кинжалъ — смѣлье!

И старикъ почти съ безумнымъ хохотомъ бросился по ущелью, навстрѣчу звѣрю... Не отставай Али! не отставай! кричалъ онъ. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Али слѣдовалъ за своимъ господиномъ, трепетно прислушиваясь къ прерывистому ворчанью звѣря. Казалось, страшный врагъ готовъ былъ броситься навстрѣчу обезумѣвшему старику, но какъ будтобы удерживаемый чѣмъ-то, онъ только яростно ревелъ и бросался изъ стороны въ сторону...

— Проклятіе! вскричалъ Даміанъ, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередь... Проклятіе! насъ раздѣляетъ пропасть! Али! винтовку... Скорѣй! онъ уйдетъ!.. Уходить! Трусь! Трусь .. въ изступленіи заревелъ старикъ.

Въ-самомъ дѣлѣ, или ища обхода, или завидѣвъ блестящій стволъ винтовки въ рукахъ Мавра, умный звѣрь взрывъ и далеко раскидавъ окружавшія его глыбы кремней, быстро сталъ взбираться на крутизны, по направленію къ сосновой рощѣ.

— Все, кончено! Онъ ушелъ! почти шопотомъ сказалъ грузинъ... Смерть! смерть голодная!... Ахъ, Али! за все мои сокровища, кусокъ хлѣба! За все три пояса, черствый чурекъ .. Слышите вы! Кто за двѣсти крупныхъ алмазовъ продаетъ мнѣ чурекъ? Кто! Молчать! яростно повторилъ грузинъ...

Мавръ, лишенный силъ истощеніемъ и страхомъ,, который вынесъ за минуту, какъ вѣрный песъ, съ тоскою и стономъ упалъ къ ногамъ своего господина. Разсудокъ послѣдняго былъ близокъ къ помѣшательству.

— Ага, черный! сказалъ онъ, — ты хочешь завладѣть моимъ сокровищемъ! ты, собака! Зачѣмъ тебѣ мои алмазы?.. Знаешь ли ты, что въ нихъ потъ мой, моя кровь, тутъ совѣсть моя, за нихъ вымѣнена свобода тысячи красивыхъ женщинъ, надъ ними сотни безсонныхъ ночей провелъ я, какъ нѣжная мать надъ умирающимъ ребенкомъ!... Голубчики мои! Глаза мои! Душа, сердце мое! рыдая и цѣлуя поясы, шепталъ старикъ. Али! Али! продолжалъ онъ... Трусишка Али, хочешь ѣсть! А! хочешь! На, на тебѣ горсть алмазной крупы, ѣшь! Я буду ѣсть, много съѣмъ... Онъ тяжело вздохнулъ и медленно опустился на землю. Помутившійся взоръ его, выражая ужасъ, дико блуждалъ по окрестности, тревожно останавливаясь на каждомъ предметѣ. Страшныя

видѣнія начали проходить теперь передъ глазами умирающаго скряги. Судорожное движеніе мускуловъ, по временамъ сверкающій взглядъ и вставшій дыбомъ волосъ высказывали все ужасное состояніе души страдальца. Но, вотъ, съ неимовѣрными усиліями онъ сползъ съ камня, на которомъ сидѣлъ до того, со страхомъ осмотрѣлся кругомъ, и шатаясь, побрелъ на выходъ къ ущелью. Здѣсь, обнаживъ кинжалъ онъ принялся рыть землю. Съ каждымъ взмахомъ стали жизнь просыпалась въ немъ, съ каждой отдѣленной глыбой земли силы старика возобновлялись и прибывали, и наконецъ, прошептавъ какое-то заклинаніе, старикъ бережно сложилъ свои сокровища въ вырытую яму, снова забросалъ ее землею и придавилъ камнемъ... Когда возвратился онъ на прежнее свое мѣсто, Али уже очнулся.

— Али, ты еще живъ? спросилъ грузинъ,

— Живъ, отвѣчалъ слуга, съ изумленіемъ смотря на занятіе своего господина, который, положивъ на колѣно кусокъ пергамента, медленно выводилъ на немъ какіе-то сранные знаки.

— Завѣщаю тебѣ мои сокровища, сказалъ старикъ, оканчивая свою работу, если только Господь поможетъ тебѣ пережить эту ночь и наутро встрѣтить кусокъ чурека или шашлыка... Возьми Али этотъ пергаментъ, продолжалъ онъ... Если въ тебѣ хватитъ ума, ты завладѣешь моимъ богатствомъ... нѣтъ, пѣнай на свою глупость.

Али, молча, взявъ поданную ему рукопись, безмысленно просмотрѣлъ выведенные на ней знаки и бережно спряталъ таинственное завѣщаніе за черреску. Грузинъ едва дышалъ, синеватая блѣдность покрывала лицо его, глаза его впали и страшно выглядывали изъ-подъ густыхъ бровей... Еще разъ онъ брозилъ тоскливый взглядъ въ ту сторону, гдѣ зарылъ свои сокровища, судорожно вздрогнулъ и въ конвульсіяхъ упалъ на землю. Мавръ наклонился къ лицу своего господина, какъ бы стараясь прислушаться къ его дыханію, потомъ приподнялъ отяжелевшую голову Даміана, и съ ужасомъ отшатнулся назадъ...

— Холодень, не дышетъ! сказалъ онъ... Аллахъ, Аллахъ! еще нѣсколько часовъ, и тѣже муки, тѣже страданія заморозятъ кровь въ моихъ жилахъ! О, хоть-бы каплю росы! Точно раскаленная сталь въ груди моей... жажда и голодъ — страшная смерть!

Но вдругъ какъ будто-бы какое-то отрадное видѣніе оживило лицо страдальца. Дрожа, съ несказаннымъ восторгомъ Мавръ припалъ къ землѣ, прислушиваясь къ отдаленному шуму, раздававшемуся въ ущельѣ.

— Такъ! Такъ! съ восторгомъ прошепталъ онъ — это путники... Это мое спасеніе!

Въ-самомъ-дѣлѣ, тамъ, гдѣ Тескольское ущелье поворачиваетъ къ

рѣкѣ Баксану, превращаясь въ этомъ мѣстѣ въ глубокую и цвѣтущую балку, послышалась заунывная еврейская пѣсня, свистъ бича и храпѣніе усталыхъ воловъ. Спустя нѣсколько минутъ, въ которыя бѣдный Али пережилъ, быть-можетъ, цѣлые годы тоски и ожиданія, высокая арба, запряженная парюю воловъ, поравнялась съ нимъ.

— Спасите, спасите! вскричалъ мавръ, кидаясь къ арбѣ.

— Кто тутъ? окликнулъ голосъ, когда волю остановились.

— Заблудившійся странникъ... Шестыя сутки изнываетъ отъ голоду; сію минуту только умеръ его товарищъ въ пыткахъ голодной смерти....

— Вотъ тебѣ кусокъ хлѣба; садись со мною въ арбу... Кто бы ты ни былъ — я сдѣлаю доброе дѣло, если могу помочь тебѣ, отвѣчалъ еврей. При его помощи Али вскарабкался въ арбу. Волю тронулись, снова заскрипѣла арба, снова раздалась заунывная пѣсня еврея, и скоро путники, переправясь въ бродъ чрезъ Баксанъ, скрылись за вершинами Уллу-Кула.

Къ разсвѣту Мавръ былъ уже въ гостепріимной саклѣ еврея. Обязанный ему спасеніемъ, Али ничего не утаилъ отъ своего избавителя, и даже показалъ ему завѣщаніе Даміана, предлагая раздѣлить богатство пополамъ...

— Неправда! Неправда! перебилъ еврей, стоявшій у молгана: Али предлогалъ только третью долю...

— Ну, третью или половину, для насъ это, очи сердца моего, все-равно! возразилъ Гіе-ю-ко, въ то время какъ всѣ головы повернулись къ молгану и всѣ глаза остановились на еврей...

— А ты развѣ знаешь эту исторію? спросило нѣсколько голосовъ.

— Знаю лучше, чѣмъ кто-нибудь, отвѣчалъ еврей; въ глазахъ котораго опытный наблюдатель легко подмѣтилъ бы выраженіе сильнаго плутовства и удовольствія. Знаю это лучше всѣхъ, потому, продолжалъ онъ, что Али былъ спасенъ мною...

— Эге! Гай! Вотъ какъ! снова крикнули слушатели... Расскажи! Расскажи, Гацаль-Шеуды!

Пожалуй! Слушайте кунаки! отозвался еврей.

— Проклятый жидъ, проворчалъ Гіе-ю-ко: только хлѣбъ отбиваетъ у меня...

За послѣднія слова свои старикъ не опасался: ихъ никто бы не могъ услышать, потому-что всѣ любопытные уже перешли къ еврею.

— А, вотъ какъ это и было, говорилъ онъ: Когда Али немножко поотѣлся, обсохъ и выспался, то разсказалъ мнѣ исторію своихъ странствованій — точно такъ, какъ разсказывалъ ее Гіе-ю-ко, съ

тою только разницею, что ночь, въ которую умеръ Даміанъ не была темная, даже и я помню что луна не сходила тогда съ неба и только къ полуночи какъ-то странно начала чернѣть, сначала съ одного края, потомъ дальше, дальше, и наконецъ отъ нея осталось одно черное пятно, которое снова и постепенно опять проявилось... Во вторыхъ, кунаки, кто сказалъ Гіе-ю-ко, что Грузинъ зарылъ свои сокровища на исходъ ущелья?...

— А куда-же? спросилъ одинъ изъ любопытныхъ.

— Ну, ужъ про то шайтанъ вѣдаетъ, отозвался еврей: только если этаго не знаетъ Али, такъ ужъ и никто не знаетъ...

— Правда, правда! замѣтили слушатели.

— Вотъ, когда онъ мнѣ рассказалъ всю исторію, то и предложилъ третью долю сокровищъ, съ тѣмъ, чтобы я шелъ съ нимъ искать ихъ. При этомъ мавръ показалъ мнѣ и завѣщаніе, изъ котораго мы въ двѣ головы ровно ничего не поняли... Какія-то арабскія буквы, уголки, рожицы. Ну, кабала, ворожба, да и только! Надъ этой бумажкой продумали мы цѣлый день; наконецъ сознались, что оба глупы для такой мудрости, ударили по рукамъ, запаслись винтовками, хорошо выпили и отправились въ тескольское ущелье. На этотъ разъ ночь была темнѣе бороды муллы Джафара. Сабакъ страшно были въ нашемъ аулѣ, когда мы его оставили. Последнее обстоятельство навело на насъ маленькій страхъ, который мы скоро разогнали дружною пѣсней. Гадая о томъ, какая бы тайна заключалась въ завѣщаніи Даміана, мы незамѣтно миновали Уллу-Куль, наконецъ подъѣхали и къ Баксану. Вѣгеръ страшно завывалъ надъ рѣкою, и такъ ее вспѣнилъ, что несмотря на щедрые удары ногайки, лошади наши, фыркая и дрожа, съ пронзительнымъ ржаньемъ бросались въ сторону отъ обрыва, съ котораго нужно было бросаться въ бурунь.

— Нехорошо, Гацаль-Шеуды, сказалъ мнѣ Али... Ой худо, товарищъ: не бывать добру...

— А что? спросилъ я.

— Да ужъ нехорошо: лучше вернемся; въ другой разъ попытаемъ.

— Это зачѣмъ?

— Повѣрь мнѣ, Гацаль-Шеуды, говорилъ онъ, что наши лошади не воды трусятъ... Горскій конь не боится потока и буруна, а тутъ чтонибудь еще другое...

— Однако, мудрый Али, что жъ бы это другое?...

— Да ужъ нехорошо, повѣрь мнѣ, — право не даромъ у мен

сердце побаливаетъ .. Право, не навелъ ли на коней страхъ, проклятый скряга...

Не солгу, кунаки, что меня при этой мысли, точно кто каленой иглой поподчивалъ въ пятку. Дрожь пробѣжала по тѣлу, въ глазахъ сдѣлалось такъ зелено, какъ—будто я руками хватался за дно Баксана.

— Къ тому же вспомни, кунакъ, продолжалъ мой храбрый товарищъ... собаки-то!

— Какія собаки? спросилъ я съ испугомъ...

— Ну, наши... Вспомни, какъ дьявольски завывали они, провожая насъ изъ аула... Нѣтъ, какъ хочешь, а я поверну коня назадъ... Не хочу быть на зубахъ у этаго голоднаго Даміана; ему теперь нипочемъ разкусить мою голову, какъ пустой орѣхъ!.. рѣшительно заключилъ Али. И мавръ уже готовъ былъ исполнить свое намѣреніе. Не знаю, жажда ли сокровищъ, отъ которыхъ, кунаки, вѣрно бы никто не отказался изъ васъ, или лишній азерпешъ кахетинскаго, или, наконецъ, я былъ храбрѣ моего товарища — только рука моя невольно схватила подъ узду коня его.

— Стой, Али! сказалъ я. Если идти на добычу, такъ идти, а ужъ не ходить, такъ нечего было и всѣннивать нашихъ коней. Изъ пустаго страха, который ты самъ придумываешь и накликаешь на себя — намъ не для чего отказываться отъ обладанія этими двумястами драгоценныхъ алмазовъ, свѣтлыхъ какъ солнце, крупныхъ какъ ноготь великана! И что намъ сдѣлаетъ отжившій Даміанъ? Нука, скажи?

— Да, что сдѣлаетъ! Толкуй тутъ... возразилъ Али, начавшій уже ободряться....

— Да однако что же? Не бойсь укусить.... Пусть онъ сунется, дамъ я этому скрягѣ испробовать моей нагайки, если онъ еще не угомонился, и если кости его еще не растащены голодными шакалками...

— Постой, Гацаль—Шеуды... Вѣдь онъ, не забудь, при жизни водилъ дружбу съ шайтаномъ!...

— А чихать мнѣ въ бороду этому шайтану, если только онъ не заложилъ ее скрягѣ Даміану... Пойдемъ Али... Смѣлѣе!

— Пойдемъ!

Плети свиснули, разъ другой.... Кони взвились на дыбы, мы гикнули, пригнулись, еще разъ полоснули нагайками, и Баксанъ раступился надвое...

Вотъ и переправились мы, кунаки, въ ущелье. Вѣтеръ, вырвавшись изъ тѣснины вихремъ, встрѣтилъ насъ, осыпалъ съ головы до ногъ

мелкою пылью. Встали наши скакуны, не идутъ ни взадъ, ни впередъ... Дрожать, хрюпать, упираются.

— Ну пропадай они, сказалъ я. Долой съ сѣдла, Али, пойдѣмъ къ тому мѣсту, гдѣ ты получилъ отъ Даміана свое безтолковое завѣщаніе.

Али молча повиновался моему желанію. Взявшись за руки, мы осторожно, ощупывая каждый шагъ прикладомъ винтовки, пошли тѣсною .. Охъ, кунаки, не запомню я такой страшной ночи, какую привелось мнѣ тогда извѣдать... Кругомъ тьма, вой вѣтра, плачь шакаловъ, а впереди страшная встрѣча... Ужась! Ужась! Ноги мои стали дрожать, руки тоже....

— Вернемся! шепнулъ Али... Смотри.... вонъ онъ... идетъ навстрѣчу! добавилъ онъ, задыхаясь...

Въ это мгновеніе кровь, какъ будто-бы замерзла въ моихъ жилахъ холодный потъ выступилъ на всемъ тѣлѣ... Я силился бѣжать... и не могъ, невидимая сила приковала меня къ мѣсту. Передъ нами, на камнѣ, сидѣлъ трупъ Даміана. Глаза его страшно вонзились въ насъ, губы шевелились, казалось, готовыя сказать что-то... Подлѣ меня раздался стонъ... Али въ безпамятствѣ упалъ на землю... Я встрѣтился глазами съ привидѣніемъ... и больше ничего не помню...

Когда мы очнулись, день уже сіялъ надъ ущельемъ. Коней нашихъ не было, оружія тоже: мы были обобраны до нитки, продрогли до мозговъ, и едва передвигая ноги, вернулись въ аулъ... Съ-тѣхъ-поръ мы не рѣшались на второе испытаніе. Али, по моему совѣту, продалъ свое завѣщаніе за сто золотыхъ какому-то мавру, и пропалъ безъ вѣсти. О Тескольскомъ ущельѣ скажу вамъ, что страшно заглядывать туда ночью. Спросите карачаевцевъ они поразскажутъ вамъ о своихъ встрѣчахъ съ Даміаномъ. Трупъ его каждую полночь является на скалахъ, обходитъ ущелье, потомъ садится на камень и горько плачетъ, прося крошку чурека и каплю воды... Да, да! кунаки, не заглядывайте въ Тескольское ущелье! заключилъ еврей.

Съ этими словами онъ оставилъ толпу изумленныхъ слушателей, и вышелъ изъ мазанки. Только одинъ матросъ, въ синей курткѣ, помѣщавшійся у дверей и прикинувшійся спящимъ, слышалъ, какъ проговорилъ жидъ, проходя мимо его:

— Задалъ же я имъ страху; теперь не всякій сунется за сокровищемъ, а между-тѣмъ мы разгадаемъ какъ-нибудь эти бессмысленные и таинственные знаки завѣщанія...

Какъ и всегда, толпа слушателей, разставшись съ разскащиками, перешла къ своимъ сужденіямъ. Снова шумъ и говоръ раздались въ ма-

занкъ. Посѣтители, раздѣлившись на партіи, заняли диваны, закурили свои трубки, и принялись разрабатывать заданную имъ тему.

Одинъ только матросъ не принималъ участія въ общемъ спорѣ. Какъ и прежде, оставаясь для всѣхъ невнимательнымъ и спящимъ, онъ насторожилъ ухо и не проронилъ ни одного слова изъ разговора, начавшагося по уходѣ жида между двумя маврами.

— Недурно, Эль-Гакимъ, говорилъ одинъ изъ нихъ. Разсказъ еврея, въ которомъ также мало правды, какъ разуму въ моемъ кинжалѣ—много помогаетъ намъ....

— Ты думаешь, Риза?

— Безъ солнца, Эль-Гакимъ, не умрешь въ степи отъ зноя; — безъ улыбки милой не встрепенется сердце....

— А смотри, очи очей моихъ, что эта дрянная собака Гацаль-Шеуды недаромъ приплелъ такую исторію, недаромъ онъ такъ щедро набилъ грязью рты правовѣрнымъ....

— Ты думаешь, Эль-Гакимъ?

— Безъ солнца, Риза, не умрешь въ степи отъ зноя.... повторилъ въ свою очередь Эль-Гакимъ.... Я увѣренъ, продолжалъ онъ, что еврей имѣетъ у себя списокъ съ завѣщанія, которымъ ты владѣешь.... Недаромъ онъ такъ много лжетъ....

— Ну, такъ что?

— Ничего больше; Гацаль-Шеуды разгадаетъ тайну....

— Не ему молиться за это счастье пророку, не невѣрному пить шербетъ премудрости; только наши степные мудрецы умѣли разгадать эту тайну, которая разъяснена и спрятана въ моемъ поясѣ, а имъ завладѣть такъ же трудно, какъ заглянуть въ мою душу!

При послѣднихъ словахъ мавра матросъ вздрогнулъ и притаилъ дыханіе, боясь проронить малѣйшій звукъ и самое ничтожное слово со-сѣда.

— Ну, а если? таинственно спросилъ Эль-Гакимъ.

— Ничего онъ не сдѣлаетъ, отозвался Риза.... Да, успокойся: я даже не допускаю этой мысли.... Если въ десять лѣтъ не догадался, онъ не догадается, повѣрь мнѣ, и теперь. Затмѣніе близко, и сокровища наши.

— Ужасъ! ужасъ, Риза, сколько богатства!

— Да, двѣсти драгоценныхъ камней....

— Мы будемъ первые купцы въ мірѣ.

— Купцы! съ презрѣніемъ возразилъ Риза... Нѣтъ! Прочь тогда эта бродяжная жизнь, эти скверные базары.... Мы будемъ первыми вель-

можами Стамбула... Ужь, Эль-Гакимъ, какой роскошный гаремъ построить Риза; сколько красавиць будетъ въ немъ...

Долго еще мечталъ страстный мавръ, въ то время, какъ товарищъ его забылся сладкимъ сномъ; наконецъ и онъ послѣдовалъ его примѣру.

Сакля пустѣла мало-по-малу. Одинъ караванъ уже отправился въ горы. Вожатые остальныхъ двухъ или спали, или еще доигрывали въ кости и прислушивались къ послѣдному разсказу Гіе-ю-ко. Хозяинъ духана давно уже обобралъ трубки, разбросанныя по окнамъ и стѣнамъ, продулъ ихъ, бережно уставилъ рядкомъ, обошелъ дворъ, перемѣнилъ пылающую бочку, и укутавшись въ бурку, тревожно задремалъ на плоской кровлѣ главной мазанки.

Наконецъ все смолкло въ духанѣ. Огни потухли, кости и деньги перестали звучать и брнчать, утомленной Гіе-ю-ко, свернувшись какъ сурокъ, захрапѣлъ на всю саклю, его примѣру скоро послѣдовали и другіе.... Какъ будто-бы какое очарованіе ниспало на одахарскій духанъ.

Все замерло въ немъ, все притихло, уснуло, и только говоръ сторожевыхъ въ балкѣ, да тотъ же звонъ бубенчиковъ, побрякивающихъ на хомутахъ коней и воловъ, нарушали общую тишину.

Въ полночь, въ минуту общаго и крѣпкаго сна, кто-то осторожно, затаивъ дыханіе, привсталъ съ дивана главной мазанки, обнажилъ кинжалъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ, тихо подкрался къ спящему Риза... раскинулъ его шитую серебромъ куртку, оцупалъ поясъ и со страхомъ и трепетомъ повелъ кругомъ тревожнымъ взглядомъ....

Спустя нѣсколько минутъ, сторожевые видѣли человѣка, вспрыгнувшаго на перваго встрѣчнаго коня, который, какъ вихрь, помчалъ своего всадника по направленію къ аулу Рыдца...

Шумъ и крупный говоръ разбудили на утро одахарскій духанъ.

— Насъ ограбили! обокрали! кричалъ изступленный Риза, не находя своего драгоценнаго пояса... Кунаки, ради Аллаха помогите мнѣ сыскать вора... Два мѣшка золота кто найдетъ его!

— Это еврей Гацаль-Шеуды! Это онъ, онъ! потворялъ Эль-Гакимъ.

Всѣ суетились, бѣгали, искали еврея, который, какъ оказалось, уѣхалъ съ первымъ караваномъ.

Это оправдало Гацаль-Шеуды.

Никто не вспомнилъ о росломъ матросѣ.

Его не было... Онъ пропалъ.

ЧАСТЬ I.

ДОЧЬ ЕВРЕЯ.

I.

ТОМЪ-КУКЪ,

Въ исходѣ XVIII столѣтія, когда еще все укрѣпленія сѣверо-восточнаго берега Чернаго-моря находились во власти Турціи,— торговля плѣнными едва ли не составляла главнаго ремесла всехъ приморскихъ горцевъ Кавказа и большей части турецкихъ купцовъ. Кромѣ главныхъ базаровъ въ Бугуръ-Кале, Сухумъ, Кодоръ и Батумъ, каждая бухта въ берегахъ Абхазіи, Мингреліи и Имеретіи представляла печальную и отвратительную картину мѣны молодости и красоты на полированную сталь, мѣшокъ пороху и рѣдко на мѣшокъ золота. Никѣмъ непреслѣдуемые, напротивъ того поощряемые турецкимъ правительствомъ къ прибыльной торговлѣ горскими красавицами, турецкіе купцы не разставались съ моремъ даже и въ бурную осень. Къ тому же ни одно время года не представляло для нихъ столько заманчивыхъ выгодъ, какъ осень и зима; особенно послѣдняя. Неразъ уже было говорено о томъ, что зима для горца, привыкшаго жить въ чистомъ полѣ наѣздомъ, засыная снѣгомъ горныя тропинки, лишаетъ его всехъ удобствъ хищнической жизни и запираетъ въ сквозную саклю, на испытаніе всехъ лишеній. Въ это то время голодный хищникъ съ радостію мѣнялъ на горсть пшена или пороха родную сестру, брата, сына и дочь. Покупатели, пренебрегая всеми опасностями осенняго плаванія, являлись у береговъ Абхазіи въ-время со своими кочермами, и брали ни за что дорогой товаръ, брали его изъ первыхъ рукъ. Также входило въ расчетъ.. что Эндери * главный рынокъ похищенныхъ невольниковъ, былъ довольно отдаленъ отъ этого мѣста... — Часто суда эти гибли въ виду береговъ, и тогда горцы съ восторгомъ бросались въ море и грабили своихъ пріятелей, нерѣдко уводя ихъ въ неволю.

Вотъ почему, въ началѣ ноября 17** г. толпы сухумскихъ абазинцевъ, несмотря на проливной дождь и непогоду, почти двое сутокъ не покидали камышей, преслѣдуя жаднымъ взглядомъ небольшую кочер-

* Мѣстечко Эндери, Андреева дер. Аксаевской Области.

му, которая видимо была близка къ гибели. Судно, зарываясь въ волнахъ, то быстро несло на голый рифъ, къ сторонѣ Пшады, то снова, увлекаемое порывистымъ вѣтромъ, исчезало въ открытомъ морѣ. Съ визгомъ крутились въ воздухѣ его оборванныя снасти, дрожа со стономъ и скрипомъ, ныряло оно въ крутыхъ волнахъ; изнуренный работами и качкой, небольшой экипажъ кочермы безмолвно ждалъ своей гибели... Къ тому же въ этой толпѣ матросовъ, представлявшей смѣсь лицъ черныхъ, бѣлыхъ и смуглыхъ, въ толпѣ людей, разныхъ по вѣрѣ, языку и понятіямъ о жизни и смерти, въ рѣшительную минуту нельзя было ожидать никакого единодушія. Тутъ были негры, турки, африканскіе евреи и даже европейцы. Большинство составляли магометане. Послѣдніе, вѣрные своей мысли: «чему быть, то случится», перебирая четки и нашептывая стихъ изъ корана, какъ стадо испуганныхъ овецъ, столпились въ носовой части судна, держась другъ-за-друга.—Только одно лицо въ группѣ этихъ несчастныхъ отличалось невозмутимымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Это былъ мужчина высокаго роста, стройный и широкоплечій. Каждое его движеніе и до локоть обнаженные мускулистыя руки высказывали его необыкновенную силу. Широкая распашная куртка и турецкія шалвары съ заткнутымъ за поясъ кинжаломъ составляли нарядъ его; но этотъ восточный костюмъ нисколько не отвѣчалъ ни блѣдной наружности незнакомца, ни его рыжимъ, всклокоченнымъ волосамъ. Крѣпко держась за румпель руля, широкоплечій матросъ смѣло и мастерски выдерживалъ удары волнъ, набѣгавшихъ на кормовую часть судна. Были минуты, въ которыя, облитый съ головы до ногъ волною, онъ выпускалъ изъ окоченѣвшихъ рукъ этотъ румпель,—и тогда, брошенный качкою отъ борта къ борту,—какъ-бы нечувствительный къ ушибамъ и холоду, снова бросался къ рулю. А между-тѣмъ съ каждымъ мгновеніемъ буря и вѣтеръ усиливались. Непроницаемая тьма раскинулась надъ разъяреннымъ моремъ, и волны его, набѣгая одна на другую, шумно и дробно разлетались мелкою пылью, сверкавшею фосфорическимъ блескомъ. Съ каждымъ взвизгомъ урагана кочерма теряла что-нибудь изъ своего вооруженія, и несмотря на это, матросъ, съ какимъ-то ожесточеннымъ упорствомъ исполнялъ свою обязанность. Навалась всею тяжестью своего тѣла на румпель, онъ суровымъ и презрительнымъ взглядомъ окидывалъ то мрачную и грозную картину моря, то группу своихъ товарищей. Наконецъ, руки его стали дрожать, мускулы тоже, и скоро прерывистое дыханіе силача высказало все его истощеніе...

— Сюда! Ко мнѣ... на руль! вскричалъ онъ; по вѣтеръ далеко относилъ слова его, и только злобщій скрипъ судна, да бессмысленный взглядъ пассажировъ были отвѣтомъ на призывъ матроса. «Бездушные

люди! прошепталъ онъ, — быть такъ близко у цѣли и не имѣть ни средствъ ни силы выкупить жизнь... Подлые трусы, не хотятъ пошевелинуть пальцемъ для своего спасенія! Ей вы! негодяи! я окоченелъ, я обезсилѣлъ!... Ну гибнуть, такъ гибнуть всѣмъ—брошу руль!

— Остановись! Я помогу тебѣ.

Эти слова, сказанныя за плечомъ изнемогавшаго матроса, возвратили ему всю силу и бодрость. Жилистые руки его снова впились въ румпель, и руль, какъ вкованный въ корму, остался безъ всякаго движенія. Товарищъ, предложившій свою помощь рулевому,—по костюму, росту и физиономіи составлялъ разительную съ нимъ противоположность. Съ перваго взгляда трудно было повѣрить, чтобы эта щегольская фустанелла, и шитая серебромъ куртка одѣвали не станъ женщины, а мужчины. Правильныя черты лица его, осыненные длинною прядью черныхъ кудрей, рисовали столько женственности, столько красоты нѣжной и благородной, что въ другое время рулевой вѣрно бы принялъ своего товарища за бѣглую красавицу съ базаровъ Батума. Къ тому же эти люди, едва-ли не впервые разъ встрѣтились другъ съ другомъ. Молодой красавецъ, только наканунѣ, при выходѣ кочермы изъ Трапезонда, нанялся въ число ея матросовъ.

— Навались, товарищъ! Крѣпче... сильнѣе—вотъ такъ... хорошо! руль слушаетъ! весело сказалъ рослый матросъ.

— Но какая же отъ этого польза? недовѣрчиво возразилъ молодой человѣкъ... Намъ все-равно не уйти отъ бѣды: трюмъ полонъ водою....

— Гм. Полонъ? и очень?

— Да.

— Однако еще полчаса мы можемъ держаться: не хлебнемъ черезъ край?...

— Полчаса,—небольше!

— Довольно и этого.... Смотри: видишь вдали мелькающіе огоньки?...

— Вижу.... это огни въ сакляхъ абазинскихъ ауловъ....

— Сохрани Богъ!... Это огни въ Анаклиі.

— Немного утѣшенія: берегъ и тамъ и тутъ: мы должны разбиться.

— Справедливо. Однако если мы ударимся въ устьяхъ Пшады, то должны ужъ навѣрную топить, выплывать на берегъ не стоить....

— Почему же, если достанетъ силъ и умѣнья?

— Не стоить, говорю я, насъ подберутъ тамъ абазины и продадутъ въ горы... въ Анаклиі-турецкій гарнизонъ, и стало-быть, есть надежда на спасеніе. Вотъ, товарищъ для чего я держу къ крѣпости и истощую

мои послѣднія усилія.... Огни близко, навались! врѣжемъ кочерму на берегъ; смотри — она летитъ какъ конь степняка!

Въ-самомъ-дѣлѣ, судно, направленное прямо по вѣтру, быстро несло къ своей гибели и разрушенію. Волны, то перелетая черезъ палубу, то разсыпаясь на ней, казалось, съ удвоенною силою гнали полуразрушенную кочерму....

— Такъ! Такъ! шепталъ рослый матросъ: еще пять, шесть ударовъ въ корму и только щепки брызнутъ фонтаномъ.... Навались! навались—товарищъ... не давай отвести рулю: вѣтеръ, кажется, въ лобъ заходитъ!

Молодой человѣкъ, послушный голосу своего товарища, дружно и усердно помогаль ему.

— У! да ты молодець.... Сейчасъ, сію минуту треснемся.... Ну-ко на прощанье твое имя, пріятель?

— Мое имя?... Одни меня зовутъ Муврахили, думая, что я грекъ, другіе звали когда-то Ростиньякомъ.

— Э, да ты франкъ, гяуръ, кяфиръ?

— Точно такой же, какъ и ты....

— А почему ты это знаешь?

— Въ твоёмъ выговорѣ слышится англійскій акцентъ....

— Солгалъ душа: я шотландецъ, кровный шотландецъ, потомокъ одного славнаго клана... теперь, забылъ какого именно; знаю только, что меня зовутъ Томъ-Кукъ.... Стопъ! Стопъ, товарищъ! вскричалъ Томъ-Кукъ измѣняющимся голосомъ.... слышишь.... А?

— Слышу визгъ и ревъ бури; больше ничего....

— Прислушайся, наостри ухо, причувствуйся иначе сказать.... вѣдь мы идемъ ко дну.... какъ! какъ! кочерма идетъ ко дну! заревель матросъ, голосомъ, въ которомъ отозвались все ужасныя ощущенія души близкаго къ гибели. Этотъ отчаянный крикъ въ одно мгновеніе вывелъ изъ забытья и оцѣпенѣнія безмолвный экипажъ судна. Двадцать рукъ бросились къ талямъ, на которыхъ держалась шлюпка — и двадцать рукъ спустили ее на воду. Теперь всякій спѣшилъ броситься въ кайкъ; началась давка, блеснули кинжалы, и на борту судна завязалась ожесточенная драка.

— За мною, товарищъ—съ борта ихъ! вскричалъ Томъ-Кукъ, бросая руль, и вооруженный топоромъ онъ бросился къ борту... Но уже десять человѣкъ матросовъ были въ кайкъ....

— Довольно! Довольно! раздалось внизу. Кайкъ не выдержать, все утонемъ! Мустава-Кази рѣжь веревки! И отдѣленные веревки съ виз-

гомъ поднялись надъ бортомъ, въ ту минуту, какъ шлюпка, подхваченная волною, быстро исчезла въ ночной мглѣ.

На кочермѣ оставались только Томъ Кукъ и Ростиньякъ.

— Негодяи! простоналъ первый. О, еслибы я зналъ, что они сыграютъ съ нами такую штуку... еще утромъ прорубилъ бы дно этого грязнаго корыта... Ростиньякъ, нѣтъ-ли рому?

— Нѣтъ! печально отозвался молодой человѣкъ.

— Скверно! Что же мы будемъ дѣлать?

— Будемъ молиться, Томъ Кукъ; конецъ нашъ близокъ... Еще мгновеніе, и все кончено.

— Все кончено! отозвался шотландецъ... Однакожь, стой! Гдѣ мы?

— Теперь, кажется, въ виду Дранды: насъ несетъ къ Сухуму.

— Къ Сухуму? А это что?

— Буруны.

— Стало-быть, берегъ подъ носомъ... Ну такъ въ воду! За бортъ, товарищъ. Умирать часомъ позже, часомъ ранѣе все-равно. Ну, въ воду! За мной...

Въ эту минуту судно дрогнуло, тяжело взбѣжало на волну, отпрянуло назадъ, и тихо стало погружаться въ бездонную глубь моря.

II.

ПОСЛѢДНІЙ МАКЪ-ЛЕНЬ

Въ глубинѣ горъ, прорѣзывающихъ сѣверъ Абхазіи, путникъ встрѣчаетъ вѣчную и безмолвную пустыню. Непроходимые лѣса и заповѣдныя рощи, въ которыхъ еще никогда не отзывался стукъ топора, покрываютъ эти горы. Столѣтнія сосны гніютъ здѣсь на корнѣ, густой терновникъ и можжевельникъ раскидываются по тропинкамъ, часто обнявшись надъ пропастью и скрывая страшную бездну. Громадные камни и глыбы кремнистыхъ лавинъ запираютъ дорогу на каждомъ шагу. Въ долинахъ, покрытыхъ дикими фруктовыми деревьями, въ темныхъ ущельяхъ — та же пустыня, то же вѣчное молчаніе. Единственные обитатели этихъ мѣстъ: легкій туръ, кабанъ, да безпріютный Абадзехъ, такъ же влюбленный въ одиночество, въ свою мрачную природу, какъ и

горный орелъ. На всемъ протяженіи Кавказа, все племена его живутъ аулами, селеніями и семьями; въ горной Абхазіи этого нѣтъ. Вскормленецъ ея лѣсовъ любитъ одиночество, взбирается на самую вершину скаль, и одинъ, далеко отъ людей, ставитъ свою саклю гдѣ-нибудь на закраинѣ обрыва; горный вѣтеръ и шумъ потока его собесѣдники, которымъ онъ повѣряетъ свои незатѣйливыя думы, мѣткій ударъ по кабану, одиночная охота на медвѣдя, иногда охота на сосѣда, — вотъ его развлеченіе. Правда, онъ никогда и никому не откажетъ въ гостепріимствѣ, по завѣту отцовъ своихъ; но трудно страннику постучаться въ его саклю и переступить порогъ ея. Непривычный глазъ едва ли сумѣетъ отличить гнѣздо горца отъ глыбы грязи, прожженной солнцемъ. Несмотря на это, во время, описываемое нами, въ тущобахъ скаль, при истокѣ Киласура, нѣсколько выше аула Алидзаръ, пролежала выючная дорога, по которой проходили караваны съ плѣнниками, скупаемыми въ землѣ казылбековъ и башильбаевцевъ. Единственная причина, поощрившая турецкихъ и еврейскихъ промышленниковъ избрать эту дорогу, заключалась въ томъ, что горцы, обитавшіе по истоку Киласура, болѣе терпѣли нужду, чѣмъ ихъ южные сосѣды и, слѣдовательно, съ охотою шли въ проводники, и еще съ болѣею продавали своихъ сестеръ и дочерей.

Хунзахъ-гарская долина, заключенная между двумя рукавами Киласура, выѣжавшими на западъ, служила главнымъ сборнымъ пунктомъ для каравановъ. Весною и лѣтомъ, эта пустыня оживала частыми картинами кочевья и базара. Иногда безмолвною ночью, вдругъ, въ непроницаемой тмѣ, слышались удары бичей, громкій крикъ проводниковъ, ржаніе коней, и затѣмъ вспыхивали костры походнаго огня. Въ минуту надъ нимъ подвѣшивались котлы, у костровъ располагались люди и собаки; вокругъ громадныхъ арбъ, татарской постройки, выросли шатры, и жизнь просыпалась здѣсь, откликаясь въ веселомъ смѣхѣ горцевъ и турокъ, въ заунывныхъ звукахъ чангура и напѣвахъ горской пѣсни. Разсвѣталъ день надъ Хунзахъ-Гаромъ, снова скрипѣли арбы, снова побрякивали звонкія уздечки, и новыя толпы горцевъ прибывали сюда со своими услугами и живымъ товаромъ. Осенью, рѣдко просыпалась долина, и развѣ только одинъ запоздалый караванъ въ два мѣсяца появлялся здѣсь, оставаясь на короткую стоянку...

Ноябрьское солнце давно уже разсыпало свои лучи надъ Хунзахъ-Гаромъ, но еще легкій паръ клубился надъ пропастями и надъ лѣсомъ, въ то время, какъ два путника показались при опушкѣ чинарной рощи. Босые, съ непокрытою головою и въ однихъ только шалварахъ, пѣшеходы легко бы привлекли вниманіе перваго встрѣчнаго на свой

странный нарядъ, еслибы только въ этой пустынѣ и въ такое раннее утро можно было ожидать встрѣчи. Медленно и съ видимымъ утомленіемъ подавались они впередъ, безпрестанно озираясь направо и налево, какъ-бы желая въ группѣ окружавшихъ ихъ сосенъ, кремней и скалъ отыскать знакомый предметъ. Первый путникъ, рослый и крѣпкій въ тѣлѣ мужчина, шелъ нѣсколько бодрѣе своего молодого и красиваго товарища; послѣдній едва передвигалъ ноги и почти переползалъ встрѣчные овраги, въ то время, какъ передовой легко и смѣло перепрыгивалъ ихъ. Миновавъ закраину рощи, они стали подниматься на крутизны. Здѣсь удвоилась для нихъ трудность переходовъ, и пройдя нѣсколько шаговъ, молодой путникъ почти со стономъ въ изнеможеніи упалъ на землю.

— Стой, Томъ-Кукъ, сказалъ онъ: я умираю отъ усталости — и больше ни шагу впередъ! Къ-тому же сознайся, что мы идемъ, сами не зная куда... Наугадъ, быть-можетъ, прямо на прицѣль хищника...

Томъ-Кукъ остановился, тряхнулъ своею огромною головою и съ принужденною безпечностію принялся насвистывать пѣсенку. Болѣе пяти минутъ провелъ матросъ въ этомъ невинномъ занятіи, поглядывая то съ сожалѣніемъ на своего товарища, то съ досадою на мрачную окрестность Хунзахъ-Гара.

— Ахъ ты память дурацкая! проворчалъ наконецъ шотландецъ, оканчивая свою пѣсню рѣзкимъ и прензительнымъ свистомъ. Два раза былъ я въ этой дрянной трущобѣ, и не могу найти тропинки, которая ведетъ къ саклѣ еврея. Вонъ эти сосны, продолжалъ онъ въ раздумьѣ, потомъ обвалъ, направо поворотъ отъ камня, потомъ должна быть тропинка, а ея нѣтъ; камни, да кремни, и камни-то, которые, кажется, лѣтъ двадцать обростають мхомъ на одномъ мѣстѣ... Прахъ возьми: отъ одной бѣды ушли — другая просится навстрѣчу... Что тутъ дѣлать?

— Не знаю, отозвался молодой путникъ.

— Однакоже, храбрый мой товарищъ; не умирать же намъ здѣсь отъ голода, вмѣстѣ съ шакалами! Къ-тому же не хочу таить отъ тебя, что это раснутье не обѣщаетъ намъ хорошаго сосѣдства, и клянусь моимъ послѣднимъ цехиномъ, который утонулъ вмѣстѣ съ кочермою, я право не желалъ бы видѣться ни съ кабаномъ, ни съ медвѣдемъ, а они здѣсь являются—званные и незванные. Пойдемъ впередъ!

— Не могу... Нуженъ отдыхъ, силы мои истощены.

— Отдыхъ! Но можно ли отдыхать въ этой отвратительной грязи... Чортъ возьми, на десятую долю шиллинга нѣтъ комфорта, хоть-бы клочокъ травки, хоть-бы капля рому; тутъ даже не уснешь, при всемъ желаніи спать безъ просыпу.

— Какъ знаешь, Томъ-Кукъ, — но силы меня оставили, и я безъ отдыха, не двинусь съ мѣста.

— Хорошо, рѣшительно отозвался ирландецъ, бросимъ ни за что одинъ часъ голодному времени... Даже съѣдимъ послѣднюю курицу, которую удалось намъ поймать въ рошѣ...^{*} Съѣдимъ ее, дружище, если только удастся добыть огня.

Говоря это, неумолимый Томъ-Кукъ мастерски построилъ изъ трехъ небольшихъ камней очагъ, набросалъ въ отверстіе между-ними сухихъ вѣтвей дикой черешни, за которыми нужно было спуститься нѣсколько шаговъ къ подошвѣ скалы, и потомъ уже обратился къ самому трудному предмету своихъ дѣйствій. Для нашихъ странниковъ добыть огня было не такъ легко, какъ построить очагъ и набрать хворосту. Единственнымъ къ тому средствомъ могли служить сохраненный Томомъ кинжалъ и нѣсколько кремней, валявшихся на площадкѣ.

— Ну искра есть, сказалъ онъ; гдѣ теперь найдемъ труду... Хоть-бы какая-нибудь тряпка...

— Мнѣ кажется, и этого искать долго не нужно, замѣтилъ Ростиньякъ; твои шалвары вымолены такъ исправно, что одинъ лоскутъ отъ нихъ вспыхнетъ какъ порохъ, и будетъ горѣть цѣлыя сутки...

— Ито правда! отозвался Томъ. Съ этими словами, онъ оторвалъ небольшой лоскутъ отъ своихъ шалваръ, растрепалъ его въ мелкія нитки, и скоро сухой валежникъ, треща и корчась, вспыхнулъ подъ камнями. Между-тѣмъ какъ шотландецъ трудился надъ добываніемъ огня, Ростиньякъ успѣлъ ощипать курицу. Дичь была бережно положена на камень, и не спуская съ нея жаднаго взгляда, путники придвинулись къ огню.

— Прекрасно, началъ Томъ: вотъ теперь я нахожу небольшое удобство... Тѣло наше можетъ быть согрѣто, и къ-тому же эта маленькая тварь, въ которой я непременно оставлю сколько-нибудь крови, даетъ намъ право на фриштикъ... Ахъ еслибы, до ночи найти саклю жида. Иначе, еще такая холодная ночь, какъ минувшая, — мы пропали!

— Правда, вчера, мокрый и дрожа отъ холода, я даже сожалѣлъ, что меня волна вышвырнула на берегъ, — отвѣчалъ молодой человекъ, любуясь поджареной спинкой курицы и перевертывая ее на другую сторону.

— Сожалѣлъ! подхватилъ Томъ: какъ можно жалѣть о томъ, чему всякой бы позавидовалъ? Вотъ, напримѣръ, хоть я... Цѣлый часъ

---

^{*} Въ гѣсахъ Абазіи и Абхазіи, дикія куры, довольно мелкой породы, водятся въ изобиліи.

нырялъ въ бурунахъ, и когда уже избитый и окровавленный вышелъ на берегъ, ты былъ невредимъ и плакалъ только о томъ, что, кидаясь за бортъ, сбросилъ съ себя куртку.

— Было о чемъ пожалѣть. Посмотри, на кого мы теперь похожи!

— Что дѣлать: лучше этотъ печальный маскарадъ, чѣмъ лишній глотокъ горькосолоной воды... Однако, товарищъ, курица наша, мнѣ кажется, готова? Пластай ее, пріятель.

Аппетитъ Ростиньяка былъ развитъ въ такой сильной степени, что предложеніе Тома исполнилось въ ту же минуту. Однако, когда уже жаркое было на зубахъ проголодавшихся странниковъ, молодой человекъ не могъ не замѣтить, что недожаренная дичь даже и для голоднаго желудка не находка.

— Помилуй, душа моя, возразилъ матросъ, да въ этомъ-то и заключается вся несказанная прелесть лакомага кусочка! Согласись самъ, что когда мы измучаемъ хорошенько свои зубы, тогда будь увѣренъ, что желудокъ долго не запроситъ подачи. Къ-тому же посмотри, какъ съ этой косточки сочится кровь... А! капля за каплей... Прахъ возьми, какъ это напоминаетъ мнѣ таверну «Розоваго-колпака», кружку хмѣльнаго пива и питательный ростбифъ!.. Да, продолжалъ Томъ-Кукъ, вспомнивъ о гостепріимномъ колпакѣ, невольнo вспомнишь и о минувшемъ...

— Что ты хочешь сказать, Томъ?

— А то, что вѣдь у меня съ тобой должно же быть прошедшее?

— Разумѣется...

— Ну, вотъ видишь-ли, продолжалъ матросъ, тщательно обсасывая куричью лапку: такъ вотъ видишь-ли, говорю я: намъ-бы не мѣшало, пока отдыхаемъ, покороче познакомиться между-собою... Друзья должны знать одинъ другаго вдоль и поперекъ, а мы вѣдь съ тобою друзья... Судьба насъ столкнула едва ли не у гроба... Теперь мы дѣлимъ настоящее, а если не умремъ въ этой пустынѣ отъ лишеній, у насъ можетъ быть, отличное будущее... Я, братецъ, полюбилъ тебя съ перваго раза... Не знаю, какъ ты меня... Только, право, готовъ тебѣ сообщить мой секретъ... Но прежде, повторяю, мы должны знать другъ-друга... По совѣсти, мнѣ давно нуженъ товарищъ... Однако, у меня правило: съ кѣмъ иду на жизнь и смерть, тотъ долженъ быть мнѣ знакомъ не по платью, а у тебя, пріятель, и этого нѣтъ! Ну, къ дѣлу... Я хочу знать, кто ты, и что ты!..

— Благодарю за откровенность, добрый Томъ... Только изъ моего прошедшаго я очень и очень немного помню...

— Однако хоть что-нибудь... Я тоже о себѣ немного знаю. Но

свое минувшее рассказываю вот какъ. Прислушайся, товарищъ; послѣ очередь будетъ за тобою...

— Слушаю, говори! отвѣчалъ молодой человѣкъ, печально по-сматривая на потухающій огонь подъ камнями.

— Какое у меня дрянное обыкновеніе, началъ Томъ, развѣянно осмотрѣвшись кругомъ: непременно выпить что-нибудь предъ началомъ разказа... Безъ того какъ-то плохо вяжутся слова, тупѣютъ мысли и сохнетъ горло... Но дѣлать нечего — слушай!

Когда-то, не знаю даже сколько лѣтъ послѣ того юркнуло въ вѣч-ность, странствующій по горной Шотландіи, богатый французъ былъ застигнутъ непогодой. Увѣренный въ гостепріимствѣ горцевъ, стран-никъ постучалъ въ первую встрѣчную лачугу. «Войдите, самъ Богъ посылаетъ васъ» — отвѣчалъ слабый голосъ за дверью. Путникъ пере-ступилъ порогъ бѣднаго жилья. Грустная и печальная картина встрѣ-тила здѣсь его. Почти сквозная хижина, въ разбитыя стекла которой и въ полуразрушенныя стѣны врывается вѣтеръ, освѣщалась двумя тлѣю-щими на очагѣ углями. Въ углу, на шагъ отъ разваливашагося каминна, прикрытый шерстяною попоною, въ предсмертной судорогѣ, метался ста-рый шотландецъ, устремивъ взоръ невыразимой тоски на малютку, стоявшаго у его изголовья. Мальчикъ дрожалъ отъ холода, и при входѣ незнакомца со страхомъ спряталъ свою головку на грудь умирающаго.

— Кто бы вы ни были, слабымъ голосомъ прошепталъ хозяинъ лачуги, протянувъ руки къ вошедшему и слясь приподняться, — я ви-жу въ васъ спасителя моего ребенка и послѣдняго моего утѣшителя... Ради Бога, ради вашей матери, вашей милой... спасите, спасите его... Это послѣдній изъ клановъ Макъ-Денъ! Съ этими словами, старикъ горько зарыдалъ и дрожавшими устами впился въ головку ма-лютки. Подойдите ко мнѣ! Подойдите! продолжалъ онъ, задыхаясь.

— Путешественникъ повиновался.

— Скажите мнѣ, умоляющимъ голосомъ началъ страдалецъ, ска-жите мнѣ, можете ли вы утѣшить умирающаго, и исполнить его мо-литву, его просьбу...

— Могу, твердо отвѣчалъ французъ.

— Богъ васъ благословитъ... Сохраните этого сироту, сжальтесь надъ нимъ... У него никого нѣтъ, кромѣ меня; а мои минуты соче-ты... Сынъ мой, вотъ твой благодѣтель, молись за него вмѣстѣ со мною... Сюда... Сюда!

Малютка упалъ на колѣни предъ постелью больнаго, и устремилъ взглядъ на распятіе, поставленное на окнѣ. Туда же обратились и по-тухающіе глаза Макъ-Дена...

Тихо вздохнул старикъ, медленно отвелъ взглядъ свой отъ святаго изображенія и остановилъ его, съ выраженіемъ любви и благодарности, на пришельца.

Спустя нѣсколько минутъ, на рукахъ послѣдняго умеръ старый кланъ.

Осиротѣвшій малютка былъ я.

На утро послѣдній изъ Макъ-Леновъ оставилъ свои горы. Несмотря на мою младенческую привязанность къ покойному отцу, я скоро пересталъ грустить о немъ. И немудрено. Для меня, жалкаго ребенка, голодавшего по цѣлымъ днямъ, незнавшего, что такое сапогъ и навсегда разлученнаго съ мыслию о мягкой постели и тепломъ углѣ, настала теперь жизнь, которая превосходила мой восторгъ, мои понятія и ожиданія. Это едвали, другъ мой, не было тоже самое, еслибы, въ настоящую минуту, тебѣ и мнѣ предложили по теплой курткѣ, по три стакана грогу, даже и больше — и наконецъ удостоили бы подарить теплой саклей и аппетитнымъ кускомъ окровавленнаго ростбифа... Но не будемъ мечтать и раздражать нашъ волчій аппетитъ... сказать просто, я кушалъ сладко, спалъ вдоволь и ни разу не щелкалъ зубами отъ холода... Да, просто: самъ я былъ сыръ — судьба моя, масло! Я забылъ прошедшее и нырялъ въ наслажденія настоящаго. Такъ мы добрались до южной Ирландіи. Между-тѣмъ важныя дѣла призывали моего благодѣтеля въ Америку, и вѣроятно, не желая обременить себя въ своихъ путешествіяхъ и переѣздахъ послѣднимъ изъ клановъ Макъ-Леновъ, — добрый геній мой отсчиталъ какому-то первому встрѣчному брилліанщику нѣсколько гиней, отдалъ меня на его попеченіе, и отправился своей дорогой, — общаясь черезъ пять лѣтъ явиться за своею находкой. Не солгу, если скажу, что я крѣпко плакалъ, расставаясь съ моимъ благодѣтелемъ, особенно когда попристальнѣе разглядѣлъ накупленные брови, рыжіи парикъ и маленькіе, скверные глаза моего новаго попечителя. Съ этой минуты для меня настала жизнь, по совѣсти, нехорошая. Несмотря на то, что я былъ послѣдній изъ славныхъ клановъ, со мной обходились какъ съ первымъ изъ несчастливцевъ. Рыжіи парикъ прежде всего усадилъ меня за работу, чего я и до-сихъ-поръ не очень жалею... Потомъ за азбуку — меня-то, игорскаго клана! И въ добавокъ ко всему этому, собственно для моей личности и для моей спины купилъ плетку. За работой я рѣшился дремать, изъ азбуки надѣлалъ пѣтушковъ, а чтобы за такую любовь къ домашней птицѣ не подвергнуться знакомству съ плеткой — послѣдняя была выброшена за окно. Однако рыжіи умудрился и высѣкъ меня розгами. Я обидѣлся и рѣшился отмстить. Въ ту же ночь парикъ моего попечителя былъ ис-

терзанъ въ мелкіе клочья. За это я былъ снова и больно казненъ. Однако наказаніе не ограничилось розгами; рыжій обратилъ особое вниманіе на мой желудокъ, и почти двѣ недѣли сряду кормилъ меня такъ называемымъ яичнымъ супомъ, то есть тѣмъ питательнымъ бульономъ, въ которомъ каждое утро варился пятокъ яицъ — [неизбѣжный фриштикъ моего мучителя. Голодные люди вообще раздражительны... Мщеніе мое росло, успливалось, и наконецъ, разразилось отчаяннымъ подвигомъ. Темною ночью, когда всѣ утомонились въ домѣ, послѣдній изъ Макъ-Леновъ осторожно всталъ съ своей койки, еще съ бѣльшею осторожностію подкрался къ завѣтному посудному шкафу, похитилъ изъ него остатки поддинга, кусокъ ветчины, и что могъ съѣлъ, чего не могъ, то раздѣлилъ съ собакою. Я уже сказалъ, что голодные вообще раздражительны; теперь долженъ сказать, что, въ свою очередь, сытые—вообще разсудительны. Когда похищенная колбаса и вкусный поддингъ исчезли въ моемъ желудкѣ, мною овладѣлъ безпощадный страхъ быть снова казненнымъ за дерзкое самоуправство въ хозяйскомъ буфетѣ. Мудрецъ, который сказалъ, что одна бѣда родитъ другую, вѣрно когда-нибудь былъ съченъ розгами за краденую колбасу, иначе онъ не могъ сказать такой великой истины. Надо мной она сбылась жестоко. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и проклиная свой неистовый аппетитъ, я безъотчетно подошелъ къ двери, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ бѣжать. Когда я сдѣлалъ движеніе къ замку, рука моя задѣло что-то мягкое... Это былъ сюртукъ моего хозяина, повѣшенный на косякъ двери. Въ первую минуту длиннополый футляръ рыжаго крѣпко испугалъ меня, но я скоро ободрился и принялся ревизовать его карманы. Въ первомъ попалась мнѣ зубочистка, во второмъ кошелекъ и въ немъ шесть гиней, въ третьемъ билетъ въ двадцать пять фунтовъ стерлинговъ. Зубочистку я бросилъ, деньги взялъ себѣ и... ушелъ.

— Какъ, перебилъ Ростиньякъ, — бѣжалъ совсѣмъ отъ рыжаго...

— Навсегда, и даже больше съ нимъ не встрѣчался...

— Куда же бѣжалъ ты?

— Можно сказать просто, куда глаза глядѣли. Когда я вышелъ изъ дому, ночь была сыра и холодна... Я шелъ наудачу, безъ цѣли и мысли, дрожа отъ холода. Къ довершенію моего зла, полилъ крупный дождь. Я осмотрѣлся... ни одного предмета, гдѣ бы можно было укрыться отъ непогоды... кругомъ раскидывалось пустынное поле, да вдали едва замѣтно чернѣлось что-то. Я рѣшился идти на этотъ предметъ, какъ сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, споткнулся и полетѣлъ въ оврагъ.

— Ну, мистеръ Бодденъ, кто-то самъ ввалился намъ въ лапу, съ

веселымъ смѣхомъ промычалъ грубый голосъ, въ то время какъ я сунулся носомъ въ ивовый кустъ.

— Ага! Давай его сюда, душечка Минсъ! — и съ этими словами рослый дѣтина ухватилъ меня за воротъ, тряхнулъ и поставилъ на ноги. Съ кошелькомъ ты? спросилъ онъ.

Я молчалъ, страхъ отнялъ у меня языкъ. Нельзя было не понять, что встрѣча въ оврагѣ не можетъ кончиться для меня счастливо.

— Съ кошелькомъ ты, или нѣтъ? Тебя спрашиваю! сердито, повторилъ Бодень, снова тряхнувъ меня. Это сотрясеніе имѣло слѣдствіемъ то, что мои геніи предательски звякнули въ карманѣ.

— Эге! мистеръ Минсъ, сказалъ достопочтенный Бодень, запуская руку въ мой сюртукъ: если онъ безъ кошелька, за то съ карманомъ! Ба! ба! гляди пожалуй, продолжалъ онъ, когда завладѣлъ всѣмъ моимъ богатствомъ: ахъ ты плутишка, отъ земли не видать, а такую пропасть денегъ имѣеть! Откуда ты ихъ добылъ, голубчикъ! А? Укралъ дрянной мальчишка вѣрно?

— Ужъ, разумѣется укралъ! подхватилъ Минсъ.

— Нѣтъ, дялюшки, право нѣтъ! отвѣчалъ я, едва поворачивая языкомъ отъ страха.

— Врешь, признавайся... ну, говори: укралъ?

— Нѣтъ-съ... это мои деньги... Я путешественникъ!

Грабители разразились громкимъ смѣхомъ.

— Скажите же, господинъ путешественникъ, продолжалъ Минсъ, не переставая хохотать во все горло: — чьи-бы это шкатулки вы изволили обозрѣвать... А? Да, ну же, волчекъ, — говори!

Я рѣшился оправдываться. Но угрюмые взгляды моихъ враговъ совершенно заставили меня растеряться. Я говорилъ все, что только приходило мнѣ на умъ, и невольно высказалъ правду.

— Такъ и есть, вѣдь онъ воръ! вскричалъ Минсъ.

— Ахъ ты безнравственный мальчишка! Каково, съ этихъ лѣтъ...

— Простите, дялюшки, не буду, ей-Богу, не буду! завопилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ! За такіе, братъ, подвиги... знаешь! Еще раненько началъ... Раненько! Давай уши! Вотъ, вотъ тебѣ... Мистеръ Минсъ! потрудитесь нарѣзать ивы...

— Сейчасъ, мистеръ Бодень.

При словѣ «ива» меня бросило въ такую лихорадку, что я совершенно лишился употребленія языка, между-тѣмъ какъ плуть Минсъ продолжалъ читать нотаціи.

— Вотъ молодое-то поколѣніе, говорилъ онъ, — неугодно-ли... Ахъ ты шельмецъ этакой! Каково — шесть гиней и билетъ въ двадцать пят

фунтовъ стерлинговъ... Врешь, братъ... въ твое время, молокосось, мы таскали по шиллингу... Ну-ко, мистеръ Минсъ, помогите!

Я не успѣлъ крикнуть, какъ прохожіе пріатели растянули меня на землѣ, и несмотря на мои просьбы и вопли, жестоко меня высѣкли.

Избитый и безъ денегъ, только съ одною гинею въ карманѣ, которую мнѣ оставили мои каратели, для того, чтобы я не умеръ отъ голоду — послѣдній изъ Макъ-Леновъ безъ оглядки бѣжалъ изъ страшнаго оврага. Разсвѣтало, когда я переправился черезъ какую-то рѣку, и пришелъ въ незнакомый мнѣ городъ. Измученный страхомъ и усталостію, но впрочемъ нисколько не заботясь о своемъ будущемъ — я добрелъ до первой таверны, располагая въ ней отдохнуть и позавтракать. Противъ таверны, отдѣленное рыночными шалашами и будками, тянулось деревянное одноэтажное зданіе, по длинной, безконечной трубѣ котораго и грязнымъ окнамъ я узналъ въ немъ стеклянный заводъ. Еще было такъ рано, что работники, въ числѣ которыхъ находились человѣкъ дватцать ребятъ, — не торопились къ своимъ занятіямъ и чинно усѣлись въ шалашахъ за завтракъ. Ихъ веселый говоръ и усердіе, съ какимъ они напали на сушеную рыбу, вызвали мой аппетитъ. Вмѣшавшись въ толпу ихъ, я скоро свелъ дружбу съ моими одноклассниками, и щедрый отъ природы — выложилъ мою гинею въ пользу общаго веселья, оставшись къ вечеру безпріютнымъ и жалкимъ нищимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Печальнаго моего положенія я не скрылъ отъ моихъ новыхъ знакомцевъ. Между-ними нашлись добрые ребята; они приняли во мнѣ участіе, и благодаря за мою откровенность и щедрость, дали мнѣ добрый совѣтъ: вступить въ ихъ почтенную касту. Думать было нечего. Скрывая свое настоящее имя, я назвался Томъ Кукомъ, — и на другой же день нарядился въ кожаный фартукъ и такія же рукавицы. Не знаю почему, но несмотря на тяжелый трудъ — работа мнѣ приглянулась... Исправиле меня не было... Я рѣшился навсегда остаться фабричнымъ, однако-жъ не такъ случилось. Десять лѣтъ я не вылезалъ изъ моего фартука, и въ эти десять лѣтъ успѣлъ сдѣлаться опытнымъ подмастерьемъ. Дѣла шли хорошо, по-крайней-мѣрѣ, хорошо, въ отношеніи моихъ надеждъ и желаній. Послѣднія не превышали вечерней бесѣды за кружкою хорошаго пива въ тавернѣ, и удовлетворялись каждый день. Однажды мы были крѣпко навеселѣ. Въ жаркой и разгульной бесѣдѣ, пріатели мои и самъ я не могли замѣтить, что общество наше увеличилось десяткомъ незнакомыхъ намъ лицъ, такихъ добрыхъ, ласковыхъ и щедрыхъ, что къ полночи насквозь промоченные портеромъ, мы обнимались и лобызались съ ними, какъ старые знакомые. Отъ частыхъ и усердныхъ возліаній — силы, меня оставили, и зѣвнувъ нѣсколько разъ, я славно

захрапѣлъ на своей лавкѣ. Неучтивый толчекъ и грсмкая фраза «пошелъ, всѣ наверхъ!» разбудили меня наутро.

— Что это значить? Куда меня занесло? спросилъ я, протирая глаза и съ изумленіемъ останавливая ихъ на толпѣ незнакомыхъ мнѣ людей.

— А, вотъ дядюшка Минсъ, нашъ достопочтенный боцманъ, вынравить ленькомъ твою догадку, съ веселымъ смѣхомъ откликнулся молодой парень, ловко пристукнувъ меня въ голову.

— Какой Минсъ! вскричалъ я съ невольнымъ испугомъ. Моя память знаетъ только одного проклятаго Минса, который жестоко высѣкъ меня лѣтъ десять тому назадъ...

— Ну, полно, не бранись, пріятель, кротко замѣтилъ высокій худощавый старикъ... Если не ошибаюсь, продолжалъ онъ, это было подъ ивой, въ оврагѣ, на полѣ...

— Да, да! Укажите мнѣ его, вскричалъ я, — и я отъ чистаго сердца сломаю ему ребро!

— Тс... негромко! За такую штуку, братъ, придется разсчитаться посолиднѣе, чѣмъ за краденныя гинеи. Вотъ что пріятель! замѣтилъ худощавый старикъ... Минсъ теперь твой боцманъ — и передъ тобой... Долой шапку!

— Какъ, Минсъ боцманъ!.. Да, я то что же, по твоему?

— Ты... матросъ британскаго флота... Квартира твоя корабль Самуилъ.

— Матросъ! прошенталъ я.

— Да, вчера ты пилъ вмѣстѣ съ лихими служаками, и вчера завербованъ... Маршъ на службу!

— Пошелъ всѣ наверхъ! раздалось снова.

Почти лишенный памяти и разсудка, я безъ мысли и безъ всякаго сознанія слѣдовалъ за другими. Помню: насъ пересчитали, одѣли въ куртки, указали каждому номеръ койки, и снова вызвали къ работамъ.

Вечеромъ, когда грустный и убитый отчаяніемъ, я оставался въ палубѣ, не принимая никакого участія въ бесѣдахъ моихъ сослуживцевъ, ко мнѣ подошелъ Минсъ.

— Не грусти... Какъ тебя звать-то? сказалъ старикъ, дружески ударивъ меня по плечу.

— Томомъ Кукомъ! отвѣчалъ я.

— Не грусти Томъ, продолжалъ онъ. Служба, братъ, не хмѣльное дѣло: не пропадешь! Будь только исправень, да слушай моего приказу; все пойдетъ хорошо; ужъ если я тебя доѣхалъ, такъ, повѣрь, самъ и выведу... Ну, встрепенись! Пойдемъ — подѣлюсь ромомъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Минсъ былъ добрый старикъ. Онъ дѣлалъ мнѣ все снисхожденія, какія только могъ сдѣлать, и скоро, при его помощи, я далеко опередилъ моихъ товарищей по службѣ, а съ нею свыкъся такъ, какъ будто бы и родился на бакѣ. Точно такъ же, какъ и товарищи мои, я свыкъся съ моею долею, находя ее едвали не лучше фабричной. Около пятнадцати лѣтъ не сходилъ я съ корабельной палубы, покупался во всѣхъ моряхъ, побывалъ вездѣ. Однажды шкуна наша, на которую я былъ переведенъ — вмѣстѣ съ неразлучнымъ Минсомъ, бросила якорь у береговъ Мальты. Съѣздъ на берегъ не былъ запрещенъ матросамъ, и пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я и старый боцманъ отправились хлебнуть винограднаго. Трактиръ былъ полонъ гуляками. На рейдѣ стояло тогда десятка три купеческихъ судовъ, и мы едва протискались сквозь толпу матросовъ. Наконецъ сыскали уютное мѣстечко и расположились рядомъ съ какимъ-то незнакомцемъ, званіе котораго угадывалось по его костюму. Это былъ нашъ братъ морякъ. Едва только Минсъ и незнакомецъ встрѣтились взглядомъ, какъ съ крикомъ: Боденъ! Минсъ! сто лѣтъ! здорово! бросились на встрѣчу другъ-другу. Оказалось, что друзья, проводившіе когда-то ночи и голодные дни въ подгородныхъ оврагахъ, разстались уже болѣе двадцати лѣтъ, и съ-тѣхъ-поръ не видались болѣе.

— Ну, какъ ты, душа моя, Боденъ, то-есть, что ты? хочу я спросить тебя, началъ Минсъ, когда миновалась первая минута восторга, и кружки наши наполнились виномъ.

— Я, мистеръ Минсъ... Ничего, такъ себѣ — переваливаюсь съ боку на бокъ, съ самодовольною улыбкою отвѣтилъ Боденъ.

— Однакожь, нельзя-ли выразиться пояснѣе, старый и задушевный другъ мой...

— Можно. Я не больше не меньше, какъ хозяинъ щегольского судна, шкиперъ славно-оснащенной Бетти.

— Эге! вотъ какъ!

— Ну, а ты?

— Старый и хорошо выѣзженный боцманъ...

— И это не дурно!

— Ужъ разумѣется...

— Ну, а позволь спросить тебя, продолжалъ Боденъ, указывая на меня... это ужъ не новый-ли другъ твой?..

— Другъ, но только старый.

— Вотъ какъ! Извини, товарищъ, мнѣ кажется, твоихъ старыхъ друзей я всѣхъ могу пересчитать по пальцамъ... Помню: криваго Натса, неустрашимаго Буля, лихаго запѣвалу Перси... потомъ...

— А, вотъ его то и не помнишь, несмотря на то, что познакомишься съ нимъ имѣлъ счастіе въ одинъ день со мною...

— Имя его, товарищъ?

— Томъ Кукъ.

— Такого не зналъ! По чести не зналъ... Да, что онъ, смѣю спросить, какими отличался способностями?

— Путешествовалъ по шкатулкамъ, занимался, такъ—сказать, нумизматикою и собиралъ монеты, исключительно золотыя...

— Что! Да ужъ постой, голубчикъ, это не тотъ ли путешественникъ, котораго мы въ оврагъ...

— Отличная у тебя память, Боденъ... Это онъ!

— Возможно ли! вскричалъ шкиперъ, повиснувъ у меня на шеѣ... Ахъ, мистеръ Томъ Кукъ, позвольте расцѣловать васъ... Вотъ счастливѣйшій день въ моей жизни! Вотъ двѣ встрѣчи! Фу—ты объяденье день — сколько воспоминаній! говорилъ хозяинъ Бетти, обращаясь къ своей кружкѣ...

— Какъ же это вы... тфу гадость! что за церемонія между старыми знакомыми, продолжалъ шкиперъ. Какъ же это ты, Томъ Кукъ, хочешь спросить я: угодилъ въ матросы?

— Минсъ завербовалъ...

— Я, я! съ сильнымъ восторгомъ вскричалъ боцманъ.

— Прекрасно! Вотъ что называется душою полюбить человѣка! Ну, Минсъ, снова началъ Боденъ, пристально наблюдая меня: хорошій изъ него вышелъ матросъ?

— Отличный, братецъ, просто! Не дай, не вынеси — одинъ за трехъ!

— А! экое подумаешь, сокровище человѣкъ... Ну и хорошо, и очень хорошо! Давайте же пить, друзья!

Попойка началась, вмѣстѣ съ разказами о нашихъ плаваніяхъ. Боденъ едвали не каждую минуту обращался къ Минсу, съ просьбою чокнуться и выпить. Нельзя было не замѣтить намѣренія шкипера подпить моего боцмана. Намѣреніе это вполне удалось ему, и часа черезъ два, старый Минсъ хранилъ на всю таверну.

— На силу—то! А крѣпокъ старикъ; такимъ я его и съ молоду зналъ, замѣтилъ Боденъ, оглядываясь подозрительно и придвигаясь ко мнѣ.

— Послушай, Томъ, сказалъ онъ вполголоса: можно говорить съ тобою откровенно?

— Можно, отвѣчалъ я.

— Хорошо. Поклянись мнѣ, что ты не выболтаешь ни одного

слова изъ нашего разговора, и что, если мы не сойдемся съ тобою въ дѣлѣ, которое я предложу тебѣ сейчасъ, — цѣль бесѣды нашей останется для всѣхъ тайною...

— Клянусь...

— Прекрасно. Я вѣрю твоему слову. Слушай! Миѣ нуженъ лихой и дѣльный товарищъ; лучше тебя я не нахожу.. Видишь—ли, цѣль моя разбогатѣть поскорѣе и навѣрную. Чтобы достигнуть этой умной цѣли, я знаю два средства: или торговлю неграми, или порохомъ и красивыми горянками на базарахъ Батума и Трапезонда; изъ этихъ двухъ средствъ я выбралъ послѣднее. Теперь я тебѣ скажу, почему ты миѣ необходимъ. Изъ вашихъ разсказовъ я узналъ, что послѣдніе шесть лѣтъ вы провели у Сухумскихъ береговъ — подвозя горцамъ порохъ и оружіе — такъ—ли?

— Правда, отвѣчалъ я.

— Стало—быть — берегъ этотъ тебѣ также хорошо знакомъ, какъ и свои карманы.

— Правда, повторилъ я.

— Видеешь—ли, почему ты для меня находка, продолжать Бодень... Но еще постой, главнаго твоего достоинства я не сказалъ... Посѣщая часто берега Абхазіи—ты, вѣроятно, знакомъ и съ языкомъ горцевъ? Не такъ ли?

— По совѣсти, знаю его едва ли не такъ же, какъ и свой.

— Ну, — другъ мой Томъ, — такъ по рукамъ...

— Мои выгоды, почтенный Бодень? спросилъ я.

— Званіе штурмана на моемъ суднѣ...

— Неважное званіе...

— Однако немного больше званія матроса... Потому дружнице, — сто фунтовъ стерлинговъ жалованья въ годъ...

— Ну, а еще?

— Чего жъ тебѣ больше?

— Мало, мистеръ Бодень. По моему вотъ какъ: званіе штурмана, полная свобода въ моихъ дѣйствіяхъ, сто фунтовъ стерлинговъ жалованья и... седьмую часть барышей послѣ продажи каждаго груза.

Шкиперъ на минуту задумался, потомъ, протянувъ миѣ руку съ рѣшительнымъ видомъ, сказалъ:

— Ты справедливъ, Томъ! требованіе твое дѣльно и я на него согласенъ... По рукамъ...

Минсъ все еще храпѣлъ, когда мы оставили таверну.

— Въ ту же ночь Бетти снялась съ якоря, и на утро мы уже были въ открытомъ морѣ.

Дѣла наши пошли отлично. Въ пять лѣтъ Бодденъ нажилъ пропасть денегъ, я тоже сколотилъ себѣ порядочный капиталъ, и завидуя товарищу, рѣшился самъ сдѣлаться хозяиномъ судна, какъ одно обстоятельство совершенно измѣнило мои планы. Однажды караванъ нашъ сдѣлалъ привалъ въ Одохарскомъ ущельѣ. Здѣсь то, въ духанѣ я, подслушалъ разговоръ о схороненныхъ сокровищахъ Тескольскаго ущелья... Тайна, которая открывала ихъ мѣсто, была въ рукахъ моего сосѣда... Я не могъ устоять противъ искушенія... Я завладѣлъ этою тайною.

— Какъ! Ты! вскричалъ Ростиньякъ.

— Я! — Укралъ... Осторожно выбрался изъ сакли, вскочилъ на перваго попавшагося мнѣ коня, и гналъ его всю ночь безъ отдыха и безъ привала. Къ утру, въ тѣснинахъ Хахалибока, конь мой палъ. Тутъ только я замѣтилъ, что забылъ свой поясъ въ духанѣ, а въ немъ и все мое богатство. Но дѣлать было нечего, ничто уже не могло возратить этой потери. Вернуться въ Одохарское ущелье значило разгаться съ моимъ несмѣтнымъ сокровищемъ, да пожалуй и съ жизнью. Привычный къ лишеніямъ и знакомый съ горными тропинками, я не задумываясь, пустился къ Сухуму. Здѣсь снова поступилъ матросомъ на первую встрѣчную кочерму, думая въ Трапезондѣ встрѣтить моего Боддена и подѣлиться съ нимъ славнымъ секретомъ. Однако время уходило — Бодденъ не являлся, какъ между-тѣмъ мнѣ оставался послѣдній переходъ въ Абазію. Весною я долженъ быть въ Тескольскомъ ущельѣ. Два дни тому назадъ, ты знаешь въ какую страшную непогоду вступило подъ паруса наше судно. Я былъ радъ этому случаю. Наканунѣ я сдѣлалъ жестокую ошибку, которую должно было поправить; къ этому я находилъ только одно средство — утопить судно...

— Но, вѣдь Томъ, тутъ грозила гибель всему его экипажу! замѣтилъ молодой человекъ.

— Никто, кажется, кромѣ тебя и меня, не вышелъ сухъ изъ воды... Какъ, на который бросились черные и турки, не могъ не захлебнуться волной.

— Но, что тебѣ было въ жизни или смерти этихъ несчастныхъ?

— То, что противъ меня на суднѣ былъ сдѣланъ заговоръ. Тайна моя не оставалась тайною для капитана и его друзей. И вотъ какъ это случилось. Завѣщаніе скряги Даміана, разгаданное какимъ-то мавромъ, написано по арабски; на томъ же языкѣ изложена и догадка. Видишь ли, я неизбѣжно долженъ былъ избрать кого-нибудь, чтобы прочесть эту тарабарскую грамоту, и рѣшился довѣриться капитану, Плуть благодарилъ меня за откровенность, просмотрѣлъ завѣщаніе и разъяснилъ его. Но спустя нѣсколько часовъ, невѣрный, вѣроятно, же-

лая вырвать у гяура его богатство, сообщил тайну своимъ друзьямъ. Маленькій юнга Искандеръ, родомъ мингрель, подслушалъ совѣщаніе моихъ враговъ, и по особенной ко мнѣ преданности передалъ мнѣ ихъ разговоръ. — «Берегись, Томъ, сказалъ онъ, сегодня ночью тебя убьютъ и за бортъ... Однако не случилось такъ. Завладѣвъ рулемъ, я нарочно привелъ судно къ берегамъ, и въ то время, какъ оно еще могло быть спасено въ открытомъ морѣ, бросилъ его на камни... Вотъ пріятель, тутъ вся повѣсть моей жизни... Плати за откровенность откровенностью, а тамъ рука въ руку пойдемъ впередъ...

Ростиньякъ грустно улыбнулся и разсѣянно подбросилъ охабку хворосту въ потухавшій огонь подъ камнями.

— Пршедшее мое, Томъ, какъ и настоящее, ничего не имѣетъ для тебя интереснаго, сказалъ молодой человекъ. Жизнь моя рядъ неудачъ и страданій. Революція лишила меня отца и матери. Не успѣлъ я еще оплакать ихъ печальную смерть, какъ самъ былъ заключенъ въ темницу. Меня приговорили къ изгнанію. Оставляя безъ сожалѣнія свое отечество, къ которому уже ничто не привязывало меня болѣе, я въ Неаполѣ встрѣтилъ стараго друга нашего дома, капитана французскаго флота и такъ-же изгнанника. — Общее горе связало еще болѣе нашу дружбу. Отличный морякъ онъ не оставался безъ дѣла и хлѣба. Въ Венеціи ему было поручено судно. Я не отставалъ отъ него и рѣшился посвятить себя морскому дѣлу, къ которому скоро пристрастился... Казалось, судьба перестала преслѣдовать меня: счастливый своимъ занятіемъ, я еще болѣе былъ счастливъ дружбою капитана. Но испытанія мои только еще начинались. Зачумленный при перегрузкѣ товаровъ въ Каирѣ, другъ мой умеръ; мѣсто его заступилъ штурманъ, грекъ сварливый и злой. Я не могъ съ нимъ ужиться, бросилъ судно и опредѣлился матросомъ къ извѣстному контрабандисту Измаиль-Рустаму. Шесть лѣтъ не сходилъ я съ судна, плавая у береговъ Абхазіи и обходя все прибрежные рынки... И здѣсь я снова примирился съ моими несчастіями, какъ новое страданіе ждало меня впереди. Однажды, кочерма наша, отходя въ Сухумъ съ грузомъ шелку и оружія, приняла пассажира. Это былъ еврей, который въ Трапезондѣ выкупилъ изъ неволи дочь свою, украденную у него горскими лищниками. Ахъ, Томъ, еще никогда я не встрѣчалъ такой красоты, такой бездны прелестей въ женщинѣ. — Только въ горахъ могутъ родиться подобныя красавицы. Три дни, которые я провелъ вмѣстѣ съ нею на кочермѣ были для меня днями высокаго блаженства, и вмѣстѣ съ тѣмъ днями тоски и пытки... Я полюбилъ Еврейку... но, сознайся, чего могъ надѣяться бѣдный, безпріютный изгнанникъ, простой и жалкій матросъ. Раставаясь съ нами, дѣвушка каждому изъ насъ дарила что-нибудь.

Когда очередь дошла до меня, Аксани — съ какимъ-то робкимъ движеніемъ протянула ко мнѣ руку, въ которой сверкала подачка... Я вспыхнулъ и задрожалъ отъ оскорбленія... голова моя кружилась, на глазахъ навернулись слезы; почти въ безпамятствѣ я прислонился къ мачтѣ.

Когда уже еврей и дочь исчезли на берегу, меня обступила веселая толпа товарищей. Громкій смѣхъ ихъ возвратилъ мнѣ память...

— Нашла чѣмъ подарить, говорили они, бѣднякъ!

— Для тебя она и абаза-то пожалѣла!

Глушцы не догадывались, что я былъ награжденъ больше другихъ. Аксани подарила мнѣ свою лютню... Съ тѣхъ поръ я не видалъ и не встрѣчалъ ни еврея, ни его дочери. Вотъ, Томъ, самое замѣчательное обстоятельство изъ моей скитальческой жизни, но и оно не имѣло никакого вліянія на перемены въ моемъ настоящемъ... Это былъ случай тяжелый и грустный, нѣсколько минутъ ужаснаго сознанія въ своихъ несчастіяхъ. Въ эти минуты я не могъ не сказать себѣ: «Бѣдный Генрихъ, какъ тяжело твое просонье! Какъ горько твое сознаніе въ горькомъ одиночествѣ, на которое ты обреченъ. У тебя нѣтъ родины, нѣтъ кровныхъ, нѣтъ человѣка, который бы хотя два слова перемолвилъ съ тобою на родномъ языкѣ, наконецъ и лучшія годы твои, когда сердце просить любви и наслажденій — должны миновать безъ улыбки счастья, безъ услады и радостей... Міръ твой — грязный трюмъ торговой лодки, общество презрѣнные торгаша, мечта — лишній абазъ за кровный трудъ, за жалкую услугу какому-нибудь неумытому халатнику!.. Горькое и печальное сознаніе! Однако и оно продолжалось недолго... Это былъ припадокъ, отъ котораго я скоро излечился, возвращаясь къ моей ничѣмъ неизмѣняемой существенности... Душа моя и сердце до того окрѣпли въ страданіяхъ, до того свыклись съ безотраднымъ настоящимъ, что я радъ и очень доволенъ снова остаться въ моемъ животномъ забытій... Молодой человѣкъ печально опустил на грудь голову, и безпечный видъ и принужденное равнодушіе, которыми онъ старался оправдать слова свои — невольно измѣнили ему, замѣнившись крупною слезою, повисшею на его рѣсницахъ...

— Другъ мой, сказалъ Томъ, нѣсколько разстроганный въ свою очередь, я вижу, что ты такой же горемыка и такой же пасынокъ счастья, какъ и я... Этого довольно! Горе тѣснѣе связываетъ людей — чѣмъ счастье... будемъ друзьями... Твою руку, товарищъ!

Скитальцы молча и съ чувствомъ пожали другъ-другу руку.

III.

ХУНЗАХ-ГАРСКИЙ ХАРЕМЪ.

Между-тѣмъ солнце стояло такъ высоко надъ окрестными горами, что путники не безъ страха скоротать холодную ночь въ пустынь вспомянули о блискомъ исходѣ дня.

— Пора въ дорогу, пріятель! сказалъ Томъ.

— Но куда же пойдемъ мы? спросилъ молодой человѣкъ... кругомъ лѣсъ, да голыя скалы...

— Вижу, и признаться, не безъ страха вижу это, — отозвался шотландецъ: — но все-таки еще не теряю надежды набрести на тропинку, которая ведетъ къ пещерамъ еврея... Четыре года тому назадъ, какъ я былъ въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь караванъ нашъ дѣлалъ привалъ и хозяинъ мой купилъ не одну красавицу у стараго еврея Сами... Не знаю, онъ ли теперь владѣетъ Хунзах-Гарскими пещерами, говорятъ кто другой; во всякомъ случаѣ намъ не будетъ отказано въ пріютѣ... Ободришь... Пойдемъ!

Съ этими словами Томъ приподнялся на ноги и внимательнымъ взглядомъ окинулъ безмолвную окрестность.

— Теперь я не ошибаюсь, весело замѣтилъ онъ... вотъ кажется, та пропасть куда оступился, прошедшій разъ, нашъ первый вьючный конь... Такъ и есть, дорога найдена!.. Держись, товарищъ, за крайныя обрыва, направо; сейчасъ будемъ въ гостяхъ у еврея.

Еще Томъ не успѣлъ окончить своей послѣдней фразы — какъ подъ ногами нашихъ путниковъ, въ балкѣ, раздалась звонкая пѣсенка, и вслѣдъ затѣмъ громкій вопль испуга...

— Что это значитъ! вскричалъ Томъ.

Но уже молодой человѣкъ былъ далеко отъ него. Ловко и смѣло прыгая черезъ трещины, онъ почти скатился съ отвѣснаго обрыва и кинулся на перерѣзъ балки...

— Правѣе, правѣе... Аксани! бѣги ко мнѣ... бѣги... онъ бросится на меня и ты спасена! кричалъ молодой человѣкъ.

Только теперь могъ замѣтить Томъ, что зоркій товарищъ его спѣшилъ на помощь къ дѣвушкѣ, которая, бросивъ кувшинъ, уходила отъ кабака...

— Аксани! Аксани... Назадъ! Перерѣжь ему дорогу... бѣги на меня, и ты спасена... Онъ наткнется на мой кинжалъ!.. кричалъ Ростиньякъ, задыхаясь отъ утомленія и настигая испуганную дѣвушку...

Эти слова, казалось, возвратили всю бодрость молодой еврейкѣ. Она въ одинъ прыжокъ достигла своего избавителя и быстро сбросила свою чадру на глаза разъяреннаго звѣря... Запутавшись въ чадру, звѣрь съ глухимъ рѣвомъ, и брызгая пѣной метнулся всторону. Безстрашный Ростиньякъ уже былъ на шагъ отъ него и ловкимъ ударомъ кинжала свалилъ своего противника.

Когда миновался первый страхъ, дѣвушка не безъ смущенія встрѣтила взглядъ молодаго человѣка, смущеніе это увеличилось еще болѣе, когда она должна была замѣтить очень неизысканный нарядъ своего избавителя.

— Прекрасная Аксани, сказала Ростиньякъ, вѣроятно, помнить бѣднаго матроса на кочермѣ Измаиль-Рустама, — того самаго, которому она подарила свою лютню.. и вѣроятно проститъ ему то, что онъ рѣшается встрѣтиться съ нею въ такомъ жалкомъ видѣ?..

— Еслибы не эта встрѣча, добрый человѣкъ — Аксани, уже не пѣть-бы больше пѣсень въ кругу своихъ подругъ....

— Почему ты называешь меня добрый человѣкъ?...

— Я видѣла на кочермѣ, какъ однажды—ночью ты плакалъ и молился... Ты, вѣрно, очень несчастливъ?

— Да... Это справедливо Аксани... А развѣ тебѣ жаль меня, что ты дѣлаешь мнѣ этотъ вопросъ съ такимъ участіемъ?

— Очень жаль... Еще никто такъ долго, такъ ласково и такъ кротко не смотрѣлъ на меня, какъ ты... Я вѣдь плакала, когда мы оставили съ батюшкой вашу кочерму...

— О чемъ же ты плакала, Аксани?

— Я думала, что ты разсердился на меня, когда я хотѣла подарить тебѣ золотую монету... Но, скажи... отъ чего у тебя нѣтъ ни бурки, ни бешмета?...

— Я долженъ былъ бросить ихъ въ воду. Кочерма наша разбилась у Анакліи...

— Какъ, ты тонулъ?!

— Да.

— Бѣдный, бѣдный! Прощентала дѣвушка. Ай! а это кто? спросила она, замѣчая громаднаго Тома, который спускался со скалъ.

— Товарищъ моихъ несчастій—такой-же христіанинъ, какъ и я.

— Ухъ, какой онъ страшный! замѣтила Аксани. Пойдемъ же къ отцу, или вѣтъ... Постой — онъ будетъ сердиться, за то, что я приду съ вами... Онъ велитъ мнѣ смотрѣть на мужчинъ только сквозь чадру... Да ты не сердись на него за это... Онъ вѣдь добрый!... погоди-же, я сейчасъ пришлю за вами—дурачка Галискара.

Дѣвушка весело улыбнулась, граціозно прижала къ розовымъ губкамъ своей маленькій пальчикъ, какъ-бы повторяя этимъ: жди! — и скоро ея малиновая шапочка скрылась за оврагомъ.

— Ну, что? спросилъ Томъ, подходя къ своему товарищу и съ значительною миной толкая ногою убитаго звѣря, добылъ жаркое? Ай-да молодець—товарищъ! Такого бродягу хоть бы и мнѣ уходить, такъ въ пору. Однако, что же это — вѣрно красавица испугалась нашего молодецкаго вооруженія. Куда же она дѣвалась?

— Сію минуту вышлетъ намъ проводника.

— Вотъ какъ! — ужъ это не дочь ли еврея, командующаго здѣшними трущобами?

— Кажется. Я только знаю, что это Аксани.

— Какъ! Та самая! вскричалъ Томъ.

— Она, она — душа моя, Томъ-Кукъ.

— И такая хорошенькая! Э! — да какъ я вижу, товарищъ — ржавые галеты не испортили твоего вкуса. — Поздравляю! За такую рожницу въ Эндерп, или Батумъ, покажи только, за каждый волосокъ отсчитаютъ по золотому, да еще и подерутся въ придачу. А вотъ, кажется... и проводникъ нашъ! добавилъ шотландецъ, идя навстрѣчу къ замѣченному имъ горцу. — Въ лицѣ послѣдняго страшника наши встрѣтили существо чрезвычайно оригинальное. Это былъ молодой человѣкъ, блѣдный, худалый. — Въ томныхъ глазахъ его замѣчалось совершенное отсутствіе всякой мысли, во всѣхъ приемахъ и движеніяхъ проглядывала какая-то тѣнь идіота и разсѣянность человѣка, котораго, повидимому, ничто не занимаетъ и ничто не въ состояніи вызвать на себя его вниманія. При первомъ взглядѣ на незнакомца, Ростиньякъ узналъ въ немъ обѣщаннаго дурачка — Галискара.

Послѣдній, недоходя нѣскольکو шаговъ до-странниковъ и, не поднимая на нихъ глазъ, медленно махнулъ рукою, и въ ту-же минуту повернулся назадъ, сказавъ:

— Пойдемте—я—за вами.

— Не торопись, душечка Галискаръ! замѣтилъ Ростиньякъ — мы за тобой не поспѣемъ слѣдовать.

— А кто тебѣ сказалъ, что меня зовутъ Галискаромъ?

— Аксани.

— Гм... А вы откуда?

— Изъ воды, голубчикъ, — отозвался Томъ.

— Это и видно; одна то половина у васъ только что не рыба.

— Вишь ты... дуракъ-дуракъ, а браниться умѣть, въ полголоса замѣтилъ Томъ. — Скажи-ка пріятель, продолжалъ онъ: какъ называть твоего хозяина?

— Гацаль-Шеуды.

— Что-о?—съ какимъ-то испугомъ спросилъ матросъ:—да, развѣ онъ еще живъ?

— А тебѣ, хотѣлось-бы, чтобы онъ умеръ?

— Нѣтъ, — такъ, слухи; рассказывали, что будто-бы, я говорю рассказывали...

— Ты знаешь Гацаль-Шеуды? спросилъ, въ свою очередь, Ростиньякъ, замѣчая смущеніе товарища.

— Да, встрѣчался:—то есть не то, слышалъ о немъ. Такъ, вотъ какъ, нѣсколько оправившись, продолжалъ матросъ; теперь здѣсь Гацаль-Шеуды—содержитъ перепутье для проѣзжихъ каравановъ.

— Да, онъ.

— А давно не было у васъ гостей?

— Давно.

— Что небойсь — скучно тутъ однимъ-то?

— Не скучно. Мы не одни; у насъ женщинъ курушки (сорокъ) штукъ есть...

— Э! Откуда—такая пропасть?

— Купили, для того, чтобы весной продать туркамъ.

— Ну, а кто же у васъ бережетъ ихъ?

— Попробуй хоть одну украсть — такъ увидишь...

— О, да ты просто мѣдвѣдь Галискарушка...

— Не бранись, разсержусь и заведу въ трущобы... Ты хочешь знить кто бережетъ... А вотъ кто; Учъ, шапсугъ — Увиджа, натухаецъ — Бона, карачаевецъ Доу... и я!

— Э... вотъ васъ сколько!

— Довольно... Я имъ пою пѣсни и рассказываю сказки; а Учъ, Увиджа и Бона — стоятъ у саклей съ винтовками...

— А, что же дѣлаетъ самъ Гацаль Шеуды?

— Читаетъ какія-то книги .. пишетъ цифры...

— Вотъ какъ...

— Да, говоритъ — въ книгахъ написано о какомъ-то зарытомъ сокровищѣ... А тебѣ что?

— Да такъ — ничего, ну а скоро мы придемъ, Галискарушка?

— Скоро...

Говоря такимъ-образомъ, проводникъ и путники, миновавъ балку вѣстунили въ ущелье. Здѣсь, при входѣ въ одну изъ пещеръ, Галискаръ

зажегъ факель, и проведя своихъ гостей длиннымъ и узкимъ корридоромъ, вывелъ ихъ на терассу, или лучше сказать пространную площадку, закрытую искусственнымъ барьеромъ и застроенную саклями.

— Вотъ ваша сакля; первая направо, сказалъ Галискаръ, указывая на опрятную мазанку, поставленную почти у самаго входа на терассу. — Гацаль-Шеуды сказалъ, что здѣсь вамъ можно будетъ даже переѣхать и рыбій нарядъ вашъ! заключилъ проводникъ.

Ласковый и добродушный пріемъ еврея превосходилъ всякое ожиданіе нашихъ странниковъ. Сакля, теплыя черкесски и пылающій малганъ несказанно обрадовали двухъ страдальцевъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился и самъ хозяинъ. Въ немъ дѣйствительно Томъ узналъ того еврея, который въ одахарскомъ аулѣ рассказывалъ о своихъ страшныхъ встрѣчахъ съ Даміаномъ. Однако шотланецъ не рѣшался напомнить еврею о минувшей встрѣчѣ, и рассказавъ исторію своихъ бѣдствій, просилъ какъ ему, такъ и товарищу, дать пріютъ до прихода перваго каравана...

— Теперь время осеннее... Хищники сильны въ горахъ, отвѣчалъ еврей, и я очень радъ, когда у меня прибыло еще четыре руки... Все побезопасяѣе...

— Правда, правда! отозвался Томъ... И мы очень рады, Гацаль-Шеуды, послужить тебѣ... Ну, если бы не этотъ злой кабанъ, пришлось бы амнѣ, пожалуй, и сегодня плутать въ вашихъ горахъ...

— Да, да! а если бы не вы, добрые люди, пришлось бы мнѣ много выплакать слезъ. Пойдемте же друзья мои, я вамъ покажу моихъ красавицъ... посмотрите и полюбуитесь. Идемте!

Теперь только, когда Ростиньякъ и шотланецъ слѣдуя за своимъ хозяиномъ, оставили саклю и вышли на площадку, первый изъ нихъ не безъ удивленія разглядѣлъ аулъ Гацаль-Шеуды. Это было небольшое селеніе, правильно расположенное. Средину площадки занималъ главный корпусъ, длинная мазанка, съ плоскою кровлею, по сторонамъ ея тянулись навѣсы, а передъ ними выбѣленные сакли, окончивающіяся у обрывовъ бойницами...

— Теперь здѣсь не то, какъ было при Сами, замѣтилъ Томъ, разглядывая, въ свою очередь, владѣніе еврея...

— Да, прежде здѣсь были только одни пещеры, самодовольно отозвался Гацаль-Шеуды, — и все это построилъ я... Взгляни на эти бойницы: десять человѣкъ легко могутъ отстоять аулъ отъ нападенія... Смотри, каждая тропинка обстрѣливается. А въ мазанкѣ моихъ красавицъ нестыдно принять хоть самаго Измаиль-Рустама... Пожалуй и у бугуръ-кальскаго Бимъ-Баши нѣтъ такого харема.

Съ этими словами еврей распахнулъ дверь главной мазанки, — и

переступивъ порогъ ея остановилъ взглядъ восторга на лицахъ своихъ гостей, выразившихъ непритворное изумленіе.

— Ужъ не завладѣлъ ли жидъ сокровищами Даміана! съ невольнымъ страхомъ подумалъ Томъ, когда изысканная роскошь востока, проглядывавшая въ убранствѣ мазанки, остановила на себѣ его вниманіе.

Опасеніямъ Тома легко было повѣрить. Фантастическій цвѣтъ матовыхъ фонарей, подвѣшенныхъ въ аркахъ, раздѣлявшихъ мазанку на нѣсколько отдѣленій, — чудно гармонировалъ съ пестротою развѣшанныхъ по стѣнамъ шалей... Душистые смолки тлѣли въ роскошныхъ курильницахъ; — выбрасываемая ими струя дыма замысловатыми кудрями вилась въ искусственныхъ группахъ цвѣтовъ... Веселый говоръ, смѣхъ и рѣзвая пѣсня плѣнницъ говорили о ихъ безопасности и довольствѣ... Казалось, въ харемъ Гапаль—Шеуды все племена, населяющія вершины горъ, прислали своихъ красавицъ...

— Ну, дорогіе гости, началъ еврей, будемъ—те цировать здѣсь... Хорошій отдыхъ послѣ столькихъ бѣдъ не лишнее... Къ тому же сама та, которая обязана вамъ своимъ спасеніемъ, должна поднести намъ сегодня по азерпешу хмѣльнаго абхазскаго меду... Галискаръ! продолжалъ еврей.. Позови сюда Аксани... Кичкени, Рити и Лейла... спойте намъ пѣсню и станцуйте лезгинку...

Три красавицы, послушныя голосу своего владѣльца — отдѣлились отъ толпы своихъ подругъ, ударили въ звонкій тамбуринъ и начали прекрасную пляску горъ...

Скоро явилась и Аксани... Кейфъ начался...

IV.

ТАЙНА ТЕСКОЛЬСКАГО УЩЕЛЬЯ.

Десять дней прошло съ того времени, какъ Томъ и Ростиньякъ нашли счастливый пріютъ въ торговомъ аулѣ еврея. Последний, такъ много выстрадавшій за свои неудачи, полною чашею пилъ теперь счастье въ настоящемъ. Аксани, взросшія среди простоты горной природы не умѣла скрыть тѣхъ чувствъ, которыя внушилъ ей молодой христіанинъ. Она отвѣчала на любовь его любовью и не могла не высказать ему этого. Чтобы вполне устроить свое счастье юноша думалъ найти помощь и добрый совѣтъ въ своемъ товарищѣ, но не такъ случилось. Съ нѣкоторыхъ поръ Томъ сдѣлался угрюмъ, не разговорчивъ и, видимо, из-

бѣгаль встрѣчи съ своимъ другомъ. Это обстоятельство сильно встрѣвило Ростиньяка; подозрѣніе и ревность запали въ его душу и новыя страданія опять начались для него.

Однажды, послѣ беспокойной ночи, проведенной въ одиночествѣ и въ неразгаданномъ отсутствіи своего друга, молодой человѣкъ сиустился въ выходгу въ Хунзахъ-Гарскую долину и здѣсь, на свободѣ, предался своимъ старымъ догадкамъ.

— Куда уходитъ Томъ съ разсвѣтомъ каждаго дня и возвращается только ночью? думалъ онъ. Шотландецъ говоритъ: на охоту; но лжетъ! часто его винтовка остается не разряженной...

Послѣдняя фраза еще не сошла съ языка Ростиньяка, какъ чьи-то шаги послышались въ пещерѣ и знакомый голосъ Галискара тихо окликнулъ его.

— Здѣсь, здѣсь я, Галискаръ! отвѣчалъ молодой человѣкъ что скажешь? спросилъ онъ.

— Не хорошо скажу...

— Что-же такое?

— Тебѣ измѣнили... Будь остороженъ... Слышешь: будь остороженъ... Это велѣла сказать Аксани, которой, между нами сказать, я служу, какъ вѣрная собака.

— Но, объяснись Галискаръ... Что случилась?

— Не хорошо... Акоани плачетъ... Другъ твой врагъ твой. Онъ хочетъ отнять у тебя Аксани; онъ дни и ночи просиживаетъ у Гацаль-Шеуды, и бѣдняжка Аксани сама слышала, какъ рыжій Томъ предложилъ моему хозяину какой-то секретъ за дочь его...

— Ну... и Гацаль-Шеуды! съ трепетомъ спросилъ молодой человѣкъ...

— Согласился! тайнственно отозвался Галискаръ. Но... Те! Слышишь! Это онъ... Прощай!

Съ этими словами Горець скрылся въ извилинахъ подземнаго коридора. Мѣсто мнимаго идиота заступилъ рослый Томъ.

Нельзя было незамѣтить, что шотландецъ изрядно подгулялъ. Онъ насвистывалъ и какъ легкое перо подбрасывалъ винтовку, когда наткнулся на своего друга...

— А, Ростиньякъ!.. вскричалъ онъ; ты что здѣсь дѣлаешь?

— Жду тебя, Томъ.

— Меня?

— Да.

— А, зачѣмъ я тебѣ понадобился?

— Гм., надо объясниться, товарищ! съ рѣшительнымъ видомъ сказалъ молодой человѣкъ.

Этотъ вопросъ почти отрезвилъ рослаго матроса. Прямая натура, подобная Тому Куку, сдѣлавъ какое-нибудь безсовѣстное дѣло, уличаются тотчасъ же въ немъ и скрыть его не умѣютъ. По этому неудивительно, что Томъ не рѣшался оправдываться или принять на себя видъ человѣка, поставленнаго въ недоумѣніе — и прямо сдѣлавъ вопросъ, въ родѣ слѣдующаго:

— Какъ, а развѣ ужъ ты все знаешь?

— Все, Томъ.

Шотландецъ тяжело вдохнулъ, и какъ-бы собираясь съ мыслями, закрылъ лицо рукою.

— Да! сказалъ онъ..., Ростиньякъ, я виноватъ передъ тобою... Я измѣнилъ тебѣ... я тебя продалъ... я думалъ лишить тебя единственнаго твоего счастія въ этой жизни... Казни меня!

— Для меня довольно твоего раскаянія, Томъ... Давай твою руку и помиримся... Но откажись отъ своихъ желаній!

— Не могу... Это сверхъ силъ моихъ, Ростиньякъ... я могу сдѣлать тебѣ одно снисхожденіе...

— Какое же?

Одному жить изъ насъ... Винтовка рѣшить споръ. Кто остается живъ, тотъ владѣть секретомъ Тескольскаго Ущелья и Аксани.... Согласенъ ли... Больше ни на полъ-волоса не сдѣлаю уступки.

Послѣднія слова были сказаны Томомъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что бѣдному молодому человѣку ничего не оставалось отвѣчать на нихъ больше, какъ: согласенъ.

— Пойдемъ же! глухо отозвался Томъ... Я знаю удобное мѣсто, гдѣ ужъ по истинѣ только жить одному.

Съ какимъ-то изступленіемъ Томъ схватилъ за руку своего товарища и увлекъ его въ балку. Когда они стали взбираться на крутизны, по гребню противоположныхъ скаль, быстро, по направленію къ аулу Гацаль-Шеуды, промчалась толпа вооруженныхъ всадниковъ. Враги не обратили на нихъ ни какого вниманія.

— Вотъ, здѣсь! сказалъ Томъ, задыхаясь отъ волненія и останавливаясь на площадкѣ, обрѣзанной съ трехъ сторонъ пропастью. Площадка измѣрялась шагами десятью, не больше. Становись, Ростиньякъ, на край пропасти, я сдѣлаю тоже!.. продолжалъ матросъ. Но прежде — кинемъ жребій кому стрѣлять: винтовка одна... вотъ, платокъ!.. Вынимай! узелъ даетъ право на выстрѣлъ.

Худо скрывая душевный трепеть, Ростиньякъ протянулъ руку къ

платку и выдернулъ узелъ. Томъ горько улыбнулся, выбросилъ на средину площадки какую-то бумагу и медленно подошелъ къ закраинѣ п опасности.

— Томъ, сказалъ Ростиньякъ.... Откажись, ради Бога! отъ твоихъ желаній... Спаси меня! я не могу быть убійцей...

— Стрѣлай, товарищ! Нѣтъ, такъ я убью тебя...

— Томъ!..

— Стрѣлай!

— Нѣтъ!.. Не могу;

Вдругъ шотландецъ со стономъ полетѣлъ въ пропасть. Молодой человекъ безмысленнымъ взглядомъ окинулъ окрестность, и машинально, почти безъ цѣли и мысли, нагнулся къ раскрытой рукописи:

«Въ ночь луннаго затмѣнія, когда темнѣющая луна броситъ лучъ свой на исходъ Тескольскаго ущелья, у высохшаго ручья, подъ среднимъ, освѣщеннымъ въ это время камнемъ»...

Вотъ что прочелъ Ростиньякъ.

ПРОКАЗНИКЪ.

(Норвежская сказка.)

Въ печальный ноябрьскій вечеръ бесѣдовалъ я съ богатымъ землевладельцемъ, ввѣрившимъ мнѣ воспитаніе своихъ дѣтей. Мы жили въ загородномъ домѣ, въ двадцати миляхъ отъ Христианіи. На дворѣ шло что-то мокро: ни дождь, ни снѣгъ, ни градъ, но все это вмѣстѣ. Въ залѣ, гдѣ мы сидѣли, свѣтъ лампъ былъ такъ слабъ, что едва видно было высокое зеркало съ готическою рамою, а на буфетѣ наследственный кубокъ, данный предку моего хозяина за какую-то государственную заслугу. Но владѣлецъ этого кубка сидѣлъ теперь на диванѣ, и читалъ корректуру сочиненія своего, подъ названіемъ: *О благосостояніи земледѣля въ Норвегіи*.

Прочитывая эти листки, онъ иногда говорилъ со мною нѣсколько фразъ, для личнаго моего наставленія—тогда какъ, я въ это время приготовлялъ уроки для его дѣтей. Наконецъ онъ одушевился однимъ мѣстомъ своей брошюры и сталъ читать ее, хотя, признаюсь, я былъ плохимъ слушателемъ, потому-что наизусть зналъ все эти фразы. Мое терпѣніе начинало истощаться. Но въ ту самую минуту, какъ я хотѣлъ зѣвнуть самымъ неучтивымъ образомъ, вдругъ, къ спасенію моему, раздался въ кухнѣ продолжительный смѣхъ. Тамъ былъ кузнецъ Христианъ,

который посѣщаль эту часть дома, и часто возбуждалъ въ прислугѣ своими разказами громкій и веселый смѣхъ.

— Позвольте мнѣ, сказалъ я, послушать разказовъ кузнеца. — И вставъ со своего мѣста, я оставилъ хозяина одного въ полу-мракѣ.

— Болтовство ребятъ, проворчалъ онъ, сказки старыхъ нянюшекъ, бесполезныя сказки, которыя совѣстно слушать образованному человѣку. Истинное просвѣщеніе...

Далѣе я уже не слыхалъ, потому-что заперъ за собою дверь. Пламя отъ новой охапки сухихъ дровъ, положенныхъ вновь къ прежнимъ полѣнамъ, тлѣвшимъ въ огромномъ каминѣ, весело освѣщало радостную толпу, собравшуюся въ кухню. У самаго очага, на первомъ мѣстѣ засѣдала ключница со своею прялкою. Несмотря на преклонныя лѣта и періодическіе ревматизмы, доказательствомъ которыхъ служили три фланелевыя юбки и широкая шаль изъ кроличьей шерсти, — ключница казалась веселою. У ногъ ея дѣти грызли орѣхи, вокругъ нея шили и вязали няньки и работницы.

Послѣднія, страхнувъ снѣгъ съ ногъ, усѣлись за длинный столъ, на который кухарка поставила миску шей. Кузнецъ стоялъ, облокотясь на каминъ. Во рту у него торчала коротенькая трубка. На лицѣ его, немного выпачканномъ сажею, выражалось проническое удовольствіе человека, который только что разказалъ забавную сказку, и самъ доволенъ уснѣхомъ разказа.

— Здравствуй, кузнецъ, — сказалъ я. Чему это вы такъ громко смѣялись, что даже въ залѣ было слышно?

— Христіанъ разказывалъ намъ, разныя забавныя сказки. Теперь онъ хочетъ разказать, какъ воръ женился на дочери богатаго фермера.

— Прекрасно, Христіанъ, я не мѣшаю тебѣ, — сказалъ, я душевно радуясь, что избавился трактатовъ философіи и послушаю простонародныхъ сказокъ, переходящихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Ободренный моими словами, кузнецъ затянулся два раза изъ своей трубки, и началъ разказъ:

Жилъ былъ нѣкогда въ Норвегіи бѣдный крестьянинъ, у котораго было три сына. Не имѣя никакого имущества оставить имъ въ наслѣдство послѣ своей смерти, и не имѣвъ возможности выучить ихъ какому-нибудь ремеслу, потому-что былъ слишкомъ бѣденъ, — онъ сказалъ имъ однажды.

«Дѣти мои! Дѣлайте что вы хотите, ступайте куда вздумается, мнѣ васъ нечѣмъ кормить. Я пойду съ вами и провожу васъ.»

Сказано-сдѣлано. Отецъ и три сына пошли путемъ дорогою, куда глаза глядятъ. Пришли они на перекрестокъ. Три дороги раздѣлялись

на этомъ мѣстѣ, Каждый изъ трехъ братьевъ выбралъ себѣ особую дорогу, — а отецъ, простясь съ ними, возвратился въ свою хижину.

Что было съ двумя старшими братьями, о томъ мы расскажем въ другой разъ, — но вотъ что случилось съ младшимъ.

Однажды ночью проходилъ онъ черезъ дремучій лѣсъ. Тутъ застала его сильная гроза и буря. Вѣтеръ ломалъ дѣревья, градъ сыпался какъ горохъ; зги было невидно. Долго бѣднякъ бродилъ почти ощупью; наконецъ увидѣлъ издали свѣтъ, и пошелъ прямо на него.

Онъ дошелъ до какого-то дома. Дверь была не заперта. Онъ смѣло вошелъ, и увидѣлъ старуху, которая прибирала, выметала и освѣщала въ комнатѣ.

— Здравствуй, бабушка, — сказалъ молодой человѣкъ.

— Здорово добрый молодецъ, — сказала та.

— Знаешь ли, что на дворѣ такая непогода, что добрый хозяинъ собаки не выпуститъ?

— Знаю, дитятко.

— Дай же мнѣ пріютиться здѣсь гдѣ-нибудь до утра.

— Жаль мнѣ тебя дитятко, а ты пожалѣй меня, — сказала старуха. Нельзя тебѣ пріютиться въ этомъ домѣ. Если хозяева придутъ, то убьютъ меня и тебя.

— А кто твои хозяева?

— Воры, дитятко, и самыя злыя. Меня давно уже захватили они и держутъ въ полону, чтобъ я на нихъ стряпала.

— Ну, какъ быть, бабушка! сказалъ крестьянинъ. Да будетъ воля Божія, — а я отсюда не пойду. Я очень усталъ, и лягу спать на первую кровать, которая мнѣ попадется.

— Какъ хочешь, добрый молодецъ, — отвѣчала старуха. Не могу же я тебя вытолкать. Мое дѣло было тебѣ сказать, — а тамъ дѣлай самъ, какъ хочешь. Мое дѣло сторона.

Молодой человѣкъ вышелъ въ другую комнату, и какъ нарочно легъ на кровать атамана. Недолго однакоже спалъ онъ.

Воры воротились съ промысла; они были очень разстроены. Атамана ихъ схватили, — и они теперь не знали какъ имъ быть.

Старуха рассказала имъ о прохожемъ, который насильно хотѣлъ остаться ночевать, и завладѣлъ даже кроватью атамана.

— Не общалъ ли онъ тебѣ денегъ за ночлегъ? спросили воры,

— Какія у него деньги, — отвѣчала старуха. У него, кромѣ дряннаго платишка, ничего нѣтъ.

Удивленные такою смѣлостію, воры стали между собою совѣтоваться, что имъ дѣлать. Въ это самое время вышелъ къ нимъ крестьянинъ.

— А что, добрые люди, спросилъ онъ ихъ, — не надо ли вамъ хорошаго товариша?

— А развѣ ты хочешь заняться нашимъ ремесломъ?

— Почему же и нѣтъ. Отецъ пустилъ меня на всѣ четыре стороны. Кормиться мнѣ нечѣмъ. Ремесло ваше не мудреное и выгодное. Подъ конецъ ведетъ оно, правда, на столбикъ съ перекладиною...

— Что говорить пустяки, хочешь или нѣтъ быть нашимъ товарищемъ?

— Хочу, разумѣется...

— Для этого надобно прежде представить опытъ своего искусства.

— Я готовъ.

На другой же день задали ему урокъ. — При выходѣ изъ лѣса жилъ крестьянинъ, который хотѣлъ въ этотъ день отвести въ городъ на рынокъ одного изъ своихъ быковъ на продажу. Воры поручили новому товарищу увести у крестьянина всѣхъ трехъ быковъ, однакоже не силою и не дѣлая ему никакого вреда.

— Если ты успеешь это сдѣлать сегодня, — сказали воры, — то мы не только примемъ тебя въ товарищи, но и выберемъ въ атаманъ.

Молодой человѣкъ выпросилъ себѣ изъ разной воровской добычи одинъ красивый женскій башмачекъ съ серебряною пряжкой, взялъ съ собою веревку и отправился на промыселъ.

Спрятавшись въ кусты близъ дороги, по которой надобно было проходить крестьянину, онъ положилъ почти у самой дороги взятый имъ съ собою башмачекъ. Дѣйствительно, крестьянинъ тотчасъ увидѣлъ находку.

— Эге, какой красивый башмачекъ! вскричалъ онъ. — Еслибъ была пара, я взялъ бы его и подарилъ женѣ. Она у меня стара и зла, но подарки любитъ. За такую пару башмаковъ она цѣлый день, можетъ-быть, не ругалась бы со мною. А съ однимъ, что мнѣ дѣлать? Принеси я его женѣ, она приметъ это за насмѣшку и пожалуй этимъ же башмакомъ достанется мнѣ по щекамъ.

Разсуждая такимъ образомъ, крестьянинъ пошелъ далѣе. Молодой воръ вышелъ тогда изъ-за куста, забѣжалъ опушкою лѣса впередъ крестьянина, и опять у дороги положилъ тотъ-же башмачекъ.

— Ну, не глупъ ли я! — вскричалъ крестьянинъ. — Не поднялъ тамъ башмака, когда здѣсь лежитъ другой! Побѣжать скорѣе назадъ, да взять его. Ввечеру, подарю оба женѣ.

А чтобъ скорѣе исполнить свое намѣреніе, онъ привязалъ къ дереву быка, котораго гналъ на продажу, — и побѣжалъ за первымъ башмакомъ. Долго проискавъ его по пустому, онъ съ досадою воротился опять къ быку. Каково-же было его отчаяніе, когда онъ не нашелъ ни втораго башмака, ни быка.

— Что мнѣ дѣлать теперь? сказалъ онъ. — Жена съестъ меня...

Тутъ, пораздумавъ, вспомнилъ онъ, что жена его еще спала, когда онъ повелъ быка на рынокъ. Если она еще спитъ, то ему легко увезти другаго быка, и продавъ его, сказать потомъ, что быки стали дешевы, и что за обоихъ онъ выручилъ очень мало денегъ.

Немедля ни минуты, побѣжалъ онъ домой. Съ радостью увидѣлъ онъ, что жена его еще спитъ, — и благополучно погналъ другаго быка, внутренно обѣщая самъ-себѣ не прельщаться по дорогѣ никакою находкою.

Пройдя нѣсколько времени, увидѣлъ онъ, что на деревѣ виситъ человѣкъ (это былъ молодой воръ).

— Это что, — сказалъ крестьянинъ, — какой-то бѣднякъ повѣсился, ужъ не оттого ли, что у него была злая жена? Видно онъ былъ несчастнѣе меня. Упокой Богъ твою грѣшную душу.

Сдѣлавъ крестное знаменіе, онъ пошелъ далѣе. Молодой воръ тотчасъ-же спустился, забѣжалъ впередъ и опять повѣсился.

— Что за чудеса, — вскричалъ крестьянинъ. Право, это опять тотъ-же бѣднякъ. Неужто ты былъ такъ несчастливъ, что два раза повѣсился? Ну, Богъ съ тобою!

Махнувъ рукою, пошелъ онъ дальше.

Пройдя еще съ полчаса, увидѣлъ онъ третьяго висѣльника, и совершенно похожаго на первыхъ двухъ.

— Нѣтъ! ужъ это не просто, — сказалъ онъ, протирая глаза. Вѣдь не одинъ и тотъ-же это бѣднякъ. Развѣ ихъ трое братьевъ — и у всѣхъ были злыя жены? Нѣтъ! Сбѣгаю посмотрю на прежнихъ.

Сказавъ это, привязалъ онъ быка и побѣжалъ назадъ къ тому дереву, гдѣ прежде видѣлъ висѣльника. Нетуть-то было. Проискавъ его напрасно, воротился онъ къ быку, — и того не было.

Взвывая бѣдный крестьянинъ. «Придется видно и мнѣ точно также повѣситься, когда жена узнаетъ, что я прозѣвалъ двухъ быковъ. Нѣтъ! лучше побѣгу за третьимъ, продамъ его, — а тамъ что будетъ, то будетъ».

Прибѣжавъ домой, увидѣлъ онъ, что жена ушла къ сосѣдкѣ поболтать. Онъ тотчасъ-же угналъ третьяго быка, и со страхомъ оглядывался, не гонится ли за нимъ жена. Вдругъ у самаго того мѣста, гдѣ

былъ привязанъ первый быкъ его, услышалъ онъ, что вдали въ лѣсу мычатъ его быкъ.

Сердце крестьянина запрыгало отъ радости.

— Какой же я дуракъ! — вскричалъ онъ. — Быки мои отвязались и бродятъ по лѣсу, а я думалъ, что ихъ кто-нибудь увелъ. Да и кому тутъ уводить. — Вотъ они голубчики мычатъ вдали. Я узнаю ихъ по голосу. Побѣжать къ нимъ.

На этотъ разъ, привязавъ третьяго быка покрѣпче, бросился онъ въ лѣсъ, туда гдѣ подъ голосъ быковъ мычалъ молодой воръ. — Увы! первыхъ двухъ онъ не нашелъ, а когда съ горемъ воротился къ третьему, и того не было.

Долго вылъ крестьянинъ и рвалъ на себѣ волосы. Потомъ пошелъ назадъ, но не къ женѣ, а въ кабакъ, гдѣ пробылъ до возвращенія быковъ, о которомъ мы вскорѣ скажемъ.

Такимъ-образомъ молодой воръ, выполняя заданный ему урокъ, требовалъ, чтобъ товарищи сдержали свое слово и выбрали его атаманомъ. Они сознались, что онъ съ перваго шага превзошелъ ихъ въ хитрости — и выбрали его на мѣсто захваченнаго и казненнаго атамана.

Когда ему ввѣрили всю власть и вручили ключи отъ сундуковъ, онъ объявилъ, что придумалъ удивительный планъ, который каждому изъ нихъ доставитъ по нѣскольку миллионновъ. Взявъ съ нихъ клятвенное обѣщаніе, что въ точности исполнять его приказаніе, онъ отправилъ ихъ разными дорогами и назначилъ свиданіе въ одномъ городѣ, на городской площади. Тамъ они должны были ждать его до утра, не трогаясь съ мѣста и не пугаясь ничего.

Все съ удовольствіемъ поклялись исполнить его волю — и отправились.

Когда они ушли, молодой атаманъ началъ съ того, что выпустилъ быковъ, — и тѣ опять спокойно пошли изъ лѣсу въ свой хлѣвъ, гдѣ ихъ и нашелъ изумленный крестьянинъ. Потомъ Гансъ — такъ звали нашего молодца, — навьючилъ всѣхъ лошадей, стоявшихъ на воровскихъ конюшняхъ, богатствомъ, найденнымъ имъ въ сундукахъ, — и отправился съ ними по дорогѣ къ хижинѣ отца. Старухѣ подарилъ онъ домъ, всю мебель и посуду.

— Ну, а если хозяева воротятся, дитятко? — спросила она.

— Нѣтъ бабушка, не воротятся. Съ висѣлицы трудно сорваться, — а они скоро будутъ на ней болтаться за все свои дурныя дѣла.

Въ гардеробѣ воровъ нашелъ онъ себѣ богатое платье, надѣлъ его — и въ этомъ нарядѣ прибылъ къ хижинѣ отца, со всеми сокровищами.

Отецъ встрѣтилъ сына у дверей, и не узнавъ его, спросилъ что ему, угодно.

— Мнѣ-бы хотѣлось, старинушка, нанять у тебя квартиру.

— Что вы, сударь, шутите? — отвѣчалъ отецъ. Куда мнѣ помѣстить всѣхъ вашихъ лошадей? Здѣсь вашей милости будетъ тѣсно.

— Что за бѣда! найдемъ для всего мѣсто. Вѣдь у тебя жили же трое сыновей, а теперь ты и одного изъ нихъ принять къ себѣ не хочешь?

— Какъ? Что это значить?

— Да то, что вы, батюшка, не узнаете меня.

Отецъ бросился обнимать сына.

— Гдѣ же ты это былъ и чѣмъ промыслялъ, что могъ нажить себѣ такое огромное богатство?

— Вы мнѣ сказали, отпуская меня: дѣлай что хочешь, — отвѣчалъ сынъ. Первое занятіе, которое мнѣ пошло подъ руки, было воровское, — и я вступилъ въ общество этихъ людей.

— Эхъ, дитятко, плохо. Надобно было заняться честнымъ ремесломъ.

— Во-первыхъ, батюшка, мнѣ не изъ чего было выбирать, — а во вторыхъ, я придумалъ средство и между ворами остаться честнымъ.

— Ну, это мудрено.

— Мудрено, но возможно. Вотъ видите ли: чтобъ быть принятымъ въ шайку воровъ, мнѣ задали урокъ украсть у одного крестьянина трехъ быковъ. Я это выполнилъ. Меня сдѣлали атаманомъ, — а быки теперь уже стоятъ въ стойлѣ у своего хозяина. При мнѣ шайка не успѣла ничего украсть и напроказить. Я отправилъ ее всю въ ближайшій городъ, гдѣ и велѣлъ ей ждать себя въ воскресенье съ полуночи до утра, на площади. Это я сдѣлалъ для того, чтобъ предать мошенниковъ достойному наказанію по законамъ. Мы съ вами, батюшка, отправимся сейчасъ къ пастору и попросимъ его написать къ градоначальнику, чтобъ онъ заранѣе собралъ достаточную силу, и принялъ все мѣры для поимки на площади всей шайки, отъ перваго до послѣдняго вора. Другое же письмо мы напишемъ къ буромистру, чтобъ тотъ объявилъ, что все, которыхъ въ послѣднее время ограбили, являлись-бы сюда, и изъ нашего сельскаго суда брали свои вещи подъ росписки. Такимъ-образомъ видите ли, что мое ремесло было честное. Оно принесетъ государству пользу истребленіемъ самой вредной шайки, и возвратитъ хозяевамъ все, что у нихъ украли.

Отецъ пролилъ радостныя слезы, обнимая сына. Они пошли къ пастору, и все сдѣлали, какъ говорилъ Гансъ.

Слѣдствіемъ писемъ его было дѣйствительно то, что вся шайка была захвачена, — а ограбленные явились въ ту деревню, гдѣ жилъ отецъ съ сыномъ, и получая свои богатства, отдавали, изъ благодарности, Гансу, кто третью часть, кто цоловину. Иные и совсѣмъ не явились. Такимъ образомъ Гансъ все-таки сдѣлался богатымъ и всѣми уважаемымъ человекомъ.

Однажды, сидя съ отцемъ, онъ сказалъ ему:

— Ну, батюшка! Мы съ тобою въ это время много сдѣлали для другихъ. Пора мнѣ и о себѣ подумать. Я хочу жениться.

— И прекрасно, дитятко, — отвѣчалъ отецъ. Я замѣтилъ, что всѣ наши крестьянскія дѣвки на тебя заглядываются.

— Вѣрю, батюшка, — да я то не смотрю на нихъ. Нѣтъ! Въ прошлое воскресенье видѣлъ я въ нашей сельской церкви дочь фермера, земли котораго видны отсюда. Она мнѣ очень приглянулась. Сходи-ко, батюшко, къ ея отцу и попроси у него ея руки для меня.

— Чтò ты, дитятко! Да онъ меня велитъ вытолкать. Онъ скажетъ, что ты съ ума сошелъ.

— Онъ будетъ неправъ. Сватать кого-нибудь — не значить съ ума сойти...

— Да онъ человекъ страшно богатый.

— Прежде нежели сдѣлался богатымъ, былъ онъ простымъ крестьяниномъ, а что касается до богатства, — вы знаете, что и у меня столько денегъ, что я въ состояніи заплатить всѣ долги фермера, которыхъ тоже очень много.

Старикъ пожалъ плечами — и пошелъ къ фермеру. Низко поклонился онъ ему, и сказалъ:

— Простите, бѣднаго старика, который не самъ собою, а по волѣ сына своего пришелъ къ вамъ съ самымъ сумасброднымъ предложеніемъ.

— Съ какимъ?

— Сынъ мой недавно очень разбогатѣлъ и такъ высоко возмечталъ о себѣ, что прислалъ меня просить у васъ руки вашей дочери.

— Вотъ чтò! — сказалъ фермеръ. Это забавно. А какимъ ремесломъ онъ такъ разбогатѣлъ?

— Онъ былъ атаманомъ воровской шайки.

— А! это тотъ молодецъ, который оказалъ всей нашей области такую важную услугу истребленіемъ ужасной шайки воровъ, — и который потомъ всѣ богатства роздалъ прежнимъ владѣльцамъ ихъ. Прекрасно! очень радъ съ нимъ познакомиться. Только дочь мою я такъ легко не отдамъ. Я хочу испытать его мастерство. Я слышалъ, что онъ очень хитро укралъ у одного крестьянина трехъ быковъ. Я купилъ

ихъ, — и въ будущее воскресенье будутъ жарить одного изъ нихъ. Скажи же своему сыну, чтобъ онъ унесъ у меня изъ кухни это жаркое, когда оно будетъ на вертелѣ и когда я со всѣми поварами и работниками буду на кухнѣ самъ стеречь его.

Отецъ поклонился и принесъ этотъ отвѣтъ сыну, вовсе не ожидая, чтобъ это сватовство такъ легко сошло у него съ рукъ.

— Ну, это бездѣлица, — сказала сынъ. Фермеръ шутить. За подобную бездѣлицу онъ еще не отдастъ мнѣ своей дочери, — а задастъ вѣрно помудренѣе чтѣ-нибудь.

Въ воскресенье по утру, переодѣвшись нищимъ, прокрался онъ рано на дворъ фермы, куда въ этотъ день собирались всегда нѣсколько такихъ же бѣдняковъ для полученія милостыни. Когда подаваніе было уже роздано, Гансъ завалился въ одномъ темномъ уголку и пролежалъ тамъ до полудня, когда началась на кухнѣ страшная и когда самъ фермеръ пришелъ туда со всѣми своими работниками.

— Вотъ и всѣ на мѣстѣ, — сказалъ Гансъ про себя. Какъ исправно дожидаются они меня.

Сказавъ это, выпустилъ онъ изъ сумы своей одного изъ трехъ зайцевъ, которыхъ принесъ въ ней на ферму. Заяць тотчасъ же пустился бѣжать по двору.

Работники бросились было преслѣдовать его, но фермеръ остановилъ ихъ, говоря, что заяць бѣгаетъ прытче ихъ и что бесполезно за нимъ гнаться.

Черезъ нѣсколько минутъ выпустилъ Гансъ и другаго зайца, который забѣгалъ вокругъ двора, такъ что не узнали, тотъ-ли это самый, или другой. Люди опять съ криками бросились за нимъ. Но и на этотъ разъ фермеръ не пустилъ ихъ.

Вскорѣ вышущенъ былъ и третій заяць, самый видный и здоровый, который какъ нарочно побѣжалъ мимо кухни. На этотъ разъ фермеръ, какъ страстный охотникъ, не утерпѣлъ и со всѣми работниками пустился за зайцемъ, крича, чтобъ выпустили поскорѣе изъ псарни борзыхъ собакъ.

Во-время этой суматохи мнимый нищій пробрался въ кухню, уложилъ въ суму жаркое и исчезъ.

Борзые успѣли наконецъ поймать котораго-то изъ бѣдныхъ зайцевъ, но это было единственное жаркое фермера на этотъ день. Онъ видѣлъ, что бывший атаманъ воровъ хорошо еще помнить свое ремесло.

Въ числѣ гостей, которые были въ этотъ день у фермера и болѣе всѣхъ подсмѣивались надъ украденнымъ съ вертѣла жаркимъ, былъ старый адвокатъ, чловѣкъ самаго ограниченнаго ума. Фермеру чрезвычайно

досадны были насмѣшки этого глупца, но онъ не показалъ и вида, что обижается грубыми его остротами.

Когда Гансъ на другой день самъ явился къ фермеру, тотъ очень ласково обошелся съ нимъ, представилъ его женѣ и дочери, объявилъ имъ о сватовствѣ, объ услугахъ, оказанныхъ Гансомъ цѣлой области, его безкорыстїи и о богатствѣ. Фермерша ничего не сказала, привыкнувъ повиноваться во всемъ волѣ мужа. Но дочь съ любопытствомъ посмотрѣла на смѣлаго жениха, и покраснѣла отъ удовольствїя, до того онъ ей понравился съ перваго взгляда. Фермеръ объявилъ ей, на какомъ условїи онъ обѣщаль Гансу руку ея.

— Хотя долгъ мой и велить мнѣ вамъ повиноваться, сказала дочь фермера: но мнѣ кажется, что рука моя стоить больше жареной говядины. Если ужъ вы для забавы своей вздумали задать ему одинъ урокъ изъ прѣжняго его ремесла, то пусть же онъ ихъ сдѣлаетъ нѣсколько, и тогда я сама напомню вамъ о данномъ ему словѣ.

— Прекрасно, сказалъ отецъ, а у меня ужъ и есть одна штука въ головѣ. Послушай, молодецъ! Вчера сосѣдъ мой адвокатъ, большой глупецъ, весь обѣдъ смѣялся надо мной, потому-что я далъ унести у себя жаркое изъ подъ носа. Онъ хвасталъ, что его такъ не проведутъ. Еслибъ я тебѣ поручилъ обмануть его, то далъ-бы тебѣ порученїе, самое недостойное умнаго малаго. Этотъ дуракъ такъ глупъ, что всякій поваренокъ проведетъ его десять разъ въ день. Такъ ты придумай что-нибудь самъ. Напримѣръ, украдь его самаго, и привеси ко мнѣ на птичный дворъ. Брось его тамъ на ночь къ гусямъ и индѣйкамъ, чтобъ они его пощипали, и дай мнѣ знать объ этомъ; я посмѣюсь въ свою очередь надъ глупцомъ. А дочь, можетъ-быть, за удовольствїе, доставленное мнѣ, напомнитъ о данномъ словѣ.

Гансъ поклонился фермеру, бросилъ страстный взглядъ на его дочь, и отправился къ мѣсту своего назначенїя. Вывѣдавъ всю подноготную объ образѣ жизни адвоката, онъ узналъ, что главный конекъ его глупостей состоитъ въ отысканїи кладовъ и въ умилостивленїи чудовищъ, которые стерегутъ эти сокровища.

Надѣвъ на себя платье огненнаго цвѣта, вышитое красною фольгою, такъ что при свѣтѣ лампы казался онъ весь въ пламени, и придѣлавъ себѣ крылья, прокрался онъ непримѣтно въ комнату къ адвокату, когда тотъ, сидя у пылающаго камина, съ глубокомысліемъ погруженъ былъ въ чтенїе своей любимой книги: *О средствахъ отысканїя кладовъ*. Гансъ непримѣтно сталъ у камина, выжидая удобнаго случая начать дѣло.

— Все это прекрасно! сказалъ адвокатъ, опуствя книгу на колѣни и

голову на грудь. По этому описанію, здѣсь вблизи долженъ быть огромный кладъ во владѣніи этого дурака фермера. Не мудрено! У него изъ-подъ носа крадутъ жаркое, такъ можетъ-ли онъ что-нибудь знать о высокихъ тайнствахъ природы, открываемыхъ однимъ избранникамъ науки. О, какъ-бы я хотѣлъ овладѣть этимъ кладомъ... для того только, чтобъ посмѣяться надъ фермеромъ. Но хранителемъ этого клада должно быть какое-нибудь страшилище, у которыхъ всегда есть самыя тяжкія условія для полученія сокровища... Гдѣ найти этого оберегателя клада, и какія онъ назначитъ условія...

Въ это мгновеніе одно еловое полѣно въ каминѣ сильно затрещало, и отбросивъ большой уголь, ярко озарило комнату. Адвокатъ невольно взглянулъ, и ужасъ оковалъ языкъ его. Передъ нимъ стояло огненное крылатое чудовище.

— Не пугайся, сказала чудовище. Это я выскочилъ изъ камина и задѣлъ одно полѣно... Я зналъ, что ты читаешь умную книгу объ отысканіи кладовъ, и желалъ-бы видѣть того, который сторожитъ ближайшій кладъ въ имѣніи фермера. Хочешь-ли получить это сокровище?

— Какъ не хотѣть, тихо прошепталъ испуганный адвокатъ, какъ не хотѣть! Но какія твои условія?...

— Почти никакихъ. Важныя обстоятельства призываютъ меня къ охраненію цѣлой золотой горы на островѣ Борнео, такъ здѣшній кладъ остается совсѣмъ безъ сторожа. Я уже летѣлъ къ новому своему назначенію, когда услышавъ, чрезъ трубу камина, твои слова, спустился, внизъ. Говори же, мнѣ некогда! Хочешь-ли получить этотъ кладъ?

— Хочу, сказала адвокатъ. Что надо дѣлать?

— Ничего. Ползай въ этотъ мѣшокъ.. Тутъ Гансъ подставилъ старый угольный мѣшокъ.

Адвокатъ колебался.

— Неужели ты понесешь меня по воздуху... я пугливъ, неравно закричу, и ты пожалуй меня выпустишь...

— Нѣтъ! по условію, тотъ, кто хочетъ овладѣть кладомъ, долженъ придти къ нему, не передвигая ногъ, но однако же такъ, чтобы ноги безпрестанно касались до земли; чтобъ онъ не ѣхалъ ни на какомъ животномъ и чтобъ былъ въ лежачемъ положеніи, понимаешь ли, какъ можно выполнить эти условія?...

— Прекрасно! вскричалъ адвокатъ. Теперь я понимаю, мудрый духъ и удивляюсь твоему глубокомыслію. Ты меня потащишь въ этотъ мѣшокъ... Я съ радостію готовъ на это.

И онъ важно полезъ въ мѣшокъ. Покуда мнимое чудовище завязывалъ,

адвокатъ просилъ его тащить по травѣ, а не по камнямъ, чтобъ не больно было.

— Нельзя, любезный! Сказано по землѣ, а не по травѣ. И смотри, берегись, сказать во все это время хоть одно слово, испустить хотя одинъ стонъ, иначе все пропало; я тотчасъ-же подхватю тебя и понесу на островъ Борнео, а при второмъ крикѣ выпущу тебя изъ рукъ, гдѣ бы это ни случилось, надъ моремъ, огнелышащею горою, или надъ острыми скалами....

Адвокатъ очень испугался—и уже было хотѣлъ отказаться отъ клада, но онъ былъ завязанъ въ мѣшкѣ, и почувствовалъ, что сильная рука потащила его черезъ порогъ на улицу—и далѣе. Теперь ему уже нельзя было вскрикнуть,—иначе чудовище унесетъ его подъ облака и полетитъ съ нимъ на островъ Борнео.

Съ покорностію и терпѣніемъ предался онъ судьбѣ своей, воображая, что за нѣсколько часовъ терпѣнія будетъ у него завтра богатый кладъ, похищенный у надменнаго фермера почти изъ-подъ носа.

Тяжело и больно приходилось адвокату по дорогѣ. Гансъ не щадилъ его спины, волочилъ ее по камнямъ и колючимъ кустамъ. Еслибъ не страхъ ужаснѣйшей участи, бѣднякъ не разъ бы вскрикнулъ... но мысль о сокровищѣ утѣждала его страданія.

Часа черезъ два притащилъ Гансъ свою ношу на задній дворъ фермера, и довольно неучтиво бросилъ ее въ птичникъ, гдѣ было стадо гусей.

—Лежи тутъ смирно до утра,—сказалъ Гансъ. Ты теперь на самомъ кладѣ. Помощники мои будутъ вокругъ тебя летать и щипать тебя. Но ты вытерпи эту бездѣлицу. Злость ихъ безопасна. Съ первымъ лучемъ восходящаго солнца явлюсь я къ тебѣ—и вручу кладъ, который вмѣстѣ съ тобою въ этомъ мѣшкѣ мы понесемъ къ тебѣ.

Бросивъ обманутаго бѣдняка, Гансъ пошелъ къ фермеру и рассказалъ ему все. Тотъ помиралъ со смѣху, и потомъ велѣлъ позвать жену и дочь, чтобъ Гансъ повторилъ имъ свой рассказъ. Тѣ тоже много смѣялись остроумной выдумкѣ Ганса.

Съ утреннею зарею фермеръ со всѣми прислужниками на фермѣ отправился въ птичій хлѣвъ. Адвокатъ лежалъ тамъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Гуси пощипали порядочно мѣшокъ, и многимъ частямъ тѣла адвоката досталось тоже порядочно.

Громкій, оглушительный смѣхъ заставилъ его открыть глаза. Передъ нимъ стояли фермеръ съ женою, дочерью и работниками.

— Какъ, почтеннѣйшій другъ,—вскричалъ фермеръ.— Вы ночью забрались въ мой птичникъ! Неужели вы такой охотникъ до гусей?

Что-жъ вы мнѣ не сказали? Я бы не допустилъ васъ до неприличнаго поступка, и подарилъ бы вамъ охотно хотя дюжину этихъ животныхъ, которыя такъ неуучиво поступили съ вашимъ нижнимъ платьемъ.

При новомъ взрывѣ хохота, адвокатъ вскочилъ и опрометью побѣжалъ домой.

Когда Гансъ снова явился къ фермеру, тотъ съ улыбкою посмотрѣлъ на дочь, какъ бы спрашивая ея отвѣта.

— Меня чрезвычайно интересуютъ эти хитрости моего жениха, — сказала она. Ему удалось одинъ разъ васъ обмануть, но я увѣрена, что въ другой разъ вы примете всѣ мѣры противъ этого. Задайте же ему новую задачу.

— Пожалуй, — отвѣчалъ отецъ. — Только мнѣ жаль будетъ, если эти хитрости не удадутся. Я теперь уже не дамъ обмануть себя... Послушай, будущій зятюшка. У меня на конюшнѣ двѣнадцать верховыхъ лошадей. Завтра поутру посажу я на нихъ конюховъ, которые до обѣда будутъ ѣздить на нихъ по двору фермы. Если ты въ это время успѣешь украсть изъ-подъ нихъ всѣхъ лошадей, — то я признаю тебя мастеромъ своего дѣла.

— А я напомню батюшкѣ о данномъ словѣ, прибавила дочь.

Гансъ поклонился — и сказалъ, что исполнить заданный урокъ.

По утру, съ раннею зарею, когда конюхи только что вставали, явилась на дворъ фермы оборванная старуха и просила у нихъ позволеніе отогрѣться на кухнѣ, потому-что ночь провела въ дорогѣ, а утро было очень свѣжо. Конюхи пустили ее и начали выводить и сѣдлать лошадей.

Съ неудовольствіемъ разговаривали они о странной прихоти фермера: съ самого солнечнаго восхода до обѣда ѣздить по двору. Фермеръ не объявилъ имъ о данномъ урокѣ своему будущему зятю. Онъ только сказалъ имъ, какъ-бы шутя: смотрите, чтобы не украли лошадей изъ-подъ васъ.

Когда конюхи сѣли на лошадей и стали разѣзжать подвору, фермеръ еще спалъ глубокимъ сномъ; работники тоже; эта всеобщая лѣность еще болѣе сердила конюховъ. Одна старуха знала, отчего это происходитъ; она ввечеру заходила на кухню передъ ужиномъ, и за двѣ фляжки рома, которыя ей, какъ она говорила, подарилъ ей внукъ контрабандистъ, дали ей хорошую порцію ужина. Тутъ успѣла эта старуха подмѣшать чего-то въ кушанье фермера, отчего онъ сегодня такъ долго спалъ, — а работники спали тоже отъ рома старухи, которая однако же

улучила для угощенія ихъ то время, когда конюхи не воротились еще изъ конюшни.

Съ часъ уже ѣздили они по двору и посматривали на окна, не покажется ли фермеръ; холодъ понималъ ихъ; неудовольствіе ихъ возрастало. Вышла и старуха изъ кухни.

— А что, старая корга,—сказалъ одинъ конюхъ. Я слышалъ, что ты вчера угощала нашихъ работниковъ славнымъ ромомъ; нѣтъ ли у тебя еще фляжечки?

— Какъ не быть, добрый молодець, отвѣчала она. Внучекъ снабжаетъ меня всякой день фляжкою. Не выпивать же мнѣ ихъ; я то продаю, то угощаю добрыхъ людей.

— Ну, такъ давай же скорѣе, холодъ такъ и пробираетъ.

— Изволь, дитятко, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы вамъ всѣмъ достало. У меня нѣтъ другой фляжки, а обижать твоихъ товарищей не хочу.

— Ну, глотка по два, по три будетъ; давай.

Старуха подала ему порядочнаго размѣра фляжку, — и все собрались около перваго счастливца... Все по очереди подходили къ благодѣтельной фляжкѣ, — и похваливали напитокъ. Только когда двѣнадцатый допивалъ фляжку, первый уже свалился съ лошади и спалъ глубокимъ сномъ. Вслѣдъ за нимъ сдѣлалъ тоже другой, третій и до послѣдняго, — а мнимая старуха взяла подъ уздцы всѣхъ лошадей и отвела ихъ къ себѣ.

Въ это время проснулся и фермеръ, удивляясь необыкновенной сонливости, вспомнилъ о будущемъ своемъ зятѣ и бросился къ окну. Все конюхи лежали и храпѣли.

— Понимаю! — вскричалъ онъ. Хитрецъ надулъ меня.

Тотъ вскорѣ и самъ явился.

— Это начинаетъ меня не на шутку сердить, — сказалъ онъ Гансу. Я непременно хочу, чтобы ты самъ признался наконецъ, что твоя хитрость стала въ тупикъ. Теперь я приказываю тебѣ украсть изъ-подъ меня самого лошадь, когда я сегодня поѣду гулять по большой дорогѣ. Если ты это этого не исполнишь, то дочери моей тебѣ не видать, какъ ушей своихъ.

Гансъ поклонился и ушелъ.

Черезъ часъ ѣхалъ онъ уже, переодѣвшись старымъ ящикомъ, на телегѣ и везъ бочку съ водою, держа одинъ палецъ въ боковомъ отверстіи, которое обыкновенно затыкается втулкою. Вместе съ тѣмъ

нанялъ онъ пастуха, чтобъ тотъ въ это время ходилъ по опушкѣ лѣса и насвистывалъ на всевозможные голоса птицъ.

Вскорѣ показался и фермеръ, ѣхавшій къ нему навстрѣчу.

— Что ты за человѣкъ и куда ѣдешь? спросилъ онъ у Ганса.

— Да къ вашей милости, г. фермеръ. Вашъ сосѣдь М. добылъ два боченка венгерскаго вина и хочетъ подѣлиться съ вами. Узнавъ, что я ѣду на вашу мельницу, онъ велѣлъ мнѣ взять одинъ боченокъ съ собою и лично представить его вашей милости...

— Хорошо, хорошо! ступай, и отдай управителю...

— Слушаю-съ... Да вотъ бѣда маленькая приключилась. Пробка выскочила изъ бутылки. Я покуда пальцемъ заткнулъ, чтобъ не пролилось ни капли вина. Только мнѣ ужъ не въ моготу держать такъ палецъ, руку свело. Выпущу, и все полетится...

— Нѣтъ ли какого колышка? Заколоти отверстие.

— Вырѣзать недолго, изъ перваго дерева. У меня и ножъ съ собою... Я сейчасъ встрѣтилъ молодца у опушки лѣса и просилъ было его, чтобъ онъ покуда подержалъ палецъ въ бочкѣ, да онъ не послушался. Ходитъ себѣ, да насвистываетъ. Говоритъ, что ждетъ какого-то проѣзжаго верхомъ на лошади, и просилъ сказать, если его увижу, что въ лѣсу прилетѣли цѣлыя стаи самыхъ рѣдкихъ птицъ.

— А! это мой хитрецъ! Слышу какъ насвистываетъ. Нѣтъ, любезный, не заманишь въ лѣсъ. За птицами твоими я не погонюсь... А тебѣ, старинушка, я пожалуй помогу для собственной же своей пользы. Пусти меня, я подержу покуда палецъ въ отверстіи, а ты вырѣжь поскорѣ колышекъ, чтобъ заткнуть бочку.»

Съ этимъ словомъ, онъ слезъ съ лошади въ телѣгу и съ посѣпшностію всунулъ палецъ свой вмѣсто крестьянина. А тотъ въ ту же минуту вскочилъ на коня фермера, закричалъ будущему своему тестю: благодарствуйте! далъ шпоры коню и поскакалъ.

Только теперь узналъ фермеръ своего зятя по голосу, и вынулъ палецъ; изъ бочки полилась вода, и обманутый съ досадою пошелъ домой пѣшкомъ.

Гансъ явился къ нему, и привелъ назадъ измученную лошадь.

— Нѣтъ, сказалъ фермеръ. Видно въ-самомъ-дѣлѣ нельзя съ нимъ тягаться. Этотъ негодяй украдетъ пожалуй и дочь нашу. Поскорѣ обвѣнчать ихъ.

На другое утро явился Гансъ и привелъ съ собою пастора. Фермеръ самъ торопился свадьбой, и бракъ былъ отпразднованъ въ тотъ же день.

Молодые жили долго и счастливо. Богъ далъ имъ много дѣтей, которымъ отецъ часто говаривалъ:

— Дѣти мои! вашъ отецъ былъ атаманомъ воровъ, но никого не обокралъ; онъ изъ бѣдняковъ сдѣлался богачемъ, но никого не обидѣлъ; онъ женился на дѣвушкѣ гораздо выше себя по состоянію, но былъ однакоже счастливъ. Ведите себя, дѣти, честно и богобоязненно. Дѣлайте добро сколько можете, и исполняйте всегда свой долгъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ.

—

I.

Ветла раскинулась у каменной стѣны,
Чернѣетъ въ небѣ крестъ надъ церковью старинной,
И мѣсяцъ въ облакахъ всплывая, съ вышины
То броситъ свѣтлый лучъ, то скроетъ тѣнью длинной
И кровли и дома. Ночь холодна... Прошли
Дни лѣтніе, луга и рощи отцвѣли...

Но чистый неба свѣтъ, звѣздъ влажное мерцанье —
Пророчатъ ясный день. Скорѣй открыть окно:
Взглянуть еще хоть разъ, (быть-можетъ на прощанье,)
На ночь прекрасную, — немного ихъ дано —
Свѣтъ трепетный луны, деревьевъ мракъ глубокой!..
Листъ падаетъ, шумитъ... и вьюги недалеко!..

О расточители! намъ милъ послѣдній даръ,
 И потому что онъ послѣдній!... Ночи лѣта,
 Востокъ ужъ розовый огнистый западъ, паръ
 Прозрачно-голубой, которымъ даль одѣта,
 Роса тяжелая въ листахъ густой травы...
 О, сколько, сколько разъ забыты были вы!

Послѣдняго намъ жаль, *послѣднее* мы любимъ,
 Къ больной природѣ льнемъ душой своей больной,
 Мы оглянулись, скорѣе чувство будимъ,
 Давно уснувшее, — способность жить душой,
 Способность — радости и мысли вдругъ отдаться,
 Мечтать и созерцать, любить и наслаждаться...

15 сентября 1832 г.

II.

Спроси страданье молодое,
 Оно тебѣ расскажетъ все:
 И ночи жалкія, лишеныя покоя,
 И слѣзы, и безуміе свое.

Съ какой-то радостью кокетливой и странной
 Оно само-себя охотно воспоетъ,
 Ища занятія мечтѣ своей туманной,
 Оно забвеніе найдетъ...

Огданется оно, истративъ ощущенья
 Въ словахъ и лишннихъ, и пустыхъ,
 И станетъ каяться... Иль, можетъ-быть, сомнѣнье
 Отравитъ каждый прошлый мигъ,

Затѣмъ, что прошлое — восторги и мечтанье,
Одѣтое такой мучительной красой,
Покажется ему за странное созданье
Своей же прихоти больной.

Оно утѣшится... Но есть страданья... слово
Не нужно имъ; не имъ утѣшиться въ словахъ!
Имъ нѣтъ забвенія, надежды дня другаго,
И развлеченія въ мечтахъ.

Не вопрошай же ихъ! Довольно, что въ молчаньи
Они умѣютъ жить, спокойно день за днемъ.

О, пѣсень не проси! Пѣсень—жизнь и ожиданье....

Кто скажетъ, что насъ ждетъ потомъ?

4-го Августа 1825 года.

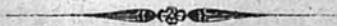
IV.

ОТЦВЪЛНИКУ.

Братъ, такъ гроза была ужасна ! Въ ночи черной
Злой вѣтеръ гналъ тебя и долго и упорно
На острия скалы,
Когда ты уѣзжалъ ; — и страшно и глубоко
Рыль бездну крыльями и валъ вздымалъ высоко
Вокругъ твоей ладьи!

Когда поспѣшно ты, ища отъ волнъ спасенья,
Одно вслѣдъ за другимъ, спасаясь отъ крушенья,
Въ холодный, горькій валъ
Надежду, радости, мечту свою родную,
Любовь, сокровища, поэзію святую —
На жертву побросалъ.

О, вотъ теперь плывешь ты тихо, одиноко,
Куда волна влечетъ отъ берега далеко,
Спокоенъ и убогъ,
И всѣхъ чуждается твой челнъ осиротѣлый,
И въ немъ остались компасъ да парусъ бѣлый : —
Душа твоя и Богъ !...

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА НА СЦЕНЬ И ВЪ ЧТЕНІИ.

(Статья Чарльза Ламба.)

Прогуливаясь однажды по Уэстминстеру, я былъ пораженъ *позой* статуи, которая, сколько помнится, прежде не обращала моего вниманія. По тщательномъ осмотрѣ оказалось, что это была фигура прославленнаго Гаррика. — Хоть я и далекъ отъ мнѣнія нѣкоторыхъ людей, считающихъ нужнымъ исключать актеровъ изъ общаго для всѣхъ мѣста успокоенія, однако, долженъ сознаться, что былъ неприятно пораженъ театральнымъ видомъ величія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ничто не должно напоминать намъ о пошлой суетности. — Подойдя поближе къ арлекинской фигурѣ, я прочелъ слѣдующія строки: «Для изображенія прекрасной природы, небо вручило Шекспиру магическую кисть, а для распространенія славы Шекспира по всему міру явился Гаррикъ. Хотя формы, созданныя поэтомъ, были преданы смерти, но геній актера воззвалъ ихъ снова къ жизни. Онѣ, подобно поэту, были сокрыты во мракѣ ночи, но бессмертный Гаррикъ вывелъ ихъ на свѣтъ дневной.

Шекспиръ и Гаррикъ, подобно близнецамъ свѣтиламъ, будутъ сіять и освѣщать землю лучами, геніальности».

Я счелъ бы за оскорбленіе для моего читателя всякій критическій разборъ приведенныхъ здѣсь пустозвонныхъ фразъ. Эта надпись навела меня на размышленіе, какимъ образомъ, со временъ здѣсь прославляемаго актера до нашего времени, осталось въ модѣ поздравлять каждаго актера, имѣвшаго счастіе понравиться публикѣ въ одной изъ великихъ трагедій Шекспира, съ душою, родственною душѣ поэта. — Какъ можно смѣшивать способность создавать поэтическіе образы съ способностью только прочесть ихъ переложеніе въ слова*, и какое отношеніе существуетъ между драматическимъ поэтомъ, властвующимъ всецѣльно надъ душой человѣка, и актеромъ, ловко передающимъ зрѣнію и слуху общія выраженія страстей, какъ-то, гнѣва, печали и проч.

Знать внутренній процессъ великой души, наприм. Отелло или Гамлета; *когда, почему и на сколько* онѣ должны быть движимы; до какой степени можетъ дойти страсть; опустить или затянуть ей поводья, когда это нужно, — все это требуетъ способностей, невообразимо большихъ въ сравненіи съ способностью выражать страсти фізіономіей и жестами, которыя, какъ вообще замѣчено, живѣе и сильнѣе у душъ слабыхъ, и могутъ только обозначать гнѣвъ, печаль, и то въ общихъ чертахъ. Причины же и основанія страсти, чѣмъ она отличается отъ той-же именно страсти въ натурахъ низкихъ и пошлыхъ, актеръ не въ состояніи передать ни игрой фізіономіи, ни движеніями тѣла, точно также, какъ глаза (не метафорически) не могутъ говорить, а мускулы произносить внятные слова. — Но такъ велика сила впечатлѣній, воспринимаемыхъ посредствомъ зрѣнія и слуха, въ сравненіи съ медленностью въ воспріятіи впечатлѣній въ чтеніи, что мы въ состояніи не только забыть автора въ пользу актера, но даже слить, ошибочнымъ образомъ, въ одно лицо актера съ характеромъ, имъ представляемымъ. — Для частаго посѣтителя театра трудно отдѣлать идею о Гамлетѣ отъ фигуры и голоса Кембля. Мы говоримъ о леди Макбетъ, тогда какъ дѣйствительно думаемъ о Сиддонсѣ. Заблужденіе, отъ котораго не въ состояніи отрѣшиться многіе грамотные, весьма естественно въ людяхъ, не пользующихся чтеніемъ, а находящихся въ полной зависимости отъ актера, и слѣдовательно

---

* Замѣчательно, что мы это дѣлаемъ исключительно только для драматическихъ произведеній. — Не придетъ же намъ никогда въ голову человѣка, хорошо читающаго Лукреція, назвать великимъ поэтомъ и философомъ; не припомнимъ также, чтобы Тома Дэвиса, книгопродавца, известнаго въ свое время, какъ лучшаго чтеца «Потеряннаго Рая», (хотя трудно повѣрить, чтобы здѣсь не было какого-нибудь недоразумѣнія) кому-либо изъ его друзей вздумалось поставить на одну доску съ Мильтономъ.

за-частую не понимающихъ, что такое авторъ. — Не хочу быть благодарнымъ: я не могу забыть высокаго удовольствія, доставленнаго мнѣ двумя упомянутыми артистами, исполнявшими главные роли въ одной изъ трагедій Шекспира, видѣнной мною въ первый разъ; казалось, что они олицетворили видѣнія, не имѣвшія прежде опредѣленной формы.... Но дорого мы платимъ, въ продолженіе послѣдующей жизни, за это юношеское удовольствіе, за это желаніе опредѣленности. Когда удовольствіе новизны прошло, мы чувствуемъ, что вмѣсто осуществленія идеи, мы низвели только до грубой формы прекрасное видѣніе; упустили чудный сонъ, ища недосягаемой существенности. Какъ жестоко дѣйствуетъ на душу видъ созданій, низведенныхъ до обыкновенной дѣйствительности, мы можемъ узнать по ощущаемому наслажденію при чтеніи пьесъ Шекспира, которыя никогда не были на сценѣ, или мѣстѣ, выпускаемыхъ въ представленіи. Какъ сильно блекнуть и теряютъ прелесть въ декламации лучшія мѣста, выбранныя изъ Шекспира! Признаюсь чистосердечно, что чувствую себя рѣшительно неспособнымъ оцѣнить знаменитый монологъ Гамлета: «Быть или не быть»; даже не рѣшаюсь произнести суда, что онъ хорошъ, дуренъ, или ни то, ни сѣ; до такой степени онъ истасканъ школьниками и взрослыми; онъ вырванъ съ такою безчеловѣчностью изъ органическаго цѣлаго всей пьесы, что сдѣлался для меня совершенно мертвымъ членомъ.

Быть-можетъ, многимъ покажется парадоксомъ, но я того мнѣнія, что пьесы Шекспира менѣе рассчитаны для сцены, нежели пьесы всякаго другаго драматическаго писателя. — Ихъ превосходство тому причиной; въ нихъ столько неподходящаго подъ условія сценическаго представленія, что мимикѣ, голосу, глазамъ рѣшительно нечего дѣлать.

Верхъ славы сценическаго искусства — олицетвореніе страсти и ея переходовъ; чѣмъ грубѣе и вышуклѣе страсть, тѣмъ болѣе власти у актера надъ глазами и ушами зрителей. — Поэтому сцены жаркихъ ссоръ, гдѣ два лица доходятъ до сильнѣйшихъ припадковъ гнѣва, были всегда любимѣйшими на сценѣ; причина ясна: зрители тутъ болѣе возбуждены, они судятъ въ этой войнѣ словъ, необходимый кружокъ вокругъ этихъ «умственныхъ бойцовъ на призы». — Разговоръ здѣсь — предметъ подражанія. — Во всѣхъ же лучшихъ драмахъ, а въ Шекспировскихъ въ особенности, разговоръ (монологъ или діалогъ) только средство и часто чрезвычайно искусственное, чтобъ дозволить читателю проникнуть въ тайникъ души дѣйствующихъ лицъ, до чего бы онъ никогда не достигъ безъ посредства этой формы. Это тоже самое, что романы въ письмахъ; сколько лишняго и неумѣстнаго, напр. въ

Клариссъ, но все это извиняется ради наслажденія, доставляемаго вообще этой формой.

Сценическія требованія низводятъ все до упражненія въ декламаци; какъ бѣшеный Баязеть, такъ и стыдливо-невинная дѣвушка должны разыгрывать оратора. Любовныя рѣчи Ромео и Джульеты, эти серебрязвучныя пѣсни влюбленныхъ, во мракѣ ночи, или болѣе дружескія и полныя прелести разговоры Отелло и Постума съ ихъ женами — обольстительны въ чтеніи, какъ юношескія взаимныя изліянія; но по самой сущности сценическаго представленія, они пачкаются и совращаются съ своего пути, будучи произносимы передъ огромнымъ собраніемъ народа, свидѣтелемъ этихъ нѣжныхъ рѣчей.

Роль Гамлета принадлежитъ къ ролямъ, въ которыхъ все театральныя знаменитости, со времени Беттертона до нашего включительно, старались особенно выказать себя. Величина роли, быть-можетъ, одна изъ главныхъ причинъ. Характеръ этого лица выраженъ въ пьесѣ, и потому мы полагаемъ его способнымъ для сценическаго представленія. Пьеса изобилуетъ мыслями и разсужденіями болѣе всякой другой, и мы считаемъ ее чрезвычайно полезною для нравственнаго образованія публики. Но бѣдный Гамлетъ, что онъ долженъ перестрадать въ то время, когда его вытаскать, какъ школьнаго учителя, чтобы давать наставленія! Девять десятыхъ изъ того, что дѣлаетъ и говоритъ Гамлетъ — чистая борьба съ чувствомъ нравственнаго долга, изліянія его одинокихъ мечтаній, для которыхъ онъ удаляется отъ людей, или скорѣе — молчаливыя размышленія, отъ которыхъ рвется его грудь, выраженныя словами только для того, чтобы читатели вѣдали, что творится въ груди Гамлета. Убѣгающія шума и дневнаго свѣта глубокая печаль и размышленія, не произносимыя даже передъ голыми стѣнами, могутъ-ли быть переданы актеромъ, «махаящимъ картоннымъ мечемъ» и дѣлающимъ своими повѣренными сотни людей? Я не говорю, что это ошибка актера; нѣтъ, онъ долженъ произносить внятно, передавать глазами, жестами, что въ немъ происходитъ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не будетъ имѣть успѣха; онъ долженъ помнить, что его будутъ судить, и слѣдовательно заботиться о своей фигурѣ и игрѣ. И вотъ какимъ образомъ представляютъ скромнаго, не обращающаго на себя вниманія и ищущаго одиночества Гамлета!

Правда и то, что нѣтъ другаго средства для передачи мыслей и чувствъ большинству, не пользующемуся чтеніемъ, и что пріобрѣтеніе умственной пищи такимъ путемъ неощенимо; но вѣдь я и не доказываю, что Гамлета не слѣдуетъ давать на театрѣ, а только что Га

млетъ на сценѣ совершенно не тотъ, что въ чтеніи. Много слышалъ я о чудесахъ игры Гаррика въ этой роли, но не видавши его, остаюсь при мнѣніи, что эта роль не могла быть имъ выполнена, какъ слѣдуетъ. Говорившіе мнѣ о Гаррикѣ особенно восхищались его глазами, магическимъ ихъ дѣйствіемъ на слушателей и повелительностью голоса: условія, необходимыя для актера, безъ которыхъ онъ не въ состояніи производить впечатлѣнія на публику; но спрашиваю всѣхъ и cadaго, что эти качества имѣютъ общаго съ Гамлетомъ и разумомъ?—Въ сценическомъ представленіи вниманіе зрителей обращено на наружность и мимику и слѣдовательно, не на характеръ лица, а на его фигуру, не на то—что, а на то какъ онъ говоритъ. Я того убѣжденія, что еслибъ Гамлетъ былъ снова написанъ кѣмъ—нибудь изъ писателей, въ родѣ Бенкса или Лилло, безъ измѣненія сюжета, то и тогда, лишенный поэзіи, дивныхъ очертаній характеровъ и изумительнаго разума Шекспира, а только наполненный бойкимъ разговоромъ, зачѣмъ конечно не постояли—бы господа въ родѣ Бенкса или Лилло, онъ произвелъ—бы тоже дѣйствіе на публику, и актеръ передалъ—бы Гамлета господа Бенкса, Лилло и компаніи, такимъ же точно образомъ, какъ Гамлета Шекспира. Гамлетъ остался—бы тѣмъ же прекрасно образованнымъ молодымъ принцемъ, съ счастливою наружностью, съ душой потрясенной и нерѣшительнымъ характеромъ, попрежнему жестокимъ къ Офеліи; увидѣвъ духа, онъ былъ—бы пораженъ, но обратился—бы къ нему съ уваженіемъ, узнавши, что это духъ его отца, и такъ далѣе. Все это выразили бы они отмѣнно пошло, какъ писатели, принаравливающіеся ко вкусу публики; но въ такой пьесѣ актеръ могъ—бы выказать всѣ свои способности. Страсти и измѣненія ихъ останутся тѣже, это вовсе не такъ трудно написать, какъ вообще думаютъ; представить же на сценѣ и того легче: пониженіемъ и повышеніемъ голоса, шопотомъ, сопровождаемымъ знаменительнымъ взглядомъ—предвѣстникомъ бури; и до такой степени прилипчиво подражаніе, что какія—бы ни были слова, говоримыя актеромъ, взглядъ и голосъ придадутъ имъ всегда высокое выраженіе страсти.

Нерѣдко слышишь, что пьесы Шекспира такъ естественны, что каждый ихъ можетъ понять; онѣ естественны, — это правда, потому, что глубоко основаны на человѣческой природѣ; но такъ глубоко, что глубина ихъ для большей части изъ насъ не по плечу. Вы услышите отъ однихъ и тѣхъ же лицъ приговоръ, что Жоржъ Бернауэль естественъ и Отелло естественъ, что они оба глубокіе характеры; для этихъ лицъ Жоржъ Бернауэль и Отелло совершенно одно и тоже. Въ театрѣ, при представленіи первой пьесы, эти господа проливаютъ слезы, потому—что молодой человѣкъ, по наущенію

гнутой женщины, убиваетъ своего дядю и такимъ образомъ достигаетъ преждевременнаго и *трогательнаго* конца. Во второй пьесѣ они также льютъ слезы, потому-что мавръ, въ припадкѣ ревности, убиваетъ свою невинную жену, бѣлаго племени, и можно биться объ закладъ, что изъ ста зрителей девяносто-девять были-бы чрезвычайно довольны, еслибъ въ обѣихъ пьесахъ былъ одинъ и тотъ же конецъ. Отелло, по ихъ мнѣнію, болѣе достоинъ веревки, нежели Бернуэлль. Постройка души Отелло, чудно раскрытая со всеми ея силами и слабостями, геройскимъ довѣріемъ, человѣческою подозрительностію и агоніею ненависти, исходящею изъ глубины любви, для нихъ также ясна, какъ для тѣхъ, которые смотрятъ за пенсъ въ телескопъ, внутренняя постройка и топографія луны. Смотрящіе въ телескопъ видятъ что-то, точно также, какъ и зрители видятъ актера, изображающаго какую-либо страсть: печаль или гнѣвъ, и признаютъ это за снимокъ страсти, а часто и символъ, принятый на театрѣ для изображенія той страсти, за самую страсть.

Мы говоримъ про необыкновенную наблюдательность Шекспира, но не хотимъ понять, что не изъ проицанія въ мелочные и ежедневные характеры, насъ окружающіе, но изъ своей души, которая, по словамъ Бена Джонсона, была «сферой человѣчества», онъ извлекалъ образы добродѣтели и знанія, въ которыхъ каждый изъ насъ, узнавая частичку, воображаетъ, что онъ понялъ совершенно все, и зачастую, ошибочно принимаетъ силы, творимыя Шекспиромъ, за собственныя, какъ-бы присущія нашей натурѣ, ждавшія только появленія соответственныхъ добродѣтелей, чтобъ отозваться на нихъ, какъ полное эхо. Но вернемся къ Гамлету.

Изъ замѣчательныхъ свойствъ этого чуднаго характера, самое замѣчательное — горечь души, заставляющая его быть ѣдкимъ съ навязчивымъ Полоніемъ и грубымъ при свиданіяхъ съ Офеліей. Эти признаки разстроенной души — при всемъ нашемъ удивленіи къ Гамлету, мирять съ нимъ только въ-послѣдствіи и объясняются полнымъ знаніемъ его личности и тщательнымъ разборомъ его положенія; но въ своемъ мѣстѣ онъ грубы и неприятны. Необходимость же на сценѣ передавать все сильнѣе, — обыкновенно заставляеть Гамлета выражать повилое презрѣніе къ Полонію, вовсе несогласное съ его благородствомъ и не оправдываемое никакимъ объясненіемъ. Показывать презрѣніе и отворачиваться отъ отца Офеліи, — презрѣніе въ самомъ грубомъ и отвратительномъ видѣ — глупо; но актерамъ за это хлопаютъ: какъ естественно! говоритъ публика, то-есть, слова выражаютъ презрѣніе и актеръ допол-

няютъ ихъ гримасой, движеніемъ, по этому они и судятъ; но зачѣмъ такъ много презрѣнія и выраженнаго такимъ образомъ? имъ и въ голову не придетъ спросить объ этомъ

Тоже самое и съ Офеліей. Всѣ Гамлеты, видѣнные мною, выходятъ изъ себя и кричатъ на нее, какъ—будто она совершила какое-нибудь страшное преступленіе, и лондонская публика довольна, потому—что слова сатирическія, и актеры усиливаютъ ихъ всеми выраженіями негодованія, какое въ состояніи передать голосъ и мимика. Но въ состояніи-ли Гамлетъ, такъ сильно любившій Офелію, предстать предъ нею такимъ образомъ, это до нихъ не касается. Дѣло въ томъ, что у Гамлета, это не гнѣвъ, но глубокая печаль, принимающая видъ гнѣва, — любовь, надѣвающая маску, какъ нѣжное личико, когда оно дѣлаетъ сердитую гримасу. Суровость же и отвращеніе, выказываемыя Гамлетами на сценѣ, не гримаса, а истинное выраженіе отвращенія. Могутъ сказать, что Гамлетъ хочетъ казаться сумасшедшимъ, но въ такомъ случаѣ онъ на столько долженъ выказывать свое мнимое помѣшательство, на сколько его дѣйствительная разсѣянность позволяетъ ему это, то-есть, неполно, несовершенно, а не быть истинно умалашеннымъ.

Говорю, безъ всякаго неуваженія къ актерамъ, что удовольствіе, доставляемое публикѣ пьесами Шекспира на сценѣ, ничѣмъ не отличается отъ удовольствія, доставляемаго пьесами другихъ писателей, тогда какъ драмы Шекспира такъ существенно разнятся отъ другихъ. Изъ этого я заключаю, что должно же быть въ сценическомъ представленіи что-то такое, уничтожающее все отличія. Развѣ не отзываются съ одинаковымъ одобреніемъ объ Игрокъ и Макбетъ, какъ о прекрасныхъ сценическихъ произведеніяхъ, и не хвалятъ мистрисъ Сиддонсъ одинаковымъ образомъ въ роли г-жи Беверлей и въ роли Леди Макбетъ? Бельвейдера, Калиста, Изабелла и Эфразія развѣ менѣе любимы публикой, чѣмъ Имогена, Джульета или Дездемона? Развѣ о нихъ говорятъ и вспоминаютъ иначе? Развѣ актриса въ нихъ не такъ же велика (по ихъ словамъ), какъ и въ другихъ роляхъ? Развѣ Гаррикъ не отличался и не старался отличиться въ пошлыхъ пьесахъ его жалкаго времени — произведеніяхъ Хильса, Мерфиса и Броуна — и онъ долженъ, въ нашей памяти, остаться неразлучнымъ съ Шекспиромъ? Родственная душа!

Гаррикъ, сколько намъ извѣстно, по преданію, не былъ изъятъ отъ низкихъ пороковъ зависти и ревности, жаждалъ пошлаго хлопанья публики, завидовалъ даже актрисамъ, а какъ хозяинъ театра, зналъ и приводилъ въ дѣйствіе все хитрости и тонкости этого ремесла. Что же можетъ быть общаго между нимъ и Шекспиромъ? Я даже подозреваю въ Гаррикѣ достоинство — онъ удивлялся Шекспиру. Истиннымъ же цѣнителемъ его красотъ онъ не

могъ быть, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя; ибо допустилъ ли бы человекъ, понимающій дѣло, вставки всякой дребедени гг. Тета, Сиббера и другихъ, въ несравнимыя ни съ чѣмъ пьесы Шекспира? Я считаю невозможнымъ, чтобы человекъ, уважая Шекспира, могъ рѣшиться читать вставную сцену въ Ричардѣ III, когда тотъ, пробуя разбить сердце своей жены, говоритъ ей, что онъ любитъ другую, а въ сторону: «если переживетъ, то она бессмертна». Не сомнѣваюсь, что этотъ пошлый вздоръ онъ произносилъ съ такимъ же чувствомъ, какъ и подлинныя слова Шекспира, а для произведенiя впечатлѣнiя на публику этотъ вздоръ былъ также дѣйствителенъ, какъ лучшiй монологъ изъ Шекспира.

Недавно еще одинъ актеръ приобрѣлъ себѣ громкую славу за роль Ричарда III; этому обстоятельству мы обязаны посвященiемъ себя въ таинства театральныя представленiя и общиxъ сужденiй о Шекспирѣ по сценѣ.

Въ игрѣ Кембля вы видите только преступленiя, но гдѣ высокiй генiй, глубокий, остроумный Ричардъ Шекспира?

Дѣло въ томъ, что характеры Шекспира скорѣе предметы созерцанiя, чѣмъ любопытства, въ своихъ дѣйствiяхъ. Читая какой-либо изъ его преступныхъ характеровъ, какъ-то: Макбета, Ричарда, даже Яго, — мы не столько думаемъ о дѣлаемыхъ ими преступленiяхъ, сколько о честолюбивыхъ замыслахъ, умственной дѣятельности, заставляющихъ ихъ перескакивать нравственныя преграды. Бернуэль же просто гнусный убiйца; его шея имѣетъ что-то общее съ веревкой. — Всякiй, сколько-нибудь мыслящiй человекъ не станетъ и искать облегчительныхъ обстоятельствъ въ его пользу, чтобъ сдѣлать его предметомъ состраданiя. Или возьмемъ другой примѣръ: что такое Гленолвонъ, какъ не обыкновенный убiйца? Можемъ ли мы думать о чемъ-нибудь иномъ, какъ о преступленiи, имъ сдѣланномъ, и о висѣлицѣ, имъ заслуженной? Въ соответственныхъ же характерахъ у Шекспира такъ мало насъ занимаютъ ихъ дѣйствiя, сравнительно съ ихъ побужденiями, постройкой души во всемъ ея извращенномъ величii, что она только и приковываетъ наше вниманiе, а преступныя ихъ дѣйствiя сравнительно — ничто. Но когда мы видимъ эти лица на сценѣ, то ихъ дѣйствiя сравнительно — все, а побужденiя — ничто. Высокое ощущенiе доставляютъ намъ образы ночи и ужаса, вызываемые Макбетомъ, — эта торжественная прелюдiя, приготовляющая часъ убiйства Дункана, — когда мы ее читаемъ. Но когда передъ нами не образъ, а живой человекъ, готовый совершить преступленiе, то тяжелое безпокойство о преступленiи, и естественное желанiе предупредить его, рождаетъ тягостное чувство, совершенно уничтожающее наслажденiе.

Только чудные образы и дивная поэзія предстоятъ предъ душой нашей въ чтеніи.

Тоже самое и съ Лиромъ на сценѣ. Видѣть старика, едва влачащаго ноги, въ дождь и бурю, по милости безсердечныхъ дочерей, выгнавшихъ его изъ дому, тяжело и возмутительно. — Мы желаемъ помочь ему и пріютить его; вотъ чувства, возбужденныя во мнѣ представленіемъ Лира. Лиръ Шекспира не долженъ быть на сценѣ. Жалкія машины, передразнивающія бурю, во-время которой скитается Лиръ, на столько же способны передать ужасы разыгравшихся силъ природы, на сколько актеръ изобразить Лира. — Скорѣе можно допустить на сценѣ олицетвореніе одной изъ фигуръ Микеля-Анджело. — Величіе Лира не въ тѣлесныхъ размѣрахъ, но въ умственныхъ: взрывы его страсти ужасны, какъ изверженія волкана: — это бури, разверзающія морскую бездну, его душу, со всеми ея богатствами. Передъ нами раскрыта вся дѣла его, и какое намъ дѣло до сосуда души, на который онъ самъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. На сценѣ мы ничего не видимъ, кромѣ тѣлесныхъ немощей и безсилія гнѣва; читая же, мы не видимъ Лира, но мы сами Лиръ, — мы въ его душѣ, мы поддерживаемъ величіемъ, презирающимъ злость дочерей и ярость бури. — Въ заблужденіи его разума мы видимъ мощь духа, непримѣняемаго къ обыденнымъ вопросамъ жизни, но являющагося во всей своей красѣ, какъ вѣтеръ на свободѣ, въ размышленіяхъ о развратѣ и заблужденіяхъ человѣческихъ.

Счастливыи конецъ почти необходимъ для сцены. — Какъ будто мученической вѣнецъ, заживо принятый Лиромъ, и пытка всехъ его чувствъ, — недостаточны, чтобъ видѣть, что ему ничего болѣе не осталось, какъ сойти со сцены жизни? — Если послѣ всехъ его страданій онъ можетъ быть счастливъ и нести бремя жизни, то спрашиваю, изъ чего-же было столько шуму—для чего у насъ было вырвано столько сочувствія? — Какъ будто въ его годы и съ его испытаніями ему что нибудь осталось желать кромѣ смерти?

Лиръ рѣшительно невозможенъ для представленія! Но сколько у Шекспира есть драматическихъ характеровъ, которые, хотя удобнѣ для представленія (если можно такъ выразиться), чѣмъ Лиръ, но по какимъ-нибудь обстоятельствамъ не могутъ или не должны быть видимы тѣлесными глазами. Таковъ, на примѣръ, Отелло. Ничто не можетъ быть лестнѣе и пріятнѣе для того, что въ насъ есть самага благороднаго, какъ читать про молодую венеціанку, высокаго происхожденія, которая изъ любви и уваженія къ заслугамъ человѣка, ею любимаго, забываетъ свою родню, отчизну и даже цвѣтъ лица мавра, и выходитъ за него замужъ. Не

величайшее ли это торжество добродѣтели надъ случайностями и воображенія надъ чувствами? Она видитъ цвѣтъ лица Отелло чрезъ его душу; но на сценѣ, гдѣ воображеніе не господствующая способность и мы оставлены на произволъ нашихъ бѣдныхъ тѣлесныхъ чувствъ, — спрашиваю всякаго, не случилось-ли съ нимъ совершенно противнаго, и не былъ ли онъ возмущенъ ласками и нѣжностями Дездемоны? Наши глаза, развѣ въ состояніи, видя Отелло на сценѣ, воспользоваться прекрасною недоглядкой, дѣлаемой нами въ чтеніи? Причина, почему зрѣніе не можетъ этого сдѣлать ясна. Дѣйствительность достаточно передаетъ намъ непріятное впечатлѣніе и весьма недостаточно вѣру во внутреннія причины всего, что невидимо, — чтобъ переспелить и побѣдить первое и естественное предубѣжденіе.

На сценѣ мы видимъ формы тѣла и ихъ движенія; въ чтеніи же насъ исключительно занимаетъ душа и ея побужденія; это, я полагаю, можетъ служить объясненіемъ различнаго рода наслажденій, доставляемыхъ намъ тою же самою пьесой, въ чтеніи и при представленіи.

Немного требуется усилій для того, чтобъ понять, что лица Шекспира, если они не выходятъ изъ условій человѣческой природы, понимаются полнѣе воображеніемъ, и умаляются, принимая органическія формы. Но какъ сильно должны терять тѣ пьесы Шекспира, гдѣ онъ вводилъ существа сверхъестественныя, для усиленія ужаса или чудеснаго, а также и для того, чтобъ удалить всякое подобіе съ обыденной жизнью, въ сходствѣ съ которой заключается, по мнѣнію многихъ, пошло понимаемое превосходство. Читая заклинанія трехъ страшныхъ существъ, — вѣдьмъ, въ Макбетѣ, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ адскихъ снадобій ихъ смѣшны и забавны, дѣйствіе производимое на насъ этимъ заклинаніемъ все-таки ужасно! Не чувствуемъ-ли мы себя также околдованными, какъ Макбетъ, и въ состояніи-ли мы смѣяться въ ихъ присутствіи? Попробуйте же перенести эти существа на сцену, и вы непременно изъ нихъ сдѣлаете старушонку, надъ которыми невольно расхохочутся, какъ взрослые, такъ и дѣти. Смѣхъ на счетъ вѣдьмъ, при представленіи, служитъ намъ въ родѣ вознагражденія за ужасъ, претерпѣнный при чтеніи. Мы вѣримъ въ эти сверхъестественныя существа, отдавая свой разсудокъ поэту, какъ дѣти, слушающія страшныя сказки кормилицъ и нянекъ. Мы смѣемся надъ своимъ страхомъ, какъ тѣже дѣти, когда они вообразятъ, что видѣли что-то въ темной комнатѣ, и потомъ храбрятся, при принесеніи свѣчи, видя что страхъ ихъ былъ напрасенъ. Представленіе сверхъестественныхъ существъ на сценѣ тоже, что внесеніе свѣчи для уничтоженія заблужденія. Книга и одинокая свѣча порождаютъ вѣру въ подобные ужасы. Видѣніе же или духъ

при освѣщеніи и въ большомъ обществѣ не обманетъ зрителей, — духъ, котораго вы ясно видите и въ опредѣленныхъ формахъ—вовсе не страшенъ. Хорошо освѣщенная зала и толпа народу вооружать какого хотите слабонерваго ребенка противъ всякихъ опасеній.

Много и справедливо было сказано въ упрекъ Драйдену за его пошлыя вставки въ «Бурю» Шекспира; но нѣтъ сомнѣнія, что безъ его жалкой примѣси, оскверненныя уши того вѣка не въ состояніи были бы выслушать невинности и чистоты любви Фердинанда и Миранды. Да развѣ Буря можетъ быть дана на сценѣ? Можно читать о волшебникѣ и вѣрить въ чудную сказку, пока ее читаешь; но видѣть предъ собой колдуна въ какомъ то балаганномъ костюмѣ, окруженнаго духами, до такой степени нелѣпо, что при всемъ нашемъ уваженіи къ поэту, мы не можемъ не чувствовать въ высшей степени ребячества попытки и ничтожности средствъ дѣйствовать такимъ-образомъ на наши чувства. Духи и видѣнія не могутъ быть представляемы не только на театрѣ, но и въ живописи;—въ нихъ можно только вѣрить. Заботливость о вѣрности и роскоши сценической постановки, требуемая въ настоящее время, производятъ дѣйствіе, совершенно противоположное намѣренію автора.—Что въ комедіяхъ или пьесахъ изъ общественной жизни помогаетъ подражанію дѣйствительности, то въ пьесахъ, имѣющихъ дѣло съ болѣе высшими способностями, положительно уничтожаетъ всякій обманъ. Зала, бібліотека съ выходомъ въ садъ, улица, площадь могутъ еще быть представлены на сценѣ, ибо мы вѣримъ на слово, что это такъ, или лучше: мы мало объ этомъ заботимся; для насъ это немного болѣе, чѣмъ прочтеніе въ книгѣ: «театръ представляетъ садъ»; мы не воображаемъ себя въ саду, но допускаемъ подражаніе обыкновеннымъ предметамъ. Но, съ помощью нарисованныхъ деревьевъ и пещеры, перенести насъ на очарованный островъ Проспера*, или посредствомъ скрытой за кулисами шкатулки, заставить насъ вѣрить въ тѣ сверхъестественныя звуки, которыми полонъ островъ, не тоже-ли-же самое, что искусно разставленными стаканами передавать гармонію міровъ? Декорации тѣсно связаны съ костюмами, на которые такъ много обращается вниманія. Помню живо непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня при представленіи Макбета безпрестанной перемѣной костюмовъ. — Читая Макбета, въ какомъ костюмѣ мы его себѣ представляемъ? — Видимъ-ли мы глазами души нашей то, что смастерить всякій порядочный костюмеръ? — Чтеніе даетъ воображенію на столько внѣшняго, на сколько намъ нужно чувствовать себя

* Скажутъ, что это передается живописью; но кулисы и картины двѣ вещи разныя. Живопись—особый міръ, а кулисы пишутся единственно для обмана зрителей.

среди лицъ, созданныхъ также изъ плоти и крови, въ то время, какъ лучшая и высшая часть нашего воображенія употреблена на вниканіе въ мысли и внутреннее построеніе характеровъ. При представленіи-же декорацин, костюмы и прочіе вздоры растрачиваютъ наше воображеніе на сужденіе объ ихъ естественности.

Быть-можетъ, сравненіе послужитъ къ большому уясненію нашей мысли, и потому мы уподобимъ удовольствіе, получаемое отъ представленія одной изъ чудныхъ трагедій Шекспира, и тихое наслажденіе, доставляемое ея чтеніемъ, съ чувствами рецензента и любителя литературы при чтеніи прекрасной поэмы. Проклятая привычка рецензента — произносить приговоръ, ставить его совершенно въ иное отношеніе къ поэму, чѣмъ простаго любителя;—въ театрѣ мы все рецензенты. Когда Гамлетъ сравниваетъ перваго и втораго мужей Гертруды, кому какое дѣло до портретовъ? Но на сценѣ должны быть портреты, хотя намъ очень хорошо извѣстно, что это не настоящіе портреты ея мужей. Это-то показываніе ставитъ все на одну доску, а потому поклоны, выходы, расшаркиванья пользуются такимъ важнымъ значеніемъ. Мистрисъ Сиддонсъ болѣе всего снискала себѣ славы поклономъ, которымъ отлучаетъ гостей въ Макбетъ, въ сценѣ пира; этотъ поклонъ пользуется такимъ-же воспоминаніемъ, какъ пронзавшіе сердце звуки ея голоса и глаза, полные выраженія. При чтеніи этой страшной и чудной сцены, кому изъ читателей дѣло до такого вздора, какъ поклонъ? Не всели равно имъ, какъ разбѣгутся пирующие, эффектно или нѣтъ?— При представленіи же и сужденіи о представленіи все эти бездѣлки получаютъ огромное значеніе, въ ущербъ главнаго интереса пьесы.

Я ограничилъ свои замѣчанія только трагедіями Шекспира, хотя, безъ большаго труда, можно было-бы распространить ихъ и на его комедіи, и доказать, почему Фальстафъ, Шейлокъ, Сэръ Гюгъ Ивонсъ и другіе равно невозможны для сцены; но замѣчанія и безъ того длинны, а главное, боюсь, что непріятны посѣтителямъ и любителямъ сценическихъ представленій.

Edimb. Rev.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

1 Черное домино или Тайнственная маска. Комедія, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, сочиненіе *Скриба*, (дебютъ дѣвицы Гольцъ).

Маскарадъ. Сцена изъ комедіи, *Лермонтова*.

2 Дитя тайны. Фарсъ-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго, *Н. А. Сабуровымъ*.

Дивертисманъ — изъ декламации, пѣнія, танцевъ и живыхъ картинъ.

(*Бенефисъ 1-жи Валберховой*).

Слово «пусто» — одно изъ самыхъ раздражительныхъ словъ во всѣхъ живыхъ и мертвыхъ языкахъ... И мы отъдуши вѣримъ бенефициантамъ, что въ день ихъ праздника самый злѣйшій врагъ ничего не

можетъ для нихъ придумать хуже этого слова. При этомъ «пусто», даже и у людей, едвали сколько-нибудь сочувствующихъ хозяину афиши, дѣлается какъ-то особенно «пусто» на сердцахъ. Нигдѣ такъ не ощущается впечатлѣніе грустное и тяжелое, какъ въ театрѣ, при микроскопическомъ сборѣ посѣтителей .. Самое освѣщеніе какъ-то кажется недостаточнымъ, партеръ расширяется и растетъ въ глазахъ наблюдателя, нестройные звуки настраиваемыхъ въ оркестрѣ инструментовъ, напоминаютъ какую-то пародію на плачь арабовъ, разбитыхъ въ стычкѣ; и только на высотѣ недосыгаемой, въ полуциркулѣ пятого яруса — веселый говоръ неприванныхъ диллетантовъ еще напоминаетъ о небольшомъ числѣ признательныхъ поклонниковъ русской музыки. Не въ одинъ бенефисъ намъ приходилось раздумываться надъ этою старою мыслью, но въ бенефисъ г-жи Валберховой пришлось задуматься и крѣпко, и внимательно.

Было довольно пусто и въ бѣнуарахъ, и въ бель-этажѣ, и выше, и ниже! Очень было пусто, несмотря на довольно удачно составленный бенефисъ. Г-жа Валберхова — одна изъ заслуженныхъ артистокъ нашей сцены, и не ея вина, что миновалось время трагическихъ наперсницъ и пышныхъ маркизъ, мушекъ и роброновъ — стараніе осталось при ней, желаніе угодить публикѣ — также. Можемъ сказать безъ всякаго преувеличенія, что бенефициантка употребила все средства, чтобы составить спектакль интересный и заманчивый, и что, вслѣдствіе того, пустота въ театрѣ, была тѣмъ болѣе ощутительна.

Мы не скажемъ новости, если повторимъ чужую фразу: «что пьеса Скриба — будь она хотя старѣе семидесятилѣтней морщины — всегда съ успѣхомъ можетъ замѣнить водевильную новость нашего времени». «Черное домино», — не комедія собственно, а оперное либретто — и хотя не изъ лучшихъ пьесъ Скриба, но много выигрываетъ новизною положеній, въ которое поставлены здѣсь дѣйствующія лица. Въ-самомъ-дѣлѣ, что можетъ-быть интереснѣе положенія молоденькой пансіонерки, невинное желаніе которой побывать въ маскарадѣ приводитъ ее къ такой безднѣ встрѣчъ и ошибокъ, которыя, разумѣется, по непреложнымъ законамъ всѣхъ комедій — кончаются свадьбой. Мы не рассказываемъ содержаніе этой давно извѣстной пьесы, а напомнивъ только объ ея основной интригѣ, — обращаемся къ игрѣ артистовъ. Для многихъ, разумѣется, комедія эта, кромѣ своего удачнаго содержанія, имѣла двойной интересъ, вслѣдствіе дебюта дѣвицы Гольцъ — въ роли Анжелы. Старые судьи драматическихъ артистовъ имѣютъ обыкновеніе, послѣ каждаго дебюта новаго персонажа, повторять давно извѣстную фразу: «Опредѣлить талантъ г-жи или г-на (имя рекъ) съ перваго дебюта еще невозможно; подо-

ждемъ послѣдующихъ дебютовъ... Посмотримъ и оцѣнимъ». Но отдѣляться фразами всего легче въ дѣлѣ, гдѣ опредѣлительный приговоръ — можетъ и не оправдаться въ-послѣдствіи. Дѣйствительно, по первому дебюту артиста можно только судить о природныхъ его средствахъ, а талантъ приходитъ послѣ, вмѣстѣ съ сценическимъ образованіемъ и опытностію. Г-жа Гольцъ — дочь заслуженнаго танцовщика — имѣетъ всѣ данныя для пріятнаго сценическаго явленія; остается ихъ — дополнить рутинною, и тогда мы не сомнѣваемся, что она сдѣлается очень хорошей актрисой. Для перваго дебюта она сдѣлала много, именно — удостоилась троекратнаго вызова. По нашему мнѣнію, лучшимъ изъ мѣстъ, исполненныхъ ею въ этой пьесѣ, была сцена, требующая не одного умѣнья прочесть роль, но и игры лица, и внутренняго душевнаго движенія. Мѣсто это, вѣроятно, осталось у многихъ въ памяти... Трудно даже и опытной артисткѣ высказать столько страха, волненія и этой комической, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающей сочувствіе — робости, какая олицетворилась въ игрѣ дѣвицы Гольцъ, въ сценѣ, когда дѣвушка, скинувъ свой маскарадный нарядъ — прислуживаетъ тому, отъ преслѣдованій котораго бѣжала изъ маскарада.

Г. Сабуровъ, какъ извѣстно, перелагаетъ французскіе фарсы на русскій ладъ. На нынѣшній разъ онъ подарилъ зрителей шуткою «Дитя тайны», невѣроятною — до нелѣзья, но и смѣшною — до невѣроятности.

Разсказываютъ, что весьма недавно, какой-то сумасшедшій каменщикъ, въ Парижѣ, вообразилъ себя новымъ Икаромъ и — бросился изъ четвертаго этажа больницы — на мостовую. Разумѣется, что новый Икаръ, какъ и старый — полетѣлъ книзу и разбился. Другой чудакъ, въ томъ же Парижѣ, ш-г Ротоманусъ, слѣпилъ алебастровую куклу и, усиливался послѣдовать примѣру Пигмалиона. Созданіе Ротомануса было такъ хрупко, что разлетѣлось въ дребезги отъ неосторожнаго толчка хорошенькой Доротен — дочери сумасброднаго скульптора. Дѣвушка, въ испугѣ, нашла только одно средство поправить бѣду: на мѣсто куклы, она усадила своего возлюбленнаго Филиппа, явившагося къ ней на свиданіе. Филиппъ, хлѣбнувшій какого-то снотворнаго зелья, крѣпко заснулъ въ своемъ футлярѣ — и очнулся уже отъ восторговъ счастливаго Ротомануса, вообразившаго, что его статуя дѣйствительно ожила. Можно себѣ представить, сколько изъ этаго нелѣпаго положенія истекаетъ смѣшныхъ сценъ. Ротоманусъ, въ восторгѣ, кормитъ до нелѣзья; обнимаетъ и цѣлуетъ свое воспроизведеніе, — и когда находится дѣйствительный отецъ, этого дѣтища Ротоманусъ готовъ разбить молотомъ созданіе своего рѣзца, и только снисходя на просьбу своей дочери, измѣняетъ намѣреніе и даетъ согласіе на бракъ влюбленныхъ молодыхъ людей.

Нечего и говорить, что въ пьесѣ, построенной на такой несбыточной мысли, на долю артистовъ выпадаетъ очень немного. Въ такія пьесы, хотя и легкія, какъ Галатея, ни одинъ исполнитель Пигмалионъ не вдохнетъ души, и наши любимые комики, г. г. Мартыновъ и Марковецкій, въ роляхъ Ростомагуса и Филиппа, были только вѣрными исполнителями каррикатуры... Дѣло невольное, и требовать отъ нихъ большаго — никто не вправѣ!

Съ нѣкоторыхъ поръ, сколько можемъ замѣтить, дивертисманъ сталъ неперемѣнною принадлежностію бенефисной афиши, и что еще замѣчательнѣе, эти дивертисманы составляютъ самую стройную и лучшую часть бенефисовъ. Тоже должны мы сказать и о дивертисманѣ госпожи Вальберховой: онъ скрасилъ весь бенефисъ, и едва ли не доставилъ зрителямъ наибольшее удовольствіе во всемъ спектаклѣ.

Въ извѣстномъ водевилѣ «Сэръ--Жакъ, или не угодно ли вамъ быть повѣшеннымъ?», почтенный мистеръ Пуддингъ очень часто повторяетъ «порядокъ!». Но нѣтъ правила безъ исключенія, иногда изрѣченіе строгаго Пуддинга должно забытъ поневолѣ. Сказавъ о бенефисѣ госпожи Вальберховой, намъ, для *порядка*, слѣдовало перейти къ бенефису госпожи Дюръ... Но, здѣсь-то порядокъ дѣло не нужное. Читатели рѣшительно ничего не потеряютъ, если мы совершенно умолчимъ объ этомъ бенефисѣ. Въ числѣ составлявшихъ его четырехъ пьесъ, мы встрѣтили такихъ дряхлыхъ знакомцевъ, которые даже отстали отъ нашего языка, и далеко не отвѣчаютъ требованіямъ современной драмы, совершенно равнодушной къ никотину, кинжаламъ, кровомщенію, подземельямъ, пожарамъ; словомъ, ко всему, что украшено ярлыкомъ съ надписью: *раздирательно!* Одно только можетъ удивлять почитателей прекраснаго таланта госпожи Дюръ, что она, — артистка, давно пользующаяся правомъ на званіе актрисы умной и вполне понимающей свое назначеніе, при каждомъ своемъ бенефисѣ возобновляетъ такую старину, которая и въ молодости ничего не общала путнаго!

II.

Современный расчетъ на счастье, оригинальная драма въ 2 картинахъ; соч. П. И. Калашникова.

Плащъ или сонъ мужа, ком. въ 1 дѣйст. въ стихахъ М. А. Оффросимова.

Дядюшка, Федоръ Ивановичъ Русаковъ, оригин. ком. въ 1 дѣйст. соч. Г. И. К.

Солдаты Балагуръ, или Дружба-дружкой, а служба-службой. Оригинальная интермедія-водевиль, въ 1 дѣйств. Соч. П. Григорьева 1.

(Бенефисъ г. Григорьева).

Прослѣдивъ бенефисную афишу г. Григорьева 1, вниманіе любопытнаго невольно останавливается на заглавіи первой пьесы, на заглавіи, которое заставляетъ сдѣлать самому себѣ вопросъ: «А что такое, въ-самомъ-дѣлѣ, современный расчетъ на счастье?» Какой-нибудь, шутникъ пожалуй, скажетъ съ проницеской улыбкой: «Лотерейный билетъ, калифорнійскія розсыпи и фабрикація папирозъ». Не таковъ этотъ расчетъ въ драмѣ г. Калашникова—и кто, и на кого, и на что тутъ рассчитываетъ—рѣшайте сами.

Марья Сергѣевна, хорошенькая и молоденькая внучка бѣдняка Петра Михайловича, любила когда-то, даже любить еще и въ *первой картинѣ* Евгенія Бецкаго. Молодые люди разстались. Бецкой уѣхалъ на Кавказъ. Машенька, съ своими мечтами, о миломъ осталась въ Петербургѣ. Въ это время къ ней присватывается богатый господинъ — Свищенковъ. Братъ Машеньки, находя въ выгодномъ женихѣ для своей сестры — единственное средство избавиться отъ разныхъ житейскихъ лишеній, объявляетъ дѣвушкѣ, что бывшій ея женихъ женился... Машенька, платя за измѣну измѣною, отдаетъ свою руку Свищенкову... Какъ вдругъ неожиданно является Бецкой, и своими упреками обнаруживаетъ обманъ. Онъ хочетъ ее увезти на край свѣта, — она, въ свою очередь, начинаетъ раздумывать о минувшемъ.... Но всѣ эти намѣренія юнаго героя и слезы молодой Свищенковой — кончаются, какъ и всегда—ничемъ.—Мы избавляемъ себя отъ всякаго разбора пьесы, которой содержаніе сейчасъ рассказали.... Дѣло само хвалить мастера!— Скажемъ только, что насъ удивляютъ тутъ двѣ вещи: почему это *драма?* и почему—*современный расчетъ на счастье?*

Не будь въ этой пьесѣ г-на Самойлова, мастерски создавшаго роль старика-дѣда, пьеса, вѣроятно, не дождала-бы до чести втораго представленія.

Пьеска «Плащъ», сшита такъ давно, что мы не будемъ рассказывать почти всѣмъ знакомый «Сонъ мужа»... Г-жа Вѣра Самойлова занимала въ этой легкой шуткѣ главную роль—нужно ли прибавлять, что эту довольно неестественную интригу всѣ прослушали съ величайшимъ наслажденіемъ?

«Дядюшка, Ѳедоръ Ивановичъ Русаковъ», очень милый водевильный дядюшка, весьма похожій на всѣхъ своихъ собратій, давно умершихъ и будущихъ. Слабости его велики, но и великодушіе его неисчерпаемо. Влюбленный на старости лѣтъ, кажется, въ свою воспитанницу, онъ скоро сознаетъ свою ошибку, и не желая, какъ говорится, заѣдать чужой вѣкъ — отдаетъ сиротку тому, съ кѣмъ сдружилъ ее сердце. Правда, въ этой вседневной пьескѣ нѣтъ ни новыхъ положеній, ни замысловатости въ планѣ — но зато роль стараго и богатаго старика обрисована довольно удачно... Ктому же эта роль была прекрасно исполнена г. Мартыновымъ.

Солдаты-Балагуръ—нѣсколько сценъ, довольно ловко подмѣченныхъ и выбранныхъ изъ крестьянскаго быта. Тутъ староста, пользуясь довѣріемъ барина, распоряжается въ своемъ селѣ, какъ слонъ на воеводствѣ—и повторяя безпрестанно «что онъ-де начальство», дѣлаетъ всякія неправды. Но нашла коса на камень. Отставной вахмистръ Щукинъ, артельный краснойбай, молодець на слова, удача на выдумку, проживающій въ томъ же селѣ — счелъ продѣлки плута, да и написалъ о нихъ граматку барину. Жалоба имѣла успѣхъ. Старосту смѣнили, удовлетворили обиженныхъ, а Щукина сдѣлали въ селѣ *набольшимъ*. Очень хорошо обрисовано лицо Вахмистра. Его прибаутки, пословицы и поговорки довольно характерны и близки къ натурѣ. Но особенно замѣчательны въ пьесѣ, по своей народности и правдѣ, лица молодыхъ ямщиковъ. Ихъ манера выражаться, ихъ ухватки и неизбѣжное *слово съ проста*, прямо схвачены съ природы. Эта интермедія, украшенная куплетами и рускими пѣснями, съ удачнымъ выборомъ для нихъ музыки, — исполняется отчетливо. Бенефициантъ, въ роли Щукина, и г. Самойловъ, въ роли старосты, удвоили интересъ пьесы.

III.

Пиръ у поэта Катула. Сцены изъ римскаго быта, въ стихахъ, соч. Гр. Данилевскаго.

«Сотрудники, или чужимъ добромъ не наживешься». Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, графа В. Соллогуба.

«Туда и сюда, или курьезный закладъ». Водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненія Нестроя, передѣланный съ нѣмецкаго П. Каратыгинымъ.

«Современная свадьба или Возвращеніе съ Нижегородской ярмарки». Интермедія въ одномъ дѣйствіи—съ пѣніемъ и плясками.

(Бенефисъ Каратыгина 2).

Всегда или почти всегда—петербургская публика привыкла встрѣчать въ бенефисахъ г. Каратыгина 2, пьесы собственно имъ написанныя, или заимствованныя и передѣланныя. Но вотъ уже два года, какъ г. Каратыгинъ не произвелъ ничего оригинальнаго и даже не порадовалъ своихъ почитателей ни одною передѣлкою. Говоримъ это не въ укоръ нашему талантливому артисту. Но у насъ такое ограниченное число писателей для сцены, что молчаніе г. Каратыгина не можетъ быть неощутительно и незамѣчено.

Во всякомъ случаѣ, бенефисъ г. Каратыгина можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ бенефисовъ послѣдняго времени. Достоинство его выручалось разнообразіемъ и именами авторовъ, которые украсили его афишу! «Пиръ у поэта Катулла», хотя легкое, но прекрасное произведеніе молодаго писателя, извѣстно уже по своему содержанію читателямъ «Пантеона». Мысль пьесы нова и оригинальна. Стихъ ея гладокъ, легокъ и силенъ. Прекрасно обставленная, она еще болѣе выиграла на сценѣ, и авторъ удостоился вызова. Радуюсь его успѣхамъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не поблагодарить и исполнителей. Нельзя не замѣтить, что на долю г. Мартынова выпала роль довольно неблагоприятная, Пандора. По ходу пьесы артисту приходилось выдержать одно изъ трудныхъ сценическихъ мѣстъ, основанныхъ на нѣмой игрѣ фязіономіи и г. Мартыновъ былъ превосходенъ въ этомъ мѣстѣ.

«Сотрудники» или «Чужимъ добромъ не наживешься» остроумная пьеса, напечатанная года два тому въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», о которой говорилось много разъ, и которая только впервые появилась на сценѣ. Содержаніе ея не превышаетъ общаго водевильна-

го интереса. Достоинство ея — умная сатира на тѣхъ печальныхъ ра-
тоборниковъ, изъ которыхъ для однихъ славянская ижица, а для дру-
гихъ западный дендизмъ составляютъ альфу и омегу премудрости. Въ
лицѣ ученаго москвитянина съ бородкой, г. Максимовъ былъ мастерскимъ
вѣрнымъ олицетвореніемъ мысли автора. Г. Самойлову — вѣроятно, не
удалось еще изучить Вихляева, — г. Панаева, а то онъ придалъ бы еще
больше истины представляемому имъ лицу.

О другихъ пьесахъ, послѣ произведеній гг. Соллогуба и Данилев-
скаго, мы говорить не рѣшаемся. Онѣ родились шутки ради и для одно-
го вечера.

Въ заключеніе можемъ сказать, что лучшимъ удовольствіемъ во
всѣ исчисленные нами бенефисы было пѣніе г-жи Леоновой. Эта мо-
лодая артистка, такъ недавно начавши свое сценическое поприще,
успѣла уже всѣхъ и каждого расположить въ пользу своего сильного
и прекраснаго дарованія.

В. С.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ

Нѣсколько словъ о размноженіи провинціальныхъ театровъ: — *Театръ въ Полтавѣ*. — *Полтавскій театръ* во-время ярмарки. — Водевили, драмы, комедіи. — Наше мѣсто о г. Зубовичѣ. — *Херсонскій театръ*: бенефисы гг. Бурмикаго и Ижорскихъ. — *Вышневолоцкій театръ*: бенефисъ г. Милославскаго. — Сравненіе труппы Иванова съ труппою Сутугина. — Г. Нѣмовъ и г-жа Акимова. — *Харьковскій театръ*: бенефисъ г. Алексѣева. — Приятная новость. — Составъ труппы. — Двѣ пьесы мѣстнаго произведенія. — Студентъ-Мазурка.

«Давно я не помню, говоритъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, чтобы на страницахъ «Пантеона», такъ часто встрѣчались извѣстія о «провинціальныхъ театрахъ». Дѣйствительно, и мы готовы сознаться, что слѣдя постоянно за ходомъ и успѣхомъ сценическихъ удовольствій въ нашихъ провинціяхъ, только впервые встрѣчаемъ такое наводненіе талантовъ, труппъ и антрепренеровъ. Едвали не каждый уголокъ въ Россіи, едвали не каждый уѣздный городъ, каждое невзрачное мѣстечко имѣютъ, въ настоящее время, свой театръ, свою размалеванную кулису, своего театральнаго плотника, онъ же и машинистъ,

свой репертуаръ, и даже своего капельмейстера... Ну, словомъ, все свое, и развѣ только бѣдные актеры занимаютъ иногда у своихъ поклонниковъ, на время спектаклей, то фракъ, то шляпу; бываютъ случаи, въ которыхъ одоужаются и тарелками. Отъ Тобольска до Севастополя и отъ Варшавы до Тифлиса, крестомъ исходи всю Россію, вездѣ встрѣтятся удивительные комики и еще удивительнѣйшіе трагики. Пѣвцовъ съ очаровательнымъ голосомъ и легкихъ сильфовъ — безъ ногъ, не перечесть. По послѣднимъ извѣстіямъ оказывается даже, что нѣкоторые города, не удовольствовавшись однимъ театромъ, завели ихъ два; какъ на примѣръ Полтава и Кишеневъ. Новость перваго города еще не приводитъ насъ въ изумленіе; во второмъ же намъ страшно за того изъ антрепренеровъ, который не считаетъ въ достойныхъ сочленахъ своей труппы г-жу Кравченкову, о которой мы говорили въ маѣ мѣсяцѣ, и для которой кишеневская муза такъ страстно плакала рюмованными слезами... Но предлагаемъ прочитатъ донесенія нашихъ почтенныхъ корреспондентовъ.

ТЕАТРЪ ВЪ ПОЛТАВѢ.

Мало есть губернскихъ городовъ въ Россіи, которые-бы имѣли, такъ какъ городъ Полтава, два театра. Первый изъ нихъ, такъ называемый театръ *Малый*, устроенъ внутри городского сада, въ бывшемъ воксалѣ, въ 1849 году, по случаю открытія монумента Петру I на большой Петровской-площади; второй театръ, *Большой*, построенъ въ настоящемъ году, по случаю перевода Ильинской-ярмарки изъ г. Роменъ въ Полтаву.

Зданіе Малаго-театра небольшое; оно ограничивается 13 ложами, 120 креслами и галлереей; полный сборъ простирается до 250 рублей серебромъ. Такъ какъ сцена этого театра небольшая, то спектакли ограничиваются одноактными драмами и водевилями, болѣе или менѣе удобными для постановки. При полномъ сборѣ, въ театрѣ душно и тѣсно. Эти неудобства заставили харьковскую театральную дирекцію, построить въ Полтавѣ театръ Большой — съ тремя ярусами ложъ, 240 креслами, партеромъ и галлереей. Фасадная сторона его выходитъ на Мало-Петровскую-улицу, недалеко отъ Института благородныхъ

дѣвиць и Училища канцелярскихъ служителей, а цѣлое зданіе вдается во внутрь городского сада. Зданіе это обошлось дирекціи почти въ 30,000 рублей серебромъ, полный же сборъ его простирается до 1500 рублей серебромъ. Стало-быть, при 25 полныхъ сборахъ дирекція съ избыткомъ вознаграждаетъ свои издержки. О внутреннемъ украшеніи въ настоящее время ничего нельзя сказать. Театръ былъ еще неоконченъ, задняя стѣна необшита досками, ложи неокрашены, полъ не вымощенъ, какъ ужъ въ немъ давали представленія. Во всякомъ случаѣ, судя по началу, можно смѣло сказать, что театральное зданіе въ Полтавѣ будетъ однимъ изъ лучшихъ провинціальныхъ зданій въ этомъ родѣ. Жители города должны быть обязаны рачительному и трудолюбивому члену харьковской дирекціи, г. маіору Петровскому. Городъ именно ему обязанъ учрежденіемъ постоянного театра.

На ярморочное время прибыла изъ Харькова театральная дирекція; вмѣстѣ съ ней посѣтили Полтаву и артисты Императорскаго московскаго театра, гг. *Живокини* съ сыномъ, *Дмитревскій* и *Леонидовъ*. Въ началѣ, дирекція давала свои представленія въ Маломъ-театрѣ, и перенесла уже ихъ на Большой съ окончаніемъ новаго зданія.

При открытіи Большаго театра, хоромъ пѣвчихъ и оркестромъ былъ исполненъ народный гимнъ: «Боже Царя Храни», и представлены пьесы: «*Русскій человекъ добро помнитъ*», былъ въ 1 дѣйстви, Н. А. Полеваго, въ которой роль *Свѣтловскаго* исполнилъ г. *Дмитревскій*, а *Пудовикова* г. *Леонидовъ*; *Боярыня XVII столѣтія*, драматическое представленіе въ 1 дѣйстви, соч. *Ободовскаго* и «*Дочь втораго полка*», оперетта въ 2-хъ дѣйствияхъ; въ ней роль *Филиппа* занималъ *Живокини*.

Театръ былъ почти полонъ. Оркестръ, освѣщеніе, девораціи и костюмы вполнѣ отвѣчали торжественности перваго спектакля. Публика съ нетерпѣніемъ ожидала поднятія занавѣса; но какъ театръ еще былъ не совершенно оконченъ, то занавѣсъ взвился въ девять съ половиною часовъ. Предъ глазами зрителей предстала въ полномъ составѣ харьковская труппа, и превосходно исполнила народный гимнъ.

Не только въ провинціи, но даже и въ столицахъ публика вообще часто бываетъ болѣе заинтересована артистами пріѣзжими, нежели своими; эта истина даетъ мнѣ право начать отчетъ о новостяхъ полтавскаго театра съ его гостей.

Г. *Дмитревскій*, начиная съ костюмировки и до конца своей роли, не понялъ автора. Играя роль *Свѣтловскаго*, онъ былъ одѣтъ въ какомъ-то пальто, тогда какъ время дѣйствія и званіе бригадира тре-

бують военнаго сюжета; ни-слова, недостатокъ небольшой, но онъ какъ-то рѣзко бросается въ глаза, и отчего артистъ, разумѣется, много теряетъ во мнѣніи внимательной публики. Къ тому же, надо сознаться, что игра г. Дмитревскаго была натянута и неестественна, до того, что самая пьеса, давно знакомая публикѣ, предстала на этотъ разъ въ совершенно другомъ видѣ, потерявъ весь свой интересъ и всю жизнь въ тѣхъ немногихъ, но характеризующихъ ее сценахъ, которыя прошли совершенно незамѣченными и охлажденными до-нельзя. Г. Дмитревскому еще надо много и очень много совершенствоваться, чтобы, посѣтивъ провинцію, вынести оттуда тѣ лавры, съ которыми возвращаются къ своимъ просвѣщеннымъ цѣнителямъ: Самойловъ, Марковецкій, Щепкинъ и Мартыновъ. Только одна сцена, когда Свѣтловскій проситъ дочь свою о сбереженіи ордена, нѣсколько удалась г. Дмитревскому, за что публика благодарила его единодушнымъ аплодисманомъ. Послѣ этого спектакля г. Дмитревскій уѣхалъ изъ Полтавы.

Кто знаетъ небольшую драму Полеваго: «Русскій человекъ добро помнитъ», тотъ, вѣрно, знаетъ, какихъ условій требуетъ прекрасная роль *Пудовикова*... Не говоря о знаніи русскаго языка, въ ней необходима непринужденность, бойкость слова и мастерская копировка купеческихъ пріемовъ и жестовъ. Въ игрѣ г. Леонидова мы этого не замѣтили, несмотря на то, что выходъ его на сцену былъ превосходенъ. Въ лицѣ его, вмѣсто благороднаго, русскаго купца, котораго каждое слово дышетъ патріотизмомъ, мы видѣли, какого-то неповоротливаго, неуклюжаго Филатку. Какъ совершенно и вѣрно исполнена у Полеваго сцена, въ которой Пудовиковъ усовѣщиваетъ Окунькова. У г. Леонидова сцены этой не существовало... Слона-то онъ и не при-мѣтилъ!

Заключая пьесу, г. *Леонидовъ* проговорилъ какіе-то темные, никѣмъ непонятые стихи, совершенно не принадлежащіе ни покойному Полевому, ни къ его пьесѣ!.. Какъ мы слышали, это поэзія г. Святославскаго, актера харьковской дирекціи. Очень жаль и пьесу и г. Леонидова, и Святославскаго, а нельзя не сознаться, что подобныя неумѣстныя прививки часто портятъ, у насъ въ провинціи, лучшія произведенія драматическихъ писателей. Роль Софьи, въ той же пьесѣ исполняла г-жа Пронская, и ни въ чемъ не отстала отъ г. Дмитревскаго. По моему мнѣнію, лучше всѣхъ были гг. Звѣревъ (режиссеръ) въ роли *Окунькова*, Виноградовъ — *Сидоръ*, и Алексѣевъ былъ неподражаетъ въ роли *Гура*.

Всѣмъ знакомая и давно заигранная у насъ пьеса Ободовскаго: «Боярыня XVII столѣтія» была обставлена и исполнена мастерски. Въ

особенности, г-жа Федорова, въ роли боярыни, подарила публикѣ много пріятныхъ минутъ. Зная прекрасно русскій языкъ, она поняла назначеніе этой роли: ея жесты, осанка, прекрасная наружность, все это, въ совокупности съ пріятнымъ органомъ и соответствующей дикціей, много говорило и въ пользу роли, и въ пользу исполнительницы. Публика удостоила ее вызовомъ два раза. Г-жа *Ладина*, занимая роль *Левлевны*, была очень недурна. Замѣтимъ кстати, что г-жи *Пронская* и *Клинова* болѣею частію играютъ вмѣстѣ, и обѣ обладаютъ одинаково бездарностію. Публика вообще принимаетъ ихъ холодно.

Г-жа *Ладина*, занимая амплуа старыхъ дѣвъ, свахъ, ключницъ и такъ называемыхъ водевильныхъ *трещетокъ*, всегда и вездѣ хороша.

Г-жи *Рекановская* и *Петрова* и гг. *Виноградовъ* и *Звпревъ*, всегда вѣрны своимъ ролямъ. Обѣ этихъ старательныхъ и талантливыхъ актерахъ было подробно говорено во-время ихъ бытности въ Кіевѣ, въ прошломъ году, (*№ 9* Пантеона).

Г. *Милославскій* въ-теченіе 11 спектаклей явился предъ публикою одинъ разъ, въ пьесѣ «*Дочь втораго полка*», въ роли фельдфебеля. Нельзя не сказать, что этотъ удамой фельдфебель не годился даже и въ плохіе барабанщики. Г. *Пилони* и его жена показались и исчезли; смотрѣть на поддѣльность игры, на самодовольную бездарность, право, скучно; лучше ихъ совершенно не встрѣчать.

Кромѣ поименованныхъ артистовъ, есть еще нѣсколько актеровъ и актрисъ, но все они, принадлежа ко вторымъ амплуа, не имѣютъ права, да и очевидно не напрашиваются на рекомендацію, исполняя себѣ не прытко, не бойко, роли безсловесныхъ слугъ, иногда участвуя въ безголосномъ хорѣ. Эти господа дѣйствительную и несомнѣнную пользу оказываютъ только въ передвиженіи столовъ, стульевъ и декораций.

На ярморочное время прибыли въ Полтаву танцовщица Императорскихъ С. Петербургскихъ театровъ г-жа *Неваховичъ-Смирнова* и танцовщикъ г. *Богдановъ*, которые для перваго дебюта, 26 августа танцовали: «*Tarantella*» изъ балета «*Сатанилла*» и въ антрактѣ исполнили сцену изъ извѣстнаго балета «*Жизель*», въ которой роль *Матео* занималъ г. *Богдановъ*, а легкую *Жизель* г-жа *Неваховичъ-Смирнова*. Въ этотъ же спектакль даны были пьесы: «*Записки Демона*», въ которой, во второмъ дѣйствіи, г-жа *Смирнова* протанцовала «*Rondesie*» и оживила всю пьесу. Г. *Максимовъ*, въ роли *Робена* былъ превосходенъ; только одна сцена, гдѣ онъ остается наединѣ съ *Маріей* (дочерью баронессы де-Ронкероль), была ведена имъ нѣсколько холодно. Г. *Алексѣевъ*, занимая роль кавалера де-Рапиньеръ, былъ очень хорошъ, и если-бы г. *Прохоровъ*, изъ неизвѣстнаго большаго

шведа (?!), не сдѣлалъ разбитаго подагрою водевильнаго дядюшку, то пьеса была-бы разыграна съ рѣдкою совокупностію.

Въ опереттѣ «Дочь втораго полка» роль Филиппа исполнилъ г. Живокини, причеиъ г-жа Червинская, играя роль Маріи, была довольно неудовлетворительна. Вообще вся эта пьеса не имѣла успѣха въ Полтавѣ. Этой неудачѣ, надо сказать, помогло и то, что публика, утомленная ожиданіемъ до поднятія занавѣса, до того устала, что послѣ «Боярины XVII столѣтія» почти все разѣхались, исключая, разумѣется, вершины.

23-го іюля шелъ: *Велизарій*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Роль Велизарія игралъ г. Леонидовъ. За драмою слѣдовалъ «*Водевиль съ переодеваніемъ*». Въ немъ, предъ отѣздомъ, въ послѣдній разъ роль *Шестаковского* занималъ г. Живокини 1, а роль *Спичкина* г. Живокини 2.

Водевиль въ провинціи, по бѣльшей части, идутъ довольно удачно; стало-быть, если я скажу, что пріѣзжіе гг. артисты были прекрасны, а г-жа Червинская (въ роли жены Шестаковского) на своемъ мѣстѣ, то этого достаточно, чтобъ дать полное понятіе о успѣхѣ пьесы.

Такъ какъ драма *Велизарій*, — драма классическая, требующая блистательной обстановки, отчетливыхъ декорацій и костюмовъ, то я намѣренъ на ея исполненіе обратить болѣе вниманія. Обстановка ея бѣдна, декораціи стары и истерты, во многихъ мѣстахъ замѣтны были дыры и протечныя пятна отъ дождя. Торжественный вѣздъ Велизарія былъ въ какой-то одноколкѣ, вызолоченной довольно коричневымъ металломъ, безъ всякой красоты и величія. Эта ковыляющая одноколка называется здѣсь *колесницею*. Костюмы никакъ не отвѣчали римскимъ тогамъ и предательски походили на что-то среднее между старымъ халатомъ и подержанною скатерью. Да и самъ Юстиніанъ не отличался опрятностію и щеголеватостію. Перейдемъ къ игрѣ актеровъ.

Г. *Леонидовъ*, въ роль Велизарія, очевидно старался подражать г. Каратыгину; но извѣстно, что и хорошее подражаніе не стѣдитъ посредственнаго оригинала. Ни слова, у г. Леонидова было нѣсколько сценъ, выдержанныхъ довольно удовлетворительно, но неужели драматическая роль требуетъ непременно звѣрскаго хохота, коверканья и терзанія самого себя за вихорь? Странное предубѣжденіе у гг. актеровъ, которые думаютъ, что патетическія сцены требуютъ подобныхъ жестовъ для того, чтобъ тронуть зрителя и выпросить аплодисманъ. Нѣтъ! такія сцены не трогаютъ, а смѣшатъ публику.

Изъ прочихъ ролей, болѣе всего обратили на себя вниманіе *Протофей* (г. Звѣревъ) и *Антонина* (г-жа Федорова), которые мало того, что прекрасно играли свои роли, поняли автора, но даже обыг-

рали Велізарія. Въ роли Юстиніана г. Львовъ былъ хорошъ, но все несовершенно понялъ назначеніе роли: онъ, вмѣсто рѣшительнаго, надменнаго и строгаго Юстиніана, какимъ его нарисовалъ Э. Шенкъ, представлялъ какого-то робкаго, необдуманнаго юношу.

Чтобъ описать подробно 11 спектаклей, которые я посѣтилъ въ теченіе моей бытности въ Полтавѣ, для этого надобно слишкомъ много времени, а потому я ограничу мою статью краткимъ обзоромъ игравшихъ пьесъ, и сообщу о составѣ труппы.

Вотъ какія пьесы были играны въ 11 спектаклей:

Драмы: Гамлетъ, Смерть Ляпунова, Эмеральда, Тридцать лѣтъ, Отецъ и дочь, Окно во второмъ этажѣ и Уголино. Водевиль: Москаль Чаривникъ, Записки демона, Ревнивый мужъ, Дочь русскаго актера, Бѣлорукая брюнетка, Залъ для стрижки волосъ, Искусство платить долги, Цыганка, Царство женщинъ, Графъ-литографъ, Студентъ хористъ, Дезертеръ, Кумъ-Мирошникъ, Наталка-Полтавка, Бабушкины попугаи, Много шуму изъ пустяковъ и Гулянье въ Марьиной рошѣ. (дивертисементъ).

Представьте себѣ, въ 11 спектаклей было разыграно 26 пьесъ — и какихъ-же пьесъ? колоссальныхъ! Да это просто находка для посѣтителей верхней галлерей! А для насъ ужъ лучше одну бочку меду — безъ прибавки въ нее ложки дегтя!

Харьковскую труппу можно, по многочисленности персонажей, раздѣлить на три разрада: а) драматическій б) водевильный, и с) комическо-трагическій.

Въ драматическомъ амплу изъ женскихъ персонажей, безошибочно, первое мѣсто занимаетъ г-жи Оедорова. Репертуаръ ея обширный, трудный и всегда съ успѣхомъ выполняется. Г-жа Оедорова актриса Императорскаго С. Петербургскаго театра. Она обладаетъ прекрасной манерой, умѣньемъ читать стихи и прозу, знаніемъ русскаго языка и, главное, понимаетъ автора, передавая вѣрно и выдерживая до конца пьесы настоящій смыслъ характера. Изъ главныхъ ролей ея репертуара особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе: Амалія (Тридцать лѣтъ), Жервеза Шагофлери (Эмеральда), Анжелика (Окно во второмъ этажѣ), Антонина (Велізарій) Агнеса (Отецъ и дочь), и многія другія. Какъ безпристрастный судья, смѣло могу сказать, что она въ Полтавѣ первая актриса на амплу драматическое. Не малое достоинство въ сценической тактикѣ г-жи Оедоровой замѣчается и въ томъ, что она никогда не беретя за роли водевильныя, и вѣрная своему призванію, обрабатываетъ только драму. Иногда въ роляхъ драматическихъ выступаетъ и водевильная актриса г-жа Червинская, но это болѣе по необходимости.

Ей даютъ роли, на примѣръ, Офеліи (Гамлетъ) Вероники (Уголино) и другія, тому подобныя, гдѣ требуется пропѣть романсъ, которые она поетъ очень мило... Но хорошо спѣтая пѣсенка далеко ниже, далеко не стоить обработанной, выпукло и тщательно исполненной роли... И какой роли... Офеліи, Вероники!

Г. Львовъ—молодой и опытный актеръ на амплу драматическое. Его игру мнѣ случалось слѣдить въ Кіевѣ, Харьковѣ, Кишеневѣ и другихъ городахъ, и всегда она меня удовлетворяла. Но въ настоящее время, по случаю пребыванія г. Дмитревскаго, онъ болѣе выступалъ въ роляхъ второстепенныхъ.

Г. Максимовъ актеръ съ большимъ талантомъ, который сильно и замѣчательно обнаруживается въ роляхъ молодыхъ повѣсь, племянниковъ, которые надуваютъ своихъ дядюшекъ, любовниковъ и, т. п. Напрасно было бы хвалить г. Максимова, тогда, какъ въ статьѣ г. Середина (Воронежскій театръ въ № 7 Пантеона), подробно описанъ его талантъ, его наружность и прекрасное знаніе сцены. Онъ, по примѣру г. Шумскаго, намѣренъ въ настоящій зимній сезонъ, посѣтить театры въ Петербургѣ и Москвѣ. Отъ души желаю г. Максиму исполнить свое предположеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ успѣетъ на петербургской или московской сценѣ, и заслужить, любъ съ успѣхомъ.

Г. Алексѣевъ. Его амплу комическое; онъ съ большимъ успѣхомъ играетъ роли пейзаповъ, прокутившихся повѣсь, робкихъ и глупыхъ слугъ и т. п. Это первый любимецъ харьковской труппы; публика всегда принимаетъ его съ восторгомъ, аплодисманы и «бразо», почти не умолкаютъ, пока онъ на сценѣ. Изъ репертуара его ролей болѣе всего обращаютъ вниманіе... Нѣтъ! не могу сыскать той роли, въ которой—бы онъ былъ хуже или лучше. За отсутствіемъ, или болѣзнію г. Алексѣева, его амплу занимаетъ г. Зубовичъ, конечно не съ тѣмъ успѣхомъ, но публика его любитъ.

Считаемъ не лишнимъ познакомить читающую публику съ этимъ молодымъ актеромъ, которому предстоитъ впереди много успѣховъ, если онъ откажется отъ своей любви къ незначительнымъ фарсамъ, но тѣмъ не менѣе фарсамъ. Г. Зубовичъ началъ свое сценическое поприще, кажется, въ Кишеневѣ; потомъ продолжалъ его въ Одессѣ, въ труппѣ покойнаго Мочалова, умнаго антрепренера и актера замѣчательнаго. Здѣсь г. Зубовичъ пряталъ свой талантъ въ суфлерской будкѣ, оставаясь незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ. По смерти Мочалова труппа его разбрелась по всемъ уголкамъ провинціальныхъ театровъ. Зубовичъ пріѣхалъ въ Севастополь и рѣшился испытать себя на вторыхъ комическихъ роляхъ, въ труппѣ стараго антрепренера Жураховскаго. Съ

перваго выступленія г. Зубовича на сцену легко можно было замѣтить въ немъ самородокъ таланта, надѣленнаго ловкимъ комическимъ тактомъ и особенною свободою, такъ много помогающею въ сценическомъ дѣлѣ. Но недостатокъ образованія, неумѣнье оцѣнить роли, недостатокъ находчивости въ выборѣ репертуара — долго не позволяли Зубовичу попасть на свое истинное назначеніе; но наконецъ роль шута въ пьесѣ «Заложеніе Петербурга» удалась ему, какъ нельзя лучше. Зубовичъ оперился. Сдѣлалъ еще шагъ, другой, и пошелъ впередъ ровно, смѣло и бойко. Надо видѣть его въ «Губкинѣ» (пьесѣ г. Кони) въ водевилѣ «Булочная» (Клейстеръ) Подколесина (Женитьба) и мн. др. чтобы вполнѣ оцѣнить дарованіе этого актера, которому недостаетъ только собственной своей оцѣнки и непремѣнной любви къ врожденному своему призванію. А онъ на все готовъ: является и въ драмѣ, и въ комедіи, и въ водевилѣ... Не знаемъ, какъ теперь, но прежде это съ нимъ случалось. Мы помнимъ, какъ любила публика г. Зубовича, и съ удовольствіемъ встрѣчала его въ Севастополѣ, Вознесенскѣ, Херсонѣ и другихъ южныхъ городахъ Россіи. Скажемъ откровенно, что не можемъ согласиться съ почтенымъ корреспондентомъ, который, говоря о Леоновѣ, далеко и глубоко на второй планъ ставитъ г. Зубовича. Мы не проводимъ никакой параллели, не дѣлаемъ никакихъ сравненій между Зубовичемъ и Алексѣевымъ. Первый еще начинается, второй пошелъ прежде и далеко ушелъ впередъ; но во всякомъ случаѣ, имя Зубовича въ какой бы то ни было труппѣ не будетъ лишнимъ, а въ иныхъ останется каменною стѣною, на которую смѣло можетъ опреться пропадающій антрепренеръ.

Мы разстались съ г. Зубовичемъ въ исходѣ 1847 года, и о дальнѣйшихъ его успѣхахъ, къ большому сожалѣнію, слышали немного.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Пантеона», я прочелъ краткій очеркъ г. Данилевскаго о жизни г. Мартынова, въ которомъ прекрасно высказано г. Кони назначеніе комическаго амплуа. Я совѣтовалъ-бы прочитать эту статью г. Зубовичу со вниманіемъ: въ ней онъ научится многому.

Г. Пронскій иногда занимаетъ амплуа молодыхъ людей и, быть-можетъ, имѣлъ-бы успѣхъ, еслибъ не было въ нашей труппѣ г. *Максимова*, котораго публика ласкаетъ и даритъ громкими рукоплесканіями.

Г. Червинская, хорошенькая, молоденькая и съ довольно миленькимъ голоскомъ актриса... Я говорю голоскомъ, потому-что голосъ ея еще не обработанъ и требуетъ много усовершенствованія. Хотя у нея много поклонниковъ, но я долженъ сказать, что въ ея игрѣ встрѣчается бездна несообразностей, напр. играя роль гризетки, или орничной, вы видите въ ней тѣже жесты и обращеніе, какъ и въ

роли Маріи (Записки Демона) или Маркитантки (Дочь втораго полка). Еслибъ г-жа Червинская болѣе обращала вниманія на свою игру, то можно смѣло сказать, что она легко заняла бы видное мѣсто между лучшими актрисами въ провинціи. Не лишнимъ считаю сказать, что г-жа Червинская хорошо изучаетъ роли, и суфлеръ для нея незамѣтный членъ труппы.

Августа 27-го, г-жа Неваховичъ-Смирнова и г. Богдановъ исполнили сцену изъ балета «Наяда и Рыбакъ» и въ антрактѣ, послѣ второй пьесы, протанцовали: *Цыганскую*.

Послѣдній дебютъ дорогихъ гостей былъ 3-го августа, въ бенефисъ г-жи Неваховичъ-Смирновой. Бенефисъ состоялъ изъ драмы въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Окно во второмъ этажѣ», «Дезертеръ» вод. 1 дѣйст. «Кумъ-Мирошникъ» малоросійскій водевиль, и комическаго балета въ двухъ дѣйствіяхъ: «Лиза и Коленъ или тщетная предосторожность». Въ балетѣ этомъ танцовали г-жа Неваховичъ-Смирнова (Лиза) и г. Богдановъ (Коленъ):

- 1) Галопъ съ кордебалетомъ.
- 2) Solo pas d'Alemande.
- 3) Галопъ съ кордебалетомъ и
- 4) Большое новое Pas de deux.

Балетъ, сверхъ ожиданія, прошелъ превосходно; аплодисманы не умолкали; восторгъ публики былъ такъ великъ, какъ рѣдко бываетъ. Г-жа Смирнова не успѣетъ выдвинуть изъ-за кулисы своей граціозной ножки, какъ ужъ раздается громкое *браво*.

Г. *Зубовичъ*, занимая роль *Рено* (въ балетѣ) былъ превосходенъ; (и въ балетѣ г. *Зубовичъ*?) словомъ, балетъ былъ разыгранъ отлично; постановка его щегольская и удовлетворительная. Съ пріѣздомъ гостей-Петербургцевъ начали бросать и въ Полтавѣ, букеты; но они не могли имѣть своего достоинства, потому-что при городскомъ саду находится школа садоводства, и за 20 копѣекъ сереб. можно достать цвѣтовъ цѣлую корзину. Эти подарки только мѣшали танцовщикамъ, потому-что букеты бросались во-время танцевъ.)

По окончаніи ярмарки все исчезло! Труппа раздѣлилась на три части и уѣхала въ города: Харьковъ, Чугуевъ и Елисаветградъ. Г-жа Смирнова и г. Богдановъ уѣхали неизвѣстно куда. Сняли ярмарочныя флаги, и Полтава опять, до будущаго года, приняла свой будничныи видъ!.. Въ театральномъ зданіи снова начались стукъ плотниковъ, сборы костюмовъ и декораций... наконецъ, все опустѣло. Къ Ильинской ярмаркѣ будущаго года, театральное зданіе въ Полтавѣ будетъ со-

вершенно окончено. Вотъ все, что я успѣлъ замѣтить въ полтавскомъ театрѣ въ-теченіе 11 спектаклей.

Альфредъ фонъ-Юнкъ.

ХЕРСОНСКІЙ ТЕАТРЪ.

11-го и 18-го сентября въ Херсонскомъ театрѣ, труппою русскихъ актеровъ, подъ управленіемъ г. Бурмицкаго, даны были два спектакля— два бенефиса: г-жи Бурмицкой и гг. Ижорскихъ. Бенефисъ первой, поставленный 11 сентября, подарилъ публику слѣдующими пьесами: «Полковникъ старыхъ временъ» водевилъ въ одномъ дѣйствіи, «Бѣдовая дѣвушка», комедія-водевилъ въ одномъ дѣйствіи, и наконецъ разнохарактерный *дивертисементъ*. Въ бенефисъ гг. Ижорскихъ, 18 сентября, шли слѣдующія пьесы: «Отцеубійца, или тѣнь прародительницы», романтическая трагедія въ пяти актахъ и пяти картинахъ, переводъ съ нѣмецкаго П. Ободовскаго; «Взаимное обученіе», водевилъ въ одномъ дѣйствіи, и въ заключеніе, г-нъ Чернявскій и г-жа Ижорская танцовали каррикатурную польку.

Въ эти два спектакля мы испытали много хорошаго и еще больше дурнаго. Но держась пословицы: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, и снисходя къ нѣкоторымъ молодымъ талантомъ, такъ недавно выступившимъ на сцену, сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній о ходѣ пьесъ и объ игрѣ актеровъ, увѣренныхъ въ своихъ достоинствахъ и заслужившихъ своего рода извѣстность.

Г-жа Бурмицкая, какъ видно изъ игры ея, безспорно владѣетъ комическимъ талантомъ; она была очень натуральна въ роли Катеньки, дочери вдовы Бендериной, въ водевилѣ «Бѣдовая дѣвушка», и много доставила удовольствія зрителямъ. Г-жа Бурмицкая превосходно выразила наивный характеръ Катеньки, только что бросившей пансіонскую классную скамью. Съ какимъ совершенно дѣтскимъ самолюбіемъ, на замѣчаніе матери, что она ничего не знаетъ, она вычислила свои познанія во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, грамматикѣ и ариметикѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой выказываетъ живой и острый умъ, свойственный только 18-ти-лѣтней дѣвушкѣ, въ то время, когда подшучиваетъ надъ старикомъ Николаемъ Костыльковымъ!... Невольно забы-

ваешь сцену и видишь передъ собою дѣйствительность, несмотря на то, что какъ въ самой пьесѣ, такъ и въ роли Катеньки, много нелѣпостей и такихъ несбыточныхъ сценъ, отъ которыхъ откажутся даже и многіе изъ водевилистовъ, готовыхъ для краснаго словца, для неумѣстной пѣсенки создать характеры, надъ которыми крѣпко задумается природа. Не то встрѣтили мы въ игрѣ г-жи Бурмицкой, исполнявшей роль Юлія де-Креки, въ «Полковникѣ старыхъ временъ». Здѣсь она не ушла далѣе посредственности. Прямое амплуа этой актиры рѣзвья молодая дѣвушка, а роль полковника Юлія де-Креки не соответствовала ея таланту и сценическому назначенію.

Г-нъ Бушоно въ роляхъ: Флошаръ, учитель маркиза де-Креки и Николай Костыльковъ «Бѣдовая дѣвушка», былъ очень хорошъ. Вообще дикція, смѣтливость, движенія и манера этого актера, которыя онъ измѣняетъ по произволу, близко подходятъ къ натурѣ. Чтобы вполне оцѣнить игру г. Бушоно, нужно видѣть, съ какимъ комизмомъ онъ повинуется полковнику де-Креки, маршируя съ ружьемъ, которое едва держитъ въ дрожащихъ, отъ страха, рукахъ, и наконецъ, въ роли Костылькова, съ какимъ потворствомъ, доступнымъ однимъ только влюбленнымъ старикамъ, дѣлаетъ себя игрушкою молодой дѣвушки. Много нужно таланта, чтобы выразить характеръ и странности стараго любезника съ такимъ искусствомъ, съ какимъ выразилъ ихъ г. Бушоно.

Надо сознаться, что Бушоно и Бурмицкая почти только одни и поддерживаютъ печальное прозябаніе труппы г. Бурмицкаго, наполненной молодыми актерами, недавно посвятившими себя служенію Талии и Мельпомены. Изъ прежняго состава труппы многіе выбыли.

Г-жа Мамонова, въ роли г-жи Пимпанъ, арендаторши (Еще Робертъ), была натуральна; она ловко приблизилась къ характеру представляемаго лица, и до того играла вѣрно, что въ инныя минуты невольно переносила зрителя къ пріятной дѣйствительности.

Г-жа Ижорская не лишена достоинства и очень мило исполнила роль Луизы, племянницы г-жи Пимпанъ. Она недавно явилась на нашей сценѣ, дебютируя въ первой разъ 27 іюля, въ пьесѣ: «Двое за шестерыхъ, или хочу быть актрисой» а прежде этого, говорятъ, она участвовала въ нѣсколькихъ представленіяхъ въ труппѣ Молотковскаго, содержащаго теперь свои спектакли въ г. Вознесенскѣ; но несмотря, однакожь, на ея молодость, она довольно натуральна въ роляхъ молодыхъ, застѣнчивыхъ дѣвушекъ.

Пропуская игру другихъ актеровъ, какъ менѣе замѣчательныхъ, мы обратимся къ заключенію, къ разнохарактерному дивертисману. Отъ него публика ожидала многого, по пословицѣ, конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Но увы! ожиданія зрителей была мечта несбывшаяся... За исключеніемъ Ижорской, Померанцова и Бушоно, все прочіе исполнители были очень плохи, а потому и вечеръ этотъ оставилъ въ публикѣ впечатлѣнія не совсемъ пріятныя... Г-нъ Волковъ, владѣя хорошимъ голосомъ, даже не лишенный и опытности, въ дивертисманѣ былъ до того плохъ, что послѣ него и посредственное казалось превосходнымъ. Онъ былъ бы очень порядочнымъ въ роляхъ первыхъ любовниковъ, еслибы удержался отъ фарсовъ и особеннаго рода пѣжностей.

16 сентября назначена была драма: «Уголино». Спекталь не состоялся, по малочисленности сбора, и отложенъ на 21 сентября. Чтобы повѣсть причину, почему такъ мало было желающихъ слушать драму, несмотря на большое снисхожденіе, оказываемое херсонскою публикою труппѣ Бурмицкаго, слѣдовало только прослѣдить игру актеровъ въ романтической трагедіи: «Отцеубійца, или тѣнь прародительницы», игранный въ бенефисъ гг. Ижорскихъ

Не разбираю отдѣльно игры каждаго актера, боюсь,

Какъ-бы гусей не раздразнить...

а замѣчу только, что при длинныхъ и холодныхъ монологахъ, особенно графа Зенко Баромина, можно было удобно бить тактъ ногою, соразмѣряя стопы стиха, которыми написана пьеса; а потомъ, при выраженіи сильныхъ страстей, невольно приходилъ на умъ нашъ великій Крыловъ:

Хотя немножечко деруть,

За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ.

При изступленномъ восклицаніи Яромира, когда онъ сознаетъ себя передъ Бертою, дочерью графа Зенко Баромина и своею невѣстою, разбойникомъ, между зрителями раздается хохотъ; при смерти графа и его дочери хохотъ повторился выразительнѣе....

По-видимому, своенравная Мельпомена, оскорбленная холоднымъ приѣмомъ драмы «Уголино», хотѣла наказать зрителей скукой и зѣвотой, и совершенно отказалась помогать нашимъ актерамъ; но наконецъ, видя совершенное отчаяніе своихъ служителей, она встрепенулась, и своимъ присутствіемъ ободрила и направила слабыя души на путь истинный. Публика, съ нетерпѣніемъ ожидавшая окончанія этой романтической трагедіи, наконецъ была вознаграждена, за свое снисхожденіе, водевилемъ «Взаимное обученіе». Водевиль былъ сыгранъ прекрасно: Бурмицкая — Флорета, танцовщица, была превосходна; Волковъ тоже

довольно вѣрно осуществляя собою лицо студента медицины, Шико; г. Чернявскій и г-жа Ижорская много доставили удовольствія своей каррикатурной полькою.

Желая быть въ театрѣ во-время драматическихъ представлений, и не ожидая встрѣтить на сценѣ ни одного таланта, снося въ то же время равнодушно фарсы, необходимо нужно запастись философскимъ терпѣніемъ и миленькою поговоркою: маленькія неудобства не должны мѣшать всегдашнимъ удовольствіямъ.

Странно, что г. Бурмицкій, не имѣя ни одного драматическаго актера, рѣшается ставить на сцену драмы и трагедіи. Во всей труппѣ былъ только одинъ талантливый драматическій актеръ: Горевъ-Тарасенко; но онъ выбылъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, происшедшихъ между имъ и антрепренеромъ. Нелишнимъ считаетъ пожелать г. содержателю труппы запастись прежде способными исполнителями, а потомъ уже приступить и къ самому исполненію драмъ и трагедій; въ противномъ случаѣ, ему придется, кажется, искать счастья въ другихъ странахъ, гдѣ не успѣла еще распространиться слава о драматическихъ талантахъ его труппы.

Оканчивая обзоръ этихъ двухъ спектаклей, считаю не лишнимъ добавить, что костюмировка была хороша и удовлетворительно согласовалась съ временемъ и мѣстомъ дѣйствія. Декораціи въ отдѣлкѣ довольно тщательны и годятся для провинціального театра.

А. Афанасьевъ.

ВЫШНЕВОЛОЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Рѣшаясь доставить редакціи «Пантеона» и второй отчетъ мой о вышневолоцкой сценѣ, я на этотъ разъ ограничусь только тѣмъ, что возбудило хоть какое-нибудь вниманіе нашей публики.

Начну съ бенефиса г-жи Милославской, который состоялъ изъ трехъ пьесъ, но изъ нихъ въ памяти моей остались только *Катерина-мызница* и *Гамлетъ Сидорычъ*.

Въ пьесѣ *Катерина-мызница* роль Катерины приняла на себя сама бенефициантка, и какъ эта роль совершенно въ ея сферѣ, то она и выполнила ее отчетливо и мило; роль ея племянника очень натурально и талантливо сыгралъ г. Синявскій *.

* Въ предшествовавшей статьѣ о вышневолоцкомъ театрѣ въразъ, по неосмотритель-

Но особенное вниманіе въ этой пьесѣ обратилъ на себя г. Рыбченковъ, въ роли стараго барона-волокиты. Комическая игра его была полна комизма и натуры. Нельзя не замѣтить, что эти роли совершенно по плечу г. Рыбченкову. При тщательномъ изученіи ихъ и внимательной анализировкѣ этихъ ролей — онъ не встрѣтилъ бы себѣ соперника на любомъ провинціальномъ театрѣ.

Въ «Гамлетѣ Сидорычѣ» г-жа Милославская была также хороша въ роли Офеліи Кузминшны, какъ и г. Дмитріевъ въ роли Гамлета Сидорыча. Скажемъ откровенно г. Дмитріеву, что однообразіе его манеры много вредитъ ему, въ чемъ бы онъ ни явился. Онъ не можетъ оторваться отъ своей любимой роли моншера, — и принявши на себя роль отставнаго купческаго прикащика, — все-таки напоминаетъ Мигушкина.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о пьесѣ *Барская спльс или Аютины глазки*, — единственно изъ одного только желанія провести параллель между игрою актеровъ труппы г. Иванова и игрою труппы г. Сутугина, гостившей въ Волочкѣ въ 1849 году.

Начать съ того, что роль охотника-помѣщика игралъ нынѣшній разъ г. Рыбченковъ очень и очень посредственно; роль его жены исполняла г-жа Милославская, по обыкновенію, недурно. Но самая лучшая, самая комическая, — живая роль Мотылькова совершенно пропала. Эту роль принялъ на себя самъ антрепренеръ труппы, г. Ивановъ, и до того утрировалъ ее, до того, какъ говорится, пересолилъ, что становилось какъ-то тяжело въ настоящемъ и грустно за прошедшее, когда въ этой же роли мы видѣли г. Сабурова. Манера, голосъ послѣдняго, его движенія, позы, — все въ немъ обличало талантъ.

Но обратимся къ пьесѣ. Роль Аюты выполняла г-жа Максимова — очень недурно. Но во-первыхъ, она уже пережила тотъ періодъ, когда роль Аюты выполняется съ такою милою прѣстотою, съ такою милою наивностію; а во-вторыхъ, намъ сдѣлалось грустно, смотря на ея игру. Сквозь видимый смѣхъ и дѣвическую рѣзвость — мы прочли въ душѣ г-жи Максимовой другую повѣсть. Мы прочли какую-то тайную грусть объ утраченной юности, и игра г-жи Максимовой оставила въ насъ много тяжелыхъ впечатлѣній. А все-таки г-жа Максимова была такъ грустно хороша въ этой роли, что ей нельзя было не сочувствовать. Она всѣ роли играетъ съ любовію къ своему искусству; но часто, среди комическихъ и рѣзвыхъ ея положеній, — въ голосѣ ея слышится такая грустная нота, — что, слушая ее, невольно задумаешься.

ности переписчика ошибка, которую спѣшимъ исправить: актеръ Снявскій — названъ Слынявскимъ.

Редак.

Нельзя не вспомнить при этомъ г-жу Колосову въ роли Анюты, — изъ труппы г. Сутугина. Колосова, кажется, родилась для этой роли. Ея рѣзвый, живой смѣхъ, ея чистый серебристый голосъ, какая-то дѣвственная наивность, — все это сильно эффектировало и оживляло роль.

Роль Ивана, — русскаго парня-удальца, въ настоящій спектакль выполнялъ г. Дмитріевъ. Непріятно говорить горькую правду, но сказать надобно. Г. Дмитріевъ игралъ просто плохо. Онъ, понимающій въ совершенствѣ роли Мигушкиныхъ и имъ подобныхъ моншеровъ, не могъ понять простой русской удали, — которая составляетъ главный характеръ Ивана. Онъ не могъ понять и того наивнаго лицемѣрія, которымъ отличается нашъ русской удалецъ. Однимъ-словомъ, онъ не понимаетъ той черты народнаго характера, которая такъ мѣтко выражается народнымъ присловьемъ: *онъ себѣ наумъ; добрый человекъ — кому не въ-домекъ.*

Роль Ивана въ этой пьесѣ пропала.

Вернемся опять къ нашимъ воспоминаніямъ, и перенесемся къ 1849 году, когда г. Рѣшимовъ очаровывалъ нашу публику въ этой роли. Г. Рѣшимовъ совершенно понималъ ее, и это глубокое пониманіе олицетворялось въ игрѣ, мастерски обдуманной, мастерски исполненной. Но странно, не можемъ утаить, что г. Рѣшимовъ только въ этой роли и былъ хорошъ. Мы вполне уважаемъ талантъ г. Дмитріева, и не хотимъ ставить его ниже г. Рѣшимова; но зачѣмъ же ему во всякой роли быть Мигушкинымъ?

Теперь очередь сказать что-нибудь о второмъ представленіи *Коломенскаго моншера*. Роль Мигушкина отдана была вновь прибывшему актеру Нѣмову. Мы до-сихъ-поръ не можемъ дать себѣ отчета, — что такое сдѣлалъ изъ этой роли г. Нѣмовъ. Что онъ былъ плохъ въ этой роли — это сказать грѣхъ. Но онъ старался придать характеру Мигушкина — что-то Печоринское, или Тамаринское; навязалъ этой роли какое-то несвойственное Мигушкину разочарованіе, и сдѣлалъ изъ Мигушкина пародію на Онѣгина или на Тамарина. Жаль, что г. Нѣмовъ неправильно понялъ натуру Мигушкина. Отъ этого испарился весь интересъ пьесы.

Роль дочери хозяина, ищущаго постояльца, играла г-жа Лебедева. Жалко видѣть, какъ она рабски копируетъ г-жу Милославскую! Въ последнее время она рѣшительно была вторымъ экземпляромъ Милославской.

Роль отца семейства, котораго жена посылаетъ искать постояльца, игралъ г. Максимовъ, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ сценъ, былъ довольно вѣренъ, а слѣдовательно и удовлетворителенъ.

Роль матери въ этой семьѣ бѣдняковъ принадлежала г-жѣ Афанасьевой. Объ ея игрѣ мы остаемся при прежнемъ мнѣніи. Крикливую вздорную женщину она играетъ вѣрно; но безъ малѣйшаго помышленія о томъ, что она артистка. Она нимало не думаетъ о томъ, что твердо выучить свою роль и пропихать или прокричать ее на сценѣ, — еще не значить быть актрисой! Ей дѣла нѣтъ, что отъ актера или актрисы требуютъ поэтическаго воспроизведенія этой будничной, скучной жизни нашей!

Роль товарища Мигушкина выпала на долю г. Павлова. Онъ по привыкѣ и приглядѣлся къ г. Дмитріеву, и когда игралъ вмѣстѣ съ нимъ былъ недурень; а съ Нѣмовымъ игралъ очень неудовлетворительно.

Но къ чести г. Павлова, надобно сказать, что онъ былъ очень милъ въ роли мужа, въ пьесѣ *Жена или карты*. Эта роль ему вполне удалась!

Теперь перейдемъ къ пьесѣ: *Стряпчій подѣ столомъ*. Роль стряпчаго принялъ на себя самъ антрепренеръ г. Ивановъ, и доказалъ, что эта роль вполне принадлежитъ ему. Онъ возбудилъ такой непритворный, гомерическій хохотъ своею игрою — что лучшаго исполненія трудно ждать и требовать отъ провинціального актера.

Очень милъ, живъ и забавенъ былъ также г. Дмитріевъ въ роли должника, — котораго ловилъ стряпчій. Прочія роли были исполнены очень посредственно.

Стоитъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, какъ у насъ шель *Скопинъ-Шуискій*.

Скопина игралъ г. Спнявскій очень не дурно, и были минуты, гдѣ онъ показалъ, что въ немъ таится талантъ. Роль Ляпунова принадлежала г. Нѣмову. Но тутъ едва-ли повѣрятъ тому, что я намѣренъ сказать...

Г. Нѣмовъ въ роли Ляпунова изумилъ насъ своею прекрасною игрою. Онъ показалъ всю глубину чувства, къ которому можетъ быть способно сердце человѣческое. Его слова поднимали со дна сердца ту бурю чувствъ, которая понятна лишь немногимъ натурамъ! Г. Нѣмовъ актеръ съ призваніемъ и талантомъ! Онъ показалъ намъ — что ему знакомы чары искусства, и что онъ умѣетъ завладѣть сочувствіемъ зрителя!

Прослушавши его роль отъ начала до конца, — мы, не задумываясь, можемъ сказать, что г. Нѣмову предстоитъ прекрасная будущность, — если онъ глубже будетъ входить въ міръ души своей.

Да, этотъ юный, неизвѣстный еще міру чародѣй — заставилъ плакать всѣхъ, — кто былъ въ состояніи понимать его игру. Къ несча-

стію, эти прекрасныя минуты, въ которыя искусство торжествовало въ лицѣ неизвѣстнаго еще артиста, имѣли очень немного свидѣтелей. Въ театрѣ почти никого не было, исключая десятковъ—двухъ посѣтителей, галлерей которыя, конечно, не разумѣли г. Нѣмова, и еще нѣсколькихъ юношей, — любящихъ болѣе фарсы и смѣшныя исторіи, — какъ они выражаются.

Хорошъ былъ и г. Рыбченко въ роли Ржевскаго.

Роль Болотникова, въ лицѣ г. Максимова, была осуществлена прекрасно и вѣрно.

Но наконецъ дадимъ отчетъ и о нашихъ пѣвцахъ и танцорахъ

Г-жа Максимова плясала однажды русскую — очень свободно, очень плавно, и публика осыпала ее аплодисманами. Въ другой разъ плясала русскую—дѣвица Иванова. Мнѣ всегда грустно и досадно становится на людей, когда они дѣтей заставляютъ дѣлать тоже, что дѣлаютъ взрослые. Дѣвица Иванова еще ребенокъ и напрасно ее заставляютъ выдѣлывать разныя штуки передъ публикою, въ такую пору ночи, когда дѣтямъ всего лучше спать.

Пѣніемъ на нашей сценѣ занимались г. Дмитріевъ и г-жа Милославская. Дмитріевъ не обладаетъ хорошимъ голосомъ, но поетъ не безъ искусства, и не безъ чувства. Г-жа Милославская обладаетъ сильнымъ чувствомъ; но въ ея сопрано нѣтъ высокихъ нотъ, и она ихъ беретъ съ большимъ трудомъ; «Скамеечку примадоннѣ... Скамеечку!» какъ говорилъ сумасшедшій актеръ въ водевилѣ. «Серъ—Жакъ.»

Мы здѣсь должны вспомнить, и вспоминаемъ съ особеннымъ удовольствіемъ, г-жу Акимову. Г-жа Акимова въ 1840 году доставляла намъ истинное удовольствіе своимъ соловьинымъ голоскомъ. Когда она бывало поетъ: *Вечеркомъ румяну зорю* (музыка Алябьева), то публика до того каждый разъ восхищена была прекраснымъ исполненіемъ этой пѣсенки, что полнымъ и общимъ восторгомъ высказывала свое удовольствіе. Въ пѣніи г-жи Акимовой было столько мягкости, свѣжести, грусти, задумчивости, — что когда она доходила до словъ: *а когда бѣ была богата, иль большою госпожей*, — нельзя было не сочувствовать ей полнымъ сердцемъ.

Мы до сихъ-поръ не можемъ забыть тѣхъ рѣдкихъ, восхитительныхъ минутъ, — которыми подарила насъ г-жа Акимова. Она была прекрасна также и въ роли Кетли. Вообще, у г-жи Акимовой съ госпожею Милославской очень много общаго. Также симпатичность, также мягкость и граціозность игры, также дѣтская наивность и задумчивость, какъ и у г. Милославской, такъ, что мы затрудняемся кому изъ нихъ отдать преимущество.

Но мы ничего не сказали о г-жѣ Линской. Что-жъ намъ сказать? Способности ея нисколько не развиваются. Жаль, что напрасно тратится дорогое время! Ей кажется не суждено быть актрисой!

И. Филаретовъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Спектакль 1-го сентября. Бенефисъ г. Алексѣева.

Не обильное поле для рецензента представляет провинціальный театр, и улыбку недоверія вызываетъ у многихъ, особенно столичныхъ жителей, статья о такомъ театрѣ. Обыкновенно, съ мыслью о немъ, у людей, посѣщающихъ Александринскій, Михайловскій и Большой театры, слушающихъ увлекательное пѣніе Маріо и Лаблаша, любующихся воздушными прыжками Карлотты-Гризи, смотрящихъ на неподдѣльный комизмъ Щешкина и Самойлова, — соединяется мысль о какомъ-нибудь деревянномъ сараѣ, о сальныхъ свѣчахъ, освѣщающихъ сцену, объ актерахъ въ истертыхъ платьяхъ, о плохихъ фарсахъ, — однимъ-словомъ, объ искаженіи настоящаго искусства. Съ грустью должно сознаться, что большая часть нашихъ провинціальныхъ театровъ, гдѣ нѣтъ постоянной дирекціи, такъ и устраиваются. Но не должно винить въ этомъ антрепренеровъ и актеровъ: внѣшняя обстановка требуетъ матеріальныхъ средствъ, а гдѣ взять ихъ бѣдному антрепренеру, переѣзжающему изъ города въ годъ, съ кучею истертыхъ декорацій, съ толпою не совсѣмъ сытыхъ актеровъ, которымъ нужно платить жалованье? Что дѣлать, говорю я, этому антрепренеру, когда сборы у него въ маленькихъ городкахъ такъ незначительны, когда случается ему пріѣхать въ городъ, въ которомъ вся публика можетъ усесться въ 20 креслахъ?—Этотъ бѣдный антрепренеръ и эти бѣдные актеры любятъ искусство—не для искусства; они любятъ его для насущнаго хлѣба; гдѣ-жъ имъ думать объ образованіи таланта, когда каждую минуту должны они заботиться о дневномъ пропитаніи? Грустно, а не смѣшно!... Правда, теперѣ стараніями правительства и частныхъ лицъ, душою преданныхъ искусству, провинціальные театры (если не всѣ, если не многіе, то по-крайней-мѣрѣ, нѣкоторые) стали на извѣстную степень благосостоянія, и положеніе этихъ немногихъ даетъ надежду, что со временемъ выведутся бродячіе театры, и установится различіе между ними и

балаганами, въ которыхъ показываются удивительныя штуки—Къ числу избранныхъ провинціальныхъ театровъ, о которыхъ упомянулъ я, должно, конечно, отнести нашъ харьковскій, и даже отдать ему первое мѣсто между ними. (Очень справедливо!)

Стоить взглянуть на эти чистенькія, уютныя ложи, сдѣланныя на подобіе петербургскихъ, полюбоваться нашими дамами, граціозно красующимися въ ложахъ, въ изящныхъ, полныхъ вкуса костюмахъ, прислушаться въ звукамъ нашего легкаго, стройнаго оркестра, — и неизбежно должно сознаться, что, по-крайней-мѣрѣ, внѣшній видъ харьковскаго театра представляетъ много заманчиваго. Указавъ вамъ на наши чистенькія ложи, на нашихъ прекрасныхъ дамъ, укажу и на тѣхъ, которые доставляютъ бездну удовольствій нашему обществу. Вотъ г. Алексѣевъ, нашъ даровитый комикъ, заставляющій зрителя такъ часто смѣяться добродушнымъ смѣхомъ, такъ неутомимо трудящійся и для искусства, и для публики, играющій почти каждый вечеръ въ двухъ, трехъ, а иногда и въ четырехъ пьесахъ! Во-время проѣзда, въ 1850 г., черезъ нашъ городъ И. И. В. Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, г. Алексѣевъ удостоился счастья играть передъ Высокими посѣтителями, заслужилъ лестное одобреніе Ихъ Высочествъ, и потомъ, въ Чугуевѣ, ошастливленъ былъ полученіемъ отъ И. И. В. брилліантоваго перстня. Это вниманіе Великихъ Князей къ нашему артисту достаточно показываетъ степень его таланта.... За нимъ мы должны поставить г. Львова, перваго драматическаго актера нашей труппы, съ осанкою, которой позавидовали бы многіе, съ игрою, исполненною теплаго, неподдѣльнаго чувства, съ благородными манерами и увлекательною дикціею, лишенною тѣхъ шепотовъ и взвизгиваній, которыя такъ обыкновенны у нашихъ провинціальныхъ трагиковъ.... Вотъ и г. Максимовъ, этотъ милый jeune-premier, ловкій, веселый, красивый; вотъ г. Виноградовъ, актеръ съ замѣчательнымъ дарованіемъ.... Хорошихъ актрисъ, правда, у насъ мало, и изъ тѣхъ, которыми надѣлила насъ судьба, можно упомянуть только о г-жѣ Пронской, артисткѣ, примѣтно занимающейся своимъ дѣломъ, и съ каждымъ днемъ становящейся все лучше и лучше,—и о г-жѣ Ладиной, исполняющей роли старухъ съ большимъ умѣньемъ и естественностью. Другія... но я лучше умолчу, чтобы не оскорбить благородныхъ чувствъ г-жъ Ивановой, Петровой, Клиновой.

Не разбираю подробно игры каждаго ихъ нашихъ актеровъ, не указываю на всѣ достоинства и недостатки ихъ, потому-что спѣшу перейти къ настоящей цѣли моей статьи, и именно къ бенефису г. Алексѣева, бывшему 1-го сентября, и оставившему пріятное впечатлѣніе въ посѣтителяхъ. Говорю «пріятное», потому-что, во-первыхъ, двѣ пьесы были ту-

земнаго произведенія, а свое всегда правится больше чужаго; во-вторыхъ, всѣ водевили были сыграны съ замѣчательнымъ одушевленіемъ, и въ-третьихъ, театръ былъ полонъ, что случается рѣдко въ обыкновенные спектакли, и что всегда повторяется въ бенефисъ любимца публики—Алексева. Пьесы, которыми мы любовались въ этотъ вечеръ, были: 1) *Мужъ—слуга, а жена барыня*, водевиль, переведенный въ Харьковѣ С. С. Кокоскинымъ съ пьесы Скриба: *Frontin mari garçon*; 2) *Еще путаница*, оригинальный мѣстнаго произведенія водевиль, соч. А. П. Вельсовскаго; 3) *Утка и стаканъ воды*, комедія-водевиль Оедорова, и 4) *Мужъ—Геркулесъ и жена Діана*, водевиль Соловьева. Последнія двѣ пьесы, я надѣюсь, извѣстны читателямъ, а поэтому я не буду рассказывать ихъ содержанія, и скажу только, что онѣ были сыграны какъ нельзя лучше; правда, Мужъ—Геркулесъ, прошелъ какъ-то незамѣтно, но это потому, что дали его подъ конецъ спектакля, а извѣстна участь пьесъ, дающихся для развѣзда.

Водевиль «Мужъ—слуга, а жена барыня», написанъ очень ловко, умно; переводъ отличается гладкостью и изяществомъ; музыка для куплетовъ нарочно написана здѣшнимъ капельмейстеромъ, г. Павловичемъ, и написана прекрасно,—Чего же больше! Что касается до исполненія, то оно вполне соотвѣтствовало внутреннему достоинству пьесы. Роль Жано (*слуги*) занималъ бенефициантъ, и исполнилъ ее съ тѣмъ знаніемъ дѣла, которымъ отличается нашъ комикъ; одно только замѣчаніе позволимъ мы себѣ сдѣлать ему: Жано—французскій Frontin, плутъ, проныра, лицо типическое, названіе котораго вошло въ поговорку; а въ игрѣ артиста нашего было весьма немного этого лукавства и довольно много наивности, неидущей къ личности Фронтена.—Максимовъ, въ роли графа, былъ хорошъ, какъ всегда: таже развязность, таже *savoir faire* (извините за нерусское выраженіе; да какъ прикажите перевести его?) Денизой явилась передъ нами г-жа Пронская, и подтвердила свою игрою то, что я сказалъ о ней въ началѣ этой статьи; не мѣшало бы только ей оставить привычку держать постоянно руки въ какомъ-то висячемъ положеніи, и глотать иногда послѣднія слова.... Г-жа Оедорова была графиня....

Еще путаница, водевиль г. Вельсовскаго, прошелъ хорошо, благодаря игрѣ г. Алексева, который вынесъ пьесу на себѣ. Содержаніе водевиля я рассказывать не стану; оно вертится на сходствѣ фамилій—интригъ довольно старой и избитой.

Въ одномъ изъ антрактовъ сыграна была премиленькая «Студентъ-мазурка», сочиненіе харьковскаго студента г. Гильдебранда.

Таковъ былъ бенефисъ г. Алексева, за который мы приносимъ ему душевное спасибо, и желаемъ чаще видѣть подобные спектакли; а

между-тѣмъ, до свиданія, любезные читатели, если только это свиданіе будетъ вамъ пріятно;—мнѣ хочется поговорить съ вами о той части нашей труппы, которая теперь въ Елисаветградѣ, и которая на-дняхъ возвратится къ намъ.

Н***.

СМѢСЬ.

МОСКОВСКІЕ ТИПЫ.

(Посвящается Д. В. Григоровичу.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ АВТОРА.

Имѣя въ виду представить на снисходительный судъ русскихъ читателей небольшой рядъ очерковъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Московскіе типы», я прошу всѣхъ смотрѣть на эти очерки гораздо менѣе, какъ на литературныя статейки, нежели какъ на опытъ физиологической характеристики опредѣленныхъ и дѣйствительныхъ явленій современной московской жизни. Не считая, впрочемъ, за предлагаемыми этюдами никакого особеннаго права на важность, я только предупреждаю, что всѣ они — непосредственный плодъ наблюденій, которыя и передаются здѣсь, какъ удостовѣряется ниже, въ самой простой, безыскусственной формѣ, безъ малѣйшихъ прикрасъ: фантазія, эта необходимая пружина литературнаго дѣланія, въ настоящемъ случаѣ, не принимала рѣшительно никакого участія.

Время, выработавшее, опредѣлившее и разграничившее разныя національности, по неизмѣнному закону обобщенія, само-же и сглаживаетъ особенности, которыми ихъ мало-по-малу запечатлѣло и раздѣлило. Въ каждой отдѣльной національности законъ этотъ оказываетъ еще болѣе силы. Съ теченіемъ времени, рѣзкія черты мѣстныхъ явленій, характеровъ, типовъ — стираются, разумѣется, тѣмъ скорѣе, чѣмъ смѣлѣе и бойче жизненное кругообращеніе....

Кажется, несомнѣнно, что Москва все болѣе становится похожа на Петербургъ, точно также, какъ губернскіе города, и внутреннимъ бытомъ, и наружной фізіономіей, и всѣмъ, изъ чего слагается общественная жизнь, подвигаются къ Москвѣ и Петербургу. Понятно, при этомъ, что и Петербургъ не можетъ иногда не позанять кое-чего отъ другихъ городовъ.... Общественные характеры и типы, мѣшаясь и сливаясь, исчезаютъ.... Но отвлеченностямъ здѣсь не мѣсто. Достаточно указать на два-три факта, которые не могли ускользнуть ни отъ кого.

На нашихъ глазахъ, сколько красокъ сбѣжало хоть-бы съ лицъ «Горя отъ ума» или «Москва и Москвичи» — Загоскина.

И хорошо, когда эти тѣни прошлаго, частью отлетѣвшія, частью поблѣднѣвшія, были схвачены во-время, положены на бумагу. Но мы знаемъ, что не всѣмъ выпала счастливая доля: не мало, и въ цѣлой Россіи, и въ Москвѣ, типовъ, вовсе нетронутыхъ, или такихъ, которые были воспроизведены совершенно произвольно. Были, наконецъ, лѣтъ пятьдесятъ, сто тому назадъ, типы, о которыхъ мы складываемъ себѣ теперь представленія самыя гадательныя, и, очень можетъ-быть, весьма далекія отъ истины.

Мнѣ хотѣлось, по мѣрѣ моихъ силъ, попытаться пополнить нѣкоторыя, наиболѣе замѣтные пробѣлы въ фізіономіи современной Москвы со стороны ея типовъ, — и приступая къ тому, я утѣшаю себя надеждою, что если мои дагерротипныя замѣтки и не возбудятъ большаго интереса въ настоящемъ, такъ когда-нибудь, современемъ, пробѣгутъ не безъ участія и любопытства, какъ дополненіе къ мѣстнымъ хроникамъ, къ картинамъ быта, которыя заповѣдуетъ будущему собственно литература, какъ къ преданію.

Не нужно доказывать, что типическія черты сохраняются наиболѣе, долѣе и прочнѣе на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. И, кромѣ того, легко обличается челоуѣкъ не развитый, мало причастный движенію и цивилизаціи, привязанный къ ограниченной почвѣ и замкнутый въ тѣсный кругъ дѣятельности, — подобно тому, какъ растеніе, хотя и посаженное уже не природой, но посаженное на природномъ грунтѣ и котораго развитію мало содѣйствовали искусственно, не

затрудняетъ наблюдателя, потому—что проходитъ лишь опредѣленный рядъ несложныхъ явленій. Вотъ на какомъ основаніи я начинаю съ тѣхъ типовъ, которые до—сихъ—поръ болѣе другихъ остались типами, болѣе поражаютъ своею индивидуальною фізіономією, болѣе ярки, — съ тѣхъ, чьи черты не сливаются съ чужими чертами, и слѣдовательно, не сложны, не зацутаны и наиболѣе — доступны малоопытному наблюдателю, — предоставляя себѣ постепенно переходить къ тѣмъ категоріямъ, которыя требуютъ болѣе продолжительнаго и пристальнаго изученія, и болѣе твердости рисунка — преимущественно въ деталяхъ.

«Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай» — говоримъ мы теперь. Я увѣренъ, что придетъ время — и эта пословица утратитъ все свое значеніе....

—

I.

половой.

Половымъ вообще называется трактирный слуга; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ *половой* есть слуга русскаго трактира; наконецъ, въ самомъ опредѣленномъ — *половой* есть слуга трактира—ресторациі, въ отличіе отъ трактира—гостинницы.

Мы имѣемъ дѣло только съ послѣднимъ. Онъ одинъ изъ трехъ категорій и есть типъ.

Нѣтъ, въ цѣлой Россіи города, гдѣ—бы можно было насчитать столько русскихъ трактировъ, какъ въ Москвѣ. И не должно забывать, что харчевни составляютъ совершенно особую категорію, которой, по этому, никто и не смѣшиваетъ съ первою. Какъ ни велико населеніе Москвы, но когда посмотришь на огромное число ея трактировъ, не удивишься, чѣмъ только они держатся? А между—тѣмъ всѣ держатся, продолжаютъ держаться и держатся все на тѣхъ—же мѣстахъ; да еще открываются новые. Закрытіе трактира, закрытіе навсегда, есть вещь почти неслыханная, есть событіе необыкновенное. Закроется лавка, упадетъ торговый домъ, а трактиръ существуетъ до—того, что буквы и другія изображенія на вывѣскѣ сольются въ сплошную массу, смоется даже краска, и останется отъ вывѣски одно желѣзо, если не позаботятся подновить ее. Гораздо болѣе, — трактиръ не переходитъ отъ хозяина къ хозяину, или это случай совершенно исключительный, вынуждаемый лишь самыми крайними обстоятельствами. По смерти владѣльца трак-

тиръ поступаетъ въ собственность сына или ближайшаго родственника, по прямой линіи. Словомъ, трактиръ не продается, не передается, не отчуждается инымъ способомъ, не перемѣняетъ мѣста. Все это вмѣстѣ есть одно изъ существенныхъ отличій трактира отъ гостинницы, въ особенности иностранной. Гостинница продается, передается, переходитъ изъ рукъ въ руки, какъ вексель. Она можетъ закрыться, открыться вновь — и никто изъ постороннихъ не обратитъ на это вниманія.

Исторія половаго похожа на исторію трактира. Участъ его накрѣпко связана съ участію трактира; если половой и не родился въ трактирѣ, и не умретъ при трактирѣ, такъ онъ ни зачѣмъ, развѣ невѣроятное что-нибудь — не перейдетъ въ другой трактиръ изъ того, куда попалъ съ перваго раза. Это — существенное отличіе настоящаго половаго — типа, отъ половаго — переходнаго, слуги въ гостинницѣ или не русской рестораціи, который сегодня здѣсь, а завтра тамъ, который можетъ жить вездѣ, куда ни приткнется.

Нашему половому нужно только обжиться въ трактирѣ; обжился онъ — и не можетъ уже жить нигдѣ, кромѣ своего трактира. И такіе половые есть единственно въ Москвѣ — сколько мнѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ.

Также, какъ печникъ и огородникъ, московскій половой по преимуществу ярославецъ, то-есть, уроженецъ ярославской губерніи. Исключенія изъ общаго правила почти на перечетъ, и относятся больше къ трактирамъ низшаго разряда, гдѣ половой иногда москвичъ, то-есть, крестьянинъ которой-нибудь изъ подгородныхъ слободъ, котораго-нибудь села, которой-нибудь деревни московской губерніи. Мѣщанъ между половыми чуть-ли вовсе нѣтъ. Опять отличіе отъ половаго слуги гостинницы, который сплошь-да-рядомъ мѣщанинъ.

Половой ярославецъ, сынъ половаго, — это, впрочемъ, не всегда — поступаетъ въ трактиръ десятилѣтнимъ ребенкомъ. Первое его мѣсто на кухнѣ и вообще за черной работой. Онъ выноситъ лахани и ведра; таскаетъ, самъ-другъ, воду въ ушатахъ, которые бѣльшею частію одного роста съ нимъ, а бываютъ и повыше его, — причѣмъ обыкновенно путешествуетъ, если не босикомъ, такъ въ башмакахъ на босую ногу, а нето въ сапогахъ, куда того-и-гляди уйдетъ весь; мететъ и моетъ черную лѣстницу и проч.; нѣсколько времени спустя, моетъ за буфетомъ столовую посуду и приборы, — чашки и стаканы; еще немного позднѣе — бѣгаетъ на посылахъ, несмотря ни на какую погоду сидитъ по цѣлымъ часамъ, въ особенности въ вечернюю и ночную пору, на дрожкахъ или саняхъ, когда кучеръ или извощикъ, пріѣхавшій одинъ или съ сѣдокомъ, вошелъ въ трактиръ погрѣться, или подкрѣпить силы

чаемъ или съѣстнымъ, — и въ этомъ случаѣ прихватываетъ полушубокъ, рѣдко свой, только при самомъ жестокомъ морозѣ, иначе же довольствуется верхнимъ халатомъ возницы, или укрывается полостью или попоной, лѣтомъ — чахлою. И тутъ онъ если дремлетъ, такъ развѣ однимъ глазомъ.

Правду сказать, куда, тѣмъ временемъ, невзраченъ будущій половой. Но не глядите на него съ пренебреженіемъ, а главное, погодите винить его. Онъ не умытъ, конечно; но онъ проходитъ жесткую школу: онъ безпрестанно за дѣломъ, и какъ еще хватаетъ его силъ! Вы не увидите его ни на минуту стоящимъ или сидящимъ безъ занятія: ему и некогда умыться; ѣсть онъ на походѣ; только-что подсядетъ онъ за чай съ большими, тотчасъ опять гонять его куда понадобится; вихорь же на передней части лба не уляжется иногда цѣлую недѣлю.

Но вотъ мальчику тринадцать, четырнадцать лѣтъ. Онъ подростъ, повыплылъ, какъ говорится; бѣгаетъ духомъ; сметка достаточно развилась; ему только свисни, онъ смыслить, — скажи куда, кажется и не дослушалъ, а знаетъ зачѣмъ. Его вымыли, оскребли, подстригли по чину полового, то-есть, подровняли ему волосы гораздо тщательнѣе, нежели-бы крестьянину, надѣли на него бѣлую, какъ снѣгъ, коленкоровую рубашку, такое же нижнее платье, спущенное на выростковые, удивительно лоснящіеся сапоги, — и такой же фартухъ, почти въ ростъ; назначили залу, комнату, или столъ, гдѣ ему состоять и служить; положили жалованье, — и нашъ мальчикъ — настоящій половой. Взгляните на него теперь. Какъ онъ счастливъ, какъ доволенъ! Онъ выдержалъ тяжелый искусь; забыты горькія минуты прошлаго, жизнь лежитъ передъ нимъ широка и привольна: пей чай, сколько душѣ угодно, ѣшь, что вздумаешь, да еще получай *на чай!* Какого же еще житья. И что за молодець онъ! Не ходитъ, а носится, не носится, а просто летаетъ, и заподлинно земли подъ собой не слышитъ. Вы думаете неловокъ онъ притомъ, — совокъ, неповоротливъ? Напрасно. Онъ никогда ничего не уронитъ, не прольетъ, не разобьетъ, ни за что не задѣнетъ; онъ знаетъ что гдѣ лежитъ, что гдѣ спросить, по вашему требованію. Къ одному долго не привыкнетъ половой: безъ шума класть передъ вами, или куда бы то ни было, приборъ; но онъ и не подозрѣваетъ, чтобъ это васъ безпокоило, чтобы шумъ этотъ могъ быть непріятенъ. Оттого, если не объяснить ему кто-нибудь, онъ будетъ производить этотъ шумъ до конца дней своихъ.

Вглядитесь пристально въ шестнадцати, семнадцатилѣтняго полового. Съ физической стороны, онъ въ полномъ цвѣту. А сметливость его, неутомимость, щегольская опрятность, какъ и у всякаго человѣка въ

этомъ возрастѣ, при малѣйшей возможности, — постоянно веселое выраженіе лица непременно восхитятъ васъ. Что за пострѣль — разумѣется, въ хорошемъ, чуть ли и не настоящемъ, значеніи слова! Вы побьетесь объ закладъ, что еслибы взять его къ себѣ, изъ него въ короткое время вышелъ-бы отличный слуга, камердинеръ, на-примѣръ. Но взять-то едва-ли возможно. Между другими доказательствами, вотъ одно на выдержку. Я былъ однажды свидѣтелемъ, какъ одинъ, по всему видимому, богатый баринъ, въ восторгѣ отъ красоты, ловкости, расторопности и услужливости юноши половаго, предложилъ ему идти къ нему въ услуженіе, за очень хорошее, даже большое жалованье, быть, на выборъ, камердинеромъ или выѣзднымъ кучеромъ. Мальчикъ на отрѣзъ отказался, отказался, не задумываясь, и дальнѣйшія предложенія барина, который вошелъ взадоръ и настаивалъ не поколебали половаго нисколько. Причинъ отказа онъ не говорилъ никакихъ, но видно было, считалъ себя обиженнымъ одною мыслию, какъ могъ баринъ подумать, что онъ согласится. Случай этотъ приводится потому только, что онъ не исключеніе, а примѣръ.

Когда немолодой половиой, — пусть будетъ ему не больше двадцатипяти лѣтъ, а больше, такъ тѣмъ хуже, — замѣчаетъ, что вы дарите вниманіемъ молодаго, онъ скептически улыбается, и если знаетъ, что вы не взыщете за откровенность, не преминетъ выразиться довольно рѣзко на счетъ глупости и неопытности юноши. Но эта черта есть не болѣе, какъ одно изъ проявленій недовѣрія старшаго къ младшему, какъ извѣстно, лежащихъ въ основѣ человѣческаго характера и, очень натурально, обнаруживающихся наиболѣе въ низшихъ классахъ, черта, повторяющаяся слишкомъ безразлично, и въ которой, поэтому, особеннаго смысла искать незачѣмъ. Въ то же время, не страшно ли, однако, что половиой совершеннолѣтній какъ будто позабылъ, что и самъ онъ былъ же, вѣдь, шестнадцати лѣтъ, и до того возился на кухнѣ, перенесъ не мало щелчковъ, мерзъ по ночамъ на дворѣ, и такъ далѣе? Или это ужъ не странно на томъ основаніи, что странности, поражающія каждый день, перестаютъ быть странными, и иногда мы до такой степени привыкаемъ къ нимъ, что начинаемъ считать ихъ за ничто правильное, нормальное?..

... Пошла борода у половаго, борода, которою онъ занимается, которую холить, подстригаетъ и подравниваетъ, — и половиой въ такой мѣрѣ прижился къ своему трактиру, что какъ будто сросся съ нимъ. Теперь и думать нечего, что онъ его промѣняетъ на другой или оставить. Его трактиръ — его стихія. Онъ приобрѣлъ вѣсь между товарищами, выйдя изъ молодыхъ; знаетъ всѣхъ посѣтителей, — незнакомыхъ, то-есть рѣдкихъ, оцѣниваетъ чутѣемъ; завелъ нужныя ему связи, и въ

трактирѣ, и между приходящими, и мало-по-малу обвыкся въ своей жизни до того, что внѣ ея не признаеть ничего для себя интереснаго. Куда онъ пойдетъ? Мастерству онъ не ученъ никакому, крестьянской работы боится. А въ трактирѣ онъ живетъ себѣ не тужить: дѣло не трудное; жалованье хорошее; набѣгаетъ ивой мѣсяць и отъ гостей изрядно; повинность, стало, платится легко; хозяина онъ не знаетъ, да и видитъ ли въ недѣлю разъ, а прикащикъ свой братъ и обходится ласково, только дѣло справь, да не зѣвай. Чего ему еще?

И все больше и больше обрисовывается половой передъ наблюдателемъ, какъ типъ, потому-что все больше и больше дышетъ онъ одною и тою же средой, все больше вращается въ опредѣленномъ кругу.

Каждый, и незнающій жизни половаго, догадывается, что она однообразна. Кромѣ-того понятно, что жизнь одного половаго похожа на жизнь другаго; разницу составляютъ только трактиры, да и то отнюдь не важную, такъ-какъ и самые-то трактиры въ сущности разнятся только степенью чистоты, размѣромъ и требовательностію посѣтителей.

Вообще, половой, проведя ночь въ самомъ трактирѣ (квартиры у него нѣтъ), то-есть, въ одной изъ комнатъ или залъ, назначенныхъ для посѣтителей, на полу, или на диванѣ, — поднимается часовъ около шести. Умывшись и Богу помолившись, онъ принимаетъ, если это по его части, столовое бѣлье, обмахиваетъ пыль, поточить иногда ножи, и затѣмъ, въ обществѣ своей братіи, садится за чай, разумѣется, хозяйскій. Пьетъ онъ чаю вволю, потому-что трактирный хозяинъ на чай не скупъ, — да и вообще нужно замѣтить, что русскій купецъ, кто бы онъ ни былъ, содержитъ работника, или слугу хорошо, особенно же относительно пищи. Чай пьется изъ небольшихъ чашекъ самаго извѣстнаго формата (тѣхъ, которыя имѣютъ видъ снятой съ полу-апельсина корки, приплюснутой у вершины, гдѣ мѣсто дну, и къ которой придѣлана маленькая ручка), бѣльшею частію съ молокомъ, въ прикуску, и съ калачемъ или бѣлымъ хлѣбомъ. Разговоровъ мало: русскій человекъ по природѣ неразговорчивъ, а когда ѣсть или пьетъ, и подавно. Чай выпить скорехонько. Посыпавъ, если въ незадорномъ трактирѣ, полъ пескомъ, половой одѣвается, то-есть, смѣняетъ свою ночную одежду бѣлымъ костюмомъ, примасливаетъ и расчесываетъ волосы — и готовъ къ услугамъ.

Часовъ въ восемь отворяется трактиръ, — впрочемъ зимою нѣсколько позднѣе, потому-что только очень немногіе, извѣстные трактиры начинаютъ торговать при огнѣ. Распахни дверь, посѣтители ужъ тутъ. Первые приходятъ привычники (*les habitueés*), да еще бедомные и забубенные гуляки, которые, проведя ночь безъ сна, только и ждуть какъ-бы промочить горло; иному изъ этихъ нужно опохмѣлиться, другой,

свалившись будто окоченѣлый, хотя-бы и не зимой, *отходитъ* отъ одной атмосферы трактира, точь въ точь, напимѣрь, мерзлый поросенокъ, внесенный въ жильѣ. Половой очень хорошо все это знаетъ: въ одной его улыбкѣ вы прочтете приговоръ этимъ: «ночнымъ птицамъ», какъ онъ ихъ называетъ.

По-мѣрѣ того, какъ развертывается ежедневная жизнь трактира, и смотря потому, какъ совершаются ея приливы и отливы, вообще правильные, то есть, совершающіеся неотступно отъ однажды установившагося порядка, который опредѣляется значеніемъ трактира и, въ свою очередь, даетъ ему физиономію, — половой до закрытія трактира бѣгаетъ больше или меньше, присаживаясь едва-ли не исключительно во-время своего обѣда, вечерняго чая и ужина. И тотъ, и другой, и третій значаются въ часы, наиболѣе свободные отъ посѣтителей. Понятно, что эти часы болѣе или менѣе одни и тѣ-же для всѣхъ трактировъ; но есть опять таки и разница, условливаемая по преимуществу мѣстностью. Чтобы не было въ души посѣтителей, такой минуты въ продолженіе дня не выберется ни въ одномъ трактирѣ; оттого-то, половые и обѣдаютъ, и пьютъ вечерній чай, и ужинаютъ обыкновенно не всѣ вдругъ. Случается, что чай пьется и больше двухъ разъ, только тогда уже не хозяйскій.

Кончается трактирный день разпо, опять смотря по мѣстности трактира. Иной трактиръ пустѣетъ часа съ восьмага, въ другомъ — торговля длится до десятаго часа, и самый разгаръ ея вечеромъ. Какъ скоро настала обычная пора прекращенія посѣщеній, половой снимаетъ свой нарядъ, то есть, надѣваетъ цвѣтную рубашку, снимаетъ сапоги, иногда замѣняя ихъ башмаками, — и начинается мытье половъ — что исполняется во всякомъ трактирѣ ежедневно. Трактиръ еще не запирается, и желающій можетъ войти, но онъ уже знаетъ, что во-первыхъ, найдеть въ трактирѣ все вверхъ дномъ, а во-вторыхъ, рискуетъ не получить горячаго кушанья, подчасъ даже и чая; холоднаго могутъ заставить прождать довольно долго, а иногда не будутъ и готовить.

Въ одиннадцать часовъ трактиръ изнутри запертъ. Обыкновенно, половой ложится спать тогда лишь, когда не осталось ни одного гостя въ трактирѣ; и если всѣ половые улеглись, и слѣдовательно, огни погашены и свѣтятся однѣ лампадки, тогда трактиръ не отворять ни за что, хоть стрѣляйте вы въ дверь изъ пушки, — развѣ, впрочемъ, имя безвременнаго посѣтителя, произнесенное въ услыханіе прикащика или извѣстнаго полового, названнаго имъ по имени, пользуется въ трактирѣ совершенно исключительнымъ уваженіемъ и кредитомъ. Для такого имени не будетъ отказа ни въ чемъ: передъ нимъ,

какъ отъ магическаго слова, не только откроются двери трактира, но и поднимутся едва ли не всѣ половые, поднимется прикащикъ, зажгутся огни въ задней комнатѣ и, пожалуй, разведется даже огонь на плитѣ. И надо замѣтить, что для каждаго трактира существуетъ непременно, по-крайней-мѣрѣ, одно магическое имя, а то и болѣе. Въ противномъ случаѣ, и трактиръ не трактиръ.

Каковъ сегодняшній день для полового, таковъ и завтрашній; каковъ завтрашній, таковъ и послѣ-завтрашній. Каковъ одинъ день, поэтому, таковъ мѣсяцъ, каковъ мѣсяцъ, таковъ и годъ. Это—говоря вообще. Но не сидѣть-же половому вѣкъ вѣчный дома, то есть, въ трактирѣ: выдаются и гулевые дни, однакожь рѣдкіе, потому-что половой, если и не сидень, такъ домосѣдъ, и выходить изъ трактира не имѣетъ наклонности. Погулять, однакожь, вѣдь надо когда-нибудь. Половой вѣрить, что совсѣмъ безъ этого — и нельзя. И есть у него на такой случай длинный, съ высокой таліей сюртукъ нѣмецкаго покроя, полосатая, либо нанковая, либо триковая панталона, шелковый или бархатный жилетъ съ веселыми разводами и какими-нибудь яркими пуговицами; могутъ быть даже часы, шинель темно-коричневаго цвѣта и шляпа, какую носятъ русскіе и французскіе портные, то есть, модная шляпа. Въ своемъ бѣломъ, такъ сказать, служебномъ нарядѣ половой выйдетъ за предѣлъ трактира только по должности, если не далеко, если-же вдаль, надѣнетъ сверху сюртукъ, коли идти ему въ неважное мѣсто, — накинеть на рубашку шинель, коли нужно гдѣ быть почище. Половой входитъ всюду въ томъ, въ чемъ пришелъ, оставляя въ сѣняхъ или прихожей только галоши, которыя имѣетъ каждый мало-мальски порядочный половой, потому-что онъ непременно щеголь. Бываетъ у полового и зонтикъ, но это ужъ не у всякаго. Выйти-же въ бѣломъ, не по трактирному дѣлу—половой считаетъ верхомъ неприличія.

Изъ числа разныхъ увеселеній половой не прочь отъ народнаго гулянья гдѣ-нибудь на площади; предпочитаетъ однакожь, гулянье подъ Новинскимъ; любитъ Сокольники, а о Марьиной-Рощѣ отзывается съ пренебреженіемъ, если только стоитъ на хорошей ногѣ. На всѣхъ гуляньяхъ онъ держитъ себя чинно; никогда не позволить себѣ заглянуть *подъ колоколъ*; остановится передъ балаганомъ, потому-что, какъ и всякій русскій человѣкъ, большой или маленькій, любитъ *зрѣлище*, — но внутренняго чувства своего не обнаружитъ; на качели не пойдетъ; завернетъ въ комедію съ коннымъ рыстаніемъ, коли вещь того стоить; звѣря рѣдкаго непременно посмотритъ, и постарается попасть такъ, чтобъ звѣря при немъ кормили: о звѣрѣ иногда можно и поговорить, поразспросить. Жевать яблоки и грызть орѣхи публично—

половой не станетъ, а развѣ прохладится квасомъ или водицей, да и то отвернется какъ-нибудь, чтобы не видали. Если половой съ женщиной, онъ ведетъ рѣчь съ ней серьезно, не глядя на нее, исполненъ, однакоже, вниманія, предлагаетъ купить чего угодно, но *подъ руку* не пойдетъ, точно также, какъ настоящій русскій кунецъ. Ежели встрѣтилась необходимость угостить пріятеля, половой поведетъ его въ трактиръ, только отнюдь не въ свой, или въ знакомый погребокъ. Къ харчевнѣ, также, какъ и къ кабаку, трактирный половой питаетъ и неодолимое отвращеніе, и глубочайшее презрѣніе. Между-тѣмъ слуга самой лучшей гостинницы сплошь да рядомъ таскается и въ харчевню, и въ кабакъ. Театръ есть самое любимое удовольствіе полового, и онъ для него всегда готовъ пожертвовать другими.

Кромѣ этихъ отлучекъ изъ трактира, какъ сказано далеко несчастныхъ, половой почти каждый годъ побываетъ на родинѣ. Это дѣлаетъ онъ лѣтомъ, когда вообще менѣе люденъ городъ и менѣе гостей въ трактирѣ, — или-же, если онъ подмосковный уроженецъ, идетъ въ деревню къ храмовому празднику. Въ деревнѣ онъ распорядится, чтобы все въ семьѣ и въ хозяйствѣ было справлено, найметъ работника для полевыхъ нуждъ, но самъ работать не станетъ, развѣ коли придется о сѣнокосѣ, поворошить около избы, то есть только-что побалууетъ граблями.

Таковы главныя черты, общія половому, какъ роду. Видовые отѣнки, его незамѣтны до-тѣхъ-поръ, пока не поставитъ рядомъ двѣ крайнія ступени: полового первокласснаго и полового трактира самаго послѣдняго разряда. Въ этомъ случаѣ также нетрудно отличить полового перваго ранга, какъ нетрудно отличить, даже и внѣ сцены, провинціального актера отъ столичнаго.

Правда, однакоже, что половой нѣкоторыхъ московскихъ трактировъ самъ-собою отдѣляется отъ своей братіи, и для привычнаго глаза отдѣляется довольно рѣзко. Ясно, что это не безъ причины. А причина заключается въ исключительномъ положеніи того или другаго трактира.

Вглядитесь-ка въ полового двухъ извѣстнѣйшихъ нашихъ русскихъ трактировъ, Новотроицкаго, купца Морозова, — и рестораціи Бубнова. Половой этихъ трактировъ тоже между всей своей братіей, что левъ между звѣрьми. Не можетъ быть ничего чище его, ничего расторопнѣе, толковнѣе, умнѣе. Пошлите его куда и зачѣмъ хотите, приказывайте что угодно, намекните только — и все сдѣлано. А если вы были въ Новотроицкомъ или Бубновомъ больше двухъ разъ, не трудитесь

предупреждать, какую водку вамъ подать, какую сигару, и что вы кушаете послѣ обѣда: чай или кофе. Вы едва успѣли отворить ротъ, вы только взглянули на карту, и половой ужъ знаетъ, какой вы гость: купецъ—ли вы, иностранецъ—ли, пріѣзжій—ли помѣщикъ, столичный—ли франтикъ, чиновникъ, или просто ни то, ни се — кутящій матушкинъ сыночекъ. Онъ исполнець вниманія ко всякому посѣтителю, низко кланяется онъ кутящему юношѣ, привѣтливо улыбается купцу миллионеру, который напьется чаю да и пойдетъ; — но если вы толковый гастрономъ, если вы цѣните свѣжую осетрину и только-что привезенную икру, если вы любите отличный балыкъ и спрашиваете зимой свѣжаго огурца или другой свѣжей зелени, тогда уваженію половаго нѣтъ предѣловъ. Онъ видитъ, что вы приходите не деньги сорить, не просто пить чай, который можно найти въ любомъ трактирѣ: нѣтъ, вы понимаете преимущество его трактира передъ другими — и онъ, отдаетъ вамъ справедливость и цѣнитъ васъ высоко. На чай онъ не попроситъ у васъ никогда; но вы и сами дадите. Обсчитать васъ—объ этомъ и думать не смѣйте. Забудьте, что угодно: зонтикъ, галоши, книгу, бумажникъ съ какой-бы ни было суммой, перчатки, приходите черезъ недѣлю, вы еще и не успѣли объясниться, половой объявляетъ, что въ прошлый разъ вы вотъ то-то оставили, и подаетъ вашу вещь въ сохранности; если деньги, считать незачѣмъ. Онъ даже и не сказалъ о своей находкѣ прикащику, и вручая вамъ то, что вы, быть-можетъ, считали навсегда потеряннымъ, о наградѣ и не помышляетъ.

Такъ какъ Новотроицкій трактиръ и ресторація Буѣнова стоятъ на совершенно-равной ногѣ, то между половыми этимъ двухъ трактировъ нѣтъ въ сущности никакого различія. Однимъ еще можетъ взять половой Новотроицкаго: если онъ служитъ въ *круглой залѣ* или на такъ называемой *дворянской половинѣ*, такъ немудрено, что онъ знаетъ всю Москву, то есть, умѣетъ сказать вамъ что-нибудь о комъ-бы вы ни спросили. Дѣло очень понятное: чтобы коренной москвичъ не побывалъ въ Новотроицкомъ разъ другой въ мѣсяць — это вещь невѣроятная, а пріѣзжему, изъ провинціи—ли, или изъ Петербурга, надо побывать и подавно. Частехонько половой знаетъ, гдѣ вы остановились, пріѣхавъ въ Москву — отъ кого и какъ, неизвѣстно. Въ Новотроицкомъ бываютъ нерѣдко особенные, заказные обѣды, которые происходятъ обыкновенно на дворянской половинѣ, гдѣ есть совершенно-отдѣльныя комнаты, и куда ѣздятъ, поэтому, даже дамы хорошаго общества: въ подобныхъ случаяхъ, если пожелаете, вамъ уберутъ комнату цвѣтами и фруктовыми деревьями, половые одѣнутся въ алыя, канаусовыя рубашки, а ужъ накормятъ васъ такъ, что только держись бѣдный желу-

докъ. Разумѣется, нужно заказывать обѣдъ въ чисто-русскомъ стилѣ, то есть, не требовать ни фаршевъ, ни соусовъ, ни вообще приправъ и утонченностей французской кухни; зато стерляжью уху, раковый супъ, осетрину, поросенка подъ хрѣномъ, кулебяку, ростбифъ, ветчину, телятину, спаржу — вамъ дадутъ такіе, какихъ вы не найдете нигдѣ. И вообще, въ Новотроицкомъ и у Бубнова, провизія сама по себѣ несравненно вышшаго достоинства и несравненно свѣжѣе, нежели въ самыхъ лучшихъ французскихъ ресторанахъ. Вся хитрость со стороны поѣдателя должна заключаться въ томъ, чтобы не спросить затѣйливаго блюда, чего-нибудь à la. Впрочемъ, для людей, неудовлетворяющихся просто хорошимъ кускомъ, притупившихъ вкусъ французскими блюдами, слѣдовательно, нуждающихся въ приправахъ и въ то-же время, неуспѣвшихъ заказать обѣда заблаговременно, я сообщаю здѣсь секретъ, за который, напередъ увѣренъ, будутъ меня помнить всѣ незнающіе закулисныхъ тайнъ московской жизни вообще и Новотроицкаго трактира въ особенности. Стоитъ пройти самому на кухню и спросить главнаго повара. Главный поваръ, который болѣею частію лишь надзираетъ за другими поварами съ высоты своей печки, спустится по тремъ ступенькамъ долу. Когда предстанетъ передъ вами, человѣкомъ обыкновенныхъ размѣровъ, гигантская фигура колоссальной толщины, съ тремя подбородками, въ колпакъ, куда-бы удобно умѣстился троянскій конь, или, по крайней-мѣрѣ, все хозяйство нѣмецкаго семейства, — въ бѣлой курткѣ и при ножахъ, исчезающихъ на сфероподобномъ абдоменѣ, какъ малые Балеарскіе острова на глобусѣ, — объясните этой почтенной фигурѣ, чего вы желаете, прибавивъ, что вы просите ее приложить къ дѣлу собственную руку и что вполне полагаетесь на нее; — тогда, если вы въ вашихъ требованіяхъ показали себя дѣйствительнымъ гастрономомъ, будьте покойны: для васъ явится то, о чемъ вы, при всей вашей премудрости, и мечтать не дерзали....

... Ближе другихъ подходитъ къ половому Новотроицкаго трактира и Бубнова половой двухъ трактировъ Печкина, Московскаго и Желѣзнаго. Уступаетъ онъ первому въ щегольствѣ наружности и приемовъ, какъ и самые трактиры Печкина уступаютъ тѣмъ двумъ, — но имѣетъ то преимущество, что не совсѣмъ чуждъ литературы, вслѣдствіе того, конечно, что въ Московскомъ, и въ особенности въ Желѣзномъ, выпускаются многіе журналы и газеты (въ послѣднемъ и иностранные). Сценическія симпатіи печкинскаго полового довольно-опредѣленны: онъ любитъ Косицкую, Бантышева; фарса не уважаетъ, и вообще не охотникъ до пьесъ, гдѣ выводится на сцену мужикъ или всякій другой человѣкъ простаго сословія. Кому изъ привычниковъ какую подать газету,

русскую или иностранную, половой твердо знаетъ; незнакому, требующему что-нибудь почитать, предлагаетъ, чтобы испытать его, французскую «Иллюстрацію».

Еще интересный мірокъ въ большомъ мірѣ составляетъ половой кофейной Печкина, какъ и самая кофейная составляетъ или, вѣрнѣе, еще недавно составляла, совершенно особый маленькій міръ въ большомъ мірѣ трактировъ. Снаружи половой кофейной отличается только тѣмъ, что одѣтъ не въ бѣломъ, а полунѣмецки, то-есть, въ долгополомъ сюртукѣ съ невысокой таліей, жилетѣ и брюкахъ, тоже нѣсколько отставшихъ отъ времени; впрочемъ, нынче начинаютъ проскакивать и пиджаки; но обстриженъ половой все-таки по-русски. Особенности достоинства полового кофейной заключаются въ томъ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ служитъ вамъ рѣшительно какъ самый лучший вашъ слуга, десять лѣтъ знающій всѣ ваши требованія и привычки. Что въ кофейную ходятъ почти исключительно посѣтители постоянные и давнишніе, это подразумѣвается. И половой не только не называетъ никого иначе, какъ по имени: «Дмитрій Тимоѣичъ, Михаилъ Кузьмичъ, и такъ далѣе, но и знаетъ непременно, гдѣ живетъ тотъ или другой привычникъ; кому какъ подать водку, то-есть, кто закусываетъ фруктомъ, какъ, на-примѣръ, Назаръ Иванычъ, — кто сыромъ, какъ Василій Алексѣичъ; кто кушаетъ порціями, кто полупорціями, на какомъ столѣ и въ какой часъ; кому закурить трубку и кому подать незакуренную, и такъ далѣе, до послѣднихъ мелочей. Пошлите въ театръ за билетомъ, онъ принесетъ тотъ номеръ, который вы всегда берете; пошлите вы домой, и если вы одинокій холостякъ, отдайте ему ключъ отъ квартиры, отъ вашего гарні: онъ знаетъ, гдѣ взять зонтикъ, гдѣ пальто; онъ вынетъ, по вашему приказанію, деньги изъ стола или изъ бумажника. И все это исполняется такъ, что ничего лучшаго и желать нельзя. Одно остается тайной: когда обѣдаетъ, или просто ѣсть что-нибудь половой кофейной — онъ вѣчно на лицо, если не усланъ куда. О вѣрности полового кофейной говорить нечего: это воплощенная честность.

Лѣтъ около десяти тому назадъ, вслѣдствіе тогдашняго, особеннаго предпочтенія, которое оказывали молодые люди трактиру *Великобританія* (на Моховой), образовался въ этомъ трактирѣ половой съ нѣкоторыми личными чертами, частію дополнительными къ общимъ, частію исключавшими инья общія. Можно было подумать тогда, что и половой Великобританіи, да и самый трактиръ, существуютъ только для этихъ молодыхъ людей: ни для кого не было у полового ни того вниманія, ни того усердія, какъ для нихъ. И мудрено повѣрить, до чего простиралось это усердіе. Входитъ, бывало, обычникъ,

въ Великобританію, — и онъ дорогой гость. Побывалъ онъ раза два-три, половой не знаетъ, какъ услуживать ему. Еще нѣсколько времени — половой — готовъ разорваться, чтобъ исполнить какое угодно требованіе: деньжонокъ-ли добыть, или чего другаго достать, — ну, словомъ, что хотите, что только нужно. И зналъ половой житье-бытье своихъ посѣтителей, какъ свое собственное, — и были для него интересы этихъ юношей — его собственные.

Въ числѣ половыхъ Великобританіи того времени, къ которому относится все только-что сказанное, было одно, теперь уже сошедшее съ своего поприща лицо, *въ своемъ родѣ* историческое. Это — половой Кузьма. Взглянувъ на его отношенія къ обычникамъ, вы-бы сейчасъ рѣшили, что Кузьма родился для того, чтобы быть и дядькой и опекуномъ этихъ молодыхъ людей. Въ-самомъ-дѣлѣ, чего только не дѣлалъ онъ для нихъ! Разумѣется, были и изъ нихъ у Кузьмы фавориты, за каждымъ шагомъ которыхъ онъ слѣдилъ, какъ тѣнь. Все зналъ онъ про тѣхъ. Ни съ кѣмъ не были такъ откровенны фавориты Кузьмы, какъ съ Кузьмою. Были у него и изъ фаворитовъ фавориты. Былъ, на-примѣръ, одинъ молодой, отличный человекъ, умный, изворотливый, превосходный во всей силѣ слова; за этимъ Кузьма ходилъ, какъ нянька за самымъ любимымъ дѣтищемъ, почти какъ мать. Чего нужно, скажи только Кузьмѣ — все явится. Фаворитъ этотъ былъ бѣденъ и жилъ только своими трудами, но черезъ Кузьму имѣлъ въ Великобританіи кредитъ неограниченный: деньги бери изъ-за буфета, коли хочешь — все ни почемъ.

— Какъ это ты вѣришь ему? человекъ онъ небогатый, кажется...

— Онъ-то? — возразилъ Кузьма, съ самоувѣренностію: — не тотъ человекъ, сударь. Что небогатъ-то? Такъ что жъ! мы и сами знаемъ, что небогатъ. Другой и богаче, а только что на фу-фу живетъ. Больше ничго въ немъ и нѣтъ. Званія не стоить. А этотъ — не то-съ. Кого учить, кого лечить, кого что. Гдѣ-жъ онъ пропадетъ. Да ему и пропасть-то нельзя. Не тотъ человекъ. Вы извольте когда посмотрѣть, и отъ пріятелей и товарищей уваженіе. Такъ оно, вѣдь, и никакъ нельзя-съ. Мы тоже вѣдь знаемъ-съ...

Когда задумалъ фаворитъ его жениться, Кузьма узналъ объ этомъ изъ первыхъ, и узналъ со всѣми подробностями, — бѣгалъ, хлопоталъ, суетился, пожалуй, не меньше самага жениха. Пришелъ день свадьбы. Кузьма пошелъ смотрѣть свадьбу и въ домъ, и въ церковь, — и на лицѣ его было ярко написано счастье. Женился онъ, и «чудакомъ», — говорилъ Кузьма, — сѣлъ съ женою въ карету да и укатилъ; ну, да это по-англійски! Богъ съ нимъ!

только бы жили обстоятельно». Уѣхалъ фаворитъ далеко и Богъ вѣсть на какое время, а Кузьма вышелъ изъ Великобританіи, Кузьма уже не половой. Онъ ушелъ на родину. Его карьера кончена...

...Слова нѣтъ, не всё до конца особенности Кузьмы идутъ къ половому Великобританіи. Другаго Кузьмы, можетъ-быть, и не будетъ. Но составляютъ этого половаго тѣ же особенности, только не въ той мѣрѣ выражающіяся.

...Что половой ни въ одномъ трактирѣ не потеряетъ должнаго ему посѣтителемъ — потому-что счетъ пишется вездѣ на половаго, за исключеніемъ немногихъ лицъ, пользующихся, по особенно уважительнымъ причинамъ, кредитомъ прикащика, — что половой не потеряетъ должнаго ему, это почти общее правило: онъ хорошо знаетъ, кому и сколько повѣрить. Обмануться ему не легко.

Глядя по лѣтамъ своимъ и трактиру, гдѣ служитъ, половой получаетъ жалованья отъ трехъ до семи рублей серебромъ. Столько же можетъ набѣжать отъ посѣтителей; причемъ должно замѣтить, что половые каждаго трактира кладутъ получаемое отъ гостей въ общую кассу, которую, по истеченіи мѣсяца, дѣлятъ по-ровну. На чай даетъ почти каждый, съ слѣдующими ограниченіями: иностранцы давать на чай не любятъ; купецъ — не говоря о гуляющемъ купеческомъ сынкѣ — тоже не всегда даетъ на чай, а изъ того трактира, гдѣ онъ бываетъ постоянно, половой, ему прислуживающій, ходитъ къ нему въ опредѣленные праздники, и получаетъ подарки: кусокъ холста, ситца, иногда половинку сукна или что-нибудь подобное. Не заведено также давать на чай половымъ кофейной, хотя, разумѣется, нѣкоторые посѣтители иногда и даютъ. Но въ день новаго-года половые кофейной подносятъ всѣмъ привычкамъ печатные поздравительные куплеты, сочиненные, конечно, кѣмъ-либо изъ приходящихъ поэтовъ или изъ актеровъ водевилистовъ: тогда каждый даетъ единовременно не менѣе трехъ рублей серебромъ, которые тоже поступаютъ въ общую пользу.

Но неужели половой, всю жизнь свою, или всю свою жизнь въ трактирѣ, можетъ быть только половымъ?

Нѣтъ. Онъ можетъ попасть за ставку, у которой будетъ выдавать чайную посуду, чай и сахаръ, гдѣ сохраняетъ привилегію не надѣвать бѣлой рубашки и обязанъ кланяться каждому входящему и уходящему, а послѣ долгой заслуги иногда, то-есть, приблизительно тридцатый или сороковой, можетъ быть сдѣланъ прикащикомъ. Хозяиномъ изъ прикащиковъ едва ли будетъ двадцатый.

Половой, оставившій трактиръ подъ старость, поведетъ дома жизнь богатаго крестьянина.

Въ Новотроицкомъ трактирѣ и у Бубнова есть не мало половыхъ, которые служатъ по сорока лѣтъ въ одной и той же комнатѣ. Нѣкоторые были тутъ еще до француза...

...Не знаю, достаточно-ли понятно для читателя то, что, по моему, вытекаетъ изъ всего сказаннаго о половомъ: что половой есть дѣйствительно типъ, рѣзко себя выражающій, — что онъ сохранилъ свою самобытность и по нынѣшній день, — что половой есть одинъ изъ почетныхъ типовъ нашего простонародья? Можно бы допустить поговорку: честень, уменъ, расторопенъ, услужливъ, какъ половой.

Правда, что удѣлъ полового не есть удѣлъ каждаго простолюдина. Дѣло полового не превышаетъ обыкновенныхъ силъ, нужды обезпечены, отношенія къ хозяину просты и необременительны, впереди всегда хоть какой-нибудь плодъ отъ трудовъ... Но дайте тоже другому — и вы увидите — какъ не ручаться за это? тѣже ясныя черты, тоже веселое и довольное выраженіе, тѣ же усердіе и исполнительность къ обязанности, туже неутомимость, и честность, — которыя восхищаютъ всѣхъ и каждаго въ трактирномъ половомъ, и которыя, нерѣдко исчезаютъ въ слугѣ гостиницы или нерусской рестораціи, неосновательно, поэтому, напрашивающемся въ близкое родство къ настоящему половому, тому, что служить единственно въ русскомъ трактирѣ.

С. К — нъ.

СТРАНСТВОВАНИЕ ПО СУШЬ И МОРЕМЪ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА,

СОБРАННЫЕ В. САВИНОВЫМЪ.

—
ТЕТРАДЬ I.

ТАНИЧКА.

Крымскія степи.—Резоны стараго дядьки.—Созонъ Созоновичъ и Марья Анфимовна.—Разбитый горшокъ.—Домашнее ненастье и ненастье въ степи.—Жизнь на распутьи.—Грамотная жена.—Оригинальная жалоба и ея слѣдствіе.—Станный проѣзжіи.—Танючка.—Левка и Пашка.—Что рассказывалъ первый, и какъ мѣшало рассказывать ему второй.—Опять Танючка.—Стихи и любовь.—Великое стихотворное произведеніе.—Общее удовольствіе.—Опять степь.—Симферополь.—Хорошія комнаты!—Мудреный сонъ.—Неугомонный дядька.—Проѣздка по Салгиру.—Бахчисарай.—Разлука.

.... Когда оставимъ за собою Днѣпръ, а за нимъ Украину, и встрѣтимъ необозримыя пустынные степи Крыма, какъ-то становится тяжело, грустно. Все, отъ ящика, до встрѣчныхъ журавлей и дрофъ — все измѣняется въ глазахъ путника. Рѣшительно другой міръ, другія лица, другіе города; здѣсь даже бублики отличаются своимъ особеннымъ вкусомъ, право! не такъ поджаристы, не такъ пропечены, и наконецъ не подслащены тою улыбкою, съ какою продаетъ ихъ харьковская Гануся или валдайская Федора. А декорація.... Боже мой! Гдѣ эти идиллическія деревни съ каменными амбарами; гдѣ эти села, съ хлѣбными скирдами и стогами, въ которыхъ такъ привольно мышамъ и приказчикамъ; гдѣ эти баштаны съ сочными арбузами, сажеными дынями, гдѣ эти ручейки,

кузнечики, общипанные цыганы, которые на каждомъ шагу шепчуть вамъ: Баякъ, поди—поворожу. Нѣтъ ни услужливаго еврея, съ его благодѣтельной фортушкой, ни ямщика балагура, ни бѣлыхъ хатъ, ни Жукова табаку, ни даже горѣлки. Здѣсь все свое, и всё на свой ладъ. Полный воспоминаній о лубенской-ярмаркѣ, пирятинскихъ помѣщикахъ и полтавскихъ арбузахъ,—я, почти зажмурясь, проѣхалъ Перекопъ. Впрочемъ, здѣсь можно смотрѣть во всё глаза, и также ничего не замѣтить. Городъ не длиннѣе двухъ вздоховъ по милой. Направо и налево тянутся невзрачные домики, одноэтажные, деревянные; въ окнахъ — ни лица, на улицѣ — никого. Хотѣлось мнѣ у шлагбаума взглянуть на валъ, съ котораго когда-то ружейный огонь степныхъ наѣздниковъ встрѣчалъ русскихъ богатырей,—но цѣлый караванъ чумацкихъ телегъ скрылъ отъ моего любопытнаго взгляда и это утѣшеніе. За валомъ четыре версты столбовой дороги, застроенной по сторонамъ мельницами, и потомъ опять городъ—Армянскъ. Но—тутъ и конецъ.... Дальше степь. Прямо, направо, налево ровная, безъ сучка, безъ задоринки — степь. Земля да небо. Желтая, сухая трава не встрепенется даже и подъ пролетнымъ вѣтромъ, такъ коротка она. Только одни встрѣчные верблюды вызываютъ вниманіе путника, или полуразрушенное зданіе телеграфа, черный шпиль котораго далеко обозначился на пустынномъ горизонтѣ. Изрѣдка скрипнетъ встрѣчная арба, громадная, какъ стопушечный корабль, полная по самый верхъ пшеницы; и узкоглазый сынъ Магомета, возсѣдая на ея вышкѣ, долго и досадно преслѣдуетъ васъ своимъ однотоннымъ, заунывнымъ мурлыканьемъ.

— Что, Матвѣй Лукичъ, спросилъ я своего дремавшего старика: какова сторона?

— Извѣстно, батюшка-баринъ, сторона татарская, отвѣчалъ онъ; вишты, ни травки, ни муравки; хоть-бы гдѣ тебѣ ягодка подвернулась.... Да и солнце-то, прости-Богъ, не русское,—какъ утюгомъ каленымъ припекло. А ужъ народъ.... ни одного лица христіанскаго, такъ вотъ и наровить волкомъ взглянуть. Въ нашей сторонѣ, примѣрно сказать, сами изволили видѣть, встрѣчный мужикъ кланяется, а здѣсь—татаринъ, горлопанить во всю степь, да еще увикнетъ тебѣ подъ носъ. Вздумалось же вамъ забраться въ эту глушь непроходимую?

— Успокойся, Матвѣй Лукичъ, вѣдь только версты сто съ небольшимъ, а тамъ опять встрѣтимъ своихъ земляковъ въ Симферополѣ, Бахчисараѣ, Севастополѣ.... Размыкаемся на южномъ берегу....

— Богъ знаетъ, сударь, ужъ какъ тутъ и размыкаться.... вы вотъ изволите наровить еще подальше.... Какъ эта сторона-то, гдѣ вашъ братецъ скончался, царство ему небесное... И не дожидаясь отвѣта

старикъ продолжалъ: Вернулись-бы, Николай Васильичъ, право вернулись-бы... Ну, чего вамъ далась служба военная, пошли бы себѣ по гражданской, взяли бы себѣ тамъ каксе нинаестъ мѣсто пригодное, — примѣрно сказать, по комиссарству или по экономіи, женились бы на хорошей дѣвицѣ, съ качествами благонравными, да съ денежкой.... а то охота мыкаться, да еще и искалечуть, пожалуй....

— Экой ты чудакъ, Матвѣй Лукичъ, возразилъ я: согласиесь самъ, что надо служить тамъ, къ чему чувствуешь призваніе, чтобы не отставать отъ другихъ, чтобы служить съ любовью....

— Эхъ, батюшка-баринъ, далъ бы Богъ только хорошее мѣстечко, а слюбиться съ нимъ недолго.... Съ хорошимъ мѣстомъ, что съ богатой тещей, всегда уживешься.... Ато вотъ и придется намъ съ вами, ни тепла, ни пшена, да еще подъ басурмана пошлютъ, пали! скажутъ, полезай въ огонь, прыгай въ воду... Ну, ужъ коли, примѣрно сказать, вы были бы къ тому принаровлены съ измолodu, дѣло другой масти; тогда грѣшно и зазорно мнѣ было бы васъ отговаривать, а то, прости-Господи, отъ своихъ-то отстали, а къ другимъ-то, пожалуй, еще и не пристаните....

Матвѣй Лукичъ долго бы не кончилъ своихъ логичныхъ и нѣсколько щекотливыхъ для моего самолюбія резоновъ, еслибы, на мое счастіе, не прыснулъ проливной дождь.

— Вотъ она, походная-то забава, проворчалъ старикъ, укутываясь въ свою шинель.... Эй-ты! продолжалъ онъ, обращаясь къ ямщику: куда запропустилъ станцію-то? Вези скорѣй, подгони одровъ-то.

— Сейчасъ: двѣ версты перевалу, отозвался ямщикъ.... Ну! вы... краденныя, уходи.... гонятся!

Ямщикъ свиснулъ, приударилъ плетью, и черезъ пять минутъ, передъ нами, за оврагомъ, открылось строеніе станціоннаго дома.

Нѣсколько молодыхъ парней перебранивались съ жидомъ старостою, подъ звукъ колокольчика и бубенчиковъ, когда тройка наша остановилась на тѣсномъ, запорошенномъ сѣнномъ дворѣ. Спасаясь отъ дождя, я, оставилъ Матвѣя Лукича выгружать бричку, и послѣшилъ укрыться подъ кровлей станціонной мазанки. Едва я только переступилъ порогъ комнаты, какъ изъ противоположныхъ дверей ея высунулась краснощекая голова женщины, прищурясь, взглянула на меня, и велѣдъ за тѣмъ звонкій и повелительный голосъ крикнулъ:

— Созонъ Созонычъ! пошолъ скорѣй....

— Ась! откликнулся кто-то за перегородкой.

— Нечего тутъ асывать, брось табакъ-то молоть; ступай — проѣзжіе есть....

— Сію минуту, матушка.... сейчасъ.

— У тебя часъ-то дологъ; нечего тутъ—иди....

— Да погоди же, матушка, дай вотъ корешекъ-то выбросить....
Вѣдь видишь дождь какой дробить: ну кому теперь лошади нужны?...

— Стало-быть нужны, коли спрашиваютъ.

— Вотъ ужъ и врешь, Марья Анфимовна, чистосердечно сказать—
врешь! Самъ я, матушка, могъ бы слышать, еслибы кто спросилъ, ато...

— Кто вреть? я вру? я? крикнула оскорбленная женщина, пови-
димому самая дорогая половина Созона Созоновича.

— Те.... те! матушка, — неблагоугодно при постороннихъ.... ну,
услышать, вѣдь и не вѣсть что могутъ подумать....

— А! да ты еще шикать на меня смѣешь, еще о благоугодии раз-
суждаешь! Такъ на же тебѣ! на!

И я ясно слышалъ паденіе какого-то горшка, и звукъ и дребезжаніе
его черепковъ.

— Вотъ ужъ это нехорошо, Марья Анфимовна, и у другаго мужа,
продолжалъ Созонъ Созоновичъ почти сквозь слезы, вы бы подлежали
строгому отвѣту.... Да! На что это похоже.... по малому капризу
разбить такой прекрасный горшокъ и съ прахомъ смѣшать мой табакъ...

— Молчи!

— За табакъ и горшокъ, матушка, деньги плачены....

— Молчи, говорю!

— Однако, Марья Анфимовна, за что же я лишенъ своего табаку?

— Убирайся отсюда.... проѣзжіе есть... слышишь!

— Я, изволите видѣть, нюхаю и вамъ, кажется, никакой помѣхи
не дѣлаю....

— Уйдешь-ли, Созонъ Созонычъ!

— Тьфу-ты, звѣрство какое! Разбить горшокъ, испортить табакъ...
Нехорошо, матушка, право нехорошо.... я, кажется, нюхаю и вамъ не
мѣшаю.... Такъ-то!

Вслѣдъ за тѣмъ хлопнули двери, и предо мною предсталъ невысокій,
худощавый старичокъ, станціонный смотритель. Въ лицѣ этой особы
было столько добраго, столько простоты и покорности своей долѣ, что
мнѣ рѣшительно стало жаль бѣднаго старичка.

— Что приказать изволите-съ... лошадей? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я желалъ бы переночевать здѣсь.... куда ѣхать въ такое
ненастье?

— Дѣйствительно-съ, куда ѣхать.... Вѣдь просто буря; дождь, градъ,
вѣтеръ — все это, съ вашего позволенія, какъ въ горшкѣ перемололось.

Бѣдный Созонъ Созоночь страдалъ очевидно воспоминаніемъ о разбитой посудинѣ.

— Еще чего приказать, не изволите-ли? спросилъ онъ.

— Позвольте мнѣ комнату, и прикажите согрѣть самоваръ.

— Сію минуту. Вотъ комната. Онъ указалъ направо, съѣжился и съ поклономъ скрылся за тою же дверью.

— Ну, что послышался голосъ Созона Созоновича, для чего ты разбила горшокъ: господинъ проѣзжіи и не думалъ требовать лошадей...

— Требовалъ, у меня требовалъ...

— А вотъ и нѣтъ, Марья Анфимовна...

— Говорю тебѣ, требовалъ!

— Да вѣдь, вотъ онъ живой человѣкъ, налицо вѣдь онъ? Хорошо ли это озарничать; негодится, матушка... Я спокойно и благоправно молоть табакъ, и тебѣ, кажется, помѣхи не дѣлалъ, а ты вотъ—на! Хватъ и объ полъ... Кто это дѣлаеть?.. Дурной человѣкъ, матушка дѣлаеть такъ.

— Ну, замолчи! Отстань.

— Я ужъ и отсталъ... Я не сержусь... Поди ка, согрѣй самоваръ, а я вотъ перышкомъ сберу табакъ.

— Грѣй самъ.

— Да видишь же, мнѣ некогда! Занятіе есть...

— Важное занятіе... Тебя просили, ты и дѣлай?

— Да, чтожь ты обижаешься, что къ тебѣ съ поклономъ не пришли, что—ли?

— Обижаюсь.

— Грѣшно, Марья Анфимовна: гордымъ Богъ противенъ... такъ-то! Дѣлать нечего, поставлю самъ самоваръ.

Между-тѣмъ мой Матвѣй Лукничъ, крѣпко негодуя на ненастье, внесъ дорожный ларець, вытащилъ изъ длиннополага бекеша свою коротенькую трубку, и отправился раскуривать ее въ сѣни.

Нигдѣ такъ сильно не чувствуется одиночество, какъ среди столбовой дороги, въ маленькой комнаткѣ станціоннаго дома. Скучно мнѣ стало за себя и Созона Созоновича. Кругомъ было все тихо, спокойно, молчаніе нарушалось только урчаіемъ въ моей трубкѣ и стукомъ маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ, непремѣннаго украшенія станціонной приемной, вмѣстѣ съ двумя—тремя рамками повѣшенными на стѣну. Крупный дождь дробно стучалъ въ единственное окно моего приюта. Вдали тянулась та же необъятная степь, слившаяся съ облачнымъ горизонтомъ. Нѣсколько правѣе, за оврагомъ, чернѣлись чумацкія телеги съ поднятыми вверхъ оглоблями, подъ ними человѣкъ шесть усатыхъ чумаковъ,

да тутъ же пара собакъ—вотъ и вся картина, картина, которая каждый день раскидывается передъ глазами Созона Созоновича. Вотъ жизнь, думалъ я, жизнь на распутьи, на трехъ саженьяхъ тощей земли, и кругомъ степь, ковыль, да вѣтеръ. Однѣ и тѣ же лица ямщиковъ, та же неумятая физиономія еврея старосты, неизмѣнная цифра три копѣйки съ версты, неизмѣнный вопросъ: по казенной—съ? И у всѣхъ Созоновъ Созоновичей одна колея, одна перспектива, однѣ и тѣ же тревоги каждаго дня и ночи. Далеко до разсвѣта, еще пѣтухъ не просышался, а ужъ вдали звякнулъ колокольчикъ: ближе, ближе, громче — тройка подкатила къ крыльцу, и Созонъ Созоновичъ тревожно оставляетъ свою койку, въ раздумьѣ, накинуть ли сюртукъ, или шлафрокъ, вздуваетъ уголекъ и зажигаетъ свѣчу.

— Лошадей, господинъ смотритель.

— Пожалуйте подорожную. А тутъ еще тройка — и тотъ же вопросъ и тотъ же отвѣтъ. Такъ цѣлый день, цѣлыя сутки. И сколько лицъ, и сколько людей мелькнуть въ эти сутки передъ глазами Созона Созоновича, сколько рублей и угрозъ получить онъ, сколько подслушаетъ разсказовъ, какую бездну подглядитъ встрѣчь комическихъ и драматическихъ. Вотъ является купецъ, у котораго каждая минута бренчитъ червонцемъ: онъ спѣшитъ на ярмарку; дальше сердобольный племянникъ скачетъ на похороны дядюшки; тутъ молодая вдова съ охабкою визгливаго потомства ѣдитъ за пенсіономъ въ столицу; за нею является громадный дормезъ съ картонками, футлярами, сундуками, — это помѣщикъ, ему прописаны крымскія грязи, у него въ подорожной, на страхъ и ужасъ Созона Созоновича, какъ огнемъ написано: дѣйствительный... Созонъ Созоновичъ млбеть, руки его дрожатъ, языкъ подщелкиваетъ и заикается.... Но, слава-Богу, всѣ разѣхались. Созонъ Созоновичъ вздохнулъ свободно, бросилъ за ухо перо, закрылъ книгу, и тихо, осторожно, избѣгая ревниваго взгляда жены, подошелъ къ посудному шкафу... Съ этимъ переходомъ отъ стола къ графину всѣ тревоженія свалились съ души его — онъ вполне доволенъ жизнью, онъ забылъ всю тревогу, весь разнохарактерный дивиртесемь, разыгравшійся за минуту въ его укромномъ пріютѣ... Воспоминаніе Созона Созоновича не провожаетъ никого. И какое ему дѣло до этихъ людей съ ихъ нуждами, страстями и разговорами... Онъ записалъ только ихъ имена, взялъ деньги, счелъ расходъ— лошадей и правъ, и спокоенъ.

Я еще продолжалъ варьировать на ту же тему, какъ дѣйствительный Созонъ Созоновичъ вошелъ въ мою комнату и съ самодовольною улыбкою опустилъ самоваръ на столъ.

— Чашечки, прикажете? спросилъ онъ.

— Благодарю: у меня есть. Не угодно ли вамъ со мною чаю?

— Много благодарны-съ...

— Что-же такъ... съ ромцомъ-бы?

— Ромъ хорошее дѣло...

— Такъ прикажете?

— Много благодарны... Позвольте. И Созонъ Созоновичъ нерѣшительно присѣлъ на кончикъ стула. Кейфъ нашъ начался, а съ нимъ скоро и разговоръ, и откровенность.

— Какая у насъ погода... началъ старичокъ.

— Иначе нельзя, Созонъ Созонычъ, осень, вѣдь ужъ октябрь.

— Совершенно справедливо...

— Что, я думаю, вамъ скучно здѣсь, въ такое ненастное время! спросилъ я.

— Ничего-съ; привычка, знаете. Вотъ ужъ десять годовъ проживаю здѣсь. Да, вѣдь и то сказать, развлеченій много: то проѣзжіе погоняютъ, то самъ прикрикнешь на ямщика, то съ женой перемолвишь слово другое, время-то выходитъ и незамѣтно, скучать некогда. А смѣю спросить васъ, продолжалъ въ полголоса мой собесѣдникъ: мы васъ не обезпокоили?

— Чѣмъ это?

— Насчетъ горшка-съ... Ужъ извините, пожалуйста, дѣло семейное. Всяко между мужемъ и женой случается...

— И помилуйте, Созонъ Созоновичъ; да я ничего рѣшительно не слыхалъ...

— Она у меня нето-что злаго сердца женщина, продолжалъ старичокъ, очевидно желавшій излить передъ кѣмъ-нибудь боль души своей,— а такъ сварлива немного, изволите видѣть. Крикнуть любить; ну иногда и разобьетъ что-нибудь...

— Такъ вы бы ее образумили, урезонили, Созонъ Созоновичъ...

— У! еще пуще, батюшка... Ужъ какъ она расходится, такъ лучше уходи вонъ, да и молчи, не пикни, вотъ какой нравъ, а женщина... уважаю ее, знаете... Самъ-то, примѣрно сказать, не высокаго полета-съ, изъ трубачей-съ, ну, а она-то, выходитъ, дочь цейх-вахтера...

— Но, что же изъ этого: вѣдь она все-таки жена ваша?

— Какъ же-съ... жена, законная жена, батюшка... хорошая женщина, да только вотъ нравъ-то... А самъ пикнуть не смѣю.

— Отчего-же? Покорная и безпрекословная уступчивость едвали не такое же зло, какъ и своеправіе.

— Что станете дѣлать, батюшка! Не смѣю: грамотная; вотъ казусъ-то замѣшался между нами, писать, изволите видѣть, умѣеть...

— Такъ что же?

— Очень нехорошо, выходитъ.

— Да отчего же нехорошо?

— А вотъ я вамъ поясню. Однажды мы съ нею тоже вотъ этакъ повздорили. Я знаете, на грѣхъ, въ тотъ разъ не выдержалъ, да и прикрикнулъ... Молчать! сказалъ. Только и сказалъ, ей-Богу! Ну, а ей показалось, что ужъ я и разсвирепѣлъ, и выступилъ, выходитъ, изъ границъ. Это ее, значить, обидѣло, вотъ она и поднялась. «Что ты, говоритъ, Созошка, — съ ума спятилъ, командовать вздумалъ, на дебошъ пошелъ, — такъ я тебя доканаю, я тебя предъ начальствомъ аттестую», — да съ этими-то словами, сударь вы мой, прямо прямехонько и подошла къ штрафной книгѣ, хватъ перо и давай строчить, не задумываясь. Меня такъ въ ознобъ и бросило. «Что это вы дѣлаете, Марья Анфимовна! вскричалъ я, — что вы тамъ пишете? Жалобу. — На кого? — На тебя. — Да развѣ вы проѣзжіе, да развѣ это благо нравно! Не знаете вы, Марья Анфимовна, что-ли, что въ этой книгѣ мой весь кондуитъ, совѣсть тутъ моя, честь, всякая добродѣтель, смиреніе и служба тутъ моя. — Ничего, говоритъ; вотъ тамъ посмотримъ. Ну — и написала.

— Что же она написала? спросилъ я.

— Да такой ужасъ написала, сударь вы мой, что хоть въ гробъ ложись; чернѣе грязи меня сдѣлала. Просто въ такихъ свирѣпыхъ выраженіяхъ отпечатала меня, что хоть-бы и не бабѣ такъ въ пору. «Станціонный смотритель Созонъ Кукуруза, написала она, оказался противъ меня въ неприличіи, дерзнулъ, по сродному ему злонравію, покуситься на оскорбленія, и владѣя весьма громкимъ голосомъ, называемымъ у цѣвчихъ басомъ, крикомъ своимъ привелъ меня въ испугъ до лишенія чувствъ и даже жизни...» Вотъ, сударь вы мой, продолжалъ Созонъ Созоновичъ, какъ я прочиталъ эту напасть, у меня такъ въ вискахъ и стукнуло. Что тутъ будешь дѣлать? думаю; написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ; а завтра, примѣрно сказать, долженъ почтмейстеръ наѣхать. Сроду никогда въ такихъ афронтахъ не попадался, а тутъ вотъ на — форменная жалоба... и сонъ, и аппетитъ пропали. Хожу, какъ словно что потерялъ, въ глазахъ темно, въ ногахъ ознобъ, руки трясутся... Ну, просто свѣтъ постылъ. Прилягу на койку, вздремну, еще хуже... То, знаете, вижу, что книга соскочила со стола, выросла съ цѣлую дверь, да и идетъ ко мнѣ: «Лошадей, Созонъ Кукуруза; говоритъ она, — живо лошадей!» А я, знаете, съ ней,

какъ съ человѣкомъ и разговариваю: нѣтъ лошадей, матушка — нѣтъ! говорю. — А! нѣтъ, такъ вотъ мы тебя заишемъ, да съ шумомъ и распахнется, а на первой страницѣ какъ тутъ и написано: «оказалъ неприличіе, крикомъ своимъ лишилъ жизни» и проч. Меня то въ потъ, то въ ознобъ... соскочу съ койки, бѣгомъ къ столу: ничего, свѣча нагорѣла, часы стучать, какъ и всегда, книга лежитъ на столѣ смиренхоушко... печать цѣла. Вотъ—съ такимъ-то манеромъ, я маялся до утра. Заѣхалъ какой-то господинъ, походилъ, посвисталъ, пока перемѣнили лошадей, заглянулъ въ штрафную... улыбнулся и уѣхалъ. Господи ты Боже мой, подумалъ я, вишь людямъ смѣшно, всегда чужому горю рады! Этакъ около одиннадцатаго вѣжалъ староста — «Созонъ Созоновичъ, почтмейстеръ пріѣхалъ, говоритъ.» Я было бросился навстрѣчу.... Нѣтъ не могу! Ноги подкосились, въ глазахъ потемнѣло, языкъ онѣмѣлъ... Какъ стоялъ у печки, такъ и остался. Слышу идетъ. Вошелъ. «Здравствуй, говоритъ — Кукураза. — Я молчу. — Здоровъ ли? — Молчу. — Да, что съ тобою? все ли благополучно? Молчу, ну словно языкъ иглой пришилило. Вотъ, Кондратій Ивановичъ, царство ему небесное... ужъ умеръ, батюшка!.. посмотрѣлъ на меня пристально, пульсъ пощупалъ, потомъ покачалъ головой, пчесалъ за ухомъ, такая ужъ у него привычка была—у покойнаго, да и къ столу... Отвернулъ книгу, взглянулъ, вахмурился, повелъ глазами, да и говоритъ. «Вотъ какъ у насъ, любезный; что это ты напроказилъ—а?—Я молчу, живъ, да негоденъ, и слезы у меня словно зерно крупное, бурмитцкое, такъ объ полъ и застучали.—Да не плачь, говорить, — отвѣчай, что напроказилъ? — Ей Богу, не виновать, ваше высокоблагородіе, видитъ Богъ не виновать! могъ прошептать я. Сама, говорю, Марья Анфимовна — виновата. — «Какъ, братецъ, сказалъ Кондратій Иванычъ, — такъ это ты дамъ нанесъ оскорбленіе... А? Да, какъ же ты позволилъ себѣ такое невѣжество... Какъ ты смѣлъ? А? И пошолъ, и пошолъ... ужъ онъ мылилъ, мылилъ меня, да потомъ и говоритъ. Ну ужъ, братъ—этого не прощу, хоть и впервые провинился. Я сталъ просить помилованія. Тутъ, знаете, примѣрно сказать, и Маша... то—есть Марья Анфимовна струсила, выбѣжала изъ двери сама не своя, да и бухъ наполь рядомъ со мной. — «Не сгубите, ваше высокоблагородіе, простите его! — А вы-то что? — Да я, говоритъ, жена Созона Созоновича, урожденная Мигунова. — «Ну, такъ что же? — «Да, вѣдь это я же на него и жалуюсь. — Что жъ вы думаете? вѣдь Кондратій-то Иванычъ, царство ему небесное, заемѣлся; такъ вотъ въ лоскъ и легъ, покойникъ, а какъ прочиталъ жалобу — и еще пуше. Потомъ, немного погодя, опять нахмурился, вызвалъ жену

въ сѣни, и ужъ тамъ не знаю, что ей говорилъ, только я, какъ сквозь сонъ слышалъ нѣсколько словъ; такъ примѣрно сказать: «Какъ вы смѣете! Нельзя книгу пачкать... Съ тѣмъ и уѣхалъ. — А то, въ другой разъ, продолжалъ старичекъ, кланяясь и отодвигая отъ себя пустой стаканъ, еще она, изволите видѣть, тоже въ-слѣдствіе грамотности, бѣду мнѣ на шею навязала.

Но Созону Созоновичу не удалось досказать второй исторіи: раздавшійся на дворѣ звонокъ, а потомъ громкій шумъ ямщиковъ, хлопотавшихъ около прибывшей кареты, вызвали его вниманіе, и онъ съ множествомъ поклоновъ и съ неизмѣнною фразою «много благодарны» скрылся за дверь. Я снова остался одинъ. Матвѣй Логиновичъ, вѣроятно, не дожидаясь чаю, прилегъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ, въ бричкѣ. Скоро затихъ и шумъ, раздававшійся на дворѣ; мелькавшіе подъ окномъ фонари исчезли. За тѣмъ въ мою комнату вошелъ усатый лакей, бросилъ на полъ нѣсколько картонокъ; за нимъ появился другой съ такою-же ношей. За картонками слѣдовалъ высокій толстый господинъ въ коричневомъ бекешѣ и зеленыхъ «невыразимыхъ», какъ выражается Чарльзъ-Диккенсъ. Огромный картузь закрывалъ почти половину лица проѣзжаго.

— Ну, Левка и ты, Пашка, помогите теперь выйти изъ кареты Таничкѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ лакеямъ: да перенесите ее на рукахъ до крыльца, чтобы, понимаете, она ногъ не замочила....

Слушаемъ-съ! отозвались лакеи, и исчезли за дверь. Солидный мужчина выразительно крикнулъ, еще выразительнѣе пошарилъ въ карманахъ, и выкинувъ на столъ табакерку, платокъ, коробочку съ бульдегомомъ, кисеть съ табакомъ и еще что-то, чрезвычайно похожее на зубочистку, принялся раскручивать пестрый кусокъ шали, обматывавшей его шею. Когда эта операція была кончена и картузь снятъ, незнакомецъ прищурилъ маленькіе глаза, очевидно стараясь разглядѣть предметы, окружавшіе его....

— Премного виновать, государь мой, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и щелкнувъ по своей табакеркѣ.... Я не имѣлъ удовольствія замѣтить васъ прежде.... Сдѣлайте милость извините. Вы, вѣроятно, тоже бѣжали отъ ненастья?

Я сдѣлалъ утвердительный отвѣтъ.

— И я тоже, продолжалъ онъ. Ужъ лучше грустить въ теплой мазанкѣ, чѣмъ тревожно дремать въ каретѣ подъ свистъ вѣтра и дробь дождя.... Не правда-ли? Очень радъ, что нахожу здѣсь ваше общество. Вы вѣрно изволите ѣхать изъ-подъ Москвы?

— Да.

— Я тоже. Солидный господинъ положилъ табакерку и обратился къ бульдегому. А куда изволите ѣхать, продолжалъ онъ, бросивъ за щеку сладкій шарикъ и нѣсколько пришепетывая.

— На Кавказъ.

— Гм.... я тоже.,. Вообразите, какая пріятная встрѣча... Вѣрно будете тамъ воду пить?

— Нѣтъ, я ѣду служить.

— Ну, а я собственно ѣду за водой, въ Пятигорскъ....

— Лечитесь намѣрены?

— Нѣтъ! я слава Богу, здоровъ, не хвораю.

— Такъ для чего-же вы намѣрены пользоваться водами?

— Да вѣдь всѣ пьютъ ихъ нынче.... Къ тому-же ужъ такъ кстати, дочь везу туда. Доктора прописали ей какую-то кисленькую воду; хвораетъ она у меня бѣдняжка. А знаете что я вамъ скажу.... Извините, никакъ не могу скрыть моего удивленія....

— Сдѣлайте милость....

— Вы, между нами сказать, удивительно, какъ похожи на Евгенія Васильича.... Поразительное сходство.... глаза, прическа, также немножко кривите ротъ, также держите сигару — нѣсколько набокъ.... Право!

— Я не знаю Евгенія Васильича.

— Да онъ ужъ умеръ. Отличный былъ молодой человекъ, съ особенною грустью добавилъ мой странный собесѣдникъ.... Я его любилъ, какъ сына.... Имѣніе какое у него прекрасное было.... Теперь неизвѣстно кому оно досталась!... Дочь хотѣлъ за него выдать... Тс! тс... Ради Бога о немъ ни слова! шопотомъ добавилъ толстый господинъ, замѣчая появленіе дѣвушки. Вотъ-съ это дочь моя, Таничка, продолжалъ онъ, указывая на вошедшую.

Я пробормоталъ какое-то изношенное привѣтствіе и обмѣнялся поклономъ съ Таничкой.

— Ты устала, другъ мой, вѣрно хочешь отдохнуть, съ особенною заботливостью и нѣжностью началъ толстякъ.

Дѣвушка, не отвѣчая на вопросъ отца, съ какимъ-то изумленіемъ разсматривала мою фигуру, такъ похожую на фигуру покойнаго Евгенія Васильевича. Маленькій ротъ ея оставался полуоткрытымъ, на тонкихъ и блѣдныхъ губахъ обозначалось легкое движеніе, какъ-будто-бы эти хорошенькія уста хотѣли сказать мнѣ самую пріятную нѣжность; по-крайней-мѣрѣ спокойный взглядъ ея подтверждалъ мои догадки. Мнѣ стало неловко отъ этаго взгляда, я смѣшался и безъ всякой надобности принялся раскуривать мою сигару.

— Что-же ты молчишь другъ мой? снова началъ отецъ. Иди отдохни... Смотритель былъ такъ добръ, что уступилъ тебѣ свою комнату.

— Да-съ.... пожалуйста — все готово! сказалъ Созонъ Созоновичъ, просунувъ свою голову въ полуотворенныя двери.... Пожалуйста, все будетъ удобно и благоправно. Пожалуйста, барышня.

Таничка грустно улыбнулась, медленно и почти нехотя подала свою руку отцу, и вмѣстѣ съ нимъ вышла за смотрителемъ.

— Пашка! раздалось за дверью.

— Здѣсь, отвѣчалъ хриплый голосъ.

— Поставь самоваръ, вынь изъ ларца двѣ бутылки вина и зажарь пару цыплятъ....

— Слушаю-съ. А нешто, Филиппъ Никитичъ, цыплята-то есть у насъ?

— Ужъ коли говорю жарь; такъ стало-быть есть. Спроси у Левки, онъ въ Перекопѣ закупалъ провизію.

— Слушаю-съ.

— Пашка! А Пашка!

— Чего изволите!

— Смотри не пережарь цыплятъ.

— А съ чемъ-же цыплятъ-то прикажите?

— Спроси у Левки; тамъ въ ларцѣ варенье есть....

Изъ этаго разговора я легко могъ догадаться, что Левка состоялъ при моемъ новомъ знакомцѣ въ званіи камердинера и казначея, а немытый Пашка исполнялъ должность повара. Всѣ эти открытія, однакожь, нисколько не утѣшили моего любопытства, сосредоточеннаго въ эту минуту на странномъ обращеніи дочери Филиппа Никитича. Прекрасное, задумчивое личико Танички, ея неразгаданный взглядъ, эта разсѣянность и моментальная улыбка удовольствія, съ которыми она протянула свою руку папашѣ,—все это сильно меня интересовало. Еще никогда, и ни одна женщина изъ всѣхъ, съ какими я встрѣчался на бульварахъ, въ маскарадахъ, при раздѣлѣ имѣнія и на станціяхъ, не смотрѣла на меня съ такою нѣжностью, съ такою любовью. Если этимъ удовольствіемъ я былъ обязанъ моему поразительному сходству съ тѣмъ, кто также кривилъ ротъ, какъ и я, то все-таки изумленіе дѣвушки выразилось чрезвычайно наивно, думалъ я. Вотъ она, передо мной, въ этомъ темномъ бархатномъ плащѣ, обхватившемъ такъ граціозно, въ пышныхъ складкахъ, ея прямой станъ, изъ-подъ складокъ плаща выглядываетъ ножка, къ которой бы съ восхищеніемъ прильнулъ всякій китайскій мандаринъ. Вотъ это блѣдное, дѣвственное личико полное тихой грусти, вотъ этотъ взглядъ—долгій, внимательный, по временамъ то готовый высказать вос-

торгъ, то невыдержанный исходъ тоски; мнѣ даже кажется пара крупныхъ слезъ на долгихъ ея рѣсницахъ и потомъ улыбка, неразгаданная, непонятная, боюсь сказать—безсмысленная....

— Неужели Таничка.... Но я не успѣлъ испугать себя печальною догадкою, и очень былъ доволенъ приходомъ Филиппа Никитича, разрушившимъ мои мечты.

— Прихварываетъ! шибко прихварываетъ.... опять что-то сдѣлалось..... Ничего не говорить.... плачетъ! шепталъ онъ, какъ-бы забывая о моемъ присутствіи и разсѣянно переставляя съ мѣста на мѣсто свой бульдегомъ, киссетъ и зубочистку. Нельзя было не замѣтить, что нѣжный отецъ находился подъ вліяніемъ впечатлѣній грустныхъ и непріятныхъ. Онъ даже не обратилъ вниманія на принесенный Левкою самоваръ, на звонъ и дребезжаніе поставленныхъ передъ нимъ бутылокъ, и только тогда вышелъ изъ своего забытья, когда неловкій слуга уронилъ на полъ жестянку съ сахаромъ.

При этомъ обыкновенномъ и вседневномъ обстоятельствѣ, Филиппъ Никитичъ искоса посмотрѣлъ на своего расторгнутаго камердинера—и подсѣлъ ко мнѣ.

— Такъ вы не въ Пятигорскъ ѣдете? спросилъ онъ, какъ бы продолжая начатый разговоръ.

— Нѣтъ. Я буду на береговой Черноморской Линіи; теперь ѣду въ Севастополь, и уже оттуда въ десантъ отправлюсь къ Сухумскимъ берегамъ.

— Такъ, такъ-съ. Ну, а я такъ въ Пятигорскъ.... Только прежде разсудилъ посмотрѣть Крымъ.... Бахчисарай, Судакскую долину, знаете.... южный берегъ.... Ахъ, позвольте, въ Симферополь и Бахчисарай—намъ съ вами вмѣстѣ ѣхать?

— Да.

— Вотъ и прекрасно. Вѣдь вамъ, молодой человѣкъ, все-равно ѣхать ли одному или съ кѣмъ-нибудь,—а мнѣ старику, хоть на день, на два—товарищъ находка.... Видите, здѣсь глушь какая, пустырь пустыремъ, ни человѣка, ни березы! Сдѣлайте милость, поѣдемте вмѣстѣ.... Карета у меня просторная; четыре мѣста, а сидимъ только дочь, да я. Весело будетъ, право, весело!

Оригинальная простота и отсутствіе всякой претензіи на церемонію до того мнѣ понравились въ почтенномъ Филиппѣ Никитичѣ, что я, несколько не задумываясь протянулъ ему свою руку. Къ-тому же, это предложеніе такъ кстати отвѣчало моему сильному, быть-можетъ и не совсемъ извинительному желанію попристальнѣе взглядѣться въ интересную Таничку.

Почти до полночи длилась наша бесѣда, и далеко послѣ первыхъ пѣтуховъ мы разбрелись по диванамъ.

Не знаю, если такіе счастливыцы, которыхъ-бы морфей дарилъ богатырскимъ сномъ во-время ночлеговъ на станціяхъ; но крайней-мѣрѣ я непринадлежу къ числу ихъ. Здѣсь, всегда и во всякое время, все противъ меня. Не выходя уже изъ круга комнаты—сотня предметовъ бодрствуютъ надо мною и гонять мою дремоту. Едва только нырнулъ въ подушки, съ непремѣннымъ желаніемъ отдѣлаться отъ всякой мысли, какъ гробовой стукъ стѣнныхъ часовъ, ихъ урчаніе и потомъ протяжный, со скрипомъ, звонъ—наводятъ на какую-то грустную думу, и лезетъ въ голову чепуха нивѣсть какая, и мерещится прошедшее, какъ-будто бы этотъ занкающійся маятникъ рассказываетъ тебѣ бывшее, одинъ-на-одинъ, безъ свидѣтелей, вызывая такія воспоминанія, отъ которыхъ и тяжело сердцу, и весело ему, и тепло, и холодно. Тутъ явится и отцовскій домъ, и Матвѣй Логиновичъ, еще свѣжій, бодрый—но все-таки со своею сказкой о «бѣломъ бычкѣ», и тѣ-же часы съ барабаннымъ боемъ, съ пѣлой гауптвахтой деревянныхъ солдатиковъ, которые выбѣгаютъ изъ своей пестрой будки предъ каждымъ ударомъ колокольчика; а тамъ покойница матушка, считающая минуты на замасленномъ циферблатѣ, предъ разлукой со мною... а тамъ... Да, что часы! Хочешь отвязаться отъ нихъ, задумалъ перевернуться, глядишь, какъ сухой сукъ малины кольнетъ тебя въ бокъ конскій волосъ, неизбѣжная начинка дивана. Началъ забываться, вотъ, что-то сѣренькое въ глазахъ; какіе-то радужные кружки плаваютъ передъ ними въ масляномъ морѣ сизаго цвѣта; замерла дума, подушка такъ тепло согрѣла високъ, забыто все-все, дышешь такъ свободно, какъ будто бы не жилъ на свѣтѣ, не встрѣчался ни съ Созонами Созоновичами, ни съ Таничками, ни съ добрыми, ни съ злыми, — и вдругъ протяжный храпъ сосѣда, а за нимъ шарканье туфлями станціоннаго, а тамъ фырканья коня, судорожный вехлицъ колокольчика, и заскрипѣли двери, забѣгали ямщики.... Ну, да какъ тутъ спать! Не знаю ужъ кто спитъ на станціяхъ! развѣ только Филиппъ Никитичъ, который до самаго разсвѣта ворочался на своемъ ложѣ, изрѣдко приговаривая: а вотъ и недаромъ же локоть чесался — на новомъ мѣстѣ сплю.... а! что-бы васъ — одолѣли, какъ одолѣли!

Сѣренькій свѣтъ нараждавшагося дня пробился сквозь зеленое стекло окна, кинулъ пеструю тѣнь на кисеть и бульдегомъ Филиппа Никитича, спавшаго въ эту минуту такъ непритворно, съ такимъ прищелкиваніемъ нижней губы, что мнѣ стало завидно и досадно. Я закурилъ трубку и раскрылъ окно. Легкій туманъ рѣдѣлъ надъ степью, двигаясь неизмѣримыми полосками за гранью отдаленныхъ солончаковъ. Между

правильно расположенными телегами чумаковъ мелькалъ скудный огонекъ. Усатый Грицко перетиралъ въ корытцѣ сало и курныкалъ пѣсню; вокругъ его, кто избоченясь, кто почесывая чупъ, — столпились товарищи, покуривающіе изъ своихъ коротенькихъ люлекъ. Подъ окномъ у станціонной мазанки, на завалинѣ, бесѣдовали Матвѣй Логиновичъ Левка и Пашка.

— А ты, нешто тоже съ барининомъ? спросилъ Левка, передавая Матвѣю Логиновичу кусочикъ только, что воспаленнаго труда.

— Съ барининомъ, коротко отвѣчалъ дядька.

— Да это, ужъ не тотъ ли, подхватилъ Пашка, что ночевалъ сего дня здѣсь; такой невзрачный, этакъ примѣрно сказать, лѣтъ двадцати, съ усиками, въ которыхъ и трехъ волосъ не сочтешь... еще бородавка у носа...

— Ну да, съ бородавкой, отозвался Матвѣй Логиновичъ.

— Знаю, голова, видѣлъ. Вмѣстѣ съ нашимъ барининомъ ужиналъ.

— Ну, такъ-что?

— Да, ничего... Ужиналъ, говорю А куда это вы съ нимъ...

— Къ черкесу.

— Офицеръ стало-быть?

— Какой офицеръ, съ маленькимъ негодованіемъ отозвался мой старій дядька: — изъ нуварентета только вышелъ. Кабы покойный-то отецъ былъ живъ, такъ мы бы забыли своевольничать; шутить не любилъ, царство ему небесное, далъ бы такую острастку, что охота бы пропала... А теперь, вотъ изволишь видѣть, воля то у насъ своя. По военной, говорить, пойду... По военной! Писалъ бы себѣ... Писать вѣдь учили, взялъ бы какое ни наестъ себѣ мѣстечко, ... Матвѣй Логиновичъ, въ избыткѣ своего негодованія, не закончилъ фразы и выразительно махнулъ рукою.

— А ваши господа въ какіе края пробираются? спросилъ старикъ, послѣ недолгаго молчанія.

— Тоже къ черкесу? отвѣтилъ Левка, сопровождая слова свои длиннымъ зѣвкомъ.

— А вотъ и врешь, не къ черкесу! перебилъ Пашка.

— Эва, я хуже тебя, неумытаго знаю!

— Да ужъ хуже... Къ тёплымъ водамъ ѣдутъ они.

— Къ тёплымъ... Эхъ ты ну гадай! А вотъ и не къ тёплымъ, а къ кислымъ.

— Толкуй, къ кислымъ... Баринъ-то отродясь ничего въ ротъ кислаго не бралъ, и терпѣть кислаго не можетъ, и всегда мнѣ заказываетъ: Смотри, Пашка, въ кушанье неклади ни лимону, ни уксусу, ни...

— Вотъ то то и есть, слышенъ звонъ, да не знаемъ гдѣ онъ..

— Нѣтъ знаю! не важничай...

— Не важничая, голова, а говорю справедливо, съ резонансомъ такъ сказать, по тѣмъ причинамъ, что больше тебя, пустоголоваго, разумѣю...

— Ой-ли! Смотри, какой умница... лба обухомъ не пробьешь.

— Ладно... Ты я вижу больно остеръ на слово...

— Да — остеръ... А баринъ-то все-таки не любитъ кислаго — вотъ и прорвался голова... Совралъ, ужъ признайся, братъ Левка!

— Да развѣ баринъ будетъ воду пить!

— И баринъ будетъ пить...

— Ай — врешь! Барышня будетъ пить; это ей на кисля вельфъ Казиміръ Антоновичъ ѣхать; вотъ что! А баринъ тутъ сторона, барину можно пить все, и пьеть онъ все, а барышня должна пить кислое, такъ оно и сказано, такъ оно и будетъ... Барину зачѣмъ вода! Для чего ему ее пить — не сухотка его одолѣла...

— А барышню одолѣла?...

— Ну да не сухотка, такъ другая болѣсть съ ней... Такъ Казиміръ Антиповичъ и сказалъ: дескать, поѣзжайте вы, Филиппъ Никитичъ — на кисля.

— Врешь, на тепля...

— Говорить, поѣзжайте вы на кисля, къ черкесу, говорить, тамъ говорить и воздухъ этакій... ну и прогулка съ картиною говорить... Горы есть, публика и черкесы тамъ, говорить и танцуютъ, и всякія удовольствія есть. Вотъ что? Самъ я слышалъ, а тебѣ ужъ не досталось, опорка ты отоптанная!

— Ну, да ладно! перебилъ Матвѣй Логиновичъ, которому очевидно надоѣлъ нескончаемый споръ слугъ Филиппа Никитича: за какой бы водой ни ѣхали, — продолжалъ онъ, — за живой или мертвой, за кислой или горькой — только стало-быть барышня-то ваша нездорова?

— Да еще какъ! откликнулся Левка: не то чтобы этакъ примѣрно сказать — обыкновенно больна, а то больна такъ, что ужъ водой тутъ врядъ-ли что размочишь.

— Вотъ какъ! что же это съ ней приключилось?

— Да приключилось очень нехорошо... *Маненько* знаешь того — свихнула — такъ-сказать.

— То-есть, какъ это свихнула?

— Понятно какъ, въ разсудкѣ не все обстоитъ благополучно, дебошъ въ головѣ...

— О! и очень?

— Не то, чтобы очень, не пугается, не то, чтобы въ азартъ лезла, а на порядкахъ...

Я стоялъ, какъ ошеломленный.. Разсказъ Левки, не знаю, почему-то заморозилъ во мнѣ сердце. Новость, эта грустная, печальная новость тревожно отозвалась въ душѣ моей, мнѣ было такъ беспокойно, такъ тяжело и страшно, какъ-будто бы я самъ терялъ рассудокъ...

— Эка ты напастъ какая! проговорилъ старикъ... А неизвѣстно, какъ это съ ней приключилось?

— Какъ неизвѣстно, все извѣстно... Гисторія, братъ, такая, что слеза прошибетъ... Я ужъ, примѣрно сказать, неохочь слюну-то распускать, меня ижнѣй разъ хоть какъ не выругай, какъ ни выколоти, губой не тряхну, а тутъ бываетъ, подъ часъ взглянешь на нее сердечную, да и хоть сейчасъ разрюмится бы... Ей Богу!.. Спроси Пашку; разъ такъ всю ночь прохныкала... Видишь ты, какъ эта бѣда наладилась. Позапрошлый годъ барышню привезли къ намъ изъ Питера, тамъ, изволишь ты видѣть, — она у мадамы по французскому учились...

— А вотъ и врешь, не у мадамы, перебилъ Пашка...

— Отваливай, не суй рыло въ чужое корыто, тебя не просили... и безъ тебя будутъ сыты! Слышь аль нѣтъ...

— Да не у мадамы, а доложу тебѣ, примѣрно сказать, въ женскомъ корпусѣ...

— Эво! Понесъ чепуху... Но, вотъ-съ, такимъ-то манеромъ и привезли ее. Краличка такая была — писаная, что ужаси... Кровь съ молокомъ, знаешь, глаза этакіе внизъ, все знаешь, смотрютъ, а сама все по французскому, все по французскому... А ужъ добродѣтели такой, что поискать. Примѣрно бывало дѣвкамъ нашимъ, что день, то обнова, тамъ косыночку, поясокъ, или просто съ плеча платкомъ подарить иную... Ну душа, да и полно! Вотъ, ладно! Прошло этакъ съ мѣсяцъ, къ намъ и навернись—сосѣдъ помѣщикъ, человекъ зажиточный. Изъ богатыхъ... Село какое, мельницы, заводъ, триста душъ, да все народъ дѣловой, то-есть, на все руки... Вотъ оно что! Ну и самъ, примѣромъ сказать, молодежь, и холостыба къ тому же... Ужъ не знаемъ, что у нихъ тамъ было — только послѣ этого раза нашъ Евгеній Васильичъ и зачастилъ... Евгеній Васильичъ его звали. Вотъ, сударь ты мой бывало, не успѣемъ проснуться, а ужъ онъ и тутъ—какъ тутъ. Или верхомъ кататься съ Татьяной Филипповной, а нѣтъ, такъ по саду прохлаждаются, съ книгой примѣрно сказать, или смѣются бывало... Поглядимъ, къ осени

ужь Марфушка рассказываетъ, что вотъ дескать барышня помолвлена и свадьба не за горами...

— А и врешь, перебилъ спокойный Пашка: не Марфушка эта рассказывала, ее ужь тогда и не было, — а рассказывала Палашка...

Однакожь это замѣчаніе осталось безъ всякаго словеснаго возраженія со стороны Левки; онъ только махнулъ рукою и продолжалъ.

— Какъ теперь помню—второго ноября баринъ отправился со мною за покупками въ городъ. Вотъ сударь ты мой, нагрузили мы цѣлый тарантасъ всякимъ добромъ, примѣрно сказать, шелкомъ, бархатомъ, мѣхами. Приѣхали, поглядимъ, а ужь у насъ полонъ домъ гостей... Барышня такая развеселая, дѣвушокъ кругомъ и не перечесть. Назначали и день свадьбы... Вдругъ въ самой-то этотъ день — хлопъ... прискакалъ къ барину ѣздовой «Пожалуйте, говоритъ, къ Евгенію Васильевичу, нехорошо съ нимъ, захваралъ крѣпко, съ сердцемъ что-то сдѣлалось; *невризь*, говоритъ, случился. Баринъ, какъ держалъ стаканъ съ водой, такъ ее и тарахнулъ объ полъ. Лошадей! шубу! доктора! — и маршъ. — Баринъ со двора, а барышню на рукахъ снесли въ спальню изъ зала; тоже нехорошо сдѣлалось. Почитай ужь въ полночь воротился Филиппъ Никитичъ... Поглядимъ, на немъ лица нѣтъ, желтый какъ воскъ, сморить, страшно сказать, какъ смотритъ!.. глаза краснехоньки, видно было, что не одну слезу стряхнулъ. Ну, подумала дворня, вѣрно прибралъ Господь Евгенія Васильича... Такъ братъ и случилось: отдалъ Богу душеньку на рукахъ у нашего барина. А межъ-тѣмъ барышня не встаетъ, слегка бредитъ по ночамъ, днемъ только и спросу, что о покойномъ. Ну, извѣстно дѣло, жалко, свое дѣтище, Филиппъ Никитичъ боится правду сказать. Говорить, выздоравливаетъ Опольскій, скоро приѣдетъ, навѣститъ тебя, Таничка... Ну быть можетъ кое-какъ и подготовили бы бѣдняжку... Да не такъ случилось. Кого-то изъ нашей дворни и прорви пересказать барышнѣ всю правду... Кого ужь это угораздило — не могли дознаться... Оно, конечно, вѣстимо бабы...

— Анъ и не бабы! перебилъ Пашка, а Антипка козырь, столяра сынъ, который бѣгалъ для барышни за лекарствомъ въ городъ. На бабъ ты не ври... вотъ что!

— Ну, ладно, ну пусть Антипка, прахъ его возьми!.. Только злое дѣло было сдѣлано, барышня на смерть захворала... Думали, что ни сегодня, завтра снесемъ на погостъ, да рядкомъ съ маменькой и положимъ. Однако ничего, Казиміръ Антонычъ, который и дневалъ и ночевалъ у насъ — поднялъ таки ее на ноги...

— Эко — фигура! снова откликнулся неугомонный поваръ... Что проку-то въ томъ... Помню я, какъ она первый разъ съ постели встала,

въ самый новый годъ... Все горничныя разбѣжались... Похороните, говоритъ меня — я ужь умерла, да громко говорить не плачьте, а говоритъ Евгению Васильевичу скажите, что я жива, да только за него замужь не пойду, а выду за папенькинаго попугая... Эво! Поставилъ на ноги — безъ головы, что въ томъ проку!

— Дуракъ! отозвался Левка. Да еще Богъ не безъ милости... Вѣдь мертвыхъ не воскрешаютъ лекаря, а ряхнувшихъ вылечиваютъ...

— Да, не кислой-ли водицей!.. Толкуй по пятницамъ, умная голова!

— Ну! ну! такъ что же! перебилъ Матвѣй Логиновичъ.

— Ну больше ничего, какъ ряхнулась. Сначала-то было ужь и очень. Цѣлый день бывало то поетъ пѣсни, то пустится въ плясъ, то и смотри что въ окно выпрыгнетъ. . Потомъ стала потише. Да нелегче было на нее смотрѣть. Залетѣя, знаешь, слезами на взрыдъ и начнетъ причитывать: и милый-то ты мой, и бѣдникій и такой сякой, — просто сердце надрывается... Или подзоветъ кого ни наестъ, ну примѣрно сказать хоть-меня, отведетъ къ сторонкѣ и начнетъ шептать: Левушка, голубчикъ, сходи къ нему, скажи: такъ много плачетъ, пусть хоть на часокъ придетъ, хоть на одну минуту; Левушка, скажи ему, что я примѣривала все платье, и какія они... Ахъ, какіе они голубчикъ — черные... А потомъ вдругъ засмѣется такъ, что по сердцу словно терпугомъ пройдетъ, схватитъ тамъ шляпку или корзинку рабочую и суетъ ее мнѣ въ руки, и говоритъ: на, на, Левушка, снеси на могилку, сама рвала эти маргаритки, сама плела вѣнокъ... А какія тутъ маргаритки, на улицѣ воробьи мерзнутъ... Такъ маялись мы съ ней вотъ до нынѣшней осени... Исхудала и нивѣсть какъ, а ужь Филиппъ Никитичъ такой сталъ странный, что и поискать мудренѣе его... Со всякимъ бы онъ обнимался, да цѣловался, только бы размыкаться...

— А барышня-то, въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать, замѣтно поправляется... Вотъ какъ изъ дому выѣхали ни разу ни чего такого... Ну плачетъ, вѣстимо, рохманная, иногда и слово тамъ какое ни наестъ мудренное скажетъ, да ужь это не то, что сначала.

Левка еще продолжалъ витійствовать, какъ громкій зѣвокъ Филиппа Никитича, а потомъ протяжное Ух-у-а! заставили меня оставить окно.

— Эге, да вы уже на ногахъ! сказалъ онъ. Что, вѣрно, не поспалось? Пуховичекъ-то репейникомъ или чертополохомъ насдобленъ!

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, желая присвоить себѣ качество, котораго мнѣ природа не принесла на зубокъ, качество — человѣка терпѣливаго, свычнаго съ неудобствами разнаго рода... Напротивъ, я уснулъ прево-

сходно. А всталъ рано потому, что не люблю измѣнять своимъ привычкамъ.

— Вотъ какъ, молодой человекъ. Да вы будете настоящимъ героемъ, воиномъ въ совершенствѣ, такъ-сказать. А какова у насъ погода?

— Утро прекрасное.

— Ну и прекрасно. Въ ясный день ясно и на сердцѣ. Однако понавѣдаться къ Таничкѣ. Съ этими словами Филиппъ Никитичъ наскоро одѣлся, не тревожа даже своего краснорѣчиваго камердинера, и вышелъ.

Спустя нѣсколько минутъ, за дверьми раздался снова его голосъ: Пашка! Левка!

— Здѣсь! Здѣсь! И слышно было, какъ дрогнула завалинка, и какъ усердные слуги стремглавъ бросились на зовъ своего господина.

— Поставьте самоваръ и приготовьте закуску... Мы скоро ѣдемъ.

— А вы что приказать изволите, сударь-баринъ? спросилъ Матвѣй Логиновичъ, просунувъ голову въ открытое окно.

— Да ничего, Матвѣй Логиновичъ, отвѣчалъ я. Нагрѣй самоваръ, да и пей на здоровье чай... Закусить, что тебѣ угодно спроси — деньги при тебѣ.

— А вы то, сударь?

— Я, братецъ, пью чай съ господиномъ твоихъ новыхъ друзей, съ которыми до Бахчисарая ты, кажется, и поѣдешь.

— Гм... кажется и поѣдешь! проворчалъ старикъ... Увидалъ смазливенькую, въ леденецъ растаялъ, теперь пожалуй и на черкеса не пойдемъ...

Матвѣй Логиновичъ былъ старикъ добрый, откровенный, человекъ стараго покрою, любившій меня какъ роднаго сына, и потому я никогда не сердился, ни теперь, ни послѣ, на все его любезности...

— Такъ что жъ это въ самомъ-дѣлѣ, батюшка-баринъ, со мною вы поѣдете, или съ тѣми, какъ ихъ.

— Да съ тѣми...

Между-тѣмъ Филиппъ Никитичъ былъ уже возлѣ меня. Лицо его сіяло какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, движенія были быстры и живы; онъ улыбался такъ наивно, что я въ душѣ крѣпко за него порадовался...

— Вѣдь сегодня совершенно здоровехонька! сказалъ онъ, дружески потрепавъ меня по плечу.

— Кто? спросилъ я, какъ будто бы не догадываясь о комъ шла рѣчь.

— Дочь, Таничка! моя Таничка!

— Поздравляю... Душевно радъ...

— Ахъ батюшка! Надо радоваться... Надо! Говорить... и на этомъ словѣ слезы выступили на глазахъ бѣднаго отца... говоритъ: папашенька — я буду съ вами пить чай сегодня... Можно? говорить... Да, какъ же невозможно, сокровище ты мое, жизнь ты моя! Вѣдь одно дитя, батюшка, одна, какъ душа одна... Я вамъ не говорилъ... Вѣдь я вамъ ничего не говорилъ насчетъ ея?

— Нѣтъ...

— Ахъ, и говорить грустно... Ахъ, какъ грустно! Видите, горе посѣтило насъ... несчастье, кара небесная... Что дѣлать! Что дѣлать— Его святая воля... Видите ли, у Танички было женихъ, прекрасный, умный молодой человѣкъ, сосѣдъ мой... Евгенийъ Васильичъ, ну тотъ, на котораго вы такъ удивительно похожи... Ну и умеръ онъ. Дѣвушка не вынесла этой потери... Любила, крѣпко любила, бѣдненькая, ну и разсудокъ того. Теперь, благодареніе Богу лучше, есть изрѣдка, но ужъ нето. Дорога, знаете, разнообразіе, встрѣчи... Надѣюсь — привезти ее домой совсѣмъ здоровою... Пожалуста, вы съ нею поосторожнѣе...

Подали самоваръ.

Филиппъ Никитичъ самъ посѣшилъ за дочерью. Съ какимъ-то неразгаданнымъ душевнымъ волненіемъ оставшись одинъ, я ждалъ встрѣчи съ интересною Таничкою. Какъ-будто кто шепталъ мнѣ: бѣги, пріятель, хоть выпрыгни въ окно, но бѣги, — худо будетъ. Но ужъ бѣжать было невозможно. Таничка стояла передо мной, въ своемъ легкомъ кисейномъ платицѣ и съ какою-то травкою въ рукѣ. Русые волосы ея, заброшенные назадъ, открывали личико въ высшей степени пріятное и выразительное, спрыснутое на этотъ разъ легкимъ румянцемъ. Улыбка удовольствія отражалась во всѣхъ чертахъ...

— Вотъ, душечка, сказалъ отецъ, добрый молодой человѣкъ, который дѣлаетъ намъ честь своимъ обществомъ; онъ былъ такъ снисходителенъ, что согласился на мою просьбу ѣхать съ нами вмѣстѣ...

— Ахъ, какой вы добрый... Вотъ это хорошо! Намъ будетъ весело! съ выразительною непринужденностію сказала дѣвушка. А то намъ такъ скучно вдвоемъ, такъ скучно... все переговорили... все! все... Какъ васъ зовутъ?

— Николай Васильевичъ...

— А! ну, а меня Татьяна Филиппьевна... Теперь знаете, какъ меня зовутъ?

— Знаю ..

— Ну, а какъ? И Таничка, съ плутовскою улыбкою, граціозно наклонилась ко мнѣ.

— Татьяна Филиппьевна, отвѣчалъ я.

— Да, да!... Такъ. Ахъ, какой вы хорошій. Вѣдь папашенька не обманулъ: вы ѣдете съ нами?

— Вмѣню себѣ въ пріятное удовольствіе скоротать съ вами часъ, два, три, и даже сутки...

— Слышите, папашенька, слышите! сказала она быстро оборачиваясь къ отцу... Голосъ—то у нихъ, какъ похожъ...

— Да, да душенька .. А что это, какая у тебя въ рукахъ травочка?....

— Не знаю! расѣянно отозвалась Таничка и бросила на полъ травку.

— Ай да, хозяйка, Таничка, ай-да хозяйка, началъ отецъ. Что же ты насъ не подчуешь чаемъ? а еще говоритъ: сама разливать буду...

— Сейчасъ! сейчасъ.... Вотъ и забыла! Извините, прошу покорно.... Съ этими словами, сопровождаемыми звонкимъ смѣхомъ, дѣвушка подбѣжала къ столу, быстро разставила сервизъ, и потомъ съ пресерьознымъ видомъ принялась за свое дѣло.

— А, послушайте, Николай Васильевичъ, начала Таничка, подавая мнѣ стаканъ,—скажите по правдѣ: вы хорошо пишете стихи?...

— Я не пишу ни дурныхъ, ни хорошихъ....

— Да вы невлюблены?

— Нѣтъ.

— Ну, влюбитесь, будете писать стихи.

— Почему же такъ, чтобы писать стихи надо непременно влюбиться....

— А, какъ же!... Пушкинъ, Баратынскій — вѣдь они влюблены, ужасъ какъ влюблены — это все знаютъ.... оттого и стихи у нихъ... ахъ какіе стихи! Такъ вы не влюблены? Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, а влюбитесь?

— Можетъ-быть.

— А, какъ вы влюбитесь? Ну—скажите, добренькой. скажите....

— На это трудно отвѣчать....

— Такъ вы еще и не любили никогда? съ какимъ-то состраданіемъ спросила Таничка.

— Никогда.

— Ну, неправда, неправда! Неправда и то, что вы не пишете стиховъ. Признайтесь.... Я покажу вамъ свой альбомъ....

— Да, полно другъ мой, Таничка, налоѣдать Николаю Васильевичу своими стихами, возразилъ отецъ.... поговоримъ лучше — о нашемъ маршрутѣ.

— Ахъ, папашенька, да когда мнѣ нравится, когда мнѣ пріятно говорить съ Николаемъ Васильевичемъ. Николай Васильевичъ—скажите мнѣ рѣму на слово..., позвольте, позвольте... на слово «милый».

— Постылый, унылый, хилый и пр. и проч. отвѣчалъ я не задумавшись....

— Ну, а на слово «уединеніе»?

— Упоеніе, забвеніе, сочиненіе и пр. и пр.

— А! видите.... Вы умѣете сочинять стихи....

— Нѣтъ, клянусь вамъ не умѣю...

— Ложь! ложь! Напишите мнѣ стихи, сейчасъ, сію минуту. Папашенька, гдѣ мой альбомъ? Съ этими словами дѣвушка бросилась къ небольшому чемодану и принялась швырять изъ него манишки, галстухи и жилетки, принадлежавшіе Филиппу Никитичу, между-тѣмъ какъ онъ, потянувъ меня за рукавъ осторожно, шепнулъ:

— Потѣшите ее, отецъ и благодѣтель... видите, какая она сегодня веселенькая.... Ну писните хоть что-нибудь и не свое, коли вы въ самомъ-дѣлѣ не сочинитель.... Сойдетъ! добавилъ онъ, прищуривъ глазъ.

Альбомъ былъ найденъ, въ небольшомъ числѣ книгъ, подвергшихся участи манишекъ.

— Вотъ, извольте.... пишите, пишите безъ отговорокъ. И она тщательно отерла своимъ атласнымъ передничкомъ сборникъ стиховныхъ изліяній и положила передо мною книжку.

Альбомъ Танички совершенно походилъ на всѣ альбомы въ мірѣ, на всѣ тѣ альбомы, которые составляютъ одну изъ лучшихъ бездѣлушекъ для молоденькихъ дѣвушекъ, для институтокъ и провинціальныхъ барышень въ особенности. Небольшая разноцвѣтная и продолговатой формы книжечка, втиснутая въ довольно изящный переплетъ, альбомъ Танички, вмѣщалъ въ себѣ вѣчное достояніе всѣхъ альбомовъ: «*На послѣднемъ я листочкѣ*» *Дети лети*.... Были тутъ и плаксивыя элегіи, и кипучіе диорамбы, посланіе къ ***, еще посланіе К*** и К***, возвышенныя октавы и изліяніе пламенной страсти въ формѣ мадригала. На картинахъ пестрѣли тѣщія коровки, пастушка съ пастушкомъ, два хо-

рошенькихъ носика, неизвѣстно кѣмъ оставленные, — канарейчка и подкрадывающійся къ ней котенокъ.... Между душистыми листьями, пообыкновенію, тлѣли лепестокъ розы, заморенный жасминъ, какая-то мушка и еще, кажется, мушка весьма обыкновенной породы...

— Ну, пишите, пишите! вскричала Таничка.

— Клянусь вамъ, что не могу.... и не знаю, что писать....

— Напишите акrostихъ: Татьяна!

— Ну, ужъ этого никакъ не могу, это египетская работа....

— А, въ такомъ случаѣ я разсержусь на васъ.... Папашенька, да попросите вы!

Дѣвушка пресерьозно надула свои губки.

— Николай Васильчъ, умоляющимъ голосомъ сказалъ мнѣ старикъ: напишите намъ «Таничку».

— Да не могу! Ей Богу, не могу! вскричалъ я внѣ себя отъ ужаса, какой навелъ на меня предстоящій трудъ. Вѣдь, въ вашемъ имени, Татьяна Филипповна—есть буква ъ.... Ну какое же я слово начну съ этой нѣмой буквы.... пощадите меня!

— Ничего, ничего, перебила дѣвушка.... напишите акrostихъ.... Таня!

— Ну, да Таня! отецъ и благодѣтель, Николай Васильевичъ, подхватилъ старикъ: вѣдь только четыре строчки,...

— Вѣдь только четыре! повторила дочь... Ну, скажите Бога ради, на что это похоже, такое упрямство.

— Извольте, сказалъ я съ героическимъ самоотверженіемъ и взялся за карандашъ.

Никогда еще я не находилъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ въ эту раздрательную минуту. Лобъ мой, по которому уже карандашъ пробилъ не одну дробь, только потѣлъ и, казалось, не рѣшился выжать изъ себя ничего болѣе. Къ тому же Таничка съ такимъ вниманіемъ слѣдила за всѣми моими движеніями, что за одно четверостишіе я готовъ былъ отдать все поэмы Гафиза и Фердузи, да даже и ихъ самихъ въ придачу. Я призывалъ на помощь Аполлона, молилъ всехъ музъ, которыхъ имена забылъ на этотъ непріятный случай.... и наконецъ, разрѣшился—удивительною глупостію, но тѣмъ неменѣе это все-таки былъ акrostихъ: «Таня»... Вотъ онъ. Доставшійся такъ тяжело, онъ не могъ быть забытъ мною и по истеченіи двадцати лѣтъ:

Твои глаза, такъ говорятъ мнѣ много!
Ахъ, для чего не выскажетъ языкъ!
Нѣмая рѣчь—до цѣли дальняя дорога,
Я къ цѣли близокъ быть привыкъ!—

— Удивительно! Удивительно! вскричала Таничка, прочитавъ мое замысловатое произведеніе и съ непритворнымъ восторгомъ захопавъ въ ладоши. Ахъ, какая прелесть, ахъ прелесть!... Видите, видите, а еще отнѣкивались! говорила она въ то время, какъ Филиппъ Никитичъ душилъ меня на груди своей.

Разстрепанный, какъ только могутъ разстрепать человѣка дружескія объятія, я вырвался изъ рукъ Филиппа Никитича, и вздохнулъ такъ свободно, отъ полноты измученной души, какъ-будто въ-самомъ-дѣлѣ изъ моей головы выскочило что-нибудь очень тяжелое.

Съ этой минуты, въ нашемъ маленькомъ обществѣ водворилось самое искреннее веселье, которое не покидало насъ въ-продолженіе цѣлаго дня.

Завтракъ прошелъ незамѣтно, и вполдень мы собрались въ дорогу.

— Ну, золотой мой, да вы просто чародѣй!... Ей-Богу волшебникъ!... Посмотрите, какъ она, моя ласточка, весела сегодня, и похорошѣла сегодня! говорилъ Филиппъ Никитичъ, пожимая мнѣ руку, когда мы, слѣдуя за Таничкою, проходили сѣнями.

Завидѣвъ меня, Матвѣй Логиновичъ проворчалъ что-то, и какъ разсерженный кабанъ, прыгнулъ въ бричку, удостоивъ помѣтить рядомъ съ собою словоохотливаго Левку.

Тутъ-же на крыльцѣ подвернулся и Созонъ Созоновичъ.

— Прощайте, батюшка, шепнулъ онъ: а вѣдь Марья-то Анфимовна, выходитъ, все слышала, что я вамъ вчера рассказывалъ... Ужъ было мнѣ, такъ-сказать... Прощайте, батюшка... Много благодарю?

Я было хотѣлъ, на прощаньѣ, перемолвить слова два съ добрымъ старичкомъ, но вызванный громкимъ требованіемъ моихъ нетерпѣливыхъ спутниковъ, успѣлъ только пожать ему руку и бросился въ карету.

Бѣгуны дрогнули, колокольчикъ звякнулъ и залился звонкою трелью, въ переливъ съ молодецкимъ подвистомъ ямщика татарина...

И вотъ опять степь направо и налево, безъ сучка и задоринки, опять тѣже верблюды, — таже пѣсня потомка Тамерлана... Изрѣдка просвиститъ въ воздухѣ крыло испуганнаго журавля или дрофы — и снова гладко, чисто, какъ скатерть. Однако это однообразіе разстилавшейся передъ нами и за нами декорации не имѣло никакого вліянія на нашу веселость: мы, попрежнему, болтали съ Таничкой о поэмахъ и любви. Старикъ отецъ восхищался каждымъ словомъ дочери. По его мнѣнію, въ этотъ день, какъ онъ самъ послѣ признавался, у Танички при-было ума больше, чѣмъ съ добрую горошину. — Между-тѣмъ, сказать откровенно, еслибы я не былъ предупрежденъ подслушаннымъ разговоромъ Левки и рассказамъ Филиппа Никитича о томъ ужасномъ несчастіи, какое

постигло бѣдную дѣвушку, мнѣ ничто не подсказало бы истины, даже и самая ея необыкновенная искренность и эта очаровательная наивность... Одним—словомъ, на второй станціи я былъ почти влюбленъ, на третьей рѣшительно. Но пустяки, думалъ я, это такъ, маленькое воспаление въ легкихъ, ничтожная капля яду на сердце, приливъ крови, что все какъ рукой сниметъ, если только мой достопочтенный Логинычъ покосится на меня разъ другой, да разъ другой проворчитъ себѣ подъ носъ какую-нибудь любезность въ мою пользу. Остынемъ, думалъ а между тѣмъ съ каждымъ взглядомъ на хорошенькую сосѣдку сердце мое прыгало, какъ беспокойная плотва. Но вотъ, вдали передъ нами вырисовались голубыя вершины горъ южнаго берега. Окрестность, какъ-будто бы ожила. Направо и налево замелькали тополи, межъ ними ряды чистенькихъ мазанокъ, кое-гдѣ небольшіе курганы и возвышенности; наконецъ даже стали попадаться русскіе мужики, тощіе евреи и всякой скоть; то атары овецъ, то непроходимо грязная семья свиней, то корова, глубокомысленно жующая жвачку.... однимъ—словомъ, все доказывало, что городъ отъ насъ не загорами....

— А, вотъ и Симферополь! сказалъ Филиппъ Никитичъ, указывая на легкія струи дыма, которыя въ радужныхъ клубахъ, освѣщенные солнцемъ, вились надъ городомъ.

Довольно прямая, но и довольно тѣсная улица встрѣтила насъ при въѣздѣ въ городъ. Въ послѣднюю мою поѣздку я не узналъ Симферополя; но тогда онъ весь походилъ на ту жалкую, рябую и черную часть города, которая кривыми переулками, съ закопченными домами, оскалившими свои тесовыя ребра, раскидывается за базарною площадью.

Ямщикъ указалъ намъ духанъ, въ которомъ, по его мнѣнію, такой хорошій баяръ, могъ такъ хорошій комнатъ имѣть. Эта хорошій комнатъ дѣйствительно находилась въ лучшей части города, которая и теперь едвали не считается въ немъ лучшею, именно улица, примыкающая къ общественному саду и обрыву надъ Салгиромъ.

Карета наша въѣхала на довольно невидный и невзрачный дворъ, противъ котораго выбѣгали три или четыре шалаша, наполненные съ низу до верху бубликами и шашлыкомъ. Средину двора занималъ домъ самой невинной архитектуры. Четыре окна, крыша, на которой безопасно могъ уснуть всякій, даже и подъ веселую руку, такъ она была плоска; за тѣмъ крыльцо съ рѣзною на верху стропилою, да на трубѣ флюгарка, весьма похожая въ одно и тоже время на силуэтъ духанщика и на ботфорту французскаго латника,— вотъ и все! — Это скромное зданіе, какъ оказалось послѣ, было храмомъ кейфа для невзыскательныхъ правовѣрныхъ; имъ предлагались здѣсь во всякое время колода картъ, жирныхъ

какъ шашлыкъ, и кварта винограднаго вина, смѣшаннаго съ полынью, Особенный татарскій вкусъ проглядывалъ, какъ видите, во всемъ, и въ постройкѣ и въ выдѣлкѣ вина. Налѣво отъ главнаго строенія раскидывалось неизмѣримое поле кадушекъ, ларей, корытъ разныхъ формъ и величинъ, рванныхъ сапоговъ и шапокъ, ломаныхъ лѣстницъ, рогожъ... ну словомъ, взглянувши налѣво, необходимо было позвернуться направо, гдѣ плоскій, какъ ящикъ геометрической готовальни, сарай, замазанный краскою глиняннаго цвѣта, тянулся во всю длину двора и даже далѣе, потому—что зубчатая крыша выбросила свои досчатые клыки далеко на сосѣдній огородъ. Въ этомъ-то плоскомъ пріютѣ, съ прорѣзанными съ наружной стороны дверьми, въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой, и помѣщались хорошія комнаты, комнаты темныя, величиною съ небольшой зарядный ящикъ, комнаты съ однимъ окномъ и бездною щелей, при помощи которыхъ легко можно было поймать на улицѣ муху. На черныя и грязныя стѣны этихъ безобразныхъ пріютовъ очевидно было, что давно, очень давно не посягла ни метла, ни щетка... Столъ, желѣзный подсвѣчникъ, два дивана, старый ятаганъ, который отвѣчалъ за кочергу—вотъ и все, что можно было встрѣтить въ этихъ пріютахъ, если великодушно прибавить къ этому стаю злыхъ мухъ, да столько же голодныхъ таракановъ.

— Послушай, братецъ, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь гостинницы почище этой мерзости? взмолился Филиппъ Никитичъ...

— Нѣтъ, баяръ, лучше нѣтъ, хоть прибей, баяръ! отозвался ящикъ.

Дѣлать было нечего. Сонъ и усталость одолѣвали насъ, и покоряясь необходимости, мы разбрелись каждый по своей клѣткѣ, условясь завтра верхами совершить прогулку по Салгиру.

Почти не раздѣваясь, я бросился на диванъ, много выигрывавшій въ мягкости и удобствѣ передъ тѣмъ, на которомъ я провелъ прошедшую ночь. Это маленькое, но пріятное удобство было замѣчено и Матвѣемъ Логиновичемъ, посматривавшимъ на меня чрезвычайно непріязненно. Но что такое негодованіе стараго дядьки для двадцатилѣтняго юноши, страстно влюбленнаго въ первый разъ въ жизни, и которой завтра увидитъ воспѣтый Салгиръ, напоить струею его своего коня, и въ избыткѣ поэтическаго восторга, пожалуй хоть и самъ хлебнетъ этой поэтической струи — тутъ же!..

Сонъ мой походилъ на сонъ новичка, выкурившаго шарикъ опиума. Я бродилъ въ садахъ Армиды, кушалъ золотые яблоки, отдыхалъ подъ пальмой Индіи, помнится, даже сыгралъ партію въ бильярдъ съ Платономъ, потомъ, уже не знаю какимъ чудомъ, сѣлъ рядомъ съ покойнымъ шалуномъ Парисомъ. Съ нимъ, бесѣдуя о добродѣтеляхъ Пріама и па-

ровыхъ машинахъ, скушалъ одну лепешечку баснословнаго бепешу, который подала намъ сама Елена Троянская, и въ этой Еленѣ — я узналъ Таничку. Я равнодушно вынесъ эту замѣчательную встрѣчу, не желая обижать хозяина щекотливыми разспросами. Потомъ мнѣ чудились дивныя звуки музыки, при чемъ Минотавръ съ Ариадною, Миносъ съ Аспазіею и Левка, кажется, съ Дидоною, исполнили чрезвычайно замысловатый корде-балетъ. Какъ-будто бы осѣдлавъ крылатаго пегаса, я пролеталъ надъ цѣлымъ міромъ, такъ быстро смѣнялись передо мною картины, полныя чудесъ невыразимыхъ и природы, неуловимой для кисти... Но вотъ я, въ тѣнистомъ саду дворца паши Янинскаго, затаивъ дыханіе, крадусь подъ частымъ навѣсомъ кипариса... Вотъ кіоскъ, освѣщенный огнемъ брилліантовъ, и въ немъ красавицы, жены грознаго старика, подъ звуки лютны, вьются въ бѣшеной пляскѣ... и опять между ними Таничка.

— А! Николай Васильевичъ! вскрикнула она: дайте стиховъ... Душечки, сестрицы, продолжала она — вѣдь это крымскій Гафизъ! Стиховъ! стиховъ! крикнуло нѣсколько нѣжныхъ, сребристыхъ голосковъ, и сотня рѣзвыхъ рукъ потянули меня въ разныя стороны. Стиховъ, стиховъ! кричали прелестныя затворницы... Давайте мнѣ балладу! — Мнѣ хорошенькую пѣсенку! И мнѣ! Мнѣ эпическую поэму въ восемь тысячъ стиховъ, въ александрійскомъ размѣрѣ, съ хорами и плясками!

— Чтò за шумъ! крикнулъ грубый голосъ въ которомъ я тотчасъ же узналъ Матвѣя Логиновича. А! сударь-баринъ, сказалъ онъ: зачѣмъ вы здѣсь? — Пишу стихи, Матвѣй Логиновичъ, отвѣчалъ я, теряя нѣсколько свою храбрость. — Стихи? И вамъ не стыдно писать стихи? Ступайте-ка на Кавказъ, идите... идите! Вишь-ты, говорилъ старикъ: вѣрно своя воля, шатается гдѣ вздумаетъ; тамъ ночь да день, тутъ встрѣчный, въ иномъ мѣстѣ новый другъ — скоро доѣдемъ ..

Я открылъ глаза... Дѣйствительно Матвѣй Логиновичъ лежалъ противъ меня на диванѣ; вытянувшись во всю длину стѣны и закинувъ подъ голову руки, старикъ говорилъ тѣже самыя слова, какія сказалъ мнѣ голосъ, провожая меня изъ серала паши Янинскаго.

и — Никакого, такъ сказать, резону нѣтъ въ головѣ, продолжалъ онъ, — только бы ему баклушничить, — со всякимъ, такъ сказать, въ разговоры пустится, знакомство заведетъ — и поѣхала! Шутка-ли, второй мѣсяцъ изъ Тамбова ѣдемъ, чтò шагъ, то перекутъ, чтò шапка, то поклонъ — всѣ други и пріятели!.. Просто никакого резона, только бы баклушничать, а о дѣлѣ и ни-ни! Не заикнется! Вотъ и теперь того и смотри, что съ этимъ толстымъ бариномъ, да съ сумасшедшей дочкой

профинтить время недѣли двѣ... Ужъ знаемъ! Дѣло бывалое... Вонъ куда-то сегодня верхомъ съ ними ѣдетъ... Ужъ и лошадей привели... Эхъ, Николай Васильевичъ, — не кому тебя журить, право не кому... А маленько бы не мѣшало... Право! и можно бы, не въ какомъ важномъ рангѣ состоишь... еще такъ-сказать мальчишка, да и мальчишка-то куда баловный! Такъ-то!

Ужъ не знаю, подражалъ-ли въ этомъ случаѣ мой старикъ Осипу Хлестакова, или говорилъ отъ чистаго сердца; только, не желая болѣе выслушивать ворчанья моего почтеннаго дядьки, я громко закашлялъ и зѣвнулъ еще громче, намекая ему на свое пробужденія.

Матвѣй Логинычъ тревожно поднялся съ своего ложа, и какъ человекъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, довольно ласковымъ тономъ сказалъ мнѣ:

— Долго-жъ попочивать изволили, сударь-баринъ, — вотъ ужъ и самоваръ простылъ, да и время-то почитай близко къ полдню, да и попутчикъ-то вашъ раза четыре, присылалъ за вами: я все говорю: спать молъ еще!

— Такъ отчего же ты не разбудилъ меня, Матвѣй Логиновичъ?

— А для чего я разбужу васъ... вѣдь вамъ, вѣстимо дѣло, не къ спѣху... Вѣдь не къ спѣху, говорю... Да и спали-то вы, сударь-баринъ, такъ сладко, что и будить-то васъ жалко было... Съ улыбкой, можно сказать спали, ну и говорили что-то такое пріятное, о какихъ-то стихахъ.

— Ну, ладно; давай чаю и одѣваться! сказалъ я.

— Что-жъ чаю! чай холодень, какъ ледь...

— Ничего.

— По мнѣ пожалуй, пейте... а бриться будете?..

— Нѣтъ... Вотъ только загляну въ зеркало... Гдѣ зеркало?..

— Да въ чемоданѣ... Ужъ извините рыться не стану... Только и дѣло, что завязывай, да развязывай — пожитки... коли бриться не будите, не зачемъ и въ чемоданъ ходить... Вотъ чай!

Съ этими словами старикъ хлопнулъ дверью и отправился за ворота.

— Что станешь дѣлать? подумалъ я, пусть его капризничаетъ.

Черезъ десять минутъ я былъ уже у моихъ новыхъ знакомцевъ. Танюшка была весела и разговорчива попрежнему; старикъ радушень и ласковъ, какъ вчера.

— А, Николай Васильичъ, говорилъ онъ, что это вы батюшка, точно какой походъ отламали; спите, такъ что и не добудишься васъ... Мы поднялись не по вашему рану, да и дѣла все кончили...

— Какія же у васъ дѣла? спросилъ я.

— А какъ же! Надо было лошадей достать. Ну лошадей-то достали, а дамскаго сѣдла — нѣтъ хоть плачь...

— Это неприятно; стало-быть наша прогулка не состоится?

— Состоится. За рубль мѣдью, какой-то жидъ обѣгалъ весь городъ — и досталъ... Преполезный народъ эти факторы.

— Да одѣвайтесь, папашенька! перебила Таничка. Пора намъ ѣхать... Ахъ какъ хочется взглянуть на горы, на Салгирь... Скорѣй! скорѣй!

— Сейчасъ, душенька; за мною дѣло не станетъ.

Филиппъ Никитичъ натянулъ перчатки, вооружился хлыстомъ — и мы отправились.

Амазонскій нарядъ чрезвычайно шолъ къ Таничкѣ; къ тому же она такъ ловко сидѣла на маленькой татарской лошадекѣ, что нельзя было не любоваться хорошенькою наѣздницею.

Мелкою рысью мы проскакали улицу, повернули направо — дорогою, которая тянется по обрыву, и наконецъ спустились къ Салгиру.

Воспѣтый, сверхъ всякаго ожиданія показался мнѣ самую прозаическою рѣченкою. Далеко уже нашей исторической Сулы, онъ тихо бѣжитъ по каменному руслу, такими мудреными зигзагами, что въ этомъ мѣстѣ отъ него рѣшительно не уйдешь ни прямо, ни направо, ни налево; то является на ровной площади поля, то сверкаетъ притаившись между кучами тополей. Въ иныхъ мѣстахъ трудно было догадаться, что лошадь бредетъ въ рѣкѣ, а не въ лужѣ, которая никакъ не больше обыкновеннаго письменнаго стола. Мы сдѣлали версть двѣнадцать на югъ, проѣзжая между зелеными холмами, на которыхъ раскидывались виноградники и татарскіе шалаши и мазанки. Свѣжія и горячія лошадки, при малѣйшемъ облегченіи повода быстро несли насъ впередъ и тогда, восхищенный природою, но недовольный своимъ конемъ, Филиппъ Никитичъ громко кричалъ:

— Таничка! Николай Васильичъ!.. Чепрытко... упаду! право упаду...

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда Филиппъ Никитичъ далеко отсталъ отъ насъ, спутница моя, сдержавъ коня, рѣшилась подождать своего папашу...

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь! сказала она, любуясь голубыми верхами горъ, раскинувшихся передъ нами... Говорятъ, въ Пятигорскѣ подобныя прогулки еще живописнѣе? Мы вѣдь часто будемъ тамъ гулять съ вами? Да?

— Очень бы былъ радъ дѣлать съ вами это удовольствіе, — но вѣдь я не ѣду въ Пятигорскъ.

— Какъ не ѣдете! съ удивленіемъ и недовѣрчиво спросила дѣвушка.

— Я ѣду въ Севастополь и уже оттуда на Кавказъ. Мы сегодня, Татьяна Филипповна, разстанемся въ Бихчисараѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы шутите! Вы поѣдете съ нами...

— Этого нельзя.

— Можно!

— Нельзя.

— Такъ вы не шутите?

— Нѣтъ.

Таничка судорожно сдернула вуаль, развѣвавшуюся на ея шляпѣ, ударила своего коня хлыстомъ и понеслась навстрѣчу своему отцу...

— Тише! тише — Таничка! кричалъ старикъ... Упадешь!

Но дѣвушка, не оглядываясь, вскачь перенеслась черезъ оврагъ и скрылась за тополевою рощицей.

— Что это съ нею! Что сдѣлалось! спрашивалъ испуганный отецъ, не обращая теперь никакого вниманія на крупный галопъ своего коня, подстрекаемаго быстрымъ бѣгомъ моего скакуна.

У воротъ духана мы настигли Таничку. Спрыгнувъ съ сѣдла, она ласково потрепала по щекѣ хозяина лошади, и съ громкой пѣсенкой, подпрыгивая скрылась за дверью духана.

— Плохо, очень плохо! Опять началось! грустно замѣтилъ старикъ, слѣдуя за дочерью...

Молчаливыя и зараженныя какою-то грустью, мы, къ вечеру, пріѣхали въ Бахчисарай.

Филиппъ Никитичъ такъ былъ разстроень переменною въ здоровьѣ дочери, что почти нехотя отправился смотрѣть дворецъ хановъ — ханъ-сарай.

Пройди длинною и узкою улицею, застроенною по обѣимъ сторонамъ лавками, въ которыхъ я не замѣтилъ другаго товара, кромѣ туфель всѣхъ цвѣтовъ и сортовъ, мы подошли къ предмету нашего любопытства. Старый инвалидъ встрѣтилъ насъ у воротъ ханъ-сарая, когда мы миновали ветхій мостикъ, перекинутый чрезъ грязненькую лужу, что на географическихъ картахъ слыветь рѣчкою Сурукъ-Су.

Чтобы рассказать всѣ подробности, весь планъ, пересчитать всѣ пристройки, всѣ украшенія древняго обиталища крымскихъ владыкъ, для этого нужно посѣтить его не разъ и не два. Въ немъ столько пестраго, такая бездна диванныхъ, залъ, маленькихъ отдѣленій, судей-

скихъ, кабинетовъ, что когда я разстался съ бахчисарайскимъ дворцомъ, въ памяти моей остались только полосатые потолки, разноцвѣтныя стекла оконъ, полуразрушенный гаремъ, садъ съ мраморными памятниками, растерявшими свои чалмы и украшенія. Вѣроятно, частые посетители ханъ-сарая надоѣли инвалиду крѣпко своими вопросами о комнатѣ Маріи Потоцкой и ея фонтанѣ. Старикъ, надо думать, по своему желанію назначилъ ханской одалыкѣ* угольную комнатку, въ которую ведетъ орѣховая лѣсенка; такъ же назвавъ и фонтанъ, расположенный въ небольшомъ, свѣтломъ коридорѣ.

— Вотъ, говоритъ, онъ безъ всякаго съ вашей стороны вопроса, комната полячки... а вотъ тамъ дальше... пожалуйста-съ — и фонтанъ ея...

Почти въ полночь пріѣхала моя бричка, и серьезный, даже чѣмъ-то возмущенный Матвѣй Логиновичъ доложилъ мнѣ, что лошади готовы, и что ямщику ждать долго нельзя.

— Извольте-ка, сударь-баринъ, поѣдимъ-те.

Дѣлать было нечего; при всемъ моемъ нежеланіи разстаться съ добрыми людьми, было неизбежно надо.

Танюшка кивнула мнѣ только головкой, холодно пожала протянутую ей руку и сказала:

— Прощайте... Но хотите съ нами ѣхать... Прощайте, не встрѣчайтесь со мной никогда!

Старикъ проводилъ меня до брички. Со слезами на глазахъ обнялъ меня добрый Филиппъ Никитичъ, прося, если судьба приведетъ быть въ его сторонѣ, навѣстить его тамбовскую усадьбу...

Мы разстались. Я прыгнулъ въ бричку и не могъ не взглянуть на окна гостиницы. Въ одномъ изъ нихъ мелькало лицо Танюшки; мнѣ даже показалось, что дѣвушка шепчетъ — что-то...

— Прощайте! Прощайте дорогой мой Николай Васильевичъ.... Благослови васъ Господи! кричалъ Филиппъ Никитичъ...

Грустно мнѣ стало очень грустно, когда оглянувшись послѣдній разъ на Бахчисарай, я замѣтилъ знакомыхъ Пашку и Левку, хлопотавшихъ около барскаго экипажа.

---

* Многіе думаютъ, что эта красавица, владѣвшая сердцемъ Керимъ-Гирея, была грузинка, а не плѣнная полячка, какая-то Потоцкая.

ПОѢЗДКА ВЪ ШВЕЙЦАРІЮ

ЛѢТОМЪ 1852 ГОДА.

Отъ Берлина до Альпъ. — Замѣтки на дѣту. — Базель. — Бернъ. — Бернскіе медвѣди, старинные и новые. — Гостинница Короны — Тунское озеро. — Гостинница Belle-vue. — Павильонъ Св. Іакова. — Переѣздъ чрезъ озеро. — Нейгаузъ. — Унтерзеенъ. — Интерланекъ. — Лечение сывороткою. — Сыворотколечебное заведеніе доктора Мани Кнехтенгофера. — Окрестности Интерлакена. — Бриенское озеро. — Гизбахъ. — Прогулки. — Гардеръ. — Зобы и кретинизмъ. — Возхожденіе на Абендбергъ. — Докторъ Гуггенбуль и его заведеніе. — Ротенфлу. — Братоубійца. — Лаутербрунненъ. — Штаубахъ. — Ледники.

Отъ Берлина до Альпъ не близко, но благодаря волшебству желѣзныхъ дорогъ, пространства въ наше время почти не существуютъ. Долголи сѣсть въ вагонъ? Мы заснули въ мягкихъ креслахъ, а въ пять часовъ слѣдующаго утра проснулись въ Галле. Какъ жаль мнѣ было, что я могъ только издали поклониться зданію знаменитаго университета, изъ котораго вышло и въ которомъ заключается столько учености. Не много дается времени любопытному путнику на станціяхъ. Неумолимый кондукторъ отворяетъ дверцы говоря: *Sechs Minuten, Zehn Minuten*, рѣдко болѣе. Чтò тутъ успѣешь сдѣлать? Съѣсть пирожокъ или выпить чашку жидкаго кофе. Отъ Галле начинаются прелестнѣйшія виды по обѣимъ сторонамъ дороги. Городки, богатая селенія, возвышенности, горы съ древними укрѣпленіями на вершинахъ и съ виноградниками на отлогостяхъ, — мелькаютъ передъ глазами. Вотъ прелестный Вейзенфельсъ, вотъ историческій Наумбургъ, вотъ Эйзенахъ, съ чудно сохранившимся замкомъ. Но увлекательнѣе всѣхъ Гиссенъ; я едва не убѣжалъ въ этотъ городокъ, когда паровозъ остановился. Городъ расположенъ между горами, съ которыхъ смотрятъ на него рыцарскіе замки Глейбергъ, Банденбургъ, Фецбергъ и другіе. Мнѣ указали-

среди благоухающаго сада скромный домикъ, въ которомъ живетъ и трудится одна изъ современныхъ знаменитостей — профессоръ Либихъ. Говорятъ, что онъ переходитъ въ Мюнхенъ. Стало смеркаться, когда мы прибыли во Франкфуртъ. Здѣсь мы остановились на два дни; хотѣлось ознакомиться съ этимъ почетнымъ городомъ, и мы все время ходили или ѣздили. Опять засвистала машина, опять начался полетъ нашъ. По истинѣ, нельзя иногда не досадовать на изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ. Можно ли безъ сожалѣнія вихремъ пронестись по миловидному Дармштадскому краю, почти по самымъ улицамъ столичнаго города? Переѣхать Некаръ и только издали видѣть Мангеймъ, откуда разлилась слава Шиллера, гдѣ Ифландъ ставилъ на сцену первыя его произведенія, гдѣ погибъ Коцебу. Миновать Гейдельбергъ и даже не подойти къ живописнымъ развалинамъ его замка и не прогуляться по тѣнистымъ аллеямъ Карлсруэ, утопающаго въ самой роскошной зелени. Жаль, очень жаль!.. Впрочемъ серьезно сѣтовать на быстроту паровыхъ путешествій есть верхъ нелѣпости. У кого достаточно времени, тому ничто не препятствуетъ выходить тамъ, гдѣ угодно, оставаться до прибытія слѣдующаго поѣзда. Еслибъ я странствовалъ одинъ, исключительно для моего удовольствія, я останавливался бы вездѣ, гдѣ возбуждалось бы мое любопытство. Входилъ бы на каждую привлекательную башню, осматривалъ бы каждый камень, съ которымъ соединено какое-нибудь особенное воспоминаніе. Это истинное для меня наслажденіе!.. Не доѣзжая до Фрейбурга, Вогезскія горы обрамливаютъ горизонтъ по правую сторону. Появляется Рейнь, и вскорѣ въѣзжаешь въ предѣлы Швейцаріи. Рельсы оканчиваются мили за полторы до Базеля. Надо пересѣсть въ омнибусъ, чтобъ достигнуть города. Насъ привезли къ ярко освѣщенной гостиницѣ (Des trois rois). Здѣсь нашли мы роскошный ночлегъ и хорошій ужинъ. На слѣдующее утро первымъ дѣломъ моимъ было поспѣшить на почту, чтобъ захватить удобныя мѣста въ дилижансѣ, отходящемъ въ Бернъ. Такъ какъ до отѣзда оставалось еще нѣсколько часовъ, то я употребилъ ихъ на знакомство съ городомъ. Быстрый, но мутный Рейнь служитъ ему лучшимъ украшеніемъ, онъ одинъ нарушаетъ здѣшнюю тишину, а ленточныя фабрики, числомъ до сорока, поддерживаютъ производительную дѣятельность. Вообще, Базель съ нѣкоторыхъ поръ очень упалъ, несмотря на много пребывающихъ здѣсь богатыхъ семействъ. Университетъ въ грустномъ положеніи. Цюрихъ и Бернъ поглотили его студентовъ, и теперь число учащихся (ихъ нѣтъ и восьмидесяти) не многимъ превышаетъ число профессоровъ. Новое зданіе, отстроенное года за три, снаружи очень просто, внутри удобно и изящно. На дворѣ, подъ неболь-

шимъ портикомъ, хранятся римскія древности, найденныя неподалеку отъ Базеля, въ селеніи Аугетъ. Музеумы бѣдны; замѣчательно собраніе рисунковъ и эскизовъ Гольбеина, базельскаго уроженца. Въ началѣ настоящаго столѣтія существовала въ одной изъ здѣшнихъ церквей стѣна, расписанная фресками его кисти, изображавшими всѣмъ извѣстный Тодетнъ-танецъ. Стѣна обрушилась, или, какъ утверждаютъ, была обрушена злоумышленниками, и фантастическое произведеніе погибло; сохранившіяся фигуры тщательно перенесены въ университетъ. Изъ числа находящихся здѣсь картинъ Гольбеина самая примѣчательная — Спаситель снятый со креста.

Отъ Базеля доерна, черезъ Золотурнъ, 12 часовъ почтовой ѣзды. Это прелестнѣйшая прогулка между живописными шале. Альпы уже въ виду. Невозможно передать чувства при видѣ этихъ исполиновъ. Я такъ и рвался къ нимъ. Мнѣ было не доерна, однакоже покуда закладывали коляску, я прошелся по главной его улицѣ, самой широкой и самой красивой во всей Швейцаріи, — дома по обѣимъ сторонамъ лежатъ на аркахъ, подъ которыми устроены магазины, Достигъ воротъ, при которыхъ сидятъ два колоссальные гранитные медвѣдя, и вышелъ въ другія ворота, возлѣ конхъ постоянно живутъ два настоящіе живые медвѣдя. Лѣтъ шестьдесятъ тому, богатая престарѣлая дѣвушка, завѣщала городу порядочный капиталъ съ условіемъ, чтобы въ Бернѣ всегда жили двѣ пары этихъ животныхъ. Мѣстное начальство въ точности исполняетъ это желаніе. Жительство медвѣдей устроено прекрасно. Огромная яма, обложенная камнемъ, раздѣлена на двѣ половины; въ стѣнѣ глубокое логовище, а посрединѣ ключъ наполняетъ глубокой водоемъ.

Надо полагать, что такое оригинальное завѣщаніе было сдѣлано по чувству общаго глубокаго уваженія, питаемаго Бернцами съ давнихъ поръ къ медвѣжьей породѣ. Преданіе гласитъ, что Бертольдъ V, герцогъ Церингенскій, охотясь однажды на берегу Ары, разошелся съ своими товарищами и въ лѣсной чащѣ встрѣтился лицомъ къ лицу съ огромнымъ медвѣдемъ. Они схватились; рыцарь поразилъ звѣря, и въ память этого событія положилъ тутъ основаніе города, назвавъ его Берномъ, отъ слова Ваег. Александръ Дюма, въ своихъ *Impressions de voyage*, посвятилъ цѣлую главу бернскимъ медвѣдямъ. Не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою его сочиненія и не помня подробностей, я, къ сожалѣнію, не могу украсть ихъ у остроумнаго путешественника и угостить ими васъ, въ надеждѣ, что и вы ихъ позабыли или вовсе не читали; но я хорошо помню, что Дюма иначе рассказываетъ основаніеерна. Онъ говоритъ, что городъ былъ построенъ въ 1191 году

и уже занесенъ стѣнами, а герцогъ все еще затруднялся какъ назвать его. Онъ собралъ окрестныхъ дворянъ и отдалъ на рѣшеніе ихъ эту задачу. Долго длились бесполезныя толки, когда одинъ изъ гостей предложилъ выѣхать на охоту и назвать городъ именемъ перваго звѣря, котораго имъ удастся убить. Наконецъ изложили медвѣдя, и новорожденный городъ былъ названъ въ честь его. Дюма основываетъ повѣствованіе свое на разказѣ студента, водившаго его по Берну, и подкрѣпляетъ его тѣмъ, что у городскихъ воротъ, близъ кладбища, сохраняется камень съ надписью: *erst baer hier sam*, то-есть здѣсь пойманъ первый медвѣдь. Я ходилъ по городу - съ обыкновеннымъ лончлакеемъ, онъ болталъ безъ умолку, вѣроятно то, что слышалъ онъ отца и дѣда, подвелъ меня къ мѣдному изображенію Бертольда и указалъ на барельефъ пораженіе звѣря самимъ герцогомъ. И такъ вотъ вамъ два сказанія, выбирайте любое. Все равно какъ ни происходило убіеніе медвѣдя, дѣло въ томъ, что онъ вошелъ въ славу; кантонъ принялъ его въ гербъ свой, а художники, кстати и не кстати, помѣщаютъ его гдѣ только возможно. Четыре гранитныя медвѣдя въ различныхъ положеніяхъ стерегутъ Родольфа Эрлаха, скачущаго на конѣ на площади, противъ входа въ готическую соборную церковь. Бронзовый медвѣженокъ комически держитъ шлемъ Бертольда у ногъ изящной его статуи. Лучшій городской фонтанъ украшенъ медвѣдемъ въ рыцарскомъ вооруженіи и медвѣженкомъ въ пажескомъ костюмѣ. Цѣлое стадо медвѣдей, держащихъ въ переднихъ лапахъ музыкальные инструменты и разнаго рода оружіе, выходитъ при боѣ часовъ, устроенныхъ надъ какимъ-то обвѣшалымъ зданіемъ на торговой площади. Есть еще нѣсколько разнообразныхъ медвѣдей на карнизахъ и у подъѣздовъ; гостинницы: *Hôtel de l'Ours blanc*, *Hôtel de l'Ours d'or* и т. д. Мимоходомъ скажу вамъ, на случай если будете въ Бернѣ, не ввѣряйтесь этимъ послѣднимъ медвѣдямъ; они съѣдятъ васъ; остановитесь на почтовой улицѣ въ гостинницѣ Короны, содержимой Крафтомъ. Не говоря уже о прекрасномъ помѣщеніи, вы найдете павильонъ, изъ котораго, въ ясный день, увидите всю горную цѣпь Оберланда. Такъ называется южная часть Бернскаго кантона (*Oberland bernois*); она начинается отъ береговъ озера Туна и простирается до Люцерна, Ундервальдена и Ури. Сверхъ-того, въ двухъ стахъ шагахъ отъ гостинницы, единственная въ своемъ родѣ терраса, усѣченная перпендикулярная скала, поднимающаяся слишкомъ на сто футовъ надъ нижнимъ городомъ, *la ville basse*. Внизу Ара струится между цвѣтущими садами, а къ ней отъ верхнихъ домовъ ступенями сходятъ многочисленныя террасы.

На самой платъ-формѣ, густыя каштаны образуетъ прелестное го-

родское гульбище. Посрединѣ бронзовая статуя Бертольда, о которой я упомянулъ выше, по угламъ два каменные павильона, въ нихъ устроены кондитерскія и газетныя комнаты. На краю утеса поставлена мраморная доска, съ надписью, свидѣтельствующею, что 25-го мая 1654 года бѣшеный конь низринулся здѣсь съ своимъ всадникомъ. Конь убится, а всадникъ остался невредимъ. Это былъ молодой человекъ, по имени Теобальдъ Вейнценфлю. Проникнутый благодарностию къ промыслу за столь чудное спасеніе, онъ посвятилъ всю жизнь свою служенію Церкви, и умеръ въ маститой старости.

Напрасно мой чичероне напоминалъ мнѣ, что нанятый мною экипажъ давно готовъ и что мнѣ за каждые полчаса придется заплатить по три лишнихъ франка, я не могъ добровольно сойти съ мѣста, и облокотясь на широкій балюстрадъ, любовался излучистыи теченіямъ Ары и ея крутымъ противулежащимъ берегомъ, по которому расходятся двѣ широкія алеи. Издали кажется, что они доходятъ до горъ, заслоняющихъ горизонтъ; одна изъ нихъ ведетъ въ Тунъ, другая въ Люцернъ. Я, вѣроятно, простоялъ бы здѣсь еще очень долго, еслибъ догадливый мой Генрихъ Видеръ не предложилъ мнѣ спуститься по эспланадѣ на берегъ и, не возвращаясь въ городъ, дойти до каменнаго моста, куда онъ взялся прибыть съ коляскою. Такъ и было сдѣлано: я могъ еще нѣсколько минутъ наслаждаться чудеснымъ пейзажемъ, возвышавшимся надо мною по мѣрѣ того, какъ я спускался внизъ. Я не успѣлъ еще достигнуть моста, какъ на немъ появился уже нашъ возница. Прощай милый, живописный Бернъ; я, вѣроятно, никогда не увижу тебя болѣе, но зато ты, навѣрное, никогда не изгладись изъ моей памяти, и часто воображеніе будетъ переносить меня подъ тѣнь твоихъ каштановъ, подъ которыми дышишь такъ легко и мечтаешь такъ пріятно!

Отъерна до Туна только три часа ѣзды. Путь не гористъ, шоссе превосходное, какъ и по всеиъ большимъ дорогамъ Швейцаріи. Конфедерация не щадитъ издержекъ на улучшение путей сообщенія, столь важныхъ для такой страны. Въ минувшемъ году употреблено было слишкомъ миллионъ франковъ на устройство новыхъ дорогъ и на исправленіе старыхъ. Не спрашивайте меня ничего о самомъ городѣ Тунѣ, я не видалъ его; можно ли разсматривать кирпичныя кучки, сложенныя руками человека, въ ту минуту, когда глазамъ представляются громадныя зданія, воздвигнутыя небеснымъ зодчимъ! Взгляните на гравюры, изображающія прелестное Тунское озеро, и вы поймете, что, несмотря на желаніе наше прибыть скорѣе къ мѣсту своего назначенія, мы остались на берегу озера почти два дни. Альпы! Со всеиъ

сторонѣ Альпы, а надъ ними возвышается царица здѣшнихъ горъ, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ Jung-Frau!..

На берегу Ары, неподалеку отъ истока ея изъ Тунскаго озера, устроена великолѣпная гостинница Belle-vue. Здѣсь путникъ находитъ все удобства: вкусный обѣдъ, прекрасный садъ и несчетное число прелестныхъ прогулокъ во все стороны. — Но чтобъ вполне насладиться первымъ впечатлѣніемъ Альпъ, надо взойти крутою, извиристою тропинкою на возвышенную скалу, въ павильонъ Св. Іакова. Чудная картина открывается отсюда. Снѣжныя вершины Бернскаго Оберланда сіяютъ на горизонтѣ. На нѣкоторыхъ ближайшихъ горахъ снѣгъ лежитъ широкими лентами; ниже—лѣса и кустарники спускаются до самой подошвы, внизу рѣка и озеро, готическая виλλα графа Ружмонъ, прелестные отдаленныя шале и многія селенія разсыпаны по обоимъ берегамъ и по гористымъ отлогостямъ. Закатъ солнца здѣсь очарователенъ!.. На одной изъ многихъ скамѣекъ, разставленныхъ на крутизнахъ, ведущихъ къ павильону, начертана простая, но краснорѣчивая надпись: *repose et jouis*. На другой отыскалъ я едва замѣтные, довольно удачныя стихи:

Avec leurs grands sommets, leurs glaces éternelles,
Par le soleil couchant que les Alpes sont belles!
La verdure, les eaux, les bois, les fleurs nouvelles,
Tout dans leus frais vallons sert à vous enchanter
Heureux qui sur ces bords peut long-temps s'arreter,
Heureux qui les revoit, s'il a du les quitter!

Солнце давно уже закатилось, а мы все еще не могли оторваться отъ этаго чуднаго мѣста. Взошла луна, разлила матовый свѣтъ свой на главы альпійскихъ гигантовъ, и черныя тѣни ихъ легли на озеро. — Спустившись съ горы, долго еще бродили мы по извилистымъ дорожкамъ сада, окружающаго Hôtel Belle-vue, прислушиваясь то къ однообразному шуму быстрой Ары, то къ плеску фонтана, бьющаго у подъѣзда гостинницы, въ кругу высокихъ тополей и благоухающихъ розовыхъ кустовъ.

Въ пятидесяти шагахъ отъ Belle-vue отходитъ два раза въ день пароходъ къ пристани Нейгаузъ, то есть пересѣкаетъ вдоль все озеро. Длина озера до пяти миль. На это потребно съ небольшимъ два часа, — двѣ минуты хотѣлъ я сказать: нельзя считать часами время, проводимое въ созерцаніи дивныхъ красотъ природы. Покуда пароходъ идетъ вверхъ по Арѣ, почти касаясь кремнистыхъ утесовъ, можно только любоваться скалами и покрывающею ихъ зеленью; но послѣ мѣстечка Шадау внезапно представляется весь бассейнъ изумруднаго Тунскаго

зеркала *, окруженнаго со всѣхъ сторонъ горами. Пораженный взоръ блуждаетъ, но по минованіи перваго очарованія, невольно останавливается на пирамидальной группѣ Низень (Niesen) и потомъ переходитъ къ огромнымъ массамъ, окружающимъ центръ раскинувшейся предъ нимъ панорамы отъ Блюмлицъ-Альпъ до подошвы Абендберга, опоясывающаго заливъ, которымъ оканчивается озеро.

По мѣрѣ приближенія къ противулежащему берегу, начинаешь всматриваться въ подробности общей картины: по лѣвую сторону появляется церква *Гильтержингенъ* и около нея селеніе, разсыпанное по уступамъ; насупротивъ, на высокомъ холмѣ, надъ впаденіемъ въ озеро рѣки Кандеръ, древняя башня Стретлингенъ **, а у подножія ея небольшой храмъ во имя Архистратига Михаила. Далѣе:—на южномъ берегу, селеніе *Шпизъ* (Spiez), названное такъ по остроконечности мыса на коемъ оно расположено. Около церкви сохранились остатки древняго укрѣпленія. Ниже его выглядываетъ колокольня селенія *Эши* (Aeschi), на хребтѣ горы, отдѣляющей озеро отъ долины Кандеръ. Преданіе приписываетъ построеніе ея королевѣ Бертѣ, супругѣ Родольфа, короля Бургундскаго, въ одиннадцатомъ столѣтіи.—Хижины селенія *Лейсингенъ*, прислонясь къ скаламъ, доходятъ до краевъ озера; здѣсь купальни и гипсовая фабрика, снабжающая Бернъ своими издѣліями. Самый живописный пунктъ на половинѣ озера, между селеніями *Гинтенъ* и *Ралингенъ*. Изъ ихъ кремнистыхъ горъ выбѣгаетъ множество источниковъ. Одни, какъ серебряные змѣи вытекаютъ отъ гребня до подножія, другіе, крутыми каскадами бросаются въ озеро, или молочною пѣною падаютъ съ утеса на утесъ, отражая отъ себя разноцвѣтныя радуги.—Счастливыцы, имѣющіе возможность не ѣздить, а ходить по Швейцаріи, обыкновенно оставляютъ пароходъ въ Ралингенѣ, и отправляются въ пещеру *Св. Беата*, чтобы отсюда идти горами до Интерлакена. Къ сожалѣнію, я не могъ этого сдѣлать, и только издали любовался шумнымъ водопадомъ, который сыплется изъ пещеры. Въ нее два входа, добраться до нихъ высоко, круто и трудно, но зато, какъ говорили мнѣ очевидцы, усталость вознаграждается дикою картиною мрачной внутренности. Ниже Ралингена лежитъ *Мерлингенъ*. Наивность его жителей съ давнихъ вѣковъ вошла въ пословицу, и каждый прибрежный проводникъ, каж-

* Вода Ары, отъ самаго истока ея, берущаго начало въ отдаленномъ хребтѣ Оберланда, именно въ Финстеръ-Дагорнѣ, до самаго впаденія въ Рейнъ, равно какъ и воды пересѣкаемыхъ ею озеръ Бриенскаго и Тунскаго, имѣетъ ярко-зеленый цвѣтъ.

** Построеніе Стретлингенской башни относятъ къ самымъ отдаленнымъ вѣкамъ. Вышина ея 150 ф; она окружена стѣною и обращена теперь въ пороховой магазинъ.

дый лодочникъ считаетъ обязанностію рассказать своему путнику какую-нибудь мерлингенскую повѣсть, въ родѣ нашего Иванушки-дурачка.—Все это, вѣрно, чистый поклепъ на бѣдныхъ Мерлингенцевъ. — Жаль покинуть Тунское озеро, это предверіе Швейцаріи, этотъ фронтисписъ альпійскаго альбома. Но вотъ Нейгаузъ.—Носильщики толпятся на пристани, и бѣлый рядъ разнокалиберныхъ колясокъ ожидаетъ путешественниковъ, чтобы по тополевою алеѣ везти ихъ чрезъ Утерзеенъ въ Интерлакенъ.

Ара не гладко вливается въ Тунское озеро. Каменистое ложе ея образуетъ широкій катарактъ; онъ игривъ и шуменъ, приводитъ въ движеніе нѣсколько мельницъ, но въ тоже время не позволяетъ пароходу доходить до самаго Интерлакена. Вотъ причина по которой изъ Нейгауза должно ѣхать берегомъ. Въ устьѣ Ары лежатъ два острова *Шпельматте* и *Армюле*, и на нихъ расположенъ городокъ Утерзеенъ. Каменный мостъ соединяетъ его съ берегами. Утерзеенъ замѣчательнъ въ исторіи Швейцаріи тѣмъ, что здѣсь была, до конца четырнадцатаго столѣтія, граница австрійскихъ владѣній, и жители указываютъ на небольшую иву, которая опредѣляла нѣкогда пограничную межу и которая, по словамъ ихъ, никогда не теряетъ листьевъ, но и не прибавляется въ объемъ.—Самый городокъ принадлежалъ Австріи съ 1298 по 1393 годъ. Въ 1470 году онъ сдѣлался жертвою пламени, сгорѣлъ и укрѣпленный замокъ его, представляющій теперь красивую руину, поросшую плющемъ. Зданія Утерзеена, лежащія на лѣвомъ берегу Ары, почти прислоняются къ кремнистому хребту Гардеръ; на первомъ планѣ праваго берега видны Абендбергъ и Рюгенъ; по направленію къ нимъ, чрезъ соединенные мостами острова Армюле и Шпельматте, вѣзжаютъ въ Интерлакенъ. Клены, вязы и орѣшники огромной величины составляютъ густую алею, идущую справа, по краю долины, разстилающейся до ближайшихъ Альпъ, а съ лѣва, близъ богатыхъ каменныхъ домовъ, отступившихъ на нѣкоторое пространство отъ Ары и составляющихъ собственный Интерлакенъ. Еще немного лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ этихъ домовъ стояли скромные швейцарскіе шале, украшенные только, по здѣшнему обычаю, изреченіями изъ святаго писанія, крупно начертанными надъ окнами; теперь они замѣнены изящными каменными зданіями, не менѣе какъ въ три этажа. Вокругъ ихъ цвѣтистые сады, внутри роскошь и изобиліе. Все это гостиницы, безпрестанно наполняющіеся путешественниками съ мая по октябрь мѣсяць. *Hôtel des Alpes*, *Hôtel de la Jung-Frau*, *Hôtel du Casino*, *Hôtel de la reine Victoria* и еще нѣкоторые во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ на ряду съ лучшими столичными заведеніями этаго рода. Сверхъ-того, многіе интерлакенскіе домохозяева обратили жи-

лица свои въ удобныя для прїѣзжающихъ помѣщенія, скромно назвавъ ихъ пансіонами (*des pensions*). Въ лавкахъ можно найти все, что угодно, въ двухъ книжныхъ магазинахъ получаютъ все литературныя новости, журналы и газеты. Словомъ сказать, Интерлакенъ уже не селеніе, даже не мѣстечко, — это многочисленный городъ, кипящій дѣятельностію. Прекрасное положеніе его на берегу рѣки, между двумя озерами, въ амфитеатрѣ великолѣпныхъ горъ, и сосѣдство многихъ замѣчательныхъ красотъ Швейцаріи, давно, приманиваютъ сюда европейскихъ туристовъ. Англичане, гонимые скукою съ своего острова, охотно проводятъ здѣсь лѣто, потому что отсюда можно удобно расхотиться во все стороны и не говоря ни съ кѣмъ ни слова, взлѣзать на неприступныя вершины, имѣя на каждомъ шагу возможность сломить себѣ шею. Но самое благодѣтельное вліяніе на развитіе, или правильнѣе, на превращеніе Интерлакена имѣло то обстоятельство, что, года за четыре, врачевныя европейскія знаменитости обратили вниманіе свое на цѣлебное свойство здѣшной горной атмосферы и на пользу, извлекаемую во многихъ болѣзняхъ изъ сыворотки (*petit lait*), добываемой изъ молока альпійскихъ козъ, и называемой въ Швейцаріи *Schotten*, а не *Molken*, какъ въ Германіи. Изъ Берлина Шенлейнъ и Ромбергъ, изъ Дрездена Гиденіусъ, изъ Парижа Мажанди и проч. начали присылать сюда своихъ пациентовъ, иныхъ на полный сывороточный курсъ съ ваннами, другихъ только для кратковременнаго питья сыворотки, составляющаго, въ разныхъ случаяхъ, необыкновенно полезное вступленіе для употребленія въ послѣдствіи минеральныхъ водъ. — Сначала затруднительно было доставать сыворотку; жители, не ожидая большаго запроса на козье молоко, угоняли стада свои далеко въ горы; ванны надлежало заказывать заранее, и не было удобнаго для этого устройства. Когда сывороточная система начала приводить къ счастливымъ результатамъ, тогда докторъ Мани-Кнехтенгоферъ, человекъ еще молодой, но уже опытный и весьма пріятный, оставилъ Тунъ, переселился въ Интерлакенъ и устроилъ здѣсь такъ-называемый пансіонъ, со всеми удобствами для лечащихся. Въ чистомъ, уютномъ домѣ, въ немногихъ шагахъ отъ рѣки, больной найдетъ все удобства и все врачевныя пособія. Тутъ аптека, теплыя ванны, разнаго устройства души и рѣчная купальня. Докторъ Мани завелъ своихъ козъ, которыя пасутся высоко на горахъ, питаются ароматическими травами. Каждое утро, съ восходомъ солнца, молоко приносятъ въ особенное отдѣленіе, гдѣ и превращаютъ его въ сыворотку. Жить у почтеннаго доктора недорого: полное содержаніе обходится въ день отъ 6 до 8 франковъ, то есть не болѣе двухъ рублей серебромъ. За это вы имѣете комнату съ надлежащими принадлежностями, по утру завтракъ, въ два

часа обѣдъ, не изысканный, но здоровый и сытный, въ восемь часовъ чай, кофе или ужинъ, на выборъ. За питье сыворотки платится въ мѣсяць двадцать франковъ. Дороги сывороточныя ванны: десять фр. каждая. Я сообщаю эти подробности, полагая, что онѣ могутъ быть полезны для того, кто, отыскивая здоровье, вознамѣрится посѣтить Интерлакенъ, мало у насъ извѣстный. Жена доктора, милая, привѣтливая женщина, завѣдуетъ всею домомъ. Въ немъ поселились мы, и отсюда пишу я мои замѣтки, подъ вліяніемъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній. Едва живительный воздухъ Гельвеціи пахнулъ на мою больную спутницу, какъ ей стало уже гораздо лучше, а послѣ нѣсколькихъ пріемовъ сыворотки силы ея совершенно воскресли, и мы теперь ѣздимъ и ходимъ безъ усталости. Около самаго Интерлакена нѣтъ конца разнообразнѣйшимъ прогулкамъ, нѣтъ счету прелестнѣйшимъ пейзажамъ. Хребетъ Гардеръ, поднимаясь, какъ я уже сказалъ, отъ Унтерзеена, проходитъ весь лѣвый берегъ Ары почти до самаго вѣстока ея изъ Бриенскаго озера. Съ высоты Гобюль, противъ самаго центра Интерлакена обозрѣвается все теченіе рѣки. По многочисленнымъ уступамъ разставлены скамейки, а на вершинѣ павильонъ, изъ котораго однимъ взглядомъ можно окинуть весь Интерлакенъ и все альпійскія массы, окружающія его: Абендбергъ, Рюгенъ, Менхъ, Эйгеръ, Блюмпсальнъ, а посреди ихъ бѣлоснѣжную Юнгъ-Фрау съ острымъ зубцемъ, удачно названнымъ *Серебрянымъ рогомъ* (Silberhorn). Къ Гобюлю направляются обыкновенно утреннія прогулки, чрезъ мостъ, соединяющій, въ концѣ Интерлакена, берега Ары. Докторъ Мани очень кстати поставилъ здѣсь деревянную галерею, въ которую, въ шесть часовъ утра, приносятъ еще теплую сыворотку; пользующіеся ею могутъ между пріемами гулять по извилистымъ дорожкамъ и тропинкамъ, защищеннымъ отъ солнечнаго зноя густою тѣнью орѣшниковъ и вишневыхъ деревьевъ. Незамѣтно восходишь выше и выше, невольно останавливаясь иногда чтобъ восхищаться чудною панорамой. Спустиась съ Гобюля, выходишь на широкое шоссе, по которому чрезъ нѣсколько минутъ достигаешь другой прибрежной высоты *Гольдсвилъ*. На ней сохранились развалины древней церкви или, если вѣрить туземцамъ, языческаго капища, а въ долину, идущей отъ подошвы ея, лежитъ селеніе *Рингенбергъ*. Отсюда взорамъ представляется весь овальный бассейнъ Бриенскаго озера. Съ южной и съ сѣверной стороны сжимаютъ его неразрывныя цѣпи горъ, не столь высокія, какъ Гардеръ и другія, но не менѣе живописныя. Длина озера три мили, ширина три четверти мили.

Бриенское озеро имѣетъ свой пароходъ. Онъ ежедневно отправляется,

въ 11 часовъ утра, отъ Интерлакенскаго моста, вдоль всего озера, до мѣстечка Бриенцъ, лежащаго на сѣверной оконечности, и возвращается обратно къ тремъ часамъ. Не возможно передать наслажденія, доставляемаго этою прогулкою. Окрестъ озера соединены все красоты Швейцарской природы, и каждое изъ оживляющихъ его селеній представляетъ отдѣльный пейзажъ, каждая гора особенную картину. Не стану называть ихъ поимянно, во первыхъ потому—что я не припомню всехъ названій, а сверхъ—того потому—что это ни къ чему не поведетъ. Желалъ, бы я, какъ выразился одинъ изъ покойныхъ нашихъ писателей, обмокнуть перо мое въ радугу, чтобъ дать вамъ понятіе о прелести здѣшней мѣстности, но какъ же это сдѣлать? — Die Lust ist gross allein die Kraft ist schwach. — По мѣрѣ приближенія къ Бриенцу вниманіе привлекается возрастающимъ шумомъ *Гисбахскаго* водопада. Пароходъ дѣлаетъ привалъ у самаго мѣста, гдѣ водяная масса густою пѣною низвергается въ озеро. Выдавшійся широкій камень служитъ пристанью; носилки готовы къ услугамъ тѣхъ, кого утрашаетъ крутизна тропинки ведущей къ истоку водопада. Онъ падаетъ съ высоты девяти сотъ футовъ, уступами. Тысячи картинъ и гравюръ давно прославили Гисбахъ, но далеко не передали всей красоты его. Какая кисть можетъ уловить все подробности этого торжества природы! Еще не доходя до грозной вершины достигаетъ шале, смѣло поставленнаго на усѣченной скалѣ. Здѣсь отдыхъ, и отсюда паданіе каскада является во всей прелести. Утлый мостъ переброшенъ черезъ кипящую пучину. Страшно идти чрезъ него сквозь облако водяныхъ брызговъ. Возлѣ слѣдующаго уступа пещера вдается въ каменную стѣну, изъ нея Гисбахъ представляется въ видѣ пѣнящейся лѣстницы. — Мѣстечко Бриенцъ въ своемъ родѣ также очень увлекательно. Оно какъ—будто выходитъ изъ воды и останавливается у подошвы Бриенцерграта, и подъ защитою его постоянно наслаждается необыкновенно пріятною температурою. Древняя церковь воздвигнута въ 1215 году, на совершенно отдаленной скалѣ; стоить войти на нее, чтобъ взглянуть съ этой точки на озеро и на развалины замка здѣшнихъ бароновъ, павшихъ въ Палестинѣ. Бриенцъ не ничтожная деревушка; населеніе его простирается до тысячи двухъ сотъ душъ; жители небѣдны и отличаются изящнымъ вырѣзываніемъ изъ дерева разныхъ вещицъ. Впрочемъ это искусство свойственно едва—ли не всемъ селеніямъ Оберланда. На краю cadaго водопада, на склонѣ каждой чѣм—нибудь примѣчательной горы, непременно раскинута хижина трудолюбиваго художника, который, въ ожиданіи путешественниковъ, выдѣлываетъ изъ ивы и клена разнообразныя ящики, сигарочницы, столовые приборы, трости и тому подобное, нерѣдко цѣлыя группы людей и животныхъ,

столь вѣрно и отчетливо отдѣланныя, что ихъ можно поставить въ щегольской кабинетъ. Тунъ, Интерлакенъ, долины Лаутербрунень, Вильдеревиль и другія наполнены произведеніями этого рода. Бріенць отдѣляется отъ селенія Трахтъ потокомъ Трахтбахъ, — это врагъ здѣшней долины. Тихій и скромный въ-продолженіе лѣта, онъ дѣлается ужасенъ весною и осенью, особенно во-время таянія снѣговъ. Еще не такъ давно разливъ его былъ столь силенъ, что онъ оторвалъ огромные утесы отъ горы Рицвальдъ, и увлекъ за собою многія дома и житницы. Въ Бріенць двѣ приличныя гостиницы: здѣсь пѣшеходы, углубляющіеся въ Альпы, отдыхаютъ и потомъ обыкновенно начинаютъ дальнѣйшій путь свой восходомъ на сосѣдную гору Ротгорнь, поднимающуюся надъ поверхностію моря на 7230 футовъ. Видъ съ нея долженъ быть величественный. На обратномъ плаваніи изъ Бріенца въ Интерлакенъ открываются новыя картины. Такова Швейцарія: при малѣйшемъ измѣненіи положенія не узнаешь той мѣстности на которую только-что смотрѣлъ. Надо держаться лѣвой стороны озера, она и живописеѣе и разнообразіеѣе. Идучи вверхъ, я даже не замѣтилъ, въ полумили отъ Гисбаха, въ чащѣ плодовыхъ деревъ, милаго Изельтвальда, а возвращаясь не могъ отвести отъ него глазъ. Одна изъ окружающихъ его скалъ естественною террасою выдалась впередъ и почти виситъ надъ водою; она называется Танць-Плаць. Дѣйствительно, молодежь веселится здѣсь въ праздничные дни, не страшась преданія, увѣряющаго, будто однажды юная чета, увлеченная вихремъ вальса, а можетъ быть и желаніемъ умереть неразрывно, низверглась отсюда въ озеро. Отъ Изельтвальда близехонько до Бенингена, начала Интерлакенской долины. Какъ хороша и плодоносна она отъ самой подошвы Ситиберга и Брейтлауенберга вверхъ по теченію шумной Лютчиненъ, до поворота ея въ горныя ущелія! Сотни богатыхъ и бѣдныхъ домиковъ разбросаны по всеѣмъ направленіямъ долины. Иные обвиты виноградникомъ, разстилающимся съѣтью по плоскимъ крышамъ, другіе скрываются въ гущѣ вишневыхъ, сливовыхъ и яблочныхъ деревьевъ, на которыхъ плодовъ болѣе, чѣмъ листьевъ. При каждомъ домѣ грядки съ овощами и непременно хоть одна грядка съ цвѣтами, да съ какими цвѣтами! Имъ могутъ позавидывать богатѣйшія оранжереи. Здѣшнія розы несравненны! — Я видалъ кусты, пирамидально восходящія до двѣнадцати футовъ, и насчитывалъ на нихъ болѣе трехъ сотъ цвѣтовъ! Словомъ-сказать, вся долина пестрый цвѣтникъ, коей-гдѣ пересѣкаемый небольшими участками, засѣянными хлѣбными произрастеніями, и орошаемый множествомъ источниковъ; они игриво змѣются, а нѣкоторые такъ сильны, что даютъ движеніе небольшимъ мельницамъ. Пріятенъ шумъ ихъ; онъ одинъ въ жаркіе дни нарушаетъ царствующую здѣсь тишину.

Лишь подь вечеръ оживляется долина. Интерлакенскіе гости пѣшкомъ и верхомъ, на лошадяхъ и на ослахъ, разсыпаются по всеѣмъ направлѣніямъ. Стада возвращаются съ горъ, и звуки ихъ колокольчиковъ гармонически сливаются съ напѣвами маленькихъ швейцарцевъ, которые поминутно пристають къ гуляющимъ, и не дождавшись позволенія, заливаются во всю силу, то-есть, по здѣшнему выраженію, *fangen an zu iodeln*. Есть прекрасные голоса, но все-таки привязчивость надоѣдаетъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ пѣвцевъ и пѣвицъ въ долинахъ и въ горахъ на каждомъ шагу пристають разнаго рода попрошайки. Не говорю уже о нищихъ, о слѣпыхъ и увѣчныхъ, — ихъ множество; дѣтская изобрѣтательность для добыванія денегъ необыкновенно разнообразна. Хочешь-ли перейти чрезъ ручей, въ ту же секунду, какъ-будто изъ земли, выскакиваетъ мальчикъ и перебрасываетъ доску, болѣею частію совершенно не нужную. Едва перейдешь черезъ нее, какъ нѣсколько дѣвочекъ окружаютъ васъ, предлагая блестящіе камушки, которые въ такомъ множествѣ валяются у ногъ, что стоить только нагнуться, чтобъ наполнить ими карманы. Нельзя миновать ни одной деревушки, чтобъ съ разныхъ сторонъ не высыпали дѣти съ букетами цвѣтовъ и съ корзиночками ягодъ. Они неотступно преслѣдуютъ и пѣшаго и коннаго, до-тѣхъ-поръ, пока однообразное, рѣзкое нѣніе ихъ не выведетъ путника изъ терпѣнья, и онъ не броситъ имъ нѣсколько мелкой монеты. Конечно это очень скучно, но не жалѣйте ничтожныхъ сантимовъ, которые, можетъ-быть, невольно раздаетъ здѣсь рука ваша. Швейцарія вообще страна не богатая, а населеніе долинъ той части, съ которою я ознакомился, почти все очень бѣдно. Каменистый кражъ въ немногихъ мѣстахъ покрытъ плодородною почвою, недостаточною для пропитанія трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. Сверхъ-того между ними множество больныхъ и разслабленныхъ. Кажется, что здѣшний воздухъ полезенъ только для временно пребывающихъ. Полагаютъ, что постоянное употребленіе воды, образующейся отъ таянія снѣговъ, чрезвычайно вредно и что въ ней скрывается зародышъ болѣзней, порождающихъ кретинизмъ, къ несчастію такъ часто встрѣчаемый въ Швейцаріи въ самомъ страшномъ видѣ. Я почти не встрѣчалъ хорошенькихъ женщинъ. Не рѣдко широкія соломенные шляпки и водевильные корсажи поселянокъ ускоряли шаги мои, но увы, я находилъ очень мало миловидныхъ личиковъ, а часто бывалъ непріятно поражаемъ видомъ безобразныхъ зобовъ (*les gouatres*). Я увѣренъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ морщинистыхъ старухъ, какъ въ долинахъ, это совершенныя страшилища въ огромныхъ черныхъ накрахмаленныхъ чепцахъ, торчащихъ дыбомъ, какъ распущенные крылья летучей мыши. Но что за неволя говоритъ о безобразіи тамъ, гдѣ такъ много прекраснаго,

Куда ни обернешь взоры, куда ни направишь шаги свои, вездѣ картина, вездѣ новый предметъ для самого пріятнаго созерцанія. Не выходя изъ горной рамы, окружающей Интерлакенскую долину, любители природы, поэты и рисовщики въ продолженіе цѣлаго лѣта не истощатъ разнообразнаго запаса здѣшней сокровищницы, а охотники до народныхъ сказаній могутъ вдоволь наслушаться отъ словоохотливыхъ проводниковъ разныхъ побасенокъ объ исполинахъ, жившихъ нѣкогда въ Бенигенѣ, о водяныхъ чудовищахъ, истребляющихъ вкусную рыбу *бріенцлингъ*, водившуюся прежде во множествѣ въ Бріенскомъ озерѣ, о черныхъ дуплахъ, низвергающихъ съ Гардера дерзкихъ смѣльчаковъ, пытающихся войти на хребетъ его, и тому подобное. Къ сожалѣнію, это послѣднее сказаніе, вѣроятно, еще долго не выйдеть изъ памяти; оно поддерживается свѣжими событіями. Зубчатая вершина Гардера и крутыя ребра его приманиваютъ охотниковъ до борьбы съ природою. Счастливы тѣ, которые обрываются не достигнувъ значительной высоты: изорванное платье и незначительные ушибы научаютъ ихъ не повторять своихъ опытовъ; но не всегда бываетъ такъ. Два лѣта тому назадъ, молодая англичанка рѣшилась во что бы то ни стало взобраться на ту часть Гардера, которая почти перпендикулярно, возвышается при дорогѣ въ Рингенбергъ, противъ Гольдсвинденской развалины. Напрасны были все убѣжденія. Уже она докарабкалась за половину вышины, когда кустъ, за которой она цѣплялась, вырвался и она покатилась внизъ. Ее подняли уже мертвою!.. Бродя однажды по развалинамъ церкви, обрушившейся прошлаго года въ Унтерзеенѣ (она вновь отстраивается), я нашелъ слѣдующую грустную надпись: *Ici repose Joseph Remiremont, mort à 22 ans le 29 sept. 1839 dans un des precipices du Harder. Enfant cheri et unique il laisse son père et sa mère sans consolation pour leur vieux jours.* Подобныя горестныя случаи не отучаютъ однакоже отъ странной охоты подвергаться бесполезнымъ опасностямъ. Сколько разъ англичане подговаривали меня идти съ ними на нѣсколько дней на Юнгфрау, попробовать, какъ хруститъ подъ ногами снѣгъ, — я отдѣлывался, объясняя имъ, что я безъ всякаго труда пользуюсь этимъ удовольствіемъ въ Большой Морской.

Интерлакенъ есть сборное мѣсто направляющихся въ дальнія горы и пунктъ отдохновенія возвращающихся оттуда. Здѣсь пѣшеходы берутъ обыкновенно проводниковъ и запасаются всею нужнымъ на дорогу. Осѣдланная лошади и ослы, двумѣстныя и четырехмѣстныя коляски, отъ 12 до 20 франковъ на день, всегда готовы для желающихъ. Мы не теряли времени въ однообразномъ пребываніи на одномъ мѣстѣ, и едва спутница моя чувствовала себя довольно бодрою, какъ мы неме-

дленно предпринимали экскурсію, руководясь совѣтами нашего обязательнаго хозяина.

Усѣвшись покойно въ широкія сѣдла, утвержденныя на услужливыхъ спинахъ добродушныхъ ословъ, перешли мы однажды раннимъ утромъ, въ сопровожденіи двухъ пѣшеходныхъ вожатыхъ, Интерлакенскую долину на западной ея оконечности, и достигнувъ остатковъ развалины Уншпуненъ, начали подниматься на Абендбергъ. Давно положилъ я совершить это восхожденіе; давно изъ оконъ моихъ обращалъ я съ особеннымъ чувствомъ взоры на красную крышу небольшого зданія, поставленнаго на половинѣ высоты этой Альпы, восходящей на шесть тысячъ футовъ надъ поверхностію моря. Эта ничтожная на видъ лачуга есть одна изъ великолѣпнѣйшихъ храминъ, воздвигнутыхъ христіанскою любовью къ человѣчеству. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, докторъ Гуггенбуль поселился здѣсь, и въ отдаленіи отъ всякаго общества посвятилъ жизнь свою исцѣленію несчастныхъ кретиновъ. Не легко достигнуть его обители. Сначала довольно широкая и отлогая дорога идетъ между кустарниками; но по мѣрѣ восхожденія она превращается въ узкую тропинку, выющуюся по обнаженнымъ корнямъ вѣковыхъ сосенъ. Въ дождливое время едвали можно достигнуть вершины верхомъ, не смотря на всю опытность осла или горной лошади. Мѣстами крутизна заставляла меня сходить съ моего ослика, онъ карабкался за мною, между-тѣмъ какъ проводники наши поддерживали съ обѣихъ сторонъ его товарища и почти несли его вмѣстѣ съ его всадницею. При самыхъ краткихъ необходимыхъ отдыхахъ, потребно не менѣе двухъ часовъ, чтобъ добраться до деревяннаго домика, помѣщеннаго среди небольшой площадки. На крыльцѣ его встрѣтился намъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати шести, необыкновенно привлекательной наружности. Каштановыя кудри разсыпались по плечамъ его, привѣтливость сіяла въ ясномъ взорѣ. Не сомнѣваясь, что вижу предъ собою самаго хозяина, я подалъ ему мою карточку и просилъ дозволенія ознакомиться съ его эрмитажемъ. «Я счастливъ видѣть у себя русскаго, сказалъ онъ мнѣ прочитавъ мое имя. Я знаю, какъ много добра дѣлается въ Россіи на пользу человѣчества. Соотечественники ваши почтили меня знакомъ своего вниманія, которымъ я горжусь. Посмотрите.» Онъ ввелъ меня въ пріемную комнату и указалъ на дипломъ, висѣвшій въ числѣ многихъ другихъ. Это было избраніе его въ сочлены Общества С. Петербургскихъ врачей, которымъ, какъ видно, давно уже извѣстны и просвѣщенный умъ и человѣколюбивые подвиги Гуггенбуля. Предложивъ утомленной спутницѣ моей успокоеніе и поставивъ предъ нею, по швейцарскому обычаю, молоко и медъ, — радушный хозяинъ повелъ меня въ

прочія части своего дома. «Вотъ мое семейство, вотъ мои младшія дѣти, сказалъ онъ, отворивъ двери въ садъ. Ужасное зрѣлище представилось мнѣ. Болѣе десяти дѣтей, не свыше восьмилѣтняго возраста, съ огромными головами, съ отвислыми животами, съ искривленными членами, сидѣли и лежали въ разныхъ положеніяхъ на песчаныхъ дорожкахъ. Три женщины съ материнскою нѣжностью ухаживали за ними. «Это мои сотрудницы, продолжалъ Гуггенбюль; онѣ безвозмездно посвящаютъ тяжкіе труды свои на первоначальныя попеченія о дѣтяхъ, приносимыхъ сюда изъ долинъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Нерѣдко это положеніе не уступаетъ всѣмъ нашимъ усиліямъ, и проходятъ многіе годы, пока больной начнетъ мало-по-малу поправляться. Тяжко, очень тяжело, но за то какое блаженство видѣть возрожденіе души человѣческой. Пойдемте, и покажу вамъ утѣшительную картину. «Мы вошли въ столовую; до двадцати мальчиковъ и дѣвочекъ чинно сидѣли за скромною трапезою. Это уже не уроды, а дѣти, имѣющіе понятіе о нѣкоторыхъ обязанностяхъ. Возлѣ столовой расположена спальня; все просто, даже бѣдно, но отменно чисто и пристойно. Въ верхнемъ этажѣ устроена классная комната. Изображенія изъ натуральной исторіи, разнаго вида буквы, выпуклыя географическія карты и тому подобныя предметы развѣшаны по стѣнамъ. Наставница занимала дѣтей чтеніемъ. Я невольно обратилъ вниманіе на дѣвушку лѣтъ четырнадцать благородной наружности. «Это дочь богатаго піемонтскаго семейства, сказалъ мнѣ г-нъ Г., за четыре года была она привезена сюда въ совершенномъ идиотизмѣ, теперь она уже читаетъ. Но крѣпкое отъ рожденія тѣлосложеніе ея не подаетъ мнѣ большой надежды на совершенное излеченіе. Кретинизмъ легче поддается медицинскимъ пособіямъ, чѣмъ идиотизмъ. Вотъ мальчикъ, ему одиннадцать лѣтъ; еще прошлаго года кости его были такъ мягки, что онъ не могъ держаться на ногахъ и едва начиналъ говорить; теперь онъ читаетъ и имѣетъ первоначальныя свѣдѣнія въ исторіи и географіи.—Я сдѣлалъ мальчику нѣсколько вопросовъ, онъ на все отвѣчалъ удовлетворительно. Чувствительно видѣть, какъ привязаны все эти дѣти къ своему благодѣтелю. Нѣкоторые изъ нихъ, съ огромными головами, находящіеся въ совершенномъ расслабленіи ума и тѣла, повинуются только его голосу. Одного слова его достаточно, чтобъ успокоить бессмысленнаго страдальца.

Кабинетъ доктора Гуггенбюля есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его лабораторія, гдѣ онъ самъ приготовляетъ все медикаменты. Лечение кретинизма, говорилъ онъ, мнѣ, не подведено еще ни подъ какія общія правила. Я прибѣгаю ко всемъ средствамъ, ко всемъ системамъ. Пользуюсь свѣтомъ, электричествомъ, магнетизмомъ, а при закоренѣлыхъ

конвульсіяхъ обращаюсь, и не безъ успѣха, къ системѣ Присница. Стараюсь при всѣхъ опытахъ, при всѣхъ усиліяхъ, держаться правила доктора Конолли* именно: всѣмъ сердцемъ любить бѣдныхъ страдальцевъ моихъ.—Ободренный откровенностію Гуггенбуля, я позволилъ себѣ спросить его, какъ рѣшился онъ на дѣло, требующее такогосамо пожертвованія, и изъ какихъ источниковъ поддерживается его заведеніе? Вотъ что онъ отвѣчалъ мнѣ: — Однажды, бродя между Альпами, увидѣлъ я кретина, усердно молившагося предъ изображеніемъ креста, и почувствовалъ въ себѣ призваніе посвятить себя на изслѣдованіе и на подаваніе помощи этому жалкому состоянію. Благодаря Бога, я имѣю не большой достатокъ и могъ своими средствами приступить къ дѣлу. Я избралъ мѣстомъ моего пребыванія эту гору, потому-что она обращена на югъ и окружена разнообразными великолѣпными картинами природы. Мы здѣсь въ вѣнци Альпъ. Полюбуйтесь, какъ хороши отсюда наши озера, какъ роскошна Интерлакенская долина. Снѣжныя вершины, позлащаемыя заходящимъ солнцемъ, яркія радуги, различные оттѣнки атмосферы, словомъ все, что полежитъ здѣсь взору нашему, возбуждаетъ вниманіе и располагаетъ къ дѣятельности матеріальные органы души**.

Господь благословилъ посильные труды мои. Добрые люди помогали мнѣ. Въ 1843 году посѣтила нашу гору графиня Ганъ-Ганъ и тогда же написала сочиненіе *Die Kinder auf dem Abendberg****. Она предоставила все изданіе въ пользу моихъ дѣтей. Въ—послѣдствіи, другъ человѣчества, лордъ Ашлей, прислалъ мнѣ двѣсти фунтовъ стерлинговъ. Съ этими средствами я могъ довести до пятидесяти число моихъ питомцевъ. Теперь мѣсто не позво-

* Dr. Conolly, посвятившій всю жизнь свою леченію слабоумныхъ, извѣстенъ въ особенноти сочиненіемъ своимъ, издаваемымъ въ Лондонѣ въ 1847 г. подъ заглавіемъ: *The Construction and Governement of Lunatic Asylums and Hospitals for Insane*.

** Докторъ Форбесъ, ученый издатель лондонскаго Медицинскаго Журнала, описывая подробно заведеніе доктора Гуггенбуля, въ статьѣ: *A physicians holiday or a month in Switzerland*, отзывается съ особенною похвалою объ удачномъ выборѣ мѣста для подобнаго учрежденія. На Абендбергѣ еще не было заразительныхъ болѣзней, хотя онѣ зимою не рѣдко свирѣпствуютъ въ Интерлакенѣ.

*** Повѣствованіе графини Ганъ-Ганъ было напечатано въ Берлинѣ въ 1843 году. Къ сожалѣнію, я не могъ нигдѣ отыскать ни одного экземпляра. Но отыскивая его, узналъ, что заведенію доктора Гуггенбуля появлялись и другія брошюры, достойныя вниманія, въ особенноти въ медицинскомъ отношеніи. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ:

Dr. Herckenrath, *Heteet Gesticht vor Cehoftige betinenkinder, opergit door Dr. Guggenbuhl op ten Abendberg by Interlaken. Amsterdam*

Dr. Twining *Comeone Account of Cretinisme and the institution for its cureme on the Abendberg. London 1843.*

Dr. Goldstream *The Alpine Retreat on the Abendberd. Edinbourgh 1848.*

Una *Visitu All—Abendberg 10 Sep. 1850. Del medico Sella Alessandro da orino.*

ляетъ имѣть болѣе, но я надѣюсь современемъ пристроить еще домикъ. Начало сдѣлано; Богъ дастъ пойдемъ далѣе. Уже до-сихъ-поръ я имѣлъ счастье возвратить въ удовлетворительномъ положеніи, болѣе ста дѣтей семействомъ ихъ; а два мальчика, пробывшіе у меня почти десять лѣтъ, до того укрѣпились и развернулись, что поступили учителями въ сельскія школы. Не награжденъ ли я уже щедро за труды мои?

При этомъ разсказѣ лицо Гуггенбуля сіяло неземною радостью. Съ благоговѣніемъ слушалъ я его.

Солнце было уже высоко, когда мы покинули благословенный Абендбергъ. Обратный путь едва ли не труднѣе восхожденія. Во-время снѣговъ онъ непроходимъ и нагорная колонія остается нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ всякихъ сношеній съ жителями долины, и въ это время принадлежитъ болѣе небу, чѣмъ землѣ.

Не много оставалось уже мнѣ жить въ Швейцаріи, а многое еще хотѣлось посмотреть. Я не терялъ времени, и каждый день посвящалъ новой поѣздкѣ въ горы, или новому плаванію къ берегамъ Бриенскаго озера. Возможно ли оставить Интерлакенъ не побывавъ въ долинѣ Лаутербрунненъ!.. Возможно ли не видѣть Гриндельвальденскихъ ледниковъ!

Въ Лаутербрунненъ можно ѣхать въ коляскѣ, даже парой, дорога превосходная. Я упомянулъ уже о развалинахъ Уншкуненъ; миновавъ ихъ, въѣзжаешь, черезъ десять минутъ, въ селеніе Вильдерсвилъ, котораго жители расхитили почти весь обрушившійся замокъ и изъ его кирпичей выстроили нижніе этажи домовъ своихъ. Уже отсюда слышенъ шумъ быстрой Саксетенъ, бѣгущей по грудамъ камней, а нѣсколько повыше ея, другой потокъ кипитъ между высокими берегами, вмѣщающими въ себя двѣ соединившіяся рѣки, Черную и Бѣлую Лютчиненъ (die Schwarze und die Weisse Lütchinen). На правомъ берегу его высоко воздымается мрачная красноватая скала Ротенфлу. Широкія темныя полосы спускаются по обнаженнымъ бокамъ ея отъ вершины до подножія. Это ржавчина, выступающая вѣроятно, отъ неглубокой желѣзной руды, разлагаемой непрерывно текущими сверху ручьями. Ротенфлу какъ-будто оплакиваетъ совершившееся здѣсь страшное дѣло. На гребнѣ ея стоялъ нѣкогда замокъ*, принадлежавшій двумъ братьямъ, Родольфу и Ульриху. Нѣжная дружба связывала ихъ отъ колыбели. Любовь къ одной и той же женщинѣ разорвала узы сердца. Ульрихъ былъ предпочтенъ прекрасною Брюнельдой. День брака ихъ былъ уже назначенъ. Наканунѣ Родольфъ, затаивъ въ душѣ злобу и ревность, при-

* Замокъ назывался die Balme der Rotenfluh. Balme на оберландскомъ нарѣчій означаетъ пещеру или каменный гротъ. Слѣды замка еще замѣтны.

гласилъ брата поохотиться, завлекъ его подъ одинъ изъ утесовъ Ротенфлу, и на смерть поразилъ кинжаломъ. Скрывъ тѣло брата подъ вѣтвями и камнями, Ульрихъ пошелъ къ рѣкѣ омыть окровавленные руки свои. Но вода не хотѣла изгладить слѣдовъ братоубійства: кровавыя пятна исчезали только мгновенно, и потомъ вновь выступали. Ужась объялъ преступника, онъ убѣжалъ въ горы, и уже никогда не возвращался въ замокъ свой. Утесъ, подъ которымъ совершилось преступленіе, называется *der Böse Stein* или *der Bruder-Stein*. На немъ еще недавно была слѣдующая надпись: «Здѣсь Баронъ Ротенфлу былъ убитъ братомъ своимъ. Терзаемый совѣстью, преступникъ бѣжалъ далеко изъ отчизны и никогда не возвращался. Онъ былъ послѣднимъ въ родѣ своемъ, нѣкогда богатомъ и мощномъ». Минувшею весною часть скалы обрушилась, а съ нею упала и надпись, которая однако же не погибла: она сохраняется въ предверіи церкви сосѣдняго селенія Маттенъ.

Вслѣдъ за Брудерштейномъ, горы, въ особенности по-лѣвую сторону рѣки, становятся все темнѣе и угрюмѣе. Вершины ихъ образуютъ странныя формы. Гора *die Hand*, какъ распростертая длань, поднимается къ облакамъ. Другая, *der Stuhl*, оканчивается въ видѣ огромнаго сѣдалища. Гребни нѣкоторыхъ кажутся столь тонкими, что невѣрится, что могутъ выдерживать они напоры вѣтровъ. А сколько вѣковъ стоятъ они незыблемы, и сколько простоятъ еще! Любуясь то вершинами, то доломъ, не замѣтно проѣзжаешь четыре мили, и достигаешь небольшой деревушки Цвейлютчинненъ. Здѣсь пунктъ соединія обоихъ Лютчинненъ. Черная, выходя изъ подъ Гриндельванденскихъ льдовъ и принявъ на пути цвѣтъ шифернаго русла своего, съ шумомъ бросается въ объятія бѣлой сестры своей, которая, свѣтлая и чистая, выбѣгаетъ изъ Лаутербрунненской долины. Слѣдуя вверхъ по излучистому берегу этой рѣки, я скоро достигъ ея колыбели. Она видна издали потому—что почти надъ самымъ истокомъ устроена обширная гостинница. Мѣстность ея прелестна. Пѣвецъ Альпъ Баггезенъ посвятилъ ей цѣлую пѣснь своей Партенеиды *, вотъ ея начало:

Hart an der Jungfrau Füss, wo zwischen des oberen Hochlands
Himmeltragenden Säulen, im tiefumschatteten Bergthal,
Lauterbrunnen genannt, durch ringsum zitternde Hütten
Schäumend der Lütschene Strom herrauscht aus dem hinteren Eismeer;
Dort in der Mitte zerstreuter Behausung raget ein Gasthaus

*) Jens Baggesen, родившійся въ Даніи, въ 1764 г. умершій въ Германіи въ 1826 г. написалъ поэму Партенеиду. (*Parthenais oder die Alpenreise*). Впрочемъ онъ извѣстенъ другими произведеніями. Всѣ они въ совокупности вышли въ свѣтъ уже послѣ кончины его, и изданы его сыновьями въ Лейпцигѣ, въ 1836 г., въ пяти томахъ.

Nahe dem sprudelnden Fall des Luftenstürzenden Staubbachs;
Ringsum dunkelt das Graun sturzdrohender Felsen; am Abgang
Senkt sich das einsame Dorf; und unten in engerer Tiefe
Rollt dumpftosend des Stroms acherontische Fluth.

Изъ верхнихъ оконъ гостиницы прекрасно видна Юнгъ-Фрау и почти вся Лаутербрунненская долина, сжатая горами. Изъ нихъ самыя высокія Лаугорнъ, Тунерчугенъ (Tunnertsehugen) и Менлихенъ. Онѣ необыкновенно богаты разнообразными потоками, которые то пѣнистыми каскадами вырываются изъ гранитныхъ разсѣлинъ, то извилистыми струями бѣгутъ по крутизнамъ. Замѣчательнѣйшія по красотѣ своихъ паденій: Меттельбахъ, Грейфенбахъ, Флубахъ и Купфербехлейнъ. Но царь здѣшнихъ водопадовъ, единственный, несравненный Штауббахъ: къ нему спѣшать посѣтители Лаутербруннена, не замѣчая красоту узкой, но довольно продолжительной ложины, по которой надо пройти, чтобъ стать подъ брызги Штауббаха *. Онъ падаетъ съ высоты девяти сотъ футовъ, толстою, перпендикулярною струею; на половинѣ своего паденія она размахивается въ стороны въ видѣ исполинской бороды, и сыплетъ влажную пыль на широкое пространство. Дивно играютъ солнечныя лучи въ атмосферѣ наполненной водяными атомами. Яркія радуги то появляются, то исчезаютъ. Съ изумленіемъ смотрѣлъ я на нихъ, ее чувствуя, что одежда моя проникается влагою, какъ вдругъ гора, какъ огромный органъ, издала звучный, полный акордъ, который ослабѣвая покатился по каменнымъ клавишамъ. Не знаю, какъ объяснилъ бы я себѣ это, еслибъ въ ту же минуту не послышались за мною слова. «Wohlt ihr, mein Herr, etwas für den Alpenhorn Spieler geben». За мною стоялъ мальчикъ, въ одной рукѣ держалъ длинный изогнутый рогъ, другая была убѣдительно протянута ко мнѣ. Онъ обратилъ меня къ земнымъ потребностямъ. Въ гостиницѣ ожидали меня хваленыя здѣшнія форели. Онѣ дѣйствительно очень вкусны, но мелки и дороги, какъ все въ Лаутербрунненской гостиницѣ. Она цѣлое лѣто наполнена путешественниками, особенно пѣшеходами, которые бѣльшею частію почуютъ здѣсь, чтобъ съ первыми лучами солнца идти чрезъ Венгеральцъ въ Гриндельвальдъ. Хорошъ, великолѣпенъ этотъ путь! Онъ лежитъ у самаго подножія дѣвственной Jungfrau, не въ дальнемъ разстояніи отъ великановъ Финстеръ-Агорна, Блумисальпа и Веттеръ-Горна, альпійскаго барометра, по которому туземцы предугадываютъ погоду, смотря по исчезновенію или по накопленію снѣговъ на главѣ его. Къ сожалѣнію, не имѣя въ моемъ распоря-

* Штауббахъ, основательно называемый такъ отъ слова Staub— пыль, именуется собственно Плеттенбахъ, по имени нагорнаго дуга Плеттенъ, на которомъ онъ образуется отъ соединенія семи источниковъ.

женіи двухъ лишнихъ дней, я не могъ насладиться этою дорогою; я долженъ былъ возвратиться въ Интерлакенъ, и на слѣдующій день отправился верхомъ въ Гриндельвальдъ, до деревушки Цвейлотчиненъ, уже знакомымъ мнѣ путемъ. Отсюда, переѣхавъ утлый мостъ, переброшенный чрезъ kloкочущую бездну, пустился я свѣжой рысью по берегу не Бѣлой, но Черной Лютчинненъ. И ея окрестности прелестны! Скоро также теряются изъ виду горы, окружающія Унтерзеенъ, а мало-по-малу и грозный Веттергорнъ закрывается скалами, которыя по мѣрѣ приближенія къ Гюндишванду, какъ-будто выдвигаются изъ этой долины. И отсюда строеніе горъ, возвышающихся по правому берегу рѣки, представляется въ самыхъ чудныхъ формахъ; зубчатые верхи ихъ склоняются въ-продолженіе цѣлой мили, до остраго шпнца Изельтенъ-Альпа, а за нимъ оконечности Фаульгона и Шейдека указываютъ путь къ Веттергорну. Покуда взоры слѣдятъ за этими современными міру бойницами, подъ ногами разстилаются изумрудныя долины Лютчинненъ и Гштейгъ, (Gsteig) испещренныя красными крышами, какъ-бы кораловыми украшеніями. Нельзя иначе, какъ шагомъ войти на крутой Штальденъ; подъ нимъ, въ гущѣ каштановъ, разбросано селеніе Бурхлауененъ (Burglaenen). Оно оканчивается широкою террасою; съ нея спускаются въ глубокой бассейнъ, бывший, вѣроятно, нѣкогда ложемъ озера. Это мѣсто называется Имъ-Тшингельбергъ (Im-Tschingelberg). Солнечные лучи, заслоняемые горами, перестаютъ проникать сюда съ 28 октября по 8 марта. Это обстоятельство имѣетъ чувствительное вліяніе на растительное царство. Здѣсь нѣтъ уже ни каштановъ, ни грушъ, ни сливъ; доспѣваютъ одни вишни и мелкія яблоки, а по мѣрѣ приближенія къ ледникамъ климатъ становится еще суровѣе. За длинной рытвиной Мархграбенъ или Вартенбергграбенъ, начинается Гриндельвальдъ. Величественный, бѣлый куполь Эйгера смотритъ на него съ высоты девяти тысячъ футовъ. По направленію къ нему надо проѣхать еще съ добрую милю, чтобъ достигнуть самаго селенія, миновать свирѣпый потокъ Швенденбахъ и пробраться между каменными обломками низринувшагося нѣкогда Ротгорна, чтобъ наконецъ вѣхаться на дворъ гостепріимнаго Петра Борена. Онъ содержитъ обѣ здѣшнія гостиницы (Медвѣдя и Чернаго орла), выберите любую, онѣ совершенно одинаковы. Отдайте вашу лошадь, оставьте экипажъ, не заботьтесь ни о чемъ, все будетъ прибрано и накормлено, а сами скушайте вкусную баранью котлетку и выпейте стаканъ вина, да не мѣшчайте, не то солнце спрячется за горы и вы ничего не увидите. Если съ вами дамы, то усадите ихъ въ портъ-шезы, носильщицы стоятъ у дверей, а сами ступайте цѣшкомъ. Не бойтесь этихъ каменныхъ обрывовъ, не страшитесь ни глубокихъ овраговъ, ни крутыхъ

тропинокъ, повѣрьте, въ Швейцаріи устаешь только тогда, когда приходишь на мѣсто.

Гридельвальдъ окруженъ грядою сѣдыхъ горъ; между ними остановились два залива снѣжнаго океана, виспавшаго съ облаковъ. Это ледники, les glaciers, die Gletschern. До ближайшаго изъ нихъ не болѣе двадцати минутъ ходьбы отъ гостиницы Черный Орелъ. Удивительное явленіе! Глыбы снѣга, падая съ горныхъ вершинъ, образовали на огромномъ пространствѣ такую ледяную твердыню, которой не можетъ расплавить жгучее солнце. Вы видите предъ собою снѣжное море, окаменѣвшее въ минуту сильнаго волненія; оглянитесь назадъ: богатая пастбища лежатъ передъ вами, золотыя нивы волнуются и маленькія швейцарки бѣгутъ къ вамъ съ цвѣтами, сорванными въ пяти шагахъ отъ ледяныхъ пещеръ. Нѣкоторыя глубоко вдаются въ ледяную массу, лазуревыя стѣны и своды ихъ сіяютъ голубыми отливами. Ходить подъ ними почти безопасно, но не всякому покажется пріятно; холодныя крупныя капли щедро сыплются, а между-тѣмъ ноги плещутся въ лужахъ. Меня, сына сѣвера, тянуло къ родному холоду, и я смѣло последовалъ за моими проводниками. Они шли впередъ, отбивая обтаявшіе сталактиты, которые легко могли упасть мнѣ на голову. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, дошли мы до иссѣченной, во льду лѣстницы и поднялись на поверхность ледника. Я не утратилъ бы широкихъ расщелинъ и трещинъ, и, вѣроятно, пошелъ бы побродить по затвердѣвшимъ снѣжнымъ глыбамъ, еслибъ одинъ изъ проводниковъ, приглашая меня идти далѣе, не указалъ мнѣ на зіяющій кратеръ и не напомнилъ бы, что именно здѣсь погибъ пасторъ Муронъ. Обстоятельства, сопровождавшія его кончину, послужили къ утверженію добраго имени гридельвальдскихъ проводниковъ и они охотно рассказываютъ ихъ. Почтенный пастырь всю жизнь занимался изслѣдованіемъ разныхъ явленій природы; однажды, это было лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ рѣшился спуститься въ одно изъ верхнихъ отверстій ледника, поскользнулся и исчезъ. Бывшій съ нимъ проводникъ принесъ въ селеніе горестную вѣсть. Тѣло Мурона, не смотря на всѣ старанія, не могло быть отыскано, и вскорѣ разнеслась злая молва, будто его погубили, съ тѣмъ, чтобъ воспользоваться бывшимъ на немъ достояніемъ. Оскорбленное сословіе проводниковъ положило оправдаться, во чтобы то ни стало. Въ присутствіи многочисленной толпы, они избрали по жребію одного изъ сотоварищей своихъ, Карла Бургунена, привязали къ груди его засвѣщенный фонарь и на канатѣ опустили въ ледяную бездну. Долго длилось мертвое молчаніе, наконецъ послышался условный знакъ. Бургунена вытащили, на плечахъ его лежалъ изможденный трупъ священника: часы, коше-

лекъ, всѣ вещи были при немъ. Проводники восторжествовали. Это событіе начертано на могильномъ камнѣ Мурона, погребеннаго на гриндельвальденскомъ кладбищѣ.

Грустно было мнѣ разставаться съ Гриндельвальдомъ. Грустно смотрѣлъ я въ послѣдній разъ на могучія горы. Онѣ, какъ-будто прощаясь со мною, одѣвались мрачными тѣнями. Это была моя послѣдняя экскурсія. На другой день мнѣ надлежало ѣхать далеко, далеко. Многого не видалъ я въ Швейцаріи, но и много впечатлѣній глубоко запали мнѣ въ душу. Они конечно никогда не изгладятся.

М. М. Михайловъ.

ЛЕТУЧІЕ ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

РОЗА ШЕРИ.

Парижъ. 12-го сентября 1846.

— Нѣтъ, воля ваша, продолжалъ я, сколько я ни стараюсь быть умѣреннымъ въ моихъ требованіяхъ и снисходительнымъ къ голосу молвы, но, признаюсь откровенно, ни одна изъ вашихъ *драматическихъ* актрисъ не удовлетворяетъ меня. Всѣ эти превознесенныя знаменитости слишкомъ изысканы, натянуты, театральны. Ни въ одной не вижу я естественности и простоты, которыя заставили-бы меня забыть, что я къ театрѣ, и хоть на минуту обратили мое воображеніе къ дѣйствительности. Ваши актрисы или придерживаются театральныхъ преданій—и декламируютъ на распѣвъ свои роли, или слѣдуютъ ультра-романтической школѣ на сценѣ, и прибѣгаютъ къ эффектамъ рѣзкимъ, потрясающимъ, но отнюдь не правдоподобнымъ и не проникнутымъ внутреннимъ движеніемъ.

— Можетъ-быть, вы и правы отчасти, отвѣчалъ мнѣ Буффе, но сужденіе ваше слишкомъ строго и обще; — есть исключенія изъ правила...

— Вы вѣрно мнѣ хотите говорить о неподражаемой мадамъ Альберъ, съ талантомъ которой я познакомился еще въ Петербургѣ, которой любовался и здѣсь. Правда, это одна изъ совершеннѣйшихъ артистокъ; я мало видѣлъ подобныхъ ей во всей Европѣ, но это представительница легкихъ ощущеній, волненій души мимолетныхъ, такъ сказать, водевильно-драматическая героиня, и тутъ, устранивъ ея національныя, типическія, чисто-французскія манеры, она въ состояніи на минуту растрогать, даже увлечь. Она близко подходитъ къ натурѣ, но и не прочь украсить натуру — въ сценахъ глубоко-патетическихъ. Въ ней не видно напыщенности (*emphase*) другихъ актрисъ, но зато въ ней есть таже манерность или аффектація. Я ее люблю въ роли «*Фаншоны*» въ *La nouvelle Fançon* (Материнское благословеніе) и не охотно смотрю на нее въ *Тизоль*, въ *La comedienne de Venise*.

— Но, — перебилъ меня Буффе, — вы забыли еще одну артистку...

— Вѣрно мадамъ Дорваль? — О нѣтъ! Это тоже великая *актриса* (*une grande comedienne*), но актриса — и только. Она не переноситъ меня изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительный, и въ самыя блестящія минуты своей игры, среди торжества своего таланта, напоминаетъ очень ясно, — что она г-жа Дорваль, великая, опытная актриса, а не то лицо, къ которому она возбудила во мнѣ участіе. Эти рассчитанные жесты, позы, эта усиленная и постоянная игра фізіономіи, эти придуманные эффекты, эти ударенія на извѣстныя фразы, меня невольно разочаровываютъ. Въ настоящую эпоху искусства не могутъ и не должны существовать наслѣдницы ни Жоржъ, ни Марсъ. Мы прежде всего въ художественномъ воспроизведеніи характера требуемъ правды, простой, безъискусственной правды; правды, какъ вы сами ее понимаете и такъ неподражаемо передаете на сценѣ. Вся сила вашего обаятельнаго таланта лежитъ въ этой правдѣ, въ этой простотѣ ея передачи. Достиженіе правды, на сценѣ тоже, что умѣнье просто выражаться въ литературѣ: это вершина искусства. Я видѣлъ г-жу Дорваль въ лучшей ея роли, въ *Мари-Жаннѣ*. Здѣсь она играетъ несчастную мать, которую крайняя нищета заставляетъ отдать любимое дитя свое въ воспитательный домъ; откуда въ-послѣдствіи этого ребенка крадутъ. Дѣйствительно, она производитъ эффектъ, отъ котораго нельзя оборониться никакимъ скептическимъ хладнокровіемъ. У нея есть слова, жесты, взгляды, которыхъ нельзя передать разговоромъ. Голосъ ея замираетъ, рыданія наводятъ ужасъ; когда она ломаетъ руки съ отчаянія, видишь дѣйствительный образъ страданія, — но опять таки страданія театральнаго. У дѣйствительной матери не достало-бы силъ для вещей этихъ внѣшнихъ формъ горя; оно убило бы ее, сосредоточилось-

бы въ сердцѣ, высказалось бы во взглядѣ, въ немногихъ, но задушевныхъ звукахъ, однимъ—словомъ, внутреннее страданіе подавило бы всё наружныя его проявленія,—и тутъ была бы истина, Г-жа Дорваль въ этой роли «Гекуба, которая *воетъ* въ своемъ горѣ» какъ выразился греческій поэтъ. Одинъ изъ вашихъ прославленныхъ драматурговъ, Александръ Дюма, сказалъ мнѣ, желая похвалить г-жу Дорваль въ этой роли: «*Elle tend sublimes les trivialités!*» По моимъ понятіямъ, онъ сказалъ самую ѣдкую эпиграмму на игру артистки. Вещи простыя или тривиальныя, надо передавать просто, а облагороживать ихъ, возвышать ихъ до идеала значитъ отречься отъ главной основы художественности—отъ правды. Въ одномъ изъ вашихъ журналовъ прочелъ я, что послѣ перваго представленія *Мари-Жанны*, Фредерикъ-Леметръ бросился въ уборную г-жи Дорваль, и цѣлуя ея руки, вмѣсто всякихъ похвалъ, могъ только заплакать, какъ ребенокъ. Не вѣрится мнѣ что-то, чтобы этотъ умный, насквозь проникнутый чувствомъ артистъ, такъ глубоко изучившій всё движенія и выраженія человѣческаго чувства, могъ придти въ такой восторгъ отъ такого чисто-внѣшняго исполненія.

— Что до этого касается, я не спору! Наши журналисты очень избобрѣтательны на громкіе анекдоты, когда дѣло идетъ о выгодной публикаціи (gesclame). Но я опять таки вамъ скажу, что вы все еще не видѣли первой и лучшей драматической артистки Франціи.

— Кого-же? спросилъ я съ удивленіемъ, потому, что уже шесть недѣль кряду составилъ себѣ родъ службы изъ изученія всѣхъ парижскихъ театровъ. Неужели вы говорите о картавой и дородной Клариссѣ, которая у Сен-Мартенскихъ воротъ такъ наивно подыгрываетъ Леметру, въ «Черномъ докторѣ?»

— О нѣтъ! я говорю о великомъ драматическомъ талантѣ, котораго вы вѣрно не стали-бы отыскивать тамъ, гдѣ я вамъ укажу. Я говорю о *Розѣ Шери* на сценѣ Драматической Гимназіи.

— Виноватъ, я ее еще не видалъ. Но при этомъ, какъ иностранецъ, долженъ вамъ замѣтить, что я вовсе не увлекаюсь предубѣжденіями, укоренившимися въ парижанахъ вѣками и преданіями. Я вовсе не чувствую пренебреженія къ театрамъ, которые построены на отдаленныхъ бульварахъ, и называются не *Comedie française*, не *Grand Opera*, не *Salle Ventadour* и т. д. На сценѣ Драматической Гимназіи господствовалъ безраздѣльно умнѣйшій и наиболѣе проникнутый изящнымъ вкусомъ драматургъ вашъ Скрибъ, на этой сценѣ выросли и образовались безспорно лучшіе ваши таланты: Аланы, Леонтина Фе (г-жа Вольнисъ), Эйжени Соважъ, и наконецъ вы сами. Извините, это не бездѣлица! Я чувствую полное почтеніе къ театру *Gymnase*.

— Это уваженіе я раздѣляю съ вами, хотя бы ужъ за то только, что этотъ театръ не увлекся духомъ современной спекуляціи, которымъ заражены все наши дирекціи, кромѣ Французской Комедіи, которая зато впала въ другую крайность: она вѣрится въ неувядаемость своихъ старыхъ лавровъ и апатически спитъ на давно забытыхъ преданіяхъ.

— Кто же эта Роза Шери? Дайте мнѣ объ ней понятіе.

— Исторія этой чудной дѣвушки пересказывается въ нѣсколькихъ словахъ. Она, такъ—сказать, дитя театра! Она выросла, образовалась, на театральныхъ помостахъ. Настоящая ея фамилія Сизо. Отецъ ея содержалъ номадную труппу, съ которой странствовалъ по всемъ закоулкамъ Франціи, утѣшая досужую провинцію. Семейство Сизо было такъ многочисленно, что само по себѣ составляло цѣлую труппу. Начиная отъ комическаго дяди и благороднаго отца до вертопраха и простака — тутъ были все амплуа. Роза Сизо родилась въ Этампѣ, въ 1825 году, въ ту самую минуту, какъ отецъ игралъ роль *Жермани* («Жизнь игрока»). Скрибъ, воспитатель таланта Леонтины Вольнисъ, какъ—будто нарочно оставилъ ей дѣтское наслѣдство маленькой Розѣ. Съ десяти лѣтъ она начала уже появляться на сценѣ въ его водевиляхъ, написанныхъ для Леонтины. Въ пятнадцать лѣтъ Роза сводила всехъ съ—ума въ роли Абрикотины, въ волшебной сказкѣ *Riquet à la houppe* (Принцъ съ хохломъ). Г. Ромье, префектъ дорденскаго департамента, человекъ чрезвычайно образованный и умный, увидавъ ее въ городѣ Периге, присовѣтовалъ ей ѣхать въ Парижъ, чтобы довершить свое сценическое образованіе. Онъ далъ ей даже рекомендательное письмо къ своему пріятелю, Делетръ—Поарсону, бывшему тогда директоромъ Драматической Гимназіи.

Роза Сизо была тотчасъ же принята къ театру на самое микроскопическое амплуа и на чисто гомеопатическое жалованье.

Поарсонъ былъ человекъ добрый, но который ни чуть не почиталъ заслугу искусству выше ущерба своего кармана. Онъ шелъ за вѣкомъ и гнался за сборами. Поэтому все новыя пьесы онъ обставлялъ обыкновенно любимцами публики, а молодые таланты должны были сидѣть у моря и ждать погоды. Въ числѣ жертвъ этого разчета была даже одна молодая артистка, которая теперь пользуется большою извѣстностію и которая, получая 1800 франковъ жалованья, сыграла у него только два раза въ—теченіе года, и то аксессуарныя роли. Недовольная такою бездѣятельностію, она рѣшилась перейти въ другой театръ. Когда она объявила объ этомъ другимъ артистамъ, Эйжени Соважъ вскричала:

— Какъ! за три слова, тобой сказанныя, ты каждый разъ получала по шестисотъ франковъ и еще недовольна директоромъ!

Таже участь ожидала и Розу Сизо, но счастливый случай от—

крылъ ей дорогу, безъ постороннихъ пособій. Въ 1842 году, пятого іюля, въ театрѣ Гимназіи, между прочими пьесами, для заключенія спектакля была назначена: «Бурная молодость», комедія Шарля Деное. Вдругъ, передъ самымъ началомъ пьесы, мамзель Натали, игравшая въ ней главную роль, сильно занемогла. Что было дѣлать! другія артистки всѣ разѣхались по домамъ; публика громко выражала свое нетерпѣніе; Паарсонъ рвалъ на себѣ волосы съ отчаянія.

— Если позволите... я знаю эту роль, шепнула ему на ухо Роза Сизо. Онъ оглянулся и вытаращилъ глаза... но дѣлать было нечего: молодая фигурантка была единственнымъ средствомъ для его спасенія въ эту минуту.

Режиссеръ Монваль вышелъ на сцену, печальнымъ тономъ объявилъ публикѣ, что Натали внезапно занемогла, и просилъ позволенія замѣнить ее молодой артисткой, недавно пріѣхавшей изъ провинціи.

Сначала поднялись было шумъ и шиканье, но вскорѣ все успокоилось и большинство публики изъявило свое согласіе. Среди довольно бурнаго волненія въ партерѣ занавѣсъ наконецъ поднять, и Роза Сизо показала на сценѣ, въ роли Генріетты.

Прелестное, свѣжее ея лицо, кроткій взглядъ, наивное выраженіе фізіономіи и грація въ самомъ ея смущеніи — совершенно обезоружили публику. Послѣ первой сцены публика была уже въ восторгѣ, по окончаніи пьесы — она не помнила себя отъ восхищенія. Вызовы, букеты, рукоплесканія и одобрительные возгласы посыпались градомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, эта дѣвочка обнаружила столько такту, естественности, непринужденности, столько теплоты душевной, что съ перваго же дебюта сдѣлалась любимицей публики.

Само собою разумѣется, что послѣ такого блистательнаго начала, авторы наперерывъ стали писать для нея роли, и вскорѣ талантъ ея обнаружился въ такой силѣ, что она сдѣлалась первостатейною артисткою Парижа. Скрибъ, выражая ей свою благодарность, за исполненіе нѣкоторыхъ ролей въ его пьесахъ, сказалъ ей: *Dans mon joli bouquet d'actrices, vous êtes ma Rose Chérie.* («Въ моемъ букетѣ прекрасныхъ актрисъ—вы моя любимая Роза.») Это изрѣченіе осталось между артистами театра и въ семействѣ Розы, гдѣ ее съ-тѣхъ-поръ иначе не называли, какъ *Rose Chérie*, и подъ этимъ именемъ она теперь известна и публикѣ. Вотъ все, что я вамъ могу сказать объ этомъ замѣчательномъ сценическомъ явленіи, остальное увидите и оцѣните сами.

Такъ заключилъ Буффе свой рассказъ; я поблагодарилъ его, и мы

разстались. Въ первое представленіе, въ которомъ имя Розы Шери красовалось на афишѣ, я былъ уже въ театрѣ Гимназін. Давали «*Клариссу Гарлау*», драму, передѣланную довольно удачно изъ извѣстнаго Ричардсонова романа, того же имени, гг. Дюмануаромъ и Клервилемъ. Главныя роли *Клариссы* и *Ловеласа* занимали г-жа Роза Шери и нашъ знакомецъ Брессанъ.

Дѣйствительно, я долженъ былъ сознаться, что знаменитый французскій комикъ правъ: Роза Шери на сценѣ явленіе небывалое, въ особенности на парижской сценѣ, гдѣ все больше или меньше натяжка или утрировка. Роза игрой своей открываетъ въ драмѣ, такъ-сказать новую эпоху, какъ ее открылъ уже Бокажъ, по моему мнѣнію, величайшій актеръ изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ удалось видѣть. Общія черты этихъ двухъ замѣчательныхъ талантовъ состоятъ въ томъ, чтобъ сохранить простоту и естественность въ самыхъ сильныхъ патетическихъ положеніяхъ, чтобы въ самыхъ натянутыхъ и эксцентрическихъ сценахъ оставаться обыкновенными людьми, говорить и дѣйствовать, какъ-бы говорили и дѣйствовали эти лица въ кругу общественной жизни, а не на аренѣ, невѣ-виду зрителей, не *на показъ*. Конечно, это важная задача въ искуствѣ — выразить глубокія чувства, сильныя страсти, безъ посредства придуманныхъ, сильныхъ внѣшнихъ знаковъ, подкупающихъ зрителя, но почти всегда дѣлающихъ изъ *обыкновеннаго* человѣка *героя*. Для этого надо, чтобъ сама душа артиста принимала непосредственное участіе въ тѣхъ ощущеніяхъ, которыя онъ выражаетъ, чтобы артистъ совершенно пересоздалъ себя въ то лицо, которое представляетъ. Все у этихъ артистовъ заключается въ музыкѣ голоса, въ тѣхъ звукахъ, которые прямо вырываются изъ души и невольно западаютъ въ душу слушателя, потому-что они истинны.

Наружность Розы Шери самая пріятная: молодость, стройность и красота окружаютъ ее какимъ-то неотразимымъ обаяніемъ, при первомъ ея появленіи на сцену. Но вотъ она заговорила — что за звуки! какая гармонія! сколько чувства, задушевности и правды въ каждомъ выраженіи! А между тѣмъ она не дѣлаетъ особенныхъ удареній, не ставитъ точекъ на каждое і, не тянетъ, не декламируетъ. Она говоритъ, просто, наивно, но вѣрно, согласно съ природою. Глаза ея, нѣсколько томные и задумчивые, одушевляются необыкновеннымъ блескомъ и огнемъ въ сильныхъ сценахъ, и удивительно гармонируютъ съ этими чудными звуками голоса. У нея почти нѣтъ вовсе жестовъ, а между-тѣмъ грація позъ и движеній ничѣмъ не нарушена. Лицо ея, пріятное, привлекательное, принимаетъ живо всѣ впечатлѣнія сердца; пусть она мол-

читать, вы по чертамъ прочтете, что у нея происходитъ въ душѣ. Безъ криковъ, воплей, коверканья и сильныхъ жестовъ, эта миловидная дѣвушка, въ потрясающихъ сценахъ, поднимаетъ у васъ волосъ на головѣ, она щемитъ вамъ душу до того этой безпомощной, нѣмою скорбію, что вы готовы броситься на сцену къ ней на помощь. Въ эти дивныя минуты, зрители не аплодируютъ, они притаили дыханіе, объаты какимъ-то онѣмляющемъ страхомъ. И по закрытіи занавѣса все еще трудно имъ отрѣшиться отъ этого обаятельнаго чувства, отъ этой мечты, которая поразила ихъ картиной самой животрепещущей дѣйствительности. Сама натура не могла бы говорить краснорѣчивѣе Розы Шери, и высшее сценическое совершенство еще очень далеко отъ этой натуры. Слезы ея, вздохи, смѣхъ и радость — все дѣйствительно. Во всемъ ея бытіи есть какая-то общительность, возбуждающая симпатію въ каждомъ, даже самомъ зачерствѣломъ сердцѣ. Но главное достоинство въ этой артисткѣ грація и дѣвственность (*Weiblichkeit*), которыя заставляютъ въ ней совершенно забыть актрису.

Къ несчастію, я видѣлъ ее только три раза, и все въ роли Клариссы, потому-что «Кларисса Гарлау» сводила всѣхъ съ ума, и ее давали сто одиннадцать разъ сряду. Но довольно и этого, чтобы понять важную заслугу, оказанную Розою сценическому искусству, чтобы оцѣнить рѣдкія ея достоинства. Важная также черта ея игры состоитъ въ томъ, что въ ней не видно парижанки: національный типъ, отъ котораго француженкѣ такъ трудно отрѣшиться, совершенно исчезаетъ. Впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ сценическимъ дарованіемъ, я никогда не забуду, потому-что въ немъ осуществлялась моя собственная мечта объ идеалѣ сценической передачи чувствъ и мыслей, которую я уже начиналъ было считать гипотезой, не находя ей воплощенія ни на одной европейской сценѣ.

—

Съ-тѣхъ-поръ, какъ я выѣхалъ изъ Франціи, многое измѣнилось. Госпожа Дорваль — умерла. Роза Шери стала въ главѣ драматическихъ артистокъ Франціи, рядомъ съ Рашелью, которую она превышаетъ талантомъ на неимовѣрное разстояніе, — и носить теперь уже имя Розы Монтиньи. Вотъ какъ это случилось:

Въ 1846 году дирекція театра *Gymnase* перешла отъ Поарсона къ г. Монтиньи. При мнѣ уже поговаривали, что Французская Комедія, утомленная однообразіемъ своего репертуара, капризами Рашели, и пу-

стотою своей кассы, имѣть виды на очаровательную Розу Шери. Съ нею вмѣстѣ должна была воцариться на классическихъ помостахъ современная драма, или *мьщанская трагедія*, какъ ее величали съ высоты своего котурна гг. общники Французской Комедіи. Монтиньи задумался не на шутку: похитить у него Розу Шери значило подрѣзать его подъ самый корень. На рпетиціи одной изъ новыхъ пьесъ Скриба, озабоченный директоръ отвелъ всторону знаменитаго драматурга и просилъ его принять участіе въ составленіи новой пьесы. Такія сдѣлки очень обыкновенны между французскими драматическими писателями: одинъ придумаетъ сюжетъ, другой изложитъ его въ сценахъ, третій поправитъ и напишетъ куплеты — и пьеса является въ свѣтъ съ именами трехъ авторовъ. Скриба предложеніе директора нисколько не удивило, онъ отвѣчалъ: «Очень радъ! Въ чемъ дѣло?»

— Дѣло въ новой роля для нашей неподражаемой Розы Шери. Я боюсь, чтобъ у меня кто-нибудь не похитилъ мысль и потому тороплюсь. Пойдемте въ мой кабинетъ.

Монтиньи и Скрибъ заперлись такъ, что кажется и стѣны не могли ихъ послушать. Драматургъ одобрилъ мысль, положенія и взялся привести интригу къ счастливой развязкѣ. Черезъ часъ послѣ того онъ явился къ Розѣ Шери и — предложилъ ей руку и сердце директора Монтиньи, предложеніе было принято, и черезъ нѣсколько дней директоръ Гимназіи отпраздновалъ свою свадьбу съ очаровательной артисткой.

Вотъ какъ судьба связала эту замѣчательную артистку съ театромъ, который былъ свидѣтелемъ ея первыхъ успѣховъ, и теперь, посредствомъ ея таланта, сталъ въ рядъ первоклассныхъ европейскихъ сценъ.

О. Коми.

ПОНТОНЫ.

Разказы Луи Гарнере

II.

Вскорѣ послѣ того, какъ наши приготовленія къ побѣгу были прерваны такимъ печальнымъ образомъ, меня позвали къ капитану въ каюту.

— Изъ всѣхъ французовъ вы лучше всѣхъ говорите по-англійски, сказалъ онъ. Мой переводчикъ въ госпиталѣ, и потому вы займете его мѣсто, получая по шести пенсовъ въ день.

Друзья поздравляли меня съ такимъ неожиданнымъ благополучіемъ, и я тотчасъ же вступилъ въ свою должность. Въ это время какая-то шлюпка пристала къ борту. На ней пріѣхалъ знакомый нашего капитана, мистеръ К, съ негромъ, одѣтымъ въ богатую ливрею.

Мы уже такъ давно не имѣли никакого развлеченія, что всякая бездѣлица возбуждала наше любопытство; поэтому, когда мистеръ К. вошелъ на палубу, всѣ глаза были устремлены на него.

Но скоро все наше вниманіе сосредоточилось на негрѣ. При огромномъ ростѣ, онъ былъ сложенъ какъ Геркулесъ; лицо его, страшно обезображенное остатками болѣзни, выражало дерзость и злобу. Съ разныхъ сторонъ уже послышались свистки, которые, при видѣ презрительнаго взгляда негра, обратились въ брань и крики.

Негръ презрительно пожалъ плечами, и покотился со смѣху.

Въ это время меня позвали къ капитану. Онъ сидѣлъ въ своей каютѣ съ англійскимъ полковникомъ, передъ столомъ, уставленнымъ бутылками разныхъ величинъ. Оба казались въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Прославясь своими пари, лошадьми, причудами и роскошью, мистеръ К. старался избыткомъ богатства замѣнить недостатокъ ума.

— Послушай, любезный, сказалъ онъ, играя тростью, я хочу дать тебѣ порученіе. Ты получишь за труды, если исполнишь его успѣшно.

— Милостивый государь, отвѣчалъ я: я плѣнный французъ, а не слуга, поэтому ни приказаній, ни вознагражденій мнѣ отъ васъ получать не приходится.

Англичанинъ пожалъ плечами и растянулся на креслѣ.

— Смѣшно видѣть столько гордости въ нищемъ, сказалъ онъ: эти лохмотья показываютъ, что нѣсколько шиллинговъ не были бы для тебя лишними... Но это твое дѣло! Ты, какъ французъ, считаешь обязанностью отвѣчать мнѣ дерзко... Ты глупъ, любезный.

О, какъ жалѣлъ я въ эту минуту, что я неболѣе, какъ плѣнный! Съ какою радостью отдалъ бы я десять лѣтъ жизни за одну минуту свободы!

Стараясь избѣжать новыхъ униженій, я хотѣлъ идти, но капитанъ Р... удержалъ меня.

— Оставайтесь, мнѣ нужно съ вами говорить, сказалъ онъ.

Выпивъ стаканъ грогу, онъ продолжалъ:

— Вы были сейчасъ наверху?

— Былъ.

— Значить, вы видѣли великолѣннаго негра, котораго лордъ привезъ съ собою, сдѣлавъ намъ честь пріѣхать на понтонъ.

— И которому я съ удовольствіемъ переломалъ бы кости.

— Ты хочешь переломать кости моему негру! вскричалъ мистеръ К., помирая со смѣху. Я бы очень хотѣлъ это видѣть... тѣмъ болѣе, что я затѣмъ и пріѣхалъ на понтонъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ капитанъ Р. Мистеръ К. объѣзжаетъ понтонны, ища соперника своему негру. Узнай, нѣтъ ли между вами охотника помѣряться силами съ великаномъ: лордъ даетъ ему двадцать фунтовъ стерлинговъ, каковы бы ни были послѣдствія. Если французъ будетъ убитъ, эта сумма останется его наслѣдникамъ.

Приведенный въ негодованіе такимъ предложеніемъ, я уже готовъ былъ отказаться, когда мнѣ пришла въ голову мысль, что между плѣнными можетъ найтись человекъ, который отомститъ за Францію.

Выйдя на палубу, я увидѣлъ, что непріязнь къ негру болѣе и болѣе увеличивалась между плѣнными. Я передалъ имъ разговоръ съ мистеръ К., и яростные крики разнеслись по понтону. Никто не отказался бы помѣряться съ негромъ силами съ оружіемъ въ рукахъ, но борьба казалась до такой степени невозможною, что никто не являлся

на вызовъ. Всякій боялся дать поводъ англичанамъ торжествовать надъ нами.

— Нечего дѣлать, сказалъ я, пойду сказать мистеру К. что французы отказываются служить для него забавою.

— Подожди, товарищъ, сказалъ мнѣ матросъ, котораго круглое лицо, широкія плечи и малый ростъ, обличали жителя Арморики: пойдемъ со мною; нужно какъ-нибудь уладить дѣло.

Мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно собирались бретонскіе плѣнные; они мало имѣли съ нами сношеній и жили почти отдѣльно. Кроткіе и терпѣливые, они рѣдко принимали участіе въ общихъ играхъ или ссорахъ; они считали себя счастливыми, когда имъ позволяли жить спокойно и говорить на своемъ родномъ языкѣ, о мысѣ Финистеррѣ, о которомъ мечтаютъ всѣ бретонцы, какъ о пріютѣ своей старости.

Но не совѣтовалъ бы я никому заводить ссору съ этими земляками Сюркуфа. Бретонецъ не проститъ обиды, и отмститъ за свою честь.

Когда я подошелъ къ толпѣ, одни курили трубки, другіе лежали на скамьяхъ, въ совершенной беззаботности.

— Робертъ Ланжъ, сказалъ мой спутникъ, обращаясь къ молодому человѣку лѣтъ двадцати пяти или тридцати, который съ трубкою въ зубахъ молчаливо прохаживался взадъ и впередъ: англичане говорятъ, что мы трусы.

— Англичане сами знаютъ, что они лгутъ, говоря это, спокойно отвѣчалъ Робертъ Ланжъ. На опытъ мы слишкомъ часто доказывали имъ противное.

— Товарищъ, сказалъ мнѣ бретонскій матросъ, расскажи-ка землякамъ, что ты сейчасъ рассказывалъ наверху, командѣ.

Я пересказалъ имъ предложеніе мистера К.

При этомъ разсказѣ, молнія блеснула въ глазахъ бретонцовъ, но никто изъ нихъ не произнесъ ни слова; только всѣ взгляды обратились на Роберта Ланжа.

— Ну, Робертъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, что ты объ этомъ думаешь?

— Я думаю, что этотъ англичанинъ придумываетъ такія средства для забавы, что не позавидуешь его богатству.

— Правда, но что дѣлать съ негромъ? Нужно поддержать свою честь, и уничтожить африканца. Это доставитъ удовольствіе друзьямъ нашимъ на родинѣ, когда мы это имъ расскажемъ.

Казалось, это предложеніе удивило бретонца.

— Но я никогда не видѣлъ этого негра, отвѣчалъ онъ: зачѣмъ же мнѣ дѣлать ему зло? Къ тому же негръ не англичанинъ...

— Ну жаль, что ты не видѣлъ его, товарищъ. Онъ сложенъ такъ, что переломить тебя пополамъ.

При этомъ отвѣтѣ все бретонцы засмѣялись.

— Переломить Роберта Ланжа! Да это невозможно!

Я хотѣлъ уже уйти, когда Робертъ остановилъ меня за руку.

— Ты рѣшаешься, товарищъ? спросилъ я.

— Не я, но земляки говорятъ, что честь Бретани пострадаетъ, если отпустить этого негра; они хотятъ, чтобъ я съ нимъ боролся...

— А ты?

— Если земляки хотятъ, дѣлать нечего:

— Пойдемъ же со мною къ капитану.

При этомъ извѣстїи, капитанъ не могъ удержать торжествующей улыбки, и началъ разсматривать бретонца. Пожатїе плечъ показало, что мнѣніе было не въ пользу Роберта.

— Видѣлъ ли ты негра? спросилъ К.

— Не видѣлъ, но это все-равно.

— О, нѣтъ вамъ нужно познакомиться. Пойдемъ со мною.

Мы все вмѣстѣ вышли на палубу.

— Вотъ твой противникъ, сказала Г. И. показывая Роберту на огромнаго негра: какъ ты его находишь?

— Я нахожу его очень гадкимъ, спокойно отвѣчалъ бретонецъ.

— Но каково онъ сложенъ?

— Онъ очень толстъ, отвѣчалъ по-прежнему бретонецъ.

— И ты готовъ помѣряться съ нимъ силами?

— Дѣлать нечего, когда этого хотятъ земляки; но я не понимаю, стоить ли опять много хлопотать изъ простой драки.

— Нѣтъ, любезный, вы будете драться на боксахъ. Умѣешь ли ты?

— Я никогда не пробовалъ, но это все-равно. Вѣдь дѣло идетъ не о смерти человѣка.

— Ты ошибаешься; негръ мой уже убилъ трехъ французовъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! вскричалъ Робертъ, котораго щеки покрылись легкимъ румянцемъ. А! этотъ негръ убилъ уже трехъ французовъ... Такъ вы съ негромъ два бездѣльника?... Въ такомъ случаѣ, я принимаю вызовъ. Земляки правы; тутъ дѣло идетъ о чести.

Робертъ Ланжъ съ трудомъ удерживалъ себя отъ негодованїя.

— Когда же ты можешь начать дѣло? спросилъ мистеръ К. теперь ты такъ слабъ, что я не хочу этимъ пользоваться.

— Я готовъ. Вашъ негръ, для забавы убивающій французовъ,

возвратилъ мнѣ силы, ослабѣвшія на понтонѣ послѣ пятилѣтняго заключенія.

— Нѣтъ, другъ мой, сегодня вамъ нельзя драться. Вотъ тебѣ двѣ гинеи изъ обѣщанныхъ двадцати; пируй цѣлую недѣлю, а потомъ будь готовъ къ бою.

Робертъ Ланжъ, не говоря ни слова, взялъ два совереня изъ рукъ мистера К. и положилъ въ карманъ.

— Это для земляковъ, прошепталъ онъ.

— Капитанъ, сказалъ мистеръ К. прощаясь съ нимъ черезъ недѣлю, если позволите, я привезу вамъ своихъ пріятелей изъ Портсмута, чтобъ полюбоваться на бой.

И два англичанина разстались въ полномъ удовольствіи.

Смѣлость Роберта Ланжа и радовала и пугала меня. Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобы переговорить съ нимъ.

— Скажи, Робертъ правда ли, что на своей родинѣ ты всегда оставался побѣдителемъ на кулачныхъ бояхъ и въ борьбѣ?

При словѣ «родина», напомиавшемъ Роберту его милую Бретань, слабый румянецъ показался на его щекахъ.

— Да, отвѣчалъ онъ со вздохомъ, я много веселился въ молодости... Тогда я былъ молодцомъ...

— И первымъ силачемъ въ деревнѣ?

— О, я любилъ эти игры...

— Ты всегда выигрывалъ призъ?

— Я долженъ былъ выигрывать... ты понимаешь... честь деревни...

— Да, какъ теперь честь Франціи на понтонѣ... Признаться ли тебѣ, Робертъ?

— Говори, товарищъ, не церемонься, я добрый малый...

— Признаюсь тебѣ, я боюсь, что ты не въ состояніи будешь сладить съ этимъ огромнымъ чудовищемъ.

— Мнѣ кажется, что ты ошибаешься, товарищъ. Этотъ болванъ только много шумитъ; жаль, что я не умѣю драться на боксахъ...

— Жаль...

— Да, но онъ убилъ трехъ французовъ, прервалъ меня бретонецъ, а я никому еще не дѣлалъ зла... Такихъ бездѣльниковъ надобно проучить.

— До свиданія же, товарищъ, желаю тебѣ успѣха и готовъ помогать тебѣ во всемъ, въ чемъ могу.

Бретонецъ поблагодарилъ меня, и мы разстались

Наступилъ день, назначенный для боя. Г. К. пріѣхалъ прежде всѣхъ, чтобы заняться нужными приготовленіями.

— Гдѣ же секунданты? спросилъ онъ, обращаясь къ Роберту Ланжу.

— Къ чему столько хлопотать для одного хорошаго удара? замѣтилъ Робертъ: но если это непременно нужно, то кто-нибудь изъ земляковъ станетъ возлѣ меня... Жанъ, ты, вѣрно, не откажешься, продолжалъ онъ, обращаясь къ одному изъ бретонцевъ: Гарнере, ты также...

— Есть ли у тебя часы? спросилъ Г. К.

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Эти французы удивительный народъ! вскричалъ К.... обращаясь къ англичанамъ... Вотъ, возьми мои часы, прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана великолѣпный хронометръ и подавая его мнѣ; замѣчай, сколько времени твой товарищъ будетъ безъ чувствъ, каждый разъ, послѣ удара... Если это продолжится болѣе пяти минутъ, то онъ не имѣетъ права снова начать бой, и будетъ признанъ побѣжденнымъ.

— Сколько церемоній для пустяковъ, замѣтилъ Робертъ Ланжъ. Какъ такіе глухие люди бываютъ такими хорошими матросами!

— Милостивый государь, сказалъ я, обращаясь къ мистеру К., товарищъ мой готовъ. Можно начинать?

— Хорошо, но прежде противники должны подать другъ-другу руки. Пти-Блонъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ негру, протяни руку французу...

Негръ повиновался.

— Эта рука памятна многимъ французамъ, проворчалъ онъ.

— Что онъ говоритъ? спросилъ Робертъ, услышавъ ропотъ негодованія между плѣнными.

— Онъ говоритъ, товарищъ, сказалъ я, что эта рука памятна многимъ французамъ.

Эти слова произвели волшебное дѣйствіе на Роберта: молнія блеснула въ его глазахъ, брови его сжались, и лицо приняло какое-то дикое выраженіе.

Негръ, несмотря на свою ужасную силу, не могъ выдержать пылающаго взгляда своего противника. Видно было, что онъ его приводилъ его въ смущеніе. Глубокое молчаніе царствовало на палубѣ. Англичане поняли, что тутъ готовится настоящая драма.

Между-тѣмъ, какъ Робертъ Ланжъ медлилъ, стараясь подавить свой гнѣвъ, меня меня мучило нетерпѣніе. Наконецъ, онъ протянулъ руку и подалъ ее негру.

Сжавъ руки, устремивъ другъ на друга пылающіе взгляды, они казались неподвижною мраморною группою.

Вдругъ мнѣ показалось, что на лицѣ негра отразилась внутренняя боль. Онъ пронзительно вскрикнулъ, съ яростью закусилъ губы, закрылъ до половины глаза, и судорожно подернувъ плечами, готовъ былъ лишиться чувствъ. Бретонецъ казался по-прежнему спокойнымъ и не шевелился ни однимъ членомъ.

Происходившее передъ нашими глазами казалось намъ до того необыкновеннымъ, что мы не знали, что думать. Робертъ Ланжъ разрешилъ наше недоумѣніе.

— Бездѣльникъ! вскричалъ онъ, обращаясь къ негру: эта рука, убившая многихъ бретонцевъ, теперь не въ состояніи будетъ обидѣть даже ребенка.

Въ-самомъ-дѣлѣ — случай, которому бы я никогда не повѣрилъ еслибы самъ не былъ свидѣтелемъ, въ чемъ ручаюсь честью; — рука бретонца съ такою силою сжала руку негра, что кровь выступила у него изъ пальцевъ.

— Довольно, я побѣжденъ, вскричалъ негръ; но Робертъ тогда только выпустилъ руку, когда противникъ его упалъ на колѣни.

И рука его повисла, окровавленная и безъ движенія; она была буквально раздавлена.

Невозможно представить себѣ нашъ восторгъ. Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Бретань! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Что касается до Роберта Ланжа, то онъ не потерялъ своего хладнокровія.

— Что жъ, сказалъ онъ съ мнимою простотою, въ которой была видна насмѣшка, послѣ пожатія руки: не пора ли начинать бой?

Г. К***, какъ-будто ничего не замѣчая, обратился къ негру, и сказалъ:

— Готовъ ли ты?

Негръ не могъ отвѣчать отъ страданій; онъ только отрицательно покачалъ головою.

— Ты отказываешься? продолжалъ Г. К***. Въ такомъ случаѣ я объявляю, что ты побѣжденъ. Мистеръ Робертъ, вотъ двадцать фунтовъ, которые я вамъ долженъ. Сознаюсь, что у васъ рѣдкая сила въ рукахъ, но при всемъ томъ убѣжденъ, что на боксахъ мой негръ непременно убилъ бы васъ.

Робертъ Ланжъ, вмѣсто того, чтобы съ жадностью броситься на ассигнаціи, которыя предлагалъ ему лордъ С***, отступилъ на два шага; но потомъ взялъ ихъ, и не говоря ни слова, положилъ въ карманъ.

— Глупо будетъ дарить эти деньги англичанамъ! вскричалъ онъ: лучше прогулять ихъ съ товарищами.

— Господа, сказалъ мистеръ К***, обращаясь къ англичанамъ, собравшимся смотрѣть на боксеровъ, извините, что я беспокоилъ васъ напрасно. Впрочемъ, я нисколько не виноватъ въ случившемся, и никакъ не могъ его предвидѣть. Теперь же намъ остается только уѣхать отсюда и оставить въ покоѣ французовъ.

Сказавъ это, Г. К*** пожалъ руку капитану Р***, поблѣднѣвшему отъ досады и гнѣва, сдѣлалъ знакъ негру слѣдовать за собою, и свиснувъ свою датскую собаку, сталъ спускаться въ свой катеръ.

Негръ не заставилъ повторять себѣ приказанія, и повѣся голову послѣдовалъ за своимъ господиномъ; но напрасно мистеръ К. свисталъ собаку: она не являлась.

— Потрудитесь послать отыскать мою собаку; она бѣгаетъ гдѣ-нибудь въ батареяхъ, сказалъ Г. К., обращаясь къ капитану Р***.

— Ваша собака ушла въ батарею, вскричалъ нашъ тюремщикъ. Въ такомъ случаѣ вамъ ее болѣе не видать!..

— Почему же?

— Ваше бѣдное животное вѣрно превращено теперь въ жаркое.

— Не можетъ быть! вскричалъ Г. К., съ отвращеніемъ и ужасомъ. Какъ! французы въ состояніи съѣсть мою собаку?

— Я почти въ томъ увѣренъ, милордъ.

Нашъ тюремщикъ не ошибался. Шквалы, соблазнясь тучностью собаки, позавтракали ею, увѣривъ себя, что это теленокъ.

Вскорѣ за тѣмъ мы увидѣли, что къ борту присталъ катеръ съ высшими офицерами морскаго вѣдомства.

— Гарнере, выдѣ навѣрхъ и объясни намъ, что тамъ дѣлается, сказалъ мнѣ товарищъ. Тебѣ, какъ переводчику, бояться нечего.

Первое, что поразило меня при выходѣ на верхъ, была холодность, съ которою приѣхавшіе начальники принимали услуги нашего капитана. На всѣ его привѣтствія они едва отвѣчали наклоненіемъ головы.

— Лейтенантъ Р..., сказалъ ему адмиралъ, призовите сюда плѣнныхъ, подписавшихъ двѣ жалобы, поданныя въ транспортное управленіе: вотъ ихъ имена.

— Адмиралъ, тутъ должна быть ошибка, отвѣчалъ Р.... Я прислалъ въ управленіе только одну жалобу.

— Вотъ онѣ обѣ, сэръ... Вы можете прочесть ихъ.

Говоря это, адмиралъ подалъ нашему тюремщику двѣ бумаги, въ которыхъ я тотчасъ узналъ нашъ доносъ на поставщиковъ провіанта, и нашу жалобу на Р...., посланную въ хлѣбъ.

Какъ описать скрытую досаду Р... при видѣ западни, въ которую онъ самъ попался. Я поспѣшилъ сообщить это радостное извѣстіе товарищамъ, и новость эта мигомъ разнеслась по батареямъ.

Черезъ полчаса, въ большой каютѣ собрался судъ, и призвавъ плѣнныхъ, подавшихъ жалобу, расспрашивалъ ихъ съ величайшимъ безпристрастіемъ.

Наша роль была нетрудна: намъ оставалось только говорить истину. Слѣдствіе продолжалось до вечера, и когда комиссія отправилась на берегъ, мы не сомнѣвались, что Р... будетъ смѣненъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ три дня явился на понтонъ новый командиръ.

Освободясь отъ нашего тирана, намъ казалось, что мы начнемъ жить новою жизнію; но наши страданія день ото дня увеличивались, и смертность, царствовавшая на понтонѣ, увеличивалось въ огромныхъ размѣрахъ.

Дурная пища, спертый воздухъ и въ особенности частыя перемѣны температуры, при выходѣ людей снизу на верхъ, распространяли между плѣнными болѣзни съ необыкновеннаго быстротою.

Послѣ смѣны капитана Р... я сталъ снова заниматься живописью. У меня уже начата была большая картина, когда новый командиръ понтонна объявилъ мнѣ, что меня переводятъ на другой понтонъ, *Местъ*, на мѣсто умершаго тамъ переводчика.

На это отвѣчать было нечего; оставалось только повиноваться. Я простился со своими старыми товарищами, которыхъ не долженъ былъ болѣе видѣть, и переѣхалъ на понтонъ *Местъ*, гдѣ предназначено было окончиться моему плѣну. Этотъ плѣнъ, увы! длился еще пять лѣтъ.

Помѣщенный, въ качествѣ переводчика, въ особенномъ отдѣленіи въ батареѣ, я не могъ жаловаться на свое положеніе. У комиссара я нанялъ его каюту и устроилъ въ ней свою мастерскую.

Совершенно предавшись работѣ, я имѣлъ мало сношенія съ плѣнными, и время проходило для меня незамѣтно.

Однажды въ мою мастерскую вошелъ толстый, не высокій человекъ и съ видомъ знатока сталъ разсматривать мои картины.

— Эти морскіе виды очень не дурны для француза, сказалъ онъ: онѣ могутъ принести вамъ нѣкоторыя выгоды, если вы захотите... Я торгую картинами въ Портси.

Терпя недостатокъ въ деньгахъ, я смотрѣлъ на купца, какъ на избавителя, и отвѣчалъ ему, что со мною легко поладить.

— Другъ мой, сказалъ онъ: вы напрасно это говорите. Еслибы, вмѣсто честнаго человѣка, вы нашли во мнѣ жида, то такое признаніе дорого бы вамъ стоило. Къ счастью, ваша добрая звѣзда не обманула васъ. Меня зовутъ Авраамъ Куртисъ.

Послѣ не долгихъ переговоровъ, онъ обѣщаль платить мнѣ по фунту стерлинговъ за каждую картину.

Такая цѣна, которой я никогда не ожидалъ, обрадовала меня чрезвычайно. Въ этотъ же самый день я получилъ шесть фунтовъ за всѣ картины, стоявшія моей мастерской, и Авраамъ Куртисъ поспѣшилъ унести ихъ съ собою.

Съ этой минуты, моя жизнь постоянно проходила въ занятіяхъ, и мнѣ часто случалось писать по три и четыре картины въ мѣсяцъ.

Въ половинѣ осени, т. е. почти черезъ полгода послѣ перевода моего на новый понтонъ, капитанъ приказаль мнѣ объявить плѣннымъ, что медикъ, назначенный для осмотра неизлечимыхъ больныхъ, придетъ въ этотъ день на понтонъ.

Это извѣстіе произвело глубокое впечатлѣніе на плѣнныхъ; почти каждый изъ насъ находился въ такомъ состояніи, что могъ надѣяться быть отправленнымъ на родину.

Около двухъ часовъ послѣ обѣда пріѣхаль медикъ; сердца плѣнныхъ трепетали отъ ожиданія и болѣзни.

Докторъ Вейсъ, которому порученъ былъ этотъ осмотръ, былъ человѣкъ холодный и бездушный.

Хотя на каждомъ понтонѣ находился также французскій медикъ, но онъ не имѣлъ никакой власти, и съ поступленіемъ доктора Вейса, страшная смертность явилась между нами.

Въ это время командиръ понтонна *Местъ*, по старости лѣтъ, былъ уволенъ въ отставку, и на мѣсто его назначенъ молодой лейтенантъ Эдвардсъ.

Мнѣ всегда бываетъ пріятно, когда представляется случай сказать, что нибудь доброе объ англичанахъ, и потому не могу не признаться, что назначеніе капитана Эдвардса было для насъ величайшимъ счастіемъ. При всей строгости въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ, какъ благородный человѣкъ, понялъ, что предоставленная ему почти неограниченная власть надъ нами, даетъ возможность дѣлать добро, и постоянно старался смягчить нашу участь и улучшить нашъ бытъ, не отступая отъ своихъ инструкцій.

Какъ много значить вліяніе благороднаго начальника! Хотя англійскому правительству не пришлось, въ продолженіе года, издержать на насъ ни одного лишняго пенса, понтонъ принялъ совершенно другой

видъ, и наше положеніе до такой степени улучшилось, что могло назваться сноснымъ, если не счастливымъ.

За кроткое обращеніе съ нами, мы старались платить благодарностью; никто не помышлялъ болѣе о побѣгѣ, опасаясь повредить репутаціи любимаго капитана. Даже самый видъ понтона измѣнился; мы стали давать балы и концерты, и устроили театръ.

Одежда актеровъ стоявшая намъ нѣсколько су, великолѣпная декорация, написанная на старыхъ кускахъ полотна: пьесы, заставлявшія насъ столько смѣяться и столько плакать, все это явилось, какъ-будто волшебствомъ, при помощи французской изобрѣтательности.

Въ батареѣ не трудно было устроить сцену. Два весельчака, мичманъ и комиссаръ, взялись написать двѣ пьесы. Первый представилъ водевиль: «Приключенія чувствительной путешественницы», а второй пятиактную мелодраму подъ заглавіемъ: «Невѣста корсара».

Оба эти произведенія были разсмотрѣны актерами и найдены достойными быть поставленными на сцену.

Положено было, чтобы выручкою пополнить издержки на освѣщеніе, декорации и костюмы, а остатокъ раздать актерамъ. Оркестръ, состоявшій изъ скрипки и флейты, предложилъ свои услуги безденежно; онъ удостоился за это похвальнаго отзыва.

Ко мнѣ явилась депутація, съ просьбою написать декорации. Авторамъ положили, за водевиль тридцать су, за драму четыре франка. Оставалось придумать женскіе костюмы, но не имѣя ни денегъ, ни матеріаловъ, мы находились въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Не видя другаго средства, мы рѣшились прибѣгнуть къ великодушію портемутскихъ дамъ, и съ этою цѣлью отправили въ городъ посланіе къ прекрасному полу. Эта выдумка удалась выше всякихъ ожиданій; дамскіе наряды со всѣхъ сторонъ посыпались на понтонъ. Дѣло остановилось за актрисами.

Я, кажется, не говорилъ еще ни слова о французенкахъ, жившихъ на понтонахъ.

Эти женщины, получившія позволеніе раздѣлить участь мужей, не годились для сцены; мы рѣшились отдать женскія роли самымъ молодымъ и красивымъ изъ плѣнныхъ.

Между этими актрисами болѣе всѣхъ былъ замѣчателенъ молодой матросъ Пьеръ Шери который скоро сдѣлался моимъ другомъ. Найдя во мнѣ человѣка, съ которымъ цѣлый день можно было говорить объ любимой имъ Анжеликѣ, онъ по нѣскольку разъ въ день рассказывалъ мнѣ исторію своей любви, и этими рассказами нѣсколько облегчалъ свое горе. Впрочемъ, онъ не переставалъ думать о поприглашенныхъ явиться

бѣгъ, и ожидалъ только случая. Пьеръ Шери взялъ на себя роль невѣсты корсара, которую авторъ, чтобы доставить ему удовольствіе, назвалъ Анжеликою.

Наконецъ наступилъ день, назначенный для представленія. Какой праздникъ! Капитанъ Эдвардъ взялъ нѣсколько мѣстъ для своихъ знакомыхъ, и заплатилъ двадцать шиллинговъ вмѣсто нѣсколькихъ су. Можно себѣ представить, какъ все оживилось на понтонѣ! Актеры и актрисы бѣгали съ озабоченнымъ видомъ, и только около трехъ часовъ пополудни всѣ разошлись по мѣстамъ.

Вскорѣ катера съ дамами, негоціантами и офицерами съ сосѣднихъ понтоновъ пристали къ борту. Весь модный свѣтъ изъ Портсмута и Портси собрался у насъ на палубѣ. Ни одно драматическое представленіе не возбуждало такого любопытства.

Ровно въ шесть часовъ, занавѣсъ не поднялся, но распахнулся передъ зрителями. Громкіе аплодисменты раздались при видѣ декорацій и костюмовъ; дѣло въ томъ, что еще и въ наше время на многихъ провинціальныхъ театрахъ сцена не бываетъ такъ хорошо обставлена.

Водевиль былъ разыгранъ превосходно; автора вызывали единодушно.

Во-время антракта, къ комиссарамъ, распорядившимся праздникомъ, явилась депутація отъ шкваловъ, требовавшихъ безденежнаго впуска въ партеръ; нѣтъ надобности объяснять, почему должно было отказать этой просьбѣ: довольно было взглянуть на ихъ костюмъ, чтобы обратить въ бѣгство всѣхъ дамъ.

Депутація, обманутая въ надеждѣ, съ ропотомъ удалилась, началась драма «Невѣста корсара».

Когда Пьеръ Шери явился на сцену, его привѣтствовалъ общій ропотъ одобренія; въ-самомъ-дѣлѣ, трудно было найти болѣе ловкую, живую и миловидную актрису. Никто изъ зрителей и не подозрѣвалъ въ немъ мужчину.

Пьеръ Шери разыгралъ свою роль съ такимъ чувствомъ, что всѣ дамы плакали. Второй актъ начался посреди глубокаго молчанія. Корсаръ, жертвуя любовью славѣ, прощался со своею невѣстою, и въ то время, когда молодая дѣвушка умоляла его остаться, въ батареѣ, къ величайшему изумленію нашему, вдругъ раздался похоронный гимнъ. Это сдѣлали шквалы, чтобы помѣшать представленію, и въ-самомъ-дѣлѣ, голоса актеровъ, при этомъ страшномъ пѣніи, не могли быть слышны.

Что же касается, до англійскихъ зрителей, то, принявъ это за интермедію въ драмѣ, они стали аплодировать съ энтузіазмомъ. Что дѣлать? Намъ оставалось сдѣться.

Мы отправили депутата къ шкваламъ, съ десятью билетами, прося

приглашенныхъ явиться пристойно-одѣтыми, и черезъ пять минутъ десять скелетовъ, странно одѣтыхъ, съ важностью заняли назначенныя для нихъ мѣста.

Представленіе кончилось около девяти часовъ вечера. Часовые были удвоены и палуба освѣщена фонарями.

Я уже говорилъ, что я велъ довольно пріятную жизнь на понтонѣ; но увы! такое состояніе не могло быть продолжительнымъ. Около половины 1811 года, нашъ добрый капитанъ Эдвардсъ былъ назначенъ командиромъ корвета и съѣхалъ съ нашего понтона.

День его отъѣзда былъ для насъ днемъ печали. Сколько разъ мы имѣли случай вспоминать о немъ, тѣмъ болѣе, что нашъ новый начальникъ былъ не лучше лейтенанта Р***.

Однажды, послѣ обѣда, я доканчивалъ картину, когда мнѣ сказали, что меня кто-то спрашиваетъ. Почти въ тоже время ко мнѣ вошелъ человекъ, весь одѣтый въ черное, который, послѣ трехъ низкихъ поклоновъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы называетесь Гарнере?

— Я. Чтò вамъ угодно?

— Я хочу оказать вамъ услугу.

— Очень благодарю. Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Меня зовутъ Джемсъ Смитъ; я продаю и покупаю картины, и могу похвастать, что англійскіе артисты на меня не жалуются.

— Ни мало не сомнѣваюсь; но чему я обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ здѣсь?

— Меня привели сюда наши общія выгоды. Но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ. Сколько платитъ вамъ за картины Авраамъ Куртисъ?

— По гинеѣ за каждую...

— По гинеѣ? Я не считалъ его столь щедрымъ. Но знаете ли за сколько онъ ихъ сбываетъ? За двадцать пять или за тридцать гинеѣй...

— Неужели! вскричалъ я съ удивленіемъ: вы конечно ошибаетесь.

— Въ дѣлахъ я никогда не ошибаюсь. Ваша живопись дѣлается извѣстною въ Англій, и ваши картины охотно раскупаютъ. Я не воображалъ, что вы находитесь на понтонѣ. Теперь приступимъ къ дѣлу. Я готовъ платить вамъ по пяти гинеѣй за картину; со-временемъ я еще прибавлю...

Я не имѣю причинъ отказаться отъ такого выгоднаго предложенія! вскричалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, я возьму эти три оконченныя картины и

оставлю вамъ мой адресъ. Вотъ пятнадцать гиней; очень радъ, что познакомился съ вами.

По отгѣздѣ Смита, я чувствовалъ себя столь счастливымъ, что не могъ заняться работою. Мнѣ хотѣлось отпраздновать съ товарищами мое неожиданное счастье, и съ этимъ намѣреніемъ я спустился на кубрикъ.

На другой день послѣ посѣщенія новаго покупателя моихъ картинъ, великодушнаго Смита, ко мнѣ явился жидъ Авраамъ Куртисъ.

Думая надъ нимъ позабавиться, я сталъ просить его о прибавкѣ мнѣ по пяти шиллинговъ на картину.

— Помилуй! вскричалъ онъ, поднимая глаза къ небу: ты съ ума сходишь, любезный другъ. У меня не идутъ съ рукъ твои картины. Я хотѣлъ, вмѣсто прибавки, еще уменьшить плату, и давать не болѣе пятнадцати шиллинговъ.

Въ такомъ случаѣ, я не стану болѣе для тебя работать....

— Какъ! что ты говоришь? вскричалъ жидъ, съ безпокойствомъ. Полно упрямиться, любезный другъ, прибавилъ онъ ласковымъ тономъ: старайся тщательнѣе отдѣлывать свои картины, и я по прежнему буду платить тебѣ по фунту.

— Спасибо за щедрость, отвѣчалъ я но на будущее время предупреждаю тебя, что я ни одной картины не уступлю дешевле десяти фунтовъ!

— Десяти фунтовъ! вскричалъ жидъ, блѣднѣя. Ты съ ума сошелъ, другъ мой? ты не въ своемъ умѣ!

— Нѣтъ, любезный Авраамъ, я нахожусь въ полномъ разсудкѣ. Продавать тебѣ за десять фунтовъ картину, за которую ты выручаешь пятнадцать и двадцать фунтовъ, кажется мнѣ, дѣломъ самымъ обыкновеннымъ....

— Пятнадцать и двадцать фунтовъ, повторилъ жидъ, глядя на меня пристально. Теперь я все понимаю.... Здѣсь былъ Смитъ....

— Наконецъ догадался! Въ самомъ-дѣлѣ, Смитъ былъ здѣсь и сдѣлалъ мнѣ такія выгодныя предложенія, что я не могъ не принять ихъ.

— О, я отмщу за это! въ бѣшенствѣ вскричалъ жидъ: я не позволю надъ собою смѣяться.

— Я не боюсь твоихъ угрозъ, честный жидъ, сказалъ я, выталкивая его изъ каюты.

Въ концѣ 1811 года испанцы передали англичанамъ остатки французской дивизіи, доставшейся имъ въ-слѣдствіе несчастной байлонской капитуляціи, въ 1809 году. Эти несчастные, бывъ два года заключены на островѣ Кабрера, много потерпѣли отъ болѣзней и голода.

По привозѣ въ Англію, ихъ разослали по понтонамъ; намъ досталось тридцать человѣкъ. Невозможно передать ихъ несчастнаго состоянія; обращеніе съ ними испанцевъ было до такой степени безчеловѣчно, что надежда попасть на понтоны уже казалось имъ счастіемъ.

Они явились къ нимъ въ такомъ положеніи, которое ясно показывало, что имъ недолго жить. Изъ тридцати человѣкъ едва двѣнадцать могли подняться на верхъ; остальные, безъ движенія, остались на днѣ шлюпки.

— Капитанъ, сказалъ медикъ, обращаясь къ командиру понтона: я не могу допустить, чтобы этихъ людей перенесли на понтонъ.... Со своею заразительною болѣзною они превратятъ его въ могилу.

— Что-же дѣлать, докторъ?

— Отправьте ихъ въ госпиталь.

— Вы правы; но ихъ не ожидаютъ на госпитальномъ кораблѣ, и потому я пошлю предупредить командира.

Въ качествѣ переводчика, я записывалъ въ книгу имена, лѣта и званіе новыхъ плѣнныхъ.

Я уже оканчивалъ это занятіе, когда ко мнѣ въ каюту вошло довольно странное лицо.

Представьте себѣ высокаго, красиваго мужчину, лѣтъ сорока, съ открытою и воинственною физиономіею, въ клѣтчатою плащѣ паяца, который величественно подойдя ко мнѣ сказалъ:

— Ну англійскій писецъ, чини перо и принимайся за работу. Скорѣе.... я не люблю дожидаться....

— Я не хочу знать, кто ты, отвѣчалъ я: вижу, что ты дурно воспитанъ ...

— Ты осмѣливаешься такъ говорить со мною, измѣнникъ! вскричалъ онъ: я заставлю тебя раскаяться въ дерзости.

Я вспыхнулъ отъ гнѣва и бросился на него.

Казалось, это ему очень понравилось.

— Ты славный малый, товарищъ! сказалъ онъ: я думалъ, что всѣ переводчики шпіоны.... Ты, кажется, не шпіонъ.

— Я принялъ на себя званіе переводчика, чтобы имѣть средство помогать товарищамъ, отвѣчалъ я. Спроси обо мнѣ у каждаго, и никто не отзовется обо мнѣ дурно.

— Въ такомъ случаѣ, извини меня, товарищъ, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.... Будемъ жить дружно, если я останусь на этомъ проклятомъ понтонѣ. Я люблю вспыльчивыхъ людей.... они всегда откровенны....

Во всѣхъ пріемахъ этаго чудака было столько благородства и добродушія, что мы скоро заключили миръ.

— Теперь отвѣчай на мои вопросы, сказалъ я.

— Готовъ.

— Твое имя?

— Лежень.

— Гдѣ ты взятъ былъ въ плѣнъ?

— Разбойниками, чортъ возьми.... въ Испаніи, подъ Бадахосомъ...

— Прекрасно, Лежень... взятъ испанцами... писалъ я.

— Я не хочу, чтобы ты это писалъ... взятъ разбойниками, я сказалъ разбойниками.

— Но я не въ состояніи этого сдѣлать.

— Я не ожидалъ отъ тебя такого малодушія. Кстати, какъ твоё имя?

— Гарнерѣ.

— Ты родственникъ извѣстнаго живописца?

— Это братъ мой.

— Ты братъ Гарнерѣ; но я очень хорошо его знаю. Онъ чело-
вѣкъ съ большимъ талантомъ. Не пишешь ли и ты?

— Начинаю....

— Развѣ на понтонахъ можно заниматься живописью?

— Вотъ мои картины, сказалъ я, указывая на неоконченный пейзажъ.

Лежень нѣсколько времени разсматривалъ картину, и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ :

— Гарнерѣ, вы достойны носить свое имя. Эта картина очень, очень хороша...

— Вы также художникъ? спросилъ я, въ свою очередь.

— Да, въ свободное время я пишу, что вздумается... Но мнѣ со-
вѣстно, что я до-сихъ-поръ не отвѣчаю на вопросы. Я былъ въ такой до-
садѣ, пріѣхавъ на понтонъ, что самъ не зналъ что говорю. Беритесь за перо.

Я снова взялся за книгу и продолжалъ вопросы.

— Ваше званіе?

— Инженерный полковникъ, состоявшій при французской арміи въ
Испаніи; неправда ли, что этого нельзя узнать по костюму? Впрочемъ
на понтонахъ, кажется, не щеголяютъ.

— Успокойтесь же, полковникъ, вы долго не останетесь на понтонѣ.
Чинъ вашъ дастъ вамъ право жить на берегу; я сейчасъ же передамъ
это капитану.

— Какъ! вы думаете, что меня оставить плѣннымъ на слово?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой-же день полковникъ Леженъ былъ освобожденъ отъ заключенія на понтонѣ. Прощайте, Гарнерѣ, сказалъ онъ, я никогда не забуду вашей услуги, и самъ постараюсь быть вамъ полезнымъ.

Здѣсь, кстати, говоря о полковникѣ Леженѣ, я замѣчу, что его картины имѣли большой успѣхъ во Франціи.

Вдова Лежена, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, генераломъ, выставила эти картины, которыя имѣли огромный успѣхъ и доставили мнѣ большое удовольствіе.

Возвращаясь къ моему разсказу.

Прилипчивая болѣзнь, которою были заражены арестанты острова Кабреры, переведенные на нашъ понтонъ, не замедлила распространиться между нами съ страшною быстротою. Желтая лихорадка, которую мы перенесли, была ничто въ сравненіи съ этою новою эпидеміею. Понтонъ вскорѣ представилъ зрѣлище самое мрачное и ужасное. Товарищи моего несчастія, растроженные морально, отчаявались какъ дѣти и видѣли въ перспективѣ ужасную смерть.

Однажды я почувствовалъ легкую дрожь и довольно сильную головную боль. Я надѣялся, что это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, но вскорѣ мнѣ показалось, что понтонъ быстро вращается во все стороны и я упалъ безъ чувствъ.

Когда я пришелъ въ себя, то очутился въ купальнѣ. Видъ огромныхъ бочекъ, наполненныхъ холодною водою, заставилъ меня закричать отъ испуга и окончателно привелъ въ чувство.

— Я не хочу, чтобы меня купали, вскричалъ я. Бѣда тому, кто осмѣлится поднять на меня руку... я буду защищаться!

Нужно ли говорить, что англичане не обращали вниманія на мои крики; они были заняты моими несчастными товарищами, которыхъ купали въ большихъ чанахъ съ водою, и по быстротѣ исполненія видно было, что сами они старались окончить какъ можно скорѣе эту неприятную обязанность.

Я со страхомъ ожидалъ моей очереди, когда одна французскій матросъ, помогавшій англичанамъ въ этой работѣ, подошелъ, чтобы раздѣть меня.

Онъ уже готовъ былъ снять съ меня куртку, какъ вдругъ вскричалъ съ радостію и удивленіемъ:

— А, это вы, господинъ Гарнерѣ. Какъ я радъ васъ видѣть.

— Я не хочу, чтобы меня купали! вскричалъ я.

— Не бойтесь... англичане васъ не тронуть... я беру васъ на

свое попеченіе!... отвѣчалъ матросъ, и схвативъ меня, вынесъ изъ купальни.

Не знаю, сколько времени прошло послѣ того, но когда я очомился, то уже лежалъ на постелѣ.

Не стану испытывать терпѣнія читателя, описывая ему всѣ періоды моей болѣзни, а лучше начну разсказъ свой съ того дня, когда, благодаря Провидѣнію, — я началъ выздоравливать.

— И такъ, господинъ Гарнере, вамъ было очень плохо, и теперь, кажется, какъ говорятъ доктора, вы внѣ опасности, сказалъ мнѣ французскій матросъ, который былъ помощникомъ англійскихъ лазаретныхъ надзирателей, и котораго, я открывши глаза, увидѣлъ сидящимъ у моей постели. Несмотря на ваше крѣпкое сложеніе, я убѣжденъ, что еслибъ я не спасъ васъ отъ холодной ванны, вы навѣрно бы умерли.

— Какъ! это ты мой другъ, вскричалъ я, вынесъ меня изъ купальни!

— Да это я! и еще слишкомъ мало сдѣлалъ для стараго знакомства...

— Какъ, старое знакомство! Такъ мы уже встрѣчались прежде? спросилъ я у матроса, смотря на него съ большимъ вниманіемъ.

— Неужели вы не можете меня вспомнить, сказалъ онъ, а я такъ думалъ, должно быть мой лейтенантъ не доволенъ, что меня видитъ; это мнѣ было обидно. А въ-самомъ-дѣлѣ, если подумать, вотъ уже девять лѣтъ, какъ мы съ вами не видались... А отъ шестнадцати до двадцати пяти лѣтъ челоуѣкъ очень измѣняется... Ну, что-жь, узнали ли вы теперь меня?

— Нисколько мой другъ; я тебя хорошо разсмотрѣлъ, но лицо твое мнѣ ничего не напоминаетъ.

— Какъ! вы забыли Дорисъ, капитана Ліарда, наше крушеніе, друзей Конбало, Рарена, Дукаса и меня, Финьоле, новичка Финьоле?

— Финьоле! вскричалъ я, смотря съ глубокимъ удивленіемъ на сильнаго атлетическаго матроса, бывшаго у меня передъ глазами. Какъ! ты Финьоле?

— Да, лейтенантъ, это я... это правда, что я немного потолстѣлъ и выросъ... аппетитъ у меня всегда хорошъ...

— По правдѣ, Финьоле, твое присутствіе здѣсь мнѣ кажется сномъ; я не могу вѣрить своимъ глазамъ; но теперь въ-самомъ-дѣлѣ я тебя узнаю...

— Боже мой! лейтенантъ, мое присутствіе здѣсь нисколько не удивительно! Захваченный, два года тому назадъ, англійскимъ фрегатомъ, я былъ отправленъ на—понтонъ; потомъ, по собственному желанію, былъ посланъ помощникомъ на госпитальный кораль. Я знаю, что вы хотите

мнѣ сказать! что насъ не очень здѣсь уважають!... Чтѣжь было дѣлать! Я умиралъ съ голоду, и мнѣ предложили, что если я соглашусь идти служить въ госпиталь, то мнѣ утroatъ порцію! Разумѣется, я согласился...

— И ты очень хорошо сдѣлалъ, Финьоле, потому—что безъ тебя я умеръ бы.

— Да вы еще не совѣмъ внѣ опасности, лейтенантъ. Не надо впередъ радоваться!

— Увѣряю тебя, Финьоле, что кромѣ чрезвычайной слабости, я ничего не чувствую,

— О! что касается до вашего внутренняго состоянія, все идетъ хорошо! но я боюсь, что вы не въ состояніи будете вынести ужасной діеты, которая вамъ теперь предписана! Если однако вы общаете мнѣ быть благоразумнымъ и не обижаться, то я могу помочь вамъ...

— Я общаю тебѣ все, что ты хочешь, Финьоле.

— Хорошо! тогда я буду давать вамъ каждый день часть моей порціи; такимъ—образомъ, черезъ двѣ недѣли вы въ состояніи будете встать.

Въ—самомъ дѣлѣ, добрый Финьоле принесть мнѣ въ тотъ же вечеръ маленькую чашку бульону, послѣ которой я уснулъ очень спокойно.

Въ—продолженіе двухъ или трехъ слѣдующихъ дней, мое выздоровленіе дѣлало быстрые успѣхи, и я принялся наблюдать, что происходило вокругъ меня. Первое, что привлекло мое вниманіе, были, разумѣется сосѣди по кроватямъ. При мнѣ прибылъ и занялъ стоящую отъ меня влѣво кровать, одинъ изъ моихъ знакомыхъ съ понтона Местъ, извѣстный подъ названіемъ Зеленаго Попугая. Никогда не могъ я догадаться по какому случаю онъ получилъ это названіе, потому—что Зеленый Попугай былъ огромнаго роста, съ бронзовымъ лицомъ, и ничто въ его особѣ не напоминало птицы, имя которой онъ носилъ.

Зеленый попугай былъ за всемъ тѣмъ человѣкъ очень оригинальный и отличался рѣдкою твердостью ума. Брошенный на понтонъ полуодѣтымъ, безъ одного су въ карманѣ, онъ не замедлил, промышляя различнымъ образомъ и исполняя работы за другихъ арестантовъ, собрать небольшой капиталъ, который позволилъ ему завести мелочную торговлю.

Вскорѣ во всемъ понтонѣ только и говорили, что о превосходствѣ Зеленаго Попугая въ поваренномъ искусствѣ, и его торгъ пошелъ такъ успѣшно, что онъ былъ принужденъ взять себѣ помощника.

Мелочная торговля не удовлетворяла уже честолюбію Зеленаго Попугая; онъ основалъ родъ ресторациі, и рулетку, которыя имѣли также

большой успѣхъ. Зеленый Попугай сдѣлался векорѣ миллионеромъ, то-есть, получалъ соблазнительный для другихъ доходъ: около ста франковъ въ мѣсяць.

Съ такимъ богатствомъ, знаменитый Зеленый Попугай могъ бы вести жизнь сибарита, держать хорошій столъ, двухъ лакеевъ, и затмить большую часть арестантовъ своею роскошью; но онъ ничего этого не сдѣлалъ. Также худо одѣтый, какъ и другіе, почти голодный, и ни уклоняясь ни отъ какой работы, Зеленый Попугай былъ, въ матеріальномъ отношеніи, самый несчастный изъ всѣхъ арестантовъ на понтонѣ. Но зато въ моральномъ какъ онъ былъ счастливъ! Зеленый Попугай, безумно влюбленный въ свою жену, отсылалъ ей всѣ выработанныя деньги, и это доставляло ему величайшее счастье.

— Какъ моя жена должна веселиться нынѣшнее воскресенье, говорилъ онъ иногда: я представляю ее себѣ входящею въ воксалъ, одѣтую въ прекрасное платье изъ индѣйской кисеи... всѣ женщины смотрятъ на нее съ завистью, всѣ молодые люди за ней ухаживаютъ... она царица бала! Я постараюсь, на будущій мѣсяць прислать ей еще больше, чтобы она могла ѣхать за городъ.

Женщина, столъ любимая Попугаемъ, была извѣстна многимъ арестантамъ, отъ которыхъ мы узнали, что ей было около пятидесяти лѣтъ и что она была ужасно безобразна. Этотъ—то знаменитый Зеленый Попугай и занялъ свободную кровать, стоявшую на правой рукѣ отъ меня. Когда его положили, онъ былъ въ сильномъ припадкѣ горячки, такъ что два человѣка должны были наблюдать за нимъ; его крики мѣшали мнѣ уснуть почти всю ночь.

Пусть же судятъ о моемъ удивленіи, когда, проснувшись на другой день довольно поздно, я увидѣлъ Зеленаго Попугая, стоявшаго съ узелкомъ подъ мышкой, и собиравшагося идти. Я думалъ, что я брежу.

— Здравствуйте, Гарнере, спокойно сказалъ онъ мнѣ. Я очень доволенъ, узнавъ, что вы внѣ опасности. Я возвращаюсь на свой понтонъ; если вы имѣете что пересказать вашимъ друзьямъ, то можете мнѣ поручить.

Эти слова, произнесенныя очень хладнокровно, совершенно меня озадачили.

— Но, Зеленый Попугай отвѣчалъ я ему, возможно—ли, чтобы ты, бывъ еще вчера въ сильнѣйшей горячкѣ, вздумалъ оставить госпиталь? Ты упадешь, не сдѣлавъ двухъ шаговъ.

— Дѣйствительно, пріятель, отвѣчалъ онъ мнѣ: вчера вечеромъ, я былъ очень болѣнъ.

— И нѣсколькихъ часовъ было достаточно для твоего выздоровленія?

— Боже мой, конечно. Я себѣ сказалъ: Зеленый Попугай, мой другъ, если ты допустишь лѣни овладѣть собою, то сдѣлаешься серьезно болѣнъ, и останешься, если только не умрешь, по-крайней-мѣрѣ шесть недѣль въпостелѣ... Что подумаетъ тогда твоя хорошенькая жена, не получая въ концѣ мѣсяца денегъ, которые ты присылаешь ей съ такою исправностію?.. Она подумаетъ, что ты ее больше не любишь, что ты ухаживаешь за какой-нибудь англичанкой, что ты сдѣлался вѣтреникомъ!.. Послѣ этого, видишь-ли, товарищъ, я себѣ сказалъ еще: Зеленый Попугай, если въ тебѣ есть сердце, ты не будешь болѣнъ... ты снова примешься за свои занятія... ты уже и такъ потерялъ много времени... полдня... Выздоровливай скорѣе, поторопись... и я почувствовалъ, что выздоровѣлъ... Вставай... Вотъ я и на ногахъ... Иди... и я имѣю честь вамъ кланяться!.. Зеленый Попугай привѣтствовалъ меня легкимъ наклоненіемъ головы, и направляясь твердымъ и увѣреннымъ шагомъ къ дверямъ, онъ скоро исчезъ изъ моихъ глазъ. Это событіе, которому я не повѣрилъ бы, еслибы не былъ самъ свидѣтелемъ, и которое можетъ показаться неправдоподобнымъ, заставило меня призадуматься. И такъ сила воли можетъ преодолѣть болѣзнь! Я обѣщалъ себѣ послѣдовать примѣру Зеленаго Попугая; къ несчастію, я былъ такъ слабъ, что силы мнѣ измѣнили; я не могъ, несмотря на все мои старанія, достигнуть до того, чтобы встать. Вечеромъ, въ тотъ же день, я напрасно ворочался въ постели, будучи не въ состояніи уснуть, какъ вдругъ мои глаза, обратившись машинально къ постели больного, лежавшаго влѣво отъ меня, были поражены сильнымъ свѣтомъ. Я посмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ, и убѣдился, что этотъ свѣтъ происходилъ отъ блеска брилліанта, вдѣланнаго въ перстень, который больной носилъ на правой рукѣ, свѣсившейся съ постели. Въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ больной, солдатъ испанской арміи, имѣлъ также, какъ и многіе изъ его товарищей, драгоценныя бездѣлки, добытыя случайно-стями войны.

Благодаря Финьоле, который великодушно дѣлилъ со мною свою порцію, мое выздоровленіе шло быстро и я наконецъ сталъ выходить на верхъ. Съ какою радостію я наконецъ дождался дня, когда могъ возвратиться на свой понтонъ.

Наконецъ наступилъ часъ, когда я могъ возвратиться на понтонъ. Я нѣжно обнялъ добраго Финьоле, встрѣча съ которымъ была для меня такъ счастлива, и сошелъ съ надежнымъ конвоемъ въ шлюбку, которая меня ожидала.

Черезъ четверть часа, я почти плакалъ отъ радости, находясь снова въ своей маленькой каютѣ, посреди своихъ начатыхъ рисунковъ.

Прежде всего я отправился съ визитомъ къ капитану, который принялъ меня очень холодно. Я подумалъ, что во-время моей болѣзни завязалась интрига, чтобы лишить меня мѣста переводчика, и далъ себѣ слово быть осторожнымъ.

Я принялся за живопись съ энтузіазмомъ, и великодушный Смиль, вѣрный своему слову, платилъ мнѣ чрезвычайно аккуратно, по условленной цѣнѣ, то-есть по пяти фунтовъ стерлинговъ за каждый рисунокъ. По этому денегъ у меня было достаточно, даже оставалась значительная экономія.

Въ моихъ отношеніяхъ съ капитаномъ я былъ очень осмотрителенъ и почитателенъ; но все было напрасно; его вражда, причину которой я никакъ не могъ понять, съ каждымъ днемъ увеличивалась.

Наконецъ, не бывъ въ состояніи больше переносить его оскорбленія и грубость, я просилъ объ увольненіи меня отъ должности переводчика.

— Вы мнѣ полезны вашими занятіями, которыя вы исполняете, съ искусствомъ и точностію, отвѣчалъ онъ мнѣ, и я отказываю въ вашей просьбѣ.

Его нерасположеніе ко мнѣ, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, увеличилось, и достигло наконецъ высшей степени.

Однажды, когда я размышлялъ, на что бы мнѣ рѣшиться, къ понтону пристала шлюбка, и вскорѣ одинъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, жидъ Авраамъ Куртисъ, явился на палубѣ.

— Можно ли видѣть моего двоюроднаго брата, капитана? спросилъ онъ шкипера, смотря на меня изъ подлобья и дѣлая удареніе на словѣ: мой двоюродный братъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ шкиперъ, онъ только что уѣхалъ на берегъ.

Я понялъ все: капитанъ понтона сдѣлался мстителемъ озлобленнаго торгаша!

Авраамъ Куртисъ, собираясь садиться въ шлюпку, и какъ-будто только замѣтивъ меня, сказалъ съ довольно хорошо разыграннымъ удивленіемъ:

Вы еще здѣсь, г. Гарнере. Ну, что-жъ, довольны ли вы вашей судьбой? А Смиль все еще покупаетъ ваши картины по пяти фунтовъ? Мой двоюродный братъ, капитанъ, хорошо ли обходится съ вами?

— Смиль платитъ мнѣ все также аккуратно, отвѣчалъ я ему; что же касается до вашего двоюроднаго брата, это самый низкій человекъ, какого можно себѣ вообразить! Эта смѣлость васъ удивляетъ, я думаю. Да знаешь ли ты, презрѣнный жидъ, до чего можетъ дойти месть француза, котораго честь оскорбили? То, что я тебѣ говорю, не есть ни фанфаронство,

ни угроза, а просто предувѣдомленіе. Я характера тихаго и ровнаго, ненавижу ссорь, но я никогда не забуду, что принадлежу къ французскому флоту и я всегда съумѣю заставить англичанъ уважать его въ моемъ лицѣ.

— Несчастный! вскричалъ Куртисъ, блѣднѣя: онъ можетъ рѣшиться на что-нибудь отчаянное.

Пусть отвѣтственность за это — падеть на тѣхъ, которые приводятъ меня въ отчаяніе.

— Пожалуста потише, г. Гарнере, сказалъ Авраамъ Куртисъ, умоляющимъ тономъ. У васъ есть умъ, поговоримъ не горячася...

— Я вѣдь еще не собирался бросить тебя за бортъ... ты видишь, стало-быть я совсѣмъ хладнокровенъ...

При этомъ отвѣтѣ, жидъ быстро отъ меня отодвинулся, и потомъ, увидя, что я улыбаюсь, прибавилъ:

— Вы меня слишкомъ презираете, чтобы посягнуть когда-нибудь на мою жизнь, сказалъ онъ съ добродушіемъ, исполненнымъ цинизма. Поговоримъ же, не сердясь.

— Пожалуй, лги если это можетъ тебя разсѣять.

— Лгать, мнѣ! Вы ошибаетесь. Я хочу играть съ вами; моя игра слишкомъ хороша, чтобы я могъ ее проиграть, играя открыто и честно.

— Удивляюсь такой наглости, сказалъ я, прерывая жиду.

— И вы справедливо ей удивляетесь, любезнѣйшій, сказалъ онъ, потому-что она означаетъ высокій умъ. Будемъ продолжать. Вы молоды, у васъ есть талантъ, рано или поздно, война кончится; вы должны будете играть какую-нибудь роль въ обществѣ, и наконецъ составите себѣ прекрасное положеніе въ свѣтѣ. Неужели вы думаете, что будетъ благоразумно, пожертвовать этою будущностью, на которую я смотрю какъ на вещь опредѣленную, такимъ пустымъ мелочнымъ разчетомъ? Я думаю что нѣтъ. Если же вы рѣшитесь, въ-слѣдствіе ослѣпленія, котораго я не могу понять, работать для Смита, что изъ этого для васъ выйдетъ? Такое сильное притѣсеніе, которое должно кончиться, по-крайней-мѣрѣ, какъ вы говорите, какимъ-нибудь несчастіемъ. Прекрасный результатъ заставить себя разстрѣлять или повѣсить, чтобы скопить нѣсколько лишнихъ фунтовъ стерлинговъ!

— Авраамъ, сказалъ ему: ты ужасный мерзавецъ; но наконецъ дѣлать нечего. Твоя игра лучше моей, я проигралъ партію.

— Люблю я, когда вы говорите такъ ясно и такъ разсудительно. сказалъ онъ холодно. Что-жъ мнѣ дѣлать, я не богатъ и потому ничѣмъ не долженъ пренебрегать, чтобы обезпечить свою жизнь! И такъ, съ

этого дня вы отдаете мнѣ свои картины по фунту стерлинговъ за каждую?

— Нѣтъ, я уже обѣщаль тѣ картины, которыя теперь оканчиваю.

— А когда онѣ будутъ окончены?

— Дня черезъ четыре, а можетъ-быть и позже.

— Придется сдѣлать вамъ и эту уступку, чтобъ доказать, что я не такъ несговорчивъ въ дѣлахъ, какъ вы думаете!...

— До свиданія; я буду на будущей недѣлѣ. Торопитесь, у меня ужъ много заказовъ на ваши картины, которыя опоздали.

Авраамъ подалъ мнѣ руку, которой, я не взялъ, что заставило его улыбнуться.

По отъѣздѣ жида, я поторопился написать Смиту, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ какъ можно скорѣе. Благодаря пяти шиллингамъ, которые далъ я матросу, для доставки письма по адресу, Смитъ получилъ его черезъ нѣсколько часовъ. На другой день, рано утромъ, онъ явился ко мнѣ.

— Я не могу сердиться на васъ, сказалъ онъ мнѣ, за то, что вы приняли условіе этого скряги, потому-что вы не могли ничего больше сдѣлать. Намъ остается только найти средство, какъ-нибудь уклониться отъ этого.

— Я не вижу никакихъ средствъ, отвѣчалъ я.

— У меня есть идея, вотъ она; но сначала позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: не знаете ли вы кого-нибудь на берегу, кто бы принималъ въ васъ участіе? Напримѣръ члена парламента, или какого-нибудь офицера французскаго генеральнаго штаба?

— Кажется, нѣтъ!... Однако постойте! Я знаю полковника Леженя.

— Можетъ-быть этотъ полковникъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ высшимъ англійскимъ обществомъ! Да, это такъ. Напишите ему, не мѣшая, чтобъ онъ попросилъ о вашемъ переводѣ, по его ручательству, на мѣсто его жительства.

— Но, можетъ-быть, полковникъ не помнитъ даже моего имени!

— Что жъ, вѣдь вы ничѣмъ не рискуете, если напишете.

Черезъ полчаса послѣ этаго разговора, Смитъ отправился съ письмомъ къ полковнику Леженю, и увѣрилъ меня, что онъ, съ своей стороны, будетъ просить всѣхъ своихъ друзей хлопотать о моемъ освобожденіи.

Недѣля прошла безъ всякой перемѣны въ моемъ положеніи, и я уже пересталъ думать о своей просьбѣ, когда однажды утромъ получилъ письмо отъ полковника Леженя, что онъ уже нѣсколько разъ просилъ обо мнѣ, но безъ всякой пользы, но что въ этотъ разъ онъ надѣется успѣть.

— У меня есть хорошія новости для васъ, сказалъ мнѣ Смитъ, который, воспользовавшись минутой, когда капитанъ былъ на берегу, пріѣхалъ ко мнѣ. Я просилъ объ васъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, и теперь надѣюсь на успѣхъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ двѣ недѣли капитанъ позвалъ меня къ себѣ, и объявилъ, что главное управленіе прислало мнѣ разрѣшеніе жить на берегу.

Какъ-бы великою ни представилъ себѣ читатель мою радость, при полученіи этой новости, онъ никогда не дойдетъ до истины; чтоже касается до меня, то я не беруся ее описывать: она доходила до безумія!

Когда я прибылъ, подъ конвоемъ, въ маленькую деревушку, назначенную мѣстомъ моего жительства, деревушку, въ которой находился полковникъ Лежень, я увидѣлъ, съ нѣкоторымъ разочарованіемъ, что болѣе двухъ сотъ французовъ, различныхъ званій, жили въ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ домишкахъ, которые англичане имъ отдавали за такую огромную цѣну, что годъ найма равнялся цѣнѣ самого дома.

Что-же касается до меня, то, поблагодаривъ полковника Лежню, который принялъ меня очень ласково, я досталъ, за десять шиллинговъ въ недѣлю, не комнату, но уголъ въ какой-то лачужкѣ, гдѣ уже помѣщалось пять офицеровъ. Ничего! по-крайней-мѣрѣ я былъ на твердой землѣ.

На другой день прибытія моего въ деревню, я въ пять часовъ былъ уже одѣтъ и готовился выйти: я торопился пользоваться своею свободою.

— Куда вы идете, въ такую пору? спросилъ меня одинъ изъ товарищей моихъ по комнатѣ.

— Иду подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, и пройдуся по полямъ, отвѣчалъ я.

— Берегитесь, васъ остановятъ.

— Остановятъ! за что же?

— Потому-что мы не можемъ выходить ранѣе шести часовъ.

— Это невозможно! Должны бы, кажется, одинаково обращаться съ плѣнными обѣихъ націй, а между-тѣмъ англичане, живущіе на честное слово во Франціи, имѣютъ право выходить когда имъ угодно изъ дому, не почевать даже, только бы не выходили изъ границъ, имъ назначенныхъ.

Это правда: плѣнные англичане могутъ отходить на разстояніе шести миль отъ дому, и если захотятъ увеличить даже это разстояніе, то простая просьба начальника мѣста или жандармовъ, безъ всякой формальности, достаточна, чтобы исполнили ихъ желаніе. Во Франціи они могутъ

присутствовать на всѣхъ собраніяхъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, въ театрахъ, концертахъ и на балахъ; между-тѣмъ въ Англіи совсѣмъ иначе обращаются съ французами.

Намъ не позволяютъ выходить ранѣе шести часовъ, и мы должны возвращаться до захожденія солнца. Мы не можемъ отходить отъ мѣста жительства далѣе мили, и то ходить по большимъ дорогамъ, а не по полямъ.

Что-же касается до удовольствій, которыя англійское правительство намъ позволяетъ, то они состоятъ только въ живописи и чтеніи.

Днемъ, я нанялъ у одной старухи, которой домъ былъ почти рядомъ съ нашимъ, комнату, въ которой я устроилъ свою мастерскую. Какъ-бы худо ни было мое помѣщеніе на берегу, но оно казалось мнѣ такъ хорошо и удобно въ сравненіи съ моей маленькой каютой на понтонѣ, что я былъ очень счастливъ.

Въ-продолженіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ пребыванія моего на берегу, то есть до весны 1812 года, я не переставалъ съ усердіемъ заниматься живописью, а потому и время прошло для меня довольно скоро.

Въ одно прекрасное утро, вещь очень рѣдкая въ Англіи, корветскій капитанъ С***, драгунскій маіоръ В*** и я согласились идти завтракать на ферму, стоящую на большой дорогѣ, въ милѣ отъ деревни, и не медля отправились въ путь.

Было около десяти часовъ, и какъ солнце сильно жгло, мы рѣшились идти черезъ поле, чтобъ сократить на половину нашу дорогу.

Я хотѣлъ шутя перескочить черезъ широкій ровъ, но такъ несчастливо упалъ на камень, что мнѣ показалось, будто я сломалъ ногу; къ счастью ничего не было: я ее только ушибъ, и то довольно легко.

Я былъ въ трехъ или четырехъ стахъ шагахъ позади моихъ товарищей, когда мнѣ послышалось, что кто-то кричитъ умоляющимъ голосомъ.... Увы! я не ошибся. Вотъ что случилось: одинъ крестьянинъ сколачивалъ заборъ, и замѣтивъ моихъ двухъ товарищей, бросился на нихъ съ топоромъ въ рукѣ и ранилъ очень опасно въ руку маіора В***, который, не имѣя оружія, чтобы защищаться, началъ звать на помощь.

Капитанъ С***, который говорилъ немного по англійски, бросился между несчастнымъ маіоромъ и убійцею, стараясь вразумить послѣдняго. Но эта попытка стоила ему, очень дорого. Крестьянинъ, махая своимъ окровавленнымъ оружіемъ, бросился, не слушая никакихъ объясненій, на г. С***, нанесъ ему своимъ оружіемъ двѣ ужасныя раны въ голову, и бросилъ его умирающаго у своихъ ногъ.

Тогда я, отодвинувъ кустарникъ который до-сихъ-поръ скрывалъ

отъ меня эту сцену убійства, увидѣлъ критическое положеніе, въ которомъ находились оба мои товарища.

Когда я испустилъ крикъ ярости при видѣ этой сцены, то убійца замѣтилъ меня, и угрожая топоромъ, побѣжалъ ко мнѣ. Я уже считалъ себя погибшимъ, какъ вдругъ увидѣлъ палку, воткнутую въ землю, которая поддерживала уголь забора. Завладѣть ею и броситься на крестьянина, махая ею передъ собой, было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Я былъ въ такомъ раздражительномъ состояніи, что не чувствовалъ никакой боли въ ногѣ, и палка, хотя довольно тяжелая, казалась мнѣ легче соломенки.

Столь же трусливый, какъ и жестокій, крестьянинъ, видя, что я не только не бѣгу отъ него, но напротивъ иду къ нему навстрѣчу, побѣжалъ отъ меня такъ скоро, что я потерялъ надежду отмстить за моихъ несчастныхъ товарищей.

Мое положеніе было очень непріятно; оставить ихъ, чтобы самому идти за помощью, значило оставить ихъ въ опасномъ соеѣдствѣ съ безумнымъ, который ихъ поразилъ; съ другой стороны, остаться ихъ оберегать, въ ожиданіи, когда кто-нибудь изъ прохожихъ согласится идти увѣдомить нашихъ друзей, было также невозможно, потому-что оба несчастные теряли столько крови, что надо было немедля ни минуты подать имъ помощь, и остановить сильное кровотеченіе.

Такимъ образомъ раздумывая, я не зналъ что дѣлать, какъ вдругъ увидѣлъ нѣсколько крестьянъ, вооруженныхъ вилами и ружьями, которые шли прямо къ намъ; я нисколько не сомнѣвался, увидя въ главѣ ихъ убіцу моихъ товарищей, что они идутъ окончить его кровавую работу; оно такъ и было, но при видѣ двухъ несчастныхъ, плавающихъ въ крови, и неподającychъ никакого знака жизни, они сжалились и отказались отъ своего ужаснаго намѣренія.

Въ короткихъ словахъ я имъ рассказалъ ужасную драму, которая тутъ произошла, и вскорѣ ихъ упреки, вмѣстѣ съ моими, обратились на жестокаго убійцу, который трясся какъ трусъ, и стоя позади своихъ товарищей, не спускалъ глазъ съ палки, которою я былъ вооруженъ.

Сдѣлавъ наскоро носилки изъ сучьевъ, мы положили на нихъ бездушныя тѣла и отиравились въ деревню. Убійца слѣдовалъ нѣсколько минутъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, за этимъ погребальнымъ шествіемъ, потомъ пожалъ съ презрѣніемъ плечами, и принялся снова за свою прерванную работу.

Это убійство было сдѣлано съ такою жестокостью, поведеніе жертвъ такъ мало этого заслуживало, предлогъ былъ такъ пустъ и мало вѣроятенъ, что когда узнали всѣ обстоятельства этого дѣла, сильное негодо-

ваніе обнаружилось между всѣми плѣнными. Бóльшая часть изъ нихъ написали сильный протестъ англійскому правительству.

Оставалось перевести его, и полковникъ Лежень просилъ меня, какъ лучше всѣхъ знающаго англійскій языкъ, окончить это какъ можно скорѣе. Я тотчасъ же принялся за работу, и черезъ часъ переводъ былъ готовъ.

Я его хотѣлъ отнести въ совѣтъ офицеровъ, когда одинъ толстый мужчина, котораго я было принялъ по одеждѣ за купца, вдругъ вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ, я узналъ, что вамъ поручили перевести жалобу отъ вашихъ товарищей англійскому правительству, — назначенную для печати. Повѣрьте мнѣ, такое дѣло подвергнетъ васъ большой опасности, и вы поступите очень благоразумно, оставя это.

— Кто вы такіе, вскричалъ я, и по какому праву наблюдаете вы за моимъ поведеніемъ и даете мнѣ совѣты? Вы, конечно, шпионъ.

— Да, или нѣтъ, переведете вы это прошеніе?

— Я не знаю, кто вы, и по какому праву меня спрашиваете; что вамъ до этого. Да, я переведу прошеніе.

Тогда незнакомецъ поворотился, и также какъ вошелъ, то-есть не говоря ни слова, вышелъ, даже не поклонясь.

— Чтó же касается до меня, я поторопился отнести переводъ офицерамъ, которые его ждали.

Я выходилъ изъ совѣта, когда хорошенькая дѣвочка, по имени Мери, съ которой я снялъ портретъ, дернула меня тихонько за рукавъ плаща, и быстро приложивъ палецъ къ губамъ, сдѣлала мнѣ легкій знакъ головой, чтобы я за ней слѣдовалъ. Я поспѣшилъ исполнить желаніе моей хорошенькой проводницы, которая, минуты черезъ три, вошла въ ветхую лачужку, находившуюся на концѣ деревни. Я вошелъ почти вѣлѣдъ за нею.

— Милостивый государь, сказала мнѣ быстро старуха, бабушка Мери, которую я нашелъ въ комнатѣ: минуты дороги, и потому я прямо приступаю къ дѣлу. Я сейчасъ узнала, нечаянно услышавъ разговоръ двухъ онстаблей, что васъ хотятъ арестовать! Такъ какъ вы всегда были добры ко мнѣ, и даже даромъ сняли портретъ съ Мери, я думала, что моя обязанность предупредить васъ объ опасности, которая вамъ угрожаетъ, и потому послала внучку отыскать васъ и привести сюда... Теперь можете распоряжаться, какъ знаете.

Я положилъ гинею въ руку дѣвочки, и поторопился возвратиться въ мою мастерскую.

Вынувъ мое золото и банковые билеты изъ шкатулки, куда я ихъ заперъ, я завязалъ ихъ въ кожаный поясъ, съ которымъ никогда не разставался; потомъ сжегъ нѣсколько писемъ и бумагъ, заперъ дверь мастерской, и не теряя времени, отправился къ одному мичману, у котораго была прекрасная пара англійскихъ карманныхъ пистолетовъ.

По счастью, я засталъ его дома и рассказавъ ему, въ короткихъ словахъ, мое положеніе, просилъ его продать, за какую хочетъ цѣну, свои пистолеты.

— Я очень радъ продать ихъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: тѣмъ болѣе, что у меня нѣтъ теперь денегъ. Мои пистолеты стоили мнѣ шесть ливровъ и если вы согласны на эту цѣну....

— Значитъ дѣло кончено; очень вамъ благодаренъ; вотъ шесть ливровъ.

Я спряталъ пистолеты, которые были заряжены, въ карманы, потомъ, пожавъ руку мичмана, удалился, не слушая его благодарности, и направился въ поле.

Отдалясь отъ деревни, я спрятался въ ровъ. Закрытый заборомъ изъ деревьевъ, и увѣрясь, что меня не стануть искать такъ близко отъ деревни, рѣшился дожидаться здѣсь ночи.

Вскорѣ я увидѣлъ, что мои предположенія были справедливы: я видѣлъ, какъ проходило много полицейскихъ агентовъ, которые меня отыскивали и не догадывались, что, удвоивая шаги, чтобъ меня настигнуть, они оставляли меня позади себя.

Хотя прекрасно спрятанный во рвѣ, закрытомъ заборомъ, я однако съ удовольствіемъ встрѣтилъ наступленіе ночи.

Около девяти или десяти часовъ вечера, я услышалъ стукъ кареты, быстро катившейся по дорогѣ. Я тотчасъ же вышелъ изъ своей засады и пошелъ на средину дороги обыкновеннымъ и покойнымъ шагомъ.

Черезъ десять минутъ карета поравнялась со мною; я узналъ дилижансъ и позвалъ кучера, который тотчасъ же остановился.

Одно мѣсто было свободно внутри; я его взялъ, очень довольный, что пришлось сидѣть не на имперіалѣ, который былъ наполненъ путешественниками.

Сказать, что я ничего не чувствовалъ, когда усадивъ меня на мѣсто, кондукторъ заперъ дверь, значило бы солгать; напротивъ, я былъ очень взволнованъ. Мало-по-малу, я однакожь оправился, видя, что три мои товарища, ибо внутренность англійскихъ дилижансовъ имѣла только четыре мѣста, не обращаютъ на меня никакого вниманія. Около меня сидѣлъ человекъ, который, повидимому, спалъ; противъ меня сидѣли двѣ женщины.

На первой станціи, куда мы прибыли, мой сосѣдь всталъ, и по англійскому обычаю началъ со мной разговаривать, чѣмъ привелъ меня въ большое смущеніе. Не отвѣчать было бы слишкомъ невѣжливо; но если въ разговорѣ я измѣню себя выговоромъ? Я не зналъ, что дѣлать и на что рѣшиться, когда одна изъ женщинъ, которой тихій и пріятный голосъ доходилъ прямо до моего сердца, заговорила и отвѣчала вмѣсто меня.

Менѣе, чѣмъ въ пять минутъ, я узналъ, что нахожусь съ отцемъ, матерью и дочерью; что отецъ былъ протестантскій пасторъ, мать добрая женщина, а дочь умная и граціозная дѣвушка, которую везли въ гувернантки въ семейство одного англійскаго пера. Боясь, чтобы опять со мной не заговорили, я сдѣлалъ видъ, что крѣпко заснулъ.

Пусть судятъ о моемъ ужасномъ безпокойствѣ, когда я услышалъ, что пасторъ говорилъ своей дочери :

— Напомни мнѣ, Флора, на первой станціи, чтобы я узналъ, пойманъ ли убѣжавшій плѣнный.

Миссъ Флора не почла за нужное отвѣчать на слова своего отца, который, какъ и его жена, своимъ храпѣніемъ вскорѣ доказали мнѣ, что они очень крѣпко спятъ. Я хотѣлъ уже поблагодарить миссъ Флору, рискуя тѣмъ измѣнить себѣ, за участіе которое она изъявила убѣжавшему французу, какъ вдругъ карета остановилась посреди дороги.

Я тотчасъ высунулъ голову, и пусть судятъ о моемъ испугѣ, когда я увидѣлъ пять или шесть полицейскихъ съ фонарями, которые окружили дилижансъ.

— Я погибъ! вскричалъ я по-французски.

— Можетъ-быть, сказала мнѣ миссъ Флора; прилягте на плечо моего отца и сдѣлайте видъ, что вы спите.

Только что я успѣлъ исполнить приказаніе этой милой дѣвушки, какъ сильный свѣтъ наполнилъ внутренность кареты.

— Что это значитъ? спросила съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, молодая дочь пастора... Берегитесь, господа, вы разбудите моего отца.

— Кто этотъ молодой человекъ, сударыня? спросилъ полицейскій, показывая на меня.

— Мой братъ, котораго отецъ везетъ въ Лондонъ, чтобъ посвятить духовному званію.

— Извините сударыня, что мы васъ обезпокоили; но мы ищемъ убѣжавшаго француза, и должны осматривать все дилижансы.

— Нечего извиняться, когда вы исполняете свою обязанность, отвѣчала молодая дѣвушка правоучительнымъ тономъ.

Только бы полицейскіе не стали спрашивать кучера, такъ я спасень... но если кучеръ скажетъ...

Стукъ тронувшейся кареты прекратилъ мои безпоинства и я, по-крайней-мѣрѣ на минуту былъ спасенъ.

— О, сударыня, сказалъ я миссъ Флорѣ, взявъ ее за руку, на которую,—изъ ложнаго стыда я не умолчу объ этомъ,—я уронилъ слезу благодарности: Богъ васъ наградить за это доброе дѣло.

Я еще не смѣлъ, боясь возбудить подозрѣніе, спрашивать, куда идетъ этотъ дилижансъ; но наконецъ, на третьей станціи, я узналъ изъ нѣсколькихъ словъ, которыми обмѣнялся почталіонъ съ служанкою гостиницы, что карета идетъ не въ Портсмуть.

Поэтому я рѣшился не продолжать далѣе своего пути, и выйти тамъ, гдѣ мы остановились, во-первыхъ, для того, чтобы подкрѣпить себя пищею, въ которой я имѣлъ большую нужду; во-вторыхъ, чтобы не удаляться отъ Портсмута, гдѣ я надѣялся укрыться. Поэтому я заплатилъ за свое мѣсто кондуктору и спросилъ комнату въ гостиницѣ.

Ложась спать, я подвязалъ зубы, сказавъ, что они у меня болятъ, что позволило мнѣ говорить почти черезъ платокъ. Я приказалъ служанкѣ разбудить меня за часъ до прихода портсмутскаго дилижанса; потомъ, заперевъ дверь, я положилъ пистолеты возлѣ себя, и не раздѣваясь, бросился на постель. На другой день, около 5 часовъ, кто-то тихонько постучался ко мнѣ въ дверь: это была служанка, которая сказала, что скоро придетъ портсмутскій дилижансъ.

Моя предполагаемая зубная боль позволила мнѣ обвязать всю голову чернымъ платкомъ, что совершенно измѣнило мой видъ, и такимъ-образомъ одѣтый, я приказалъ подать себѣ обѣдать.

Я доканчивалъ мой обѣдъ и допивалъ послѣдній стаканъ портеру, когда пришелъ дилижансъ. Моя счастливая звѣзда сдѣлала, что вся внутренность дилижанса была свободна; и въ-самомъ-дѣлѣ казалось, что это клонилось въ мою пользу.

По счастью, ни одинъ путешественникъ, въ продолженіе дня, не занялъ мѣста около меня, и я прибылъ около девяти часовъ вечера въ Портсмуть, не подвергаясь ни малѣйшей опасности.

Когда я вышелъ изъ дилижанса, поднялась вьюга и пошелъ сильный дождь. Это обстоятельство, очень счастливое для меня, позволяло мнѣ достигнуть жилища Смита, у котораго я надѣялся укрыться, не привлекая ничьего вниманія и не возбуждая ни малѣйшаго сомнѣнія. Но по несчастью, я не зналъ его адреса, и не могъ найти его въ совершенно незнакомомъ мнѣ городѣ.

Оставалось спросить у кого-нибудь изъ прохожихъ. Но къ кому обратиться? Я не смѣлъ войти ни въ одинъ магазинъ. Я размышлялъ такимъ-образомъ, продолжая идти скорыми шагами и надѣясь, что ка-

кой-нибудь счастливый случай приведетъ, меня къ жилищу Смита, какъ вдругъ увидѣлъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, человѣка, который укрывался отъ непогоды подъ навѣсомъ крыльца. Я прямо подошелъ къ нему:

— Милостивый государь, сказалъ я, не будете ли вы такъ добры, чтобы указать мнѣ дорогу къ...

Я не успѣлъ кончить, и со страхомъ остановился. Въ человѣкѣ, у котораго я разспрашивалъ дорогу, я узналъ жида Авраама Куртиса.

— А! сказалъ онъ, вы, г-нъ Гарнере, сдѣлались, кажется, жителемъ Портсмута. Я не могу выразить вамъ радости, которую доставляетъ мнѣ наша встрѣча. Пожалуйста, я готовъ васъ проводить...

Я понялъ, что смущеніе погубить меня, и что жидъ хочетъ заманить меня въ западню, и вѣроятно выдать полиціи.

— Любезный Куртисъ, отвѣчалъ я: я также очень радъ, что васъ встрѣтилъ. Я нахожусь въ очень затруднительномъ положеніи и увѣренъ, что вы мнѣ поможете.

— Я съ удовольствіемъ сдѣлаю для васъ даже больше, чѣмъ вы думаете.

— Въ самомъ-дѣлѣ? Я этого не ожидалъ отъ васъ. А что же вы сдѣлаете?

— Я васъ отведу въ такое мѣсто, гдѣ вамъ бояться нечего.

— Вѣроятно куда-нибудь въ полицію?

— А! отвѣчалъ мнѣ жидъ, смѣясь. Я вижу, что вы хорошо понимаете шутки; и умѣете покоряться обстоятельствамъ. Да, мой другъ, я хочу отвести васъ въ сосѣднюю полицейскую контору.

— Вы мнѣ позволите отвѣтить вамъ на это однимъ словомъ?

— Какъ-же! десятью, двадцатью, сколько вамъ будетъ угодно. Теперь идетъ ужасный дождь; и мы успѣемъ наговориться.

— И такъ, вотъ что я вамъ скажу, любезный другъ: если вы произнесете хоть одно слово, я васъ убью, какъ ворону, холодно сказалъ я жиду, взявъ его за горло, и приставляя къ его лбу дуло моего пистолета.

Мое движеніе было такъ быстро, что Куртисъ, совершенно этого не ожидавшій, разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза и не могъ произнести ни слова.

— Такъ какъ я уже рѣшился не возвращаться на понтоны, продолжалъ я: и какъ для избѣжанія этого несчастія готовъ даже пожертвовать своею жизнью, то я клянусь, что если вы будете мнѣ противиться, то я убью васъ даже при свидѣтеляхъ... Теперь такъ-какъ вы уже

знаете это, дайте мнѣ вашу руку и выведите меня изъ города. Въ особенности старайтесь, если вы дорожите жизнью, не сбиться съ дороги.

— Я готовъ вамъ повиноваться, сказалъ испуганный жидъ: не бойтесь ничего, я вамъ не измѣню.

Я взялъ его за руку и крѣпко сжалъ ее; другую руку положилъ въ карманъ съ пистолетомъ, и такимъ-образомъ мы отправились въ путь.

Скоро мы очутились за городомъ. Завязавъ ротъ моему проводнику его же платкомъ, и связавъ ему руки, я сказалъ:

— Ты останешься здѣсь не двигаясь, ровно часъ; потомъ можешь возвратиться въ городъ. Только помни, что если я опять попадусь по твоей нескромности, то рано или поздно, когда будетъ заключенъ миръ, я отомщу тебѣ.

Сказавъ это, я оставилъ жида и пошелъ впередъ. Но какъ только онъ скрылся у меня изъ виду, я повернулъ назадъ и пустился бѣгомъ къ городу, куда прибылъ около полуночи. Нечего было колебаться. Я рисковалъ быть задержаннымъ, какъ бродяга, оставаясь долѣе на улицѣ; всѣ магазины были уже заперты. Я вошелъ въ первый шинокъ, и просилъ мальчика, который дремалъ, облокотясь на конторку, указать улицу въ которой жилъ Смитъ.

— Первая налѣво, отвѣчалъ онъ, даже не взглянувъ на меня.

Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ нѣсколько секундъ, я осторожно стучался въ дверь продавца картинъ. Старая служанка, сдѣлавъ мнѣ напередъ множество вопросовъ, впустила меня наконецъ въ гостиную, гдѣ я нашелъ Смита за трубкою и грогомъ.

Этотъ превосходный человекъ, не ожидавшій вовсе меня видѣть, не узналъ меня, и я долженъ былъ назвать себя.

— Вы здѣсь! вскричалъ онъ наконецъ: вы съума сошли, несчастный!

— Нѣтъ, но я чуть не лишился свободы?

Тогда я въ нѣсколькихъ словахъ рассказалъ Смигу всѣ мои приключенія; онъ слушалъ меня, не прерывая.

— Я очень жалѣю, что все это случилось, сказалъ онъ мнѣ, когда я кончилъ. Но что сдѣлаю, того не воротить... Теперь надо думать только о томъ, чтобы привести въ исполненіе вашу попытку. Покуда мой домъ къ вашимъ услугамъ; вы останетесь въ немъ, сколько хотите. Смитъ позвалъ ту старую служанку, которая отворяла мнѣ дверь.

— Сара! сказалъ онъ ей, я знаю, что ты не любишь французъ... Но это ничего; ты добрая женщина, ты доказала мнѣ это въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ, которые ты у меня служила; на тебя можно положиться. Этотъ господинъ французскій плѣнный; онъ бѣжалъ; приготовь ему комнату наверху, и старайся, (потому-что ты не много

болтлива, это твой главный порокъ), не подвергнуть опасности его свободу своею нескромностью.

Старая Сара пожала плечами съ недовольнымъ видомъ, и обратившись къ своему хозяину; сказала:

— Да, я не навiju французовъ, потому-что, вы знаете, они убили моего бѣднаго сына, во-время его поѣздки въ Индію; я бы ни за что на свѣтѣ не хотѣла, чтобы этотъ человѣкъ скрывался здѣсь... Но впрочемъ, такъ-какъ онъ довѣрился вашей чести и выбралъ вашъ домъ, надо покориться; гостепріимство вещь священная.

— Это хорошо, добрая Сара; ты говоришь, какъ честная шотландка, сказалъ Смитъ:

На другой день, совершенно оправясь отъ волненія, я хладнокровно принялся разсматривать свое положеніе. Результатомъ моихъ разсужденій было то, что я всячески долженъ былъ стараться пробраться во Францію. Я оканчивалъ вкусный завтракъ, который старая Сара принесла въ мою комнату, когда Смитъ вошелъ ко мнѣ.

— Извините меня, что я не просилъ васъ сойти въ гостиную, сказалъ онъ мнѣ; но я боюсь, чтобы Авраамъ Куртисъ не подалъ жалобы въ полицію, и неудивительно, если за моимъ домомъ присматриваютъ... Я думаю вамъ благоразумнѣе будетъ остаться въ своей комнатѣ до новыхъ приказаній...

— Я право не знаю, какъ васъ благодарить.

— Не стоить благодарности... Я исполняю только свою обязанность. Но лучше поговоримъ серьезно! Какія ваши намѣренія?...

— Я только одного желаю: найти средство возвратиться во Францію.

— Хотя это намѣреніе противно моимъ выгодамъ, но я долженъ признаться, что оно очень благоразумно! Что вамъ нужно, чтобы его исполнить? денегъ?

— Благодарю васъ! По вашей милости у меня ихъ довольно... Мой поясъ наполненъ золотомъ!... Мнѣ нужно только найти контрабандистовъ, которые бы согласились облегчить тяжесть моего кушака, или лучше сказать, за хорошую плату рискнули бы перевезти меня черезъ проливъ...

— Хорошо; я сегодня же осторожно осведомлюсь у моихъ многочисленныхъ знакомыхъ, какъ и гдѣ можно переговорить съ контрабандистами...

— Не находя словъ благодарить васъ, я молчу, и предоставляю вамъ дѣйствовать. Въ настоящее время, не можете ли вы достать мнѣ что-нибудь рисовать... это поможетъ мнѣ убить время...

— Прекрасная мысль! до свиданья, я пришлю вамъ станокъ, холстъ и краски....

— Сюжетомъ моей картины будетъ побѣгъ съ понтоновъ. Можетъ-быть, это принесетъ мнѣ счастье.

Я работалъ болѣе двухъ часовъ, когда Смитъ опять вошелъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ.

— Ура! весело вскричалъ онъ, входя. Случай удивительно помогъ намъ; у меня есть хорошія новости.

— Говорите, любезный господинъ Смитъ, сказалъ я въ сильномъ волненіи.

— Вотъ въ чемъ дѣло: одинъ позолотчикъ, который у меня работаетъ, рассказывалъ мнѣ, что у него есть двоюродный братъ морякъ, который занимался контрабандою и перевозомъ бѣглыхъ плѣнныхъ.... Всего интереснѣе то, что мой работникъ рассказывалъ мнѣ это, безъ всякихъ вопросовъ съ моей стороны. Это предвѣщаетъ хорошее начало! Я не хотѣлъ на первый разъ его расспрашивать, и ему довѣриться; притомъ же, онъ слыветъ порядочнымъ негодяемъ; но завтра я опять заведу этотъ разговоръ, и заставлю его показать мнѣ жилище контрабандиста.

Мысль, что, можетъ-быть, скоро я увижу родину и обниму родныхъ, привела меня въ волненіе, какого я никогда еще не чувствовалъ. Я не могъ заснуть цѣлую ночь, и съ намѣреніемъ ждалъ утра, чтобы скорѣе увидѣться съ Смитомъ; но день проходилъ, а онъ не являлся. Наконецъ, было уже около трехъ часовъ, когда я услышалъ тяжелые шаги на лѣстницѣ; никогда шорохъ шелковаго платья не производилъ такого сильного волненія въ юношѣ, какъ на меня скрипъ сапоговъ моего хозяина.

— Чтò новаго! вскричалъ я, не давъ ему времени запереть за собою дверь.

— Чтò дѣлать! отвѣчалъ онъ мнѣ: день на день не приходится. Вчера у меня были хорошія новости, сегодня дурныя.

— Вы видѣлись съ контрабандистомъ, и онъ отказалъ вамъ.

— Сохрани меня Богъ! Чтò касается до него, то онъ вѣрно не отказалъ бы мнѣ.

— Говорите же, умоляю васъ.

— Это не отниметъ у насъ много времени! Идя къ моему позолотчику, я встрѣтилъ друга моего, шкипера купеческаго корабля, съ которымъ я давно не видался. Я, конечно, сейчасъ же свелъ разговоръ на контрабандистовъ; но чтобы не возбудить подозрѣнія въ шкиперѣ, который ненавидитъ Французовъ, я сталъ жаловаться на ихъ жадность,

доводившую ихъ до того, что они помогали плѣннымъ бѣгать съ понтоновъ.

— Успокойтесь, отвѣчалъ шкиперъ, смѣясь: число бѣжавшихъ со-всѣмъ не такъ велико, какъ вы думаете, потому-что смуглеры только освобождаютъ Англiю отъ враговъ. Я былъ очень удивленъ этими словами; но онъ сообщилъ мнѣ, что смуглеры самые величайшіе негодяи, и что довѣриться имъ ни въ какомъ случаѣ невозможно. Смертная казнь, которой они подвергаются въ случаѣ, если ихъ поймутъ съ бѣглецами въ морѣ, заставляетъ ихъ, какъ только они замѣтятъ, что ихъ преслѣдуютъ, бросать ихъ за бортъ. Другіе же, какъ только получаютъ деньги за перевозку, сейчасъ же выдаютъ ихъ...

— Любезнѣйшій мой, сказалъ я доброму Смиту: признаюсь, что вашъ разсказъ лишилъ бы всякаго бодрости; но я не оставлю своего намѣренія.

— Вы не хотите оставить вашего намѣренія? Да вы съума сошли....

— Только я исполню свое намѣреніе такъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не остаться безъ успѣха....

— Но что же вы хотите дѣлать? Признаюсь, я никакъ не могу догадаться

Мой планъ очень простъ: я отыщу себѣ товарищей бѣгства.

— Значитъ, вмѣсто одной, васъ будетъ три жертвы.

— Нѣтъ, вмѣсто одного, насъ будетъ трое, и рѣшаясь на все, мы вооружимся, и завладѣемъ лодкою смуглеровъ.

— Да, ваша правда. Въ этомъ, вы, можетъ-быть, и успѣете. Одно только меня затрудняетъ: какимъ-образомъ, отыщете вы себѣ двухъ товарищей, не выходя изъ комнаты?

— Мнѣ самому это кажется довольно труднымъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, это трудно, почти невозможно; но ничего, сказалъ Смитъ рѣшительнымъ голосомъ: не отчаявайтесь. Пока вы будете работать, я буду искать вамъ товарищей. Это, можетъ-быть, займетъ у меня много времени, но я все-таки увѣренъ, что успѣю, потому-что до-сихъ-поръ я ни въ чемъ не испытывалъ неудачи.

До апрѣля мѣсяца 1813 года, то-есть, почти около года, я жилъ у Смита. У меня былъ отличный столъ, прекрасная комната, однимъ-словомъ все, что составляетъ счастье матеріальной жизни; а между-тѣмъ, я былъ также несчастливъ, какъ на понтонахъ.

Смитъ всегда обращался со мною прекрасно, но какъ несчастіе дѣ-лаетъ насъ несправедливыми, то мнѣ казалось, что плѣнъ мой достав-

ляетъ ему выгоды и что онъ не только не думаетъ сократить его, но, напротивъ, старается продлить его, какъ можно долѣе.

Сара, старая шотландка, которая съ перваго раза призналась, что не терпитъ Французовъ, наконецъ подружилась со мною и показала много вниманія и усердія; это была дѣйствительно превосходная женщина.

Въ началѣ весны 1813 года, я дошелъ до такого состоянія, что началъ даже пренебрегать живописью; вскорѣ безсонница и недостатокъ аппетита заставили меня на нѣсколько дней слечь въ постель.

— Не унывайте, другъ мой, говорилъ мнѣ каждый вечеръ добрый Смитъ: повѣрьте, я хлопочу объ васъ, и не пренебрегу ни однимъ средствомъ, чтобъ доставить васъ во Францію.

— Средство, вы знаете, состоитъ въ томъ, чтобы сыскать мнѣ товарищей.

— Знаете ли, мнѣ пришла въ голову славная мысль, сказалъ онъ однажды. Я буду просить своего работника познакомить меня съ его двоюроднымъ братомъ контрабандистомъ.

— Для чего это? Вѣдь вы сами говорили, что не стоить имѣть дѣла съ этими мошенниками.

— Выслушайте меня терпѣливо; я буду говорить коротко. Мое мнѣніе о нравственности контрабандистовъ не могло измѣниться, и я все-таки думаю, что ввѣриться имъ значитъ сдѣлать непростительную глупость; но это не мѣшаетъ намъ извлечь изъ нихъ пользу. Они одни могутъ сказать мнѣ, есть ли въ Портсмутѣ бѣглые Французы и гдѣ они скрываются.

— Мой добрый Смитъ, сказалъ я, сжимая руки моего хозяина. какая превосходная мысль! Да, да, узнайте объ этомъ у контрабандистовъ.

— А чтобы не возбудить ихъ подозрѣній, я скажу, что знаю одного француза, который, бывъ не въ состояніи одинъ нанять лодку, хочетъ присоединиться къ своимъ соотечественникамъ, чтобъ вмѣстѣ возвратиться во Францію.

— Прекрасно! Лучше нельзя было придумать.

Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ недѣлю, Смитъ сказалъ мнѣ, что онъ досталъ у контрабандистовъ адресъ трехъ французовъ, которые собираются переплыть Ламаншъ. Посудите, какую радость доставило мнѣ это извѣстіе.

Не будучи въ состояніи преодолѣть своего нетерпѣнія, я велѣлъ привести карету, не думая объ опасности, и отправился къ моимъ новымъ товарищамъ.

Предувѣдомленные о моемъ приѣздѣ, они приняли меня какъ стара-

го друга, и мы тотчасъ начали разсуждать о важномъ дѣлѣ, которое всѣхъ насъ занимало. Они сказали мнѣ, что вполне полагаются на контрабандистовъ, которые взялись благополучно окончить наше предпріятіе и что только недостатокъ денегъ удерживалъ ихъ еще въ Портсмутѣ.

— Если только это удерживаетъ васъ, то у меня денегъ довольно, любезные товарищи. Я боюсь только, чтобы они намъ не измѣнили, потому-что на нихъ трудно надѣяться.

Тогда я разсказалъ моимъ новымъ друзьямъ все, что слышалъ отъ Смита.

— Впрочемъ, что намъ за дѣло господа, что эти люди измѣнники и убійцы; мы теперь это знаемъ, а потому примемъ свои мѣры... Запасемся каждый парюю пистолетовъ, и я отвѣчаю за усцѣхъ.

— Возьметесь ли вы доставить намъ оружіе? спросилъ меня одинъ изъ французовъ.

— Нѣтъ ничего легче; я возьмусь съ охотою.

— Въ такомъ случаѣ не мѣшаетъ вамъ назначить день нашего отправления.

— Для меня, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Увѣдомьте меня за нѣсколько часовъ, и я буду готовъ.

Тогда оставя свой адресъ, я отправился домой. Французовъ, которыхъ елучай столкнулъ со мною, звали Меркадье, Лебосекъ и Видалъ, и всѣ трое были когда-то корсарами.

На другой день я получилъ отъ моихъ новыхъ товарищей извѣстіе, что контрабандисты заняты очень спѣшнымъ предпріятіемъ, и потому ранѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли не могутъ служить намъ; эта остановка меня очень огорчила и показалась мнѣ худымъ предзнаменованіемъ. Въ это же время Сара опасно занемогла, и Смитъ долженъ былъ на время взять другую служанку. Этотъ случай былъ очень непріятенъ, потому-что хозяинъ мой, не зная хорошенько этой женщины, не могъ ей довѣриться, и потому долженъ былъ самъ мнѣ прислуживать.

Вскорѣ однако мы увидѣли, что нѣтъ никакой возможности скрыть отъ служанки присутствіе посторонняго въ такомъ маленькомъ домѣ. Дукетъ, имя новой служанки, не прожила еще у продавца картинъ и трехъ дней, какъ уже узнала, что онъ скрываетъ француза, убѣжавшаго съ понтоновъ.

Дукетъ всегда старалась угождать мнѣ, но не понравилась мнѣ съ перваго взгляда. Отчего? Я самъ не могъ этого объяснить.

— Правда ли, сударь, спросила она однажды, убирая комнату, что правительство даетъ по пяти фунтовъ стерлинговъ всякому, кто представитъ въ полицію убѣжавшаго француза?

— Да, Дукетъ, это правда, отвѣчалъ я, удивленный ея вопросомъ. Тебѣ стоить выдать меня, и ты получишь эту сумму. Неужели ты хочешь это сдѣлать? спросилъ я, улыбаясь.

— Какъ это можно! вскричала служанка, покраснѣвъ: хорошо же вы обо мнѣ думаете.

Дукетъ, кончивъ свою обязанность, вышла, отвѣсивъ мнѣ пренизкій поклонъ. Я задумался.

— Почему же этой женщинѣ и не предать меня? Она англичанка, слѣдовательно, не можетъ интересоваться французомъ; къ тому же она, вѣроятно, бѣдна. Впрочемъ, еслибы она думала меня выдать, то никогда не сдѣлала бы мнѣ подобнаго вопроса.

Чѣмъ больше я разсуждалъ, тѣмъ сильнѣе увѣрился въ ея намѣреніи предать меня; а потому рѣшился, какъ только воротится Смитъ, переѣхать въ трактиръ, который занимали новые друзья мои.

Разсуждая такимъ-образомъ, я облокотился на окна, и глаза мои блуждали безъ цѣли по улицѣ; какъ вдругъ я увидѣлъ, что Дукетъ выходитъ изъ дому.

Она идетъ, чтобъ выдать меня, сказалъ я самъ себѣ, и сбѣжавъ съ лѣстницы, смѣло пустился преслѣдовать служанку.

Я былъ такъ увѣренъ, что Дукетъ хочетъ выдать меня, что не удивился, увидя ее на углу, разговаривающею съ жидомъ Куртисомъ.

Теперь я зналъ все, что мнѣ было нужно, и потому воротился домой и въ дверяхъ столкнулся съ Смитомъ, который, увидя меня, вскрикнулъ отъ удивленія.

— Съ ума вы, что ли сошли, другъ мой! сказалъ онъ мнѣ.

— Дѣйствительно я былъ очень неблагоразуменъ, отвѣчалъ я: къ счастью, этотъ случай спасаетъ меня отъ понтоновъ.

— Отъ понтоновъ? Что же случилось?

— Ваша служанка, Дукетъ, хочетъ получить пять фунтовъ стерлинговъ, назначенныхъ за бѣжавшаго француза.

Тогда я въ короткихъ словахъ разсказалъ Смиту то, что уже знаетъ читатель.

— О, презрѣнная! вскричалъ мой превосходный хозяинъ, покраснѣвъ отъ гнѣва. Я ее убью.

— Наказаніе будетъ слишкомъ сильно, отвѣчалъ я, улыбаясь: но если вы позволите, я хочу ее порядочно наугать; она стоить этого.

— Дѣлайте, что хотите, вскричалъ Смитъ внѣ себя, не щадите ее.

Мой хозяинъ говорилъ еще, когда вошла Дукетъ. Видъ ея былъ спокоенъ, какъ-будто она ничего не сдѣлала дурнаго; только усилен-

ное дыханіе показывало, что она боится подозрѣнія. Она бѣжала, возвращаясь отъ Куртиса.

— Дукетъ, войди на минуту въ мою комнату, мнѣ нужно переставить одну картину.

— Я къ вашимъ услугамъ, сказала она, слѣдуя за мною.

Войдя въ мою комнату, куда послѣдовалъ за нами и Смитъ, я заперъ дверь на ключъ, потомъ взявъ пистолеть, подошелъ къ Дукетъ, которая сильно поблѣднѣла, и сказала:

— Милая моя, я нахожу очень натуральнымъ, что ты захотѣла получить пять фунтовъ стерлинговъ... Не удивляйся одна ко, что я хочу сохранить свою свободу. Тебѣ остается жить только пять минутъ.

— Да, да, убейте ее, кричалъ Смитъ: она этого заслуживаетъ.

Дукетъ, — не могу вспомнить теперь этого происшествія, не смѣясь, — Дукетъ, думая, что она уже умерла, упала къ ногамъ моимъ, прося пощады.

— Нѣтъ, не щадите ее, сказалъ мой хозяинъ. Стрѣляйте... стрѣляйте. Я поднялъ руку, и несчастная, думая, что ея конецъ уже пришелъ, громко вскрикнула и упала безъ чувствъ.

— Поскорѣ воды и спирту! закричалъ я.

— Ея открытія могутъ быть намъ очень полезны. Помогите мнѣ, мой добрый Смитъ, я васъ прошу.

Черезъ пять минутъ мои старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ; Дукетъ пришла въ чувство.

— Когда должна придти полиція? спросилъ я.

— Сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, дрожа отвѣчала она.

— Чтѣ-жъ намъ дѣлать? спросилъ я Смита. Чтѣ касается до меня, то я думаю идти въ трактиръ къ товарищамъ.

— Не хорошо, если вы выйдете днемъ. Впрочемъ вамъ нельзя здѣсь оставаться; я найму вамъ карету... Смотрите покамѣстъ за Дукетъ.

Черезъ полчаса я уже былъ въ тавернѣ, въ которой жили Меркадѣ, Лебосекъ и Видалъ.

— Вы пришли въ-время, сказали они: мы хотѣли уже писать къ вамъ, что наши контрабандисты готовы...

На другой день, около шести часовъ вечера, мы оканчивали сытный завтракъ вмѣстѣ съ четырьмя смуглерами.

Надо признаться, что образецъ, который я имѣлъ передъ глазами, не могъ заставить меня забыть предубѣжденія, возбужденнаго во мнѣ противъ контрабандистовъ.

Нашъ завтракъ, который длился довольно долго, очень развеселилъ

ихъ. Говоря намеками и дѣлая знаки головой и глазами, они безпрестанно обмѣнивались таинственными и насмѣшливыми улыбками, которыя я ловилъ на лету. Я хорошо понималъ, что они радовались удобному случаю, предавшему насъ въ ихъ руки. Начальникъ этихъ мошенниковъ назывался Джефрисъ; онъ первый подалъ своимъ подчиненнымъ сигналъ къ отъѣзду.

— Ну, ребята, сказалъ онъ, теперь надо приняться за работу. Выпьемъ послѣдній стаканъ вина за здоровье джентльменовъ и ѣдемъ въ путь. Джефрисъ, говоря такимъ-образомъ, наполнилъ черезъ край одинъ изъ тѣхъ свинцовыхъ бокаловъ, которые содержатъ въ себѣ цѣлую бутылку, и обращаясь къ намъ, сказалъ :

— Господа, я пью за счастливый успѣхъ нашего предпріятія. Надѣюсь, что вы не откажетесь выпить со мною.

Джефрисъ, говоря это, указывалъ намъ на огромный каменный кувшинъ съ джиномъ.

Мои друзья, то-есть Меркадье, Лебосекъ и Видадь, безъ того уже разгоряченные виномъ, приняли этотъ тостъ съ энтузіазмомъ.

— Господа, сказалъ я, ради Бога, перестаньте... Не забудьте, что намъ нужно все наше хладнокровіе.

— Несмотря на это предостереженіе, мои товарищи осушили свои бокалы.

— Прощайте, сказалъ Джефрисъ: я пойду все приготовить къ вашему отъѣзду: при наступленіи ночи, постарайтесь быть въ назначенномъ мѣстѣ.

— Будемъ, отвѣчалъ Меркадье.

— Надѣюсь, что вы не забыли моихъ наставленій, и дороги, по которой вамъ слѣдуетъ идти.

— Я очень хорошо все это помню, отвѣчалъ я: не бойтесь, мы не заставимъ себя ждать.

Когда смуглеры уѣхали, я сталъ упрекать своихъ товарищей за ихъ неумѣренность, и объявилъ имъ, что, по моимъ наблюденіямъ, противъ насъ долженъ быть составленъ заговоръ между контрабандистовъ.

Мой убѣдительный тонъ, казалось, сильно подѣйствовалъ на моихъ товарищей, и они обѣщали мнѣ въ другой разъ быть гораздо осторожнѣе.

— Во всякомъ случаѣ, мой другъ, сказалъ мнѣ Меркадье: намъ нечего бояться; вѣдь каждый изъ насъ вооруженъ парой пистолетовъ и ножомъ.

Мѣсто, назначенное смуглерами для свиданія съ нами, находилось въ разстояніи трехъ миль отъ Портсмута.

— Господа, сказала я: намъ пора отправляться; скоро наступитъ ночь...

Заплативъ трактирщику, который между-прочимъ взялъ съ насъ ужасно дорого, и осмотрѣвъ курки пистолетовъ, мы отправились въ путь.

Я надѣялся, что чистый воздухъ и прогулка освѣжатъ моихъ товарищей; но ничто не помогало.

Контрабандисты такъ хорошо рассказали намъ дорогу, что я ни разу не сомнѣвался даже въ направленіи, по которому мы должны были идти. Въ одиннадцать часовъ мы были уже на мѣстѣ.

На концѣ песчаной косы, въ маленькомъ заливѣ, стояла лодка, въ которой мы должны были переправиться черезъ Ла-Маншъ.

— Господа, сказала Джефрисъ: ночь темна, море спокойно, вѣтеръ попутный; а потому не станемъ терять времени и отправимся.

— Ого! продолжалъ смуглеръ, видя съ какимъ трудомъ мои товарищи входили въ лодку: видно, что джинъ не обыкновенное ваше питье... Впрочемъ, что до этого; нѣсколько часовъ сна и свѣжій морской воздухъ приведутъ васъ въ себя. Ложитесь на дно лодки.

Черезъ пять минутъ наша лодка уже храбро разсѣкала волны. Не могу выразить ощущенія, которое тогда овладѣло мною; каждую минуту я ждалъ нападенія, и потому, положивъ руку на пистолеть, старался вслушаться въ каждое слово контрабандистовъ; но они говорили такъ тихо, что ни малѣйшій шумъ, кромѣ шума волнъ, не достигалъ до моего слуха.

Часъ прошелъ, и мои сомнѣнія начали разсѣиваться, какъ вдругъ я услышалъ впереди глухой шумъ, который направлялся прямо къ намъ.

— Кто гребетъ? вскричалъ я, поднимая свои пистолеты.

— Чортъ возьми, не бойтесь ничего; неужели вы думаете, что это полиція! отвѣчалъ мнѣ голосъ Джефриса...

— Я ничего не боюсь, отвѣчалъ я: но не приближайтесь ко мнѣ, я этого не хочу.

Джефрисъ что-то проворчалъ и остался на мѣстѣ. Одушевленный разговоръ завязался между имъ и его товарищами; но они говорили такъ тихо, что я не могъ ничего разслушать.

— Стоить-ли беспокоиться о такихъ пустякахъ, подумалъ я. И въ-самомъ-дѣлѣ, чего мнѣ бояться? Нападенія? Но вѣдь у меня пистолеты и ножъ. Да, но ихъ четверо, а у меня только два выстрѣла... А! вотъ идея!.. Я возьму пистолеты пьянаго Лебосека, который хранитъ около меня; такимъ-образомъ мнѣ легче съ ними справиться.

Прошелъ еще часъ, и луна, до-сихъ-поръ закрытая облаками, начали изрѣдка показываться изъ-за тучъ.

— Другъ мой, сказалъ мнѣ, Джефрисъ: вы знаете, что вы намъ не нужны. Если вамъ хочется спать, то не церемоньтесь и спите сколько вамъ угодно...

— Благодарю, отвѣчалъ я ему сухо: я не хочу спать.

— Въ такомъ случаѣ поговоримъ... Это поможетъ намъ убить время.

— Благодарю за ваше предложеніе. Я лучше буду думать...

— Можетъ-быть; но мнѣ хочется поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, и я надѣюсь что вы меня выслушаете...

— Говорите...

— Прежде позвольте вамъ предложить вопросъ. Знаете-ли чему мы подвергаемся, если насъ поймаютъ въ перевозкѣ плѣнныхъ?

— Знаю, васъ повѣсятъ.

— Именно. Я вижу, что вы прекрасно знаете англійскіе законы; меня это очень радуетъ, потому-что это облегчаетъ мнѣ кончить нашъ разговоръ.

— Увидимъ, вскричалъ я, выходя изъ терпѣнія: оставьте эту болтовню и идите прямо къ дѣлу.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, для чего эти извороты, когда можно говорить прямо. Вотъ вамъ дѣло въ двухъ словахъ: Мы съ васъ взяли по десяти фунтовъ съ человѣка, то-есть, всего сорокъ фунтовъ; согласитесь что это очень дешево. Мои товарищи обыкновенно берутъ вдвое больше...

— Надо было прежде просить больше. Впрочемъ я согласенъ, что вы были очень умѣренны; что-жъ изъ этого?

— Это значитъ, что если мы взяли такъ мало, то надѣялись добраться до Франціи безъ всякой опасности.

— Ну что-жъ! тѣмъ лучше; но только правду-ли вы говорите?

— Мало быть самимъ увѣреннымъ; надо, чтобы и тѣ, которыхъ мы спасаемъ, помогали намъ въ нашемъ намѣреніи. Можемъ-ли мы на васъ надѣяться?

— Любезный Джефрисъ, позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что вы говорите совершенныя пустяки!.. Это такъ ясно, что вашъ вопросъ былъ совершенно неумѣстенъ; наши интересы такъ тѣсно связаны съ вашими, что вы можете вполне надѣяться на нашу помощь.

— Прекрасно!.. Но пожалуйста не горячитесь; я приближаюсь къ концу: я думаю, что вы прекрасно-бы сдѣлали перемѣнивъ одежду, чтобы англичане, встрѣтаясь съ нами, не приняли васъ за французовъ.

— Я не вижу никакой пользы отъ этой мѣры, потому-что если крейсера подойдутъ къ намъ такъ близко, что въ состояніи будутъ различить наши одежды, то во всякомъ случаѣ возмутъ насъ. Впрочемъ я готовъ доставить вамъ это удовольствіе.

— Вотъ что называется говорить дѣльно, сказалъ Джефрисъ; я вполне надѣюсь на ваше слово; слѣдовательно, это дѣло кончено...

— Но во что же мы переодѣнемся?

— Въ ящикѣ, на днѣ лодки, лежитъ вся наша одежда, которую мы предоставляемъ въ полное ваше распоряженіе... Только, какъ вы вполне джентльмены, то, вѣроятно, не откажетесь заплатить намъ за это небольшую сумму.

— Теперь я все понимаю. Во сколько же вы цѣните ваше одолженіе?

— Я беру настоящую цѣну. Что вамъ нужно? Башмаки? Четыре пары, десять фунтовъ стерлинговъ. Шляпы, шесть фунтовъ; жилеты сорокъ фунтовъ; панталоны, двадцать фунтовъ; галстуки, пять фунтовъ!.. Всего восемьдесятъ одинъ фунтъ, но пожалуй, мы согласны взять только восемьдесятъ фунтовъ... Не правда ли, самый справедливый счетъ. Какъ вы думаете?

— Я думаю, великодушный Джефрисъ, что вы шутите. Исторія съ корсарами и счетъ нашей одежды показываютъ, что у васъ очень веселый и вмѣстѣ съ тѣмъ предусмотрительный характеръ. Благодарю за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили.

— Послушайте, вскричалъ Джефрисъ угрожающимъ тономъ, я не люблю насмѣшекъ!

— Какъ! вы хотите меня увѣрить, что говорили серьезно? Быть не можетъ, вы до-сихъ-поръ еще шутите.

— Я говорю такъ серьезно, собака французъ! закричалъ смуглеръ съ гнѣвомъ, что если вы не отдадите намъ сейчасъ восемьдесятъ одинъ фунтъ, то мы выбросимъ васъ за бортъ...

— Вы очень ошибаетесь, мой милый Джефрисъ, отвѣчалъ я бандиту съ прежнимъ хладнокровіемъ.

— Это мы еще увидимъ. Ко мнѣ, друзья мои, закричалъ онъ, бросаясь на меня; и я увидѣлъ, при свѣтѣ луны, ножъ блеснувшій у него въ рукѣ.

— Тогда, показывая мои пистолеты бандитамъ, я сказалъ:

— Еще шагъ впередъ, и я убью васъ.

При видѣ пистолетовъ, направленныхъ прямо на нихъ, смуглеры остановились въ недоумѣніи.

Джефрисъ испустилъ крикъ негодованія.

— А! вы не ожидали этого, негодяи, сказалъ я. Неужели вы думали, что я буду такъ простъ, что отдамся невооруженный въ ваши руки; нѣтъ, васъ четверо, и у меня какъ разъ четыре заряженныхъ пистолета. Вы видите что я хорошо распорядился во ожиданіи пробужденія моихъ товарищей.

— Ваши товарищи нескоро встанутъ, потому-что я подмѣшалъ въ джинъ соннаго порошку... Впрочемъ, вы сами увидите...

При такомъ признаи, мнѣ хотѣлось выстрѣлить въ мошенника; но я разсудилъ, что въ темнотѣ я легко могъ дать промахъ, и тогда всѣ четверо, бросившись, могли бы меня обезоружить, а потому я разсудилъ лучше сѣсть около своихъ товарищей и ожидать дня.

Казалось, что Джефрисъ угадалъ мою мысль, потому-что сказалъ мнѣ насмѣшливымъ тономъ:

— Мы подождемъ: придетъ же время, когда и вы заснете; мы васъ тотчасъ же отправимъ на дно бесѣдовать съ рыбами.

Не спуская глазъ со смуглеровъ, сидѣвшихъ на носу, я началъ сильно стучать ногой въ дно лодки, но не могъ разбудить своихъ товарищей.

Сидя прямо противъ смуглеровъ, я считалъ себя въ совершенной безопасности и позабылъ, что позади меня, у руля также стоялъ смуглеръ.

Я послѣ поплатился за свою неосмотрительность,

Начинало уже разсвѣтать, а это нѣсколько поддержало мою храбрость, какъ вдругъ я увидѣлъ, что Джефрисъ и его товарищи поднимаются съ своихъ мѣсть.

— Джефрисъ, закричалъ я, берегись. Помни что я наблюдаю за вами и готовъ на все...

— Ваше положеніе слишкомъ хорошо, чтобъ я вздумалъ нападать, отвѣчалъ мнѣ смуглеръ: я думаю что лучше всего намъ немного уступить другъ-другу. Я слишкомъ много требовалъ... и такъ кончимъ же это дѣло полюбовно.

— Согласенъ. Десяти фунтовъ стерлинговъ съ каждаго вамъ мало... Хочешь получить по пятнадцати?

— Что дѣло, то дѣло, отвѣчалъ контрабандистъ. Соглашаюсь съ удовольствіемъ, и клянусь вамъ, что съ этого времени вы можете смотрѣть на меня какъ на вашего друга.

— Очень радъ Джефрисъ, что мнѣ не придется васъ убивать. Тенерь, когда мы заключили миръ, скажи мнѣ, какой порошокъ ты подмѣшалъ въ джинъ, и какъ мнѣ разбудить моихъ товарищей.

— Это родъ каенскаго перцу... Чтобы привести ихъ въ чувство, лучше всего поможетъ холодная вода.

Не говоря ни слова, я зачерпнулъ воды изъ-за борта своею шляпою, и освѣживъ ею лица товарищей, началъ понемногу приводить ихъ въ чувство.

Видя, что это средство помогаетъ я снова наклонился, чтобы зачер-

пнуть воды, какъ вдругъ получилъ сильный ударъ сзади, и вскрикнувъ, упалъ на дно лодки. Въ ту же минуту, что-то блеснуло у меня передъ глазами и какая-то тяжесть сдавила мнѣ грудь.

Къ счастью, пистолеть оставался у меня въ лѣвой рукѣ, я машинально спустил курокъ, и измѣнически ударившій меня контрабандистъ упалъ съ прострѣленнымъ черепомъ.

— Меркадье! Видаль! помогите! вскричалъ я, собравъ послѣднія силы, и лишился чувствъ.

Когда я пришелъ въ себя, было уже совершенно свѣтло, и печальная картина представилась моимъ глазамъ. На двѣ лодки лежали два трупца контрабандистовъ; товарищъ мой, Лебосекъ, былъ при послѣднемъ издыханіи, тяжело раненый въ грудь и плечо.

— Какъ ты чувствуешь себя, Гарнере? спросилъ Меркадье.

Я нѣсколько времени не отвѣчалъ ни слова, припоминая случившееся и съ удивленіемъ осматриваясь кругомъ. Меркадье поспѣшилъ ко мнѣ на помощь.

— Не говорите много, это вамъ тяжело. Вашъ выстрѣлъ и крикъ насъ совершенно отрезвили, но смуглеры бросились на насъ такъ быстро, что мы даже не успѣли воспользоваться своими пистолетами, и только ножи помогли намъ одержать надъ ними верхъ. Джефрисъ былъ убитъ... Кѣмъ? Я и самъ не знаю. Было такъ темно и мы были такъ взволнованы, что нашу побѣду можно столько же отнести къ случаю, какъ и къ нашей храбрости... Что-же касается до остальныхъ двухъ смуглеровъ, то я думаю ихъ выбросили за бортъ!... Теперь, кромѣ вашей раны и раны бѣднаго Лебосека, все идетъ хорошо. Вѣтеръ стоитъ попутный, у насъ прекрасная лодка, и мы можемъ только бояться крейсеровъ. Да здравствуетъ Франція!

Поговоривъ немного со своими товарищами я задремалъ, ослабленный потерей крови.

— Гарнере! сказалъ мнѣ кто-то на ухо вставай.

— Что случилось? спросилъ я, открывая глаза.

Впрочемъ вопросъ мой оказался лишнимъ: видъ военного корвета, который находился отъ насъ въ разстояніи полу-мили и шелъ прямо къ намъ, объяснилъ мнѣ все.

— Боже мой! вскричалъ я: Англичане! мы погибли.

— Англичане! этого-то мы навѣрно не знаемъ, отвѣчалъ мнѣ Меркадье. Я васъ именно за тѣмъ разбудилъ, чтобы спросить ваше мнѣніе... Разсмотрите хорошенько корветъ...

— Увы! я очень хорошо его вижу... Но что это передъ нами съ правой стороны.

— Это берега Франціи! отвѣчалъ мнѣ Меркадье глухимъ и взволнованнымъ голосомъ.

— Франція! это Франція! вскричалъ я съ восторгомъ. О! Боже мой, помоги намъ... И я зарыдалъ. Никогда, во все продолженіе моей жизни, полной происшествій, я не чувствовалъ такого ощущенія, какое произвела во мнѣ эта голубая полоска, едва отдѣлявшаяся отъ горизонта и представлявшая мое отечество...

— Ну что-жь, сказалъ Меркадье, что вы думаете о корветѣ?

— Я съ трудомъ оторвалъ свои глаза отъ береговъ Франціи, чтобъ посмотрѣть на судно.

— Увы! это Англичане! вскричалъ я съ отчаяніемъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, чрезъ полчаса мы опять были взяты въ плѣнъ. Странный случай: этотъ корветъ Виктори, который при самомъ возвращеніи моемъ въ отечество, снова бросилъ меня на понтонъ, былъ тотъ самый, который, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, освободилъ меня отъ пиратовъ индѣйскаго архипелага.

На другой день, вечеромъ, я уже опять находился на англійскомъ понтонѣ.

— Какъ только я вступилъ на понтонъ, меня тотчасъ же отправили въ коюту, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мою рану.

Какъ я жалѣлъ тогда, что не остался спокойно на берегу, какъ я раскаявался въ моемъ послѣднемъ предпріятіи! Въ-самомъ-дѣлѣ, даже жизнь стала для меня нестерпимою.

Это состояніе продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Однажды ко мнѣ явился жидъ Куртисъ. Не могу выразить ужаса, который я ощущалъ при этой встрѣчѣ.

— Гарнере, сказалъ онъ, увѣряю васъ, что я не пришелъ радоваться вашему несчастью.

— Въ такомъ случаѣ за чѣмъ же ты хотѣлъ выдать меня полиціи? сказалъ я.

— Я совсѣмъ не изъ мщенія хотѣлъ выдать васъ полиціи, сказалъ онъ мнѣ, но потому, что это было мнѣ выгодно по другой причинѣ. Потому-то я и старался удержать васъ въ Англии... Теперь выслушайте меня со вниманіемъ; я не люблю повторять нѣсколько разъ.

— Говори, я все готовъ отъ тебя выслушать.

— Вотъ въ чемъ дѣло: Вы теперь безъ денегъ, вы умираете съ голоду и находитесь въ немилости у капитана... По этому надѣюсь, что вы не откажитесь отъ моего предложенія.

— Безъ сомнѣнія, тебѣ нужны картины, достойный Авраамъ?

— Да, завтра я вамъ пришлю все, что нужно для работы: кисти, полотно и краски, и попрошу своего двоюроднаго брата дать вамъ каюту.

— Дѣлать нечего, теперь мнѣ нельзя быть разборчивымъ, вскричалъ я. Я принимаю предложеніе. Пусть только мнѣ отдадутъ мою каюту, и доставятъ всѣ удобства, для занятій.

— Съ завтрашняго дня вы будете наслаждаться свободою, соораз-

ною съ положеніемъ плѣннаго... Но за это я уменьшу цѣну за картины.

— Пожалуй, дѣлай что хочешь.

— Я буду покупать картины по десяти шиллинговъ.

Я былъ тогда такъ удрученъ горестью и такъ несчастливъ, что принялъ это предложеніе почти съ радостью. На другой день дѣйствительно я получилъ опять свою каюту.

Хотя мое положеніе, относительно товарищей, было гораздо лучше, но все-таки оно было невыносимо. Всякую минуту я долженъ былъ слышать, какъ говорили, что Французы трусы, что они могутъ только пугать дѣтей и женщинъ, и проч.

Вообразите же мое удивленіе, когда однажды, проходя баттарею, я увидѣлъ моихъ товарищей, которые, казалось, всѣ сошли съ ума, плясали, обнимались и плакали. Сначала, я думалъ, что вижу сонъ.

— Что случилось? спросилъ я у артиллерійскаго сержанта, который, подобно мнѣ, былъ около десяти лѣтъ на понтоняхъ.

На этотъ вопросъ сержантъ ничего не отвѣчалъ; но бросившись ко мнѣ на шею, началъ сжимать меня въ своихъ объятіяхъ, между-тѣмъ какъ двѣ слезы канули на мое лицо.

Болѣе и болѣе удивленный я повторилъ свой вопросъ.

— Миръ заключенъ и мы свободны! отвѣчалъ онъ мнѣ голосомъ, прерывавшимся отъ слезъ.

При этихъ словахъ, я заплакалъ: и бросился какъ безумный на верхъ, но увидя мою каюту, я вошелъ и принялся ломать кисти и станокъ!...

Черезъ часъ я уже былъ у добраго Смита. Я былъ такъ счастливъ, что не чувствовалъ ни гнѣва, ни ненависти къ англичанамъ. Я готовился увидѣть Францію! Къ чему же вспоминать прошедшее? Имя Авраама Куртиса не разу не пришло даже мнѣ на память.

На другой день, 16 апрѣля, я прибылъ во Францію. Я отказываюсь описывать то, что я чувствовалъ, выйдя на берегъ въ Шербургъ, Есть такія радости, которыя человѣкъ едва въ состояніи перенести, и которыя невозможно описать.

Черезъ четыре дня, я снова увидѣлъ Парижъ, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія! Странное сближеніе обстоятельствъ: я выѣхалъ изъ той же заставы Звѣзды, въ которую теперь въѣзжалъ. И еще страннѣе, подѣхавъ къ Вдовьей-аллеѣ, увидѣлъ человѣка, который въ кабриолетѣ ждалъ прихода дилижанса. Этотъ человѣкъ былъ мой отецъ. Хотя онъ очень перемѣнился, но мое сердце узнало его.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ уже сжималъ меня въ своихъ объятіяхъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ двадцать лѣтъ назадъ, онъ въ послѣдній разъ со мною прощался.

МАВРЫ ВЪ ИСПАНИИ И ВЪ АФРИКѢ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДОКТОРА ТРИПЛИНА.

Статья девятая.

— XII. —

Воспитаніе мавританокъ. — Ревность мавровъ. — Тетуанскій губернаторъ. — Садъ паши. — Пожиратели змѣй. — Дервиши-метампси хосы — Идіоты. — Ужинъ у улема. — Возвращеніе въ Тангеръ. — Забавный проводникъ. — Ночлегъ въ Фондакѣ. — Пѣснь улема. — Развалины *Orpidium*. — Что обходится въ Марокко кладъ. — Тафилетскія палки. — Европейско-африканская карета.

О воспитаніи женщинъ мавры не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Жены ихъ живутъ въ совершенномъ невѣжествѣ: все ученіе ихъ состоитъ въ нѣсколькихъ стихахъ Корана. Онѣ и молятся только дома. Входъ въ мечеть имъ строго воспрещенъ. Мавры очень мало заботятся о будущей жизни женщинъ, и полагаютъ, что ихъ предназначеніе оканчивается земнымъ ихъ поприщемъ.

Изъ всего, что я слышалъ и что самъ видѣлъ въ гаремахъ въ Марокко, и позже въ Алжирѣ, я получилъ очень дурное понятіе о серальскихъ удовольствіяхъ магометанъ. И можетъ ли магометанинъ понимать эстетическое чувство любви? Онъ купилъ свой идеалъ красоты за такую-то сумму, держитъ его въ заперти, для того, чтобы онъ не измѣнилъ ему, и вовсе не считаетъ его существомъ, подобнымъ себѣ, а гораздо низшимъ, облеченнымъ только въ красивѣйшую форму. А невольница? можетъ ли она любить своего тирана, который за малѣйшій проступокъ обрекаетъ ее на смерть?

Трудно себѣ представить, до какой степени мавры простираютъ свою ревность; мы имѣли на то доказательства въ Тетуанѣ. — Губернаторъ этого города пригласилъ доктора Гамильтона, вмѣстѣ со мною, въ свой замокъ, для медицинскаго совѣщанія. Обрадованные этимъ случаемъ, мы, желая поближе узнать домашнюю жизнь мавританъ, поспѣшили придти въ замокъ, вмѣстѣ съ нашимъ драгоманомъ, жидомъ Мошкой, нанятымъ нами въ Тангерѣ.

Два солдата, порядочно одѣтые, стояли на часахъ у входа въ замокъ губернатора, который въ Тетуанѣ вмѣстѣ главный военный и гражданскій начальникъ. Онъ, какъ паша, имѣеть въ своемъ распоряженіи два батальона войска, необходимые ему для общей защиты, для удержанія внутренняго спокойствія и порядка, и наконецъ для сбора податей; а какъ кади, то-есть судья, держитъ въ своихъ рукахъ вѣсы справедливости и имѣеть даже право предавать виновныхъ смертной казни. Почтенный паша принялъ насъ у воротъ замка, гдѣ онъ, по обычаю мавровъ, сидѣлъ, поджавъ ноги, на землѣ, устланной ковромъ. При немъ стоялъ его секретарь, передъ низенькимъ и очень искусно отдѣланнымъ столикомъ. На столѣ лежали бумаги и книга законовъ.

Паша былъ сѣдой старикъ съ бѣлою бородою, на головѣ его былъ бѣлый тюрбанъ, — одѣтъ онъ былъ въ длинный краспый, подбитый мѣхомъ кафтанъ, на ногахъ были желтыя туфли.

При входѣ нашемъ, онъ всталъ, приложилъ правую руку къ сердцу и проводилъ насъ черезъ внутренній дворъ въ залу, которой стѣны покрыты были арабесками, полъ украшенъ прекрасною мраморною мозаикою, а окна, очень высокія и чрезвычайно узкія, черезъ разноцвѣтныя стекла разливали въ комнатѣ фантастическій свѣтъ. Въ одномъ концѣ этой длинной залы стоялъ низенькій диванъ, въ другомъ что-то въ родѣ стариннаго канапе и нѣсколько плетеныхъ креселъ. Сюда-то привелъ насъ сѣдовласый хозяинъ, и велѣлъ намъ сѣсть на канапе, а самъ, поджавъ подъ себя ноги, сѣлъ на одномъ изъ табуретовъ, покрытыхъ ковромъ. По данному знаку принесли намъ трубки съ длинными чубуками и небольшія чашечки чернаго кофе. Теперь только спросилъ онъ насъ, откуда мы родомъ. Англичанъ онъ зналъ очень хорошо, — но мнѣ не легко было объяснить ему, какой я націи.

— Капуди увѣрялъ меня, что вы очень искусные доктора, — сказалъ, послѣ продолжительнаго молчанія, паша. Въ моемъ сералѣ господствуетъ очень часто глазная болѣзнь, и у меня уже болѣе сорока невольницъ совершенно ослѣпли; и теперь одна изъ любимѣйшихъ женъ моихъ очень страдаетъ глазами. Знаете-ли вы какое-нибудь лекарство противъ этой болѣзни? Мой лекаръ, хотя принадлежитъ къ числу имамовъ, но потерялъ всю надежду на ея выздоровленіе, и говорить, что, вѣроятно, Аллаху такъ угодно, чтобы она ослѣпла.

Докторъ Гамильтонъ отвѣчалъ, что спертый воздухъ въ гаремахъ очень способствуетъ развитію глазной болѣзни, что вѣроятно это то эпидемическое воспаленіе глазъ, которое въ египетскомъ языкѣ называютъ mundzis, очень опасное и мучительное, и почти всегда оканчивающееся потерею зрѣнія, — что этой болѣзни невозможно вылечить однѣми гаданіями, и что прежде всего необходимо видѣть больную.

Драгоманъ переводилъ ему каждое слово, паша все понялъ, и всею краснѣвъ, сказалъ ему: «О невѣрные гяуры! Аллахъ не далъ вамъ способности производить чудеса, и вы даже не вѣрите, что иные, счастливѣе васъ, испытываютъ ихъ благодѣянія. Лица моей жены не

видалъ еще ни одинъ мужчина, кромѣ отца ея, и меня, ея мужа и властелина. Пусть лучше она погибнетъ въ мученіяхъ, чѣмъ быть оскверненной взорами невѣрныхъ!» сказалъ съ гнѣвомъ паша и всталъ съ своего мѣста.

— Если хотите, я покажу вамъ мои сады и моихъ лошадей, — вы увидите такія чудеса, о какихъ и понятія не имѣете, — сказалъ намъ паша, видя, что мы собирались удалиться, и удерживая свой гнѣвъ.

Что же намъ оставалось дѣлать?—разгнѣваться на этого варварійца и потерять случай увидѣть его сады, славящіеся въ цѣлой Марокской имперіи? Мы приняли его предложеніе. Если садъ, почти совершенно обнаженный отъ деревъ и отъ тѣни, можетъ назваться прекраснымъ, то садъ паша былъ дѣйствительно прекрасенъ. Дорожки въ немъ выложены были цвѣтными камушками, клумбы покрыты самыми разнообразными и богатѣйшими цвѣтами, растущими низко, — множество пагодъ въ видѣ минаретовъ,— тамъ-и-сямъ стояла одиноко высокая пальма, съ своими длинными листьями, опущенными меланхолически къ землѣ; все это окружено широкими рамами травы, вездѣ журчатъ ручейки, проведенные симметрически по всему саду. — Таковъ садъ паша! Его можно назвать разноцвѣтнымъ ковромъ.

Конюшни паша безъ крышъ; лошади цѣлую жизнь свою стоятъ подъ открытымъ небомъ. Всѣхъ лошадей было до восьмидесяти, и нѣкоторыя изъ нихъ были рѣдкой красоты; особенно же отличался одинъ арабскій вероной жеребецъ, на которомъ паша ѣздилъ только въ торжественныхъ случаяхъ. Этотъ конь былъ такъ хорошо сложенъ, какъ самый лучшій англійскій. Марокскій императоръ владѣлецъ всѣхъ лошадей своего края, и самыя лучшія изъ нихъ выбираются для него и для его войска, безъ всякаго вознагражденія за нихъ хозяевамъ. Горе частному человѣку, имѣющему красивыхъ лошадей, когда онѣ попадутся на глаза пашѣ! Легко себѣ представить, что при такомъ положеніи, конскіе заводы не могутъ процвѣтать. И потому съ каждымъ годомъ число красивыхъ лошадей уменьшается въ Марокской имперіи. Французы, граничащіе Алжиріей съ Мароккомъ, закупаютъ самыхъ лучшихъ лошадей. Правда, что торгъ лошадьми воспрещенъ подъ смертною казнію, но правительство не имѣетъ возможности наблюдать за исполненіемъ этого постановленія.

Изъ разговоровъ съ пашею мы узнали, что въ Марокко существуетъ особая секта, называющаяся Sidi-Nassir, или *пожиратели змѣй*. Послѣ я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ членовъ этой секты, на публичной площади въ Тетуанѣ забавлялъ народъ разными штуками, при звукахъ раздрающей уши музыки, утверждая, что самъ Магометъ подарилъ его способностію употреблять ядовитыя вещества въ пищу, и что никакіе ядовитые гады не могутъ вредить ему. Въ доказательство своихъ словъ, онъ досталъ двѣ ядовитыя змѣи, изъ которыхъ одна была огромная, черная, въ шесть футовъ длины, а другая сѣрая, поменьше. Онъ выдѣлывалъ съ ними разныя штуки, наигрывалъ имъ разныя пѣсни на небольшой дудочкѣ; змѣи, казалось, слу-

шали его музыку и увивались около него; наконецъ, онъ пересталъ наигрывать, разъярилъ змѣй до бѣшенства, и тогда далъ имъ кусать свои руки; потомъ высосалъ укушенные мѣста на рукахъ, имѣя въ это время что-то во рту, что вѣроятно служило ему противоядіемъ. Потомъ опять принялся наигрывать на дудочкѣ, чтобы усмирить разъяренныхъ змѣй. Наконецъ, отъ одного воспоминанія морозъ подираетъ по кожѣ!—наконецъ,—вложивъ въ свой ротъ хвостъ змѣи, онъ началъ жевать и глотать ее, при такихъ ужасныхъ кривляньяхъ, что намъ всѣмъ сдѣлалось дурно. Змѣя вырывалась изъ горла и грызла ему лицо, но онъ, не обращая на это вниманія, проглотилъ ее цѣлкомъ, и потомъ еще показывалъ, какъ она вилась у него въ желудкѣ.

Еслибы кому казалось невѣроятнымъ мое описаніе, тотъ пусть прочтетъ, что герцогиня Абрантесъ пишетъ въ своихъ Запискахъ о генералѣ Мену, который послѣ смерти генерала Клебера командовалъ французскимъ войскомъ въ Египтѣ. Этотъ генералъ не только принялъ магометанскую вѣру, но и вступалъ въ общество египетскихъ *Исилловъ*, и узнавъ ихъ сноровки, такъ же искусно глоталъ змѣй, какъ нѣкогда искусно въ версальскихъ гостиныхъ танцовалъ менуэтъ съ придворными дамами. Абдалла Мену (ибо, перемѣнивъ вѣру, онъ принялъ имя Абдаллы) не оставлялъ этого упражненія даже и по возвращеніи въ Европу. *De gustibus non est disputandum!* говаривалъ обыкновенно наивный генералъ.

Здѣсь есть еще другое общество фанатическихъ дервишей, изъ которыхъ каждый воображаетъ, что онъ душа какого-нибудь животнаго. Это общество является при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, и своимъ рычаніемъ и плясками забавляетъ народъ; въ главѣ его находится обыкновенно одинъ дервишъ, представляющій собою льва. Каждый изъ нихъ сохраняетъ характеръ того животнаго, котораго представляетъ: реветъ, скачетъ до-тѣхъ-поръ, пока придетъ въ бѣшенство, кусаетъ зубами живыхъ собакъ и кошекъ, и выдѣлываетъ тысячи нелѣпостей. Горе жиду и даже христіанину, если онъ въ это время покажется. Даже военныя власти не могутъ удерживать этихъ сумасбродовъ въ границахъ повиновенія. Въ Тетуанѣ имъ дозволено представлять свои штуки четыре раза въ году, а въ Тангерѣ только одинъ разъ, въ день рожденія Магомета. Тогда паша предупреждаетъ иностранныхъ консуловъ, чтобы они не позволяли своимъ соплеменникамъ выходить на улицу. Тетуанскій Бей, государь очень мудрый, чтобы укротить этихъ сумасбродовъ, вступилъ самъ въ ихъ общество, и естественно былъ избранъ львомъ, т. е. главою. Онъ и поступилъ, какъ подобаетъ истинному льву, перелушилъ весь звѣринецъ, и заслужилъ тѣмъ благодарность всего человѣчества.

Идіоты и калѣки почитаются также въ народѣ людьми святыми, пользующимися особымъ покровительствомъ неба. Это суевѣріе поддерживается нѣкоторымъ-образомъ филантропіею; мы видимъ это даже въ странахъ образованныхъ, какъ-напр. въ Тиролѣ, гдѣ оказываютъ особое почтеніе людямъ съ зобами (*crétins*). Въ Марокскомъ государствѣ нѣтъ никакихъ законовъ объ идіотахъ. Имъ предоставлена полная сво-

бода дѣйствию. Для нихъ не существуютъ законы приличій и нравственности. Ихъ вездѣ принимаютъ радушно, кормятъ и одѣваютъ, и они безнаказанно могутъ совершать даже преступленія, хотя между ними есть много обманщиковъ. Почитаются за сумасшедшаго значить имѣть паспортъ тунеядства.

Въ семи верстахъ отъ Тетуана есть золотая рудоконья, учрежденная за нѣсколько лѣтъ обществомъ французскихъ акціонеровъ, образовавшемся въ Марселѣ, подъ покровительствомъ французскаго правительства. Общество это исходатайствовало себѣ фирманъ Мулей-Абдеръ-Гаммана, съ условіемъ, что въ теченіе тридцати лѣтъ будетъ отдавать четвертую часть доходовъ въ марокскую казну, а по истеченіи этого срока султанъ сдѣлается безусловнымъ властителемъ этой рудоконни и всѣхъ устроенныхъ тамъ заведеній. Несмотря на покровительство французскаго и марокскаго правительствъ, положеніе заводчиковъ было очень опасное. Мусульманскіе фанатики, а особенно сантоны, факиры, удушители и другіе, притворявшіеся сумасшедшими, охотились на христіанъ, какъ на львовъ, кабановъ, гіенъ и шакаловъ. Уже въ первомъ году они перестрѣляли третью часть заводчиковъ. А потому ни одинъ французскій инженеръ не хотѣлъ быть директоромъ этого заведенія, и акціонеры обратились къ тому народу, который всегда служилъ французамъ для выниманія изъ огня каштановъ. Нынѣшній директоръ этого заведенія находился въ Испаніи во-время пребыванія моего въ Тетуанѣ.

Въ тетуанскихъ баняхъ, великолѣпно устроенныхъ, я познакомился съ нѣсколькими маврами, ведущими свой родъ отъ гренадскихъ мавровъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорили даже порядочно по-испански. Эти мавры заботились о сохраненіи крови своей въ чистотѣ, и какъ они никогда не вступаютъ въ бракъ съ арабскими женщинами и съ негритянками изъ Судана, то и сохранили вполне бѣлый цвѣтъ кожи. Они очень красивы, стройны, горды и имѣютъ много благородства въ движеніяхъ и разговорахъ. Одинъ изъ нихъ, сѣдой старецъ, занималъ мѣсто улема при кадѣ, т. е. былъ юристомъ при судѣ гражданскихъ дѣлъ. Онъ лѣтъ двадцать тому путешествовалъ по Испаніи: былъ въ Гренадѣ, Кордовѣ и Севильѣ, и восхищался памятниками, сооруженными руками его предковъ. «Испанія клонилась тогда къ упадку; тѣ же несогласія и распри, которыя погубили насъ въ Испаніи»,—говорилъ старшій улемъ,—«вторглись въ сердца нашихъ враговъ: братъ брата убивалъ! Испанцы сами открывали намъ дорогу въ свою землю, и непремѣнно бы погибли и возвратили намъ наши прежнія владѣнія, если бы не саранча, которая общипала нашъ край, а потомъ голодъ и чума, которые обыкновенно слѣдуютъ за саранчою. Большая часть жителей вымерла въ маугребскомъ (т. е. Марокскомъ) государствѣ, корабли наши погнили въ портахъ. Наконецъ невѣрный франкъ овладѣлъ Алжиромъ, и уничтожилъ столпъ Магомета въ Африкѣ, а вы епзага (христіане) англійскіе, хотя не терпите джауровъ, не позволяете однако упасть непримиримому врагу нашему, Испаніи. Но я забываю, что вы у насъ гости, и что мы не должны дѣлать вамъ упрековъ; и я

прошу васъ къ себѣ на ужинъ. Вы отдохнете подъ кровомъ потомка знаменитаго визиря Музы, который не хотѣлъ пережить упадка своей родины».

Домъ улема находился въ полуденной части города, на вершинѣ невысокой горы. Главный фасадъ не отличался ничѣмъ отъ другихъ домовъ. Онъ былъ двухъ-этажный, съ крошечными окнами, выходящими на улицу. За главнымъ корпусомъ находился большой дворъ, уставленный цвѣтами, и устроенный покато, отъ сѣвера на югъ. Здѣсь находился другой корпусъ дома, назначенный для женщинъ. Онъ обращенъ былъ на дворъ, и въ немъ было очень мало оконъ. Подземною дорогою, освѣщенною лампами, мы прошли подъ вторымъ домомъ въ садъ улема Али-Сеферъ-Эфендія. Пройдя здѣсь около 80 шаговъ, хозяинъ остановился и обратилъ взоры наши на домъ. О чудеса! Тотъ самый домъ, который со стороны двора представлялся намъ такимъ скромнымъ и невиднымъ, теперь показался намъ въ видѣ роскошнаго пяти-этажнаго дворца, съ великолѣпными окнами, украшенными занавѣсами, съ балконами, установленными цвѣтами. На нѣкоторыхъ балконахъ внизу сидѣли какія-то уже престарѣлыя женщины, на среднихъ стояли женщины среднихъ лѣтъ, а на самыхъ верхнихъ играли молодыя дѣвочки.

Али-Сеферъ-Эфенди тѣшился нашимъ изумленіемъ, а потомъ, не будучи въ состояніи удержать своего удовольствія, схватилъ себя за почтенный и объемистый животъ, и отъ всего сердца началъ хохотать: «Ха, ха, ха, ха! Maschala, bismilah! oh enganio! o sorpresa!—А! видите, что еще существуютъ потомки гренадскихъ мавровъ! ха! ха! ха! Вы и не ожидали увидѣть что-нибудь подобное? въ такой скромной скорлупкѣ, такой превосходный цвѣтникъ. Аллахъ великъ! Посмотрите, какъ на васъ смотрятъ мои овечки! какъ имъ любопытно увидѣть, кого я привелъ. А теперь обернитесь еще разъ къ полудню и посмотрите наверхъ, на этотъ каменный валъ.

Дѣйствительно садъ огороженъ былъ высокою стѣною, а съ южной стороны онъ отдѣленъ былъ высокимъ, подпирющимъ небо, скалистымъ валомъ, составляющимъ отрасль тетуанскихъ горъ. Шумный каскадъ падалъ съ вышины, и водою своею охлаждалъ весь садъ.

— О, улемъ Али-Сеферъ-Эфенди! красота твоего дома равняеття глубинѣ твоего разума! Богъ премудръ и милосердъ! Онъ надѣлилъ тебя большимъ счастіемъ. Да будетъ имя его восхвалено и дѣтьми Магомета, и дѣтьми Сиди-Алеса! Да будетъ такъ.

Такъ говорилъ Аль-Гамильтъ-Бей, и приложилъ руку къ сердцу и къ головѣ. И я тоже сдѣлалъ, чтобы показать, что раздѣляю чувства моего товарища, а мавръ принялъ эти слова съ чувствомъ, и обнялъ насъ сердечно.

— О, Allah! ahbar! abu Emhaden! О, великій Боже! Отче нашихъ отцовъ! обязанность наша есть любить ближнихъ! Благородные Европейцы! Вы внушили мнѣ большое къ вамъ довѣріе, съ-тѣхъ-поръ, какъ я узналъ, что вы посвятили жизнь вашу для страждущихъ, что вы не пренебрегаете даже оказывать помощь вашу и бѣднымъ, покрытымъ

рубцами ближнимъ, и что любя одного Бога, вы для его славы, пускаетесь вглубь нашего края, гдѣ не всегда будете поняты.

Еще съ полчаса продолжались подобные разговоры; наконецъ начало вечерѣть.

— «Скоро мuedзинъ призоветъ насъ къ молитвѣ; а я желалъ бы познакомить васъ съ моимъ семействомъ, то-есть, прибавилъ старецъ, со старыми женами моими и съ младшими дѣтьми».

По данному знаку сошли къ намъ съ балконовъ втораго и четвертаго этажа престарѣлыя женщины и маленькія дѣти. Всѣ онѣ имѣли одну замѣчательную особенность, именно: большіе, прекрасные и быстрые глаза. Такіе глаза остаются и у старыхъ до самыхъ позднихъ лѣтъ. Маленькія мавританки впервые видѣли христіанъ. Одна изъ нихъ схватила меня за руку, и пересчитала у меня пальцы: разъ, два, три, четыре, пять; смотрите, пожалуста: у него тоже пять пальцевъ, точно какъ у насъ. Другая взяла Гамильтона за полу фрака, и ощупывала его, нѣтъ ли тамъ укрытаго хвоста. Allah maschala bismillah! вскричала съ удивленіемъ мавританка, у него нѣтъ хвоста!

Улемъ хохоталъ отъ всей души и прижималъ дѣтей своихъ къ сердцу, проливая слезы радости. А мы не могли удержаться отъ смѣха. Наконецъ, отправивъ семью свою въ сераль, онъ приказалъ подавать ужинъ. Старухи прощались съ нами съ достоинствомъ, дѣти подарили намъ цвѣточки.

Баранина, *кукуссу*, какой-то напитокъ изъ варенаго винограда, черныи кофе и *карилли*, составляютъ обыкновенный ужинъ мавровъ; нигдѣ не бываетъ хуже и нигдѣ почти лучше этого.

Услышавъ крикъ мuedзина, улемъ поспѣшилъ въ мечеть, а мы возвратились въ нашу грязную, жидовскую гостинницу.

Но Али-Сеферъ-Эфенди былъ человекъ опытный, онъ зналъ, что намъ болѣе всего будетъ досажать въ этой берлогѣ, и прислалъ намъ превосходныхъ арабскихъ курительныхъ порошковъ, двѣ богатыя трубки съ дорогими янтарями, отличнаго курительнаго табаку, и письмо, запечатанное въ шелковомъ пакетѣ и адресованное на имя его тестя, императорскаго казнадара въ Мароккѣ. Улемъ Али-Сеферъ Эфенди былъ шуриномъ двухъ молодыхъ мирзъ, съ которыми мы познакомились во время плаванія нашего изъ Гибралтара.

Наконецъ мы возвращаемся въ Тангеръ; но теперь мы отправляемся въ полдень, для того, чтобы на ночь остановиться въ Фондакѣ. Множество мавританскихъ пилигримовъ присоединяется къ нашему каравану: они отправляются въ Тангеръ; чтобы поклониться тому сантурону, гробницею котораго мы восхищались.

Предводительствуетъ этими пилигримами также факиръ, одѣтый отъ головы до ногъ въ свѣтлозеленый цвѣтъ, какъ чирикъ, съ копьемъ въ рукѣ, также выкрашеннымъ въ свѣтлозеленый цвѣтъ. Онъ принадлежалъ къ сектѣ веселыхъ, водевильныхъ факировъ; эти менѣе всего опасны.

Одинъ разъ онъ скакалъ во весь галопъ, и вся толпа пилигримовъ

неслась за нимъ, какъ вихрь; другой разъ онъ слѣзалъ съ лошади и ползъ по скалистой землѣ на колѣнахъ, и вся толпа ползла за нимъ. Потомъ скакалъ на одной ногѣ, или бѣжалъ спиною впередъ, какъ кракъ, и выдѣлывалъ при этомъ самыя забавныя штуки. Всѣ пилигримы въ точности ему подражали. Этотъ сантуронъ принадлежалъ къ роду Али, то-есть, къ семейству, отъ коего происходилъ Магометъ; оттого-то онъ пользовался привилегіею одѣваться въ свѣтлозеленый цвѣтъ. Магометъ никогда другаго не носилъ.

Видъ сорока человекъ, путешествующихъ такимъ смѣшнымъ и утомительнымъ образомъ, нисколько не удивлялъ туземцевъ. Нашъ капуди, сопровождавшій насъ обратно въ Тангеръ, приспособлялъ ходъ своей лошади къ шагамъ набожныхъ пилигримовъ, говоря, «они дѣлаютъ это для восхваленія Бога и его пророка: мы должны охранять ихъ отъ враговъ!»

Но подь-вечеръ присмирѣлъ нашъ чижикъ до того, что съ большимъ горемъ принужденъ былъ такъ идти, какъ ходятъ всѣ простые смертные.

Мы встрѣтили на дорогѣ множество каравановъ на верблюдахъ, шедшихъ изъ внутренности края, съ хлѣбомъ, въ Тетуанъ, откуда хлѣбъ этотъ отправлялся моремъ въ Гибралтаръ. Надо знать, что англичане собираютъ всѣ жизненные припасы въ Гибралтаръ, то-есть, пшеницу, сарацинское пшено, буйволы, и нѣкоторые другіе сырые продукты, какъ-то: кожу и шелкъ-сырецъ, слоновую кость, страусовыя перья, резину и кошениль изъ Марокко. Англичане платятъ за это пороховъ, дробью, шерстяными и бумажными товарами, но самаго низкаго сорта, такими, какихъ они нигдѣ не могутъ продать, какихъ даже и Испанія не беретъ. Торговымъ договоромъ, заключеннымъ между Англіею и Марокскою имперіею, Англія обезвѣчила цѣлость и нераздѣльность владѣній мароккскихъ, а себѣ предоставила исключительную монополію торговли. Мавритане могли бы избавиться отъ этого тягостнаго для нихъ трактата и заключить союзъ съ французами, съ которыми они теперь граничатъ, но Англія блюдетъ свои привилегіи посредствомъ своего генеральнаго консула и множества тайныхъ агентовъ, разсыянныхъ по всѣмъ марокскимъ владѣніямъ. Когда Англія угрожаетъ, то все море цѣпенѣтъ, между-тѣмъ, какъ Франція, если даже и удается ей когда-нибудь одержать на морѣ побѣду, то она не умѣетъ ею воспользоваться. Доказательствомъ этому служитъ побѣда, одержанная французами въ Марокко въ 1844 году. Французы, упоенные славою, осчастливленные легкими триумфами, одержанными ими надъ непріателемъ, почти безоружнымъ, ибо орудія марокканцевъ лопались при первомъ или второмъ выстрѣлѣ, — французы, говорю, ничего не сдѣлали въ пользу своей торговли: они въ это время вовсе забыли о ней. И только, когда Англія приглашена была для заключенія мира, и конфисковала въ свою пользу побѣду французовъ, тогда только они опомнились и догадались, что имъ неприлично разыгрывать роль лихихъ наѣздниковъ.

Кромѣ Англіи, ни одно европейское государство не имѣетъ своихъ

представителей въ Марокко, хотя Франція и имѣетъ тамъ своего консула, но онъ, при англійскомъ консулѣ, играетъ второстепенную роль.

Германскій таможенный союзъ не обезпечилъ для себя никакой торговли съ марокскими владѣніями. Ни одно германское государство, ни Австрія, ни Пруссія не имѣютъ здѣсь особаго консула. Шведскій консулъ занимается дѣлами пруссаковъ, — а англійскій дѣлами ганноверскими. Но какъ они исполняютъ эти обязанности — можно себѣ вообразить! Недавно одно ганноверское судно погибло у самыхъ береговъ Тангера; ничто ему не помогло, ни сигналы, которые оно подавало объ угрожавшей ему опасности, ни вывѣщенный ганноверскій флагъ. Въ это же время стоялъ въ пристани англійскій пароходъ и равнодушно смотрѣлъ на гибель своихъ прежнихъ собратій.

Вотъ мы подѣхали къ Фондаку передъ самымъ закатомъ солнца. Весь караванъ размѣщается на обширномъ дворѣ, окруженномъ со-всѣхъ-сторонъ портиками. Мигомъ, ворота заперли, лошадей разнуздали и ажгли въ нѣсколькихъ мѣстахъ огни. Весь обозъ расположился на бивакахъ. Видъ этотъ былъ очень живописенъ, и насъ еще болѣе интересовалъ бы, еслибы мы понимали языкъ мавровъ и арабовъ, раздѣлившись на группы, сидѣвшихъ на землѣ съ поджатыми ногами, и разговаривавшихъ между-собою очень живо, а между-тѣмъ съ особенною важностію. Не понимая ихъ разговоровъ, можно было принять все это за совѣщаніе какого-нибудь ученаго общества, рѣшающаго важную ученую задачу.

— Мошка! расскажи-ка намъ, о чемъ ведутъ ученый споръ эти люди? — спросилъ я драгомана франконскимъ нарѣчіемъ, которое тамъ въ большомъ употребленіи.

— Ученый споръ? — могутъ ли они вести ученый споръ? — Они просто рассказываютъ о лошадяхъ, о мулахъ, о верблюдахъ и ослахъ, о ружьяхъ и кинжалахъ, о гуріяхъ и *джинахъ*; вотъ и весь ихъ разговоръ; они ни о чемъ другомъ и говорить не могутъ! — отвѣчалъ мнѣ Мошка.

— А о чемъ рассказываетъ такъ протяжно нашъ капуди, часто вздыхая и выворачивая такъ страшно свои глаза?

— Ну, онъ рассказываетъ очень интересную исторію о бабкѣ своего жеребца, который погибъ въ битвѣ съ варварійцами; онъ рассказываетъ, что у нея было 19 жеребятъ, и что эти имѣли 150 жеребятъ, и что она питала все его семейство жеребятами, которыхъ онъ успѣлъ укрыть въ горахъ отъ взоровъ капуданъ-пашей, бимпашей и пашей.

— А этотъ зеленый чижикъ, что такое рассказываетъ своимъ слушателямъ, которые безпрестанно съ восторгомъ вскрикиваютъ: *Maschallah! Bismillah!* (О, Боже, что за чудеса)!

— Что онъ рассказываетъ? Ну, извѣстно, что они глупцы, а онъ большой плутъ! Что одинъ сдѣлаетъ, тотчасъ и другой за нимъ! Этотъ сантуронъ, или справедливѣе, этотъ богохульникъ, рассказываетъ, какъ

одинъ разъ онъ обратился въ птицу и полетѣлъ въ рай, и видѣлъ тамъ, какъ вѣрные слуги Магомета наслаждаются. Онъ очень хорошо знаетъ, что вретъ, но самъ вѣритъ тому, что говорить. Посмотрите, какъ глаза его горятъ! какъ все лицо его побагровѣло!

И дѣйствительно, сантуронъ, пришедшій въ восторгъ отъ собственныхъ разсказовъ, совершенно воспламенился, и началъ пѣть что-то въ родѣ речитатива. Все общество повторяло за нимъ послѣдній стихъ каждаго куплета, хлопая руками и выворачивая глаза.

— Мошка! что онъ поетъ? Переводи каждое слово.

— Онъ описываетъ со всеми подробностями красоту видѣнныхъ имъ гурій, и говорить:

Четыре вещи были черны:

Волосы, брови, рѣсницы и зѣнцы,

У небесныхъ дѣвицъ — о!

Четыре вещи были бѣлы:

Лицо, глазной бѣлокъ, зубы и ноги

У прелестныхъ гурій — о!

Четыре вещи были красны:

Языкъ, уста, ланиты и десны

У любимицъ Магомета — о!

Четыре вещи были длинны:

Станъ, пальцы, руки и ноги

У счастливыхъ дочерей неба — о!

Четыре вещи были круглы:

Голова, шея, плечи и брови

У этихъ цвѣтовъ вѣчнаго сада — о!

Четыре вещи были широки:

Чело, очи, грудь и бедра

У жилищъ внаго свѣта — о!

Четыре узки и проолговаты:

Носъ, брови, губы и пальцы

У прелестныхъ созданій Алли — о!

Четыре вещи были малы:

Уши, ротъ, руки и ноги

У нашихъ будущихъ женъ — о!

Этимъ окончилъ свою пѣсню чижикъ и впалъ въ забвеніе. Слушатели его, покричавъ вдоволь: О! — послѣдовали его примѣру.

Какая удивительная программа красоты! — Должно признаться, что магометанскіе сантуроны хорошо знаютъ женскую красоту.

Опять начались разсказы: объ охотѣ за дикими звѣрями, о подслушанномъ разговорѣ льва съ кабаномъ, — и обо всемъ этомъ говорили

съ видомъ серьезнымъ. Дѣйствительно, мавры и арабы, турки и египтяне имѣютъ особенную способность рассказывать съ важнымъ видомъ о пустякахъ, которые въ европейскихъ странахъ не занимали-бы и дѣтей. Умъ ихъ находится еще въ младенчествѣ, а религіозныя предразсудки стѣсняють его еще болѣе. Разговоры эти продолжались до часу пополночи. Наконецъ слушатели начали засыпать одинъ за другимъ, а рассказчики, видя, что слушатели всѣ заснули, поневолѣ замолкли. Весь ареопагъ заснулъ на пятахъ, при тлѣвшихъ еще огняхъ. Чижикъ въ полномъ уборѣ и съ зеленымъ копьемъ, даннымъ ему пророкомъ, въ рукѣ, также сидя на пятахъ, заснулъ, опершись къ стѣнѣ, и забывъ свое достоинство, храпѣлъ какъ самый простой смертный, который никогда не видалъ магометова рая, развѣ только во снѣ.

Восходящее солнце оторвало насъ отъ сна довольно поздно. Извѣстно, что чѣмъ ближе мѣсто къ экватору, тѣмъ менѣе разницы бываетъ между долгою дня и ночи. Оттого-то ночи подъ палящимъ небомъ Африки бываютъ довольно холодныя, а вблизи горъ даже и очень холодныя, ибо сырой паръ, плавающій въ воздухѣ, крѣпнетъ ночью, и неравъ изморозь покрываетъ землю.

Отправляемся въ походъ, но съ большою осторожностію, черезъ лѣса и овраги, гдѣ варварійцы, всегда готовые къ нападенію, можетъ-быть, ждутъ насъ. Капуданъ нашъ останавливалъ всю колонну вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ опасался засады и самъ выѣзжалъ впередъ на рекогносцировку, или посылалъ кого-нибудь изъ своей команды. Должно отдать ему справедливость, онъ употреблялъ все стараніе, чтобы доставить насъ живыми и здоровыми въ Тангеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ окружалъ насъ маврами и совѣтывалъ слѣзть съ лошадей, чтобъ не подвергаться выстрѣламъ кабилонъ.

Въ четверти мили отъ дороги изъ Фондака въ Тангеръ лежатъ на возвышеніи развалины стѣнъ древняго римскаго *oppidum*, или укрѣпленнаго мѣста. Мы старались упросить капудана, чтобы онъ проводилъ насъ къ этимъ развалинамъ, но онъ рѣшительно не соглашался утверждая, что именно эти развалины служатъ засадою кабиламъ и разнаго рода разбойникамъ, и что было-бы безразсудно добровольно подвергаться опасности, при такой незначительной силѣ, какую мы имѣемъ.

Несмотря однако на всѣ благоразумныя убѣжденія нашего защитника, мы никакъ не могли поборотъ въ себѣ желанія увидѣть этотъ древній памятникъ римскаго могущества, и увидя его съ дороги, пустились во весь галопъ къ развалинамъ. Старый мавръ, видя наше упорство, полетѣлъ за нами съ двумя товарищами изъ своей команды, и обогнавъ насъ, слѣзъ съ лошади при самыхъ развалинахъ, привязавъ коня своего къ дереву, и старательно осмотрѣлъ, съ пистолетами въ рукахъ и ятаганомъ въ зубахъ, всѣ тайники, въ которыхъ могли-бы укрыться разбойники; и только по окончаніи осмотра, дозволилъ намъ приблизиться.

Развалины состояли изъ огромной кучи большихъ кубическихъ

камней, изъ нѣсколькихъ десятковъ римскихъ колоннъ, частію лежавшихъ на землѣ, частію высоко торчавшихъ между огромными глыбами камней. Почти все это обросло толстымъ мохомъ и кустарникомъ; тамъ и сямъ видѣлись еще остатки сводовъ, державшіеся собственно тяжестью, безъ желѣза и цемента. Развалины эти занимаютъ довольно обширное пространство, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышаются до двадцати пяти футовъ. Но къ сожалѣнію, мы не видѣли ни одной надписи. Въ этихъ мѣстахъ осталось много слѣдовъ римскаго владычества, — монументальные колодцы, блокгаузы, развалины водопроводовъ, которые, по словамъ туземцевъ, происходятъ отъ *роумовъ*, то-есть, отъ римлянъ.

Недавно нашли здѣсь, недалеко отъ дороги, ведущей въ Тангеръ, бронзоваго коня и нѣсколько людей, также изъ бронзы (такъ нашъ капуди называлъ статуи), даже нѣсколько огромнымъ подсвѣчникомъ изъ этого же металла. Все это было потомъ разбито въ мелкіе куски и распродано тайно жидамъ, торгующимъ старыми вещами.

Должно приписать жадности и невѣжеству марокскаго правительства, что такъ рѣдко дѣлаются извѣстными открытія древнихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о состояніи просвѣщенія у прежнихъ обитателей Африки. Власти, имѣющія право присвоивать себя всякую найденную вещь, часто во зло употребляютъ свою силу, и даже самымъ жестокимъ образомъ принуждаютъ къ признанію несчастныхъ, подозрѣваемыхъ въ открытіи какого-нибудь клада. Очень недавно было здѣсь подобное происшествіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Аларби-эль-Саиди былъ пашею Тангера и отпускалъ правосудіе на вѣсь золота, случилось, что одному заслуженному солдату, Магомету, данъ былъ въ вѣчное владѣніе клочекъ земли, издавна остававшійся въ необработанномъ видѣ. Однажды, когда Магометъ пахалъ свою землю и одинъ изъ пріятелей его занять былъ тѣмъ же на своемъ участкѣ, плугъ стараго ветерана ударился о какой-то каменный сосудъ, очень страннаго вида. Магометъ поднялъ его, и видя, что онъ разбитъ, спряталъ его за пазуху, думая, что онъ можетъ служить ему для черпанія воды изъ источника. Потомъ, отправившись съ своимъ плугомъ къ мѣсту, гдѣ оставилъ свою одежду, завернулъ въ нее свою находку и возвратился къ работѣ. Все это не укрылось отъ наблюдательнаго сосѣда, который возымѣлъ подозрѣніе, что пріятель его нашелъ сосудъ, наполненный деньгами. Завистливый болтунъ едва возвратился вечеромъ домой, какъ уже вся деревня знала, что Магометъ нашелъ на своемъ полѣ богатый кладъ, который онъ укрывъ въ своей избѣ.

На другое утро былъ именно торговый день въ Тангерѣ. Жители деревни Буамаръ собрались тамъ и поспѣшили распространить вѣсть объ открытомъ кладѣ. Шпіоны донесли объ этомъ тотчасъ, съ своими прибавленіями, корыстолюбивому Аларби-эль-Саиди, тангерскому пашѣ.

Не предвидя никакого несчастія, Магометъ, занимаясь продажею на рынкѣ привезенныхъ имъ дынь, какъ вдругъ на него бросились два солдата и потащили его къ пашѣ.

— Ахъ, ты негодяй! — Ты думаешь, что отъ меня можетъ что-нибудь укрыться? Сейчасъ же признавайся, сколько было золота въ горшокѣ, который ты выкопалъ въ полѣ! закричалъ на него губернаторъ.

Магометъ разсказалъ откровенно все, какъ было въ-самомъ-дѣлѣ, и божился, что въ сосудѣ не было ни гроша денегъ; умолялъ пашу, чтобы онъ самъ удостовѣрился во всемъ. «Пошли слугъ своихъ въ мою избу: я имъ отдамъ найденный мною горшокъ, но денегъ не найдешь въ моемъ жилищѣ.»

Паша велѣлъ посадить въ тюрьму бѣднаго инвалида, и послалъ солдатъ въ его домъ. Они возвратились съ пустымъ горшкомъ и не могли ничего добиться отъ семейства Магомета.

Паша Аларби ужасно разгнѣвался.

— Послушай, разбойникъ! — сказалъ онъ ветерану: я никогда не ошибаюсь, и непременно найду виновнаго, который хочетъ обокрасть казну императора, а для того, чтобы освѣжить въ тебѣ память — я приму дѣйствительныя средства. Эй — отсыпь этому мерзавцу пятьсотъ палокъ по пятамъ, разумѣется тафилетскихъ палокъ. Нужно знать, что въ области Тафилетѣ приготавливаютъ остроконечныя плети, извѣстныя въ своемъ родѣ.

Бѣднаго Магомета разложили, избили ему немилосердно пятки, но никакого признанія нельзя было отъ него получить. Его отнесли полумертваго назадъ въ тюрьму, и держали тамъ цѣлый мѣсяцъ: Бѣдная жена кормила его тѣмъ, что оставалось еще въ избѣ, потому-что правительство не содержитъ на свой счетъ заключенныхъ. Наконецъ, семья его дошла до самой ужасной крайности и отъ этой нищеты впала въ болѣзнь, такъ, что бѣдному Магомету не кому уже было приносить пищи; и онъ непременно-бы умеръ съ голода, еслибъ тюремный сторожъ, самъ бѣднякъ, не сжалился надъ участію бѣднаго солдата и не кормилъ его собственнымъ хлѣбомъ. Магометъ, убитый горемъ и не предвидя конца своимъ страданіямъ, сказалъ стражнику: «Послушай, другъ мой, поди къ пашѣ и скажи ему, что онъ получитъ кладъ. Я отдамъ ему все, что имѣю: пусть онъ прикажетъ только своимъ солдатамъ отвести меня домой.»

Отводятъ Магомета въ оковахъ въ Буамаръ. Тамъ узнаетъ онъ, что жена его и двое дѣтей умерли отъ голода. Двухъ другихъ дѣтей его принялъ къ себѣ тотъ несчастный человекъ, котораго зависть и болтовня были причиною такого несчастія.

Когда они приблизились къ хижинѣ Магомета, то солдаты хотѣли войти въ нее вмѣстѣ съ Магометомъ, но онъ не дозволилъ имъ, сказавъ: «Домъ каждаго человека святъ. Положите здѣсь, черезъ минуту вы будете имѣть все, что только у меня есть.»

Магометъ возвращается изъ своего дома съ ружьемъ въ рукахъ. Солдаты хотѣли бѣжать. «Останьтесь! — закричалъ Магометъ,» я вовсе не намѣренъ мстить вамъ за всѣ мои страданія!»

Потомъ, приложивъ дуло ружья къ своей головѣ, сказалъ: «Донесите

пашѣ, что все, что только я имѣю, отдаю ему. Пусть кровь моя падетъ на его голову!»

Сказавъ это, онъ дернулъ за курокъ; раздакъ выстрѣлъ — и Магометъ палъ у порога своего дома.

Такъ погибъ Магометъ. Славный былъ солдатъ! — онъ служилъ подъ моимъ начальствомъ и всегда былъ храбрымъ и богобоязненнымъ человѣкомъ, присокупилъ капуди. «Теперь душа его должна блуждать пятьсотъ лѣтъ, пока попадетъ въ рай. Такъ караетъ пророкъ самоубійство!»

— Скажите, капуди, что же сказалъ Аларби-эль-Саиди, когда узналъ о смерти Магомета? — спросилъ Аль-Гамильтъ-Бей.

— О Сиди-Тибибъ! — о господинъ докторъ! — Когда пашѣ объявили объ этомъ, онъ сказалъ: ава?

— Что же значить это ава? — спросилъ я.

— По арабски это значить: *только-то?* — И этимъ все кончилось. Нѣтъ, правда, этимъ еще не кончилось, сказалъ капуди: паша призвалъ палача и велѣлъ ему дать каждому солдату по сту палокъ простыхъ, а унтеръ офицеру сто палокъ изъ Тафилета!

— Но сказалъ Гамильтъ Бей, — что это за тафилетскія палки. Я до-сихъ-поръ слышалъ только о финикахъ и шелкѣ изъ Тафилета: — видно, что здѣсь все изысканное, — даже и палки.

— О Sidi Tibib ! это правда, что здѣсь все изысканное, я самъ испыталъ изысканность тафилетскихъ палокъ; я могу о нихъ говорить съ знаніемъ дѣла, отвѣчалъ капуданъ.

— Можетъ ли это быть, чтобы вы, капуданъ-эфенди (дворянинъ), капуди (правовѣрный) и *серденъ* (офицеръ), были наказаны палками?

— И очень можетъ быть, потому-что такъ было въ-самомъ-дѣлѣ. Въ молодости я пожелалъ поклониться гробу пророка. Чтобы достойнымъ образомъ выполнить этотъ долгъ, я вступилъ на четыре мѣсяца въ монастырь, и тамъ сътованіемъ о грѣхахъ своихъ, молитвами, постомъ и частыми омовеніями очищалъ душу свою. Но злой духъ позавидовалъ моей святости, и однажды ночью, когда я, истощенный и голодный, легъ спать, — онъ послалъ мнѣ самый скверный сонъ; но вы, невѣрные не поймете всего ужаса подобнаго сна!

— Ну, говорите только дальше! ужъ мы поймемъ какъ-нибудь, сказалъ Гамильтъ-Бей.

— И такъ, душѣ моей, изнуренной голодомъ тѣла, приснилось, — о ужасъ! и теперь еще не могу опомниться отъ страха, — приснилось, будто я съ ужаснымъ апетитомъ ѣмъ свинину! Я пробудился отъ страха, и встревоженный этимъ сквернымъ сномъ, отправился утромъ рано къ начальнику монастыря, рассказалъ ему все откровенно, и просилъ его отпустить мнѣ этотъ грѣхъ, или наложить на меня кару.

— О вѣрный сынъ Магомета, сказалъ мнѣ сѣдовласый имамъ, совесть твоя такъ чувствительна, какъ цвѣтокъ колокольчика, или листъ

райскаго гороха. Я горжусь тобою Пусть исполнится твое желаніе, пусть душа твоя опять сдѣлается такъ бѣла, какъ *гаикъ* пророка, и спокойна, какъ гробъ его. Идите сюда факиры, муедзы, улемы и имамы! разложите здѣсь моего дорогаго сына и отвѣсьте ему на каждую пядь по пятидесяти облитыхъ палокъ! но смотрите, чтобы это были тафилетскія палки, для большаго спокойствія моего добраго сына!

— И схватили меня, продолжалъ капуданъ, и такъ ревностно исполнили приказаніе начальника, что я въ-продолженіе трехъ недѣль не могъ ступить на ногу. Въ мечеть я долженъ былъ ползать на колѣнахъ и на рукахъ. Да! тафилетскія палки отличны, когда ихъ получаешь справедливо и соотвѣтственно винѣ!

Окончивъ эту исторію, капуданъ вынулъ изъ-за пояса четки, далъ шпоры своей лошади и отдалился отъ насъ на сто шаговъ впередъ, чтобы спокойно помолиться. Приближалась минута *могребы*, то-есть вечернихъ молитвъ. Зеленый сантуронъ опять началъ скакать на одной ногѣ, и цѣлая фаланга пилигримовъ слѣдовала его примѣру.

Вотъ мы уже приближаемся къ воротамъ Тангера; уже выказываются минареты, редуты и орудія изъ-за ущелій. Мы выходимъ изъ ущелій на песчаную равнину, и едва мы поднялись на нее, какъ насъ поражаетъ странный видъ: карета, вся вызолоченая, какъ колесница Феба, запряженная восьмью муллами, разукрашенными разными перьями и побрякушками, окруженная двѣнадцатью красивыми арабченками, одѣтыми въ бѣлые короткіе штаны и бѣлые тюрбаны, съ трещотками въ рукахъ. У каждаго изъ нихъ торчитъ блестящій кинжалъ.

— Allah chu! up kaff! up kaff! закричалъ капуданъ, возвращаясь къ намъ во весь духъ.

— Up kaff! Up kaff! кричатъ всѣ въ испугѣ и обращаютъ лошадей нашихъ задомъ къ городу.

Жидъ нашъ и многіе другіе бросились даже на колѣна.

— Это какія-то дамы изъ сераля паши ѣдутъ къ морскимъ ваннамъ въ каретѣ одного нѣмецкаго князя. Но ради Бога! не смотрите на нихъ; какой-нибудь изъ этихъ бѣшенныхъ арабченковъ, пожалуй, подскочитъ къ вамъ и на мѣстѣ заколетъ, сказалъ намъ сэръ Антоній S***, тотъ самый, котораго въ Тетуанѣ угостили прутомъ.

— Откуда же здѣсь взялась карета нѣмецкаго князя, сэръ Антоній? спросилъ докторъ Гамильтонъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло: въ 1839 году пріѣхалъ въ Тангеръ одинъ князь и оставался здѣсь, не знаю для чего, нѣсколько мѣсяцевъ, онъ привезъ съ собою двѣ огромныя и тяжелыя кареты; самаго стариннаго фасона. Тангерскія власти не позволили князю проѣзжаться по городу въ каретѣ, подъ предлогомъ, что колеса портятъ дорогу. Здѣсь дѣйствительно никто не употребляетъ возовъ, даже для перевозки аммуниціи для крѣпостной артиллеріи. Князь послалъ къ императору прошеніе о дозволеніи ѣздить въ каретѣ, и обѣщалъ за это право вымостить на свой счетъ главныя улицы Тангера.

Мулей-Абдерь-Гаманъ отвѣчалъ нѣмецкому князю, что мощеніе улицъ было бы нововведеніемъ, которое повлекло бы за собою множество другихъ преобразованій, что впрочемъ онъ можетъ, сколько душѣ его угодно, кататься въ своей каретѣ, но только чтобы колесъ для того не употреблялъ; ибо онъ, какъ покровитель правовѣрныхъ, долженъ блюсти надъ жизнію своихъ подданныхъ, и не можетъ позволять христіанамъ ни давить колесами мусульманъ, ни брызгать на нихъ грязью.

Странная вещь, что нѣмецкій князь согласился въ точности исполнить волю императора; и для того онъ велѣлъ снять кузовъ кареты съ колесъ и повѣсить его между двухъ верблюдовъ, и такимъ-образомъ онъ изволилъ развѣзжать съ своею свитою по городу.

Потомъ князь, выѣзжая изъ Тангера, подарилъ одну изъ каретъ своихъ первому пашѣ, то-есть, губернатору, кажется, за позволеніе взять съ собою нѣсколько куныхъ варварійскихъ лошадей. Паша велѣлъ скоблить нѣмецкіе гербы, позолотилъ всю карету, и на верхъ ея помѣстилъ тюрбанъ, и теперь карета эта служитъ для поѣздки его женъ въ морскія ванны.

Вотъ мы и пріѣхали въ англійское консульство.

Мавръ ожидалъ у подъѣзда свидѣтельства, читалъ молитвы и омылся въ фонтанѣ.

Консульство выдало ему свидѣтельство. Мавръ, не переставая молиться, прочелъ свидѣтельство, сложилъ его и воткнулъ въ чалму. Потомъ, не говоря никому ни слова и продолжая молиться, сѣлъ на коня, потрясъ своими туфлями, въ знакъ того, что онъ не хочетъ забрать съ собою даже чужой пылинки, и медленнымъ шагомъ отправился къ пашѣ.

Это истый типъ мавра-пуританина! большаго фанатика, но человека честнаго и благороднаго, а человеколюбиваго только для своихъ собратій. «Умъ мой для всего свѣта, а сердце мое только для единовѣрцевъ», таковъ девизъ этого рода мусульманъ. Но не много найдемъ подобныхъ ему мавровъ, а еще менѣе подобныхъ почтенному улему тетуанскому, но зато сколько мы найдемъ здѣсь обманщиковъ, хитрецовъ и изверговъ. Между арабами скорѣе можно встрѣтить людей человеколюбивыхъ и гостепріимныхъ, а самыхъ трудолюбивыхъ и понятливыхъ людей, между неграми Судана.

ПРОГУЛКА ПО РОССИИ.

ПИСЬМО ИЗЪ АСТРАХАНИ.

III.

Гостиница «Парижъ» и разные сорта ихъ. — Астраханскіе сады. — Растительность и солончаки. — Бѣглый взглядъ на городъ. — Визитъ въ губернскомъ городѣ. — Исторія одного визита. — Вечерняя прогулка. — Каналъ предмѣстья Астрахани. — Армяне, ихъ пикирки и пѣсни. — Какъ проходитъ день на астраханскихъ улицахъ. — Любовь къ музыкѣ и вечернія гулянья. — Потатуйка. — Набережная канала. — Эпоха въ городскихъ лѣтописяхъ.

Ну, вотъ я и въ Астрахани. Хотя я, кажется, много пошатался на своемъ вѣку, хотя много пересмотрѣлъ городовъ по раздолью нашей матушки Россіи, но съ перваго взгляда этотъ городъ мнѣ понравился. Можетъ-быть, и потому, что мнѣ ужъ очень надоѣла моя цыганская жизнь. Сегодня, только что я всталъ, тотчасъ же пошелъ осматривать свое новое мѣстопробываніе, то есть, гостиницу «Парижъ», совершенно похожую на всѣ гостиницы на большихъ дорогахъ; такихъ *Парижесей* у насъ наберутся тысячи: тѣже — не то чтобы очень чистыя комнаты, таже московская селянка, тѣже *малые* въ красныхъ рубашкахъ, остриженные въ скобку; разница, зависящая прямо отъ мѣстности, состоитъ только въ томъ, что въ одномъ *Парижесѣ* вамъ подадутъ и бифстексъ, и котлеты, даже, пожалуй, съ трюфлями московской фабрикаціи, въ другомъ *Парижесѣ* накормятъ преимущественно треской, камбалой да палтусиной; въ одномъ *Парижесѣ* у васъ за чаемъ, за обѣдомъ, за ужиномъ и вообще цѣлой день, вмѣсто хлѣба и булокъ—московскіе калачи; въ другомъ васъ угощаютъ пряженцами да бубликами. Въ здѣшнемъ *Парижесѣ* васъ подчуютъ чурекомъ да татарскими булками. Та-же разница существуетъ въ отношеніи напитковъ; во всѣхъ прочихъ статьяхъ всѣ Парижи совершенно родные братья.

День былъ чудной; здѣсь это не рѣдкость. Хорошихъ дней, то-есть, ясныхъ, теплыхъ и безъ дождя и тумана, здѣсь столько же, сколько въ Петербургѣ дней дождливыхъ, туманныхъ и холодныхъ. Съ удивленіемъ всматривался я въ странное и разнообразное народонаселеніе этого полу-европейскаго города. Особенный видъ придають этой толпѣ бороды персіанъ, окрашенныя хинной; у нѣкоторыхъ этимъ же веществомъ выкрашена вся кисть руки, даже ступни ногъ. Выбравшись въ центръ города, то-есть, на Московскую улицу, я съ удовольствіемъ разсматривалъ стройныя, красивые дома, составляющіе эту улицу; на площади же, передъ домомъ здѣшняго главнаго коменданта, красовался небольшой скверъ, стѣдившій вѣроятно громаднѣе трудовъ, потому что почва земли въ Астрахани чрезвычайно неудобна для садоводства и состоитъ изъ песку и глины, съ большою примѣсью соляныхъ частицъ. Эта примѣсь въ особенности убиваетъ всякую растительность;

только одинъ тальникъ да кое-гдѣ пирамидальный тополь борятся еще противъ всепожирающаго солончака. Какъ бы хорошо ни была здѣсь удобрена земля въ верхнихъ слояхъ, но если не возобновлять ихъ каждый годъ унавоживаніемъ, то въ скоромъ времени весь верхній слой хорошей земли пропитается солью и въ свою очередь, станетъ негоднымъ ни для какой растительности. Какъ здѣсь земля обилуетъ солью, очень легко можно замѣтить послѣ дождя: на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были лужи, остается большой бѣлый осадокъ изъ чистой поваренной соли. Самая пыль, поднятая вѣтромъ или проѣхавшимъ экипажемъ, имѣетъ какой-то соленый вкусъ и очень вредна для глазъ. Это, конечно, одна изъ главныхъ причинъ господствующихъ здѣсь глазныхъ болѣзней. Чтò-же можетъ расти на такой почвѣ? Надо удивляться труду и умѣнью нѣкоторыхъ лицъ, успѣвшихъ развести кой-гдѣ небольшіе сады и рощи. Почти все огороды, или какъ ихъ здѣсь называютъ, *бакчи*, требуютъ искусственной поливки.

Долго въ этотъ день гулялъ я по Астрахани. Видѣлъ и кремль и въ немъ соборъ съ знаменитыми царскими воротами изъ чистаго серебра. Видѣлъ каналъ, прорытый еще въ 1834 году, иждивеніемъ одного изъ астраханскихъ гражданъ, котораго имя никогда не умретъ въ памяти жителей, потому-что самый каналъ до-сихъ-сихъ-порѣ носить имя своего строителя и называется каналомъ Варвараца. Видѣлъ церкви армянскія, мечети татарскія, обширный гостиный дворъ; видѣлъ множество магазиновъ, лавокъ и лавочекъ, русскихъ, персидскихъ и армянскихъ—со всѣми возможными издѣліями юга и сѣвера, запада и востока, видѣлъ одну и единственную кондитерскую, и не видалъ ни одной книжной лавки. Надо признаться, что музыка и литература находятся здѣсь въ какомъ то странномъ застоѣ. Не говоря уже про новѣйшихъ писателей, большая часть города не читала ни Пушкина, ни Лермонтова; Гоголя же врядъ ли знаетъ и по фамиліи...

Не скоро кончилъ я свой обзоръ; каждая малость меня интересовала. Желая ближе познакомиться съ городомъ, куда я былъ заброшенъ случайно, я не пропускалъ ничего, чтò могло-бы мнѣ указать хоть на какую-нибудь черту характера здѣшнихъ жителей. Во многихъ городахъ перебывалъ я, начиная отъ Архангельска до Одессы и отъ Виндавы до Казани; моря Черное и Бѣлое, со всѣми ихъ прибрежными мѣстечками видѣли мою странствующую персону; степи Бессарабіи и пустыри приволжскіе точно также извѣстны мнѣ, какъ горы Крыма и Кавказа; тундры Лапландіи и болота Сухума и Редутъ-Кале не разъ были посѣщаемы мною. Много я видѣлъ на своемъ вѣку, а такого города, какъ Астрахань, даже и не воображалъ. Если у васъ достанетъ терпѣнія, то вы познакомитесь вмѣстѣ со мною поближе съ этой Золотой Ордой, гдѣ развѣвалось знамя Магомета и сверкала кривая сабля татарскихъ батырей.

12-го іюня. Сегодня я ѣздилъ съ визитами. Вы, вѣроятно, знаете, чтò значать визиты во всякомъ вообще губернскомъ городѣ. Визиты—это краеугольный камень всѣхъ сношеній, это цѣль, связывающая извѣстный кругъ жителей неразрывными узами. Горе тому, кто взду-

маеть порвать хотя одно кольцо въ этой цѣпи, то есть пренебречь визитомъ, и не отдать его кому слѣдуетъ. Всякій новоприбывшій въ городъ обязанъ непременно нарядиться и возить себя на показъ по всѣмъ замѣчательнымъ лицамъ, не разбирая, желаютъ ли они его знакомства, или нѣтъ. Эта особеннаго рода навязчивость на знакомства ставить въ чрезвычайно непріятное положеніе бѣднаго пріѣзжаго. Не зная часто даже имени лица, къ которому онъ пріѣхалъ, онъ долженъ быть любезенъ, остеръ, стараться понравиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за каждымъ словомъ, чтобъ не сказать чего-нибудь непріятнаго хозяину. Я расскажу, какой случился со мной казусъ во-время моего странствованія изъ одной гостиниой въ другую.

Это былъ чуть ли не послѣдній изъ моихъ визитовъ. Усталъ я порядочно. Къ тому же, не привыкши еще къ пламенной атмосферѣ города, я до того измучился, что съ удовольствіемъ присѣлъ бы хоть на тротуарную тумбу.

Подлѣзжаю къ крыльцу одного очень порядочнаго дома, выкрашеннаго свѣтло-голубой краскою, (кажется, эта краска любимая въ Астрахани; болѣе полъ-города облечено въ этотъ цвѣтъ постоянства, или, можетъ-быть, голубая краска здѣсь дешевле другихъ; не берусь рѣшить этого важнаго вопроса). Вхожу на лѣстницу: пусто, никого; двери въ прихожую отперты, я вошелъ: тоже никого или почти никого, если не считать какого-то казачка, который, уткнувъ носъ въ красную съ мерлушками шапку, дремалъ самымъ сладкимъ образомъ. Долго я не рѣшался будить его, но наконецъ, услышавъ шумъ въ комнатахъ, толкнулъ довольно невѣжливо этого мальчика, объясняя ему, чтобъ онъ доложилъ господамъ, что вотъ дескать пріѣхалъ какой-то Петръ Ивановичъ, изъ Петербурга.

Долго не могъ придти въ себя разоспавшійся казачекъ. Первая фраза, которую я слышалъ отъ него, была:

— Виновать, ваше благородіе. Ей Богу, это не я; вы сами изволили видѣть, это все Палашка.

— Послушай, милый, сказалъ я ему со всею кротостью лица, явившагося въ первый разъ въ домъ: мнѣ все-равно, кто виновать изъ васъ: ты или Палашка, только сходи, пожалуйста, къ твоимъ господамъ, да скажи, что васъ молю спрашиваетъ такой-то Петръ Ивановичъ; пріѣхалъ изъ Петербурга Понялъ, братецъ?

Казакъ почесалъ въ затылкѣ, оглядѣлъ меня съ ногъ до головы, и отворивъ двери въ залу, сказалъ:

— А вотъ войдите въ комнату; я сейчасъ.... Конца фразы я не слышалъ; предполагая весьма натурально, что онъ пойдетъ сейчасъ и доложить обо мнѣ. Вошелъ я въ залу. Она была желтаго цвѣта, въ въ три окна; диванъ, столъ, стулья, все на своихъ мѣстахъ, все покрыто чахлами, чисто, хорошо. Жду я пять минутъ, десять, все нѣтъ никого. Усталъ я стоять наконецъ; ну, думаю, хозяева, вѣрно были, какъ говорится, въ неглиже, надо одѣться. Попробовалъ рукою диванъ; мягкій, на пружинахъ, отчего же не сѣсть? встать успѣю всегда, какъ услышу, что кто-нибудь идетъ. Сѣлъ, облокотился, спинка тоже мяг-

кая. Сидя въ такомъ удобномъ положеніи, опять началъ я думать, отчего же это такъ долго никто ко мнѣ не выходитъ. Доложилъ ли полно казачекъ; не заснулъ ли онъ опять? Но отчего ему заснуть, развѣ онъ такъ же усталъ, какъ я! Вѣдь онъ визитовъ не дѣлалъ. Странная вещь, а все-таки никого нѣтъ! Много кое-чего приходило мнѣ въ голову: Вдругъ я началъ замѣчать, какъ-будто по комнатѣ ходить туманъ.... Столъ и стулья начали шевелиться, приходитъ въ какое-то странное движеніе, наконецъ, вся мебель комнаты вдругъ бросилась ко мнѣ, извиняясь самымъ чувствительнымъ образомъ, что заставила такъ долго дожидаться.

— Вы ужъ, пожалуста, не взыщите на насъ, заревѣлъ густымъ басомъ толстый переддвинный столъ, преважно подпрыгивая на одной ногѣ и кланаясь мнѣ самымъ граціознымъ образомъ.

— А мы вѣдь васъ давно ждали, любезный Петръ Ивановичъ, проскрипѣли высокимъ сопрано стулья, сѣменя своими тоненькими ножками. Даже горка съ хрусталемъ и фарфоромъ, дребезжа и переваливаясь съ ноги на ногу, привѣтно кивала мнѣ своей рѣзной верхушкой. Все это ставило меня въ самое пріятное, но между-тѣмъ и въ самое затруднительное положеніе. Я конечно извинялъ все это прекрасное общество отъ всей души, говоря, что это все надѣлалъ казачекъ, именно оттого, что у него шапка на мерлушкахъ, и такая мягкая, что ужъ онъ никакъ не можетъ, чтобъ не заснуть на ней; да къ тому же онъ усталъ, бѣдный, такъ пусть его немножко поспитъ: оно невредно, а напротивъ, возобновляетъ силы и способности. Продолжая разговоръ все въ этомъ же серьезномъ родѣ, я съ чрезвычайнымъ неудовольствіемъ замѣтилъ, что все общество сперва тихонько, а потомъ громче и громче, начало надо мной смѣяться; я до того разсердился, что раскрылъ глаза, и...

Не берусь вамъ описывать, что я увидѣлъ и ощутилъ. Понялъ я очень хорошо, что, сидя на диванѣ, вздремнулъ немножко. Теперь же, представьте мое положеніе. Проснувшись, я увидѣлъ двухъ дѣвушекъ, семнадцати и восемнадцати лѣтъ. Граціозно обнявшись, онѣ стояли передо мной, и несмотря на всѣ законы приличія, заливались чистымъ, веселымъ смѣхомъ, которой былъ такъ заразителенъ, что и я не утерпѣлъ, и самъ не зная чему и надъ чѣмъ, но захохоталъ тоже самымъ усерднымъ образомъ.

За такимъ пріятнымъ занятіемъ засталъ насъ хозяинъ дома.

— Соничка, Наденька! Что это значить! Что за смѣхъ, перестаньте. А позвольте спросить, по какому случаю я имѣю честь видѣть васъ у себя? Последняя половина фразы Николая Ѳедотовича относилась, разумѣется, ко мнѣ.

— Не думаю, чтобъ для васъ, Николай Ѳедотовичъ, мое посѣщеніе было честію, а тѣмъ болѣе счастіемъ, отвѣчалъ я, оправившись отъ своего страннаго положенія. Я просто пришелъ къ вамъ рекомендоваться, какъ пріѣзжій въ городъ, и просить вашего расположенія и вниманія къ новичку, незнакомому еще ни съ правилами, ни съ обычаями круга людей, съ которыми ему придется жить, можетъ-быть, очень долго. Николай Ѳедотовичъ, смягченный немного моимъ покор-

нымъ тономъ, сказалъ, что очень радъ моему знакомству, готовъ помогать мнѣ своими совѣтами, но все-таки онъ очень удивляется сценѣ, которую засталъ при входѣ въ залу. Я тутъ же чистосердечно признался, что моя усталость и его мягкій диванъ были причиною всеі этой суматохи. Откровенность моя такъ понравилась доброту хозяину, а особенно его милымъ дочерямъ, что мы съ перваго же раза сошлись, какъ самые старинные друзья.

Весело провелъ я этотъ день въ семьѣ О. Онъ былъ одинъ изъ немаловажныхъ чиновниковъ города, былъ въ почетѣ и уваженіи у всѣхъ, и имѣлъ двухъ прелестнѣйшихъ дочерей.

Много-бы я могъ рассказать про моихъ новыхъ знакомыхъ, да боюсь, пустившись въ панегерикъ прекрасному полу, перейти за границы словоохотливости.

Поздно я отправился домой отъ гостепріимнаго Николая Федотовича. Ночь была тихая, лунная. Не располагая еще забираться въ Парижъ, я предпочелъ прогуляться немного по набережной канала, перерѣзывающаго городъ на неровныя половины — сѣверную и южную. Сѣверная, бѣльшая и лучшая часть города, въ которой заключаются и кремль съ соборомъ, оконченнымъ еще въ 1750 году, и Бѣлый-городъ, обнесенный прежде стѣной, о которой теперь помнятъ немногіе, даже изъ самыхъ старыхъ жителей Астрахани. Въ Бѣломъ-городѣ центръ всей торговли Астрахани; тутъ и гостинный дворъ, бухарскій и персидскій и даже индійскій. Вообще собственно только одинъ Бѣлый-городъ и можно назвать городомъ; остальные же части Астрахани далеки еще до права носить это названіе. Я не говорю уже о предместьяхъ, въ родѣ Ямгурчеева или Теребиловки.

Съ полчаса расхаживалъ я по деревянной набережной канала. Звучное кваканье лягушекъ какъ-то странно раздавалось въ этой теплой, удушливой атмосферѣ; тальники, обрамляющіе оба берега въ теперешнее время чрезвычайно маловоднаго канала, который, убавясь въ своей ширинѣ почти на половину, тихо катилъ свои мутныя волны, колеблемыя едва замѣтнымъ вѣтеркомъ... все это наводило какую-то грусть и тоску, располагало къ мечтаніямъ. Но какъ, благодаря Бога, я не принадлежу къ числу мечтателей, то все это подѣйствовало на меня совершенно другимъ образомъ,

— Занесло же меня въ эту раскаленную печку! Чего я здѣсь не видалъ? Какъ персіяне, сидя на корточкахъ, съ такимъ жаромъ передаютъ другъ-другу самыя простыя замѣчанія или идеи, какъ-будто бранятся? или, можетъ-быть, не видалъ я, какъ армяне пикниками ѣздятъ за-городъ?... Это въ-самомъ-дѣлѣ довольно любопытно. Чаше всего эти поѣздки они совершаютъ на лодкахъ, но иногда и просто цѣлою гурьбой отправляются изъ города въ степи. Первая роща, состоящая хоть бы изъ только что посаженныхъ отростковъ тальника и дающая довольно тѣни для кѣрги или другой птицы но ужъ никакъ не для человѣка, а тѣмъ болѣе для цѣлаго общества, составляетъ цѣль ихъ плаванія. Армяне останавливаются, располагаются около деревьевъ на травѣ; тотчасъ же является самоваръ; сперва все идетъ чинно, хо-

рошо, но когда начнетъ ходить по рукамъ бутыль съ кизляркой или чихиремъ, — сцена перемѣняется: наемный музыкантъ потихоньку начинаетъ выводить какую-то плачевную мелодію на самой несчастной дудкѣ въ мірѣ, кружокъ пирующихъ въ движеніи, головы покачиваются изъ стороны въ сторону, руки принимаются выхлопывать тактъ; вскорѣ раздается и пѣсня, сопровождаемая непрерывнымъ аплодисманомъ и мѣрнымъ качаніемъ головы. Четыре раза мнѣ, въ-послѣдствіи, случилось видѣть кружки подгулявшихъ армянъ, и всѣ четыре раза я слышалъ одну и ту же пѣсню, и что всего страннѣе, слова въ пѣснѣ были русскія, хотя сочинены вѣроятно армяниномъ. Вотъ вся эта пѣсня.

Продали канаву, купили Кутумъ,

Купили канаву, продали Кутумъ.

и такъ далѣе до безконечности повторяются эти два стиха на разные тоны и голоса, съ выраженіемъ и горя и радости, и страха и угрозы, до тѣхъ-поръ, пока и руки и голова и языкъ придуть въ совершенную невозможность продолжать эту чудную эпопею. Потомъ всѣ эти Стефаны, Хаимы и Осафаты, обнявшись, колеблющимися шагами отправляются въ обратный путь, и часто по ночамъ слышатся ихъ нестройные напѣвы, тревожащіе покой береговъ и канавы и Кутума. Измученный ночью прогулкою, воротился я въ свой Парижъ, и уснулъ на жесткомъ диванѣ.

Два дня провелъ я въ этомъ ужасномъ Парижѣ; два дня я мучился и испытывалъ всѣ возможные неудобства, сопряженные вообще со всѣми трактирами нашихъ губернскихъ городовъ; непрерывный шумъ, крикъ, звонъ, даже по ночамъ. Часто раздавались въ сосѣднихъ комнатахъ то вздохи, то пѣсни, то смѣхъ и хохотъ; все это для несчастнаго, попавшаго нечаяннымъ образомъ между подобной Сцилой и Харибдою, было невыносимо.

На третій день я нашелъ себѣ квартиру. Отдѣльный домикъ на южной набережной канала или, какъ здѣсь называютъ ее, на благородной сторонѣ. Каналь для Астрахани въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тоже самое, что Невскій Проспектъ для жителя Петербурга; набережная его, и особенно та, которая идетъ по сѣверному берегу, всегда освѣщаемая солнцемъ, представляетъ лѣвую сторону Невского, если идти отъ Адмиралтейства. Туда, въ хорошіе лѣтніе вечера, то-есть, почти каждый день, когда немного спадетъ жаръ, собирается лучшая публика города, подышать хотя немного чистымъ воздухомъ, послѣ добровольной закупорки, на которую обрекаютъ себя всѣ жители города, съ восьми часовъ утра и до пяти вечера. Въ эти часы дня Астрахань какъ-будто вымираетъ. На улицахъ никого; ставни заперты; вездѣ тихо, мертво, какъ-будто чума пахнула на весь городъ своимъ страшнымъ крыломъ. Около семи часовъ мало-по-малу астраханцы начинаютъ просыпаться изъ своей временной летаргіи. Парамъ и группами появляются они на благородной сторонѣ канала, и мѣрно расхаживая между Землянымъ и Армянскимъ мостами, часа на два оживляютъ видъ города. Наблюдателю тутъ много работы; была бы охота подмѣчать, а ужъ есть что.

Гулянье въ будни продолжается недолго, но въ праздникъ, и если погода позволитъ, все общество собирается въ портъ, въ аллею, ведущую отъ пѣшеходнаго мостика черезъ Скаржинку, прямо къ берегу Волги, гдѣ устроены эллинги. Музыка шумно играетъ кадрили и вальсы, время, давно забытыхъ; подъ густыми тальниками весело расхаживаетъ разнородная толпа гулящихъ, въ которой все-таки преобладаютъ армяне. Въ какой-бы костюмъ ни былъ одѣтъ армянинъ, его всегда можно узнать; на всемъ этомъ поколѣннн лежитъ какая-то особенная печать.

Несмотря на пыль отъ каменнаго угля, которымъ посыпаютъ эту удивительную аллею, публика гуляетъ тамъ до-тѣхъ-поръ, пока не замолкнетъ звукъ послѣдней ноты Шперль-польки или вальса Авроры.

Страсть къ гуляньямъ на музыкѣ (мѣстное выраженіе) такъ велика въ Астрахани, что одинъ кларнетъ или одна скрипка въ состояннн собрать порядочную толпу любителей природы.

Бывалъ и я на этихъ гуляньяхъ, но меня занимали больше не музыка и не разноцвѣтная толпа, а птица, немного поменьше голубя, которую не скоро увидишь въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, именно потатуйка. Рано утромъ и вечеромъ, при захожденнн солнца, эта птица выказываетъ какое-то особеннаго рода безпокойство; распутивъ свой хохолокъ, быстро перелетаетъ съ одного дерева на другое; то сядетъ на землю, то взвѣется въ вышину, то вдругъ опять скроется въ густыхъ вѣтвяхъ тутоваго дерева. ЧтѠ означаютъ эти перелеты? Грусть-ли при прощаннн съ заходящимъ солнцемъ? Радость-ли при его встрѣчѣ?

Вотъ уже три дня, какъ я живу на новой квартирѣ; каждый день люблюсь на скромную семью индѣйскихъ пѣтуховъ и на гордаго павлина, расхаживающаго у меня по двору, на пару фазановъ, состоящихъ здѣсь также въ штатѣ домашнихъ птицъ. Чуть не каждый день ѣмъ аршинныя стерляди, за которыя петербургскіе гастрономы заплатили-бы десятками рублей серебромъ, а здѣсь я за 30 копѣекъ наслаждаюсь этимъ невиннымъ удовольствіемъ. По вечерамъ, слушаю пѣсни сверчка, непремѣннаго жильца почти всѣхъ деревянныхъ домовъ Астрахани. Часто, сидя у окна, люблюсь я на набережную канала, составленную изъ деревянныхъ клавишъ, по которымъ надо ходить съ особеннымъ умѣньемъ. На этой-то набережной съ самаго утра появляются различные слои астраханскаго населеннн. Въ 5 и 6 часовъ лѣниво пробираются по ней заспанныя лица лакеевъ и кухарокъ, съ плетеными изъ травы корзинками, или просто съ рогожными кулками. Шаги ихъ направлены къ востоку, какъ-будто они отправляются въ Медину. Но ихъ просто привлекаютъ большіе возы съ горами наваленныхъ фруктовъ, зелени, мяса и вообще всего, чѣмъ питается всякій изъ жителей. Въ 8 часовъ начинаютъ мелькать чиновники, спѣша явиться въ должность прежде начальства. Не мудрено, что большая часть дѣлъ въ Астрахани совершаются съ необыкновенною быстротою, и въ то время, какъ въ иномъ мѣстѣ нужны для окончаннн какой-нибудь постройки или починки годы, здѣсь довольно одного дѣта. Въ 8 же часовъ

мимо моихъ оконъ торопливо пробѣгаютъ оборванные татарченки съ полными лотками чурековъ, которые они разносятъ изъ пекаренъ по своимъ обычнымъ потребителямъ. Толпы дѣвочекъ, отъ шести и до двѣнадцати лѣтъ, съ книгами и тетрадами, прикрытыя, кто платочкомъ, кто шляпкой, которую носила еще бабушка, торопятся въ школу. Татары, продающіе или вымѣнивающіе «*Стара шубъ, стара сапогъ*», отвратительныя лица калмыковъ и киргизокъ, высокія шапки персіанъ, все это перемѣшивается на пустынныхъ прежде набережныхъ канала; разные возгласы наполняютъ воздухъ тысячью разнообразныхъ звуковъ; то раздается пронзительный крикъ бабы, продающей раки или, какъ она ихъ называетъ, «ракишки», дѣлая необыкновенно сильное удареніе на второмъ слогѣ; то проѣзжіи на арбѣ татаринъ выхваляетъ свои арбузы, то «чилимы» вдругъ даютъ знать о своемъ присутствіи. Но весь этотъ хаосъ продолжается недолго: въ одиннадцать часовъ набережная пустѣетъ; изрѣдка только пробѣгаютъ какія-то существа, красныя и желтыя. Это татарки, закутыя головы въ шали или халаты, но у которыхъ платья непременно одного изъ двухъ этихъ цвѣтовъ или ярко-красное, или желтое, переходящее изъ самаго блѣднаго въ густой оранжевый. Потомъ городъ мало-по-малу какъ бы засыпаетъ, ставни во всѣхъ домахъ закрываются. Изрѣдка появляются только охотники до доброхотнаго даянія. Впрочемъ, классъ нищихъ въ Астрахани весьма не многочисленъ и состоитъ болѣею частью изъ старыхъ женщинъ.

Отъ шести и до восьми часовъ, иногда и далѣе, каналъ оживляется толпою гуляющихъ со всевозможными цѣлями. Въ восемь часовъ городъ опять начинаетъ погружаться уже въ дѣйствительный сонъ, и въ десять часовъ все тихо и пусто, развѣ иногда запоздалый гуляка пробирается, лѣнясь около домовъ и заборовъ, да кой-гдѣ раздается цѣсня о Каспаркѣ и его невѣстѣ Оксинкѣ.

Вотъ вкратцѣ все, что происходитъ передъ моими глазами въ продолженіе цѣлаго дня на пресловутой набережной канала.

Около недѣли жилъ я самой безмятежной жизнью въ своемъ домицкѣ, у татарскаго съѣзда, какъ вдругъ весь мой покой былъ разрушенъ. Вчера была среда, а въ среду, въ лѣтніе мѣсяцы, когда хороша погода, въ казенномъ Арзумановомъ саду, расположенномъ на берегу рѣчки Кутумъ, бывають танцевальныя собранія, на которыя съѣзжается болѣешая часть лучшаго астраханскаго общества. Всѣ члены городского клуба имѣютъ право бесплатно быть въ этомъ воксалѣ; гости же платятъ одинъ рубль серебромъ. Въ будущемъ письмѣ расскажу я объ этомъ балѣ.

Петръ Моряковскій.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА.— Вильгельм Гауфъ и его сочиненія. — Домъ Диккенса. — **МУЗЫКА ТЕАТРА, ИСКУССТВА.** — Отчего Фенелла нѣма? — Шнейцгеферъ. — Зонтагъ въ Нью-Йоркѣ. — Опера на островѣ Кубѣ. — Новаго рода музыка. — Угольщикъ—музыкантъ — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Подводная лодка Пайерна. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Дикій мальчикъ. — Приписка въ письмѣ. — Балъ богатаго скряги. — Писатель и фабрикантъ. — Исторія одной муфты. —

I. ЛИТЕРАТУРА.

— Вильгельмъ Гауфъ и его сочиненія. — Вильгельмъ Гауфъ занимаетъ почетное мѣсто между нѣмецкими *романтиками*. О происхожденіи и вліяніи этой школы можно было-бы сказать многое. Лучшее всего ее опредѣлилъ Акимъ фонъ Арнимъ. Онъ рассказываетъ, что англичанину, французу и нѣмцу поручено было въ одно время составить описаніе верблюда. Англичанинъ тотчасъ-же отправился путешествовать по всѣмъ странамъ, гдѣ водятся эти животныя. Французъ пошелъ въ Ботаническій-садъ, и посмотрѣвъ тамъ на верблюда, составилъ свой трактатъ. Нѣмецъ-же заперся въ своемъ кабинетѣ, и сколько по книгамъ, столько еще болѣе по мечтательной изобрѣтательности, сочинилъ диссертацию о типѣ верблюда. Вотъ ясная характеристика этихъ народовъ.

Нѣмцы лучше всего умѣютъ рассказывать вымышленные сюжеты. Но если необходимо представить ученія изслѣдованія, остроумный планъ и выдержанные характеры, — преимущество принадлежитъ англичанамъ. Если у нихъ нѣтъ полудѣтскаго воображенія, составляющаго средину между сновидѣніемъ и воспоминаніемъ, и увлекающаго насъ, когда мы читаемъ Тика, Гофмана, Андерсена и Вильгельма Гауфа, то англичане лучше развиваютъ человѣческую натуру, лучше связываютъ нити длинной исторіи. Нѣмцы неподражаемы въ сказкахъ (*Märchen*), занимающихъ небольшую рамку, составляющихъ эпизодъ, дѣйствующихъ на сердце и воображеніе. Что же касается до нѣмецкихъ рома-

новъ,—они со временъ Гёте представляютъ все однѣ и тѣже происшествія, описанія, характеры и ощущенія, иногда очень плохо между собою связанныя. Безпорядокъ Жанъ-Поля превосходитъ всякую поэтическую вольность. Богатая фантазія его создаетъ неестественные характеры, живущіе вымышленною жизнью, какъ автоматы, или чревовѣщатели. Впрочемъ, они прибраны такими блистательными описаніями, такими глубокими наблюденіями человѣческаго сердца, а въ особенности такую неумолимую сатирую, что читатель прощаетъ ему все.

Нѣмецкіе романтики пишутъ во всѣхъ литературныхъ формахъ: поэмы, романы, драмы, баллады. Но болѣе всего любятъ они — сказки. Рама сказокъ самая обширная. Всѣ чудовищныя странности, всѣ невѣроятные вымыслы, всѣ своенравныя событія входятъ въ кругъ подобныхъ разсказовъ. Вотъ содержаніе одной изъ нѣмецкихъ Märchen. Дѣйствіе происходитъ въ лѣсу. Маленькій Оларъ разовариваетъ съ журавлемъ. Является Красная-шаночка и волкъ-похититель. Затѣмъ приходитъ еще одно существо съ сѣдыми волосами, бородою и бровями. Это Юпитеръ. Онъ вступаетъ въ разговоръ со всѣми этими лицами, и учитъ ихъ уму-разуму.

Первымъ сочиненіемъ Вильгельма Гауфа была сказка въ Альманахѣ 1826 года, и съ-тѣхъ-поръ ежегодно продолжалъ онъ заниматься тѣмъ же, связывая всегда одну сказку съ другою. Первый отдѣлъ этихъ сказокъ назывался «Караванъ»; второй «Александрійскій шелкъ». Въ этомъ отдѣлѣ была одна премилая сказка: «Карликъ Нозъ», которая могла назваться самою прелестною нелѣпостью. Третій и четвертый отдѣлы сказокъ были названы «Спессартскій трактиръ», и еще болѣе увеличили извѣстность автора.

Всѣ эти сочиненія скорѣе разговоръ, чѣмъ разсказъ. Читая ихъ, воображаешь себя въ кругу знакомыхъ, у камина. Романтическая школа имѣла на Вильгельма Гауфа болѣе отрицательное, нежели положительное вліяніе. Онъ не подражалъ ни одному изъ прославленныхъ сочиненій этой школы, сходяствуя съ нею только въ богатствѣ воображенія, въ описаніяхъ человѣческихъ слабостей и въ желаніи внушить читателю чувство всего благороднаго и прекраснаго. Но въ Гауфѣ гораздо болѣе видно здравомыслія, нежели въ прочихъ нѣмецкихъ романтикахъ. Онъ чувствуетъ искренно и глубоко, не вдаваясь въ приторную сентиментальность, ни въ пышный нѣмецкій пафосъ, какъ Жанъ-Поль-Рихтеръ, у котораго читатель часто тамъ смѣется, гдѣ-бы долженъ былъ плакать.

Если слогъ Гауфа не такъ гибокъ, какъ у Арнима, то планы разсказовъ его искуснѣе развиты. Авторъ не рассчитываетъ на внезапную, непредвидимую развязку. У него нѣтъ мрачнаго генія Гофмана, который самъ пугался привидѣній, имъ вызванныхъ. Напротивъ, Гауфъ постоянно веселъ. Онъ не гоняется за болѣзненнымъ волненіемъ той литературной школы, которая сдѣлала Гофмана безумнымъ, а Новалиса и Гардерлина свела въ преждевременную могилу. Онъ мастерски обрисовываетъ характеры и сцены дѣйствительной жизни, не вдаваясь въ описанія пейзажей, которыми такъ изобилуютъ нѣмецкіе романтики.

У него нѣтъ, какъ у Ламоть-Фуке, прелестныхъ лучей вечерняго солнца, или грозныхъ бурь; нѣтъ, какъ у Тика, цвѣтовъ и скалъ.

Вильгельмъ Гауфъ напечаталъ сатирическую повѣсть подъ названіемъ: *Человѣкъ въ лунѣ*. Сперва началъ онъ ее въ серьезномъ тонѣ, но послѣ, по совѣту друзей, превратилъ ее въ пародію. Приторная нѣжность и легкомысліе во вкусѣ Мейссена, Клаурена и Коцебу были предметомъ негодованія Вильгельма Гауфа и другихъ возвышенныхъ умовъ. Сатира, преобладающая въ *Человѣкъ въ лунѣ* выдержана съ начала до конца, однакоже смѣшное не заставляетъ забывать интереса разсказа. Главнымъ лицомъ въ повѣсти человѣкъ ростомъ въ шесть футовъ и семь дюймовъ. Онъ убиваетъ на дуэли человѣка, который ни въ чемъ не виноватъ. Вскорѣ совѣсть начинаетъ его мучить, и тѣнь жертвы является ему каждую ночь, когда часы бьютъ двѣнадцать. Только въ однихъ церквахъ тѣнь Антоніо не является. Эти видѣнія придаютъ лицу убійцы смертную блѣдность. «Какъ скоро ужасный часъ приближается, чело его помрачается, глаза выражаютъ свирѣпость и отчаяніе; изъ нихъ, кажется, брызжутъ искры». Всѣ стараются угадать тайну меланхолическаго чужеземца. Героиня повѣсти болѣе всего объ этомъ хлопочетъ. Наконецъ, ей это удается слѣдующимъ образомъ:

«Вскорѣ явился привратникъ. Неговоря ни слова, отворилъ онъ дверь и далъ знакъ, чтобъ обѣ посѣтительницы вошли. Младшая изъ нихъ колебалась. Ей страшно было войти подъ темные своды готическаго зданія. Но какъ привратникъ шелъ впереди съ фонаремъ, то она ободрилась и пошла за нимъ. Изрѣдка оглядывалась она однако же изъ-подъ шали, брошенной на голову, какъ бы боясь, что изъ-за колоннъ выйдетъ какое-нибудь чудовище, или привидѣніе. Они остановились. Привратникъ указалъ имъ на небольшую кафедру, возвышавшуюся у ближайшей колонны. Обѣ женщины помѣстились тамъ. Фонарь освѣщалъ такъ слабо, что не обратя его прямо къ нимъ, нельзя было ихъ замѣтить... Вдругъ часы на башнѣ прозвучали первый ударъ полночи — и подъ сводами раздался шумъ быстрыхъ шаговъ. Это былъ Мартинесъ и слуга его.

Блѣдный и встревоженный, Мартинесъ сѣлъ на нижнюю ступень кафедры.

Нѣсколько мгновений молчалъ онъ, потомъ вздохнулъ и заплакалъ.

— Ужели ты все еще неумолимъ, — сказалъ онъ печальнымъ и мрачнымъ голосомъ. Неужели ты никогда не простишь мнѣ, Антоніо?

Но едва замеръ послѣдній отголосокъ словъ его, какъ чистый, серебряный голосъ произнесъ во мракѣ:

— «Онъ простилъ тебя»

Страхъ и радость овладѣли душою графа. Лицо его оживилось; глаза заблестали. Онъ протянулъ руки къ небу и вскричалъ.

— «Кто ты, принесшій мнѣ на землю прощеніе изъ могилы?»

На кафедрѣ послышался тихій шорохъ. Существо, окутанное въ черную мантию, стало спускаться по ступенямъ; графъ затрепеталъ и отступилъ шагъ назадъ, слѣдя взоромъ за приближающеюся къ нему

тѣню. Блѣдный свѣтъ фонаря озарилъ ее; черная мантия упала съ плечъ, и легкій воздушный станъ Иды склонился къ графу, невольно опустившемуся на колѣна.

— «Это я,— прошептала ему мужественная дѣвушка.— Я возвращаю вамъ прощеніе убитаго. Богъ любви и милосердія прощаетъ васъ. Вы совершили преступленіе по слабости и опрометчивости, и уже нѣсколько лѣтъ раскаиваетесь въ этой винѣ. Я вѣрю Божескому милосердію; повѣрьте и вы. А ты, тѣнь несчастнаго друга, — продолжала она съ торжественностію, простирая руку въ туманный мракъ, — если тебѣ еще мало всѣхъ мученій совѣсти твоего убійцы, — то явись и докажи, что я солгала.

Но повсюду царствовала глубокая тишина, не слышно было ни вѣтерка, ни шороха листьевъ. Съ торжествующею улыбкою убѣжденія обратилась Ида снова къ графу и сказала.

— «Онъ молчитъ, тѣнь его уже не является. Вы примирены съ нимъ.

— «Мы примирены, — воскликнулъ графъ. — Привидѣніе уже не показывается! О! благодарю тебя, добрый геній мой, за это примиреніе. Твоя привязанность къ несчастному также чиста и постоянна, какъ была дружба Антонію. Ты успокоила кровавую тѣнь его. Чѣмъ могу достаточно благодарить тебя!

Онъ схватилъ ея руку — и прижалъ къ своему сердцу».

Вся эта сцена прелестна и трогательна. Ида, разумѣется дѣлется графинею во второмъ томѣ.

«Портретъ Императора» почитается лучшею повѣстью Гауфа, хотя авторъ не вѣренъ въ ней исторіи.

Историческій романъ *Luxemburg* написанъ подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скота. Намъ кажется, что это первое сочиненіе въ этомъ родѣ, написанное въ Германіи. Оно заслуживаетъ особаго обзора.

Ульрихъ Виртембергскій изгнанъ былъ изъ своихъ владеній Максимилианомъ въ 1519 году. Вильгельмъ Баварскій и Швабекій Союзъ конфисковали все его имѣніе. Пятнадцать лѣтъ прожилъ онъ въ изгнаніи, а сынъ его въ темницѣ. Этотъ сынъ успѣлъ наконецъ бѣжать, — Ульрихъ, по распушеніи Швабскаго Союза, завоевалъ опять свои владѣнія съ помощію храбраго Гессенскаго Ландграфа Филиппа.

Дѣйствіе романа начинается, когда Швабекій Союзъ, въ 1519 году, вступаетъ въ Ульмъ. Тутъ много прекрасныхъ описаній тогдашнихъ нравовъ, военныхъ сценъ и быстрыхъ политическихъ переворотовъ той эпохи. Вотъ портретъ богатаго холостяка XVI столѣтія.

«У Дитриха былъ большой домъ, недалеко отъ соборной церкви, и прекрасный садъ на Михельсбергѣ. Мебель содержалась у него въ домѣ въ совершенномъ порядкѣ. Въ большихъ дубовыхъ шкафахъ хранилось тонкое бѣлье, шитое нѣсколькими поколѣніями прабабушекъ его, въ длинные зимніе вечера. Въ желѣзномъ сундукѣ, стоявшемъ въ спальнѣ, хранилась значительная сумма золотыхъ монетъ.

Самъ Дитрихъ былъ красивый мужчина, нѣсколько дородный, всегда щегольливо одѣтый, завитой и съ важностію являющійся въ сенатъ

Онъ довольно благоразумно управлялъ своимъ имѣніемъ, исполнялъ городовую обязанность, и сверхъ-того принадлежалъ къ древнему роду. Будучи близкимъ родственникомъ рыцаря Бессерера, онъ всегда былъ вхожъ къ нему въ домъ. Визиты свои дѣлалъ онъ всегда въ полдень, и въ этотъ день засталъ молодыхъ дамъ за завтракомъ.

Если въ наше время непременно нуженъ сервизъ полосатаго китайскаго фарфора и шоколадныя чашки по образцамъ античныхъ вазъ; то на этотъ случай должны мы сознаться, что Марія и Берта кушали за завтракомъ одинъ бирсупъ.

— Я вижу, любезный братецъ, весело сказала Берта, что вамъ очень хотѣлось-бы отвѣдать нашего супа. Но не ожидайте никакого угощенія. Вы заслуживаете быть наказаннымъ, то-есть, голоднымъ.

— Сколько времени ждали мы васъ! — вскричала Марія.

— Разумѣется, — подхватила Берта, — намъ не столько были нужны лично *вы*, сколько новости, которыхъ мы отъ васъ ждали.

Дитрихъ привыкъ уже къ этимъ приемамъ — и не извинялся, а просто началъ рассказывать все, что узналъ. Берта остановила его.

— Эти длинныя исторіи мы знаемъ, — и видѣли все изъ окна. О вашей же пирункѣ въ прошедшую ночь я и знать не хочу; отвѣчайте лучше на мои вопросы.

Съ комическою важностію стала она передъ нимъ и продолжала:

— Дитрихъ фонъ Краузъ, секретарь высокаго сената, замѣтили-ли вы вчера въ войскахъ Союза, вступившихъ въ нашъ городъ, молодого дворянина, чрезвычайно вѣжливаго, съ длинными, темнорусыми волосами, и лицомъ, которое не такъ бѣло, какъ ваше, но также красиво, съ маленькою бородою, такою же остроконечною, какъ у васъ, но гораздо красивѣе, и съ тонкимъ шарфомъ, вышитымъ серебромъ.

— Это вѣрно мой постоялецъ! вскричалъ Дитрихъ. Онъ былъ на вороной лошади, одѣтъ въ синемъ полукафтанѣ съ прорѣзью на плечахъ и голубою выпушкою.

— Да, да! сказала Берта. Продолжайте. У насъ есть особенныя причины развѣдать о немъ.

— Такъ знайте же, что его зовутъ Георгъ Штурмфельдъ, что онъ красивый и любезный молодой человѣкъ. Странное дѣло. И онъ замѣтилъ васъ, когда проѣзжалъ мимо вашего дома.

Тутъ Дитрихъ рассказалъ все, что было за обѣдомъ; какъ видъ и благородныя приемы пріѣзжаго привлекли его вниманіе; какъ случайно они сошлись; какъ Георгъ еще болѣе ему понравился, и какъ Дитрихъ предложилъ ему квартиру въ своемъ домѣ.

— Вы прекрасно сдѣлали, братецъ, — сказала Берта въ заключеніе, протянувъ ему руку. У васъ, вѣрно, въ первый разъ живетъ постоялецъ Старая Сабина, вѣрно, удивилась, когда вы такъ поздно воротились домой съ незнакомымъ товарищемъ.

Марія вышла въ это время изъ комнаты, и Берта спѣшила переменить разговоръ.

— Она опять ушла, — сказала Берта, — и вѣрно плачетъ въ своей комнатѣ. Вчера она была до того печальна, что сердце мое разрывалось.

— Отчего же? — спросилъ Дитрихъ съ видимымъ участіемъ.

— Не знаю. Сто разъ спрашивала я ее; но она все качаетъ головою, какъ-будто на свѣтѣ нѣтъ средства помочь ей. Несчастливая война! — говорить она иногда. Вотъ все, что я добилась отъ нея.

— А что, развѣ батюшка ея опять хочетъ воротиться съ нею въ Лихтенштейнъ?

— Да! Послушали-бы вы, какъ онъ вчера проклиналъ Союзъ, войска котораго проходили мимо насъ. Онъ тѣломъ и душою преданъ герцогу. Онъ увезетъ дочь свою, какъ скоро война будетъ объявлена.

Дитрихъ былъ видимо взволнованъ. Онъ облокотился на столъ и склонилъ голову на ладонь.

— Вчера, при вступленіи войскъ, Марія очень плакала, — сказала Берта. Хотя она и всегда печальна и уныла, но вчера такъ неутѣшно рыдала, какъ-будто взятіе Ульма рѣшило уже участь всего похода. Я не думаю, чтобъ она очень любила здѣшній городъ, но полагаю, что тайная любовь всему причиною.

— Да! это и я замѣтилъ, — со вздохомъ сказалъ Дитрихъ, — но я не могу ничѣмъ помочь въ этомъ случаѣ.

— Разумѣется, не можете, — со смѣхомъ вскричала Берта. Будьте въ этомъ увѣрены. Вы тутъ не причемъ. Она была печальна прежде, нежели знала васъ и видѣла.

Эти слова заставили покраснѣть добраго секретаря. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ воображалъ, что мысль о разлукѣ съ *нимъ* такъ печалитъ подругу Берты. Но Берта безпрестанно смѣялась надъ нимъ и надъ его самолюбіемъ.

Вдругъ Дитрихъ вспомнилъ главную цѣль своего посѣщенія, и объявилъ, что ввечеру будетъ балъ въ залѣ сената. При этой новости Берта испустила радостной крикъ.

Изъ этого отрывка видно, что Штурмфельдъ герой повѣсти, а Марія героиня. Они видѣлись въ Тюбингенѣ, гдѣ Георгъ воспитывался. Чтобъ сдѣлаться скорѣе достойнымъ руки своей возлюбленной, онъ вступилъ въ военную службу и присоединился къ войскамъ Швабскаго Союза, не зная, что отецъ Маріи, рыцарь Лихтенштейнъ, усердный приверженецъ Ульриха Виртембергскаго. Когда онъ узнаетъ планы Союза и то, что союзники раздѣлили между собою имѣніе преслѣдуемаго владѣтеля, онъ начинаетъ сомнѣваться въ справедливости избранной имъ стороны. Встрѣтивъ же нечаянно въ Ульмѣ свою возлюбленную, онъ съ ужасомъ открываетъ, что отецъ ея вѣрный союзникъ несчастнаго герцога. Марія всѣми силами старается доказать ему, что Ульрихъ Виртембергскій одинъ заслуживаетъ привязанность, и что Георгъ долженъ отдѣлиться отъ Союза, которому еще не присягалъ.

Между-тѣмъ предводители Союза, Георгъ фонъ Траусенъ, Францъ фонъ Зикингенъ, Георгъ фонъ Фрондесбергъ, фонъ Брейтенштейнъ и другіе, видя, что Штурмфельдъ неустрашимый молодой человекъ, и

что сверхъ-того, онъ сынъ рыцаря, павшаго на полѣ битвы, защищая ихъ права, оказываютъ ему большія отличія. Они приглашаютъ его въ свой совѣтъ.

Георгъ отправляется съ намѣреніемъ объявить о перемѣнѣ своей службы. Ораторъ совѣта, фонъ Траусенъ, свирѣпый, упрямый и раздражительный человекъ, приходящій въ бѣшенство при малѣйшемъ сопротивленіи, — ненавидѣлъ барона Штурмфельда, когда тотъ былъ живъ, и желалъ бы вымѣстить свою ненависть на сынѣ. Онъ поручаетъ Георгу быть шпиономъ всѣхъ дѣйствій и плановъ герцога, потому-что, зная мѣстности Тюбингена, Георгъ могъ имѣть самыя лучшія свѣдѣнія объ этомъ. Георгъ колеблется на минуту, чтобъ высказать вдругъ все, — но эта минута промедленія возбуждаетъ гнѣвъ Траусена. Когда Георгъ съ твердостью отказывается отъ возлагаемаго на него порученія, Траусенъ приходитъ въ бѣшенство и осыпаетъ его самыми грубыми ругательствами. Георгъ пользуется этимъ случаемъ и оставляетъ Союзъ, подъ предлогомъ личнаго оскорбленія. Прежде, нежели члены совѣта, любящіе его, успѣваютъ примирить поссорившихся, пылкій молодой человекъ оставляетъ залу сената. Нѣсколько часовъ спустя, берутъ его подъ стражу, — но по одному слову друга его, Фрондесберга, освобождаютъ опять. Онъ долженъ однакоже дать слово, что двѣ недѣли не возьмется за оружіе.

Послѣ многихъ приключеній проникаетъ онъ въ гротъ сталактитовъ, близъ Лихтенштейнскаго замка, въ которомъ скрывается Ульрихъ Виртембергскій. Георгъ является къ нему, какъ приверженецъ его; они дружатся, — и по запискѣ герцога, Штурмфельда принимаютъ въ замокъ Лихтенштейнъ такъ, какъ онъ никогда не могъ ожидать.

Всякую ночь приходитъ въ замокъ самъ Ульрихъ. Ему подають теплую пищу и вино, которыхъ онъ не имѣетъ въ своей пещерѣ. Дѣло кончается условіемъ, что если герцогъ соберетъ войско и Георгъ вступить съ нимъ вмѣстѣ въ Штутгардъ, то можетъ просить тогда руки Маріи. Планъ этотъ осуществляется.

Но Швабскій Союзъ вторично вторгается въ области Ульриха. Слабыя войска его совершенно разбиты. Съ двумя тѣлохранителями спасается онъ бѣгствомъ; но его преслѣдуютъ и догоняютъ у узкаго моста. Георгъ схватываетъ зеленую мантию Ульриха, набрасываетъ ее на себя, а Ульриху совѣтуетъ броситься въ рѣку и вплавь спастись отъ непріятелей. Герцогъ слѣдуетъ этому совѣту — и скрывается, — а Георга берутъ въ плѣнъ. Предводители Союза бѣсятся за эту ошибку. Ульрихъ оставляетъ Виртембергъ, — а герою повѣсти и другимъ рыцарямъ позволяютъ возвратиться въ свои замки, предписавъ имъ условія для дальнѣйшихъ дѣйствій и образа жизни.

Событія и характеры этого романа весьма разнообразны. Нѣтъ ничего ни натянутого, ни изысканнаго. При описаніи нѣкоторыхъ лицъ и явленій вспоминаемъ иногда Вальтеръ-Скотта, — однакожь на всемъ произведеніи видна печать германизма.

Фантазія Бременской пещеры — тоже очень любопытное сочиненіе, о которомъ нельзя умолчать. Всѣ конечно знаютъ, что Бременъ ган-

зеатическій городъ и что онъ стоитъ на Везерѣ; но не всѣмъ извѣстно, что онъ изобилуетъ старинными легендами. Во дворцѣ сената есть много древнихъ погребовъ и каменныхъ коридоровъ. Бременскіе жители приходятъ туда по вечерамъ, распивать съ друзьями рейнвейнъ. Въ одномъ погребѣ находится колоссальная бочка, прозванная *Розою*... Вино, содержащееся въ ней, оцѣниваютъ по шести талеровъ за каплю. Вино это принадлежитъ сенату, и если онъ посылаетъ иногда какому-нибудь гражданину одну, или двѣ бутылки — это величайшая честь, или награда за важную услугу. Вильгельмъ Гауфъ рассказываетъ, что онъ былъ однажды запертъ въ этомъ погребѣ, и разговаривалъ тамъ цѣлую ночь съ привидѣніями.

Грустно подумать, что писатель, такъ удачно начавшій свое поприще, кончилъ жизнь очень рано. Нервическая горячка свела его въ могилу въ сентябрѣ 1827 года. Ему было тогда только двадцать пять лѣтъ. За годъ до смерти женился онъ на своей двоюродной сестрѣ, которую любилъ съ дѣтства, побѣдивъ въ этомъ случаѣ множество препятствій. Лишившись отца съ малолѣтства, онъ обязанъ былъ воспитаніемъ своему старшему брату, Гейнриху Гауфу, знаменитому геологу.

Вильгельмъ Гауфъ оставилъ немного лирическихъ произведеній. Вотъ, для примѣра, одно изъ его стихотвореній, пользующееся огромною извѣстностью на берегахъ Рейна и называющееся: «*Утренность пьсьи солдата*».

«Кроткій лучъ зари, смерть-ли мою собираешься ты освѣтить? Скоро зазвучитъ военная труба; многіе изъ моихъ вѣрныхъ товарищей, можетъ-быть, простятся съ жизнью, — я буду въ ихъ числѣ.

«Существованіе наше также мимолетно, какъ мысль. Вчера мы летали на гордомъ конѣ, сегодня свинецъ поразилъ нашу грудь, завтра мы будемъ неподвижно лежать въ холодной могилѣ.

«Красота, молодость, — вы точно также скоро проходите. Ты, прелестная дѣва, такъ гордящаяся своими шелковыми кудрями, своимъ румянцемъ, похожимъ на цвѣтъ персика, своею бѣлизною — и ты скоро умрешь!

«Поэтому я предаюсь Божьей волѣ. Пусть гремятъ пушечные выстрѣлы, — я буду мужественно сражаться, — и если прежде вечера холодъ смерти закроетъ мнѣ глаза — на свѣтѣ будетъ меньше однимъ храбрымъ бойцомъ.»

Домъ Диккенса. — Въ Лондонѣ, позади музея, по ту сторону Оксфорд-Стрита, тянется множество прелестнѣйшихъ скверовъ, принадлежащихъ богатымъ домамъ. По этимъ мѣстамъ не ѣздятъ omnibusы и тяжело-нагруженныя телѣги. На южномъ концѣ Тевистокъ-Сквера стоитъ домъ, скрывающійся посреди зелени. Здѣсь живетъ Чарльсъ Диккенсъ. Впрочемъ, домъ знаменитаго писателя вовсе непохожъ на англійскій, которые всегда и для всѣхъ закрыты. Здѣсь хозяинъ принимаетъ всѣхъ безъ доклада; здѣсь съ роскошью соединено радушіе. Всякій входящій

навѣрно знаетъ, что его примутъ, а выходящій остается доволенъ любезностію хозяина и угощеніемъ. Для всякаго гостя есть у Диккенса бутылка шампанскаго. Аполлонъ здѣсь въ дружбѣ съ Плутусомъ. Диккенсъ богатъ, но не прячетъ ни богатства своего, ни остроумія. Онъ не только готовъ говорить со всякимъ, но и заговорить всякаго. Разговоръ его всегда полонъ ума, живости, искреннихъ чувствъ и простодушія.

II. МУЗЫКА

Отчего Фенелла — нѣма? — Съ-тѣхъ-поръ какъ существуютъ оперы, многіе дѣлали вопросъ: отчего композиторы не обращались къ великимъ поэтамъ своего времени, для составленія хорошаго либретто? Этотъ вопросъ удивляетъ и огорчаетъ нѣкоторыхъ записныхъ либреттистовъ, которые почитаютъ себя лирическими писателями. Лучше всего наше недоразумѣніе могутъ рѣшить композиторы, и потому мы обратились къ нимъ. Чтò же мы услышали въ отвѣтъ? — Что поэзія для *пѣнія* вовсе непохожа на ту, которая назначается для *чтенія* или *декламации*; что для музыки нужны одни *чувства*, а не *описанія*; что длинныя періоды въ оперѣ невозможны точно также, какъ живописныя сравненія. Музыка сама *поэзія*, и потому можетъ ужиться только съ такой поэзіей, которая уступаетъ ей во всемъ и не старается затмить ее. Вотъ отчего Люлли писалъ оперы съ Кино, а не съ Расиномъ; Рамо съ Пеллегриномъ и Руа, а не съ Вольтеромъ и Жанъ Батистомъ Руссо; Глюкъ съ Молиномъ и Гильяромъ, а не съ Лабреномъ; Спонтини съ Жуи, а не съ Делилемъ; Оберъ, Мейерберъ и Галеви съ Скрибомъ, а не съ Ламартиномъ и Викторомъ Гюго. Самое важное условіе въ этомъ случаѣ состоитъ не въ томъ, чтò можно помѣстить въ оперное либретто, но въ томъ, чтобъ изъ него можно было все выпустить, чего потребуетъ композиторъ. Скрибъ первый поэтъ въ этой категоріи, но и онъ долженъ былъ сначала перенести нѣсколько неприятностей. Онъ самъ рассказывалъ слѣдующій анекдотъ:

Онъ только что окончилъ либретто *Фенеллы*, написанное имъ вмѣстѣ съ Жерменомъ Делавинемъ. Лицо Фенеллы, созданное Вальтеръ-Скоттомъ, прельстило французскихъ авторовъ и они рѣшились сдѣлать ее героинею новой пьесы. Сдѣлать героиню оперы нѣмую было конечно смѣлое нововведеніе, но надобно было прежде всего объяснить публикѣ, отчего Фенелла нѣма. И оба автора написали стиховъ тридцать, чтобъ описать несчастіе героини, и думали что этого еще очень мало.

Композиторъ Оберъ не раздѣлялъ мнѣнія писателей, и объявилъ, что рассказъ этотъ очень длиненъ и его невозможно положить на музыку.

— Его нельзя пропѣть, сказалъ Оберъ: убавьте его на половину и тогда я сыщу для него мотивъ.

Оба поэта принялись за передѣлку; начали урѣзывать, убавлять, и сдѣлали разсказъ въ *дванадцати* стихахъ.

Композиторъ сѣлъ за фортепьяно, взялъ нѣсколько аккордовъ, и сказалъ, что надобно еще убавить.

Либретисты снова начали урѣзывать, Оберъ повторялъ только одно: много стиховъ. Наконецъ осталось только *четыре*, въ которыхъ ничего не объясняется, которые притомъ очень слабы и которыхъ публика не замѣтила; по-крайней-мѣрѣ, она никогда не жаловалась, что не знаетъ причины, отчего Фенелла нѣма.

Вотъ эти четыре стиха:

La parole à ses lèvres ravie
Par un horrible évènement
La livrait sans défense à l'infidèle amant
Dont l'abandon empoissonna sa vie.

И что это за ужасное происшествіе? Никто еще не отгадалъ этого? А сколько прекрасныхъ стиховъ погибло, чтобъ составить эти четыре строчки. Композиторъ остался доволенъ ими; но оба поэта очень сожалѣли, что не могли объяснить подробности публикѣ, отчего ихъ нѣма—нѣма.

Шнейцгеферъ. — Недавно умеръ композиторъ скромный, любезный, талантливый, котораго всѣ любили за его веселость, доброту, остроуміе, котораго всѣ товарищи со слезами проводили до послѣдняго жилища. Имя Шнейцгёфера будетъ еще долго жить въ памяти музыкантовъ.

Жанъ-Маделенъ-Шнейцгёферъ родился въ 1785 году. Его отецъ хорошо игралъ на гобоѣ, и съ дѣтства началъ учить сына музыкѣ. Скоро успѣхи ребенка превзошли ожиданія отца. Онъ изучилъ правила композиціи у Кателя, и всѣ предсказывали ему блестящую участь великаго композитора. Однако молодой человекъ мало заботился о будущей славѣ, и проводилъ время въ забавахъ и шалостяхъ, стараясь какъ можно больше веселиться и дѣлать глупости. Это всегдашняя исторія молодости, которая думаетъ, что фонари поставлены на то, чтобъ ихъ тушить, вывѣски для того, чтобъ ихъ снимать, и форточки для того, чтобъ въ нихъ стучать. Не было ни одной исторіи или шалости, въ которой молодой музыкантъ не игралъ—бы главную роль. Однако бурная молодость вскорѣ прошла; надобно было искать средствъ къ жизни. Великій композиторъ еще ничего не создалъ, и долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ литавщика въ оркестрѣ оперы. Онъ уже искалъ не славы, а мѣста учителя пѣнія или музыки; но имя его, наполненное столькими согласными буквами, не позволяло ему даже являться въ общества, гдѣ всѣ смѣялись, когда о немъ докладывали, такъ что наконецъ онъ рѣшился написать на своихъ визитныхъ карточкахъ: Ж. М. Шнейцгёферъ — выговаривайте *Бертранъ*.

Никогда еще въ оркестрѣ не было такого превосходнаго литавщика; капельмейстеръ дорожилъ имъ и боялся потерять такого прекраснаго музыканта, но Шнейцгёферъ ненавидѣлъ этотъ инструментъ и просилъ дать ему другое занятіе; однако же его такъ усердно упрасивали остаться, отзывались объ немъ съ такими лестными похвалами, что онъ поневолѣ оставался.

Наконецъ, онъ написалъ балетъ *Прозерпину*, который имѣлъ большой успѣхъ. Въ особенно увертюра ея очень замѣчательна, и авторъ надѣялся, что его избавятъ наконецъ отъ ненавистнаго инструмента. На другой день капельмейстеръ осыпалъ его похвалами. Шнейцгёферъ думалъ, что ему говорятъ о балетѣ и напомнилъ о литаврахъ, но тотъ сказалъ опять, что не можетъ разстаться съ такимъ великимъ литавщикомъ.

— Не напоминайте мнѣ объ этомъ инструментѣ, закричалъ музыкантъ, или я вамъ на дѣлаю какихъ-нибудь глупостей.

— Успокойтесь, любезный другъ, отвѣчалъ капельмейстеръ. Напишите еще нѣсколько балетовъ, и тогда мы поговоримъ о вашей отставкѣ.

Шнейцгёферъ написалъ *Клару и Мельхтала*, потомъ *Земису и Азора*, а ему все не предлагали мѣста учителя пѣнія. Наконецъ, онъ придумалъ мщеніе, и однажды, въ трогательной сценѣ, когда акомпаниментъ былъ самый тихій, а литавры должны были считать сто тридцать двѣ паузы, онъ прервалъ всеобщую тишину оглушительнымъ громомъ, который заставилъ вздрогнуть всю публику. Потомъ, не замѣчая всеобщаго изумленія, онъ бросилъ вверхъ свои палочки и вышелъ изъ оркестра, улыбаясь на гримасу капельмейстера Габенека.

На другой день онъ получилъ отставку и поступилъ въ Консерваторію учителемъ, а въ-послѣдствіи сдѣланъ былъ профессоромъ пѣнія.

Радуясь, что отдѣлался отъ литавръ, Шнейцгёферъ принялся опять писать балеты. Въ 1826 году онъ написалъ: *Вулкановы стѣны или Марсъ и Венера*, въ которомъ много превосходныхъ нумеровъ, и наконецъ *Сильфиду*, для г-жи Тальони, которая имѣла огромный успѣхъ. Кто изъ насъ не аплодировалъ *восходу солнца* во второмъ актѣ этого балета, который послужилъ моделью для Фелисьена Давида, въ его «*Пустынь*».

Шнейцгёферъ игралъ на фортепьяно также хорошо, какъ на литаврахъ, и импровизировалъ съ величайшею легкостью серьезные и комическія сцены. Онъ написалъ квартетъ въ комическомъ родѣ и оставилъ неоконченными нѣсколько оперъ. При концѣ жизни его разбилъ параличъ, но онъ не потерялъ ни своей веселости, ни остроумія. Окруженный родными и друзьями, онъ тихо уснулъ, и на похоронахъ музыканта не было никакой музыки. Покойникъ вѣрно-бы самъ улыбнулся этому, а друзья его сказали ему вмѣсто надгробной рѣчи: Миръ праху твоему! Ты былъ честный человекъ и хорошій литавщикъ. Ты въ молодости жилъ весело, но на старости столько страдалъ, что искупилъ этимъ всѣ заблужденія прошлыхъ лѣтъ.»

Зонтагъ въ Нью-Йоркѣ. Въ Нью-Йоркскихъ газетахъ сообщаютъ разныя подробности о дебютѣ госпожи Зонтагъ. Послѣ увертюры изъ Фрейшюца и арии *Tu vedrai* изъ «Пирата», пѣтой господиномъ Поццоллини, вышла она подъ руку съ господиномъ Экертомъ. Вся зала огласилась оглушительными рукоплесканіями, о какихъ въ Европѣ не имѣютъ понятія. Это было совершенное изступленіе. Знаменитая пѣвица раскланялась во всѣ стороны, и зрители могли въ это время разглядѣть прекрасную ея наружность и великолѣпный нарядъ. Она была въ бѣломъ атласномъ платьѣ (*broché*) съ кружевами и амарантоваго цвѣта бантами, которое стоило въ Нью-Йоркѣ 1500 долларовъ (2250 рублей серебромъ). На шеѣ у нея была брилліантовая цѣпь дорогой цѣны. На груди блисталъ также большой брилліантъ; на рукахъ удивительныя браслеты.

Въ числѣ арій, ея англійская баллада; «*Home swelle home*» (Родина, прелестная родина!) произвела въ публикѣ настоящее бѣснованіе. Невозможно описать приѣма, сдѣланнаго пѣвицѣ. Никогда и никого еще не принимали такимъ образомъ. Сама госпожа Зонтагъ сознается, что изъ всѣхъ прежнихъ торжествъ нынѣшнее было самое великолѣпное. Впрочемъ, во всѣхъ своихъ объявленіяхъ не употребила она ни малѣйшаго шарлатанства, какимъ славился антрепренеръ Женни Линдъ, господинъ Барнумъ. Потому и должно ожидать, что восторгъ, возбужденный госпожею Зонтагъ, еще болѣе увеличится впоследствии.

Опера на островѣ Кубѣ. Оперная труппа на островѣ Кубѣ принадлежитъ къ отличнѣйшимъ. Театръ вмѣщаетъ въ себѣ отъ пяти до шести тысячъ зрителей, и равняется величиною съ лондонскимъ театромъ Королевы. Передняя часть ложъ и перегородки между ними состоятъ изъ сквозныхъ бронзовыхъ колоннъ, что придаетъ всей залѣ много великолѣпія. Весь партеръ состоитъ изъ разгороженныхъ и весьма спокойныхъ мѣстъ. Въ антрактахъ дамы гуляютъ позади ложъ, а кавалеры курятъ сигареты. Зимой 1850—1851 года была здѣсь отличная труппа: Госпожи Стефанони, Боцціо, (последняя неизвѣстна въ Европѣ, но очень хорошая пѣвица), Сальви, Марини, Беттино; къ этому присоединяется прекрасный оркестръ, дирижируемый Боттезини, однимъ изъ знаменитѣйшихъ скрипачей, послѣ Паганини.

Публика Кубы самая восторженная. Аплодируетъ и кричитъ *da capo* (повторить) самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Диллетанты бросаютъ своимъ любимцамъ на сцену голубей, украшенныхъ лентами, дублонами, привѣшенными подъ крыльями. Любопытно посмотрѣть, какъ здѣшніе денди привозятъ съ собою въ театръ цѣлыя корзины этихъ голубей и потомъ выпускаютъ ихъ. Иногда, двадцать, тридцать птицъ, слетаются вдругъ на сцену. Но каково-то ихъ ловить артисту.

новаго рода музыка. Двѣнадцать Нѣмцевъ даютъ въ Англіи концерты безъ всякихъ инструментовъ, играя ртомъ. Подражаніе трубъ,

скрипкѣ, флейтѣ и другимъ инструментамъ такъ вѣрно и хорошо, что, закрывъ глаза, можно ошибиться и вообразить, что слышишь настоящіе инструменты. Это еще первый примѣръ подобныхъ концертовъ. Музыкальное исполненіе вѣрно и отчетливо, но самые звуки нѣсколько глухи, похожи на то, когда военная музыка играетъ въ отдаленіи. Многіе слушатели сомнѣвались сперва, чтобъ музыканты играли однимъ ртомъ, но потомъ вполне удостовѣрились, что никакого другаго пособія не употребляется этими фокусниками новаго рода.

угольщикъ—музыкантъ. Извѣстный композиторъ Галеви издалъ недавно біографію Томаса Брейтона. Этотъ человѣкъ родился въ Англіи, въ 1654 году, отъ бѣдныхъ родителей, — и съ малолѣтства носилъ по улицамъ уголья въ мѣшкахъ на продажу. Въ Нортгэмптонѣ попалась ему въ руки старая скрипка тогдашняго устройства, называемая *viola di gamba*, а съ нею вмѣстѣ и нѣсколько церковныхъ нотъ. Это сдѣлало его музыкантомъ. Онъ пристрастился къ древней классической музыкѣ, переселился въ Лондонъ, и продолжалъ свое ремесло, то-есть, купилъ себѣ мѣшокъ, уголья и разносилъ ихъ по улицамъ крича: *кому угольевъ!* Доставая себѣ этимъ хлѣбъ, онъ пользовался однако же всякою свободною минутою, чтобъ заниматься музыкою. Слухъ о дарованіи его вездѣ распространился. Многіе захотѣли слушать его — и восхищались его игрою. Знаменитые люди приняли его въ свой кругъ, — и вмѣстѣ съ ними составилъ онъ первый музыкальный клубъ въ Англіи. Когда дѣла угольной торговли улучшились, онъ началъ давать концерты у себя на дому. Этого прежде никогда не бывало въ Лондонѣ; — всѣ стали посѣщать его. Но увѣ! не много народу могла помѣстить его концертная зала. Это былъ родъ чулана, гдѣ онъ ссыпалъ запасы угольевъ, узкій коридоръ, такой низкій, что въ немъ нельзя было стоять. Лѣстница была наружная и входъ довольно опасенъ. Сюда-то собирались богатѣйшіе лондонскіе жители, разряженные въ пухъ. Дамы высшаго круга, знаменитѣйшія красавицы, толпами съѣзжались къ угольнику. Между всегдашними его слушателями и покровителями были Болинброкъ и герцогъ Чандосъ.

Эти концерты продолжались тридцать лѣтъ (1678 до 1714 г.) то-есть, до появленія Генделя. Подъ конецъ Брейтонъ давалъ уже концерты въ наемной залѣ и за деньги, а именно: *по полшине въ годъ.*

Въ одномъ изъ этихъ концертовъ случилось съ нимъ происшествіе, которое было причиной его смерти. Одинъ изъ пріятелей его, Робъ, привезъ однажды съ собою гостя, который былъ чревовѣщатель. Посреди одного изъ лучшихъ музыкальныхъ нумеровъ, Робъ хотѣлъ *пошутить* съ Брейтономъ, и заставилъ чревовѣщателя сказать: «Брейтонъ! упавъ на колѣна и молись. Часъ твой пришелъ, ты долженъ умереть!» Брейтонъ такъ испугался, что дѣйствительно упалъ на колѣна и началъ молиться. Друзья бросились къ нему, чтобъ успокоить

его, но внезапный страхъ былъ такъ силенъ, что черезъ два дня Брейтонъ умеръ, на шестидесятомъ году.

Весь городъ провожалъ его гробъ. Онъ оставилъ вдовѣ своей одни музыкальныя сочиненія, но ихъ тотчасъ же стали продавать съ аукціона, — и купили за большія суммы.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Подводная лодка Пайерна. — Г. Пайернъ устроилъ лодку, въ которой нѣсколько черовѣкъ могутъ пробыть подъ водою въ продолженіе значительнаго времени. Она теперь въ Шербургѣ. Дѣланы были уже многіе опыты, — и одинъ изъ очевидцевъ говоритъ слѣдующее :

«Вся лодка изъ желѣза — и съ съ виду похожа на морскаго рака. Въ верхней части два кольца, къ которымъ привязывается веревка, для буксированія. Въ срединѣ находится люкъ, въ который люди входятъ и изъ котораго выходятъ. Девять чловѣкъ помѣщается на пространствѣ пятнадцати футовъ длины. Прочее мѣсто занято резервуарами сгущеннаго воздуха и гидростатическими регуляторами. — Лодка не имѣетъ средствъ къ движенію подъ водою. Она можетъ сама опуститься на дно и всплыветъ опять на верхъ, но чтобъ дойти до того мѣста, гдѣ должна она опуститься, надобно вести ее на буксирѣ. Лодка плаваетъ посредствомъ резервуаровъ сгущеннаго воздуха. Когда экипажъ, усѣвшись въ непроницаемое для воды пространство, начнетъ накачивать воду, лодка отяжелѣетъ и опустится. Воздухъ, которомъ люди дышатъ, очищается отъ угольной кислоты известью и поташемъ, продуваемыми мѣхами сквозь сито. — О самомъ подводномъ путешествіи рассказываютъ слѣдующее :

«Девять чловѣкъ вошли въ эту желѣзную клѣтку и захлопнули за собою люкъ. Одинъ, оставшійся на верху, чловѣкъ приклѣпляетъ люкъ, а сидящіе внутри даютъ знакъ. Экипажъ начинаетъ внутри работать, накачивая воду вмѣсто балласта, и лодка тонетъ.

Въ девять часовъ утра опустилась лодка на дно моря и оставалась тамъ до послѣ обѣда. Въ назначенный часъ всѣ зрители опять собрались, лодка поднялась изъ воды. Десятый подѣхалъ къ ней, вскочилъ на нее и отворилъ люкъ. — Всѣ выползли оттуда спокойно и неторопливо. Въ воздушномъ резервуарѣ запасу было достаточно на весь день — и экипажъ послѣ обѣда еще разъ опустился на дно.

Все это только первая попытка. Г. Пайернъ намѣренъ построить подводный пароходъ — и дѣло остановилось только за деньгами. До сихъ поръ онъ опускался только на глубину семьдесяти трехъ футовъ, — но онъ полагаетъ, что чловѣкъ удобно выдержитъ давленіе ста пятидесяти футовъ глубины; — для этого ему нужны только паровыя машины для сгущенія

воздуха. Ручная работа въ этомъ случаѣ недостаточна. Но на устройство машинъ тоже нужны деньги.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

Дикій мальчикъ. — Въ делійской газетѣ рассказываютъ слѣдующее замѣчательное происшествіе, за истину котораго ручаются. Въ разныхъ частяхъ Андаской области водится чрезвычайное множество волковъ, — и жители никогда не пытаются истреблять ихъ. Во-первыхъ потому, что большая часть гиндусскихъ племенъ питаютъ къ волкамъ особенное, суевѣрное уваженіе, — а во-вторыхъ, извѣстно, что когда волку удастся утащить ребенка, онъ его растерзаетъ у самаго входа въ свою пещеру, а ожерелья и украшенія, бывшія на ребенкѣ, оставляетъ тутъ же. Бѣдные жители съ жадностью караулятъ это похищеніе дѣтей волками, и собираютъ потомъ украшенія.

Около трехъ лѣтъ тому назадъ, одинъ кавалеристъ увидѣлъ однажды, близъ Султантура, большую волчицу, вышедшую изъ логовища съ четырьмя волчатами. Одинъ изъ нихъ былъ однакоже безъ шерсти. Разсмотрѣвъ его внимательнѣе, англичанинъ увидѣлъ, что это былъ мальчикъ, бѣгавшій на четверенкахъ, и бывшій, повидимому, въ величайшей дружбѣ со всѣмъ волчьимъ семействомъ. Всѣ они побѣжали къ ручью, и напившись, возвращались въ свою пещеру. Кавалеристъ пустился обгонять ихъ, но тѣ успѣли однакоже прежде добѣжать до пещеры и скрыться. Тогда солдатъ собралъ толпу крестьянъ и заставилъ ихъ разрывать пещеру. Вдругъ волчица съ волчатами выбѣжали и веѣ пустились по полю. Кавалеристъ успѣлъ на этотъ разъ обогнать ихъ, и заставилъ бѣжать назадъ. Тутъ ждала ихъ толпа крестьянъ — и мальчикъ былъ захваченъ. За прочими не погнались.

Мальчика привели въ деревню, но принуждены были связать его, потому-что онъ ежеминутно старался убѣжать. Старались заставить его сказать хотя слово, но напрасно, онъ только рычалъ, какъ собака. Взрослыхъ людей онъ боялся, но на маленькихъ бросался, стараясь укусить ихъ. Отъ варенаго мяса онъ съ отвращеніемъ отказывался, но съ жадностью ѣлъ сырое. Во-время ѣды не подпускалъ къ себѣ людей, но охотно раздѣлялъ пищу съ собаками.

Пять дней пробылъ кавалеристъ въ деревнѣ, и потомъ, по службѣ, отправился къ губернатору, которому донесъ обо всемъ. Тотъ велѣлъ привести къ себѣ мальчика и поручилъ его капитану Ричолету.

Тамъ ребенокъ прожилъ до августа 1850 года, то есть около лѣтъ. Во все это время онъ ни слова не выучился говорить, — и былъ всегда смиренъ. Онъ ворчалъ только, когда его дразнили.

Однажды схватился онъ за голову, — и сказалъ одно слово *пить*. Ему дали воды; стали спрашивать: — онъ, взявшись опять за голову, сказалъ: *болитъ*, — и умеръ.

Въ послѣднее время приучился онъ ко всякой пищѣ, но по прежнему любилъ однакоже больше всего сырое мясо; одежды ни зачѣмъ не хотѣлъ носить, даже въ величайшій холодъ. Однажды бросили ему, въ холодное время, одѣяло на ватѣ. Онъ разорвалъ его и по кусочкамъ всякій день ѣлъ его. Кости — составляли его лакомство. Онъ ихъ грызъ безъ труда. Иногда глоталъ землю и мелкіе камни.—Никогда не смѣялся и не улыбался. На слова, которыя ему говорили и на все, что вокругъ него происходило, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Съ дѣтьми не игралъ никогда и вообще не обнаруживалъ ни малѣйшей привязанности къ людямъ. Онъ только подружился съ одною собакою, которую вскорѣ потомъ нечаянно застрѣлили. Этотъ случай нисколько не огорчилъ его.

Его приучили къ нѣкоторымъ знакамъ. Когда онъ хотѣлъ ѣсть, то показывалъ на ротъ. Ходилъ онъ на четверенкахъ, но начиналъ уже ходить и какъ человѣкъ.

Это несчастное созданіе было узнано родителями, у которыхъ давно уже было похищено волчицею, но увидя въ какомъ состояніи находился мальчикъ, они съ отвращеніемъ бросили его. Когда онъ умеръ, ему было около двѣнадцати лѣтъ.

Приписка въ письмѣ. — Одна ирландка писала къ жениху своему, прося его о присылкѣ ей денегъ. Въ концѣ сдѣлала она слѣдующую приписку: «Мнѣ такъ было совѣстно безпокоить васъ подобною просьбою, что я было послала свою горничную взять назадъ письмо это съ почты. Къ сожалѣнію, оно уже было отправлено, и потому я не могу поправить своей ошибки».

Балъ богатаго скряги. — Однажды богатаго скрягу позвали на балъ. Хотѣли ли посмѣяться надъ нимъ, или огорчить его,—но онъ отказался и остался дома.

«Что такое балъ? — говорилъ онъ. Это кукольная комедія для большихъ дѣтей! Это безумное истребленіе драгоцѣннѣйшаго предмета въ свѣтѣ—денегъ. Это преддверіе къ сумасшедшему дому. Это непростительная глупость, это поводъ къ множеству болѣзней, это униженіе достоинства человѣка!» — Такъ рассуждалъ онъ, — и когда вечеръ насталъ, онъ опять вздумалъ о занятіяхъ гостей на балѣ. «Ну что они тамъ дѣлаютъ? Въ освѣщенной залѣ играетъ музыка, и какая!—въ которой музыканты мучатся, а не веселятся. Другіе же, разряженные въ золото и брильянты, прыгаютъ, чтобъ показать собесѣдникамъ свои богатства и возбудить въ нихъ зависть.... Все это я могу имѣть дома, у себя — и гораздо пріятнѣе».

Тутъ онъ зажегъ лампу, пошелъ въ свою кладовую, отперъ всѣ сун-

дуки, выложилъ брилліанты, золото, взялъ старую о двухъ струнахъ скрипку, заигралъ на ней—и пустился плясать. Ярко блистали брилліанты и золото. Съ любовью и восторгомъ посматривалъ скряга на эти сокровища, улыбался—и продолжалъ играть и плясать.

Наконецъ онъ утомился, отеръ струи пота, катившіяся по лицу, уложилъ все на прежнее мѣсто, повѣсилъ скрипку, загасилъ лампу—и пошелъ спать.

— Спокойной ночи, милые мои гости, сказалъ онъ, прощаясь съ своими сокровищами. Вотъ и у насъ былъ балъ. Только поумнѣе всѣхъ свѣтскихъ баловъ. Мы ничего не истратили, не наѣлись, не напились, завтра голова у насъ не будетъ болѣть. Мы никому не завидовали, никого не злословили, ни передъ кѣмъ не кланялись, никому не выражали не бывалыхъ чувствъ. Намъ было очень весело. Прощайте.

Писатель и фабрикантъ. Недавно одинъ пріѣзжій изъ Парижа извѣстный писатель обѣдалъ у префекта въ провинціи, и плѣнилъ все общество своимъ умомъ, любезностію и веселостію. Когда встали изъ-за стола одинъ богатый фабрикантъ подошелъ къ нему и осыпалъ его комплиментами.

— Я никогда не видалъ ни одного писателя, сказалъ онъ, и признаюсь, воображалъ, что они также скучны, какъ ихъ книги, которыхъ впрочемъ я не читаю, но вы меня привели въ восторгъ. Вы такъ любезны, такъ веселы...

— Очень радъ, что имѣлъ счастье вамъ понравиться, отвѣчалъ писатель съ нѣкоторою прониюю...

— Дѣло не въ томъ, продолжалъ фабрикантъ: мнѣ вотъ что пришло въ голову. Я богатъ и часто даю обѣды. Самъ префектъ у меня обѣдаетъ, но признаюсь вамъ, у меня всегда скучно. Теперь-же у меня и жена больна. Хочу на дняхъ дать опять обѣдъ. Пріѣзжайте ко мнѣ и повеселите компанію, а пуще всего, пожалуста, развеселите мою жену, которая все скучаетъ. Это вамъ вѣрно, нетрудно будетъ... Согласны? по-рукамъ?...

— Очень радъ, — сказалъ писатель чрезвычайно серьезно. Но вы конечно знаете мои условія!...

— Какія? — спросилъ фабрикантъ съ удивленіемъ.

— Вы живете своею фабрикою, я своимъ умомъ, ибо мы получаемъ за это деньги. Я привыкъ смѣшить и веселить компанію, — и за это получаю условную плату.

— Какую же?...

— По двѣ тысячи франковъ за вечеръ. Я вырабатываю именно эту сумму въ одинъ вечеръ.

Фабрикантъ поклонился и пошелъ прочь. Префектъ видѣлъ этотъ разговоръ, и подойдя къ фабриканту, сказалъ:

— Я вижу, что вы ужь познакомились съ нашимъ парижскимъ гостемъ. Неправда-ли, какъ онъ милъ и любезенъ....

— Да! только дорого беретъ за это.

Префектъ въ свою очередь, удивился этому отвѣту—и пошелъ къ литератору за отгадкою. Тотъ разсказалъ ему свою шутку — и бѣдный фабрикантъ сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ.

Исторія одной муфты. — Однажды зимою 1793 года молоденькая хорошенькая женщина проходила по Пале-Ройялю; походка и станъ ея были такъ очаровательны, что все книгопродавцы и купцы оставляли свои лавки, чтобы полюбоваться ею и проводить ее глазами.

Эта женщина останавливалась довольно часто и покупала журналы, осторожно складывала ихъ и прятала въ свою муфту; потомъ заходила въ книжныя лавки, спрашивала современные брошюры, и такъ же прятала въ муфту.

Молодая женщина, обратившая на себя всеобщее вниманіе, была дѣйствительно хороша собою. Очеркъ ея лица имѣлъ чистоту греческаго типа; превосходные бѣлокुरые волосы отгнѣняли розовую бѣлизну ея кожи. Но что болѣе всего отличало ее отъ другихъ,—это гордая походка и благородная грація ея движеній.

Пройдя дворецъ и нѣсколько улицъ, которыя, повидимому, она хорошо знала, молодая женщина вышла на площадь Бастиліи и остановилась на нѣсколько минутъ у дома довольно бѣдной наружности, занимавшаго одинъ уголъ площади. Она медленно поднялась на лѣстницу и прошла четыре этажа. Этотъ домъ и эта лѣстница были очень знакомы несчастнымъ.

Домъ и лѣстница принадлежали доктору Субербіелю, имя котораго осталось въ наукѣ, какъ имя знаменитаго хирурга. Онъ долго былъ единственнымъ во всей Европѣ операторомъ каменной болѣзни.

Изабелла Вальнавъ — такъ звали прекрасную, молодую женщину, постучала въ дверь доктора Субербіеля. Въ лучшіе дни ея жизни, когда семейство ея занимало великолѣпный домъ на островѣ Сен-Луи, она просила знаменитаго доктора лечить отца ея, который проводилъ послѣдніе дни въ ужасныхъ мученіяхъ. Достоинства молоденькой дѣвушки всегда прельщали доктора, который находилъ въ ней много здраваго ума и твердый характеръ.

Изабелла де-Вальнавъ просила теперь о позволеніи посѣтить одного изъ заключенныхъ въ Форъ-Левекъ. Субербіель имѣлъ главный надзоръ надъ всеми тюрьмами Парижа.

Получа позволеніе, Изабелла сейчасъ-же отправилась въ темницу.

При могущественной и извѣстной подписи Субербіеля, всѣ двери отворялись, всѣ затрудненія исчезали: но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ, при видѣ этой женщины, были поражены ея необыкновенною красотою, только одинъ тюремщикъ бросилъ подозрительный взглядъ на прекрасную посѣтительницу.

Гракхъ, такъ звали тюремщика, былъ изъ числа полудикихъ натуръ, которыя имѣють особенное чутье — узнавать опасности, имъ угрожающія.

Онъ не смѣлъ остановить Изабеллу, но тайное предчувствіе говорило ему, что присутствіе этой женщины готовить ему несчастье. Онъ проводилъ ее, не говоря ни слова, въ высокій корридоръ, гдѣ находился № 114, который она хотѣла посѣтить.

Когда большой ключъ два раза прозвучалъ въ плотномъ замкѣ, и тяжелая дверь отворилась съ глухимъ скрипомъ, тюремщикъ увидѣлъ, что посѣтительница и плѣнникъ бросились другъ-другу въ объятія и долго оставались въ такомъ положеніи; онъ почувствовалъ дрожь при этой картинѣ.

Плѣнникъ № 114 былъ красивый молодой человекъ лѣтъ 25-ти. Его влажные и блестящіе глаза доказывали что онъ любитъ страстно предметы, къ которымъ привязывался. Его звали Гастонъ де-Ванье.

Гастонъ былъ поэтъ. Онъ писалъ письма, въ которыхъ горячо порицалъ партію Робеспьера. Одно изъ этихъ писемъ, написанное краснорѣчиво, доставило ему случай войти въ сношенія съ Изабеллой Вальневъ, бывшею придворною дамою королевы Маріи Антуанеты. Гастонъ и Изабелла видѣлись почти каждый день. Частыя сношенія сблизили ихъ, они сдѣлались друзьями и скоро полюбили другъ-друга; любовь ихъ основана была на уваженіи.

Черезъ нѣсколько времени, Изабелла и Гастонъ не могли жить другъ безъ друга. Они видѣлись утромъ, они видѣлись вечеромъ, а часто проводили и цѣлые дни вмѣстѣ. Весьма обыкновенный случай уничтожилъ это счастье: Гастонъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму, гдѣ провелъ три дня въ совершенномъ одиночествѣ. Не кому было высказать грусть и любовь; не было у него даже ни одной книги, надежнаго повѣреннаго нашей горести. Дѣятельныя разысканія Изабеллы открыли его тюрьму; она нашла случай проникнуть въ нее.

Въ-продолженіе трехъ дней, она только и думала о Гастонѣ; его имя ни на минуту не выходило у ней изъ головы. Зато сколько чувства выразилось въ этомъ первомъ поцѣлуѣ, въ этихъ объятіяхъ...

Наконецъ, они снова заговорили, сѣли на скамейку, и рука въ руку и не спуская глазъ другъ съ друга, они долго говорили.

— Скажи мнѣ, милый Гастонъ, эти три дня показались ли они тебѣ безъ меня безконечны?

— Это были три вѣка! Дай же мнѣ теперь посмотрѣть на твои чуд-

ные глазки. Я въ правѣ дѣлать это послѣ грехъ вѣковъ ужаснаго испытанія, этихъ трехъ дней тоски и томленья; но ты со мной; я счастливъ.

— Другъ мой я должна буду скоро уйти, а чтобы у тебя достало терпѣнія ждать завтрашняго дня, я принесла тебѣ книгъ и журналовъ.

— Изабелла! Ты рѣшилась сдѣлать это, зная чему подвергаешься? О, какъ я люблю тебя!

— Завтра я опять приду, и буду ходить каждый день. Когда меня не будетъ здѣсь, ты разсѣешься, читая книги.

И молодая женщина вынимала изъ муфты всѣ книги и газеты, которыя купила. Она вынула также нѣсколько тоненькихъ листковъ писчей бумаги, нѣсколько перьевъ и карманную чернильницу.

Каждую вещь онъ принималъ съ лаской, съ поцѣлуемъ.

Но когда Изабелла вынула наконецъ большой кусокъ полотна, который приготовилась пришить подъ скамейку, чтобы тамъ прятать всѣ эти сокровища, Гастонъ не могъ удержать крика радости и удивленія.

— Добрая Изабелла, сказалъ онъ съ чувствомъ, ты все предвидѣла.

Работа только что была кончена и скамья поставлена на свое мѣсто, какъ Гракхъ отворилъ дверь и удалилъ посѣтительницу. Его взглядъ былъ не такъ суровъ; онъ даже старался смягчить свой голосъ.

Вѣрная своему слову, Изабелла пришла на другой день, и какъ и вчера, она принесла съ собою журналы и книги. Въ слѣдующіе дни было тоже самое.

Такимъ-образомъ Гастонъ терпѣливо переносилъ свое заточеніе. Въ присутствіи Изабеллы, онъ забывалъ свою тюрьму и несчастія и думалъ только о своей любви. Когда съ нимъ не было молодой дѣвушки онъ читалъ журналы, писалъ къ своей милой страстные письма или стихи.

Десять дней прошло такимъ-образомъ; счастливая муфта спасала плѣнника отъ скуки; день ото дня библіотека его увеличивалась, и день ото дня Изабелла внушала всѣмъ тюремщикамъ болѣе уваженія и довѣренности.

На четвертый день четвертой декады Изабелла и Гастонъ дружно разговаривали въ тѣсной кельѣ заключеннаго, когда къ нимъ вошелъ Гракхъ.

Онъ, по принятому обыкновенію, пришелъ осморѣть постель заключеннаго.

Какъ описать, что происходило въ сердцахъ молодыхъ людей, когда они увидѣли, что Гракхъ готовится исполнить свои обязанности.

Изабелла первая пришла въ себя. Неизбѣжная опасность внушила ей ту внезапную рѣшимость, которую находятъ только женщины въ минуты опасности.

Гракъ, перебирая солому, нашель въ ней вещи, и его страшный взглядъ сверкалъ молніей.

Когда же онъ увидѣлъ книги, его злоба вышла изъ границъ.

— Я это зналъ! закричалъ онъ, поднеся къ свѣту одну за другою записки Изабеллы. Я это зналъ; отъ такихъ людей всего можно ожидать. Но будьте спокойны! Гракъ все видитъ и исполнитъ свою обязанность! Я объявлю объ этомъ начальству, и съ вами поступитъ по закону.

— А съ чего ты взялъ, любезный, вскричала торопливо Изабелла, съ гордымъ негодованіемъ посмотрѣвъ на тюремщика, что книги и письма эти принадлежатъ Гастону? Развѣ они не могли принадлежать кому-нибудь изъ заключенныхъ, находившихся прежде въ этой комнатѣ? Умѣешь-ли ты читать, чтобы видѣлъ, когда писаны эти записки?

Гракъ принадлежалъ къ числу людей совершенно безграмотныхъ. Изабелла это знала: она продолжала.

— И притомъ первый виновникъ всего ты самъ, потому-что противъ правилъ пропускалъ въ тюрьму всѣ книги; я сама принесу жалобу на тебя, какъ на человѣка недостойнаго и неисполняющаго свою должность. Мнѣ повѣрятъ, потому-что меня знаютъ, и берегись тогда, Гракъ, ты погибнешь за то, что допустилъ принести сюда всѣ эти книги.

Гастонъ ничего не говорилъ.

Гракъ былъ уничтоженъ словами молодой женщины. Тогда Изабелла, какъ-будто желая скорѣе привести въ исполненіе свой планъ, встала, и простясь съ своимъ другомъ, пошла къ двери. Гракъ остановилъ ее, заперъ дверь, и упавъ на колѣна передъ ней, началъ говорить умоляющимъ голосомъ:

— Гражданка, не погубите несчастнаго отца семейства; сжаьтесь надо мной; войдите въ мое положеніе: у меня двое дѣтей и жена; безъ меня, они потеряютъ все. Я ихъ содержу только своимъ жалованьемъ. Начальство не проститъ моей оплошности. Не погубите Грака, и онъ вамъ будетъ преданъ! Я самъ спрячу эти книги такъ, чтобы и слѣдовъ ихъ не осталось.

— Нѣтъ продолжала Изабелла, все еще съ гнѣвомъ, но голосомъ, замѣтно смягченнымъ: я на это несогласна! Если ты сдѣлаешь все, что я тебѣ прикажу, въ такомъ только случаѣ я спасу тебя.

— Говорите, я на все готовъ.

— Во-первыхъ, ты никому не долженъ говорить, что нашель здѣсь книги. Я каждый день буду брать нѣсколько изъ нихъ съ собою и уносить въ муфтѣ, такъ, что въ нѣсколько дней онѣ всѣ исчезнутъ.

Гракъ принялъ предложеніе Изабеллы.

Каждый день она уносила нѣсколько книгъ; но такъ какъ всегда приносила новыя, то количество ихъ не уменьшалось.

Между-тѣмъ покровительство Субербіеля не ограничилось для Изабеллы позволеніемъ посѣщать тюрьму. Онъ разобралъ дѣло Гастона и увидѣлъ, что молодой человекъ болѣе былъ неосмотрителенъ, нежели преступенъ. И потому, не жалѣя трудовъ, стараній и времени, онъ хлопоталъ Гастону свободу. Гастонъ женился на Изабеллѣ, и добрый докторъ, сидя за столомъ, между двумя супругами, находилъ неизъяснимое удовольствіе любоваться на счастливецъ, обязанныхъ ему своимъ счастіемъ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Одиннадцатаго октября. — Освященіе бывшей придворной церкви въ селѣ Измайловѣ. — *Общественная жизнь*: зима, собранія и балы, публичные и частныя. — *Татары*: новости русской сцены; нѣкоторыя замѣчанія; нѣкоторыя старыя пьесы; нѣкоторыя ожиданія: новости французской сцены. — *Литература*: новыя книги; романъ г. Угр—ва — Статья «Московскихъ Вѣдомостей». — Три книжки «Москвитянина»; Программа «Москвитянина». — О г. Григорьевѣ.

Одиннадцатаго октября нынѣшняго года исполнилось сорокъ лѣтъ выступленію изъ Москвы Наполеона и двунадесяти языкъ. День этотъ, столь славный, столь достопримѣчательный, былъ достойно отпразднованъ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, графомъ А. А. Закревскимъ, который былъ полковникомъ гвардіи во-время нашего народнаго эпоса. Всѣ оказавшіеся въ Москвѣ на лицо сподвижники 1812 года, по его приглашенію, отелушали обѣдню въ Чудовомъ-монастырѣ, послѣ которой совершенъ былъ благодарственный молебенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему дому, вѣчной памяти Императору Александру I, и многолѣтія русскому воинству. Въ три часа по полудни былъ у генераль-губернатора обѣдъ, за которымъ присутствовало девятьсотъ пятьдесятъ-девять участниковъ дѣлъ незабвеннаго года. Были въ этомъ числѣ и нынѣ служащіе савновники и почетныя лица, были и отставные воины всѣхъ чиновъ, отъ высшаго до низшаго. Иные, согбенные старостію, другіе изувѣченные ранами, кто безъ глаза, кто безъ руки, иные даже слѣпыя, которыхъ привели сюда и кормили за столомъ товарищи: большинство явилось въ военныхъ мундирахъ, немногіе въ гражданскихъ, двое — въ одеждѣ

ратниковъ, съ крестомъ на шапкѣ: нѣкоторые оказались сослуживцами Суворова, Потемкина, Каменскаго; одинъ солдатъ насчиталъ себѣ сто двадцать лѣтъ. Картина была умилительная!

Распространяться о гостепріимствѣ и радушіи хозяина и хозяйки, о ихъ вниманіи къ каждому изъ гостей прекраснаго пѣра, я считаю совершенно излишнимъ... Кому неизвѣстно это гостепріимство!

Во-время обѣденнаго стола Александръ-маршъ и Триумфальный маршъ, извѣстная бородинская пѣсня «*Что не соколы крылаты*» и другая «*Къ ружью, друзья!*», исполненныя военною музыкою и пѣтыя полковыми пѣсенниками, сладко потрясали сердца ветерановъ воспоминаніями Бородина, Малоярославца, Краснаго, Березины, Лейпцига, Люцена, Бауцена и... воротъ Парижа... А надъ всѣмъ видимымъ, сколько еще незримыхъ, но неизгладимыхъ изъ исторіи, тѣней доблестнаго *прошлаго* носилось въ этотъ часъ подъ счастливымъ кровомъ. Но тѣмъ пріятнѣе, конечно, было вспоминать его, среди торжества мирнаго, всѣмъ свидѣтелямъ и дѣятелямъ героической эры; тѣмъ пріятнѣе и каждому изъ насъ, не участвовавшихъ въ подвигахъ народной войны, сказать и себѣ и другимъ: труды и дѣла сегодняшніе и спокойствіе, которымъ наслаждаемся мы въ настоящемъ, не усыпляютъ въ русскомъ сердцѣ благороднаго чувства къ прошлому, — и не блѣднѣетъ у насъ отъ времени уваженіе къ дѣйствительно-славнымъ страницамъ народной исторіи!...

Деятнадцатаго октября происходило другое торжество въ подмосковномъ селѣ, Измайловѣ. Я говорю объ освященіи возобновленнаго иждивеніемъ здѣшнихъ почетныхъ гражданъ, А. П. Русинова и Д. Л. Тулупова, храма Измайловской военной богадѣльни.

Зданіе, гдѣ находится нынѣ церковь пріюта для престарѣлыхъ воиновъ, соединяетъ въ себѣ не мало историческихъ воспоминаній. Такъ въ ней, при нѣкогда бывшемъ царскомъ дворцѣ, слушивали нерѣдко литургію, иногда вечерни и всенощныя, Цари Θεодоръ и Іоаннъ Алексѣевичи, Императоры Петръ I и Петръ II, Императрицы Анна и Елисавета. Въ 1812 г. и церковь, поврежденная еще при Екатеринѣ молніею, и дворецъ, пострадали до того отъ непріятеля, что съ-той-поры въ церкви не совершалось богослуженіе, а колокола съ колокольни были перенесены въ село Ивановское. Нынѣ Государю Императору благоугодно было возстановить въ быломъ его видѣ храмъ родовой отчины Романовыхъ, присоединивъ къ прежнимъ ея памятникамъ еще одинъ новый, «военную богадѣльню». По волѣ Государя, Покровскій соборъ, сооруженный Царемъ Θεодоромъ въ 1639 году, возстановленъ въ прежнемъ видѣ. Теперь помянутые ревнители святыни, гг. Руси-

новъ и Тулуповъ, еще возобновили, благолѣпно и въ старинномъ вкусѣ, исподній храмъ прежняго Измайловскаго дворца.

И такъ, 19 октября, въ день, памятный битвою подъ Колоцкимъ монастыремъ (близь Бородина), было совершено освященіе этого возобновленія. Предсѣдателемъ торжества, послѣдовавшаго за божественной службой, былъ и на этотъ разъ графъ А. А. Закревскій, покровительствующій измайловскому пріюту. За обѣденнымъ столомъ, устроеннымъ для почетныхъ посѣтителей, занимали мѣста и оберъ-офицеры богадѣльни. Призрѣваемые нижніе чины, обѣдавшіе въ той-же столовой, были въ числѣ двухъ-сотъ.

Два эти событія, два трогательныя празднества, достаточно показываютъ отношенія къ Москвѣ ея нынѣшняго градоначальника, котораго имя останется навсегда въ лѣтописяхъ древней столицы, рядомъ съ именами графа Ѳ. А. Ростопчина и князя Д. В. Голицына.

...Можетъ-быть, не всѣмъ также извѣстно, что графу же Закревскому Москва обязана повсемѣстнымъ водопроводомъ. Фонтаны, которые теперь устроены на всѣхъ площадяхъ, отдаленныхъ отъ рѣки, и которые снабжаютъ городъ, всегда страдавшій отъ безводія, мытищенскою водою, его заботливости обязаны своимъ существованіемъ, и одни могли бы послужить достаточнымъ памятникомъ его управленія нашею столицею.

Общественная жизнь наша, наружная и внутренняя, начавшая по немногу пробуждаться съ сентября, какъ и знаютъ читатели изъ предыдущаго «Вѣстника», теперь оживаетъ съ нѣскольکو бѣльшею силою. Главною причиною тому зима, всегдашняя и стародавняя виновница ощутительнаго переворота въ годовомъ существованіи русскихъ городовъ. Снѣгъ лежитъ у насъ съ первыхъ чиселъ октября; почти съ того-же времени установился и зимній путь, а съ половины мѣсяца термометръ почти и не поднимался выше 15°. Сначала, этотъ ранній, даже и для нашего климата, холодъ обошелся не безъ неудобствъ и жалобъ: пропорхнули гриппы, кашли и иныя простуды; проснулись ревматизмы, которые, быть-можетъ, въ другомъ случаѣ и продремали бы; огородники не успѣли выбрать всего изъ грядъ. Метеорологи предсказывали, что снѣгъ сойдетъ, потому-что онъ до того въ-расплохъ застигъ всю природу, что не далъ и листьямъ какъ слѣдуетъ осыпаться... Но теперь нѣтъ въ зимѣ сомнѣнія ни у кого. Москва закуталась въ шубу и летаетъ себѣ въ санкахъ, какъ можно только летать въ санкахъ.

Балы, собранія, вечерніе съѣзды, публичныя и частныя, исподволь начались. Нѣмцы, по обыкновенію, созываютъ въ свой клубъ по вос-

кресеньямъ, кущи въ свое собраніе по четвергамъ. У первыхъ инымъ бываетъ нескучно; у вторыхъ вообще все очень хорошо. Театральные бенефисы, и слѣдовательно и новости, бѣльшею частію постоянно сопряженныя съ первыми, какъ сказано, начались еще въ сентябрѣ, а теперь продолжаются.

Въ октябрѣ поставлены здѣсь въ первый разъ слѣдующія пьесы: «Мужъ не мужъ, жена не жена», оперетка въ двухъ дѣйств.; «Бархатная шляпка», вод. въ 1 д.;—«Л^д 470-й или три тысячи рублей серебромъ», вод. въ 1 д.;—«Буря въ стаканѣ воды», ком. въ 1 д.;—«Любовь артиста», др. предст. въ 3 д., В. Вонлярлярскаго;—«Идеалы», ком. въ 1 д. В. Маркевича;—«Русская свадьба въ пеходѣ XVI вѣка», др. предст. изъ жизни нашихъ предковъ, въ 3 отд., П. Сухонина;—«Искренняя любовь, или милый дороже счастья» («Щыра любовь, либа мылый дороже счастья»), ориг. др. въ 3 д. съ эпилогомъ, въ малороссійскихъ правахъ, Грицки Основьяненко передѣлан. для москов. сцены А. Островскимъ;—«Ни тотъ, ни другой», комед. въ 1 д., граф. Е. Растопчиной;—«Сорочинская ярмарка, или Грицко и Параша», малор. вод.—интерм. въ 1 д., взятый изъ повѣсти Гоголя.

Нѣсколько словъ по поводу этихъ драматическихъ новинокъ.

Оперетта «Мужъ не мужъ, жена не жена» — вещь, которая забылась, безъ сомнѣнія, всѣми, вслѣдъ же за паденіемъ занавѣса. «Бархатная шляпка» и «Буря въ стаканѣ воды» — очень недурныя пьесы, «Искренняя любовь» или вовсе не шла къ русской сценѣ, или куда неловко и небрежно передѣлана; я выражаюсь нерѣшительно, оттого, что не читалъ пьесы покойнаго Основьяненки въ оригиналѣ, и слѣдовательно, не знаю, на сколько вообще виноватъ въ ней г. Островскій; но виноватъ онъ въ частности, въ чрезвычайно неестественномъ языкѣ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Неприятный мелодраматическій колоритъ разлитъ на всей пьесѣ «Искренняя любовь». «Любовь артиста» и «Ни тотъ, ни другой» — вещи, принадлежащія авторамъ, о которыхъ не однократно было говорено въ нашемъ журналѣ. На этотъ разъ, каковы бы ни были уваженіе «Пантеона» къ таланту граф. Растопчиной и довольно большая уже извѣстность г. Вонлярлярскаго, я не могу не высказать моей совершенной увѣренности, что ни граф. Растопчина, ни г. Вонлярлярскій не рѣшились бы выставить своихъ именъ подъ названными пьесами, не находясь въ великодушномъ порывѣ сдѣлать по бенефисному подарку. Даровому же коню — кто въ зубы смотритъ?.. «Идеалы» г. Маркевича можно бы назвать довольно ловкою передѣлкою изъ Октава Фелье, еслибъ г. Маркевичъ, для своего перваго драматическаго и литературнаго дебюта, не обнаружилъ претензій на современность московскую, слишкомъ яркую и черезъ-

чурь частную. «№ 470 или три тысячи рублей серебромъ», водевиль, известный читателямъ «Пантеона». О «Русской свадьбѣ» было говорено самимъ редакторомъ, вслѣдъ за ея появленіемъ на петербургской сценѣ. Здѣсь пьеса г. Сухонина поставлена очень хорошо, идетъ согласно, и до-сихъ-поръ привлекаетъ въ театръ зрителей.

Изъ перечня названныхъ мною пьесъ видно, что объ игрѣ въ нихъ актеровъ—говорить было бы трудно. Между-тѣмъ, мнѣ хотѣлось бы сказать кое-что по этой части, лежащее у меня на душѣ — впрочемъ, все-таки не касаясь тѣхъ пьесъ.

По возвращеніи изъ Петербурга Щепкина, давали «Женитьбу», и «Ревизора», и «Горе отъ ума.» Я бываю въ театрѣ почти исключительно въ дни первыхъ представлений, да во-время приѣздовъ къ намъ петербургскихъ артистовъ. Но что касается до «Ревизора», «Горе отъ ума» и «Женитьбы», я до-сихъ-поръ не пропускалъ этихъ пьесъ почти ни разу, и конечно, въ вознагражденіе за мой прочія театральныя ощущенія, выношу изъ представленія этихъ вполне національныхъ созданій самое полное эстетическое наслажденіе, котораго сила надо мною не слабѣетъ... Я уже говорилъ, что эти пьесы исполняются здѣсь очень хорошо, а изъ нихъ «Женитьба» превосходно. Последнія же представленія «Горе отъ ума» «Ревизора» и «Женитьбы», въ которыхъ я напрягалъ мое вниманіе болѣе обыкновеннаго, принесли мнѣ одно разочарованіе — грустное, конечно, но котораго давно ожидать слѣдовало: Щепкинъ — не теряя силы постиженія, жара въ игрѣ, любви и уваженія къ своему искусству, старѣется физически... И это чрезвычайно замѣтно для насъ москвичей, которые помнимъ его въ тѣхъ же роляхъ за годъ, за два, за семь лѣтъ!

Въ «Ревизорѣ» же видѣлъ я г. Шумскаго въ роли Хлестакова. Шумскій очень поверхностно изучилъ эту роль, о чемъ нельзя не пожалѣть, особенно потому, что въ «Ревизорѣ» сильно замѣтенъ недостатокъ настоящаго Хлестакова. До г. Шумскаго играли здѣсь эту роль гг. Ленскій и Самаринъ, и оба—неудовлетворительно: г. Ленскій, прежде всего, слишкомъ старъ для нея, да и понялъ онъ ее какъ-то водевильно; г. Самаринъ былъ въ ней лучше, но самъ покойный авторъ говорилъ о г. Самаринѣ: «Нѣтъ, не такого хотѣлъ я Хлестакова; Самаринъ—мальчикъ, котораго (въ первыхъ сценахъ въ трактирѣ) жалко каждому, а мой Хлестаковъ, когда выйдетъ на сцену, всякій бы сказалъ: по дѣломъ тебѣ, разбойникъ!— и не далъ бы ему ни гроша....» И такъ, вы видите, мы все-таки безъ Хлестакова, и лучшимъ, донынѣ, исполнителемъ этой роли все-таки остается, по преданію, покойный Дюръ...

Относительно роли Чацкаго, я знаю многія лица, которыя недо-

вольны въ ней Самаринымъ. Признаюсь, я и самъ ему не слишкомъ въ ней сочувствую и не скрываю отъ себя нѣкоторыхъ важныхъ его недостатковъ; но кто видѣлъ въ Чацкомъ г. Каратыгина 1, или, что еще лучше, г. Полтавцева или Максимова 1, тотъ не рѣшится произнести противъ г. Самарина и полслова!...

Г. Садовскій давалъ въ свой бенефисъ, весь составленный изъ старыхъ пьесъ, извѣстную пьесу покойнаго Н. Ильина: «Великодушіе или рекрутскій наборъ». На такія возобновленія, при бѣдности нынѣшней драматической литературы, еще сѣтовать не должно....

Г-жа Косицкая, къ сожалѣнію, слабѣетъ съ каждой новой ролью; г. Васильевъ мало занимается своимъ дѣломъ, и все болѣе и болѣе вдается въ фарсы; г. Полтавцевъ.... Недавно было напечатано, и подписано именемъ г. Григорьева, что г. Полтавцевъ *намыренъ* *приняться за серьезныя роли*, и сыграетъ намъ Шейлока!

Поводомъ къ этому объявленію послужила, впрочемъ, новость очень интересная, которую общають къ бенефису г-на Самарина: «Комедія ошибокъ» Шекспира. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ жду я этого новаго перевода и желаю ему отъ души быть хоть сколько-нибудь сносно все того, что переведено у насъ изъ Шекспира для сцены.

Въ бенефисъ г-на Шумскаго должна идти новая оригинальная комедія «Выгодная женитьба или купецъ лабазникъ», неизвѣстнаго досихъ-поръ автора.... Наконецъ, ставится комическая оперетка, или опера-водевиль, въ двухъ дѣйствіяхъ, Н. В. Сушкова, подъ названіемъ: «Сюрпризы». Совершенно новая къ ней музыка написана г. г. Иоганнисомъ, Верстовскимъ, Варламовымъ, (вѣроятно потомкомъ или однофамильцемъ покойнаго романсера) Славикомъ, Дмитріевымъ и княземъ Урусовымъ; нѣкоторые, слышанные мною нумера, очень недурны по своему назначенію, и сценическая блеска г. Сушкова, при хорошихъ исполнителяхъ, вѣроятно будетъ имѣть успѣхъ; хотя подобный-же «Сюрпризъ» г. Великопольскаго, съ музыкою талантливѣйшаго нашего композитора, О. О. Геништы, лѣтъ двадцать тому, испыталъ совершенно иную участь. Будетъ говорить, также поставлена комедія того же г. Сушкова *.... На французской сценѣ поставлены

---

* Къ слову. Г. Сушковъ, какъ знаютъ читатели, издатель благотворительнаго, литературнаго и историческаго альманаха «Раутъ». Въ «Раутѣ» 1852 г. есть чрезвычайно интересные историческіе матеріалы, которые я рекомендую вниманію читателей; таковы: *Воспоминанія о П. И. Аверинѣ*, съ нѣкот. приложеніями: *Письма Храповицкаго къ Аракчееву и Аракчеева къ Храповицкому*; *Рапорты Екатерины* отъ разныхъ лицъ. *Картины русскаго быта* встарину, Н. В. Сушкова. Кромѣ того, любители стихотвореній найдутъ въ «Раутѣ» и стихи, изъ которыхъ нѣкоторые подписаны извѣстными въ лите-

слѣдующія новыя пьесы: *Le mari d'une jolie femme*, com.—vaud. en 1 a. ar *Saint-Yves et Choler*; — *Le château de Coetaven*. com.—vaud. en 1 a., p. *Galoppe d'Onquaire et Besselière*; — *Le bougeoier*, com. en 1 a. et en prose, p. *Clément Caraguet*; — *Le château de Grantier*, dr. en 5 a. et en prose, p. *Auguste Maquet*; — *La mendiante*, dr. en 5 a. et en prose, p. *Anicet Bourgeois et Michel Masson*; — *Un monsieur qui prend la mouche*, com. mêlée de coupl., en 1 a., p. *Marc-Michel et Labiche*; — *Les sept femmes de Barbe-bleu*, lég. tragi-com. en dix minutes, p. *Nariadan Barberousse*. — Самое живое во всѣхъ этихъ пьесахъ имена сочинителей, почти всѣ до-сихъ-поръ еще мало извѣстныя. Исключеніемъ служатъ имена гг. Анисе Буржуа и Мишеля Массона; исключеніе составляетъ и ихъ драма, которая смотрится съ интересомъ, и дѣйствительно того заслуживаетъ.

И вотъ мы у параграфа литературы. Съ удовольствіемъ предупреждаю читателя, что сегодня будетъ о чемъ поговорить, такъ или иначе; это мы увидимъ.

Книгъ новыхъ не то, чтобы много. Я назову: 14-ю книгу «Временника Императорскаго Московскаго Общества Истории и Древностей Рос-

---

ратурѣ нашей именами. Я списываю, въ доказательство, стихотвореніе графини Растопчиной:

«ХРАМЪ СВ. ПЕТРА, ВЪ ВЕЧЕРЪ СТРАСТНОЙ ПЯТНИЦЫ».

Я видѣла тебя, о дивный храмъ,
Въ торжественные дни, когда владыка Рима
Царемъ богослужилъ, и ты, неизмѣримый,
Былъ весь сіянье.... пѣснь.... молитва... . гиміамъ!

Я видѣла тебя, когда передъ небесной
Смирялась власть земли, колѣно преклоня!...
И праздникъ былъ такъ свѣтлъ, великъ, что мнила я
Онъ міра лучшаго прообразъ намъ чудесный!

Но нынѣ я вхожу и трауръ алтарей,
Безъ службы, безъ креста, безъ пѣнья, безъ огней...
Молчанье... ужась!.. все о чашѣ намъ Христовой,

Все о Ряснятомъ намъ такъ живо говорить,
Скорбитъ такъ искренно, что душу страхъ тѣснить...
И краше стала ты, святая сѣнь Петрова!..

Это писано въ 1846 году.... Есть въ «Раутѣ» стихотворенія Э. Тютчева и интересные юношескіе опыты г. Долина.

сійскихъ»; «Проекты фасадовъ и плановъ, для строенія домовъ и другихъ разнаго рода построекъ, во вновь принятомъ вкусѣ», архитектора Кутенова, изданіе, которому нельзя не радоваться, къ которому, быть-можетъ, обратятся наши деревенскіе хозяева строители, что, конечно, было бы чрезвычайно для нихъ полезно и произвело бы хоть исподволь отрадное видоизмѣненіе въ деревенскихъ постройкахъ домовъ, досихъ-поръ основанныхъ по бѣльшей части на произволѣ и вкусѣ людей, вовсе незнакомыхъ съ законами архитектуры; — «Теорическая и практическая пиротехнія или искусство дѣлать фейерверки»; «Жизнь пережить не поле перейти», романъ въ двухъ частяхъ г. Угр...ва. Я не могу не радоваться и роману г-ну Угр...ва: онъ какъ нельзя яснѣе доказываетъ, что у насъ въ книжномъ производствѣ произошелъ успѣхъ, и что изданія, не такъ давно еще называвшіяся *кирилловскими* и *смирновскими*, теперь печатаются довольно благообразно, на бѣлой бумагѣ и въ типографіи Готье, одной изъ лучшихъ въ Москвѣ. Что-же касается да содержанія этой «Жизни», которую, изволите видѣть, «пережить не то, что поле перейти», то она не лишена своего рода интереса. Я постараюсь убѣдить въ томъ двумя образчиками философскихъ воззрѣній автора.

Первый образчикъ:

«Мы люди! это доказано, какъ дважды два; потомъ еще доказано, что у человѣка есть голова, языкъ, руки, и проч., что головой думаетъ, конечно, не всякій, языкомъ болтаетъ, ругается, а руками пишетъ, пьетъ вино, закусываетъ и дерется. Вотъ вамъ на лицо великій человекъ; конечно, если всѣ сказанныя добродѣтели соберутся въ одномъ, то онъ непременно долженъ-быть великимъ, а по бѣльшей части, раздѣлено такъ: если въ одномъ много одной добродѣтели, то недостаетъ другой; а въ другомъ на оборотъ; на этомъ-то собственно и держится равновѣсіе рода человеческого.» (Часть 2, стр. 116).

Другой образчикъ:

«Конечно у нихъ не было уже ни тѣхъ вечеровъ съ блескомъ, громомъ и шарканьемъ, ни тѣхъ визитовъ, которыми полна жизнь смотрящихъ въ аристократію, но по чему-то не посвященныхъ; зато у нихъ былъ хорошій обѣдъ съ добрымъ виномъ; первая часть, какъ часть хозяйственная, была въ совершенной исправности у доброй Кривлиной. Вторая, ни по какимъ правиламъ, ни по какимъ законамъ, не подходящая подъ управленіе женщины, какъ первая часть; потому-что у женщины, всяческое почтеніе имъ, *нѣтъ того чутья*, которымъ одаренъ мужчина, конечно тоже не всякій, однако большая половина,

чтобы проникнуть въ красивую, полную бутылку, привѣтливо смотрѣвшую на васъ золотистымъ билетомъ, но вкусъ которой, подъ замкомъ еще хуже за печатью, и надо именно много чутья, чтобы вынюхнуть оттуда хоть каплю благовонной, *дарящей всякому великія минуты* въ жизни, эссенціи, вторая часть стола, какъ сказалъ я, была еще исправнѣе, потому что была въ рукахъ Якова Омича, какъ человѣка опытнаго, а это много значить! Не правда-ли?» (Часть 2, стр. 819).

Совершенная правда! Безусловная правда! И все такая-же правда въ сочиненіи г. Угр...ва, какъ и выписанные здѣсь образчики. Считаю лишнимъ увѣрять, что я списалъ обѣ цитаты, не измѣнивъ въ нихъ ни іоты, не дотронувшись ни до одного знака препинанія: уваженіе мое къ оригинальному дарованію г. Ггр...ва слишкомъ велико и слишкомъ должно быть понятно каждому.

И такъ, вы видите, что на тернистой тропинкѣ фельетониста попадаются и розы!...

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» есть статья г. Данилевскаго: «Хуторокъ близъ Диканьки», въ которой есть нѣкоторыя свѣдѣнія о покойномъ Гоголѣ. Слѣдуетъ съ этой точки зрѣнія рекомендовать ее будущимъ біографамъ поэта, но многія мѣста статьи заставляютъ думать, что у г. Данилевскаго, между множествомъ правды, есть также много и поэтической фантазіи. Къ чему, напр. отнести слѣдующій фактъ?

«Однажды онъ (Гоголь) бродилъ въ раздумьи по набережной Невы, и увидѣлъ пароходъ, готовый отойти въ Любекъ. Въ тотъ день онъ получилъ отъ матари полторы тысячи рублей ассигнаціями, для взноса по имѣнію въ Опекунскій Совѣтъ. Онъ взялъ на эти деньги билетъ на пароходъ, и на другое же утро уѣхалъ за границу». (Московск. Вѣдомос. № 124).

Очень также мелодраматиченъ у г. Данилевскаго бывшій лакей Гоголя, старикъ малороссъ, съ своими слезами по Пушкинѣ и разными рассказами!...

По-моему, чрезвычайно странно сообщать такимъ-образомъ матеріалы для біографіи замѣчательныхъ людей своей земли. Не велика еще бѣда, не во гнѣвъ г. Новому Поэту, когда фельетонистъ какой-нибудь, говоря о перчаткахъ и сапогахъ, обѣ иллюминаціяхъ и устрицахъ, заносится подъ облака на своемъ Пегасѣ; но когда писатель дотрогивается до жизни другаго писателя, да еще такого, на котораго обращено вниманіе, тутъ нужна большая осторожность и глубокая увѣренность въ истинѣ каждаго слова, которое пишешь. Я полагаю, что съ этимъ мнѣніемъ согласятся многіе.

Обращаю вниманіе читателей на помѣщенные въ «Московскихъ Вѣ-

домостяхъ» превосходныя статьи г. доктора Смирнова «О русской народной медицинѣ»... Остается сказать о «Москвитянинѣ», который въ октябрѣ подарилъ насъ тремя книжками, № № 18, 19 и 20. Одинъ знаменитый математикъ, удивительно-быстро считающій въ умѣ, доказываетъ, что мы теперь будемъ получать тридцать-шесть книжекъ московскаго журнала вмѣсто двадцати-четырехъ; но я подожду обѣщать это читателямъ до времени. Къ-тому-же, я подхожу сегодня къ «Москвитянину» съ такимъ удовольствіемъ, какъ, быть-можетъ, не случилось еще ни разу подходить. Виною того гг. Минъ и Щербина.

Второй помѣстилъ въ № 10 прекрасную лирическую сцену. «Ифигенія въ Тавридѣ». Послушайте Ифигенію:

У прибоевъ я чуждаго моря стою....
 Непривѣтно холодное море!
 Я печальную пѣсню пою,
 Вспоминая отчизну мою,
 И твержу я: — О, горе мнѣ! горе!

Занесло меня, юную птичку, сюда,
 На утесы, дыханье борея,
 Оторвавъ отъ роднаго гнѣзда...
 Я Аргосскаго неба звѣзда,
 Я отцовскаго сада лилея?

И рабыней у варваровъ царская дочь!..
 Здѣсь другіе и люди и море,
 И страшна здѣсь туманная ночь..
 Я не въ силахъ судьбы превозмочь,
 И твержу я: — о, горе мнѣ! горе!

А когда-то, о когда-то
 Я цвѣла въ тѣни дворца,
 Гдѣ колоннами богата
 Золоченая палата
 Скиптроноснаго отца,
 Гдѣ стоятъ боговъ кумиры,
 И несутся звуки лиры
 Вдохновеннаго пѣвца...

Помню, то давно бывало,
 Какъ я съ матерью вдвоемъ
 Ткать любила покрывала,
 И на нихъ изображала
 Олимпійцевъ челнокомъ.

Пробудившись, грудь и вѣжды
 Освѣжала я водой,

И ходила мыть одежды
Вешней утренней зарей

Легкокрылою погою
Зыбкихъ водъ касалась я
И Инахъ передо мною,
Волнъ одѣтый чешуею,
Пресмыкался, какъ змѣя,
Обвивая пѣной ясной
Полноту ноги прекрасной,
А потомъ и всю меня.

Я съ подругой хохотала
Мячикъ на воду бросала,
И его намъ подавала
На хребтѣ своемъ рѣка.»

По неволѣ и не безъ сожалѣнія прерываю я выписку — на превосходной, пластической метафорѣ. Противъ всей *Ифигеніи въ Тавриду* сказать рѣшительно нечего. Я не знаю на русскомъ языкѣ ничего подобнаго. Примѣчанія къ этой сценѣ, приложенныя г. Щербиной, очень интересны, и показываютъ, что авторъ старался перенести въ русскую поэзію «то строгое соотношеніе между содержаніемъ и метромъ, которое существуетъ въ греческой трагедіи «Ифигенія въ Тавриду», Эврипида, гдѣ, какъ говоритъ онъ — каждое состояніе духа принимаетъ особенный, свойственный ему ритмъ въ стихѣ, каждый отдѣлокъ чувства и мысли переходитъ въ соответствующій его свойствамъ размѣръ». И это исполнено, какъ до-сихъ-поръ не исполнялъ никто.

Г. Минъ помѣстилъ отрывокъ изъ Байронова «Донъ—Жуана», котораго онъ переводитъ чрезвычайно близко, хотя не вездѣ изящно.

Отрывокъ, избранный г. Миномъ, одинъ изъ лучшихъ въ подлинникѣ. Это «Гибель испанскаго корабля Santa Trinidad». Я принужденъ выписывать на выдержку:

Надежда вновь блеснула имъ. Свѣтало,
И вѣтеръ стихъ. Безъ мачтъ и парусовъ
Корабль ихъ плылъ; вокругъ море бушевало
По отмелямъ; не видно береговъ.
Сіянье дня отраднo оживляло
Безплодныя усилія моряковъ:
Кто посильнѣй, спускался въ нижній ярусъ
Качать насосъ, кто послабѣй — шилъ парусъ.

И подъ корабль опущенъ парусъ былъ,
Казалось съ пользой временной для судна,

Хоть, правда, ждять спасенья безъ вѣтриль,
 Безъ мачтъ и съ течью было бь безразсудно,—
 Все жь дучше биться до послѣднихъ силъ,
 А утонуть намъ никогда не трудно.
 Къ тому жь, хотя однажды умирать,
 Кому пріятно въ морѣ утопать?

Никто не зналъ, куда ихъ вѣтры гнали,
 Бросая въ морѣ противъ воли ихъ.
 Ужь кораблемъ они не управляли;
 Всегда въ трудахъ, въ покоѣ ни на мигъ,
 Несчастные напрасно начинали
 Постройку мачтъ: никто не зналъ изъ нихъ,
 Продержится ль корабль другія сутки;
 Онъ плыть то плыль, но плыль не такъ, какъ утки.

Быть можетъ, вѣтръ и сносенъ былъ-бы; но
 Ихъ судно такъ ужасно пострадало,
 Что больше плыть ужь не могло оно;
 Къ тому жь и зло другое угрожало:
 Въ водѣ нуждались ужь они давно,
 А море даль туманомъ застилало:
 Ни берега, ни лодки не видать;
 Кругомъ лишь море; вотъ и ночь опять.

И снова буря; волны вновь вздымались:
 Ужь въ оба трюма прибыла вода.
 Но моряки и тутъ еще казались
 Спокойными, и даже иногда
 Отважными, пока не разорвались
 Въ насосахъ цѣпи: ихъ корабль тогда
 Былъ въ власти волнъ, а власть стихіи злобной
 Какъ у людей — въ войнѣ междоусобной.

Самъ того не замѣчая, я списалъ подрядъ пять строфъ. Онѣ даютъ достаточное понятіе о переводѣ г. Мина. Да не удивить кого-нибудь видимая холодность стиха: нѣтъ вообще ничего холоднѣе стиха Байрона, при всѣхъ его достоинствахъ; въ «Донъ-Жуанѣ» же эта холодность еще ощутительнѣе, нежели въ другихъ произведеніяхъ Байрона. Надо-всѣмъ холодно смѣется благородный лордъ-поэтъ, надо всѣмъ шутить онъ — надъ жизнью, какъ надъ своимъ стихомъ, который ему, дѣйствительно, достается шутя.

Два эти произведснія, сцены г. Щербины и переводъ г. Мина, безспорно, лучшее изъ всего, что написано въ нынѣшнемъ году стихотворцами «Москвитянина». Самъ собою рождается вопросъ: какая надобность журналу, при возможности имѣть подобныя вещи хоть одинъ разъ въ годъ, печатать на своихъ страницахъ и стихотворенія, о которыхъ была у насъ рѣчь не разъ и которыя служатъ только неисто-

щимымъ матеріаломъ изумленія и глумленія для журналовъ и для читателей?

Но мнѣ непременно хочется еще возвратиться къ г-ну Мину. Англійскій поэтъ Денгамъ говоритъ о другомъ англійскомъ поэтѣ Каули (Couley): «Не было того автора, котораго не зналъ-бы онъ, но между-тѣмъ все, что ни писалъ онъ, принадлежало ему самому: онъ не обобралъ ни ума Горациева, ни величія Виргиліева, ни соревновалъ тому и другому, — и когда онъ хотѣлъ явиться подобнымъ имъ, ихъ поступъ и манеру принималъ онъ, но не костюмъ. «—У г. Мина замѣтны тѣже свойства: грѣхъ будетъ г-ну Мину, при его знаніи англійскаго языка и русскаго и при такой власти надъ стихомъ, не подарить русскою литературѣ, не только полнаго перевода «Донъ-Жуана», который она теперь вправѣ ожидать отъ него, — но и перевода всего Байрона.

Относительно повѣсти г. Писемскаго «*М. Батмановъ*» начатой еще въ № 17, а конченной въ № 18, я бы готовъ былъ ограничиться двумя-тремя словами, то-есть сказать, что и это произведеніе представляетъ живой разговоръ, бойкія сцены и... повтореніе, съ нѣкоторыми варіаціями, темъ, приглядѣвшимся читателю подъ перомъ г. Писемскаго. Но я этимъ ограничиться не долженъ, потому-что въ «*М. Батмановъ*», то-есть, и въ повѣсти, и въ героѣ этого имени, есть новизны гиперболическія.

Вообразите себѣ... но, позвольте, я ужъ лучше выпишу.

Вотъ сцена, происходящая на балѣ:

— «Послушайте, Капринскій, что это вы за низости дѣлаете? прибавилъ Батмановъ, — обращаясь съ серьезнымъ лицомъ къ Никандру Иванычу.

— Что такое? спросилъ тотъ съ безпокойствомъ.

— Да какъ-же что такое? Въ чужомъ фракѣ ѣздите въ общество! Капринскій поблѣднѣлъ; дама его съ удивленіемъ открыла глаза, и рѣшительно не понимала, что все это значить.

— Взялъ у меня фракъ, и ѣздитъ въ немъ — говорилъ Батмановъ, обращаясь къ Надеждѣ Алексѣвнѣ. Та покраснѣла и *потупилась*; Капринскій готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Что такое? Фракъ мой! проговорилъ онъ.

— Вотъ хорошо; вы еще запираетесь? Это, милостивый государь, на воровство похоже; *сейчасъ же извольте снять мое платье.* Pardon, madame, что я употребляю такія средства противъ вашего кавалера: мнѣ фракъ самому нуженъ.

Надежда Алексѣвна вышла изъ кадрили.

— Послушайте, Михайло Матвѣичъ, что это такое? я не понимаю.

Кажется все́мъ извѣстны наши дружескія отношенія: можно шутить между собой, но въ обществѣ... говорилъ растерявшійся Капринскій.

— Кто же васъ зналъ, что вы его присвоите себѣ?

— Но какъ это возможно? Вы сами знаете причину; неужели вы сомнѣваетесь? Я его завтра же вамъ возвращу.

— Сдѣлайте милость, возвратите: я васъ о томъ только и прошу.

Между-тѣмъ, все́ почти замѣтили, что Надежда Алексѣвна вышла изъ кадрили, и что между Батмановымъ и Капринскимъ затѣвается какая-то исторія.

— Что такое вашъ кавалеръ? спрашивали ее многіе.

— Я и сама не знаю: онъ въ чужомъ фракѣ, Батмановъ требуетъ своего фрака — отвѣчала она со слезами на глазахъ.

Нѣкоторые смѣялись, другіе пожимали плечами; около пріятелей образовался кружокъ.

— Помилуйте, господа, говорилъ Батмановъ, обращаясь къ нѣкоторымъ мужчинамъ: взялъ у меня фракъ, не присылаетъ и ѣздитъ въ немъ въ общество. Имѣю ли я право снять съ него, гдѣ мнѣ угодно?

— По-моему, кажется, имѣете, — проговорилъ вполголоса одинъ изъ гостей.

— Чего тутъ кажется — возразилъ Карповъ — дѣло ясно: вы, Капринскій, должны, сейчасъ же отдать фракъ.

— Помилуйте, господа, вникните въ мое положеніе. Я признаюсь, что фракъ ихъ, но я взялъ его на время. Прошу васъ, господинъ Батмановъ, прекратите вашу шутку: я благородный человѣкъ; за чѣмъ же вы хотите меня дурачить? говорилъ Капринскій.

— Не надѣвайте чужихъ фраковъ: во всякомъ случаѣ, господинъ Батмановъ правъ — замѣтилъ Карповъ.

— Извольте *сейчасъ* снять мой фракъ: въ противномъ случаѣ я во всеуслышаніе объявлю, что вы его у меня украли! — произнесъ твердымъ голосомъ Батмановъ.

— Но, послушайте, что-же это?... — бормоталъ Капринскій, и пошелъ изъ залы. Батмановъ, вмѣстѣ съ молодыми людьми, последовалъ за нимъ.

— Господи, Боже мой! я просто уничтоженъ! — вскричалъ въ отчаяніи Никандръ Ивановичъ, войдя въ буфетъ и бросившись на диванъ.

— Снимайте фракъ! — повторилъ Батмановъ, вставши передъ пріятелемъ съ сложенными руками и нахмуреннымъ лбомъ. — Господа, — продолжалъ онъ, обращаясь къ зрителямъ, — растолкуйте ему, что онъ

долженъ мнѣ сейчай-же возвратить мою собственность, если хочетъ остаться честнымъ человѣкомъ.

— Если вы, Капринскій, рисковали надѣть чужое платье, то должны были и ожидать, что съ васъ могутъ его снять, гдѣ вздумается — замѣтилъ статскій молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Въ Z... точно такая-же была исторія — подхватилъ Карповъ. — Тамъ, въ казино, одинъ пріятель снялъ съ другаго сапоги.

— Такъ, неужели же вы думаете, господа, что у меня нѣтъ платья? — гораздо болѣе, чѣмъ у него. Я самъ его одолжалъ; онъ самъ былъ мнѣ долженъ полтора ста рублей, да я никогда и не говорилъ! — вскричалъ вышедшій изъ себя Капринскій.

— Вы обязывали меня, и получили свое, а я теперь свое взыскиваю, — отвѣчалъ Батмановъ. — Не такъ-ли, господа? — прибавилъ онъ.

— Совершенно-справедливо — отвѣтили все почти зрители.

— Человѣкъ, принеси сюда Никандра Ивановича шубу — сказалъ Батмановъ. — Снимайте, cher Капринскій, что намъ ссориться изъ-за пустяковъ.

Шубу принесли; Капринскій вскочилъ, какъ полоумный, сдернулъ съ себя фракъ, и надѣвши шубу, заднимъ ходомъ выбѣжалъ изъ буфета. — Хохотъ разразился между зрителями.

— Мегсі, Батманомъ: вы удивительную штуку выдумали сыграть съ этимъ идіотомъ, — сказалъ молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Я признаюсь, всегда удивлялся, какъ вы можете терпѣть его около себя — вмѣшался сидѣвшій въ буфетѣ гость съ рыжими усами.

— Онъ и съ вами былъ друженъ — замѣтилъ ему Карповъ.

— Очень-недолго? — возразилъ тотъ.

— Какъ недолго? Вмѣстѣ продали Казину шестерыхъ безногихъ лошадей.

— Извините, ошибаетесь: я въ этомъ совершенно не участвовалъ.

— Будто? а я, по простотѣ, думалъ, что вы вмѣстѣ обдѣляли это дѣло.

— Иванъ! — крикнулъ Батмановъ — возьми себѣ фракъ: я не въ состояніи буду его надѣть послѣ этого болвана. — *Дай намъ полдюжины шампанскаго. Voulez-vous messieurs?*

— Праздновать изгнаніе Капринскаго — замѣтилъ молодой человекъ въ очкахъ.

— Не беспокойтесь: онъ завтра-же всюду явится — сказалъ кривой.

Собесѣдники пировали, по-крайней-мѣрѣ, до шести часовъ утра, Михайль Матвѣичъ разсказалъ нѣсколько своихъ происшествій въ родѣ послѣдняго. Въ прославленіе его геройскихъ подвиговъ предложень былъ тостъ, и единодушно выпить... («Москвитянинъ». № 18, отд. I. стр. 62).

Непомѣрная длинота этой выписки, кажется, достаточно извиняется совершенно-необыкновеннымъ ея содержаніемъ. Но, боги Олимпа! гдѣ это мы? Не у готтентотовъ-же! но и тамъ, въ какое кругосвѣтное путешествіе ни загляните, подобныхъ сценъ въ обществѣ не случается.

Тѣмъ не кончаются, однакожь, эсцентричности нашего автора. Далѣе, въ слѣдующей главѣ повѣсти, я боюсь еще выписывать — одна дама требуетъ отъ своего *cavalier servante*, обиженнаго Капринскаго, и требуетъ настоятельно, *чтобы онъ далъ Батманову пощечину при всѣхъ, и убѣждалъ...* (Тамъ-же стр. 74).

Въ одной не такъ давно напечатанной въ «Москвитянинѣ» повѣсти было сказано, что «повѣсти въ петербургскихъ журналахъ пишутся для горничныхъ, а въ другомъ мѣстѣ, что романъ Панаева написанъ для кауферовъ». Что-же скажутъ теперь, прочитавъ подобныя сцены въ «Москвитянинѣ» — московскія барышни и не кауферы?

Но спрашивается, чего можно достигнуть, изображая подобныя лица въ такомъ наружно карикатурномъ видѣ? Чего ожидаютъ отъ подобнаго творчества юные московскіе писатели? Они имѣютъ въ умѣ одно лицо, а изображаютъ другое, да еще, изображая его, берутъ только смѣшное, внѣшнее, или представляютъ ужъ такія вещи, которыя къ первому ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ видомъ относиться не могутъ. Въ кого-же они мѣтятъ, чего они думаютъ достигнуть?... Что М. Батмановъ дурень — никто противъ того ни слова, но вѣдь М. Батмановъ совсѣмъ не Батмановъ: въ дѣйствительности онъ неучъ, поцавшій на балъ по какимъ-нибудь имъ однимъ извѣстнымъ причинамъ, — или это человекъ, вырвавшійся изъ дома сумасшедшихъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, гдѣ стрѣла въ франта, члена опредѣленнаго общества, человека пустаго, фальшиво-развитаго, и проч? Гдѣ его краски? А барыня, тре-

бующая, чтобы господинъ, за нею ухаживающій, далъ другому пощечину и бѣжалъ? Не кухарку-же хотѣли изобразить тутъ?

Чрезвычайно-интересны — здѣсь это замѣтить кстати — женскіе идеалы авторовъ произведеній, подобныхъ *М. Батманову*, граціозныя Ребеки, Форнарины, Гретхены, Татьяны, и т. д. изящныхъ фантазій беллетристовъ этого совершенно новаго направленія. Всѣ эти женскіе, воздушные образцы, разумѣется, чистая, непосредственная натура; иначе и быть имъ нельзя: и эти воздушные типы, эти идеалы, эти головки, о которыхъ не смѣлъ мечтать какой-нибудь Діаць, за сто верстъ пахнуть гвоздичной помадой и утюгомъ, не признаютъ ничего выше инстинктивнаго влеченія сердца... и до-смерти любятъ ватрушки.

Когда рѣзба на мѣди сдѣлаетъ на Руси успѣхи, достойные успѣховъ подобной литературы, что за чудную «галерею женщинъ» нынѣшнихъ московскихъ беллетристовъ можно будетъ издать въ свѣтъ!..

Если говорится здѣсь все это, такъ потому именно, что досадно и больно видѣть подобные взгляды у писателей съ дарованіемъ, къ которымъ нельзя не причислить и г. Писемскаго ..

Ну, а если мы ошибаемся съ вами, читатель? Если мы не понимаемъ вовсе смыслъ *міросозерцанія* г. Писемскаго и другихъ? Если, напримѣръ, намъ докажутъ, что именно вотъ въ этой-то повѣсти, которая намъ кажется столько странною, таится именно то *новое слово*, которое г. Григорьевъ отыскивалъ въ «Бѣдной невѣстѣ» г. Островскаго и котораго въ «Бѣдной невѣстѣ», по справкамъ и приговору экспертовъ, не оказалось?..

Что-жь, подождемъ: быть можетъ, доживемъ и до этого!

...Забавная мысль пришла мнѣ въ голову — ни къ селу ни къ городу. Я выражу ее въ формѣ вопроса. Случалось ли вамъ, читатель, видѣть, какъ какой-нибудь господинъ, врагъ *порядочности и опрятности*, ненавистникъ свѣтской жизни, свѣтскихъ обычаевъ и манеръ, презирающій и свѣтскаго мужчину и свѣтскую женщину, внезапно и неожиданно попадаетъ въ гостиную, въ свѣтское общество? Замѣчали-ли вы при случаѣ, какое уопительное впечатлѣніе производитъ на подобнаго господина освѣщеніе, убранство, благовоніе, словомъ, вся обстановка хорошаго дома? А если есть тутъ женщины, да которая-нибудь изъ нихъ подастъ нашему господину руку, замѣчали-ли вы, какъ легко тигръ обращается въ ягнен-

ка? Какіе глаза дѣлаются въ этомъ случаѣ у инаго отчаяннаго врага свѣтскости и приличій, хоть будь онъ даже геній, передъ которымъ преклоняется не только самъ онъ, но и цѣлый кружокъ пріятелей, все людей болѣе или менѣе геніальныхъ? А это въ обществѣ встрѣчаешь сплошь да рядомъ. Тутъ невольно вспомнишь басню Крылова: «Лисица и виноградъ».

Въ 18-мъ № Москвитянина есть разсказъ *Богатая тетушка*, г. Сумарокова, довольно-забавный; скученъ немножко благополучный конецъ разсказа. *Воспоминаніе о Брюлловѣ*, г-жи Ростовской, въ той же книжкѣ, конечно не стоить воспоминаній г. Рамазанова, и напомнило мнѣ — надѣюсь, что это не покажется обиднымъ г-жѣ Ростовской — манеру герцогини Абрантесской: жена славнаго маршала въ своихъ мемуарахъ также любила говорить о Наполеонѣ, какъ говорить о Брюлловѣ русская писательница, то-есть, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ честь ее знать и ходить къ ней въ гости. Это не помѣшало г-жѣ Ростовской разсказать и нѣкоторыя занимательныя черты изъ жизни нашего художника, и привести нѣсколько интересныхъ и характеристическихъ его выходокъ, выраженій и проч.

Дань памяти Жуковскаго и Гоголя, г. Стурдзы (№ 20) есть новая дань автора своей собственной особѣ, хотя и предупреждаетъ онъ, съ чрезвычайно-тонкимъ смиреніемъ, послѣ небольшого аполога, гдѣ рѣчь о «плющѣ, обвивающемъ могучія развалины», — что, въ смиренной долѣ своей, любить и онъ обнимать мыслью и сердцемъ созданія и жизнь опередившихъ его по пути въ вѣчность, *дорогихъ спутниковъ*, конечно не съ тѣмъ, чтобы привить негромкое имя свое къ благотворной ихъ знаменитости, но по какому-то неодолимому влеченію души, привыкшей искать и находить утѣшеніе въ прошедшемъ.

Что же это доказываетъ, однакожь? Ровно ничего. Можно называться Монталамберомъ и попасть во Французскую Академію, это мы знаемъ: отчего же, позвольте спросить, г. Стурдзѣ не считать себя русскимъ литераторомъ наравнѣ съ *дорогими спутниками*. Жуковскимъ и Гоголемъ? Изъ двухъ другихъ статей «Москвитянина» о Жуковскомъ, одна перепечатана изъ «Москвитянина» же, за который-то изъ прошлыхъ годовъ; другая не сообщаетъ ровно ничего.

Иностранная беллитристика наполнена романомъ Мери — *Андре Шенье*. А что за переводъ — прелесть!

Мое опредѣленіе въ службу, г. Тимковскаго, (историко-лите-

ратурный *матеріалъ* будто-бы!) заключаетъ въ себѣ много интереснаго.

Г. Сунитовъ написалъ въ № 20 ужасную *критику* на Журавлевку, мѣстность близъ Харькова.

Что сказать о программѣ «Москвитянина» на 1853 годъ. Главная и преобладающая черта, разумѣется, благородная скромность. Въ силу этого объявляется, напр. что «главнѣйшая цѣль статей «Москвитянина» объ иностранной литературѣ — установить самобытный русскій взглядъ на первенствующихъ дѣятелей литературы иностранной, и показать, какой урокъ могутъ дать ихъ произведенія искусству нашему. Помѣщенная въ нынѣшнемъ году статья Т. И. Филиппова можетъ служить образчикомъ статей этого рода». — Въ статьѣ, на которую указываетъ программа, самъ г. Филипповъ признается очень наивно, что онъ судитъ о Теккереѣ единственно по «Пенденнису», переведенному г. Веденскимъ.

Далѣе въ программѣ сказано, что картинки модъ для «Москвитянина» будутъ иллюминировать самъ Жюль-Давидъ «*первый мастеръ этого дѣла*». Не особенное ли это счастье? Даже и для парижскихъ-то журналовъ эти картинки иллюминируютъ десятилѣтнія дѣвочки, *enlumineuses*, а для «Москвитянина» надъ каждымъ экземпляромъ картинки будетъ трудиться живописецъ, «первый мастеръ этого дѣла», Жюль-Давидъ. Но если цѣлая фабрика иллюминированія работаетъ надъ сотнею картинокъ цѣлый день, то спрашивается: сколько же дней долженъ употребить на нее одинъ живописецъ?

При первой книжкѣ 1853 года подписчики «Москвитянина» получаютъ безденежно, въ видѣ преміи,—это не я говорю, а объявленіе — «Русскій историческій альбомъ», который долженъ состоять изъ слишкомъ четырехъ-сотъ автографовъ, и обѣщаетъ быть интереснымъ.

Я не сказалъ ничего о критикахъ и библиографахъ «Москвитянина», по обыкновенію. Но одно по этой части обязанъ я сообщить читателю къ надлежащему свѣдѣнію: разборы «Пантеона» пишетъ г. Григорьевъ, какъ самъ онъ объявляетъ въ своей «Лѣтописи Московскаго театра». Въ одной изъ прошлыхъ книжекъ «Москвитянина», наприм., онъ смѣется надъ тѣмъ, что «Пантеонъ» помѣстилъ у себя статью г. Арсена Гуссе: «Живопись во Франціи во времена Людовина XVI, Республики и Имперіи», и прибавляетъ: «то-ли дѣло, какъ писалъ о живописи старикъ Дидро?» Мнѣ очень совѣстно, я даже краснѣю, но я по-неволѣ долженъ спросить г. Григорьева: могъ-ли писать Дидро о Давидѣ и Прюдонѣ, которые жили полувѣкомъ позднѣе его и были наши современники? Кромѣ-того, отчего бы г. Григорьеву, если такъ уже недоволенъ онъ былъ г-мъ Арсеномъ Гуссе, не указать «Пантеону», откуда брать ему извѣстія и данныя объ искус-

ствахъ во Франція въ послѣднее время. Русскихъ источниковъ, сколько я знаю, чрезвычайно мало. Есть, правда, у насъ «Письма изъ Парижа» напечатанные въ «Москвитянинѣ», но «Пантеону» ими пользоваться не приходится; у «Пантеона» совсѣмъ инныя убѣжденія, иной взглядъ на вещи, и иначе читаетъ онъ нѣкоторое, сколько мнѣ извѣстно. Такъ, наприм., авторъ «Писемъ изъ Парижа» читаетъ: отшельники Пале-Ройяля, — симфонія Луи-Давида, картины Адольфа Адана, пейзажи Ораса Верне. «Пантеонъ» читаетъ: отшельники Поръ-Ройяля, симфонія Фелисьена Давида, — картины Виктора Адана, — пейзажи Жозефа Верне, потому-что «Пантеонъ» знаетъ, что въ Пале-Ройялѣ всего много, кромѣ отшельниковъ, что Луи-Давидъ живописецъ и музыки никогда не писалъ, а Адольфъ Аданъ композиторъ оперъ, а не живописецъ, и что пейзажистъ былъ Жозефъ Верне, а Орасъ Верне батальный живописецъ.

Но давнымъ-давно довольно. Желая здоровья г. Григорьеву, «Москвитянину» — и моему долготерпѣливому читателю.

Корреспондентъ «Пантеона».

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ЛИТЕРАТУРА.

Октябрьская книжка «Современника». — Бѣдность по отдѣлу словесности. — Безконечная Энеида. — Разказъ, который можетъ не понравиться читателю. — Какъ «Современникъ» слѣдитъ за современностью. — Последнія книги «Отечественныхъ Записокъ». — Испушеніе повѣсть В. Крестовскаго. — Статья о среднихъ цѣнахъ. — Неимѣніе мѣста въ «Отечественныхъ Запискахъ» — Разборъ Космоса и Областнаго Словаря. — Новая фантазія Графини Растопчиной. — Характеръ Нины. — Г-жа Лейла и ея новая повѣсть. — Стихотворенія г. Ильи Болтина въ «Библіотекѣ для чтенія» — Критика этого журнала, непризнающая критики. — Похожденія одного степнаго помѣщика, начавшіяся забавно, кончающіяся драматически, или комедія, превращенная въ мелодраму. — Музыка. — Моды.

Передъ нами пять книгъ нашихъ журналовъ, о которыхъ мы должны отдать отчетъ читателямъ, «Отечественныя Записки» и «Библіотека для Чтенія» за октябрь и ноябрь и октябрьскій номеръ «Современника», ноябрьскій еще не выходилъ въ то время, когда мы пишемъ эти строки.

Начнемъ однакоже съ него нашъ обзоръ современной журналистики, и начнемъ, къ сожалѣнію, не похвалою: отдѣлъ Словесности очень слабъ въ этомъ номерѣ. Коротенькая повѣсть: «Яковъ Яковличъ» неудовлетворительна ни по содержанію ни слогу. Это какая-то скучная исторія о старомъ учителѣ, влюбляющемся въ семнадцатилѣтнюю дѣвушку, которая, однакоже, соглашается выдти за него замужъ. Учитель умираетъ отъ радости при извѣстіи объ этомъ согласіи, — и исторія оканчивается. Все это очень незанимательно и неправдоподобно. Русская литература не приобрѣла ничего въ «Ульянѣ Терентьевнѣ» и «Яковѣ Яковличѣ».

Въ этой же книгѣ помѣщено окончаніе романа сѣверо-американскаго писателя Натаніеля Гоуторпа «Домъ о семи шпихахъ.» Гоуторпъ писатель весьма замѣчательный, но изъ него можно было бы выбрать что-нибудь получше для перевода. «Домъ о семи шпихахъ» произведеніе весьма слабое, и таинственный элементъ, играющій въ немъ такую важную роль, только вредитъ нѣкоторымъ занимательнымъ подробностямъ разсказа, впрочемъ, весьма немногочисленнымъ. Помѣщена также въ этомъ отдѣлѣ «одинадцатая пѣснь Энеиды». Мы перестали упоминать о шершавомъ переводѣ этой поэмы, дѣлавшемся съ каждою пѣснью все нелучше. Въ доказательство тяжелаго и неправильнаго языка этого перевода, приведемъ, не выбирая, первые стихи и послѣдніе изъ этой пѣсни, присоединивъ къ нимъ нѣсколько и изъ середины. Вотъ начало:

Между-тѣмъ поднялась Аврора изъ волнъ океана,
Эней, волнуемый много заботой — *собратовъ*
Павшихъ могиль предать — и смертью столь многихъ
печалась

Съ первой зари побѣдитель богамъ совершалъ онъ обѣты.

Въ первыхъ двухъ стихахъ неправиленъ гекзаметръ; третій неправиленъ грамматически; въ четвертомъ, для сохраненія размѣра, вставлено мѣстоимѣніе *онъ* какъ говорится, ни къ селу ни къ городу. Вотъ стихи на выдержку изъ середины:

Нѣтъ не такимъ *испытали* меня тотъ Битій и страшный
Пандаръ, и тысячи тѣхъ, которыхъ я въ тартара бездну
Свергнулъ въ тотъ день — Побѣдитель когда заключенный
въ окопахъ
Вражьихъ и чуждыхъ стѣнахъ оставался. Въ войнѣ ужъ
спасенъ.
Нѣтъ никакого. Безумецъ! подобныя рѣчи дарданской
Пой головѣ и клеветамъ твоимъ...

и такъ далѣе. Вся эта страница (229-я) написана такими же стихами. А вотъ стихи, которыми оканчивается эта пѣснь:

И уже готовы были сразиться, и въ битву (какой размѣръ
въ этомъ стихѣ?)
Кинутся вновь; но Фебъ лучезарный въ иберскія воды
Ужъ погрузилъ утомленныхъ коней и день ужъ *склоненный*
Ночь заступила. Вотъ лагеремъ *спли* предъ городомъ рати.

Вторая статья и «Японія Японцы» довольно занимательна, но въ ней нѣтъ ничего новаго. Критика перваго тома «Исторія Россіи» г-н

Соловьева немного запоздала, и къ тому же критикъ, г. Афанасьевъ, разбираетъ эту исторію въ отношеніи къ мнѣніямъ г. Соловьева о религіозно-языческихъ вѣрованіяхъ древнихъ Славянъ. Библиографія этой книги довольно суха. Смѣсь начинается статьею до того оригинальною, что на нее нельзя не обратить вниманія. По ея заглавію: «Разказъ, который можетъ не понравиться читателю», ожидаешь по-крайней-мѣрѣ разказъ, тогда какъ на семи страничкахъ этой статьи разсуждается, — о чемъ бы вы думали? — о томъ, что русскимъ не слѣдуетъ говорить по-французски. Это новая и оригинальная мысль развивается блистательно и остроумно. Какой-то господинъ приводитъ даже какъ новость стихи Грибоѣдова изъ *Горе отъ Ума*, въ доказательство того, какъ смѣшно пристрастіе къ иностраннымъ языкамъ, и эти стихи приводятъ на память гостей «разныя приличные настоящему случаю мѣста изъ нашихъ авторовъ». Неизвѣстно для чего эта статья оканчивается описаніемъ «мертвой тишины, отъ времени до времени нарушаемой трясущими дрожками легковаго извозчика, или протяжнымъ окликомъ часоваго» Совершенно современная статья эта принадлежитъ господину Н. Н—чу; не сказано только, когда она написана; мы полагаемъ, что это было въ двадцатыхъ годахъ, когда издавался «Благонамѣренный» и подобные ему журналы, въ которыхъ такъ часто ратоборствовали противъ французскаго языка, лица, незнающія этого языка. Мы посовѣтовали бы также г. Н. Н—чу измѣнить нѣсколько названіе его статьи; напрасно думаетъ онъ, что разказъ его не понравится читателю; напротивъ, читатель съ любопытствомъ прочтетъ этотъ разказъ, который скорѣе можетъ не понравиться читательницамъ, потому-что авторъ обвиняетъ дамъ въ томъ, что въ обществѣ почти все говорятъ по-французски.

Довольно интересна въ Смѣси статья: «Пиръ владѣтельнаго Калмыцкаго князя Сербиджебъ-Тюмень-Джиргалова»; только напрасно редакція не поручила прочесть корректуру этой статьи болѣе свѣдущему корректору: въ статьѣ калмыцкіе жрецы названы нѣсколько разъ *шмонгами*; это названіе объясняется даже въ примѣчаніи, тогда какъ всякому извѣстно, что жрецы эти называются — *гелюнами*.

«Замѣтки для біографіи Гоголя» чрезвычайно любопытны, какъ все, что касается до малѣйшихъ подробностей жизни этого писателя. Статья Жоржъ-Занда: «Нравы и обычаи въ Бери» неполна и малоинтересна. «Австралія и ея золотыя россыпи» была уже напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ». Повѣсть Суверестра «Лазаретный сторожъ» очень хороша, но переведена на скорую руку «Хроника петербургскихъ новостей и увеселеній» очень длинна и незанимательна; въ ней разсказываются даже такіе анекдоты, которыхъ мы вовсе не понимаемъ

какъ напимръ, о винномъ погребщикѣ, лечившимся отъ зубной боли. Съ нашимъ мнѣніемъ о пустотѣ этого фельетона согласенъ и Новый Поэтъ, помѣстившій вслѣдъ за «хроникой» самую грозную филиппику противъ всѣхъ фельетонистовъ вообще и фельетонистовъ «Современника» въ-особенности. Это безпристрастіе чрезвычайно радуется насъ; подобное самоотверженіе нечасто встрѣчается въ нашей литературѣ. Послѣ этого остается только, чтобы Новый Поэтъ сталъ осуждать собственные свои фельетоны и свои стихи.

«Иностранная извѣстія» въ Современникѣ какъ-то опаздываютъ, неполны и отстаютъ отъ другихъ журналовъ. Такъ въ театральныхъ новостяхъ рассказывается содержаніе пьесы Арсена Гуссе: *Комедія у окна*, (то-есть, *Комедія въ окнѣ*) давно уже игранный на нашей сценѣ даже въ переводѣ и напечатанной въ 7-мъ номерѣ нашего журнала.

Двѣ послѣднія книги «Отечественныхъ Записокъ» довольно занимательны; въ особенности читатель вѣрно доволенъ новой повѣстью В. Крестовскаго: «Искушеніе». Давно не читали мы на русскомъ языкѣ рассказа, оживленнаго болѣе глубокою идеею, согрѣтаго болѣе теплымъ чувствомъ. Перескажемъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе этой повѣсти:

Въ маленькій городъ пріѣзжаетъ изъ Москвы студентъ, только что окончившій курсъ въ университетѣ. У молодаго человѣка живетъ въ городкѣ старуха мать и сестра; живутъ онѣ очень бѣдно; жили бы даже въ нищетѣ, еслибы имъ не помогъ крестный отецъ студента—Озерина — помѣщикъ Покровскій, вдругъ и совершенно неожиданно вспомнившій о своемъ крестникѣ, въ послѣднее время передъ выходомъ его изъ университета. По требованію Покровскаго, Озеринъ оставилъ Москву, гдѣ ему обѣщали мѣсто, и вернулся въ свой родной городокъ. Крестный отецъ зоветъ молодаго человѣка къ себѣ въ деревню, и тамъ объясняетъ, на что ему былъ нуженъ Озеринъ. У Покровскаго имѣніе благопріобрѣтенное, но есть племянникъ, съ которымъ старикъ въ тяжбѣ и котораго хочетъ лишить наслѣдства. Старикъ золъ и метителенъ; онъ вызвалъ изъ Москвы Озерина для того, чтобы сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ и лишить всякой надежды на полученіе наслѣдства семью своего племянника, умершаго въ это время. Озеринъ понимаетъ, что ему не должно принимать этого наслѣдства, на которое онъ не имѣетъ никакого права, и которое должно лишить послѣднихъ средствъ къ существованію людей, ни въ чемъ невиноватыхъ передъ упрямымъ и злымъ старикомъ. Но у молодаго человѣка есть мать и сестра; онѣ плачутъ, онѣ жалуются на бѣдность; онѣ хотѣли бы жить въ теплѣ, в покоѣ, въ довольствѣ. Необразованная, съ душею мелкою, неспо-

собною понимать тонкіе оттѣнки чувства, требованія строгой честности, онъ мучать, терзаютъ бѣднаго Озерина, и онъ уступаетъ искушенію; слабая натура его не въ состояніи бороться противъ ежедневныхъ непріятностей жизни; онъ уступаетъ, увлекаемый судьбою и обстоятельствами, но къ счастью, не надолго. Вскорѣ пробуждается въ немъ сознаніе; на время уснувшая совѣсть возстаетъ противъ дурнаго поступка. Озеринъ оставляетъ Покровскаго, и какъ ни грустна и бѣдна будущность молодаго человѣка, — онъ остается доволенъ тѣмъ, что побѣдилъ искушеніе.

Вотъ блѣдный очеркъ содержанія повѣсти, столько же замѣчательной по подробностямъ, какъ и по главной идеѣ. Мы не можемъ приводить здѣсь эти подробности, и оцѣнить ихъ можно только по прочтеніи всей повѣсти. Скажемъ только, что самыя мелкія сцены провинціальной жизни отдѣланы съ необыкновеннымъ искусствомъ и вѣрностью. Характеры лицъ поражаютъ рельефностью. Старикъ Покровскій, мать и сестра Озерина обрисованы мастерскою рукою; въ-особенности сильное впечатленіе производитъ Катя, сестра молодаго человѣка, своимъ безсознательнымъ эгоизмомъ, мелочностью чувствъ, мѣщанскимъ тщеславіемъ, всѣми слабостями необразованной натуры, доходящей до утонченной жестокости, когда ей угрожаетъ лишеніе комфорта. Даже вводныя эпизодическія лица этой маленькой провинціальной драмы отдѣланы такъ тщательно, что невольно жалѣешь, когда они исчезаютъ изъ разказа навсегда. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ учитель Васильевъ со своей женою. Картина ихъ семейной жизни трогаетъ до умиленія...

Мы бы никогда не кончили, еслибы стали исчислять все достоинства этой повѣсти. Повторяемъ еще разъ, что ничего лучше не читали мы на русскомъ языкѣ въ послѣднее время. Несмотря на нелюбовь нашу къ выпискамъ, и на трудность выбрать что-нибудь изъ разказа, въ которомъ каждая сцена проникнута одною идеею, мы считаемъ необходимымъ привести хотя одинъ небольшой отрывокъ изъ «Искушенія», для того, чтобы познакомить съ слогомъ автора тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые еще не имѣли случая читать повѣстей В. Крестовскаго. Приводимъ окончаніе той сцены, когда Озеринъ, посѣтивъ своего университетскаго товарища, говоритъ съ нимъ объ его скромной и счастливой, хотя бѣдной жизни.

— Что ты задумался? спросилъ Васильевъ Озерина, когда они оба молчали съ минуту.

— Ничего, смотрю на тебя.

— То-есть... я понимаю тебя, человѣкъ акуратный! У тебя вертятся на языкѣ разные положительные вопросы; тебѣ бы всегда

уяснять предметъ до послѣдней степени. Ты хочешь знать, какъ я живу, чѣмъ я живу?

— Конечно, да, отвѣчалъ Озеринъ, мы не дѣти.

— Охъ, вы, взрослые!.. Такъ не спрашивай-же; я свожу свои счеты прекрасно, а толковать о нихъ терпѣть не могу. Живу, — живетъ хорошо. Говорю тебѣ, какъ другъ и честный человѣкъ, — ничего не хочу больше. И ты пойми: я не за себя одного говорю; тогда-бы это еще ничего не значило. И Таня ничего больше не хочетъ. Дай Богъ вѣкъ такъ прожить, прибавилъ онъ съ чувствомъ.

Озеринъ пожалъ ему руку.

— Дай Богъ, сказалъ онъ. Хорошо встрѣтиться и сказать другъ-другу, что мы счастливы. Я тоже счастливъ.

— Ну, вотъ, видишь, конечно хорошо. Знаешь ли, это вопросъ неизслѣдованный, — когда лучше узнается дружба, когда она сочувствуетъ нашимъ печалямъ, или нашимъ радостямъ? Я поддерживаю послѣднее мнѣнiе. Всякій сочувствуетъ чужой печали... вѣдь согласишься, избитая мысль — черствость и эгоизмъ человѣческаго сердца? Избитая, и противорѣчiя ей на каждомъ шагу! Такъ я продолжаю. Всякій сочувствуетъ печали, — а если даже и эгоистъ, такъ тутъ замѣшаются нервы, и эгоистъ заплачетъ; это такъ. А радость — это другое дѣло. Чтобы ей сочувствовать, нужно забыть себя, свои собственные горести, если онѣ есть, свои интересы, маленькiя эти движенiя того... знаешь, не то чтобы совершенно зависти, но... эти обращенiя къ тому, чего намъ недостаетъ... ты меня понимаешь!

— А ты ихъ понимаешь? спросилъ смѣясь Озеринъ, ты, стало-быть, ихъ испытывалъ?

— Сохрани Боже, никогда! я обезпеченъ со стороны этого порока, Я вотъ что дѣлаю. Отрѣшаюсь отъ самого себя... Иногда, когда случается, что я въ сумерки одинъ, Таня занята, а я тутъ сижу и размышляю... я воображаю, что я — не я, Таня мнѣ не жена, Митя мнѣ не сынъ, и такъ далѣе. Я, какъ лицо постороннее, безпристрастное, взвѣшиваю все блаженство человѣка, который все это имѣетъ, и дохожу до яснаго убѣжденiя, что ему не къ чему больше стремиться, слѣдовательно, нечего желать усвоить себѣ изъ счастья другихъ. А это не шутка, такое убѣжденiе, принятое безпристрастно, трезво. И такъ видишь-ли, я обезпеченъ: я не могу, по законному порядку вещей, завидовать... Но въ другихъ я понимаю это чувство; съ горестью признаю его существованiе, — съ горестью, потому-что желаю совершенства въ людяхъ и совершенства ихъ счастья!

— О Васильевъ, ты все тотъ-же! сказалъ Озеринъ.

— Что «все тотъ-же?» Развѣ тѣмъ не больше мнѣ чести? Развѣ необходимость какая утратить съ годами душевную теплоту? Полно, Озеринъ! Ты самъ «тотъ-же». Да! попробуй, отрекись, скажи, что ты не желаешь того-же, что твое сердце въ этомъ не бьется за одно съ моимъ, — не скажешь! Нѣтъ, — въ комъ врождено это чувство, въ комъ его согрѣло размышленiе, развила наука, — тотъ вѣчно останется «тотъ-же...» Скажутъ — мы незамѣтны, мы ничтожны...

— Тѣмъ лучше, внесемъ прекрасное даже въ то, что незамѣтно и ничтожно, прервалъ увлеченный Озеринъ.

Васильевъ бросился ему на шею.

— Это моя мысль, сказалъ онъ. Теперь мнѣ хотѣлось бы только одного — не разставаться съ тобою. Но все-равно: близко или далеко, мы будемъ увѣрены другъ въ другѣ: ни одинъ изъ васъ не сдѣлаетъ того, отчего бы могъ покраснѣть другой, ни одинъ не броситъ дѣла, какъ бы мелко оно ни было, если въ этомъ дѣлѣ есть польза...

— Ни одинъ не отступить, если встрѣтитъ горе или трудность, до-сказалъ Озеринъ.

— Говори за себя, я обезнеченъ; вокругъ меня столько блаженства, — оно вознаграждаетъ... Я готовъ бы сдѣлаться поэтомъ счастья и любви, еслибъ наслажденіе не было выше воспѣванія. Знаешь разсказъ одинъ — Мюссе, кажется, мы его читали недавно, — идея чудная: художникъ бросаетъ искусство, потому-что счастье жизни для него выше счастья вдохновенія...

— Онъ не правъ, замѣтилъ Озеринъ, искусство было его служеніе на землѣ; онъ былъ обязанъ не измѣнять...

— Да ты пойми... существо холодное, ты не понимаешь! Чтò еще можемъ мы воображать, когда и сердце и взоры наши полны? Когда дѣйствительность такъ ярка, что руки не въ состояніи изображать ее? Развѣ созерцаніе, сліяніе души съ предметомъ восторга — не то-же служеніе? Оно не оставляетъ слѣдовъ, видимыхъ памятниковъ, но оно было... Пойми это слово: *было!*

— Мой другъ, какая это прекрасная отговорка для лѣнивцевъ: «я чувствовалъ, значитъ — я сдѣлалъ»!

— О положительность!.. Но уясни себѣ: я не говорю о подвигахъ, о матеріальныхъ трудахъ для человѣчества; въ нихъ *дѣло*; кто понялъ, прочувствовалъ — тотъ дѣлай безъ отговорки, потому-что въ его рукахъ участь людей. Но искусство, это другой вопросъ. Кто можетъ безошибочно опредѣлить въ другомъ силу пониманія и силу дѣятельности...

Таня явилась въ эту минуту съ скатертью и приборами.

— Александръ, сказала она, смѣясь, споръ, только не разбуди Мити.

— Ну, вотъ, вскричалъ Васильевъ, думай о воображеніи, когда является такая милая дѣйствительность! Пстой, мой другъ, дай же я тебѣ помогу. Смотри, Озеринъ, вотъ еще вопросъ; пусть кто-нибудь осмѣлится сказать, что вотъ эти заботы (онъ отодвинулъ столъ и раскинулъ скатерть) что эти заботы розочаровываютъ (онъ поставилъ тарелки) — въ томъ нѣтъ нравственной силы, истиннаго ощущенія жизни... Гдѣ соль, Танечка?.. Ничему не мѣшаютъ эти заботы, продолжалъ онъ, когда вышла его жена, — посмотри на нее. Выдумали сказать, что женщина, если хлопочетъ о хозяйствѣ, то ужъ и вся погрязла въ хозяйствѣ, — вздоръ какой! Пожалуй да, если она положить въ него всю свою душу, но кто тогда виноватъ? тотъ, кто дастъ ей положить въ него душу. . Не хочешь-ли, возобновить за ужиномъ нашъ споръ, по

слушай, что скажетъ тебѣ Таня... Впрочемъ, Боже мой, моя Таня единственная въ мірѣ женщина!

Озеринъ принялъ тоже участіе въ приготовленіяхъ къ ужину, и двигалъ стулья.

— Видишь, я отгадалъ, сказалъ Васильевъ, она все-таки хлопотала и вынула новое серебро... впрочемъ, правда, стараго было бы только для двухъ. Это, видишь, я недавно получилъ награжденіе, купилъ полдюжины ложекъ и велѣлъ вырѣзать ея вензель. Недурно здѣсь вырѣзываютъ, прибавилъ онъ, съ удовольствіемъ рассматривая блестящую ложку предъ свѣчою.

— Очень хорошо, сказалъ Озеринъ, взявъ другую.

— Право? тебѣ нравится?

— А главное пріятно, что это нажито своимъ трудомъ, что это, такъ сказать, заслужено, продолжалъ Озеринъ. Не знаю, какъ для другихъ, но для меня эта мысль увеличиваетъ цѣнность вещи; вещь становится мнѣ мила...

— Именно такъ, прервалъ Васильевъ, тоже говоритъ Таня; она увѣряетъ, что ей никакія драгоценности не могутъ быть дороже этихъ ложекъ... Позволь, разставимъ нашъ хрусталь, — тоже покупка на награжденіе... Какой ослѣпительный блескъ, великолѣпіе!.. Что за глупцы были стоики, которые пренебрегали благами жизни, не правда-ли?

— Они не понимали поэзіи этихъ благъ. отвѣчалъ Озеринъ.

— Конечно, гдѣ имъ... впрочемъ, это поэзія нашего вѣка, поэзія труда... Вотъ и Таня. Садись, мой ангелъ, все готово. Озеринъ, милости просимъ.

Вслѣдъ за хозяйкой толстая прислужница внесла ужинъ.

Изъ другихъ статей въ послѣднихъ книгахъ «Отечественныхъ Записокъ» назовемъ слѣдующія: «О среднихъ цѣнахъ на главныя жизненныя потребности въ Россіи за послѣднее пятилѣтіе», — огромный, въ высшей степени занимательный и полезный трудъ г. Егупова, составленный съ большимъ трудомъ и съ совершеннымъ знаніемъ дѣла. Несмотря на кажущуюся сухость предмета, авторъ успѣлъ извлечь изъ него любопытные выводы. Таблицы, приложенныя къ первой статьѣ составляютъ драгоценныя данныя. Языкъ статьи гладокъ и правиленъ, кромѣ двухъ, трехъ фразъ, въ родѣ: «Лѣса, въ которыхъ никакая человѣческая душа никогда не бывала, да и не скоро еще *бываютъ* *будетъ*», или «*памятуя* все сказанное до-сихъ-поръ, и т. п. Окончаніе обзорѣнія и разбора третьей части «Космоса» также занимательно; намъ непріятно было только встрѣтить въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой статьи оговорки автора, что онъ не сообщаетъ такихъ-то подробностей по недостатку мѣста. Мы должны сказать, что подобныя оговорки попадаются изрѣдка и въ другихъ статьяхъ «Отечественныхъ Записокъ». Думаемъ, что это и не намъ однимъ можетъ по-

казаться страннымъ. Журналъ этотъ не газета и рамка его вовсе не такъ тѣсна, чтобы въ ней не умѣстились подробности статей, для которыхъ недостаетъ мѣста. По нашему мнѣнію, лучше отложить статью до другой книги или не печатать ее вовсе, нежели говорить поминутно читателямъ: «я бы рассказалъ вамъ очень любопытныя вещи, да извините, — нѣтъ мѣста на 30 листахъ!» Мы замѣтили также между-прочимъ въ началѣ этой статьи недосмотръ въ слѣдующей фразѣ: «Послѣдователи Пифагора, въ числѣ *десяти* небесныхъ тѣлъ, обращающихся около центрального огня, считали *пять* планетъ Солнце, Луну, Землю и противо-Землю» «Куда же дѣвалось изъ этой фразы десятое небесное тѣло?...

Очень интересно также начало статьи Г. Галахова: «В. А. Жуковскій», матеріаль для опредѣленія его литературной дѣятельности. Въ этой статьѣ разобраны произведенія Жуковского, не вошедшія въ полное собраніе его сочиненій. Намъ кажется только, что почтенный авторъ статьи напрасно ввелъ въ нее выписки изъ сочиненій Теофилакта Покровскаго, очень любопытныя, но не имѣющія никакого отношенія къ сочиненіямъ Жуковского. Двѣ критическія статья о книгахъ: «Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными» и «Опытъ областного великорусскаго словаря» также очень замѣчательны, въ особенности послѣдняя, написанная г. Буслаевымъ. Мы должны однакоже сказать, что разборъ г. Буслаева написанъ не совсемъ популярнымъ языкомъ и доступенъ не для всѣхъ читателей. Г. Буслаевъ любитъ, какъ мы замѣтили, въ особенности глаголъ *восполнить* со всѣми его производными; у него есть даже бездна, ничѣмъ *новосполнимая*. Признаемся, что мы не видимъ никакой надобности замѣнять этимъ новымъ глаголомъ, звучащимъ довольно дико для русскаго уха, старый глаголъ: пополнить. Попадаются мѣстами и другіе не совсемъ русскіе обороты и слова, какъ напримѣръ въ слѣдующей фразѣ: «Языкъ литературный образованный, *просвѣтленный идущею впередъ мыслью* и *непрестанно* совершенствующійся вмѣстѣ съ *преуспѣніемъ* вышнихъ, нравственныхъ интересовъ, но за то навсегда утратившій первоначальную чистоту своего состава, *осложнивъ* его чуждою примѣсью.» Вся эта фраза довольно темна, и подобныхъ ей можно найти не мало.

Библиографическая хроника составлена, какъ всегда, добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Мы должны только замѣтить, что при разборѣ 8-го нумера «Пантеона» рецензентъ напрасно говоритъ, что приводимое имъ стихотвореніе г-жи Хвоцинской перепечатано изъ «Литературной Газеты» и напрасно не упоминаетъ о томъ, что стихотвореніе это приведено въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» въ *разборъ* и при оцѣнкѣ

поэтическаго дарованія г-жи Хвоцинской, а вовсе не въ отдѣлѣ изящной словесности.

Смѣсь «Отечественныхъ Записокъ», по обыкновенію, довольно разнообразна, Двѣ статьи г. Авдѣева, «Поѣздка на кумысь», написаны чрезвычайно занимательно. «Мои сосѣди» г. Ф., умный и милый рассказъ. «Воспоминанія о жизни на морѣ» изобилуютъ интересными подробностями. «Рассказы проѣзжаго о странствованіяхъ по Заволжью, Уралу и по Волгѣ» П. И. Небольсина также замѣчательны. Петербургскія затѣтки, новости иностранной литературы, разныя разности, все это живо и интересно. Не можемъ сказать того же объ ученыхъ новостяхъ, довольно сухихъ, и литературныхъ замѣткахъ, въ которыхъ уже очень пространно рассказывается о вещахъ, малоинтересныхъ для публики.

Въ октябрьской книгѣ «Библіотеки для Чтенія» напечатана драматическая фантазія гр. Растопчиной. Мы глубоко и искренно уважаемъ дарованіе графини, и потому-то должны сказать откровенно, что ея «Одаренная», въ цѣломъ не совсѣмъ неудавшееся произведеніе, хотя въ частностяхъ есть превосходныя сцены и стихи. Самая идея фантазіи, кажется намъ, не совсѣмъ ясна и своевременна. Стихійные духи одаряютъ ребенка, красавицу Нину. Сильфиды дарятъ ей *безпечность* и *рѣзвость*, Ундины — *льнь* и *кокетство*, Саламандры *любовь* и *мечту*. Каждый изъ этихъ духовъ будетъ властвовать ею десять лѣтъ. По прошествіи тридцати лѣтъ Гномы завладѣютъ ею, и Нина умретъ. Но послѣ Гномовъ является Русалка и говоритъ, что, полежавъ въ могилѣ, Нина попадетъ все таки въ волны озера и будетъ Русалкой. Какъ ни странно послѣднее условіе, но и оно исполняется, хотя не безъ нѣкоторой натянутости. Въ первой картинѣ десятилѣтняя Нина только рѣзвится, веселится; во второй двадцатилѣтняя кокетничаетъ и лѣнится; въ третьей любитъ и мечтаетъ; въ четвертой картинѣ Нина умираетъ неизвѣстно отчего; въ пятой на могилу ея приходятъ студентъ медицины и ваятель; первый хочетъ анатомировать трупъ, узнать, отъ какой болѣзни умерла красавица; второй хочетъ съ мертвой снять изваяніе, котораго не успѣлъ сдѣлать съ живой. Они отрываютъ Нину; но она была только въ летаргическомъ снѣ, и просыпается. Сказавъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, она бѣжитъ и бросается въ рѣку. Русалки радуются, что одной сестрой у нихъ стало больше, но надъ облаками показывается свѣтозарный духъ и говоритъ:

Изъ-подъ волнь ожесточенныхъ

Нина спасена!

И въ пространствахъ отдаленныхъ
 Душъ-скиталицъ отлученныхъ
 Сонму причтена.
 Спасена чудесной силой
 Въ смерти часъ она. . .
 Но условіе спасенья
 Ей велитъ терпѣть....
 Чтобъ грѣхи и заблужденья,
 Чтобъ земныя искушенья
 Ей съ себя стереть.
 Чтобъ очиститься, омыться
 Внѣ любви земной....
 Чтобъ все выше возноситься
 И потомъ переселиться
 Въ край любви святой!...

Этими стихами оканчивается фантазія графини Растопчиной. Неясность содержанія видны изъ краткаго очерка содержанія поэмы. Самый характеръ Нины какъ-то неопредѣленъ, темень, недосказанъ. Яснѣе всего онъ обрисовывается въ двухъ разговорахъ, съ другомъ ея дѣтства Ярмиромъ, въ третьей картинѣ, и съ Любушею, ея подругою — въ четвертой. Приведемъ нѣсколько стиховъ изъ этихъ сценъ, чтобы видѣть яснѣе, какую героиню избрала графиня Растопчина предметомъ своей фантазіи. Нина жалуется Ярмиру на свою жизнь, говоря:

Кто смотритъ вскользь на жизнь чужую,
 Кто судитъ издали о ней,
 Конечно тотъ въ судьбѣ моей
 Оцѣнитъ внѣшность дорогую....
 . . . . . Объ иномъ
 Блаженствѣ въ бракѣ я мечтала....
 Себѣ я жребія желала
 Скромнѣе, проще, но полнѣй.

Ярмиръ отвѣчаетъ ей на это очень дѣльными, хотя мѣстами и не совсемъ гладкими стихами:

Бѣда, когда съ всеильнымъ свѣтомъ
 Въ разладѣ женщина! Когда
 Домашній кровъ ей пусть и тѣсенъ,
 Когда кипитъ младая кровь,
 И запрещенная любовь
 Ей снится цѣлью роковой!...
 Бѣда! любовь ее погубитъ!
 Души ея желанный сонъ

На мигъ достигнуть будетъ онъ;—
 Потомъ она его искупить
 Годами горькихъ слезъ.... потомъ,
 Настанетъ холодъ сожалѣнья.
 Ей *память* будетъ въ угрызенье,
 Чужая рѣчь въ намекъ презрѣнья
 И мнѣнье общее врагомъ.

Нина отвѣчаетъ:

Что дастъ ей общество въ замѣнъ
 Самопожертвованій тяжкихъ?
 Что дастъ ей тѣсный кровъ домашній,
 Гдѣ одинока, не одна,
 Груститъ и *мается* она?

Вообще вся эта сцена ведена прекрасно, и по нашему мнѣнію—лучшая въ драмѣ, хотя ничѣмъ не оканчивается, потому-что каждый изъ разговаривающихъ остается при своемъ мнѣніи. Такъ на слѣдующіе, звучные стихи, Ярмира:

О знайте: тягостна разлука,
 Размолвка—вдвое тяжелѣй...
 Вы говорите, какъ дитя.
 Вы не знавали сожалѣній,
 Раскаяньемъ томимыхъ дней,
 Вы не знавали ни волненій
 Опасно—сладкихъ обольщеній,
 Ни пустословія страстей,
 Той жадной ненасытной скуки,
 Что послѣ тягостной разлуки
 Въ мятежномъ сердцѣ будитъ муки,
 Неутолимья во вѣкъ.

Нина отвѣчаетъ только одно:

...Я привыкла говорить:
 Любить я рождена, любить!

Разговоръ съ Любушей почти-что перефразисъ разговора съ Ярмиромъ. Нина отвѣчаетъ своей подругѣ:

...Чего жъ мнѣ ждать?
 Въ году цвѣтетъ *одна* весна живая,
 И въ вешній день *одна* заря блеститъ.

Напрасно Любуша отвѣчаетъ ей, что послѣ весны приходитъ лѣто, наступаетъ другая пора разума и силы, развитія значенія, что было и для Нины счастье въ жизни, что она была страстно любима, и что дѣлать нечего, если

счастью твоему

Какъ всякому земному — срокъ пришелъ.

Вѣдь прежде знала ты, вѣдь ты всегда

Должна была къ той мысли приучаться,

Что вмѣстѣ вамъ не свѣковать вашъ вѣкъ...

Что *встрѣтились* вы только, не *сошлись*,

Чтобы вдвоемъ идти впередъ? Вѣдь знала

Ты, что разрознится когда-нибудь

Чета, которую здѣсь сочеталъ

Не долгъ, не свѣтъ, а случай прихотливый.

Нина не хочетъ ничего слушать и умираетъ, а въ читателѣ, по прочтеніи фантазіи, невольно остается какое-то сожалѣніе о недосказанности общей идеи новаго произведенія нашей даровитой поэтессы.

Кромѣ «Одаренной», въ послѣднихъ книгахъ «Библіотеки» есть еще начало одной русской повѣсти, два начала иностранныхъ разсказовъ, одно окончаніе иностраннаго романа и наконецъ цѣлая повѣсть Лейлы: «Кандидатки на званіе старыхъ дѣвъ.»

Дама, избравшая себѣ псевдонимъ Лейлы, безпорно, писательница съ дарованіемъ. Въ ея повѣстяхъ всегда есть интересъ, удачная мысль, ловко очерченные характеры, умный, хотя иногда и парадоксальный взглядъ на вещи. Къ несчастью, все это мѣстами портятъ натянутое остроуміе, вычурность и изысканность нѣкоторыхъ фразъ, переходящихъ границы всякаго правдоподобія. И любопытно, что эти фразы рѣзко отличаются отъ общаго тона разсказовъ. Точно какой-нибудь услужливый пріятель вклеилъ въ чужой разсказъ свои фразы, для приданія бѣльшей живости разсказу.

Содержаніе «Кандидатокъ на званіе старыхъ дѣвъ» не богато, но могло-бы быть развито въ болѣе обширной рамѣ и даетъ возможность высказать много любопытнаго — опытному наблюдателю человѣческаго сердца. Три сестры живутъ мирно и любятъ другъ-друга, пока мѣсть не полюбили одного господина. Двѣ изъ нихъ даже и не любятъ его, а изъ самолюбія каждая хочетъ непременно побѣдить непреклоннаго, который предлагаетъ однако же руку третьей, старшей сестрѣ, вовсе этого не ожидавшей, хотя и любившей его. Тогда двѣ младшія сестры, до того времени враждовавшія между-собою, — мирятся и соединяются противъ третьей, которая отказывается отъ жениха, чтобы только сохранить

миръ въ семействѣ. На этихъ немногочисленныхъ данныхъ построено множество интересныхъ сценъ, полныхъ ума и веселости. Но, какъ мы уже сказали, ко всему этому примѣшана соль, въ родѣ слѣдующихъ фразъ: «лицо у нея было какъ лiонская тафта—гласе, перламутровое, двуличное, съ пурпуровымъ отливомъ», платье на ней было «изъ воздуху, затканнаго цвѣтистыми мечтами»; она «беззаботно роняла чудесныя улыбки въ бездну, въ кресла». Взглядъ героини былъ «электро-солнечный». Удивительная красавица съ двуличнымъ лицомъ и электро-солнечными взглядомъ, которые однако же не могли *понутать* героя,— какъ выражается авторъ!

И послѣ подобныхъ изысканныхъ фразъ вы встрѣчаете афоризмы, можетъ-быть парадоксальные, но которые все-таки заставляютъ васъ улыбаться: «Счастіе, говорить одна сестра,—это мужчина, намъ преданный и которымъ мы вполне управляемъ. Гонтовъ (герой) созданъ для счастья. Онъ очень уменъ, а всѣ умные мужчины кротки, снисходительны и слабы съ женщиною. Это доказано. Чѣмъ умнѣе мужчина, тѣмъ болѣе власти можетъ имѣть надъ нимъ женщина.... посредствомъ любви.... и нѣкотораго нераздѣльнаго съ ней искусства. Отъ дурака упаси Господи. Дураки—гордецы, тщеславны, упрямы, неуступчивы!» Впрочемъ, иногда и подобные афоризмы затемнены остроуміемъ, какъ на примѣръ, мысль, что женскій разумъ — «брюссельское кружево изъ чистѣйшей мудрости».

Мѣстами дѣйствующія лица повѣсти выражаются не только изысканно, но даже не совсѣмъ правильно по русски. Такъ Гонтовъ, въ сценѣ объясненія въ любви, смотрѣвшій такъ, что «взглядъ его казался пришитымъ къ цвѣтку ковра» говорить: «Вы наказываете меня *безщадно*... этого *не воспослѣдовало*... Имъ весело, а не *печально отъ меня*... Вы не можете судить о томъ, *какъ была она тому лѣтъ восемь*... Эта борьба *помяла* всѣ мои мысли... Героини также отвѣчаютъ: «*Полно комплиментовъ!*—Я уже много думала; это никакъ невозможно; невозможность происходитъ не *изъ* моего сердца.... Я не позволю ей брать *поверхности* надо мною... Я всегда мечтала о разбитомъ сердцѣ: его такъ легко *склеить* однимъ поцалуемъ! И изъ благодарности за *починку*, оно *станетъ* само *подлаживаться*». Герой пишетъ не лучше, чѣмъ говорить. Вотъ какъ онъ объясняется на письмѣ: «Между-тѣмъ *покальствъ* я люблю васъ *ужасно*. Если, на первый случай, этой любви для васъ достаточно, то пусть знакомъ удовольствія будетъ ваша рука».

Мы не выписали и четвертой части всѣхъ неправильныхъ и черезчуръ остроумныхъ фразъ и выраженій, и несмотря на это, скажемъ,

что повѣсть все-таки хороша и занимательна. Оканчиваемъ разборъ ея еще одною небольшою выпискою:

«Пока родственныя связи не ослабнуть отъ житейскихъ столкновений въ человѣкѣ съ благородною душою, съ чистымъ сердцемъ, онѣ едва ли не сильнѣе всѣхъ прочихъ. Я вѣрю въ силу крови: природа вложила въ родныя существа невидимыя нити, которыя крѣпко связываютъ ихъ между собою. Конечно, то чувство, которое называютъ любовью, могущественнѣе всякой привязанности, соединяющей братьевъ и сестеръ; но любовь даже самая страстная часто проходитъ безъ особенныхъ причинъ, не оставляя за собою никакихъ слѣдовъ. Родственное же чувство не исчезаетъ никогда. Вообще никто не задумывается забыть родныхъ для человѣка, *любимаго любовью*, но внутри насъ все-таки звучитъ намъ самимъ невѣдомая струна. Лишаясь человѣка, близкаго намъ по крови, мы не лишаемся ума, какъ это случается при потерѣ возлюбленнаго друга, а иногда и мужа. Однако, когда умираетъ братъ, сестра, съ которыми не разъединило насъ никакое неблагородное чувство, мы испытываемъ въ душѣ такую же боль, какою сопровождается въ тѣлѣ отсѣченіе члена; намъ кажется, что мы лишились части насъ самихъ.»

Въ ноябрской же книгѣ помѣщены шесть прекрасныхъ стихотворений Надежды Дмитриевны Хвощинской, и для контраста имъ одно стихотвореніе Ильи Болтина. Приводимъ самое коротенькое стихотвореніе г-жи Хвощинской

Свѣжѣе, спитъ глубокій сумракъ сада,
Кругомъ легла ночная тишина,
И тьма ея забвеньемъ и прохладой
И прелестью святой напоена.
На небесахъ блестящая лампада
Горитъ ясна, спокойна и томна,
И грѣшная земля лежитъ отрадно,
Какъ въ забытій младенческаго сна
Утомлена и счастьемъ и страданьемъ
Прошедшихъ лѣтъ, уснувшихъ въ вѣчной тмѣ,
Ввѣряя вздохъ иль тихое рыданье
Дыханью вѣтра, ропотной волнѣ...
И внемлетъ имъ въ печальномъ созерцаньи
Тѣнь черная въ свѣтящемся окнѣ...

А вотъ нѣсколько стишковъ г-на Болтина въ pendant къ этому прекрасному сонету:

Вчера вы дали мѣрку мнѣ
Слѣда, подъема вашей ножки,

Чтобы, не прибавляя крошки
Искалъ повсюду на землѣ
Подобное чудесъ явленье.

Это явленіе г. Болтикъ отыскалъ не въ башмачномъ магазинѣ, а въ статуй Психей, и оканчиваетъ свое стихотвореніе такъ:

Ни формъ, ни красоты лица
Я сравнивать никакъ не смѣю...
Но вынулъ мѣрочку — и млѣю:
Что жъ вижу? всѣ сомнѣнья прочь:
Психей ножка съ вашей въ-точь.

Подъ стихами подписано: 25 іюня 1852 года, чтобы всѣ знали, что и въ наше время можно писать такіе стихи, чему; пожалуй, не повѣрятъ скептики.

Кромѣ стиховъ г. Болтина, въ послѣднихъ книжкахъ «Библіотеки для чтенія» есть и еще сюрпризы читателямъ: статья о Джонсонѣ и Босвеллѣ, совершенно неожиданно появившаяся передъ читателями, полагавшими, въ простотѣ сердца, что они навсегда простились съ этими интересными джентльменами, — и критическая статья по поводу романа «Племянница». Въ послѣдней статьѣ, замѣчательной въ высшей степени, доказывается прямо и положительно, что критики нѣтъ и быть не можетъ, что все это миѳъ, пустяки, вздоръ, всѣ романы — просто и чисто печатныя сплетни. — Однимъ-словомъ, эту статью будетъ любопытно прочесть всѣмъ, и читателямъ, и писателямъ, и критикамъ.

Въ литературной лѣтописи этихъ двухъ книжекъ «Библіотеки для Чтенія» мы замѣтили только кромѣ, особеннаго пристрастія къ польскимъ писателямъ и плохому переводу повѣсти Корженевскаго, ту новую мысль, что идея романа «Герой нашего времени» дѣтская, ложная, и Печориныхъ никогда не было, нѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ.

Въ предъидущей книжкѣ «Пантеона» мы обѣщали познакомить читателей съ романомъ г. Вонлярлярскаго «Большая Барыня», возбудившимъ различныя сужденія критиковъ. Одни весьма условно отозвались объ этомъ произведеніи, — очень деликатно, хотя и не совсѣмъ ясно, намекнувъ о его несовершенствахъ и слабыхъ сторонахъ; другимъ оно чрезвычайно понравилось, и причислено ими къ первому разряду беллетрическихъ произведеній въ русской литературѣ. Не вступая ни съ кѣмъ въ споръ, не опровергая ни чьего мнѣнія, можетъ-быть, добросовѣстно основаннаго на личномъ вкусѣ и возрѣніи, мы постараемся, точнымъ изложеніемъ содержанія романа, предоставить самимъ читате-

лямъ вывести надлежащее о немъ заключеніе, если только последнее не составлено уже ими прежде.

Петръ Авдѣевичъ Мюнабы-Полевеловъ, лѣтъ двадцати восьми отъ роду, служилъ штабсъ-ротмистромъ (авторъ постоянно пишетъ *штаб-ротмистръ*) въ армейскомъ уланскомъ полку, и отличался, между прочимъ, усами, которые, по словамъ автора, были «длиниѣе всѣхъ усовъ бригады». Нѣтъ сомнѣнія, что будучи отличнымъ ѣздокомъ и любя душою кавалерійскую службу, онъ не скоро бы ее оставилъ, дослужился до густыхъ эполетъ и счастливо провелъ вѣкъ свой: но внезапная кончина отца дала другой оборотъ его жизни и матеріалъ сочиненію г. Воцлярлярскаго. Огорченный неожиданною вѣстію о смерти родителя, Петръ Авдѣевичъ «не плакалъ, правда; но не проходилъ мимо его ни одинъ офицеръ, ни одинъ лекарь, ни одинъ аудиторъ, которому бы Петръ Авдѣевичъ не сказалъ: а знаете-ли, батюшка-то умеръ, вообразите себѣ? И высказавъ это, онъ, въ задумчивости, брался за усъ, тянулъ его внизъ, клалъ его въ ротъ (,) и проходилъ далѣе» (часть I, стр. 6). — Это потягиваніе уса внизъ и положеніе его въ ротъ повторяются почти безпрестанно, въ продолженіе всего романа, составляя, вѣроятно, одну изъ его юмористическихъ сторонъ Петра Авдѣевича.

Поразказавъ о своемъ горѣ всѣмъ повстрѣчавшимся, Мюнабы-Полевеловъ вышелъ въ отставку, отправился, и благополучно прибылъ въ родовую свою усадьбу, Костюково, Колодезь тожъ, которой онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ. Внимательно пройдясь по комнатамъ стараго домишка, напоминавшаго ему годы дѣтства, Петръ Авдѣевичъ углубился въ разсматриваніе давно знакомыхъ картинъ; а какъ стекло, покрывавшее одну изъ нихъ, значительно потускнѣло, то онъ и принялся очищать ее, совершая операцію эту слѣдующимъ порядкомъ: сперва подносилъ ко рту палецъ, потомъ потиралъ имъ стекло, и напоследокъ вытиралъ палецъ объ рейтузы. Плюнувъ, затѣмъ, нѣсколько разъ на полъ (см. стран. 15 — 16 первой части), Полевеловъ вышелъ изъ дому и пустился ревизовать доставшееся ему хозяйство: скотный дворъ, конюшню, неарню, мельницу и проч. Все это найдено имъ было въ самомъ жалкомъ видѣ, въ совершенномъ разстройствѣ, и когда, въ довершеніе огорченія его, къ обѣду, вмѣсто желаемыхъ уточекъ, подали ему карасей, онъ съ горечью воскликнулъ: «Какъ! оставить службу, оставить третій эскадронъ, мундиръ, эполеты, товарищей! И для чего же? чтобы голодать въ этой трущобѣ; чортъ надоумилъ меня сдѣлать такую глупость!» (стр. 21.)

Пуще всего Петръ Авдѣевичъ раздосадованъ былъ тѣмъ, что въ

ветошахъ его скуднаго наслѣдія не оказалось даже ни сноснаго экипажа, ни порядочныхъ лошаденокъ, хотя и нашелся добрый кучеръ, пребойкій малый, немножко подъ хмѣлькомъ и только что воровившійся съ бѣговъ. Снова вспомнилъ Мюнабы блаженное полковое время, когда онъ ѣзжалъ «на тройкѣ такихъ лошадей, какихъ не было и у самаго казначея» (стр. 24), и вотъ, чтобъ опять обзавестись лихою тройкою, занимаетъ онъ денегъ у жидка (дѣйствіе происходитъ въ одной изъ западныхъ губерній) и ѣдетъ на ярмарку въ ближній уѣздный городъ. Туда-же спѣшитъ помѣщица Кочкина съ хорошенькою дочерью, Полинькой. Дышло въ старенькой коляскѣ ихъ надломано; при вѣздѣ въ городъ — гора, а подъ горою гнилой мостъ. Лошади несутъ коляску; помѣщицѣ съ дочкою грозитъ гибель: но не на то ли случается здѣсь нашъ штабъ-ротмистръ, чтобъ явиться ихъ великодушнымъ избавителемъ? Завязка, какъ видите, слишкомъ давно знакомая. Однакожь она очень удобно идетъ въ дѣло. Кочкина — вторая случайность — приходится родной сестрицей городничему, а городничій третья случайность — находился въ числѣ зрителей катастрофы. Сцены благодарности за рыцарское избавленіе отъ опасности, знакомство, приглашеніе въ домъ городничаго, завтракъ, при чемъ въ зубахъ хозяина вязнетъ хвостикъ селедки (стр. 68), далѣе обѣдъ, вечеромъ ужинъ, и наконецъ любовь. Несмотря на то, что выручка Кочкиной изъ бѣды дорого стоила костюму, и въ особенности сюртуку Полевелова, представшаго очамъ Полиньки въ видѣ не весьма привлекательномъ, и потомъ цѣлый день красовавшагося передъ нею въ длинномъ и широкомъ архаикѣ городничаго, наивная дѣвушка страстно влюбляется въ усатаго Петра Авдѣевича, не спитъ напролетъ всю ночь, основательно возбуждая тѣмъ со стороны кузинъ вопросъ, «не кусаетъ ли ее что-нибудь» (стр. 85)? Что касается оныхъ кузинъ, то-есть дочерей городничаго, то онѣ, бѣдненькія, въ большомъ загонѣ: природа не одарила ихъ красотою, и родной отецъ какъ-будто не считаетъ ихъ своими кровными, говоря: «Богъ послалъ мнѣ кое-какое достояніе; а для кого? а кому придется передать?» (Стр. 100.) Мало того, вотъ какъ онъ отзывается о нихъ гостю, котораго видитъ первый разъ въ жизни: «некрасивы, куда некрасивы; что и говорить; иной пожарный лицомъ-то будетъ деликатнѣе; откуда что берется: что весна, повыступятъ прыщи, нальются словно бусы, а тамъ какъ начнутъ, сударь, лопать, даже родительскому сердцу противно дѣлается; у Вариньки же изъ уха течетъ» (стр. 101)....

И для чего городничій такъ усердно живописуетъ родныхъ дочерей? Для того, чтобъ выдать за Полевелова племянницу. Странное дѣло!

Странное тѣмъ болѣе, что ходъ романа нисколько бы не измѣнился, ничего бы не потерялъ, еслибъ вмѣсто Полинки поставлена была одна изъ дочерей городничаго, которую тогда стоило бы только подмалевать красками, болѣе привлекательными. Но пусть будетъ такъ, какъ угодно автору. Продолжаемъ изложеніе содержанія.

Всячески стараясь задобрить Петра Авдѣевича, городничій уступаетъ ему лучшихъ своихъ лошадей, чуть ли даже не даритъ ихъ, сближаетъ его съ Кочкиной, и почти выговариваетъ: женись—ка, пріятель, на племянницѣ? Но пріятель не торопится: хорошенькихъ женщинъ онъ уже видалъ на своемъ вѣку; имѣніе у него разстроено, такъ надобно поправить дѣлишки; дастъ что Кочкина за дочкою — хорошо; не дастъ, старая скряга и эгоистка, тѣмъ лучше, поищемъ другихъ невѣстъ, побогаче. Сложивъ въ умѣ такое рѣшеніе, Петръ Авдѣевичъ спустя значительный послѣ первой встрѣчи срокъ, дѣлаетъ, наконецъ, визитъ въ усадьбу Кочкиныхъ, гдѣ давно уже по немъ тоскуетъ милая дочка, давно на него разсчитываетъ хитрая маменька. «Принарядись хорошенько», совѣтуетъ она Полинкѣ: «вели Аниуткѣ приготовить голубенькое; оно тебѣ къ лицу; да не завертывайся въ платокъ, а просто на плеча накинь что—нибудь легенькое; теперь погода теплая, можешь пригласить гостя въ рощу, никто не мѣшаетъ, будто грибовъ ищешь, да и тарара, тарара!» (Стр. 128.). Разумѣется, что прежде сама маменька заводитъ съ нимъ разговоръ, и желая оставить его и дочку наединѣ, подъ предлогомъ хозяйственныхъ хлопотъ, говоритъ, между—прочимъ: «не послать же мнѣ ее на мужскую работу, когда вамъ извѣстно, Петръ Авдѣичъ, каковы у насъ крестьяне—то,—вѣдь просто необразованные, безъ всякаго обращенія; иной, и не посмотритъ, что барышня тутъ; прилично ли же?»

«Подлинно, Елизавета Парфеновна, отвѣчать за нихъ нельзя (поддерживаетъ гость хозяйку); вотъ—съ у меня дѣло совсѣмъ другое; живу—съ я одинъ совершенно, и не слабъ, могу сказать, а сколько разъ строго приказывалъ и грозилъ; нѣтъ, никакимъ способомъ не устережешь. (Стр. 141—142.)

Отъ подобнаго юмористическаго разговора о хозяйствѣ и крестьянахъ, Елизавета Парфеновна и Петръ Авдѣичъ мало—по—малу переходятъ къ предметамъ болѣе сердечнымъ, къ рѣчи о любви, о семейномъ счастіи, и послѣ взаимныхъ, довольно донятныхъ, намековъ — расстаются. По предначертанной программѣ, Полинка уводитъ гостя въ рощу, искать грибовъ. Но Полевеловъ до грибовъ, видно, не охотникъ: ни въ это, ни въ послѣдующія, очень рѣдкія, впрочемъ, свиданія, между молодыми людьми не доходитъ до прямаго объясненія. Ни голубенькое

платье, ни открытыя плечики Полинки не производятъ на отставнаго улана сокрушительнаго впечатлѣнія. Этимъ перѣшительнымъ положеніемъ, недомолвками, а частію и перемолвками дѣйствующихъ, лицъ оканчивается первая часть, въ которой «большая барыня» на сцену еще, не выступаетъ.

Въ одинъ морозный декабрскій вечеръ, на святкахъ, Мюнабы не знаетъ за что приняться, чѣмъ разсѣять тоску одиночества. Призванный приказчикъ совѣтуетъ баринну прибѣгнуть къ гаданью. Петръ Авдѣевичъ облачается въ баранью шапку, въ простой тулупъ и валенки, и въ этомъ нарядѣ выходитъ изъ дому, — несмотря на вьюгу, доплетается до перекрестка. Четвертая случайность! Сначала слышатся звуки колокольчика, потомъ приближаются возокъ и кибитка. Хотя первый запряженъ почтовымъ семерикомъ, но уставшія лошади едва тащатъ его. Стой! кричитъ штабсъ-ротмистръ, «подходить къ замерзшимъ дверкамъ (т. е. дверцамъ) возка», стучитъ въ стекло и громко спрашиваетъ: позвольте узнать имя ваше и отчество? Проѣзжая оказывается молодою вдовою, графиней Натальей Александровной Бѣлорѣцкой. Она ѣдетъ изъ столицы, и заблудилась въ сорока верстахъ отъ села своего, «Графскаго». Обыкновенно столицу покидаютъ для деревни лѣтомъ, и несвоевременное путешествіе графини авторъ объясняетъ такъ: по смерти стараго мужа, графиня надѣла черное платье; оно шло къ ней, оно столица безъ бабовъ, безъ праздниковъ, безъ оперы и раутовъ—прескучная вещь: она вспомнила о помѣстьѣ своемъ, въ которомъ не бывала ни разу» (часть вторая, стр. 54). Читатель можетъ возразить, что деревня, гдѣ мы ни разу не бывали, никого не знаемъ, тоже прескучная вещь, и что не зачѣмъ было ѣздить туда графинѣ, въ трескучіе морозы, когда въ Петербургѣ имѣла она друзей и знакомыхъ, съ которыми видѣться и скромно бесѣдовать трауръ не мѣшаетъ; но мы, не выдавая автора и не отвѣчая читателю, будемъ смиренно продолжать рассказъ.

Изябшей; исцуганной отдаленностью села своего, графинѣ необходимъ ночлегъ по близости, и штабсъ-ротмистръ, по одеждѣ его, принимаемый за простолюдина, провожаетъ прекрасную путницу въ свое Костюково. — «*Менѣе, чѣмъ чрезъ полчаса*, домикъ Костюковскій преобразовался совершенно; досчатый полъ его покрылся толстыми персидскими коврами; окна и стѣны гостиной завѣсались шелковою зеленою тканью; по столамъ разостлались снѣжной бѣлизны скатерти; на нихъ заблестали серебро и хрусталь; мѣдные подевѣчники Петра Авдѣевича замѣнились складными канделябрами, а вмѣсто сальнаго огарка, *запылало* въ комнатахъ *множество* восковыхъ свѣчъ. Самая атмосфера жилища штабсъ-ротмистра мгновенно измѣнилась, и незнакомый (?) ноз-

дьямъ его аромать распространился по всему дому» (стр. 19). Читатель снова спрашиваетъ: зачѣмъ графиня везетъ съ собою въ помѣстье ковры, шелковыя ткани, скатерти, серебро, хрусталь, когда въ Графскомъ, по собственнымъ словамъ автора, великолѣпно отдѣланномъ и роскошно убранномъ, всего вдоволь; за чѣмъ такъ театралью убираетъ чужое жилище, гдѣ остановилась лишь на нѣсколько часовъ, и не слишкомъ ли ужь притязательна и манерна эта «большая барыня»? Но мы, опять-таки ничего не отвѣчая взыскательному читателю, чинно продолжаемъ разсказъ....

Расположившись въ гостяхъ по домашнему, графиня комфортабельно пзволить кушать чай, курить, и предлагаетъ Петру Авдѣвичу папироску: но «Петръ Авдѣвичъ зажегъ папироску свою пустымъ концомъ, а табачный положилъ въ ротъ» (стр. 23). Ну, ужь это слишкомъ! восклицаетъ читатель. — Чего другаго, а какъ не знать, съ котораго конца закуривается папироска? — Такъ написано, а наше дѣло сторона.

Проболтавъ съ Мюнабой *до двухъ часовъ пополудни*, «большая барыня» устриваетъ наконецъ ночлегъ свой въ его спальнѣ. Восхищенный этою честію, мр. Полевеловъ перебрается во флигель. — «По прошествіи часа залаяла на дворѣ цѣпная собака, и штабсъ-ротмистръ, разбудивъ камердинера своего, приказалъ отвести ее на псарню. Нѣсколько минутъ спустя заиѣлъ пѣтухъ; штабсъ-ротмистръ самъ отыскалъ пѣтуха на сосѣднемъ чердакѣ, и обошелся съ нимъ такъ неделикатно, что пѣтухъ не пѣлъ больше никогда. На развѣтѣ послышался на дворѣ какой-то скрипъ: ямщики, привезшіе графиню, качали изъ колодца воду для лошадей своихъ; штабсъ-ротмистръ отогналъ ямщиковъ отъ колодца и указалъ имъ прудъ; короче, прогости графиня Наталья Александровна въ Костюковѣ еще недѣли съ двѣ, гостепріимный хозяинъ умеръ бы отъ бессонницы» (стр. 27—28). Разумѣется, что графиня не осталась въ Костюковѣ двѣ недѣли: на другой день, послѣ завтрака, она успѣшила отправиться въ свое Графское, взявъ, однакожь, съ Петра Авдѣвича честное слово быть у нея черезъ день....

Петръ Авдѣвичъ, въ петербургѣ, считаетъ часы и минуты, а тутъ, откуда ни возьмись, весьма не кстати, городничій, съ приглашеніемъ ѣхать вмѣстѣ къ Кочкинымъ. Мюнабы отпѣкивается, да и городничій, съ своей стороны, озабочивается вдругъ иною заботою. Узнавши въ подробности о посѣщеніи графинею Костюкова, онъ отчаянно восклицаетъ: «Такъ, пропалъ, пропалъ же я, окаянный, пропалъ съ головою, съ ослиными ушами!»—Отчего же это? растолкуйте, пожалуйста?—спрашиваетъ Петръ Авдѣвичъ. —«Оттого, сударь, что на прошлой недѣлѣ получилъ изъ губернскаго города предписаніе починить мостъ на Коморцѣ; мостъ-

то, сударь, просто капканъ; кто-бы ни поѣхалъ по немъ, чубурахъ въ рѣку; я то и позабудь, — прахъ меня возьми!» (стр. 37—38.)

Читатель видитъ, что вся интрига построена на мостахъ. Одинъ мостъ, по которому проѣзжала Кочкина съ дочерью, находился подъ городомъ; другой, по которому имѣеть проѣзжать графиня, находится въ уѣздѣ — и, слѣдственно, предписаніе объ этомъ послѣднемъ мостѣ и отвѣтственность за неисправленіе его — должны были бы, по существующему порядку, относиться не къ городничему, а къ исправнику. Читатель можетъ видѣть и замѣчать что ему угодно: критика безотвѣтно пересказываетъ содержаніе.

Расторопный кучеръ Петра Авдѣевича, Тимошка, посылается догнать графиню, для предупрежденія ея о коварномъ мостѣ и необходимости объѣхать его лугомъ. Порученіе исполнено, и за тѣмъ графиня благопучно достигаетъ своего Графскаго. Вскорѣ, по приглашенію, является туда и Мюнабы, влюбленный уже въ графиню и совершенно позабывшій бѣдную, любящую его Полиньку. За первымъ посѣщеніемъ слѣдуетъ второе, третье. Завязывается короткое знакомство. Графиня исключительно проводитъ время съ Полевеловымъ, не знакомясь съ другими сосѣдями и оказывая чрезвычайную благосклонность одному; даритъ ему дорогаго жеребца, дорогое оружіе; богато меблируетъ его убогій костюковскій домикъ. Полевеловъ волею неволею соглашается на дары эти: очаровательная графиня *велитъ* ему принять ихъ, — а онъ, по собственнымъ словамъ его, готовъ для очаровательной графини сорокъ верстъ проползти на колѣнахъ.

Петръ Авдѣевичъ изображается въ романѣ большимъ чудакомъ, очень простоватымъ человѣкомъ, крайне неловкимъ и смѣшнымъ въ свѣтскомъ отношеніи. Можно быть ученымъ и энциклопедикомъ менѣе Александра Гумбольдта, но въ тоже время не походить на дикаря или превеличеннаго оригинала. Но, что всего страннѣе, этому самому Петру Авдѣевичу, который не знаетъ будто бы, съ котораго конца зажигается папироска, и простодушно признается графинѣ, что ему не случилось сидѣть на порядочной мебели (стр. 59), влагаются иногда въ уста преумныя и даже поэтическія вещи. Однажды, наприм., онъ выразилъ сожалѣніе, что ему недолго придется пріѣзжать въ Графское. — Надѣюсь, что долго, отвѣчала графиня. — «Все-таки не всегда, не вѣчно». — Вѣчность на землѣ не существуетъ, Петръ Авдѣевичъ. — «Правда, — замѣтилъ штабсъ-ротмистръ, — но зато существуетъ тоска, которая кажется длиннѣе вѣчности, ваше сіятельство.» (Стр. 58.) Въ другой разъ, Петръ Авдѣевичъ такимъ-образомъ намекаетъ на любовь свою, оправдывая добрые капризы графини: «на капризы негодовать долго

нельзя; они скоро проходятъ — но то, что чувствую я, отвѣчаю вамъ, едвали пройдетъ когда-нибудь.» (Стр. 102.) Согласитесь, что это очень изящно и тонко для дикаря, для человѣка мало-образованнаго, какимъ представленъ герой романа? Такъ, по-крайней-мѣрѣ, думаетъ читатель, недовольный противорѣчiami въ характерѣ Петра Авдѣевича, а мы тѣмъ временемъ продолжаемъ разсказъ.

Зима шла своимъ порядкомъ. «Было восемь часовъ вечера, когда въ гостиную графини вошелъ раскраснѣвшійся отъ стужи костюковскій помѣщикъ, и снялъ съ плечъ своихъ пребольшаго и прежирнаго волка.» — Что это за чудовище? спросила графиня съ любопытствомъ и боязнiю: гдѣ вы его достали? — «Только-что не на дворѣ вашемъ, ваше сіятельство; вышелъ день такой, не лѣнись я стрѣлять, волка-бы четыре привезъ вамъ... подержись стужа, скоро за ними проѣзда не будетъ... а смѣлы какъ, варвары! бѣгутъ себѣ передъ коренной, горюшки мало, — будь только поросенокъ...» — Зачѣмъ же поросенокъ? — «Ахъ, ваше сіятельство, это любезное дѣло съ поросенкомъ, въ особенности въ эту пору; попади только въ волчиху, всю стаю перека-таешь чисто.» (Стр. 81—82.) Короче, Петръ Авдѣевичъ такъ заманчиво нарисовалъ охоту на волковъ передъ графиней, что она въ тотъ же вечеръ рѣшается испытать сама это удовольствiе съ поросенкомъ. Отправляются въ розвальняхъ... «Мнѣ страшно немножко, Петръ Авдѣевичъ — говоритъ графиня — и ежели-бы вы позволили прислониться къ вамъ, то, мнѣ кажется, я-бы меньше боялась» (стр. 89). Петръ Авдѣевичъ, безъ сомнѣнiя, позволяетъ. Страшно и холодно! «Ножки графини озябли до того наконецъ, что она принуждена была сознаться въ томъ Петру Авдѣевичу, который безъ церемонiи отыскалъ ихъ въ складкахъ шубы ея сіятельства, и переложивъ къ себѣ подъ шинель, сталъ тереть такъ усердно, что не прошло и получаса, какъ ножки свои замѣнила графиня ручками, и ручки оттеръ Петръ Авдѣевичъ» (стр. 92). Изобрѣтательный, онъ устраивалъ для графини и другiя зимнiя потѣхи: въ саду ледяную гору; на пруду рысистый бѣгъ и скачку тройками; въ полѣ охоту на куропатокъ. Совсѣмъ околдовала «большая барыня» костюковского помѣщика, и однимъ страннымъ, двусмысленнымъ разговоромъ съ нимъ ввела его въ жестокое заблужденiе. Она сказала ему, между-прочимъ, что онъ «молодъ, не дурень собою, уменъ, благородень, чрезвычайно добръ и можетъ всякую женщину сдѣлать счастливою»; потомъ спросила его: «стара ли-бы я была для васъ?... мнѣ двадцать четыре... согласились ли-бы вы имѣть женою своею женщину, подобную мнѣ?» и заключила такъ: «разговоръ этотъ возобновимъ мы не здѣсь, а въ Петербургѣ, куда прошу, а ежели этого

мало, приказываю вамъ непременно явиться къ свѣтлому празднику; къ тому времени мой трауръ конченъ и я свободна». Было отъ чего потерять умъ. Несчастный Петръ Авдѣевичъ, не безъ нѣкотораго впрочемъ основанія, принялъ слова графини за нѣжное признаніе, и воображилъ, что «большая барыня» возымѣла намѣреніе осчастливить его своею рукою, тою самою рукою, которую онъ такъ усердно отогрѣвалъ, когда графиня дружески къ нему прислонялась на охотѣ съ поросенкомъ. Отъ мысли о блаженствѣ быть ея недостойнымъ супругомъ, бѣдному Мюнабъ едва не приключился параличъ, и въ полночь онъ принужденъ былъ пойти на конюшню, гдѣ кучеръ Тимошка выпустилъ ему изъ жилъ фунтовъ *шесть* (?) крови...

Съ первымъ дуновеніемъ весны Графское опустѣло: «большая барыня» укатила въ Петербургъ. Петръ Авдѣевичъ закладываетъ Кочкиной свое единственное достояніе, Костюково, и къ Свѣтлому-празднику, упоенный обольстительными надеждами, тоже скачетъ въ столицу. Небритый, покрытый грязью, въ *три часа утра* (стр. 149) спѣшитъ Мюнабы въ домъ графини, чтобы раньше всѣхъ поздравить ее съ праздникомъ... стучится, поднимаетъ тревогу. Его, разумѣется, не пускаютъ, и онъ удаляется въ отчаяніи, не совсѣмъ вѣжливо выпровоженный швейцаромъ и дворниками, принявшими его за ночного бродягу. Воротившись къ Демуту, гдѣ присталъ, «костюковскій помѣщикъ взглянулъ въ зеркало и ужаснулся: лицо его и одежда не могли не произвести на швейцара неблагоприятнаго впечатлѣнія, и помирясь мысленно» (151) съ первою неудачей своею, онъ благоразумно отложилъ визитъ свой къ графинѣ до того времени, пока знаменитый портной, Савелій Лебедкинъ, обитающій на чердакѣ, въ переулкѣ, у Чернышева моста, изготовитъ ему партикулярное платье. Черезъ нѣсколько дней оно поспѣло, и дополнивъ туалетъ свой разными галантерейностями, Полевеловъ явился наконецъ къ графинѣ въ полномъ блескѣ. На немъ «былъ коричневый фракъ, лиловый жилетъ, пестрый шарфъ, стразовая булавка, блестящія запонки и панталоны, полосатые до крайности. Цирюльникъ придалъ головѣ его запахъ бергамота, смѣшаннаго съ поджареннымъ масломъ, оставшимся, вѣроятно, на щипцахъ; лацканы же фрака и носовой платокъ заражены были восточнымъ букетомъ пачули» (157). «Большая барыня» обошлась съ нимъ очень привѣтливо, и не было предѣла восторгамъ ослѣпленнаго Петра Авдѣевича. Онъ повторилъ свои посѣщенія, и два раза ему отказывали, подъ разными предлогами. Но въ одно утро опять приняла его графиня, и при немъ въ будуаръ ея вошелъ другой гость, очень недурной собою молодой человѣкъ, одѣтый съ утонченною простотою и небрежностью столичнаго денди. Маленькаго

разговора между имъ и графиней на французскомъ языкѣ, которому Петръ Авдѣевичъ нѣсколько выучился нарочно для графини, было достаточно, чтобы послѣдній понялъ наконецъ свою ошибочную роль. Разговоръ этотъ можно перевести такъ: «Гдѣ вы отыскиали это диво?» спросилъ денди, искоса взглянувъ на костюковскаго помѣщика. — Это одинъ изъ бѣдныхъ деревенскихъ сосѣдей моихъ, честный человѣкъ въпрочемъ... я хочу его женить. — «Нельзя-ли узнать, на комъ?» — На комъ случится, отвѣчала, смѣясь, графиня (162). Забывъ всѣ приличія, Петръ Авдѣевичъ издалъ глухой, ужасный стонъ, побагровѣлъ, и шатаясь, вышелъ изъ будуара. Къ вечеру его не было уже въ Петербургѣ. Возвратясь въ Костюково, онъ немедленно отослалъ въ Графское жеребца, оружіе, мебели и всѣ милостивые подарки «большой барыни»... «Въ-продолженіе одной недѣли голова штабсъ-ротмистра покрылась сѣдиною, глаза его потухли, щеки впали, а отросшая борода придала недавно свѣжему лицу его выраженіе страдальца... Протянулась еще недѣля, а за нею настала и срокъ платежа денегъ, занятыхъ у Кочкиной. О срокѣ этомъ, конечно, не вспомнилъ-бы костюковскій помѣщикъ, но вспомнилъ городничій и пожаловалъ въ Костюково, въ сообществѣ супруга Полинки, стараго уѣзднаго чиновника, котораго она прежде ненавидѣла и за котораго однакожь вышла...

Петръ Авдѣевичъ лишился родоваго пріюта. Разсудокъ и чувства его оставили, уступивъ мѣсто нервной горячкѣ. Управляющій имѣніемъ графини послалъ къ ней эстафету, съ увѣдомленіемъ о происшедшемъ, и по эстафетѣ же получилъ приказаніе, за какую-бы то ни было цѣну, выкупить Костюково; но бывший его владѣтель отвергнулъ новое благодѣяніе «большой барыни». «Вскочивъ съ постели, какъ сумасшедшій, онъ судорожно схватилъ деньги и бросилъ ихъ въ лицо управляющему. Скажите богатой графинѣ вашей, воскликнулъ надменно полумертвецъ, что сосѣдъ можетъ быть преглупою, пребезсмысленною тварью, но подлецомъ — никогда!» (Стр. 171.) Въ сумерки того же дня костюковскій помѣщикъ одѣлся въ свое старое платье, помолился передъ иконами и, никѣмъ незамѣченный, вышелъ изъ дому...

Снова настала зима. Въ одну изъ крещенскихъ морозныхъ ночей, въ окно постоялаго двора, стоявшаго поодаль отъ какой-то деревни, постучался бѣдный, плохо одѣтый прохожій, на взглядъ лѣтъ пятидесяти, блѣдный и худой. Его впустили; но едва успѣлъ онъ задремать, привалили въ избу проѣзжіе извозчики, въ ней стало тѣсновато, и хозяева попросили горемыку идти себѣ съ Богомъ. Онъ повиновался, безмолвно и покорно. «Въ эту ночь мерзли птицы небесныя... На утро одинъ изъ лѣсниковъ графини, обходя участокъ свой, увидѣлъ человѣческой слѣдъ,

проложенный кѣмъ—то съ большой дороги въ лѣсъ. Воръ, подумалъ лѣсникъ, идучи по слѣду. Шагахъ въ двухъ—стахъ отъ большой дороги, онъ вдругъ остановился, и затрясись всею тѣлою, снялъ шапку: въ сторонѣ, на древесномъ пнѣ, сидѣлъ бѣлый мертвецъ, покрытый рубищемъ; мутные глаза его были открыты» (176)... Въ этомъ несчастномъ—замерзшемъ узнали костюковского помѣщика Петра Авдѣевича Мюнабы—Полевелова. Вотъ вамъ и весь романъ.

Читателю жаль, что благородный Петръ Авдѣевичъ, умѣвшій такъ горячо и страдальчески любить, такъ честно, хотя и безразсудно оставить все, когда у него ничего не осталось, въ—продолженіе всего романа изображенъ въ преувеличенной и неправдоподобной карикатурѣ, отчего комическій ходъ его не вяжется съ трагическою развязкою. Не менѣе досадно, что въ основаніе отношеній Петра Авдѣевича къ графинѣ положено одно недоразумѣніе, слишкомъ замѣтное, слишкомъ искусственное. Развѣ не могло быть иначе? Въ сельскомъ уединеніи, вдали отъ развлеченій и львовъ столицы, въ охотѣ на волковъ, — молоденькая модница могла и дѣйствительно увлечься нѣсколько расположеніемъ къ сосѣду (котораго, въ такомъ случаѣ, слѣдовало—бы представить хотя и не свѣтскимъ человѣкомъ, однакожъ и не такимъ простофилей), а потомъ, по возвращеніи въ столицу, забыть его, предпочесть ему пустыхъ франтовъ? Дѣло—бы тогда вышло натуральнѣе, драма романа выиграла—бы, а комическій элементъ все—таки сохранился—бы въ обрисовкѣ другихъ провинціальныхъ лицъ... потому—что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ излишествъ и натяжекъ, мимоходомъ указанныхъ нами, несправедливо было—бы отнимать у автора способность къ юмору и нерѣдко очень ловкому веденію подробностей, не говоря уже о пріятномъ слогѣ и довольно правильномъ языкѣ. Въ обѣихъ частяхъ, или, точнѣе, частичкахъ романа, красиво изданнаго, читатель встрѣчаетъ только весьма немногія обмолвки и незначительныя погрѣшности. При общей почти, въ настоящее время, небрежности литераторовъ нашихъ въ изложеніи, г. Вонлярскаго можно назвать стилистомъ и пуристомъ.

II.

МУЗЫКА.

Городскіе слухи. — Гвидо Аретино XIX столѣтія. — Бальфе. — Мортье де-Фонтень. — Лешетицкій. — Марія Серато. — Тереза Миланоло. — Вильгельмина Клаусъ. — Пріѣзжіе артисты — Musée musical. — Пѣсни Малороссіи. — Паливода-Карпенко. — Музыкальныя вѣсти.

— Что новенькаго?

— Нѣтъ-ли чего интереснаго?

— Что-то подѣльвается въ свѣтъ?

Вотъ обыкновенные вопросы при встрѣчѣ друзей, родственниковъ, пріятелей и знакомыхъ.

И точно, Петербургъ вѣчно гонится за новостями, ловить ихъ на лету, смѣняетъ одну-другую, и забываетъ ихъ также скоро, какъ узналъ. Извѣстія о разныхъ новостяхъ у насъ передаются съ быстротою молніи, распространяются, преувеличиваются, возрастаютъ въ колоссальныя размѣры, и являются иногда въ такомъ видѣ, что трудно, часто даже невозможно отыскать въ нихъ слѣдовъ первоначальнаго факта.

Въ этомъ и заключается начало нашего любопытства и источникъ всѣхъ слуховъ, толковъ, говоривъ, новостей, этой пестрой смѣси, которая занимаетъ наши умы и языки каждый день, съ утра до вечера. Стоитъ только прибавлять глаголь: *говорятъ*, и любая нелѣпица облекается въ форму вѣроятности и правдоподобія. На журнальномъ языкѣ это называется *утками* и служитъ пищею для фельетонистовъ, тощихъ воображеніемъ. Вотъ и мы намѣрены сообщить вамъ новость, по поводу недавно распространившагося въ городѣ слуха о появленіи между нами новаго Гвидо Аретино.

Вѣроятно, читателямъ нашимъ извѣстно, что Гвидо, жившій въ XI столѣтіи, первый возсталъ противу системы изображенія на бумагѣ звуковъ, введенной въ исходѣ VI столѣтія папою Григоріемъ I. Гвидозамѣнилъ буквы точками, поставляемыми между линиями, то-есть нотами. Изобрѣтеніе его, усовершенствованное кельнскимъ урожденцемъ Франкомъ, претерпѣло нѣкоторыя измѣненія, и дошло, наконецъ, до того вида, въ которомъ находится въ настоящее время.

Неудобства этой системы давно извѣстны; ученѣйшіе люди предлагали разныя средства для исправленія ихъ, но ничто не оказывалась удовлетворительнымъ, и вопросъ оставался нерѣшеннымъ. И вотъ, не-

давно, заговорили въ городѣ, что въ одной изъ санктпетербургскихъ газетъ предложенъ новый способъ, устраняющій всевозможныя препятствія, способъ легкій, простой и понятный. Пошли, какъ водится, пересуды, разговоры, объясненія; каждый толковалъ по своему, и никто не понималъ, въ чемъ дѣло. Нашлись даже люди, которые, полагая впасть въ статью той математическія формулы, принялись за выводы и вычисленія. Все напрасно, — статья оставалась неразгаданной, всеобщее любопытство неудовлетвореннымъ. Признаемся, что любопытство подстрекнуло и насъ; мы не хотѣли отстать отъ другихъ, и также старались убѣдиться въ ещности столь интереснаго факта. Но, увы! авторъ писалъ статью для себя; что же касается до ясности, то неудобно-ли удостовѣриться на дѣлѣ:

«Нельзя не обратить вниманія», — говоритъ авторъ, — на слѣдующій, прекрасно исполненный пассажъ:

$$\sqrt[4]{a'g'\sqrt{lc'\sqrt{b'}}} \times a'g'f'es' = \sqrt{es'd'f'} \times f'es'd'e' \text{ и т. д.}''$$

Понимаете-ли, почтеннѣйшіе читатели, этотъ пассажъ?.. Пѣть?.. Тѣмъ лучше, потому-что и мы не понимаемъ его.

Мы считали необходимымъ распространиться объ этомъ предметѣ, — съѣздъ артистовъ въ настоящемъ времени такъ блистателемъ, что весьма трудно будетъ найти нить въ лабиринтѣ предстоящихъ концертовъ. Но что выйдетъ, когда нѣкоторые рецензенты вздумаютъ украшать статьи свои вновь-изобрѣтенными іероглифами, — тогда пропало все, и нынѣшній сезонъ не только не составитъ эпохи въ музыкальной лѣтописи Петербурга, но даже пройдетъ совершенно незамѣченнымъ. А такая потеря была-бы слишкомъ ощутительна!

Къ намъ дѣйствительно со всѣхъ концовъ міра спѣшаютъ первоклассные артисты, точно на музыкальный съездъ. Всѣ роды музыки имѣютъ здѣсь своихъ представителей, и притомъ такихъ, которые пользуются огромною извѣстностью. Пальма первенства принадлежитъ несомнѣнно композитору Бальфѣ, какъ человѣку, обогатившему музыкальный свѣтъ множествомъ прекрасныхъ произведеній.

Въ 1845 году составилъ какъ-то въ Дублинѣ концертъ въ пользу бѣдныхъ. Знатныя и почетныя лица принимали участіе въ этомъ благотворительномъ дѣлѣ, и собраніе было значительное и блистательное. Изъ артистовъ, болѣе всѣхъ обратилъ на себя вниманіе миловидный семилѣтній мальчикъ, съ остроумнымъ, выразительнымъ личикомъ и кудрявой, бѣлокурой головкою. Мальчикъ, несмотря на возрастъ свой, такъ чисто и отчетливо исполнялъ на скрипкѣ варіаціи Майзедера, такъ ловко преодолевалъ нѣкоторыя, встрѣчающіяся въ нихъ, механическія трудности, и вмѣстѣ съ тѣмъ придавалъ игрѣ своей столько

выраженія, что громкія браво и рукоплесканія посыпались на него со всѣхъ сторонъ.

Мальчикъ этотъ былъ Мишель Вильямъ Бальфе, сынъ бѣднаго учителя танцованія въ Вексфордѣ.

Успѣхъ Мишеля въ Дублинѣ подаль отцу его надежду видѣть въ немъ, со-временемъ, хорошаго музыканта, и на двѣнадцатомъ году, онъ былъ отправленъ въ Лондонъ. Здѣсь молодой Бальфе имѣлъ случай услышать извѣстную пѣвицу Уестри (Westry), и былъ такъ очарованъ ея пѣніемъ, что долго не могъ позабыть его. Напѣвы эти запали въ воспріимчивое сердце ребенка и зародили въ немъ ту искру, которая, возрастая постенно до пламени, вскорѣ обхватила всю душу Бальфе и излилась гармоническими звуками.

Возвратившись домой, Бальфе взялъ первую попавшуюся ему народную пѣсню и положилъ ее на музыку. Долго хранилъ онъ произведеніе свое, какъ чтò-то завѣтное, и боялся отдать его на судъ свѣта. Наконецъ, инстинктъ славы преодолѣлъ и, скрѣпя сердце, Мишель отправился къ Вильесу, содержателю одного изъ лучшихъ музыкальных магазиновъ въ Лондонѣ.

— Чтò тебѣ нужно? — спросилъ Вильесъ входящаго Бальфе.

— Здѣсь покупають музыку? — скромно возразилъ мальчикъ.

— Да, мы покупаемъ разныя сочиненія, если только онѣ стоять печати.

— Такъ позвольте-же попросить васъ разсмотрѣть эту пѣску.

Бальфе протянулъ свертокъ. Съ вниманіемъ, приличнымъ издателю, разсматривалъ Вильесъ поданныя ему ноты. Сердце Мишеля билось въ тревожномъ ожиданіи. Самъ маэстро рассказывалъ намъ, что никогда, съ-тѣхъ-поръ, не ощущалъ онъ въ себѣ тѣхъ чувствъ, которыя волновали его въ ту минуту. Ни первый дебютъ его въ сценическомъ искусствѣ, ни первыя представленія двадцати-двухъ оперъ, имъ написанныхъ, не возбуждали въ немъ такой смѣси надежды, страха и недовѣрія. Ему хотѣлось прочесть въ глазахъ холоднаго, безчувственнаго издателя рѣшеніе своей участи.

Это чувство доступно только юному возрасту, когда человѣкъ, незнакомый еще со всѣми превратностями и суетами міра смотритъ на жизнь сквозь призму, облекающую всѣ предметы въ радужные цвѣта!

— Не дури, — сказалъ, наконецъ, Вильесъ, — даже очень порядочно.

— Моя пѣсня правится вамъ, сэръ? — спросилъ встревоженный виртуозъ.

— Она принадлежитъ тебѣ?

— Да, сэръ, я самъ написалъ ее.

Вильесъ бросилъ удивленный взглядъ на простодушнаго мальчика; остроумное выраженіе лица его понравилось издателю; ласково потрепалъ онъ Мишеля по плечу, и вручилъ ему десять гиней.

— Я покупаю пѣсню твою, но смотри, на слѣдующій разъ сдѣлай что-нибудь получше.

Слезы радости брызнули изъ голубыхъ глазъ ребенка; восхищенный, онъ бросился обнимать добраго Вильеса, и спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— И вы напечатаете ее?

— Какъ же! и общаю печатать все, что ты напишешь.

— Ахъ, какъ вы добры, сэръ!

— Я справедливъ. Но что намѣренъ ты дѣлать съ полученными деньгами?

Тутъ только Бальфе вспомнилъ о неожиданномъ богатствѣ, врученномъ ему фортуною — въ образѣ издателя музыки.

— Половину этихъ денегъ я пошлю братьямъ и сестрамъ, на остальные куплю себѣ скрипку.

— Ты добрый мальчикъ, и я радъ, что познакомился съ тобою... Я не забуду тебя... Теперь ступай!

Мишель раскланялся и съ восторгомъ вышелъ изъ магазина.

Пѣсня эта была первымъ опытомъ Бальфе на поприщѣ, по которому шелъ онъ съ такою славою, на которомъ пріобрѣлъ себѣ имя, съ гордостью произносимое его соотечественниками.

Вильесъ показалъ сочиненіе молодаго композитора Горну, славившемуся въ то время, въ Лондонѣ, своимъ теоретическимъ знаніемъ музыки. Горнъ нашель въ простодушной мелодіи зародышъ геніяльности, отыскалъ молодаго Бальфе, занялся имъ и вскорѣ помѣстилъ его въ оркестръ Дрюриленскаго театра.

Бальфе изучалъ основательно музыку, предался ей всей душою, и ознакомившись съ ея теоріей, прослылъ между товарищами однимъ изъ лучшихъ *аранжеровъ* музыки. Случилось, что одинъ изъ музыкантовъ взялся переложить для фортепьяно музыку оперы «Фансона», но не имѣлъ для того ни времени, ни достаточныхъ познаній. Онъ обратился къ Бальфе, который исполнилъ трудъ этотъ въ-теченіе двухъ недѣль и получилъ въ вознагражденіе десять фунтовъ стерлинговъ.

Сумма эта вскружила голову молодому челоуѣку; онъ пригласилъ одного изъ друзей своихъ, нанялъ верховыхъ лошадей и отправился въ Рочфортъ, гдѣ выдалъ себя за лорда Бальфе, и въ нѣсколько дней прокутилъ всѣ деньги до послѣдняго пенса.

По возвращеніи въ Лондонъ, Бальфе съ новымъ усердіемъ принялся

за трудъ, нѣсколько разъ дирижировалъ оркестромъ, и скоро обратилъ на себя вниманіе маркиза Мацара, молодаго итальянца, употреблявшаго несмѣтныя богатства свои на поощреніе изящныхъ искусствъ. Мацара замѣтилъ необыкновенныя способности молодаго артиста, и желая доставить ему случай пріобрѣсть въ музыкѣ познанія основательныя, предложилъ Мишелю ѣхать съ нимъ въ Италію, страну, имѣющую волшебную привлекательность для всѣхъ молодыхъ художниковъ. Легко понять, съ какимъ восхищеніемъ Бальфе принялъ это предложеніе и какъ охотно воспользовался имъ. Давно уже Италія была любимѣйшей мечтою его воображенія. Давно уже мысль объ родинѣ Петрарки, Данте, Россини, Беллини мелькала въ пламенной душѣ его, когда, отдѣляясь отъ всего мірскаго, она парила въ чистомъ эфирѣ поэзіи и проникала въ ея высшіе предѣлы! И теперь мимолетная мысль эта такъ неожиданно осуществлялась для него!

Бальфе прибылъ въ Римъ, и предался исключительно изученію всѣхъ таинствъ контрапункта и композиціи. Онъ тщательно разбиралъ образцовыя произведенія великихъ маэстро, сличалъ, сравнивалъ ихъ, и вскорѣ почувствовалъ въ себѣ непреодолимую страсть къ творчеству. Бальфе написалъ музыку къ первому попавшемуся ему въ руки либретто.

Либретто это была опера «Отелло», которою обезсмертилъ себя славный Россини.

Бальфе не выпустилъ въ свѣтъ произведеніе свое, оно хранится имъ и понынѣ, и заключаетъ въ себѣ много прекрасныхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ, что на шестнадцатомъ году жизни, молодой композиторъ уже былъ проникнутъ тѣмъ поэтическимъ духомъ, который такъ блистательно развился въ немъ въ-послѣдствіи.

Семнадцати лѣтъ Бальфе оставилъ Римъ и отправился въ Миланъ, гдѣ написалъ музыку для балета «Лаперузъ», принятую весьма благоклонно. Но этимъ закончилось на время творческое поприще его. Послѣ тщетныхъ стараній, въ-продолженіе двухъ лѣтъ, о принятіи оперъ своихъ на сцену миланскаго театра, Бальфе уѣхалъ въ Парижъ, познакомился съ Россини, и стараніями его опредѣленъ былъ басисстомъ въ группу тамошней Итальянской Оперы, на мѣсто извѣстнаго Пеллегрини. Для первыхъ дебютовъ, онъ являлся, съ госпожами Зонтагъ и Малибранъ, въ операхъ: «Севильскій Цирюльникъ» и «Ченерентола»; въ роляхъ «Фигаро» и «Жоржа Дандена». Бальфе вмѣстѣ съ Рубини и Тамбурини считался, въ свое время, лучшимъ пѣвцомъ, и постоянно пользовался дружбою и уваженіемъ Россини.

Однажды Бальфе находился на вечерѣ у графини Мерленъ, извѣстной во многихъ отношеніяхъ въ литературномъ и музыкальномъ мірѣ.

Увлеченный настоятельными просьбами гостей, Бальфе съѣлъ за фортепьяно и пропѣлъ знаменитую арію изъ «Севильскаго Цирюльника»: *Largo al factotum*. Арія эта была конькомъ Россини, — никто не пѣлъ ее лучше его, и Бальфе, зная слабость маэстро, никогда не соглашался исполнять ее въ частыхъ домахъ; въ этотъ же вечеръ не полагалъ встрѣтить Россини и рѣшился на трудный подвигъ. Едва окончилъ онъ, какъ Россини, незамѣтно вошедшій во-время пѣнія, бросился обнимать молодого артиста, и взявъ его за руку, громко произнесъ:

— Вотъ единственный соперникъ мой! Онъ одинъ понялъ меня!

Въ 1830 году, Бальфе получилъ приглашеніе ѣхать въ Палермо. Здѣсь засталъ онъ импрессаріо въ весьма затруднительномъ положеніи. Несчастный содержатель театра поссорился съ хористами, и они рѣшительно отказывались отъ дальнѣйшаго участія въ представленіяхъ. Театръ былъ запертъ уже двѣ недѣли, и окончательное раззореніе угрожало антрпренеру. Импрессаріо, съ отчаянія, рвалъ на себѣ волосы и не зналъ, что начать. Бальфе утѣшилъ его, какъ могъ, принялся за работу, и въ восемь дней написалъ *J Rivali* «Соперника», оперу, единственную въ своемъ родѣ, — въ ней нѣтъ хоровъ. Успѣхъ ея превозшелъ все ожиданія, дѣла импрессаріо приняли блестящій оборотъ, и хористы, убѣдившись, что содержатель легко можетъ обойтись безъ нихъ явились съ повинною головою. Все пошло по старому. Годъ спустя, Бальфе отправился въ Павію, въ качествѣ *primo basso*, и для бенефиса своего сочинилъ одноактную оперету *Un avvertimento ai gelosi*.

Ангажированный въ Бергамо, Бальфе познакомился съ примадонною тамошняго театра, дѣвицею Линою Розеръ. Госпожа Розеръ, родомъ изъ Германіи, пѣла въ Вѣнѣ и Берлинѣ, дебютировала въ Миланѣ, на сценѣ театра *la Scala*, и вездѣ оставляла по себѣ пріятное воспоминаніе.

Очаровательная красота примадонны произвела сильное впечатлѣніе, на чувствительное сердце Бальфе. Онъ нашелъ сочувствіе въ предметѣ страсти своей, и убѣдившись въ прекрасныхъ качествахъ ея души, предложилъ ей свою руку. Они обвѣнчались. Двадцать лѣтъ протекли уже съ-тѣхъ-поръ, и Бальфе все еще съ восторгомъ воспоминаетъ блаженство этого незабвеннаго для него часа, когда, стоя на колѣнахъ передъ будущей женою своей, онъ получилъ изъ розовыхъ устъ ея и признаніе, и согласіе, и первый поцѣлуй. Бальфе нашелъ сокровище, вѣрнаго друга и добродѣтельную жену, понимавшую возвышенную его душу и раздѣлявшую съ нимъ и грусть, и радость, и горе, и счастье, и восторгъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы, молодая чета уѣхала

въ Милань, гдѣ Бальфе поставилъ оперу свою «Генрихъ-Четвертый» (*Enrico IV*).

Первый скрипачъ миланскаго театра былъ одинъ изъ тѣхъ стариковъ, которые, будучи убѣждены въ собственномъ достоинствѣ, вѣрятъ въ талантъ только тогда, когда онъ развивается посредствомъ долголѣтней опытности. Постановка оперы, написанной молодымъ пѣвцомъ, была совсѣмъ не по-сердцу музыканту, и при первой репетиціи онъ отказался играть.

— Но что же вводитъ васъ въ затрудненіе?—спросилъ его Бальфе, бывшій на сценѣ.

— Я рѣшительно не понимаю вашей музыки, — отвѣчалъ скрипачъ: — или вы ошиблись, что было бы непростительно, или переписчикъ перевралъ.

— Позвольте посмотреть.

— Смотрите, и скажите, можетъ ли человѣкъ играть подобную шаль, — возразилъ старикъ, протягивая къ композитору свои ноты.

Бальфе взглянулъ на нихъ и улыбнулся.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — я сыграю пассажъ этотъ за васъ, — но вы спойте мою партію.

Бальфе вскочилъ въ оркестръ, взялъ изъ рукъ удивленнаго музыканта скрипку и началъ играть. Раздались громкіе аплодисманы; всѣ присутствовавшіе нашли, что не только музыкантъ не правъ, но что даже мѣсто это заключаетъ въ себѣ дивную гармонію.

— Вы видите, — прибавилъ композиторъ-виртуозъ, — я сдержалъ слово, я исполнилъ вашу обязанность, извольте же теперь исполнить мою.

Пристыженный музыкантъ отказался отъ пѣнія.

Происшествіе это произвело на бѣднаго скрипача такое сильное впечатлѣніе и такъ живо затронуло полувѣковое его самолюбіе, что, возвратясь домой, онъ слегъ въ постель и умеръ черезъ нѣсколько дней.

Въ 1834 году находимъ мы Бальфе въ Венеціи, гдѣ онъ сочинилъ оперу «Гамлетъ» (*Hamlet*); въ 1835 же году, слѣдуя пригласенію Малибранъ, онъ отправляется съ семействомъ въ Лондонъ. Здѣсь написалъ онъ знаменитую оперу свою «Осада Рошели» (*The Siege of la Rochelle*). Представленная въ томъ же году, она выдержала сто-одиннадцать представленій сряду, и каждый разъ дуэтъ, исполняемый Лаблашемъ и госпожею Гризи, повторяемъ былъ отъ шести до семи разъ. Слѣдующая за тѣмъ опера его (*The Maid of Artois*) «Дѣвушка изъ Артоа», дана была госпожею Малибранъ въ Парижѣ, подъ

названіемъ *Maçon l'Escaut*, и принята съ восторгомъ. Въ-особенности, замѣчательна въ ней арія II ріасеге; та самая, которою незабвенная Віардо заключала у насъ всегда «Донъ Пасквале», чрезъ что и арія и имя композитора сдѣлались у насъ въ Петербургѣ совершенно популярными. Другая опера Бальфе «Цыганка» (*la Gitana; the Gipsy*), представленная въ 1843 году, на Дрюриленскомъ театрѣ, имѣла такой успѣхъ, что послѣ сего представленія ея, директоръ и члены театра поднесли композитору въ подарокъ серебряный сервизъ цѣною въ 500 фун. стерл. (3000 р. еер.). Эта опера и другая, Бальфе же: «*Les quatre fils d'Aymon*». (Четыре сына Аймона), произвели въ Вѣнѣ неимовѣрный фуроръ, упрочили славу композитора, и до-сихъ-поръ принадлежатъ къ числу любимѣйшихъ оперъ репертуара.

Со времени пріѣзда своего въ Лондонъ, Бальфе покинулъ совершенно свое сценическое поприще, предался исключительно композиціи, и въ послѣдствіи былъ директоромъ тамошней Королевской Оперы.

Вообще Бальфе написалъ музыку къ балету Лапейрузъ и двадцать двѣ оперы, именно, кромѣ упомянутыхъ нами:

Catherine Grey, въ 1836 г., для Лондона. *Falstaff*, въ 1837 г., для Лондона. *La dame voiléé*, въ 1838 г., для Лондона. *Joan d'Arc*, въ 1839 г., для Лондона. *Ceolante*, въ 1840 г., для Лондона. *Le Puits d'amour*, въ 1841 г., для Парижа. *The daughter de St. Marc*, въ 1844 г., для Лондона. *L'Etoile de Seville*, въ 1845 г., для Парижа. *Le chevalier de St Georges*, для Лондона. *L'Enchanteresse*, для Лондона. *La dame d'honneur*, для Лондона. *La fiancée Sicilienne*, для Лондона. *Le Diable à quatre*, для Лондона. *Elfride*, въ 1852 г., (еще неигранная).

Кромѣ этихъ оперъ, Бальфе сочинилъ болѣе 200 ирландскихъ, шотландскихъ, англійскихъ и итальянскихъ пѣсенъ.

Стиль произведеній Бальфе въ высшей степени непринужденный, соединяетъ съ привлекательной легкостью, граціозность и изящество. Во всѣхъ сочиненіяхъ его преобладаетъ элементъ народности, и въ этомъ заключается тайна что все, написанное Бальфе дѣлается повсюду популярнымъ, а это и составляетъ главное достоинство мелодій.

Но что въ Бальфе замѣчательно, — это удивительная его музыкальная память. Голова Бальфе огромный архивъ всѣхъ произведеній, и мы сами видѣли, какъ онъ играетъ на память любую пьесу, не ошибая ни въ одной нотѣ.

Надѣмся, что пребываніе его въ Петербургѣ не останется безъ пріятныхъ для насъ результатовъ.

Бальфе написалъ въ Петербургѣ прекрасный романсъ: *The blighted flower*. Музыка удивительно подходитъ къ словамъ, и выразитъ каждое душевное волненіе. Романсъ этотъ переведенъ на русскій языкъ подъ названіемъ *Цвѣточикъ*, стихами, хотя не завидными, но довольно вѣрно выражающими мысль англійскаго поэта:

Въ саду, моимъ стараніемъ призрѣнный,
Цвѣточикъ цвѣлъ подѣ травкою глухой,
 Незнаемый, какъ ландышъ потаенный,
 Ни бурею, ни алкою пчелою. и т. д.

Курсивомъ напечатанныя слова что-то очень близко напоминаютъ нѣкоторыя мѣста изъ одной слишкомъ извѣстной поэмы... впрочемъ, мы не винимъ переводчика: онъ предпочелъ своимъ стихамъ стихи Пушкина, и мысль соединить ихъ съ музыкою Бальфе очень не дурна; поэты эти такъ достойны другъ друга!

Сверхъ-того вышли: знаменитая арія *Il piacere* и *Дуэтъ изъ Фальстафа*, исполняемый г-жею Гризи и Лаблашемъ. Но объ этомъ послѣ, теперь поговоримъ объ другомъ замѣчательномъ артистѣ, находящемся теперь у насъ, — о г. Мортъе де Фонтенѣ.

Профессоръ эстетики Брендель въ своей «Исторіи Музыки» (*Geschichte der Musik in Deutschland, Frankreich und Italien. Leipzig 1852 г.*) говоритъ между-прочимъ, что для каждаго виртуоза-пьяниста существуютъ три степени, заключающія въ границахъ своихъ все искусство. Къ первой степени принадлежитъ строгое, отчетливое исполненіе написаннаго и подчиненіе субъективности виртуоза произведенію. Вторая степень — образуетъ художественную сферу въ тѣсномъ и спеціальномъ ея значеніи. Здѣсь исполнитель размышляетъ надъ произведеніемъ и создастъ такъ-называемое искусство игры. Въ третьей степени, предшествующія двѣ сливаются въ одно цѣлое, доведенное до совершенства. Степень эта обнаруживается высшимъ художественнымъ исполненіемъ; самобытность исполненія соединяется въ ней съ оригинальностью исполнителя и является чисто-изящнымъ воспроизведеніемъ. По мнѣнію Бренделя, Листъ одинъ достигъ высшей точки въ послѣдней степени; послѣ него, болѣе прочихъ приблизились къ ней Мендельсонъ-Бартольди, Клара Шуманъ, Литольфъ, *Мортъе-де-Фонтенъ* и Гиллеръ.

Подобный отзывъ со стороны совѣтливаго критика весьма лестенъ для артиста, о которомъ г. Дамке, въ № 1827-мъ С. Петербургскихъ французскихъ вѣдомостей, отзывается, какъ объ виртуозѣ преимущественно отличающемся исполненіемъ сочиненій Генделя и Бетговена, и общающемся намъ много наслажденій.

Мортъе-де-Фонтенъ (Станиславъ-Лудовикъ) родился въ 1816 году, въ Волынской губерніи. Сопровождая родителей своихъ въ ихъ путешествіи по Италіи, семилѣтній мальчикъ сдѣлался ученикомъ извѣстнаго миланскаго пѣаниста Доменика Скаппа, и развилъ дарованіе свое быстрыми успѣхами, подъ руководствомъ этого опытнаго учителя. Впервые выступилъ онъ на музыкальное поприще въ 1836 году, въ Парижѣ, въ концертахъ *Gymnase musical*; потомъ участвовалъ въ Миланѣ въ концертахъ Листа, который въ 1846 году представилъ молодаго артиста высшему вѣнскому обществу, какъ виртуоза, пользующагося особеннымъ его уваженіемъ.

Въ томъ же году Мортъе-де-Фонтенъ давалъ въ Вѣнѣ большой концертъ, въ которомъ, между прочимъ, исполнилъ въ присутствіи болѣе четырехъ тысячъ слушателей, фантазію Бетгоvena *op. 81*-й, съ аккомпаниментомъ оркестра и хоровъ. По окончаніи концерта, къ Мортъе-де-Фонтену явилась депутація вѣнской музыкальной консерваторіи, и поднесла ему оригинальный экземпляръ исполненной имъ фантазіи, какъ артисту, лучше всѣхъ понимающему геніи Бетгоvena, а потому болѣе другихъ имѣющему право владѣть этимъ автографомъ великаго учителя.

Экземпляръ этотъ подаренъ былъ Бетгоvenомъ другу его Цмескалю, съ надписью, характеризующею его скромность:

«Für Freund Zmeskal vom ganz kleinen Autor selbst».

Цмескаль поднесъ его Эрцгерцогу Рудольфу, который предоставилъ драгоцѣнность эту въ собственность музыкальной консерваторіи.

Мы имѣли случай слышать игру г. Мортъе-де-Фонтена. Артистъ исполнялъ аллегро изъ четвертаго сочиненія Генделя, заключающаго въ себѣ шесть концертовъ, и исполнялъ его въ томъ видѣ, какъ оно играется въ настоящее время всѣми нервоклассными артистами Парижа, съ сдѣланными имъ дополненіями. Игра Мортъе-де-Фонтена въ высшей степени разнообразна, музыкальна и чиста, то-есть, чужда всѣхъ фарсовъ и шарлатанствъ современныхъ пѣанистовъ, которые играютъ не для того, чтобы передать превосходно хорошую музыку, а чтобы показать свою ловкость на инструментѣ. Онъ, какъ видно, вполне проникается мыслью композитора и сродняется съ духомъ его, чрезъ что самое исполненіе получаетъ совершенно оригинальный колоритъ. Сдѣланныя имъ добавленія написаны совершенно въ духѣ Генделя, и обнаруживаютъ въ немъ короткое знакомство съ геніемъ великаго учителя.

Аллегро этой пьесы, съ добавленіями Мортъе-де-Фонтена, посвященное имъ графу М. Ю. Вѣльгорскому, поступило нынѣ въ продажу, въ *Musée Musical*, и вѣроятно примется съ удовольствіемъ всѣми истинными любителями музыки. Трудъ Мортъе-де-Фонтена обозначенъ

тамъ мелкими нотами, и потому легко отличается отъ Генделева. Въ этомъ же магазинѣ продается и другое сочиненіе того же артиста, гимнь: *Mon âme à Dieu, mon coeur à toi!*

Вообще Musée Musical богатъ изящнымъ выборомъ изданій самой животрепещущей современности, между-прочимъ мы должны обратить вниманіе на сочиненія вновь прибывшаго къ намъ другаго пѣаниста, г. Лешетицкаго: *Le Chant du Pêcheur, Premier Amour, Nocturne, Mazurka, Impromptu.*

Молодой талантливый пѣанистъ Лешетицкій родомъ изъ Галиціи. Онъ сынъ знаменитаго учителя музыки въ Вѣнѣ и первое образованіе свое получилъ отъ отца. Потомъ онъ сдѣлался ученикомъ знаменитаго Черни, и на двѣнадцатомъ году жизни явился, въ первый разъ, въ публичномъ концертѣ, въ Вѣнѣ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Листа, который съ-тѣхъ-поръ не переставалъ принимать въ немъ живѣйшее участіе. Лешетицкій извѣстенъ не только игрою, но и сочиненіями своими, въ которыхъ обнаруживаетъ замѣчательный талантъ. Мы имѣли случай слышать: *Le Chant du pêcheur* (пѣснь рыбака), сыгранную самимъ Лешетицкимъ, и предсказываемъ молодому артисту большой успѣхъ, въ родѣ того, который пріобрѣлъ у насъ Шульгофъ. Блестательная, чистая, легкая игра его будетъ вѣрно оцѣнена публикою.

На дняхъ, въ домѣ г-жи Мятлевой былъ концертъ дѣвицы Маріи Серато, дѣвочки двѣнадцати лѣтъ.

Въ концертѣ этомъ мы во второй разъ увидѣли явленіе, представляющее собою горькую пронию на артистовъ съ громкою славою, проводившихъ жизнь свою въ стараніяхъ превозмочь всѣ механическія трудности скрипичной игры. Дѣти, если не перещеголяли, то, по-крайней-мѣрѣ, сравнились съ ними — совершенно. И это очень естественно: эти господа исполнители—для инструмента, для хитростей своихъ рукъ, совершенно забываютъ музыку, и отдаются всею душою одному механизму, который, какъ стеченіе физическихъ случайностей, — или, какъ говорятъ въ простонародіи — *фортепей*, — становится дѣломъ очень обыкновеннымъ для всѣхъ, кто захочетъ убить на нихъ свой трудъ, время и терпѣніе. У дѣтей же члены гибче, и потому они легче и скорѣе достигаютъ цѣли. Въ Маріи Серато музыкальный даръ пробудился инстинктивно, на пятомъ году отъ рожденія. Въ Венеціи, она жила въ одномъ домѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Фіорати, скрипачемъ, пользующимся уваженіемъ Италіи. Звуки скрипки его каждый день долетали до слуха пятилѣтней дѣвочки, и все болѣе развивали въ ней непреодолимую страсть къ изученію этого чуднаго инструмента. Едва Фіора-

ти начиналъ играть, какъ Марія тутъ же покидала куклы и игрушки, опроретью вбѣгала въ комнату виртуоза, и остановившись предъ нимъ, съ жадностью слѣдила за каждымъ движеніемъ его пальцевъ. Это заставило, наконецъ, Фіорати обратить вниманіе на музыкальныя способности ребенка, онъ прочиталъ въ быстрыхъ глазахъ ея дарованіе, и переговоривъ съ родителями Маріи, принялся учить ее на своемъ инструментѣ. Четыре года Фіорати слѣдилъ съ тщательностію за развитіемъ таланта маленькой виртуозки; блистательный успѣхъ увѣнчалъ его старанія и надежды. Игра Маріи получила необыкновенную для возраста ея смѣлость и оригинальность. На десятомъ году Марія отправились въ Германію. Первое появленіе ея было въ Мюнхенѣ, гдѣ она очаровала слушателей своею игрою. Тамашній капельмейстеръ Штунцъ написалъ въ альбомѣ ея, при этомъ случаѣ, стихи, въ которыхъ выразилъ все свое уваженіе къ этому необыкновенному таланту. Марія была принята съ восхищеніемъ въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, гдѣ каждому виртуоза встрѣчаетъ строгая и безпристрастная критика. Скрипичная школа въ этихъ городахъ, какъ извѣстно, стоитъ на одной ступени съ парижской. Необыкновенный успѣхъ сопровождалъ Марію въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Брауншвейнѣ и, такимъ-образомъ, добралась она до ГанOVERA, вездѣ встрѣчаемая и провожаемая громкими рукоплесканіями и всеобщимъ одобреніемъ. Въ ГанOVERѣ была она представлена ко двору, и получила отъ короля въ подарокъ драгоценную скрипку, на которой она играетъ и теперь. Къ намъ Марія пріѣхала чрезъ Штокгольмъ, гдѣ все журналы были наполнены самыми лестными отзывами объ ея талантѣ.

Но намъ удивляться нечего, — XIX вѣкъ, столь богатый успѣхами, сдѣланными въ наукахъ и художествахъ, богатъ и дѣтьми-виртуозами. Давно-ли все иностранныя газеты громко провозглашали появленіе новаго феномена, дѣвицы Терезы Миланолло, сравнивали ее съ Вьетаномъ, и не находили достаточныхъ выраженій для похвалы ея таланту и искусству. Въ нынѣшній сезонъ и намъ предстоитъ ближе ознакомиться съ этимъ феноменомъ: — Тереза Миланолло ѣдетъ въ Петербургъ, но уже не ребенкомъ, а взрослой дѣвушкой, имѣвшей возможность соединить самобытность таланта своего, съ опытностію, пріобрѣтенною долгими упражненіями и изученіемъ. Музыка — языкъ чувствъ, выраженіе страстей, ребенокъ можетъ только предощущать чувства, которыя вполне развиты въ взросломъ человѣкѣ, и потому-то виртуозъ въ цвѣтѣ лѣтъ передаетъ ощущенія свои разумно, между-тѣмъ, какъ дитя выражаетъ ихъ наивно, то-есть, только инстинктивно. Чей удѣлъ счастливѣе? Это вопросъ, относящійся къ философіи. Мы хотѣли только

указать на значеніе, которое пріобрѣтаетъ предстоящій пріѣздъ г-жи Миланолло въ музыкальномъ мірѣ Петербурга.

Тереза Миланолло родилась въ Піемонтѣ, въ 1829 году. Находясь однажды, — ей было тогда четыре года, — съ отцемъ своимъ въ церкви, гдѣ исполнялась торжественная месса, она съ вниманіемъ вслушивалась въ звуки оркестра, особенно въ соло скрипки. Музыкальное призваніе проснулось въ ней, — скрипка произвела на воображеніе ея невыразимое впечатлѣніе.

Тереза съ этой минуты не переставала просить отца купить ей скрипку. Отецъ не обращалъ вниманія на просьбы ребенка; онъ видѣлъ въ нихъ одинъ дѣтскій капризъ. Наконецъ, Тереза рѣшилась сдѣлать сама себѣ скрипку; она выпросила у отца доску отъ старой гитары, и принялась за работу, которая однако осталась неудовлетворительной.

Такъ прошли два года. Тереза каждый день повторяла просьбу свою, и отецъ, наконецъ, рѣшился нанять ей учителя. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что нѣсколькихъ уроковъ будетъ достаточно, чтобы внушить дочери отвращеніе къ дальнѣйшимъ попыткамъ. Но онъ жестоко ошибся.

Подстрекнутая обѣщаніемъ получить скрипку въ награду за успѣхи, Тереза ревностно принялась за скучное изученіе первыхъ основаній игры, и въ короткое время сдѣлала необыкновенные успѣхи. Ей подарили давно желаемый инструментъ, и всѣ предсказывали ребенку блистательную будущность.

Вскорѣ родители Терезы вынуждены были оставить родину; они переселились въ Туринъ и поручили дальнѣйшее образованіе дочери первому скрипачу капеллы короля Карла-Алберта. Годъ спустя, учитель объявилъ, что успѣхи ребенка такъ велики, что Тереза можетъ даже участвовать въ публичныхъ концертахъ, и совѣтовалъ родителямъ предпринять путешествіе во Францію, гдѣ искусства находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Ободренный значительными успѣхами дочери въ главнѣйшихъ городахъ Піемонта, Миланолло отправился съ семействомъ своимъ во Францію.

По прибытіи въ Парижъ, въ 1837 году, Миланолло тотчасъ же сдѣлалъ визитъ знаменитому скрипачу Лафону, къ которому имѣлъ рекомендательныя письма. Лафонъ прослушалъ Терезу, и такъ былъ восхищенъ ея талантомъ, что съ-тѣхъ-поръ не переставалъ оказывать живѣйшее участіе къ судьбѣ молодой артистки. Тереза съ большимъ успѣхомъ играла пять разъ на сценѣ театра Комической Оперы, и сопутствовала Лафону въ Голландію. Артистъ и ребенокъ произвели большой-эффектъ въ Брюсселѣ, потомъ отправились въ Амстердамъ, гдѣ дали нѣсколько концертовъ. Здѣсь Тереза опасно занемогла, и принуждена была

разстаться съ Лафономъ, котораго призывали обратно въ Парижъ важныя и неотлагаемыя дѣла. Слѣдуя приглашенію принцессы Оранской, Тереза, по выздоровленіи своемъ, поѣхала въ Гагу, гдѣ ожидалъ ее самый лестный приемъ. Здѣсь получила она въ подарокъ драгоценную брилліантовую брошку и великолѣпную куклу. Последнее было гораздо свойственнѣе юному возрасту артистки. Тереза объѣхала все провинціи Голландіи, и отправилась въ Лондонъ, гдѣ играла съ огромнымъ успѣхомъ на сценѣ Ковентгарденскаго театра. Первый англійскій скрипачъ Мори пригласилъ ее участвовать съ нимъ въ исполненіи концертной симфоніи для двухъ скрипокъ, — и съ-тѣхъ-поръ слава Терезы пронеслась по всей Англій. Она объѣхала всю Англій съ извѣстнымъ арфистомъ Бохсою, и въ-теченіе мѣсяца дала болѣе тридцати концертовъ. На обратномъ пути во Францію, Тереза останавливалась въ Булоньи, Лиллѣ, гдѣ въ честь ея была вычеканена медаль, въ Аббевиллѣ, Діенпѣ, Гаврѣ. Въ Канпѣ филармоническое общество поднесло ей часы съ ея вензелемъ.

По возвращеніи въ Парижъ, Тереза усовершенствовалась еще подъ руководствомъ Габенека, и являлась въ большихъ концертахъ въ залахъ Герца, Плейэля и Ерарда. Консерваторія предложила Терезѣ участвовать въ одномъ изъ ея концертовъ. Тереза исполнила большой полонезъ Габенека, среди обшенихъ криковъ восторга и аплодисмановъ. Съ этой минуты дарованіе ея было признано всеми знаменитѣйшими артистами. Нарочно для Терезы данъ былъ большой музыкальной праздникъ въ Нельи; королева удостоила молодую артистку благосклоннымъ и ласковымъ приемомъ, и нѣсколько разъ обнимала ее съ трогательною нѣжностью.

Тереза объѣхала всю Бельгію и Германію, и обратила на себя вниманіе самаго Берію, который подаль ей нѣсколько благонамѣренныхъ совѣтовъ. Король прусскій пригласилъ ее въ Брюль, откуда она отправилась во Франкфуртъ. Слава ея увеличивалась съ каждымъ днемъ. Въ Стутгартѣ получила она богатые подарки, въ Карлсруэ, въ Мюнхенѣ публика плакала при разставаніи съ нею. Въ Вѣнѣ концерты ея каждый разъ удостоивались августѣйшаго присутствія членовъ императорскаго дома. Скоро и мы подивимся этому новому Паганини — въ юбкѣ, какъ ее называютъ.

Но кромѣ Миланолло ожидаютъ въ Петербургѣ еще другую артистку, которая въ последнее время приобрѣла себѣ громкую извѣстность въ чужихъ краяхъ. Мы хотимъ говорить о пѣвицкѣ Вильгельминѣ Клаусъ, рожденной въ Прагѣ, отъ весьма богатыхъ родителей. Вильгельмина Клаусъ впервые являлась публично въ сѣверныхъ городахъ Германіи,

въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, откуда отправилась вдоль Рейна. Въ Кельнѣ познакомилась она съ Мортье-де-Фонтемомъ, который, оцѣнивъ рѣдкое дарованіе ея, посоветовалъ ей отправиться въ Парижъ. Здѣсь Вильгельмина понесла чувствительную потерю, — она лишилась матери, мѣсто которой замѣнила ей извѣстная пѣвица Унгеръ-Сабатье. Изъ Парижа Вильгельмина поѣхала въ Лондонъ.

Музыкальное поприще Вильгельмины Клаусъ продолжается всего только два года, но несмотря на то, она успѣла уже приобрести себѣ весьма почетную извѣстность въ артистическомъ мірѣ.

Всѣ эти гости общаются намъ много наслажденій въ предстоящемъ сезонѣ. Но что скажетъ Петербургъ, если длинный списокъ этотъ увеличится еще именами знаменитѣйшихъ артистовъ, каковы: г. Джонъ Томасъ, первый арфистъ королевы Викторіи, г-жа Меланія Паришъ-Альваресъ, сестра пѣвицы нашего Карла Леви, и вдова и наследница таланта знаменитаго арфиста. Гг. Келлерманъ (виолончелистъ), Совлетъ (флейтистъ) и Жилардони (контрабасистъ), пользующіеся высокимъ уваженіемъ между извѣстнѣйшими виртуозами, братья Шталкнехтъ и Лешгорнъ, восхищавшіе Берлинъ своими обворожительными тріо, г. Сивори, единственный ученикъ Паганина, восхищавшій уже Петербургъ нѣсколько лѣтъ тому своей блестящей игрою на скрипкѣ, не менѣе извѣстный скрипачъ Леонардъ, принадлежащій къ школѣ Вьетана, и наконецъ, братъ Апполинарія, Антуанъ Контскій, первый пианистъ королевы Изабеллы Испанской.

Всѣ эти господа, болѣею частію уже пріѣхавшіе, составляютъ блистательнѣйшій сезонъ, который образуетъ эпоху въ музыкальныхъ лѣтописяхъ Петербурга. Прибавьте къ этому нашу старинную любимцу Віардо-Гарсію и Тальберга, который сѣдѣтъ сюда на свиданіе съ своимъ тестемъ, Лаблашемъ. Да это просто небывалый музыкальный праздникъ для Петербурга! Гдѣ-бы занять ушей и—денегъ? Подробности объ этихъ артистахъ общаемъ мы сообщать читателемъ въ свое время, теперь-же перейдемъ къ музыкальнымъ произведеніямъ, вышедшимъ въ Петербургѣ въ послѣднее время.

Что касается до изданія музыкальныхъ произведеній, выходящихъ въ Россіи, то въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія *Musée Musical*, въ Пассажѣ № 25. Уже давно заслужилъ онъ всеобщее расположеніе, какъ изяществомъ своихъ изданій, такъ и скоростью, съ которой старается знакомить публику съ новѣйшими музыкальными произведеніями. Назовемъ, для примѣра, только замѣчательнѣйшія, изданныя имъ въ настоящее время: *Allegro de Concert par Händel, rédigé par Mortier-de-Fontaine*. *Hymne «mon âme à Dieu, mon coeur à toi» par*

Mortier de Fontaine. Polka-Mazurka par Etienne Hendrikoff. Deux Mazurkas par Volanges. Cascade-polka. Souvenir de Réval, polonaise par Damier. Проказница—полька соч. Адерсона. Polka-Mazurka par Krausenecker. Eglantine, Wanda et Olga polkas par Sidorowitch. Betty-Polka et Pavillon de Roses par Wenzel. Helenen-Polka et Elisen-Tänze, Valse par Josef Gung'l. Polka russe et Arabesca-Polka par Borosdine, Le Souvenir (Schon wieder!), Quadrille et Galop de Salon, par Henri Schacht. Herzblatt'l Walzer par Kelch, Marien-Walzer par Nicolas Titoff, Цвѣточикъ (the blighted flower) романсъ par Balfe. Duo de l'opéra Falstaff et «Il piacere» air de l'opéra «La Bohémienne par Balfe.» Жаворонокъ Киевскихъ полей «(Сборникъ малороссійскихъ пѣсень) и Поппури изъ малороссійскихъ пѣсень, составленные Паливодою-Карпенко и аранжированные для фортепяно Мельцеромъ.

— Но кто этотъ Паливода-Карпенко, имя котораго встрѣтили мы въ списокѣ изданій *Musee Muscial?* спросятъ, вѣроятно, наши читатели.

— Неужели тотъ самый...

— Именно, это тотъ самый Карпенко, который первый ознакомилъ насъ съ комическими пѣснями Малороссіи и такъ забавлялъ на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ и въ петербургской Альямбѣ.

Но поговоримъ о Паливодѣ-Карпенко.

Малороссія имѣетъ большое значеніе въ музыкальности Россіи, она наша Италія, и сколько думъ, сколько мечтаній, столько поэзій, зароняетъ въ душу мысль о ней. Національныя пѣсни Малороссіи самостоятельны, оригинальны и отличаются особеннымъ мѣстнымъ колоритомъ. Романтическія ея мелодіи, при всей благозвучности однообразны и монотонны; комическія же дышатъ разнообразіемъ и сладостью.

Мы говорили, что Карпенко первый познакомилъ насъ съ народными комическими пѣснями Малороссіи. До его пріѣзда, извѣстны намъ были только три-четыре пѣсни изъ «Москаля Чарышника» и нѣсколько изъ «Наталки Полтавки» и «Казака-Стихотворца. Карпенко-же первый сталъ пѣть чисто народныя пѣсни и ознакомилъ съ ними публику. Артемовскій окончилъ начатое и сдѣлалъ пѣсни, эти популярными.

Читателямъ, вѣрно, любопытно будетъ узнать нѣсколько біографическихъ подробностей о Паливодѣ-Карпенко. Онъ родился въ г. Васильковѣ, въ 1815 году, окончилъ курсъ наукъ въ Елисаветградскомъ уѣздномъ училищѣ и въ Киевской Гимназіи. Почувствовавъ непреодолимую страсть къ сценическому искусству, Карпенко поступилъ въ труппу киевскихъ актеровъ. Въ первый разъ онъ дебютировалъ, въ 1839, году, въ г. Умани, въ роли Пастора въ «Сынъ Любви» и удостоился благосклоннаго приѣма. Въ 1840 году игралъ онъ «Гамлета» (?!!) на киев-

скомъ театрѣ, а въ 1845 находимъ мы его уже въ группѣ смоленскаго театра, подъ фамиліею Карпова. Въ Минскѣ принялъ онъ имя Карповича, а въ 1851 году прибылъ въ Петербургъ. Г. Карпенко пускался и на литературное поприще. Онъ написалъ и издалъ повѣсти: *Твардовскій* и *Печальная участь древняго Василькова*. Въ 1845 году онъ началъ издавать *Барвинокъ Украйны* въ 35 книгахъ, изъ которыхъ по-сіе-время вышли только двѣ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, Карпенко приготоуилъ для театра нѣсколько пьесъ, а именно: 1. *Судъ и расправа Пана Тысяцкаго или жидовская мудрость, цыганская хитрость и хохлацкая простота*. Малороссійская комедія-водевиль. 2. *Катерина Шевченкова*. Малороссійская романтическая опера. 3. *Заложеніе Кіева*. Волшебная опера съ балетомъ. 4. *Орлосилъ и Седмогрома*. Драматическое представленіе, заимствованное изъ кіевскихъ преданій, съ музыкою. 5. *Татьяна Перяясловка*, опера. 6. *Три князя, Кій, Щекъ и Хоревъ и сестра ихъ, княжна Лыбедь*, драматическое представленіе.

Страшное изобиліе! Намъ кажется, что г. Карпенко намѣревается завладѣть всею сценою безъ раздѣла. Чего тутъ нѣтъ? И комедіи, и водевили, и драматическія представленія, и оперы, волшебныя и романтическія, и музыка, и балетъ! Неужели г. Карпенко и музыкантъ и танцмейстеръ? Онъ ужъ безъ того пѣвецъ, актеръ и литераторъ! Кажется, довольно... такъ нѣтъ! г. Карпенко хочетъ доказать, что древніе напрасно питали уваженіе къ музамъ, раздѣлявшимъ изящныя искусства между девяти сестеръ: онъ соединяетъ все таланты въ одной своей особѣ....

Но чѣмъ Карпенко приобрѣлъ несомнѣнно благодарность публики,— это собраніемъ любимѣйшихъ пѣсень своего разнообразнаго репертуара въ одинъ Альбомъ, а равно и составленіемъ изъ нихъ *оригинальнаго* поппури. Все это продается въ *Musée Musical*.

Теперь, въ заключеніе, сообщимъ читателямъ нашимъ, что музыка балета: *Война женщинъ*, въ скоромъ времени выйдетъ изъ печати и поступитъ въ продажу въ магазинѣ Деноткина, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Демидова.

III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Объявленія. — Страсть къ дешевизнѣ. — Папиросы съ сюрпризами и лотерейными билетами. — Панорама Палермо. — Театръ обезьянъ. — Панорама Миссисипи. — Живописные альбомы. — Бюсты и статуэтки г. Степанова. — Бѣгъ съ препятствіями. — Костюмы.

Въ предыдущей статьѣ мы уже говорили о страсти Петербурга къ новостямъ; надо къ этому прибавить, что кромѣ-того онъ чрезвычайно любитъ *дешевизну*. Ново и дешево — вотъ два слова, которыя имѣютъ на насъ обаятельную силу. Многіе изъ петербургскихъ торговцевъ и промышленниковъ хорошо изучили характеръ нашего населенія, и ловко играютъ на слабыхъ струнахъ его. Каждый день намъ разносятъ самыя заманчивыя афиши, съ приглашеніями на зрѣлища, увеселенія, покупки, противъ которыхъ едва ли устоялъ бы самъ Катонъ. Здѣсь вамъ продаютъ разныя парижскія бездѣлушки, почти за-ничто, по случаю *прекращенія торговли*, которая на другой день послѣ распродажи начинается съ новою дѣятельностію; тамъ просятъ раскупать наряды за полцѣны, по *случаю отъѣзда*; и вы за *полцѣны* покупаете вещь дороже, чѣмъ она стоить по настоящей цѣнѣ; наконецъ, вамъ въ-добавокъ къ вашей покупке прибавляютъ подарки, придачи, сюрпризы и т. д. Соблазнительно! Главное — ново и дешево! Въ послѣднее время мода эта особенно проявляется въ продуктѣ крайней необходимости, именно въ папиросахъ и сигарахъ. Кто-же нынче не курить, кому не нужны папиросы и сигары? Даже прекрасный полъ нашъ не прочь попортить свои перламутровыя зубки этимъ американскимъ зельемъ, котораго появленіемъ въ Европѣ мы обязаны г-ну Жану Нико, который въ 1560 году первый вывезъ въ Европу табачныя сѣмяна.

Недавно афишки возвѣстили намъ, что г. М. Достоевскій открылъ сигарную фабрику и продаетъ папиросы съ *сюрпризами*. Сюрпризъ — это магическое слово. Весь Петербургъ бросился къ нему за папиросами, а говоръ и изумленіе города — были немаловажны, когда между сюрпризами, въ красивыхъ ящикахъ, находили дѣйствительно изящныя заграничныя вещи, по цѣнности своей превышающія стоимость самыхъ сигаръ. Успѣхъ былъ обезпеченъ! И въ-самомъ-дѣлѣ, чего-же еще хотѣть, когда за два рубля серебромъ, вамъ даютъ на эту цѣну папиросъ, отъ которыхъ, вмѣсто пепла, остается у васъ прелестная вещь, стоящая три или, по крайности, два рубля! А въ добавокъ еще и самыя папиросы отличны, изъ чистаго, неподдѣльнаго табаку, безъ всякой примѣси! Нельзя понять, какимъ образомъ совершается подобное великодушіе! Но главное дѣло въ томъ, что оно возбудило вниманіе, увѣнчалось

успѣхомъ! И вотъ теперь, что день, то является новое объявленіе и отъ другихъ фабрикантовъ, объ папиросахъ и сюрпризахъ! А г-жа Линина превзошла даже всѣхъ: она въ объявленіи своемъ обѣщаетъ въ каждомъ ящикѣ папиросъ въ 3 р. 25 к. с. или *домъ*, или *золотой уборъ*, или *серебряный сервизъ на 24 персоны*, или *бриллиантовую вещь*! Да кто-же послѣ этого не станетъ курить этой горькой травы, завернутой въ вонючую бумажку, извѣстной подъ именемъ папиросъ, кто не станетъ прожигать себѣ платья и сорить золою комнаты и мебель, когда проглотивъ 500 такихъ горькихъ пилюль, онъ получитъ домъ, экипажъ, серебряный сервизъ, украсится золотомъ и брилліантами? Но эти папиросы съ сюрпризами имѣютъ еще свой особенный сюрпризъ: вмѣсто обѣщанныхъ сокровищъ, покупатели находятъ только лотерейный билетъ въ ящикѣ, на который, пожалуй, могутъ выиграть домъ, карету и проч. — если удастся! Разсудивъ хладнокровно, иной разсчетливый курильщикъ, пожалуй, выведетъ такую ариѣметическую формулу: 250 папиросъ вездѣ стоятъ только 2 р. с., лотерейный билетъ — также стоитъ 1 р. с. И того выходитъ 3 р., значить весь сюрпризъ мой состоитъ только въ томъ, что я переплатилъ лишнихъ 25 копѣекъ. Но такова сила обольщенія! Никому и въ голову не приходитъ ариѣметика — всѣ хотятъ только имѣть домъ, карету, серебряный сервизъ. Теперь остается только ожидать, что какая-нибудь новая папиросная выдѣлка посулитъ намъ калифорнскія розсыпи, и корабль, на которомъ можно туда за ними отправиться.

Говоря уже разъ объ объявленіяхъ, нельзя умолчать объ одномъ, которое возбудило общее вниманіе и такъ оригинально, что мы не можемъ лишиться себя удовольствія скопировать его буквально, съ стенографическою точностію. Вотъ оно:

«ПРИМѢЧАНІЕ, для предупрежденія недоразумѣнія великой разницы между *Косморамы* и *Панорамы*, для почтеннѣйшей публики.

Косморамы осматриваютъ сквозь увеличительное стекло, но *Панорама* есть картина которую можно обозрѣть *съ глазами* со всѣхъ сторонъ *въ кругъ* изъ возвышеннаго мѣста, выстроеннаго *всреди* и окруженнаго *галлереею*.

Въ Караванной улицѣ, противъ Михайловскаго манежа, выстроенная *Панорама* города Палермо, столицы Сицилійской, *рисованная* Шинкелемъ, *писанная* Бирманомъ, будемъ скоро снята, но на сіе короткое время каждодневно она открыта съ 10 часовъ утра *до затмѣнія солнца*, по обыкновенной цѣнѣ за входъ по 50 коп. серебромъ съ персоны, дѣти до 10 лѣтъ платятъ 25 коп., но для большаго семейства можно уменьшить цѣны для входа по условію съ тамъ находящимся кас-

сиромъ. Описаніе съ планомъ продается при кассѣ по 20 коп. серебромъ.»

Подписано А. Роллеръ.

Панорама *Палермо*, которую, какъ говоритъ объявленіе, можно обозрѣть *съ глазами*, дѣйствительно прекрасна, какъ художественное произведеніе, хотя уже много пострадала отъ времени и непогодъ. Дѣйствіе перемѣнъ свѣта производитъ самые поразительные эффекты и пріятно поражаетъ душу. Въ полчаса вы проживаете цѣлыя сутки въ Палермо: при васъ солнце величественно восходитъ изъ за горъ, покрытыхъ садами, при васъ оно опускается въ волны моря. И вотъ ночной мракъ, столь быстрый и внезапный въ Италіи, озаряется луною, вырывающею изъ-за тучъ. Чудные образы принимаютъ всѣ предметы, которыми вы любовались при яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца. Отъ монастырскаго кладбища вѣетъ холодомъ и таинственностію, запоздалые паруса едва бѣлѣютъ на темныхъ волнахъ моря и чудный сумракъ садовъ полонъ поэзіи. Панорама прекрасна — объявленіе о ней могло бы быть лучше!

Какъ самую свѣжую новость скажемъ, что въ Петербургъ привезли обезьянъ, которыя своими представленіями производили большой эффектъ въ чужихъ краяхъ. У содержателя тридцати обезьянъ, разныхъ породъ, превосходно обученныхъ сценическому искусству и вольтижированію; при нихъ есть восемь крошечныхъ лошадокъ, ростомъ не болѣе аршина съ четвертью, и до двадцати ученыхъ собакъ. Для этихъ представлений будетъ строиться особенный театръ-циркъ. Обезьяны разыгрываютъ комическія пантомимы съ танцами, вольтижируютъ и дѣлаютъ труднѣйшія штуки на лошадяхъ и наконецъ штурмуютъ крѣпость. Говорятъ, что это представляетъ самый забавный спектакль, особливо, когда обезьяна, забывшись, выходитъ изъ роли и предается влеченіямъ своей натуры!

Кромѣ этого театра, прибылъ англичанинъ, который намѣренъ показывать движущуюся панораму Миссисипи. Объ этой панорамѣ было очень много писано за границею: ее выставляютъ какъ верхъ совершенства декоратернаго искусства. Зритель помещенъ передъ нею такъ, что ему кажется, будто онъ на пароходѣ плыветъ по гигантской рѣкѣ и мимо его мелькаютъ калифорнскія розеши, дѣвственные лѣса, пустыни, селы и цвѣтушіе города Сѣверной-Америки. Обманъ — какъ увѣряютъ — доведенъ до очарованія.

Говоря о художественномъ произведеніи, намъ невольно приходятъ на умъ наши художники. Давно уже въ свѣтъ не является ничего знательнаго по части литографіи, но какъ слышно, готовятся два замѣчательные альбома, съ текстами: одинъ составленъ изъ народныхъ русскихъ сценъ и типовъ г. Щедровскимъ; другой представляетъ «Жизнь русскаго

солдата» въ изображеніяхъ и описаніяхъ, и принадлежитъ талантливому художнику Васильеву. Къ обѣимъ изданіямъ текстъ написанъ г. Савиновымъ. Отрывки, которые намъ удалось прочесть, свидѣтельствуютъ, что трудъ этотъ выполненъ добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ дѣла.

Между-тѣмъ, неутомимый художникъ нашъ Н. А. Степановъ, все продолжаетъ трудиться надъ своей галлереей русскихъ знаменитостей. Г. Степановъ нашъ русскій Дантанъ, съ тѣмъ преимуществомъ, что въ его статуэткахъ нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ преувеличеній, которыми отличается французскій скульпторъ-карикатуристъ. У него, при поразительномъ сходствѣ, всегда вѣрно схвачена господствующая комическая черта человѣка и такъ деликатно воспроизведена въ скульптурѣ, что срывающая невольную улыбку, становится совершенно безобидною. Теперь г. Степановъ исключительно занятъ изготовленіемъ бюстовъ съ натуры, въ уменьшенномъ видѣ. До-сихъ-поръ изъ его мастерской вышли и поступили въ продажу * 13 бюстовъ. Это превосходная коллекція для украшенія кабинета. Большая часть этихъ бюстовъ поразительны по своему сходству и прекрасны по тщательной отдѣлкѣ. Всѣ они вылиты изъ простеариеннаго гипса, хорошо выполированы и могутъ противустоять всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ. Закоптился-ли бюстъ, замаранъ-ли онъ, стоить только взять щеточку, вымыть его мыломъ и онъ опять какъ новый. Всѣ лица, избираемые г. Степановымъ, такъ интересны для русской публики, что вѣроятно каждый просвѣщенный человѣкъ захочетъ собрать себѣ полную коллекцію. Купивъ три, четыре бюста, нельзя устоять, чтобъ не завести и остальные. Это искушеніе понадежнѣе попросить съ домами, каретами и серебрянными сервизами. Тѣмъ болѣе, что нынче украшать комнаты бюстами и статуэтками въ большой модѣ.

На дняхъ вышла въ свѣтъ новая игра, довольно занимательная и забавная, подъ названіемъ «Скачка съ препятствіями». Это также дань модѣ. Игра эта, годъ тому выдумана въ Лондонѣ, и оттуда перешла въ Парижъ, гдѣ теперь въ рѣдкомъ порядочномъ домѣ не играютъ въ Steeple-Chase. Если мы говоримъ, что она изобрѣтена, то это значитъ только, что старая игра переложена на новый ладъ, и опять пущена въ ходъ. Игра эта и у насъ была даже извѣстна въ старину, подъ названіемъ «Гуська», да забыта. Разумѣется, что Steeple-Chase приспособлена къ современнымъ требованіямъ и украшена разными романтическими остротами. Безъ этого нельзя же.

---

* Въ главной конторѣ Пантеона, въ домѣ Казанскаго Собора, на Невскомъ проспектѣ. Цѣна безъ пересылки 2 руб. сереб. за пересылку съ каждаго бюста за 4 фунта.

Дамъ нашихъ часто смущаетъ погода : сегодня у насъ зима, завтра осень, послѣ завтра весна. Изволь тутъ одѣться прилично и сообразно съ климатомъ. Но маленькое недоумѣніе въ области модъ имѣетъ свою пріятную сторону : оно всегда допуститъ въ наряды то разнообразіе, которое всему даетъ привлекательность. Докажемъ это фактами. Вотъ замѣчательнѣйшіе костюмы, которые теперь чаще всего встрѣчаются :

1-й *нарядъ*. Шляпка изъ неразрѣзанаго бархата, отдѣланная атласными рюло и украшенная перьями. Подъ полями цвѣточныя или ленточныя гирлянды. Края полей обшиты узкою блондою. Платье шелковое-фассоне, съ закрытымъ воротомъ. Мантилья à la reine изъ кашемира, обшитая въ пять рядовъ бахрамою, подъ цвѣтъ. Это костюмъ для прогулокъ и утреннихъ визитовъ.

2-й *нарядъ*. Прическа, съ заплетенною вокругъ всей головы косою. Наколка изъ черныхъ кружевъ, съ цвѣтами. Спензеръ бархатный, съ фалдачками, спереди со вставною грудью изъ пестрой шотландской бархатной матеріи. Ею же обшиты и рукавчики. Платье свѣтлое, гласе, съ тремя широкими воланами, посреди которыхъ нашита широкая лента изъ полосатаго шотландскаго бархата. Воротничекъ и подрукавники кружевные. — Костюмъ для театра и домашнаго вечера.

3-й *нарядъ*: Шляпка атласная съ блондами. Подъ полями блонды перемѣшаны съ цвѣтами. Перья марабу съ нестрыми концами. Платье изъ шелковой матеріи, съ воланами моаре, подъ нюэньс. Мантилья à la Séglière, обшитая кругомъ сборчатою лентою и самой мелкой бахрамою.

4-й *нарядъ*. Шляпка бархатная, съ открытыми и очень маленькими полями, отдѣланная черными кружевами. Платье-амазонъ, изъ шерстяной матеріи. Спереди три полосы, идутъ отъ талии до подола, изъ бархата, съ узенькими, бархатными ленточками въ промежуткахъ. Кофточка обшита бархатомъ и лентою только въ одинъ рядъ, а спереди украшена бархатными пуговицами.

5-й *нарядъ*. Шляпка атласная, отдѣланная блондами, подъ полями букеты розъ. Платье изъ дамъ, капотомъ, перетянутое въ талии шелковымъ поясомъ съ кистями. Подрукавники изъ англійскаго шитья. Мантилья кашемировая съ аппликаціей изъ бархатныхъ кружевъ. Нарядъ богатый и къ всему пригодный.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 11.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

И

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА,

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

(Переводъ съ французскаго.)

ВАСКОМ СДЕНН

№ 11

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЕ

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА.

ТРАКТИРЩИЦА.

ГОЛОСЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Берри.

КОМАНДА ВЪ СВОИХЪ ГЛАВѢ

МЕРКЮРИЙ СЪ СВОИМИ

Театръ представляет комнату въ трактирѣ. На первомъ планѣ, направо, дверь въ другія комнаты. На второмъ планѣ — альковъ, изъ котораго немного выдается кровать; на ней двѣ подушки. Между альковомъ и дверью — ночной столикъ и кресло. Налѣво, на первомъ планѣ маленькая дверь, похожая на дверцы шкафа, на второмъ тоже. Между дверьми каминъ, на немъ столовые часы, сахарница, стаканъ и два прибора. Надъ каминномъ маленькое зеркало; подлѣ каминна стулъ. Въ глубинѣ большое окно со ступенькою. Въ оконницѣ одно стекло, въ самомъ низу, выбито, и вмѣсто его наклеена бумага; верхнее стекло съ лѣвой стороны также растрескалось и залѣплено бумагою. По обѣимъ сторонамъ окна вѣшалки. Между окномъ и постелью, у стѣны, два табурета. Посрединѣ, на аван-сценѣ, столъ, покрытый скатертью. На столѣ свѣча. Подлѣ каминна виситъ черная доска. На ней написано мѣломъ.

Комната — 3 фр. 50 сент.

Ужинъ — 1 „ 50 „

5 „ 100 „

На каминѣ, подлѣ доски, кусокъ мѣла.

I.

ТРАКТИРЩИЦА накрываетъ на столъ. **ПУТЕШЕСТВЕННИЦА.** въ дезабильѣ изъ бѣлаго муслина; шляпка и шаль ея лежать на креслѣ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА входитъ въ дверь съ правой стороны и говоритъ за кулисы.

Милостивый государь! Я еще разъ прошу васъ оставить меня въ покоѣ. Не если вы не хотите этого сдѣлать, то сегодня вечеромъ придетъ одинъ человекъ, котораго я жду съ нетерпѣніемъ, и который заставитъ васъ уважить просьбу дамы! (*Запираетъ дверь*).

*

ТРАКТИРЩИЦА (*всторону*). Бѣдный молодой человѣкъ! въ какомъ онъ долженъ быть отчаяніи!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*слушая у двери*). Угроза моя подѣйствовала!.. Онъ уходитъ, и хотя я никого не ожидаю...

ТРАКТИРЩИЦА (*накрывая столъ*). Какъ, сударыня, вы его прогнали?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА Мнѣ кажется, что вы сами должны были это сдѣлать? Я у васъ наняла комнату, чтобы провести въ ней эту ночь, и вы бы должны были заботиться о томъ, чтобъ меня не беспокоили.

ТРАКТИРЩИЦА. Но помилуйте! Ссора двухъ влюбленныхъ такъ скоро оканчивается.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Двухъ влюбленныхъ? Это для меня новость!..

ТРАКТИРЩИЦА. Да вѣдь онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы очень ошибаетесь; я пріѣхала въ вашу деревню совершенно одна, чтобы здѣсь дожидаться дилижанса, который ходитъ въ Нерондъ; тамъ все мое семейство; но сегодня утромъ, выходя изъ кареты, первый, кто мнѣ попался на глаза, былъ этотъ молодой человѣкъ. (*Всторону*) Самое несносное существо, за которое хотятъ меня заставить выдти за мужъ. (*Громко*) Чтобъ избѣжать удовольствія ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, я наняла сюда карету, и вы видите, что мы никакъ не могли пріѣхать въ одно время.

ТРАКТИРЩИЦА (*смѣясь*). И все-таки вы ошибаетесь, сударыня. Въ то время, какъ вы думали уѣхать отъ его преслѣдованій — онъ сидѣлъ на заняткахъ вашей кареты.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Недурно выдуманно! Еслибъ онъ сколько-нибудь походилъ на человѣка...

ТРАКТИРЩИЦА (*обиженнымъ тономъ*). На человѣка!.. Чтò-жъ онъ по вашему, сударыня? Прекрасный молодой человѣкъ, хорошъ собою, невысокъ ростомъ... лицо прекрасное, цвѣтущее здоровьемъ. Право, вы были бы съ нимъ очень счастливы.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Я совершенно съ вами согласна; но сдѣлайте одолженіе, прикажите поскорѣе подать мой ужинъ.

ТРАКТИРЩИЦА. Сію секунду... О! здѣсь приказанія посѣтителей исполняются съ быстротою молніи. Вчера еще одинъ путешественникъ, который куда-то очень торопился, сказалъ мнѣ: «Послушайте, нѣтъ ли у васъ какой-нибудь дичи?» — Какъ же, сударь, отвѣчала я, дичья утка къ вашимъ услугамъ. — «Хорошо, только пожалуста поскорѣе», отвѣчалъ онъ, — и чтò-же — вы, можетъ-быть, не повѣрите? черезъ четверть часа, изъ минуты въ минуту, утка была готова, и не только хорошо поджарилась, но даже подгорѣла.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Это невѣроятно!

ТРАКТИРЩИЦА. Вотъ видите!... А онъ еще говорилъ, что это не дикая утка! Не дикая! Когда мы втроемъ едва могли поймать ее, бѣгая за нею по двору! Не дикая! Пусть бы онъ самъ попробовалъ половить ее. (*Ставитъ два прибора*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Послушайте, однако, для чего вы ставите два прибора?

ТРАКТИРЩИЦА. Одинъ для васъ, сударыня, а другой...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. А другой?

ТРАКТИРЩИЦА. Ахъ! сударыня! позвольте возвратиться этому бѣдному молодому человѣку. Увѣряю васъ, что онъ съ отчаянья наложитъ на себя руки. Онъ такъ горячъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это уже слишкомъ! Скажите, пожалуста: онъ вамъ заплатилъ что ли за то, чтобы вы поминутно надѣдали мнѣ рассказами объ немъ?

ТРАКТИРЩИЦА. Заплатилъ! мнѣ! мой Адольфъ! мой вскормленникъ, котораго я носила на рукахъ...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Какъ? стало-быть вы...

ТРАКТИРЩИЦА (*гордо*). Кормилица его — къ вашимъ услугамъ; горжусь этимъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*подумавъ*). Послушайте! кондукторъ, который привезъ меня, здѣсь еще?

ТРАКТИРЩИЦА. Какъ же! Здѣсь!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Такъ потрудитесь сказать ему, чтобы онъ опять заложилъ лошадей.

ТРАКТИРЩИЦА. Какъ? вы уѣзжаете?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Сю же минуто!

ТРАКТИРЩИЦА. Позвольте! позвольте! Такъ нельзя оставлять комнату, которую вы удержали за собою. Всѣ комнаты мои заняты пассажирами приѣхавшаго дилижанса, и я изъ-за васъ отказала одному путешественнику.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*даетъ ей деньги*). Довольны ли вы?

ТРАКТИРЩИЦА. Пять франковъ! (*смотря на доску*). Точно такъ! За комнату и ужинъ. Я ничего не могу сказать противъ этого, и сейчасъ же иду за кондукторомъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ступайте!

ТРАКТИРЩИЦА. Прощайте, сударыня! счастливаго пути. (*Всторону*) Постараюсь отыскать моего путешественника, и сказать ему, что для него очистилась комната. (*Уходитъ направо*).

II.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. (одна, надъвая шаль). Еще приключеніе на дорогѣ! Хорошо, что я не труслиха. Одна, въ центрѣ Берри, въ грязномъ трактирѣ, и вдобавокъ подвержена преслѣдованіямъ отчаяннаго любезника! Но, я думаю, лошади должны быть готовы. (Надъваетъ шляпку).

—

III.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА и ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (за сценой). Хорошо! хорошо! если только одна комната осталась свободною, такъ не мудро отыскать ее.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. На этотъ разъ я посмотрю, сядетъ ли мой преслѣдователь на запятки! (Въ то время, какъ она хочетъ выйти въ дверь, входитъ Путешественникъ, они сталкиваются въ дверяхъ. Бахрама шали ея зацѣпляется за пуговицу сюртука Путешественника, который одѣтъ по послѣдней модѣ. Подъ мышкой у него хлыстикъ, въ лѣвой рукѣ небольшой чемоданъ). Позвольте! милостивый государь! вы зацѣпились пуговицей за мой платокъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Ахъ, извините, пожалуйста! (Стараясь распутать). Я никакъ не ожидалъ сдѣлать такой удачной ловъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Напротивъ! это мой платокъ зацѣпился за вашу пуговицу.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Или моя пуговица зацѣпилась за вашъ платокъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (смѣясь). Да это все-равно!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (тоже). Не совсѣмъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Помилуйте! что вы дѣлаете? вы еще больше зацугали!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Извините! повѣрьте, безъ всякаго намѣренія!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. О, помилуйте! (Смотрятъ другъ на друга, и смѣются; онъ распутываетъ бахраму). Наконецъ! (Кланяясь). Благодарю васъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Еще разъ прошу прощенія!...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (уходя). Какой прекрасный мужчина!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (всторону). Какая прекрасная женщина!

—

IV.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ, одинъ. Онъ кладетъ на постель чемоданъ и хлыстикъ.

Наконецъ я на мѣстѣ! Кажется, было много охотниковъ на эту комнату, но чтобы быть совершенно спокойнымъ, я заплатилъ впередъ за ужинъ и за комнату. Я человекъ предусмотрительный. Въ ожиданіи ужина, оправимся немного отъ дороги. Завтра съ разсвѣтомъ я опять пускаюсь въ путь, и потому постараюсь здѣсь уснуть, чтобы явиться свѣжимъ и бодрымъ къ будущей роднѣ моего племянника, слѣдовательно и моей. Прошлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ. Вечеромъ беру мѣсто въ дилижансѣ и сажусь на имперіалъ; вдругъ ко мнѣ лезетъ товарищъ путешествія. Я слышу, что подлѣ меня кладутъ нѣсколько мѣшковъ... О-го! да у моего сосѣда порядочный багажъ, подумалъ я, только какой? Щупаю... тепло... пробую пальцемъ — колется.... о, ужасъ!... двѣнадцать поросятъ! всего тринадцать съ этимъ господиномъ. Противъ всякаго положенія, четырнадцать на имперіалѣ! это нестерпимо! И потомъ, когда дилижансѣ тронулся, это семейство подняло такую музыку.... О! я никогда не слыхалъ ничего подобнаго! Милостивый государь! кричу я, какъ сумасшедшій, моему сосѣду! Заставьте молчать вашу трупу пѣвцовъ. Я ничего не платилъ за путешествіе съ музыкой. Чѣмъ виноватъ я, что ваши товарищи не любятъ ѣздить въ дилижансахъ! Не тутъ-то было! сосѣдъ мой спалъ самымъ крѣпкимъ сномъ, придавивъ бѣдныхъ концертистовъ всею тяжестью своего сорокапудоваго тѣла.... Что могло быть ужаснѣе моего положенія? Я хотѣлъ спрыгнуть съ имперіала; по счастью, дилижансѣ остановился, и я просто слѣзъ внизъ; въ дилижансѣ сидѣла одна дама, но я даже не взглянулъ на нее, до такой степени былъ разстроенъ этою симфоніей. Всю дорогу раздавался въ ушахъ моихъ визгъ этихъ проклятыхъ поросятъ. Гдѣ здѣсь зеркало. .. а.... вотъ оно.. (*Во все время первой половины слѣдующаго явленія, онъ ходитъ отъ чемодана къ зеркалу, снимаетъ пальто, причесывается, направляетъ галстухъ и проч.*).

V.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ, въ глубинѣ сцены, **ПУТЕШЕСТВЕННИЦА** и **ТРАКТИРЩИЦА**.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*не видя Путешественника*). Какое несчастіе! и куда могъ дѣваться этотъ кондукторъ?

ТРАКТИРЩИЦА. Не безпокойтесь, сударыня! Онъ отыщется; куда ему пропасть. Здѣсь никогда ничего не пропадаетъ (*Съ таинственнымъ видомъ*). Что же касается до Адольфа, до этого молодого человѣка, то я должна сказать вамъ....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*съ досадою*). Кажется, я уже разъ сказала вамъ, чтобы вы мнѣ не смѣли говорить объ немъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. А! это та самая дама, съ которой я сдѣшлялся въ дверяхъ. Вѣрно она здѣсь что-нибудь забыла!

ТРАКТИРЩИЦА (*всторону*). Однако, вѣдь ея комнату я отдала этому господину. Она не можетъ здѣсь оставаться (*Громко*). Извините, сударыня! я хотѣла только сказать вамъ....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Я ничего не хочу знать. Я потеряла все терпѣніе! Скоро ли онъ перестанетъ меня преслѣдовать?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. А! ее преслѣдуютъ! это интересно!

ТРАКТИРЩИЦА. Но помилуйте, сударыня! Если онъ сталъ немного докучливъ, то единственно оттого, что вы сказали ему, будто кого-то дожидаетесь!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Какое ему до этого дѣло?

ТРАКТИРЩИЦА. Но онъ ревнивъ, сударыня! Онъ думаетъ, что вы ждете вашего обожателя!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. А если я жду своего мужа?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Она замужемъ!

ТРАКТИРЩИЦА. Вашего мужа? . Да онъ говоритъ, что вашъ мужъ уже два года, какъ умеръ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. А! она вдова!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но если я во второй разъ вышла замужъ?

ТРАКТИРЩИЦА. Неужели?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Да, кажется, что она во второй разъ вышла замужъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Да, вы можете сказать это вашему вскармленнику; надѣюсь, что послѣ этого онъ избавитъ меня отъ своихъ преслѣдованій. Я жду моего мужа, чтобы завтра представить его моимъ роднымъ! Я обвинчалась съ нимъ въ Италіи — тайно!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Тайно! О! значить это вдова, да еще вдова; такъ-сказать въ затрудненіи.

ТРАКТИРЩИЦА. Онъ этому не повѣритъ? Этакія вещи нужно видѣть, чтобы имъ вѣрить!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Скажите ему, что онъ увидитъ его скорѣе, нежели думаетъ. Онъ очень близко отсюда.

ТРАКТИРЩИЦА. Да гдѣ же онъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*подходя со щеткою*), Если вамъ говорятъ, что онъ очень близко отсюда!...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*въ изумленіи*). Ахъ! Боже мой! вы здѣсь!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*къ ней*). Извините, что явился безъ доклада! Но въ вашемъ положеніи...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это вы! Я было сначала приняла васъ за другаго.

ТРАКТИРЩИЦА. Какъ? такъ это мужъ вашъ? (*Путешественникъ дѣлаетъ знакъ удивленія*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но...

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*останавливая ее, тихо*). Помилуйте! вы испортите все дѣло! Воспользуемся ея заблужденіемъ (*Громко*). Да! милый другъ мой! Я, кажется, являюсь впору!... (*Тихо*). Я не обвиняю васъ, потому—что... (*Смѣется*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Помилуйте! я и не требую.

ТРАКТИРЩИЦА (*тихо*) Такъ это мужъ ея! (*Громко*). Честь имѣю кланяться. Я сейчасъ принесу ужинъ (*Всторону*). Ну! теперь, стало-быть, они оба могутъ остаться въ одной комнатѣ (*Уходитъ*).

—
VI.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА и ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Позвольте мнѣ поблагодарить васъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. За что же, помилуйте?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. За то, что вашей удачной выдумкой вы избавили меня отъ несноснаго преслѣдователя.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Помилуйте! я долженъ благодарить васъ, что вы позволили мнѣ назваться вашимъ мужемъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Повѣрьте, что я не заставлю васъ долго носить это званіе

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Тѣмъ хуже!

—
VII.

ТѢЖЕ и ТРАКТИРЩИЦА.

ТРАКТИРЩИЦА. Вотъ вашъ ужинъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Хорошо!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*всторону*). Эта дама, повидимому, вовсе не имѣетъ желанія удалиться отсюда. Приглашу ее, по-крайней-мѣрѣ, отужинать со мною.

ТРАКТИРЩИЦА (*ставитъ на столъ жареныхъ цыплятъ*). Ахъ! бѣдный Адольфъ, въ какомъ онъ ужасномъ положеніи. (*Путешественница*). Повѣрите ли, сударыня, что онъ чуть не сошелъ съ ума, когда я ему сказала, что вы здѣсь съ вашимъ мужемъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*холодно*). Какое мнѣ до этого дѣло.

ТРАКТИРЩИЦА. Онъ спрашивалъ, хорошъ ли собою вашъ мужъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ну, что же?

ТРАКТИРЩИЦА. Я сказала: такъ! ни то, ни сѣ, не то, чтобы хорошъ, не то чтобы дурень. О! вскричалъ онъ! Ну тамъ мы увидимъ!...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Какая дерзкая самоувѣренность!

ТРАКТИРЩИЦА (*уходя*). Честь имѣю кланяться.

VIII.

ТѢЖЕ, безъ ТРАКТИРЩИЦЫ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). Надѣюсь, наконецъ, что этотъ господинъ уйдетъ отсюда.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*ставя къ столу кресла*). Если вамъ будетъ угодно сдѣлать мнѣ честь....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). Онъ, кажется, обходится со мною безъ церемоніи. (*Ему*). Я бы хотѣла, по-крайней-мѣрѣ, чтобы вы позволили мнѣ пригласить васъ....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*становясь напротивъ ея на другомъ концѣ стола*). Извините, сударыня! Я не совсѣмъ понялъ васъ.... Я прошу васъ сдѣлать мнѣ честь, раздѣлить со мною мой скромный ужинъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Вы ошибаетесь! Это мой ужинъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Извините.... я....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Позвольте, однако....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я заплатилъ за него....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Право?... и я тоже!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Неужели?... (*Оба смѣются*). Такъ отчего-же намъ не отужинать вмѣстѣ?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*весело*). Извольте!... я согласна.... для оригинальности!...

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ, И прекрасно дѣлаете! (*Беретъ стулъ и садится съ лѣвой стороны стола, дама съ правой.*)

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). Вѣдь я должна же дожидаться, пока отыщется этотъ кондукторъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*смѣясь*). Къ тому же, развѣ мы не супруги?... (*Разрѣзываетъ цыпленка*). Не прикажите ли?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Благодарю!... Я замѣтила, что во-время путешествія, знакомства дѣлаются очень скоро....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Совершенная правда!... особливо, если занимались изученіемъ фizioномій!... Вы занимаетесь изученіемъ фizioномій, сударыня? ..

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Неболѣе того, сколько нужно, чтобы узнать васъ....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ?... Сдѣлайте одолженіе, скажите ваше мнѣніе обо мнѣ, со всею откровенностью.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Я и не думаю скрывать моихъ мыслей.... вы большой оригиналь.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*смѣясь*). Многіе такъ-же думаютъ, обо мнѣ... Я, съ своей стороны, вижу по вашей фizioноміи, что вы умны, добры, прелестны и.... если позволите....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Сказать мнѣ еще какой-нибудь комплиментъ?...

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Нѣтъ!... Предложить вамъ салату....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. (*смѣясь*). Вотъ это гораздо лучше....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Но я вижу въ то же время по вашимъ глазамъ, что вы путешествуете въ-слѣдствіе какой-нибудь супружеской размолвки.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы ошибаетесь—я вдова.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Извините! (*Всторону*). Тѣтъ лучше! (*Громко*). Ну, такъ въ-слѣдствіе размолвки съ лицомъ, къ которому вы неравнодушны.... Еще разъ извините, но я плачу откровенностью за откровенность.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы однако небольшой угадчикъ! Я путешествую просто для удовольствія, потому-что ни отъ кого не завишу!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*всторону*). Ни отъ кого не зависеть!...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Да! я живу совершенно независимо! Я, къ несчастію, узнала супружество съ самой тягостной стороны, и поклялась вторично не выходить за-мужъ; поэтому я не обязана никому отдавать отчета въ своихъ поступкахъ, и путешествую отъ нечего дѣлать.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Отъ нечего дѣлать.... и.... совершенно одни?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Совершенно одна! И если не боюсь ни преслѣдованій фанфарона, ни услугъ моего супруга, котораго я не имѣю чести

знать, такъ это потому, что жепщина, которая уважаетъ свои правила, заставитъ и другихъ уважать ихъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*серьозно*). Вы совершенно правы!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). Онъ, кажется, не очень доволенъ моей фразою.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*всторону*). Она очень хорошо изъясняется....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы, вѣрно, также путешествуете для своего удовольствія?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я?... О, напротивъ! я путешествую по дѣлу, по необходимости!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. А! у васъ есть какая-нибудь должность?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Да! должность — дяди....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Дяди! вотъ еще одна причина, по которой я могу совершенно на васъ положиться. (*Смѣясь*). Впрочемъ, и въ самой наружности вашей есть что-то внушающее.... уваженіе....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*нѣсколько обидясь*). Ужъ не почтеніе-ли, сударыня?... Но увѣряю васъ, что мой племянникъ почти однихъ лѣтъ со мною. О! онъ отравилъ горестью всю жизнь мою, онъ дѣлаетъ меня несчастнымъ!...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ахъ! расскажите, пожалуйста! Это должно-быть очень занимательно.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Развѣ только потому, что онъ занимаетъ, а я долженъ платить долги его.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Кто-же васъ къ этому принуждаетъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Кто?... мнѣніе свѣта... моя репутація... Что-жъ мнѣ дѣлать?... я его дядя,... или лучше сказать — онъ мой племянникъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это чувство дѣлаетъ вамъ честь.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. И разоряетъ меня. Мой племянникъ пустился въ свѣтъ.... фантастическій.... увѣряю васъ. Вообразите, что я однажды нашелъ письмо къ нему, отъ одного изъ его пріятелей, которое началось такъ: «Когда твой старый извергъ отправится....» Я сначала думалъ на другую квартиру—не тутъ-то было,— «на тотъ свѣтъ»! не ужасно-ли это? И все для чего? Чтобы получить пятнадцать тысячъ ливровъ годового дохода. Какое же уваженіе внушаетъ онъ ко мнѣ друзьямъ своимъ, когда они называютъ меня старымъ въ 29 лѣтъ, и извергомъ, съ моими миролюбивыми наклонностями.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это очень дурно.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Это убійственно!. . И потому я рѣшаюсь на

последнее средство. Какъ новый Бругъ я приговариваю моего племянника....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Къ смерти?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Нѣтъ!... этого не позволяютъ наши законы—но къ заключенію. Я не плачу долговъ его, и двери тюрьмы отворяются для моего губителя.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это немножко жестоко!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Жестоко?... Послушайте дальше, что сдѣлалъ онъ со мною. Въ окно, которое приходилось прямо противъ моей квартиры, я видѣлъ каждый день одну премиленькую блондинку.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*вставая, всторону*). Ахъ Боже мой! что онъ тутъ еще будетъ мнѣ рассказывать!...

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Не безпокойтесь, я знаю приличія, и потому буду для васъ выбирать выраженія. Вамъ необходимо знать это происшествіе, чтобы имѣть полное понятіе о моемъ положеніи.... И такъ, я замѣтилъ что эта молодая особа оказывала мнѣ также вниманіе....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но.... послушайте.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я уже сказалъ вамъ — будьте покойны!... Съ моей стороны, я предложилъ ей прекрасный головной уборъ, и векорѣмъ надѣялся быть счастливѣйшимъ изъ супруговъ....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Послушайте однако....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я не продолжаю.... Потомъ, однажды, она говоритъ мнѣ: «вы смѣшной человѣкъ» — это ея собственныя выраженія — «я узнала, что вы засадили подъ замокъ вашего племянника! Это стыдно, вы должны непременно его выпустить»!...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*насмѣшливо*). Но мнѣ бы право хотѣлось....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Знать развязку этого происшествія?... сію минуту!... Я развѣялся и послалъ освободить племянника. Мы, то-есть: и моя невѣста, остались ждать его, — и можете представить себѣ съ какимъ нетерпѣніемъ. Наконецъ звонятъ.... Я беру свѣчу.... это было вечеромъ.... и бѣгу навстрѣчу моему племяннику, простираю къ нему мои объятія, а онъ со всего размаха бросается.... къ моей блондинки!!..

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Но что же вы дѣлали въ это время?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я.... свѣтилъ имъ!...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Такъ они знали другъ-друга?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Не только знали, но были обручены — безъ моего позволенія это былъ самый низкій заговоръ, самая адская выдумка.

Вся ея притворная нѣжность, вниманіе ко мнѣ клонились только къ тому, чтобы заставить меня освободить изъ тюрьмы ея возлюбленнаго... Вы смѣетесь?... мнѣ было не до того!... И отъ чего она предпочла его?... оттого только, что я дядя....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. А онъ племянникъ! это правда, названіе дядюшки, какъ парикъ, дѣлаетъ гораздо старѣе человѣка, который его носить.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Да, но я, по счастію, нашелъ средство избавиться отъ моего племянника.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Средство? какое-же?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Конечно, оно еще рѣшительнѣе перваго, но что дѣлать?... Я доведенъ до крайности.... Я женю его!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы хотите женить его?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Непремѣнно!... но только не на этой насмѣшницѣ... въ этомъ мое единственное спасеніе!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ваше мщеніе очень утонченно, и съ перваго взгляда кажется даже лучше заключенія въ тюрьму.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*смѣясь*). Стало-быть, вы согласны со мною?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Совершенно! желаю вамъ полного успѣха въ вашемъ предпріятіи и... счастливаго окончанія вашего путешествія (*Присѣдаетъ*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Какъ, вы ужъ уѣзжаете? — помилуйте, такъ рано! я въ отчаяніи!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы слишкомъ добры!

IX.

ТЪ-ЖЕ и ТРАКТИРЩИЦА.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. А! наконецъ! отыскали вы кондуктора?

ТРАКТИРЩИЦА (*беретъ столъ за одинъ конецъ, Путешественникъ за другой, и относятъ въ глубину сцены*). Какъ же, сударыня, и онъ сейчасъ уѣзжаетъ съ моимъ возлюбленнымъ Адольфомъ, который заплатилъ ему за карету.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Съ вашимъ Адольфомъ! Но послушайте, когда я просила васъ взять для меня эту карету. Какъ же вы смѣли?

ТРАКТИРЩИЦА. Ахъ, Боже мой, сударыня! За что тутъ сердиться! Карету можетъ нанять всякій... и такъ, какъ сюда пріѣхалъ вашъ мужъ, то я думала, что вы здѣсь съ нимъ останетесь, и потому ничего

не сказала кондуктору, а его между-тѣмъ нанялъ Адольфъ... Впрочемъ, если вамъ необходимо ѣхать, то онъ поручилъ сказать вамъ, что съ удовольствіемъ уступаетъ вамъ одно мѣсто, и что...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это ужасно! Чтѣ я буду дѣлать?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*видя ея замѣшательство, подходитъ къ ней непринужденно*). Послушай, душа моя, если мы ужъ встрѣтились, такъ можемъ и остаться. Это все-равно.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*въ досадѣ*). Чтѣ-жъ дѣлать, если нѣтъ другаго средства!

ТРАКТИРЩИЦА. Дилижансъ пойдетъ въ пять часовъ утра — и тогда вы можете отправиться (*Молчаніе*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Послушайте! Нѣтъ-ли у васъ другой комнаты? Мой мужъ долженъ заняться важнымъ дѣломъ, которое требуетъ обдуманности, уединенія.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Да! да! уединенія, обдуманности.

ТРАКТИРЩИЦА. Ахъ! сударь, я-бы съ большимъ удовольствіемъ, но у меня осталась незанятою всего одна комната, и такъ какъ я сама въ ней сплю.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но тогда я могу занять ее... я неприхотлива (*Приготовляясь выйти*). Прощай, другъ мой!.. Займись хорошенько своимъ дѣломъ, до завтра!

ТРАКТИРЩИЦА (*останавливая ее*). Извините, сударыня! мнѣ право очень жаль, но... видите-ли... тамъ еще почуетъ мой мужъ, и потому...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). О! это ужасно! никакого средства!..

ТРАКТИРЩИЦА. Да къ тому же эта комната довольно просторна, очень удобна... Здѣсь все есть къ вашимъ услугамъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Послушайте, я-бы не должна была...

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Но вѣдь вашъ преслѣдователь еще не уѣхалъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Конечно, и это одно заставляетъ меня здѣсь остаться.

ТРАКТИРЩИЦА (*переноситъ кресла на лѣвую сторону и ставитъ свѣчу на каминъ*). Вотъ и все! Я должна вамъ сказать, сударыня, что комнаты у насъ внизу полны извощиками, которые не всегда ведутъ себя смирно, особливо когда они навеселѣ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ахъ! Боже мой! вотъ еще новость.

ТРАКТИРЩИЦА. Но будьте спокойны, ключъ отъ вашей комнаты у меня... Мое почтеніе, сударь, прощайте, сударыня! покойной ночи! (*Трактирщица уходитъ въ дверь направо*).

X.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ и ПУТЕШЕСТВЕННИЦА.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*съ досадою*). Видите-ли, этотъ способъ, который вы употребили, чтобы вывести меня изъ затрудненія, это воображаемое супружество поставило меня въ положеніе еще затруднительнѣе. (*Слышно, какъ трактирщица запираетъ снаружи дверь на ключъ*). Ахъ! Боже мой! кажется, она насъ запираетъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*холодно*). Да! кажется, она насъ запираетъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. И вы говорите это такъ хладнокровно!..

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Что-жь? не прикажите ли мнѣ испускать вопли отчаянія, рвать на себѣ волосы и кричать: Ахъ, Боже мой! что мнѣ дѣлать? меня заперли одного, глазъ на глазъ съ прекрасною женщиной!..

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но теперь мнѣ невозможно уйти отсюда!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я въ отчаяніи!.. за васъ, сударыня!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. И несмотря на всю довѣренность, которую я къ вамъ имѣю — я не могу же уснуть здѣсь, въ вашемъ присутствіи!..

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Мнѣ-бы очень хотѣлось васъ успокоить, но что же дѣлать, я не вижу никакого средства.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Помилуйте! у мужчинъ такъ много изобрѣтательности.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я, по-крайней-мѣрѣ, не могу ничего изобрѣсти. Выломать дверь? значить разбудить весь домъ. Вѣдь не выпрыгнуть же мнѣ въ окно!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ахъ! какую прекрасную идею вы мнѣ подали!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Позвольте! я нисколько не имѣю этой идеи.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но одинъ этажъ... здѣсь только одинъ этажъ; это ничего не значитъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Извините, этого достаточно, чтобы сломить себѣ шею! Я не говорю, еслибы тутъ была лѣстница — это другое дѣло.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*отпираетъ окно; въ него видна деревня, освѣщенная луною*). Какое счастье! рѣшетка, по которой вьется виноградъ, доходить до самаго окна. По ней можно безопасно спуститься внизъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Помилуйте! да это просто самоубійство! спускаться по такимъ тоненькимъ жердочкамъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но здѣсь нѣтъ никакой опасности... посмотрите, какая прекрасная лунная ночь... (*Нужно*) Я прошу васъ.

ПУТЕШЕСТВЕНИКЪ. Вы просите! о! этимъ словомъ вы можете заставить меня влезть на луну! Но слезть... ни за что на свѣтъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Такъ вы хотите меня компрометировать?

ПУТЕШЕСТВЕНИКЪ. Я хочу васъ компрометировать? Какъ вы обо мнѣ дурно думаете.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Такъ спускайтесь же! прошу васъ!...

ПУТЕШЕСТВЕНИКЪ. Но помилуйте!.. но подвергать жизнь свою опасности....

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы не рѣшаетесь? (*Сухо*) Извините, что я безпокоила васъ моею просьбою; я считала васъ за человѣка....

ПУТЕШЕСТВЕНИКЪ. Ради Бога!... вы убьете меня своимъ гнѣвомъ. Я иду, иду (*Тихо*) Карабкаться по рѣшеткѣ, и все это для того, чтобъ бѣжать отъ хорошенькой женщины!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. (*услыша послѣднія слова*). Нѣтъ, но чтобы оказать ей услугу, которую она никогда не забудетъ.

ПУТЕШЕСТВЕНИКЪ (*сидя верхомъ на окнѣ*). О! повѣрьте, что и я также! Мое почтеніе, сударыня! желаю вамъ спокойной ночи (*Слезая*). Да это просто рыцарскій поступокъ. Ай, что это затрещало? (*Онъ исчезаетъ за окномъ, но въ то время, какъ путешественница хочетъ запереть окно, появляется снова, держа въ рукѣ виноградную кисть*). Позвольте предложить вамъ! Самая свѣжая кисть! Я чуть не раздавилъ ее ногою.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Благодарю васъ!

ПУТЕШЕСТВЕНИКЪ. Не стоить благодарности! (*Исчезаетъ*).

XI.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*одна, запираетъ окно*). Благородный человѣкъ! Гдѣ-то онъ будетъ ночевать? Наконецъ, я одна!.. Какъ мнѣ хочется спать! (*Идетъ къ постели и видитъ чемоданъ*). Ахъ, Боже мой! онъ забылъ свой чемоданъ. Куда мнѣ спрятать его? (*Примѣчая дверь на лѣвой сторонѣ, на первомъ планѣ*). Ахъ! вотъ шкафъ (*Отворяя*) Нѣтъ, это кабинетъ... все-равно! (*Кладетъ туда чемоданъ; въ это время раздается лай собаки*).

XII.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ и ПУТЕШЕСТВЕННИЦА.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (за сценой унимаетъ собаку) Цыць! пошла! отвяжись, цыць! негодная!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (отворяя окно). Чтò тамъ такое?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (показывается на окнѣ). Да чтò-жь это такое? Неужели они не дадутъ ѣсть своей собакѣ? (Лай за сценой).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Какъ! это вы опять! Зачѣмъ вы воротились? Ступайте! ступайте!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Не возможно! рѣшительно невозможно! Тамъ внизу огромный черберъ, который сбирался поужинать мною, и еслибы я не вскарабкался на рѣшетку...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но развѣ вы не видите, что я хочу спать!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Ничего не вижу! я близорукъ! Могу васъ увѣрить, что я возвратился противъ воли! Я не могъ сдѣлать ни одного шагу. Эта проклятая собака напала на меня съ такимъ ожесточеніемъ; я истощилъ всѣ средства, чтобы укротить ее: самое увлекательное краснорѣчіе, самые удовлетворительные пинки ногою, ничто не помогло! (Запираетъ окно).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но, сударь...

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Но, сударыня! Если я нахожусь между двухъ непріятелей, то натурально, приближаюсь къ тому, который, по-крайней-мѣрѣ, не съѣстъ меня.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Однако-жь, вы, вѣроятно, не имѣете намѣренія провести здѣсь ночь?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Вы, вѣрно, также не имѣете намѣренія заставить меня ночевать на рѣшѣткѣ, какъ ящерицу.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. До сихъ поръ вы были такъ добры, такъ предупредительны, такъ деловиты, что, вѣроятно, не захотите въ послѣднюю минуту переѣмѣнить вашъ характеръ! Я прошу васъ!.. Вы такъ снисходительны! Я въ васъ такъ увѣрена.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (всторону). Какой голосъ! Ну, есть-ли средство ей противиться! (Громко). Неужели вы хотите, сударыня, чтобъ меня съѣлъ черберъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. О! вѣтъ! Но я нашла прекрасное мѣсто, гдѣ вамъ будетъ такъ удобно (Показываетъ на дверь нальво.)

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Какъ? въ этомъ каминѣ?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Нѣтъ! за этой дверью?..

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Помилуйте! Да это что-то въ родѣ кануры моего врага...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это маленькій кабинетъ, прекрасно устроенный для того, чтобы провести тамъ ночь... и на этомъ стулѣ вамъ будетъ очень удобно! (*Беретъ стулъ*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Позвольте! (*Беретъ изъ ея рукъ стулъ, всторону*). Какая миленькая ручка! Однако спать на стулѣ, въ этомъ чуланѣ (*Идетъ нальво*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы были такъ добры... съ вашимъ племянникомъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Да! и признаться, всегда былъ прекрасно награжденъ за мою доброту!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. О! со мною... другое дѣло! Вы можете быть увѣрены, что я никогда не забуду вашихъ услугъ (*Отворяя дверь*). Посмотрите, какъ здѣсь хорошо.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*отступая*). Ай! Какія потемки!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*насмѣшливо*). Не боитесь-ли вы остаться въ потьмахъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я?!... (*Входя въ кабинетъ*). Вы видите, что на меня можно положиться!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. О! я имѣю къ вамъ полную довѣренность? (*Запираетъ дверь на задвижку*).

XIII.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА, на сценѣ, **ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ**, потомъ **ГОЛОСЪ**, направо у двери.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Какъ, вы меня запираете?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Безъ сомнѣнiя.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Хороша довѣренность!...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Наконецъ, я могу быть совершенно спокойна. Онъ у меня подъ замкомъ (*Она вѣшаетъ свою шаль и шляпку на вѣшалку*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Сударыня! здѣсь очень скверно!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Миѣ очень жаль.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Здѣсь въ цѣлой рамѣ нѣтъ ни одного стекла!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Чѣмъ же я въ этомъ виновата? Если я увижу

стекольщика, то пошлю его къ вамъ. (*У двери направо слышенъ стукъ*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*съ безпокойствомъ*). Боже мой! Кто тамъ?

ГОЛОСЪ. Это я! Адольфъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ахъ! онъ еще не уѣхалъ!

ГОЛОСЪ. Если я панялъ вашу карету, то для того, чтобы не допустить васъ уѣхать отсюда иначе, какъ вмѣстѣ со мною.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Милостивый государь! Вы разбудите моего мужа.

ГОЛОСЪ. Вы однѣ! Я видѣлъ на дворѣ того, кого вы называете вашимъ мужемъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Сударыня! здѣсь холодно, какъ въ Камчаткѣ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вотъ теперь началъ другой!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Увѣряю васъ, что еслибы здѣсь была устроена вѣтринная мельница, то она теперь бы прекрасно дѣйствовала.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ну! такъ устройте ее, только оставьте меня въ покоѣ.

ГОЛОСЪ. Сударыня! я знаю, что вы не замужемъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы ошибаетесь!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Сударыня! я начинаю замерзать.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Утромъ отогрѣйтесь! (*Она ходитъ все это время отъ одной двери къ другой*).

ГОЛОСЪ. Сударыня! знаете ли, на что я готовъ рѣшиться? (*Въ кабинетъ слышенъ трескъ ломающагося стула*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. У меня сломался стулъ (*Громче*). Сударыня! у меня сломался стулъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Слышу! слышу! чтожъ мнѣ дѣлать, я не плотникъ!

ГОЛОСЪ. Я рѣшусь на все!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Мнѣ некуда теперь преклонить голову!..

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это невыносимо! (*Къ двери направо*). Оставьте меня въ покоѣ (*Направо*). Вы были всегда такъ добры! О, Боже мой! я перемѣшала! не знаю, что говорить (*Въ обѣ двери начинаютъ разомъ стучать*). Ахъ, какой шумъ! (*Затыкаетъ уши*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*крича*). Я не могу здѣсь долѣе оставаться!

ГОЛОСЪ (*крича*). Послушайте! (*Они оба стучатъ и кричатъ. Музыка покрываетъ этотъ шумъ и потомъ утихаетъ вмѣстѣ съ нимъ постепенно*).

XVI.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА, одна.

Кончили!.. Больше ничего не слышно! *(Она слушаетъ у дверей направо)*. Онъ уходитъ. Другой также успокоился! Ахъ! какая ночь! Усну-ли я теперь? Должно быть очень поздно *(Смотритъ на часы)*. Два часа!... Какое неприятное положеніе! Ахъ!... еслибы я была замужемъ, со мной не случилось бы ничего подобнаго *(Она идетъ къ постель)*. Наконецъ, теперь надѣюсь, что все кончено.

—

XV.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА, поправляетъ постель, ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ, является изъ двери на второмъ планѣ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ *(входитъ быстро, потирая руки)*. Благодареніе небу! это былъ коридоръ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА *(въ удивленіи)*. Какъ! это вы?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ *(ходитъ, размахивая руками)*. Я!... Сдѣлайте одолженіе, не обращайтесь на меня вниманія! Позвольте мнѣ немножко отойти.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. *(съ досадою)*. Послушайте, однако! Вѣдь эта комната принадлежитъ мнѣ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. И мнѣ также! Я заплатилъ за нее франкъ, цѣлый франкъ, и вотъ уже пробылъ въ ней, по-крайней-мѣрѣ, на полъ-франка!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА *(беретъ табуретъ и садится на аван-сцену)*. Въ такомъ случаѣ, я должна не спать цѣлую ночь!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Повѣрьте, что я въ отчаяніи; но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ предложеніе.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА *(холодно)*. Вы можете говорить все, что вамъ угодно, я не буду не только отвѣчать вамъ, но даже слушать васъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Чѣмъ же я виноватъ во всемъ этомъ? Дѣло можетъ кончиться очень миролюбиво. Раздѣлимъ пополамъ эту комнату, и когда всякій будетъ у себя, то можетъ сердиться, сколько ему угодно? Вы согласны? *(Молчаніе)*. Послушайте, клянусь вамъ, что я не

предприму ничего, чтобы могло вамъ не нравиться... Для доказательства, скажу вамъ, что еще прошлую ночь провелъ я въ дилижансѣ подлѣ очень хорошенькой женщины, по словамъ кондуктора, и во всю дорогу.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Какъ, это были вы?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Какъ, это были вы?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*вставая*). Да! я должна вамъ отдать справедливость. Во всю дорогу вы не сказали мнѣ ни слова.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я всегда таковъ съ дамами!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но... какимъ образомъ хотите вы раздѣлить эту комнату?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Самымъ простымъ! посмотрите! (*Онъ беретъ съ каминна мѣлъ и проводитъ имъ черту вдоль сцены, посрединѣ комнаты*). Вотъ и демаркаціонная линія, или экваторъ, какъ угодно.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Идея довольно оригинальна!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Теперь выбирайте. Хотите сѣверную часть или южную?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*показываетъ пальцо*). Я хочу эту!...

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*переходя направо*). Какъ вамъ угодно!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Помните однако, черезъ эту линію перейти нельзя.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Это Альпы, Пиренеи, Китайская стѣна, все, что вамъ угодно.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. И каждый изъ насъ всю ночь долженъ хранить самое глубокое молчаніе.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Но если я стану громко бредить?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ну! это прощается! Но тотъ, кто нарушитъ наше условіе....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Будетъ... дурнымъ человѣкомъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Теперь прощайте!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Доброй ночи, прелестная сосѣдка. (*Путешественница поправляетъ немного свою прическу, и приготовляетъ себѣ стаканъ сахарной воды. Путешественникъ, вздыхаетъ, ставитъ потомъ ночной столикъ близъ кровати. Молчаніе*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). Несмотря на то, что мы разстались, сосѣдство этого господина немножко непріятно. Китайская стѣна очень прозрачна, но дѣлать нечего!...

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я доволенъ раздѣломъ: на мою долю досталась постель (*пробуетъ рукою*). Создатель! что это такое! перина, вмѣсто перьевъ, набита костями.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*) Кажется, онъ не намѣренъ успокоиться (*Садится на кресло у камина*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Какъ ей неловко! предложу ей, по-крайней мѣрѣ, подушку. (*Онъ беретъ подушку и становится на край лини, стараясь знаками обратить на себя вниманіе ея. Путешественница оборачивается, улыбается, беретъ подушку и благодаритъ его также знаками*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). Какъ онъ любезенъ! Я не раскаяваюсь, что приняла его предложеніе.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Теперь рѣшусь броситься въ волны этого каменнаго моря! (*Начинаетъ снимать сюртукъ*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*увидя это въ зеркало*). Боже мой! (*Вскакивая*) Что вы дѣлаете?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*продолжая раздѣваться*). Тсъ!...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это невозможно! Я не могу этого позволить.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*вполголоса*). Вы нарушаете наше условіе. У насъ запрещено говорить.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но развѣ можно раздѣваться при дамахъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*останавливаясь*). Извините! Но позвольте мнѣ хотя лечь на мою постель, за нее заплачено два раза.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Развѣ можно лежать при дамахъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Это ужасно! Что же наконецъ я буду дѣлать? (*Беретъ табуретъ и поставивъ его на аван-сценъ, садится съ отчаяннымъ видомъ*). Даже не къ чему прислониться.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Возьмите мое кресло, я вамъ уступаю его въ благодарность за исполненіе моей просьбы.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Нѣтъ! я не хочу васъ лишать вашего кресла; но если вы такъ добры, что предлагаете мнѣ его, то не помѣшаетъ ли вамъ, если вы его перенесете на границу.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА Пожалуй! Но къ чему это? (*Она ставитъ кресла задними ножками на черту*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ У меня есть своя идея, вы увидите! (*Ставитъ два табурета къ спинкѣ креселъ и идетъ за подушкой*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону, садясь въ кресло*). Бѣдный молодой человѣкъ! Надобно признаться, что онъ удивительно, какъ покоренъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*садится на табуретъ, протягиваетъ ноги а другой и прислоняется головою къ спинкѣ креселъ, ложится*

подъ голову подушку). Видите ли, этакъ я вамъ не мѣшаю и самъ лежу очень покойно.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Прошу же теперь соблюдать наше условіе. По койной ночи!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Прощайте, сударыня! (*Всторону*). Однако мнѣ не совсѣмъ ловко, ноги висятъ въ атмосферѣ; впрочемъ, я слишкомъ разлегся, .. приму положеніе болѣе сидячье, тогда и ноги мои не будутъ висѣть. (*Придвигаетъ свою спину къ спинкѣ креселъ, отъ этого движенія подушка спалзываетъ внизъ.*)

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. (*перенося опять на другую сторону свою голову*) Дастъ ли онъ мнѣ уснуть сегодня?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Странно! я чувствую сегодня что то особенное. (*Вздыхая*) О-о-охъ, охъ, охъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*громко*). Вы нарушаете условіе.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Помилуйте! чѣмъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы сказали: О-о-охъ, охъ, охъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я вздохнулъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. А!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. (*всторону*). Я въ большомъ волненіи! Конечно, не всякій же день случается спать, прилонившись къ хорошенькой женщинѣ... Еслибы мой племянникъ увидѣлъ меня въ такомъ положеніи... (*Вполголоса*) Вы спите, сударыня? (*Молчаніе*) Неужели она ужъ уснула? (*Молчаніе*) Какъ она должна быть хороша во снѣ! Что если я посмотрю на нее? (*Становится на колына на табуретъ, и опираясь, на спинку креселъ смотритъ черезъ нее.*)

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). Мнѣ кажется, что онъ встаетъ? (*Она отодвигаетъ кресла. Путешественникъ едва не упалъ, онъ остается на колынахъ съ простертыми руками*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Ай! этакъ я могу упасть!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*смѣясь*). Что съ вами?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Это ни на что не похоже! Вы нарушаете пограничный законъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Какимъ-образомъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Вы отодвигаете стѣну!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. А вы смотрите черезъ нее!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Вы думаете?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы измѣнили моей довѣренности; съ-этихъ-поръ между нами нѣтъ никакихъ сношеній. (*Она переноситъ кресла къ камину и садится на нихъ*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*сходя съ табурета*). Опять я долженъ пе-

реѣзжать на другое мѣсто! (*Переноситъ подушку и табуретъ и ложится на нихъ, прислонясь головою къ постель*). Я долженъ спать подлѣ моей постели! Ой! (*Отнимаетъ локоть, который онъ было положилъ на постель. У окна слышенъ шумъ*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Что тамъ опять такое? Рѣшительно я не усну ни на минуту. (*Шумъ возобновляется*). Боже мой! Кто-то лѣзетъ въ окно. Слышите ли вы?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*всторону*). Она можетъ звать меня теперь сколько ей угодно, я не шевельнусь съ мѣста.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*громко*). Встаньте, ради Бога! Слышите этотъ шумъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я сплю, сударыня, и не слышу никакого шума.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Боже мой! Это вѣрно воры!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Воры! пусть они возьмутъ все, что имъ угодно, я сплю! (*Въ это время кто-то пробиваетъ бумагу, которой залплено окно, и въ отверстіи показывается рука*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Боже мой! (*Бросается къ Путешественнику и схватываетъ его за руку*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*вскакивая*). Что случилось?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Смотрите! (*Показываетъ ему руку, которая старается отворить задвижку у окна*).

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*схватываетъ руку*). А! попалась разбойница.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Берегитесь! Не подвергайте себя опасности.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*борется съ рукой*). Не беспокойтесь! Нѣтъ ли у васъ ножа? Я отрѣжу эту руку, и потомъ легко будетъ узнать кому она принадлежитъ, кто этотъ дерзкій нарушитель нашего покоя. (*Рука сильнымъ движеніемъ вырывается отъ него; онъ отрываетъ рукавъ*). А, коварная! она спаслась! (*Онъ съ торжествомъ кладетъ на столъ рукавъ*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Ахъ, сударь! безъ васъ я погибла бы!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Преступная рука! (*Увидя, что Путешественница на его половинѣ*). Но я не сержусь на нее... Вы въ моихъ владѣніяхъ! и я имѣю право удержать васъ въ плѣну. (*Прилѣтно разсвѣтаетъ*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы употребляете во зло мое несчастіе!.. Позвольте мнѣ идти домой.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*стараясь удержать ее*). Но помилуйте, отдѣленная отъ меня китайскою стѣною, вы можете подвергнуться вторичнымъ нападеніямъ. (*Въ это время въ окно влетаетъ камень, обвернутый въ письмо и падаетъ на половину Путешественницы*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Извините! я сейчас получила письмо и должна прочесть его.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*всторону*). Письмо! Отчего одно это слово бросило меня въ жаръ?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). Это отъ моего преслѣдователя, я узнала (*Читаетъ*). Милостивый государь!.. Это не ко мнѣ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Какъ она встревожена! Проклятое письмо!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Все равно! Прочтемъ... я боюсь за него (*Читая*). Еслибы вы были мужемъ дамы, съ которой заперлись, я бы покорился судьбѣ своей, но вы не мужъ ея, а я поклялся убивать всѣхъ, которые за ней ухаживаютъ. (*Смотря ильжно на Путешественника*). Бѣдный молодой человекъ и за меня!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Какъ она на меня смотритъ! Какое счастье!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*читая*). Я васъ жду внизу... во всякомъ случаѣ... вы ѣдете въ Нерондъ и мы увидимся! Ахъ, Боже мой!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Что съ ней сдѣлалось? Она смотритъ на меня съ такимъ участіемъ.

(*Слышно хлопанье бича и звонъ колокольчиковъ*).

XVI.

ТЪ-ЖЕ и ТРАКТИРЩИЦА.

ТРАКТИРЩИЦА (*входя, запираетъ за собою дверь*). Дилижансъ сейчасъ отправляется, сударь. Торопитесь, сударыня!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Сію минуту! Куда дѣвался мой чемоданъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*всторону*). Если онъ выйдетъ, они встрѣтятся. Надо его удержать (*Громко*). Какъ! вы ужъ уѣзжаете?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Только что отыщу мой проклятый чемоданъ. (*Трактирщица въ это время отперла окно и смотритъ въ него*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но что вамъ стоить остаться еще одинъ день.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Одинъ день! Но въ одинъ день можетъ разстроиться свадьба моего племянника, и потомъ сколько лѣтъ опять я принужденъ буду съ нимъ возиться... Странно! куда могъ дѣваться мой чемоданъ? (*Торопится, ищетъ подъ табуретами, роняетъ ихъ, выдвигаетъ ящикъ въ столъ и тому подобное*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Оставайтесь! Мы поѣдемъ потомъ вмѣстѣ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Ради Бога! сударыня! отпустите меня, прошу васъ, именемъ моего спокойствія...

ТРАКТИРЩИЦА. Лошади заложены.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Именемъ лошадей, которыя заложены!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы не знаете... Но это необходимо! О! останьтесь, прошу васъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Вы меня просите!..

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА (*видя, что трактирца прильщаетъ*). Другъ мой!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Другъ мой! О, пошадите меня! Могу ли я вамъ противиться?..

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вы остаетесь! Не правда ли? вы остаетесь? (*Подбѣгая къ окну*). Къ тому же дилижансъ сейчасъ уѣзжаетъ.

ТРАКТИРЩИЦА. Вѣдь я говорила, чтобъ вы поторопились.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Судьба!..

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Боже мой! кого я вижу!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. На имперіалъ? Не моихъ ли двѣнадцать сосѣдей? (*Въ это время подъ окномъ проѣзжаетъ дилижансъ тихимъ шагомъ. Въ окно видны кучеръ, кондукторъ и подлѣ нихъ молодой человекъ съ длинной бородою и оторваннымъ рукавомъ у пальто. Увидя Путешественника, онъ поднимаетъ въ изумленіи руки и кричитъ*). Дядюшка, любезный дядюшка!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*испуганный*). Это мой разбойникъ племянникъ!

ТРАКТИРЩИЦА и ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вашъ племянникъ?! (*Кондукторъ кричитъ: Пошелъ! Дилижансъ исчезаетъ, хлопанье бича и звонъ колокольчиковъ*).

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Вашъ племянникъ! Тотъ, который хотѣлъ жениться на мнѣ, противъ моей воли?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. И я не могъ узнать его... по рукаву... А между-тѣмъ за пальто заплатилъ я же!..

ТРАКТИРЩИЦА. Стало-быть, вы не мужъ этой дамы?—Мой Адольфъ говорилъ, что его дядя не женатъ, что онъ умретъ холостымъ, и что я должна ждать наслѣдства, потому-что получу тогда подарокъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Наслѣдство! Видите, сударыня! Онъ еще за живо продаетъ шкуру своего дяди!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это ужасно!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Но что теперь объ насъ скажутъ? Завтра же весь Нерондъ будетъ сплетничать.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Это все вы надѣлали своею неумѣстной выдумкой.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Что-жъ дѣло можно поправить; отъ васъ зависить, чтобы эта шутка сдѣлалась очень серьезной вещью.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но вы, не шутя, дѣлаете мнѣ предложеніе.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. И умоляю васъ согласиться на него!.. Хотя мы еще недавно знакомы, но я вполнѣ оцѣнилъ вашъ умъ, ваше сердце, вашу доброту.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. О! я также хорошо узнала все ваши качества. Вы человекъ истинно благородный. Вы мнѣ доказали, что женщины необходимо имѣть опору, покровителя.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Скажите лучше — обожателя! Какъ я счастливъ! Вы соглашаетесь носить мое имя?

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Но для этого мнѣ надобно знать его!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*смѣясь*). Вы правы, безъ этого нельзя! Имя мое: Юлій Бенардень!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. А мое Юлія Нервиль, вдова капитана Симмель!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Юлій! Юлія! мы создавы другъ для друга! Боже мой! сердце мое такъ полно, что я не знаю, какъ вамъ выразить все то, что чувствую!

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. О! говорите! говорите!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ. Я внѣ себя отъ радости! (*Стучатъ въ дверь направо*).

ВСѢ. Что это? (*Трактирица идетъ отворять*).

ГОЛОСЪ. Отоprite! я хочу броситься въ объятія моего любезнаго дядюшки!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ (*схватывая трактирицу за руку*). Ради Бога! не отворяйте! Я знаю, что онъ называетъ объятіями своего дядюшки! Въ другой разъ онъ меня не обманетъ! Нѣтъ! чтобъ не оставлять ему наслѣдства, я лучше женюсь самъ.

2010. 7059

